ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Больш. Театра, № 2—32.
1880.

Содержаніе первыхъ семи томовъ

„ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

I. Отъ издателя.—II. Горячее время. Романъ. Часть первая. **Л. Леванды.**—III. Колыбельная пѣснь Гители. Стихотвореніе. **Л. Мандельштамма.**—IV. Еврей о христіанинѣ. Стихотвореніе. **П. Вейнберга.** — V. Мысли о хасидизмѣ **И. Оршанскаго.**—VI. Библейское государство. **Л. Мандельштамма.** — VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ первый. **М. Моргулиса.**—VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очерки быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII вѣка **А. Л.**—IX. Рейхлинъ и Пфефферконъ. Борьба изъ-за Талмуда. Страница изъ исторіи евреевъ. **По Гретцу.** — X. Молодая Палестина. Изъ книги „Жизнь и сочиненіе Гейне“. **А. Штродтмана.** — XI. Подслушанное. Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. **П. Вейнберга.** — XII. Что такое Еврей? **М. Гутмана.**—XIII. Обзоръ современной еврейской литературы. **Л. Гордона.**—XIV. Русскій переводъ Ветхаго Завѣта. **Р. Кулишера.** — XV. Гаазину. Предсмертная пѣснь Моисея. **Л. Мандельштамма.**

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

I. Отъ издателя.—II. Горячее время. Романъ. Часть 2-ая. Жондъ народовый и евреи. Часть 3-я. Панъ Тенчинскій. **Л. Леванды.**—III. Евреи и юдаизмъ временъ возникновенія Талмуда. **Альберта Ревиля.** — IV. Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи. **И. Оршанскаго.**—V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. **А. Л.** — VI. Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи **В. Леванды.**—VII. Еврейская пѣсня (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе **Д. Минаева.**—VIII. Цвѣта Іудеи. (Изъ Франкеля). Стихотвореніе **Д. Минаева.** — IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ второй. **М. Моргулиса.** — X. По поводу постройки синогоги въ Петербургѣ. **В. Стасова.** — XI. Обзоръ еврейской литературы. **Л. Гордона.**—XII. Списокъ подписчикамъ на I томъ „Еврейской Библіотеки“.

СОДЕРЖАНІЕ III-го ТОМА.

I. Моисей. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. **Д. Минаева.**—II. Горячее время. Романъ. (Окончаніе). **Л. Леванды.**—III. Братьямъ. Изъ народныхъ стихотвореній. Л. О. Гордона. **Д. М.**—IV. Субботняя пѣснь. Изъ Франкеля. **Д. Минаева.**—V. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго.**—VI. Мордхе Кизовичъ. Разсказъ **М. Брандштетера.** — VII. Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства. **Д. Слонимскаго.**—VIII. Геръ Цедекъ Быль. **А. Крашевскаго.** IX Высшее берлинское общество и евреи. **А. Гильбрандта.**—X. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. **В. Стасова.** — XI. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. (Окончаніе). **М. Моргулиса.** — XII. По поводу статьи М. Г. Моргулиса. **Л. Леванды.**—XIII. Брафманскіе виды еврейской эксплоатаціи. **Г. Рабиновича.** — XIV. Вѣчно-новый вопросъ. **А. Л.**—XV. Списокъ подписчикамъ на II томъ „Еврейской Библіотеки“.

СОДЕРЖАНІЕ IV-го ТОМА.

I. Пойманникъ. Быль. **Г. Богрова.** — II. Нахумъ Ишь-Гамзу. Талмудическая легенда. **Д. Минаева.** — III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Изъ соч. Сол. Беннета). **А. Л.**— IV. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго.**—V. Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской колоніи 1835—1845). **М. Кули-**[illegible] – VI. Представленія и резолюціи о курляндскихъ евреяхъ при Павлѣ I. [illegible]ическая замѣтка). **З. Минора.**—VII. Дочь Іефѳая. Восточная поэма Аль[illegible]де-Виньи. **Д. Минаева.**—VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. **Л. Леван-**

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ VIII.

ИЗДАНІЕ

А. Е. Ландау.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія **А. Е. Ландау.** Площ. Больш. Театра, 2.
1880.

МОИСЕЙ МЕНДЕЛЬСОНЪ.

(По поводу стопятидесяти-лѣтняго юбилея его рожденія).

«Великою порой» назвалъ Пушкинъ время полтавской побѣды, рѣшившей дальнѣйшую судьбу петровской реформы. «Великой порой» была и для Германіи половина восемнадцатаго вѣка, эпоха реформаторской дѣятельности Фридриха Великаго. Проникнутый просвѣтительными идеями своего времени, Фридрихъ раздвинулъ шлюзы, сдерживавшіе наплывъ этихъ идей изъ Франціи и Англіи въ Германію, и благотворно освѣжилъ умственные интересы и силы своего отечества. Затертые и сдавленные въ колодкахъ самаго узкаго протестантскаго піетизма и всяческой рутины, лучшіе умы Германіи ринулись впередъ тѣмъ съ большею энергіей, чѣмъ дольше они были сдерживаемы прежде системой предшественника Фридриха Великаго, повлекшей за собою гоненія, въ родѣ изгнанія философа Вольфа изъ Галле. Новыя идеи французскихъ и англійскихъ мыслителей, системы Лейбница, Вольфа и Спинозы стали при Фридрихѣ Великомъ предметомъ открытаго и свободнаго обсужденія. Приволье и просторъ открылись для нѣмецкой мысли во всѣ стороны. Успѣхамъ умственной жизни соотвѣтствовали военныя побѣды даровитаго и энергическаго короля, поднявшія высоко уровень національнаго самознанія. Пріобщенный самъ движенію своего времени, этотъ живой и практическій умъ сегодня работалъ надъ важнѣйшими въ то время философскими вопросами, а завтра одерживалъ побѣду или терпѣлъ пораженіе. При такихъ условіяхъ, военное время не прерывало на-долго умственной жизни общества. Разъ начавшееся движеніе продолжалось безостановочно, и плодомъ его были сначала Лессингъ и его кружокъ, а потомъ и вся классическая литература Германіи, съ Шиллеромъ и Гете во главѣ.

Оно бросило плодотворное зерно въ жалкую, униженную, разобщенную съ остальнымъ міромъ и погрязшую въ суевѣріяхъ и предразсудкахъ среду

нѣмецкихъ евреевъ. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, этихъ несчастныхъ отверженцевъ общества уже не подвергали пыткамъ, не жгли и не грабили, какъ въ средніе вѣка; но ради государственныхъ соображеній и общей пользы, надъ ними еще тяготѣла масса законодательныхъ стѣсненій, искусственно поддерживавшихъ ихъ особность и низкую степень умственнаго развитія. Во многихъ городахъ евреи совсѣмъ не имѣли права жить; въ другихъ они допускались только въ опредѣленномъ числѣ; въ иномъ городѣ, гдѣ евреи могли селиться, имъ запрещено было жить въ угловыхъ домахъ; въ другомъ имъ дозволялось только опредѣленное количество браковъ, и вездѣ приходилось платить, кромѣ общихъ государственныхъ налоговъ, еще и разные спеціальные сборы, нерѣдко самаго оскорбительнаго свойства. При Фридрихѣ Вильгельмѣ I берлинскіе евреи должны были покупать животныхъ, убитыхъ на большихъ придворныхъ охотахъ. Подобные порядки дотого вошли въ нравы и укоренились, что и при Фридрихѣ Великомъ каждый еврей, вступая въ бракъ, былъ обязанъ тратить извѣстную сумму на покупку фарфоровыхъ издѣлій съ вновь основанной королевской фарфоровой фабрики, и притомъ не по собственному выбору, а по усмотрѣнію фабрики, которая, такимъ образомъ, сбывала свой полежалый товаръ. Единственнымъ средствомъ къ пропитанію служило имъ мелкая торговля, и то не вся: они, напримѣръ, не имѣли права торговать москательнымъ товаромъ, составлявшимъ предметъ особаго цеховаго промысла, и торговали исключительно старымъ платьемъ, мелочнымъ товаромъ да деньгами. Торговля деньгами дѣлала ихъ по преимуществу ростовщиками. Ни одно болѣе благородное занятіе не было имъ доступно, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже и великое движеніе умовъ въ эпоху реформаціи и возрожденія не коснулось еврейской среды, затертой, подавленной своимъ вѣковымъ униженнымъ положеніемъ и поглощенной заботами о насущной копейкѣ. Совершенно разобщенная съ остальнымъ міромъ, еврейская среда ушла въ себя, въ свои допотопные обычаи и преданія, представлявшіе ей единственную нравственную и общественную точку опоры. Самосохраненіе заставило ихъ сплотиться, поддерживать другъ друга и съ ревностью, близкой къ изувѣрству, охранять свою народность и вѣру отъ всякаго притока свѣжаго и вольнаго воздуха извнѣ. Строгая семейная жизнь, безусловная преданность своему племени и узкая религіозность отличали это племя въ тогдашней Пруссіи; старыя, давно сложившіяся формы жизни сковали его по рукамъ и по ногамъ. Евреи имѣли свой языкъ—какую-то варварскую смѣсь еврейскаго съ нѣмецкимъ, свой особенный способъ одѣваться, держать себя, убирать волосы и носить бороду: всѣмъ этимъ внѣшнимъ мелочамъ придавалось преувеличенно-важное значеніе. Еврея можно было узнать за версту. Единственнымъ предметомъ ихъ ученія были священныя книги; ученіе было мертво, вращалось около буквы, и не давало никакого умственнаго развитія. Литературнымъ языкомъ евреевъ оставался древне-еврейскій языкъ, совсѣмъ непригодный для выраженія новыхъ идей и понятій. Нѣмецкаго литературнаго языка они совсѣмъ не знали: онъ считался даже нечистымъ, ему запрещали учиться. Наставниками еврейской среды были большею частью польскіе евреи, тоже не знавшіе нѣмецкаго языка и систематически поддерживавшіе общее невѣжество. Гоненіе на всякую новизну, на всякій признакъ современнаго образованія, и упорное отстаиваніе укоренившагося обычая — вотъ что ставили себѣ главною задачей вышедшіе изъ Польши раввины, ревниво охранявшіе свое вліяніе и свою власть надъ темною еврейскою массой. Учиться чему-нибудь, кромѣ раввинской мудрости, хорошо говорить по-нѣмецки или читать нѣмецкую книгу считалось ересью и святотатствомъ.

Въ эту-то, повидимому, непроницаемую среду религіозной и бытовой исключительности, суевѣрія и невѣжества, незатронутую даже и сильными вліяніями реформаціи и возрожденія, прорвался могучій духъ восемнадцатаго вѣка и, нарушивъ ея низменный, жалкій покой, захватилъ ее въ общій круговоротъ европейскаго движенія. Окаменѣлая среда прусскаго еврейства, конечно, не сразу подалась его всесильному вліянію. Чѣмъ неподвижнѣе и крѣпче обычные устои среды, тѣмъ медленнѣе совершаются въ ней процессы общественнаго перерожденія. Но въ половинѣ восемнадцатаго вѣка было положено безспорное начало тому реформаторскому движенію, которое потомъ пріобщило прусское еврейство къ обще-европейской цивилизаціи.

Посредницей между ними явилась, какъ всегда бываетъ и не можетъ не быть въ подобныхъ случаяхъ, высшая сравнительно культура страны, въ которой евреи жили особымъ народомъ,—нѣмецкая культура.

По виду, на поверхности, все еще шло по старому въ тихомъ еврейскомъ болотѣ. Только мѣстами, кое-гдѣ, показались огоньки, замѣтные немногимъ, но потомъ разгорѣвшіеся въ яркое пламя. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, въ еврейской средѣ Пруссіи произошло нѣчто подобное тому, чему, на первыхъ порахъ петровской реформы, былъ свидѣтелемъ нашъ Холмогорскій уѣздъ, когда юный Ломоносовъ уходилъ оттуда учиться въ Москву. Четырнадцатилѣтній сынъ бѣднаго писца и учителя еврейской общины въ Дессау, Менделя, по имени Моисей, безъ средствъ и одинокій, пробрался изъ Дессау въ Берлинъ, томимый жаждой знанія и свѣта, и

собственными силами, почти самоучкой, достигъ широкаго по тому времени умственнаго развитія и образовательнаго вліянія не только на свою бѣдную и приниженную еврейскую среду, но и на тогдашнюю нѣмецкую литературу и публику.

I.

Этотъ даровитый юноша-еврей, въ душѣ котораго зажглась первая просвѣтительная искра вѣка, родился въ 1729 году (6 сентября). Отецъ его былъ бѣденъ и занималъ крайне зависимое положеніе учителя еврейской начальной школы въ городкѣ Дессау. Онъ принадлежалъ, по тогдашнему, къ болѣе образованнымъ евреямъ и съ такою строгостью обучалъ своего сына, чему только могъ научить его, что раннее первоначальное ученіе горько отозвалось потомъ на сынѣ слабымъ здоровьемъ и искривленіемъ позвоночнаго столба. Мальчикъ уже пяти лѣтъ переросъ учительскія знанія своего строгаго отца, и послѣдній сталъ посылать его въ болѣе крупную школу нѣкоего рабби Френкеля. Мальчикъ страстно привязался къ новому учителю и сталъ его ревностнѣйшимъ ученикомъ. Но Френкель вскорѣ былъ призванъ въ Берлинъ на мѣсто главнаго раввина, и въ едва лишь начавшейся жизни юноши наступила критическая минута. Отецъ его былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы давать ему средства къ дальнѣйшему ученію; ему предстояло сдѣлаться разнощикомъ мелкаго товара, бродить изъ деревни въ деревню, и такимъ образомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но мальчикъ не убоялся нужды и тяжкихъ испытаній, неизбѣжно ожидавшихъ его въ чужомъ городѣ. Рѣшившись искать образованія въ Берлинѣ, онъ добрался одинъ изъ Дессау до Розентальскихъ воротъ бранденбургской столицы, единственныхъ, въ которыя могли проходить пришельцы-евреи, добрался въ смутномъ ожиданіи образовательной помощи отъ бывшаго своего учителя, теперь главнаго раввина, Френкеля.

Самая горькая нужда не замедлила наложить на пришлаго юношу свою тяжелую лапу въ Берлинѣ. Нищета его доходила до того, что, покупая себѣ хлѣбъ на недѣлю, онъ долженъ былъ отмѣчать на немъ свои денныя порціи, чтобы къ концу недѣли не остаться и совсѣмъ безъ пищи. Живя гдѣ-то подъ крышей, онъ зарабатывалъ копейки перепиской, которую доставлялъ ему Френкель; но страсть къ ученью не покидала его ни на минуту. Еврею въ то время было очень трудно пробиться въ христіанской средѣ. Никакого общенія между христіанами и евреями не существовало. Образовательныя средства, доступныя для христіанъ, были совершенно недоступны для евреевъ; но еслибъ они и были доступны, то нетерпимость

раввиновъ не остановилась бы ни передъ чѣмъ, чтобы недопустить евреевъ до христіанскаго образованія. Кромѣ личныхъ сношеній съ немногими, сравнительно болѣе просвѣщенными, единовѣрцами, юному пришельцу негдѣ было бы чему нибудь научиться, если-бъ у него не достало характера и воли, чтобы собственными силами преодолѣть неимовѣрныя трудности своей задачи и своего положенія. Мало того, что онъ не могъ получить никакого систематическаго обученія, онъ еще долженъ былъ тщательно утаивать свои занятія отъ единовѣрцевъ, чтобы не подвергнуться высылкѣ изъ Берлина.—„Я предвижу, что онъ составитъ честь своей націи“, писалъ о немъ Лессингъ: „если только ему дадутъ созрѣть собственные его единовѣрцы, всегда движимые несчастнымъ духомъ преслѣдованія противъ подобныхъ людей“. Евреи не останавливались передъ произвольными мѣрами, когда замѣчали въ своемъ единовѣрцѣ признаки зараженія зловреднымъ нѣмецкимъ просвѣщеніемъ. Тайно пришлось ему сдѣлать первый, важнѣйшій шагъ къ общему образованію—выучиться по-нѣмецки. Одинъ еврей, указаніями котораго онъ пользовался въ этомъ дѣлѣ, былъ пойманъ въ то время, когда несъ ему нѣмецкую книгу, и тотчасъ высланъ изъ города старшиною еврейской общины. Еврейскій врачъ, Кишъ, втеченіе полугода, ежедневно по четверти часа, помогалъ ему въ изученіи латинскаго языка, другой обучалъ его французской грамотѣ; но эта помощь была каплей въ морѣ въ сравненіи съ тѣми знаніями, которыя онъ усвоилъ себѣ впослѣдствіи.

Матеріальное положеніе молодаго Мендельсона нѣсколько улучшилось лишь въ 1750 году. Двадцати-одного года отъ роду, онъ получилъ приглашеніе занять мѣсто домашняго учителя въ семьѣ фабриканта шелковыхъ издѣлій, богатаго берлинскаго еврея Бернгарда. Мѣсто домашняго учителя разомъ сняло съ него заботы о насущномъ хлѣбѣ, а въ свободные часы онъ съ жадностью продолжалъ изучать все, что только могло быть доступно ему въ то время. Древніе и новые языки, математика, литературные и философскіе вопросы—все привлекало его, но, разумѣется, урывками. Онъ быстро схватывалъ понятія, быстро овладѣвалъ изучаемымъ предметомъ; но пробѣлы въ его образованіи были неизбѣжны. Самъ онъ часто жаловался потомъ на свое малое знакомство съ исторіей. „Что знаю я въ исторіи?“ писалъ онъ въ 1765 году своему другу, историку Абту. „То, что носитъ названіе исторіи: естественная исторія, исторія земли, государственная исторія, исторія науки, — никогда не шло мнѣ въ голову, и я всегда злюсь, когда долженъ читать что-нибудь историческое, если меня не ободряетъ самый способъ изложенія. Мнѣ кажется, исторія принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которымъ нельзя научиться безъ учителя“. Онъ

писалъ о томъ-же въ другомъ мѣстѣ: «Скажите же мнѣ, дорогой другъ, что мнѣ дѣлать, чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе объ исторіи древнихъ и новыхъ временъ? До сихъ поръ я считалъ исторію больше наукой гражданина, чѣмъ наукой человѣка, и думалъ, что человѣкъ, не имѣющій отечества, не можетъ извлечь для себя никакой пользы изъ исторіи. Но я вижу теперь, что исторія гражданскихъ порядковъ не совпадаетъ съ исторіей человѣчества, и что нельзя оставаться совершеннымъ невѣждой въ ней. Съ чего начать? Приняться-ли самому за источники, или довольствоваться тѣми всемірными исторіями, которыя съ нѣкотораго времени въ такомъ большомъ ходу? И какую изъ нихъ вы мнѣ рекомендуете?»

Но время не благопріятствовало историческимъ занятіямъ. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка возникали одинъ за другимъ крупные литературные и философскіе вопросы: они поглощали всего человѣка, принимавшаго ихъ къ сердцу, отъ нихъ надо было отправляться во всякой умственной работѣ, они одни расчищали путь къ знанію, заваленный разнообразными историческими наносами и наслоеніями. Въ этихъ вопросахъ нѣмецкая образованность встрѣчалась съ общечеловѣческими вѣяніями времени, и мыслящій, любознательный еврей долженъ былъ примкнуть къ живымъ ея задачамъ, чтобы стать въ уровень съ современностью и проложить своимъ единовѣрцамъ дорогу къ лучшему будущему.

Достигнувъ неимовѣрными усиліями замѣчательнаго по тому времени умственнаго развитія и нѣкоторыхъ знаній, Мендельсонъ сблизился съ лучшими тогдашними нѣмецкими литературными силами; Лессингъ и Николаи стали его друзьями. Въ тѣсномъ союзѣ съ ними, онъ открылъ тѣ смѣлые литературные походы противъ умственнаго застоя, религіозной нетерпимости и моднаго подражанія французамъ, которые доставили ему извѣстность даровитаго нѣмецкаго писателя еврейскаго происхожденія. Въ то время вопросъ религіозной терпимости былъ вопросомъ первой важности для мыслящихъ людей. То былъ вопросъ о свободѣ мысли и совѣсти вообще, о завоеваніи ей правъ гражданства въ государствѣ и литературѣ. Въ своемъ широкомъ и общемъ значеніи, онъ обнималъ не только судьбы того или другого отдѣльнаго вѣроисповѣданія, но и судьбы всей умственной жизни человѣчества. Онъ имѣлъ поэтому высокую важность не для однихъ униженныхъ и отверженныхъ евреевъ, онъ становился вопросомъ жизни для самого нѣмецкаго народа, и на немъ-то именно сошлись прежде всего люди двухъ разобщенныхъ между собою національностей и вѣрованій, какъ Лессингъ и Мендельсонъ. Порвавъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ съ римско-

католическимъ церковнымъ преданіемъ, нѣмецкій протестантизмъ тѣмъ крѣпче уцѣпился потомъ за букву своего вѣроученія, что духъ реформаціи въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи долженъ былъ рано или поздно коснуться и его церковнаго авторитета. Протестантизмъ сталъ исключителенъ, нетерпимъ, сталъ относиться враждебно къ критической работѣ мысли, пользуясь въ этомъ направленіи полнымъ содѣйствіемъ свѣтской власти, государства. Отъ его союза съ властью терпѣли не одни евреи, не одни иновѣрцы; отъ него терпѣли общіе интересы нѣмецкой народной жизни и мысли. Сблизившись въ горячую пору борьбы за великій принципъ свободы, Лессингъ и Мендельсонъ разошлись впослѣдствіи въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Великій представитель тогдашняго возрожденія нѣмецкой литературы, Лессингъ, пошелъ дальше представителя еврейской интеллигенціи, Мендельсона; самостоятельно работая въ одномъ съ нимъ направленіи, Лессингъ пришелъ къ идеямъ Спинозы, которыя всегда оставались чужды его еврейскому союзнику. Кругозоръ и задачи Лессинга были шире уже по самому его воспитанію, по принадлежности его историческому народу, призванному продолжать великое дѣло общечеловѣческой образованности. Мендельсонъ, напротивъ, по необходимости имѣлъ прежде всего въ виду печальныя судьбы своего несчастнаго племени. Но въ принципѣ оба они, и Лессингъ, и Мендельсонъ, стояли за одно кровное дѣло человѣчества, которому оба оказали большія услуги. Плодомъ ихъ литературной дѣятельности было, съ одной стороны, широкое развитіе нѣмецкой литературы и науки, съ другой—умственная и гражданская эманципація еврейскаго племени въ Германіи.

Замѣчательно, что первою философскою нѣмецкою книгой, которую прочелъ молодой Мендельсонъ, былъ трактатъ Рейнбека объ аугсбургскомъ исповѣданіи, случайно найденный имъ у одного еврейскаго закладчика. Приведенные въ этомъ трактатѣ доводы бытія Божія раскрыли передъ нимъ, не имѣвшимъ до тѣхъ поръ никакого понятія о христіанской теологіи и философіи, совершенно новый міръ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ прочелъ онъ потомъ латинскій переводъ знаменитаго сочиненія Локка о познавательныхъ способностяхъ человѣка. Извѣстный въ то время книгопродавецъ-издатель и другъ Мендельсона, Николаи, разсказываетъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Мендельсона съ Лессингомъ, что первый отыскивалъ въ лексиконѣ каждое непонятное ему слово — а такихъ словъ въ переводѣ Локка было больше, чѣмъ понятныхъ, пока ему не удавалось грамматически понять два, три періода. Потомъ онъ принимался вникать въ ихъ смыслъ. Локкъ всегда оставался потомъ главнымъ руководителемъ

Мендельсона въ его литературныхъ и философскихъ работахъ; но и другіе англійскіе мыслители и моралисты, особенно Шафтсбэри, имѣли на него, какъ и на многихъ образованныхъ людей тогдашней Германіи, огромное вліяніе. Рядомъ съ англійскими писателями, онъ изучалъ философскіе системы Вольфа и Лейбница, и, пользуясь ими, выработалъ себѣ извѣстныя основныя, чисто-метафизическія положенія, которымъ оставался вѣренъ всю жизнь, между тѣмъ какъ другъ его Лессингъ самостоятельно освободился изъ-подъ вліянія быстро старѣвшей въ то время лейбницевольфовой философіи.

II.

Духъ сомнѣнія и самостоятельной провѣрки установившихся понятій овладѣлъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка всѣми, кого хотя сколько нибудь коснулись просвѣтительныя идеи времени. Въ высшихъ слояхъ нѣмецкаго общества господствовало вліяніе французскихъ писателей, и даровитѣйшимъ представителемъ этой среды былъ Фридрихъ Великій. Въ ученыхъ, литературныхъ и сколько-нибудь образованныхъ среднихъ слояхъ преобладало, напротивъ, вліяніе нѣмецкихъ мыслителей Лейбница и Вольфа, и англійскихъ деистовъ. Мендельсонъ былъ только выразителемъ общаго настроенія этихъ слоевъ, когда писалъ въ своемъ первомъ сочиненіи—„Философскихъ Бесѣдахъ“: «Вамъ, Локкъ и Вольфъ, и тебѣ, безсмертный Лейбницъ, ставлю я вѣчный памятникъ въ моемъ сердцѣ; васъ самихъ я никогда не зналъ, но ваши незабвенныя творенія, которыхъ не читаетъ большой свѣтъ и къ которымъ, въ часы уединенія, я обращался съ мольбою о помощи, навели меня на вѣрный путь къ истинной міровой мудрости, къ познанію самого себя и моего происхожденія; они глубоко начертали въ душѣ моей священныя истины, на которыхъ зиждется мое счастіе, они воспитали меня!“ Въ то время какъ высшее общество, только по виду походившее на своего мыслящаго короля, довольствовалось моднымъ, игривымъ и легкимъ скептицизмомъ, группа талантливыхъ литературныхъ работниковъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Лессингу, съ жаромъ принялась за популяризацію и распространеніе первыхъ результатовъ свободнаго изслѣдованія. Эти популярные философы не были великими самостоятельными мыслителями, творцами новыхъ философскихъ системъ; но они были просвѣтителями страны въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, они расчистили и засѣяли поле, которое принесло потомъ роскошный плодъ. Всѣ они были деистами, въ смыслѣ Локка и Вольфа. Спиноза не былъ понятъ ими, за исключеніемъ Лессинга, который къ концу жизни вышелъ изъ рамокъ тогдашней популярной философіи, и дошелъ до Спинозы одинъ, силою своего необыкновеннаго таланта. Будучи популярными, практическими мыслителями и моралистами, они допускали и откровеніе, по скольку оно согласовалось въ ихъ глазахъ съ тѣмъ, что они признавали естественной религіей разума. Крупное историческое значеніе ихъ заключается не въ чисто-научныхъ ихъ работахъ, а въ глубокомъ, просвѣтительномъ вліяніи на общество и на самую жизнь. До конца боролись они противъ тѣхъ темныхъ силъ и мнѣній, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, которыя служили преградой новымъ стремленіямъ къ свободѣ вѣрований и убѣжденій. Въ религіозной сферѣ борьба эта не приняла въ Германіи того безусловно-отрицательнаго и страстнаго характера, какой имѣла она въ католическихъ странахъ, особенно во Франціи; нѣмецкіе просвѣтители нападали не на христіанство вообще, а только на условія и формы церковной жизни, задерживающія движеніе, на нетерпимость и властолюбіе церковниковъ. Въ этихъ предѣлахъ они вели свою просвѣтительную борьбу съ замѣчательною стойкостью, силой и послѣдовательностью. Просвѣщенное правленіе Фридриха Великаго вполнѣ развязывало имъ руки. Въ то время, въ виду военныхъ обстоятельствъ, прусскій подданный былъ обремененъ и налогами, и ненужными административными формальностями, стѣснявшими его въ обыденной жизни; но онъ могъ свободно высказываться въ печати, могъ публично обсуждать вопросы философіи, религіи, морали. Мендельсонъ, принадлежавшій самъ къ издавна отверженной и угнетенной религіи, смѣло могъ высказывать тогда свое мнѣніе о необходимости полнаго отдѣленія церкви отъ государства—мнѣніе, которое и теперь, сто слишкомъ лѣтъ спустя, еще только приближается къ своему осуществленію. Геттнеръ, въ своей „Исторіи литературы восемнадцатаго вѣка“, остроумно говоритъ о популярной философіи тогдашнихъ просвѣтителей Германіи, что именно ихъ научная слабость до Канта и составляла ихъ историческую силу. Только въ этой формѣ могли проникнуть въ массу просвѣтительныя идеи вѣка. Въ общемъ строѣ понятій совершалось относительно спокойная и медленная, но глубоко проникавшая умы и неизгладимая реформа. Она распространялась не на одну только область религіозныхъ воззрѣній, но кореннымъ образомъ затрогивала и перерабатывала идеи права и морали. Нѣмецкіе популярные философы любили поэтому сравнивать свою дѣятельность съ дѣятельностью Сократа. Мендельсонъ влагалъ ему въ уста свои соображенія о безсмертіи души, Эбергардъ—свое новое ученіе о нравственности. Человѣкъ и его назначеніе, его внутренній міръ и отношеніе къ обществу были любимыми ихъ

предметами самаго тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія, и все, что въ дѣйствительномъ мірѣ не отвѣчало правамъ и назначенію человѣка, подвергалось ихъ рѣшительной и неумолимой критикѣ. Отсюда дѣятельные попытки анализировать нравственныя и эстетическія побужденія и ощущенія человѣка, отсюда ярко выдающееся стремленіе того времени поднять уровень общественнаго воспитанія и развитія и способствовать освобожденію низшихъ классовъ.

Самоучка Мендельсонъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей этой плодотворной эпохи, во главѣ которой стояли, съ практической стороны Фридрихъ Великій, съ литературной—Лессингъ. Знакомство Мендельсона съ Лессингомъ относится къ началу 1754 года. Оба они были еще въ цвѣтѣ молодости: каждому было не больше двадцати-четырехъ лѣтъ. Общіе интересы сблизили ихъ, и они оставались друзьями и сотрудниками въ общемъ дѣлѣ до самой смерти Лессинга, раньше сошедшаго въ могилу. Впослѣдствіи самъ Мендельсонъ разсказывалъ своему сыну Іосифу, какъ неожиданно Лессингъ преобразилъ его въ писателя. Въ 1754 году Мендельсонъ передалъ ему на просмотръ свою рукопись: „Философскія Бесѣды“; прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Лессингъ все молчалъ о ней при встрѣчахъ съ своимъ пріятелемъ. Когда послѣдній рѣшился, наконецъ, спросить, прочелъ-ли онъ его сочиненіе, Лессингъ вручилъ ему это сочиненіе, въ видѣ книги: онъ напечаталъ его, сюрпризомъ для автора, у своего издателя Фосса. Главною цѣлью этихъ „Бесѣдъ“ была популяризація, распространеніе и защита философіи Лейбница противъ нападковъ, которые только-что были направлены на нее Вольтеромъ въ „Кандидѣ“. При тогдашнихъ условіяхъ, это было очень важно. Вольтеръ былъ любимецъ великаго короля, который отрицалъ всякое значеніе нѣмецкой науки, считалъ ее тяжеловѣсною, неуклюжей, непригодной для отраженія блестящихъ идей своего времени, и упорно оставался поклонникомъ французскаго языка, идей и литературы. Король былъ правъ въ томъ смыслѣ, что нѣмецкая литература нуждалась въ радикальномъ обновленіи; но именно необходимость ея обновленія всего лучше сознавали литературные дѣятели того времени; они только не относились къ возможности желаннаго обновленія съ такимъ предубѣжденіемъ, съ такимъ пессимизмомъ, какъ Фридрихъ. Они отстаивали поэтому все то, что представляла лучшаго прежняя и современная литература, особенно Лейбница и Вольфа, и, вмѣсто блестящихъ французскихъ нравовъ и идей, которыми жило изо дня въ день высшее общество, усвоили себѣ и распространяли въ публикѣ просвѣтительныя идеи солидныхъ англійскихъ деистовъ. Они тоже хотѣли поднять нѣмецкую литературу на уровень современности, но надѣялись сдѣлать это не по чужому, не по французскому образцу, а самостоятельно, по-своему. Таковъ былъ и смыслъ брошюры, вышедшей почти одновременно съ „Философскими Бесѣдами“ Мендельсона, подъ заглавіемъ: «Попе-метафизикъ“, и направленной противъ Мопертюи, президента берлинской академіи. Брошюра эта была написана сообща Лессингомъ и Мендельсономъ. Первому принадлежала ея критико-эстетическая часть, второму—историко-философская. Дѣло въ томъ, что Мопертюи предложилъ темой на премію защиту изреченія Попе — „all is right“, и предложилъ съ цѣлью нанести косвенный ударъ Лейбницу. Лессингъ хотѣлъ осмѣять ученую корпорацію, которая имѣла глупость упустить изъ виду разницу между Лейбницемъ и Попе, усмотрѣть въ послѣднемъ систематическаго мыслителя и, какъ онъ выразился, «затѣять серьозныя изслѣдованія о поддѣльной бородѣ“. Въ концѣ того же года вышли и „Письма объ ощущеніяхъ“, Мендельсона. Въ «Философскихъ Бесѣдахъ» и брошюрѣ о берлинской академіи Мендельсонъ былъ только горячимъ сторонникомъ и популяризаторомъ Лейбница и Вольфа; въ „Письмахъ объ ощущеніяхъ“ онъ уже идетъ дальше, онъ является ученикомъ Локка и Шафтсбэри, онъ уже допускаетъ односторонность Лейбница и Вольфа, признававшихъ дѣятельность нашихъ чувствъ явленіемъ низшаго порядка, приводящимъ къ однимъ только темнымъ представленіямъ. Мендельсонъ доказывалъ также, что не одно только „смутное чувство служитъ источникомъ всѣхъ отрадныхъ ощущеній“. „Нѣтъ, говоритъ онъ, еслибъ это было такъ, то Провидѣніе уже слишкомъ несправедливо распредѣлило бы свои дары; оно дало бы тогда существамъ высшаго порядка право горько жаловаться на судьбу. Оно дало бы имъ право сказать: „Ты наложило на насъ свое проклятіе, даровавъ намъ просвѣтленныя души; мы понимаемъ все яснѣе, чѣмъ существа, стоящія ниже насъ,—жалкое преимущество, закрывающее намъ всѣ пути къ удовольствію! Намъ недостаетъ смутныхъ ощущеній, этого источника всякой отрады, которымъ богато одарены низшія существа“. Или мы хотимъ перевернуть порядокъ, и существа, наиболѣе прилѣпленныя къ чувствамъ, должны достигать высшихъ ступеней созданія, ангелы—стоять ниже людей, а сами люди—ниже неразумныхъ животныхъ? Нѣтъ, только наша слабость дѣлаетъ смутное ощущеніе необходимымъ спутникомъ отрады. Чистая радость души, разсматриваемая какъ опредѣленіе духа, должна имѣть свои корни въ положительныхъ силахъ нашей души, а не въ ограниченіи этихъ коренныхъ силъ!“ Тутъ не было, конечно, никакихъ новыхъ философскихъ откровеній, но было серьозное, общедоступное и изящное изложеніе новыхъ англійскихъ

воззрѣній, дѣйствовавшее не на одинъ только разсудокъ, но и на сердце читателя. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ историку Абту самъ Мендельсонъ говоритъ, что поставилъ себѣ задачей быть доступнымъ не ученымъ только, но и не ученымъ. По примѣру Шафтсбэри, онъ удивлялся неподражаемой легкости Платона, которая такъ тиха и величественна, что тому, кто не знакомъ съ техникой писательской работы, можетъ показаться, будто изложеніе не стоило Платону никакихъ усилій. Недостаточно составить и закруглить періодъ, писалъ онъ: тайна хорошаго изложенія заключается скорѣе въ умѣньѣ рукою мастера стереть съ него трудовой потъ работы. Еще Лейбницъ жаловался на непригодность нѣмецкаго языка для обсужденія философскихъ вопросовъ; Вольфъ далъ нѣмецкому языку сильный толчокъ въ этомъ отношеніи, а Мендельсонъ, хотя и еврей, сравнительно поздно научившійся писать по-нѣмецки, уже владѣлъ этимъ языкомъ въ совершенствѣ, говорилъ и писалъ на немъ о философіи такъ красиво, какъ не говорилъ и не писалъ никто изъ прежнихъ авторовъ. Изложеніе его было ясно и привлекательно, и этому въ значительной степени обязана тогдашняя популярная философія своимъ распространеніемъ въ средѣ людей, не обладавшихъ большимъ образованіемъ.

III.

Однако-же дальнѣйшія работы Мендельсона были посвящены не философіи, а эстетикѣ. И это понятно. Не призванный создать новую философскую систему, онъ естественно обратился къ той области, задачи которой, при тогдашнемъ построеніи умовъ и состояніи литературы, очень близко соприкасались съ вопросами философіи, морали и общественности. Русская литература хорошо знакома съ разностороннимъ характеромъ этой области по критической дѣятельности Бѣлинскаго. Тонкій критикъ художественныхъ произведеній литературы, Бѣлинскій былъ въ тоже время просвѣтителемъ и воспитателемъ цѣлаго поколѣнія по многимъ вопросамъ общественности и морали. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, эстетика совсѣмъ не стояла въ Германіи особнякомъ, разобщенная съ другими интересами общаго образованія и развитія, какъ это случилось съ нею впослѣдствіи. Теоретическое изслѣдованіе еще не отграничило ее рѣзкою гранью отъ другихъ областей мысли и знанія, еще не выясняло ея несостоятельности и безпомощности въ этомъ разобщенномъ положеніи, вслѣдствіе которыхъ въ наше время такъ живо ощущается настоятельная потребность снова связать ее съ руководящими идеями и задачами времени. Въ половинѣ восемнадцатаго вѣка, область эстетики обнимала и литературныя, и моральныя, и общественныя задачи. Руководителемъ литературы въ этомъ смыслѣ былъ, конечно, Лессингъ; но и Мендельсону принадлежала въ ней очень видная роль.

Внѣшнимъ поводомъ къ работамъ по эстетекѣ послужило для Мендельсона періодическое изданіе, предпринятое въ 1757 году его пріятелемъ и также однимъ изъ литераторовъ того времени, книгопродавцемъ Николаи. Его „Библіотека изящныхъ знаній“ не ограничилась критическимъ обзоромъ явленій одной только нѣмецкой литературы. Она говорила также о литературѣ Франціи, Англіи и Италіи. Но особенное ея значеніе для Германіи заключалось въ томъ, что она сослужила большую службу развитію нѣмецкой драмы. Нѣмецкая критика начинала въ то время, подъ вліяніемъ Лессинга, окончательно расходиться съ французскими образцами, особенно въ драматическомъ родѣ, и высоко цѣнить правдивость, разнообразіе и силу произведеній Шекспира. Литературная критика пролагала себѣ новые пути, и именно съ этою цѣлью Николаи, впервые выступившій на литературное поприще съ „Письмами о настоящемъ состояніи изящныхъ знаній въ Германіи“, предпринялъ изданіе „Библіотеки изящныхъ знаній и свободныхъ исскуствъ“, въ которомъ приняли дѣятельное участіе Лессингъ и Мендельсонъ. Послѣдній писалъ по этому поводу Лессингу въ 1756 году: „Я получилъ изрядный поводъ сдѣлаться bel-esprit. Да проститъ мнѣ это госпожа метафизика. Она утверждаетъ, что дружба основана на сходствѣ наклонностей; я же нахожу, наоборотъ, что сходство наклонностей можетъ основываться на дружбѣ. Дружба съ вами и съ Николаи сдѣлала то, что я отнялъ часть моей любви у этой почтенной матроны и принесъ въ даръ эту часть моей любви изящнымъ знаніямъ. Нашъ общій другъ даже избралъ меня сотрудникомъ своей „Библіотеки“; но я боюсь, что выборъ его окажется неудачнымъ“. Между тѣмъ, его теорія ощущеній была тѣсно связана съ эстетическими задачами, стоявшими въ то время на очереди, и самъ онъ началъ одинъ изъ своихъ эстетическихъ трактатовъ заявленіемъ, что въ правилахъ изящнаго, ощущаемыхъ художникомъ и познаваемыхъ критикомъ, скрыты глубочайшія тайны души, что каждое правило изящнаго является въ то-же время и новымъ открытіемъ въ ученіи о душѣ человѣка. Придерживаясь въ своихъ статьяхъ Вольфа и англійскихъ мыслителей, Мендельсонъ продолжалъ ихъ дѣло и далъ дальнѣйшее развитіе ихъ основнымъ положеніямъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна появившаяся въ „Библіотекѣ“ статья его объ „источникахъ и точкахъ соприкосновенія изящныхъ искусствъ и наукъ“, которая потомъ вошла въ переработанномъ видѣ въ философскія сочиненія Мендельсона, подъ названіемъ: „О главныхъ основа-

ніяхъ изящныхъ искусствъ и наукъ". Рядомъ съ устарѣлыми теперь мнѣніями, въ этой статьѣ была впервые высказана мысль, что ваяніе и живопись, не пользуясь, подобно поэзіи, произвольными знаками азбуки, а располагая только естественными и чувственными знаками, по самой природѣ своей ограничены подлежащими чувственному выраженію предметами, и что скульпторъ и живописецъ, изображая свои предметы не въ послѣдовательномъ ихъ развитіи, какъ это дѣлаетъ поэтъ, а въ одномъ только моментѣ, должны сосредоточивать въ этомъ моментѣ весь свой сюжетъ и избирать моментъ наиболѣе выразительный и характерный. Эта плодотворная мысль, ставшая съ тѣхъ поръ достояніемъ теоріи искусствъ, была впослѣдствіи самостоятельно и разносторонне развита Лессингомъ, въ его знаменитомъ «Лаокаонѣ». Еще важнѣе были статьи Мендельсона для психологической стороны эстетики. Въ нихъ онъ подвергалъ остроумному изслѣдованію отдѣльныя ощущенія, какъ основы и причины художественнаго творчества, и впечатлѣнія, производимыя художественнымъ произведеніемъ. Сюда относится, напр., статья «О высокомъ и наивномъ въ области изящнаго», написанная имъ прежде, чѣмъ онъ познакомился съ извѣстнымъ сочиненіемъ англійскаго писателя Борка о возвышенномъ и прекрасномъ, имѣвшимъ тотъ же характеръ. Мысли, высказанныя Мендельсономъ въ этой статьѣ, были новы въ нѣмецкой литературѣ; слѣды ихъ встрѣчаются потомъ и въ Лессинговомъ „Лаокаонѣ", и въ теоретическихъ сочиненіяхъ Шиллера. И Мендельсонъ, и Боркъ доказывали, что тѣ силы души, которыя у Лейбница и Вольфа названы темными и низшими, должны быть признаны своеобразными и творческими силами. Въ Германіи Мендельсонъ первый высказалъ и сдѣлалъ общедоступною замѣчательную мысль Борка, что въ художествѣ всегда и вездѣ преобладаетъ чистое, безцѣльное и безстрастное созерцаніе, и что это чистое созерцаніе отличаетъ понятія объ изящномъ и ощущеніе изящнаго отъ родственныхъ имъ понятій и ощущеній истины и добра. До тѣхъ поръ эти понятія и ощущенія совсѣмъ не различались въ наукѣ и критикѣ. Попе и другіе послѣдователи французской школы въ Англіи составляли свои критическія и теоретическія воззрѣнія и руководящія правила въ области художественнаго творчества на основаніи лучшихъ художественныхъ произведеній, и потому ограничивались чисто-техническими указаніями. Смѣнившіе ихъ моралисты и мыслители пошли гораздо дальше: углубляясь въ психологическій анализъ художественнаго ощущенія, они задались вопросомъ о происхожденіи и цѣляхъ искусства, о томъ, какія ощущенія, какія душевныя силы служатъ ему источникомъ и какія ощущенія оно возбуждаетъ. Въ ихъ обработкѣ критика стала психологіей художест-

веннаго процесса. Въ этихъ новыхъ и плодотворныхъ своихъ изслѣдованіяхъ они встрѣтились съ нѣмецкими теоретиками изящнаго. Отсюда то сочувствіе, то увлеченіе, съ которымъ популярные философы Германіи встрѣтили изслѣдованія Борка и Юма. Боркъ строго разграничилъ понятіе художественнаго ощущенія отъ близкихъ ему понятій, и сдѣлалъ попытку вывести различные виды и проявленія этого ощущенія, изъ видовъ и явленій человѣческой природы. Пріемъ его изслѣдованія чисто психологическій. По его мнѣнію, душа человѣка ощущаетъ двѣ существенно различныя основныя потребности: потребность самосохраненія и потребность общественности, общенія съ остальнымъ человѣчествомъ. На первой изъ нихъ основано ощущеніе возвышеннаго, на второй—чувство изящнаго. Опасеніе и страхъ возбуждаетъ въ насъ то, что представляется грознымъ нашему воображенію, всякою неожиданною и чрезмѣрною силой и величиной, всякимъ чрезмѣрнымъ протяженіемъ пространства или времени, неожиданною и чрезмѣрною силой свѣта, звука и красокъ, или, что составляетъ лишь оборотную сторону всѣхъ этихъ условій, неожиданною пустотой или неожиданнымъ звукомъ; насъ напротивъ притягиваетъ и ободряетъ все вызывающее участіе, подражаніе или соревнованіе, взаимная любовь обоихъ половъ; въ мірѣ тѣлесныхъ образовъ, красокъ и тоновъ—все нѣжное и мягкое, чистое и тонкое, привлекательное и однакоже мягко противодѣйствующее. Съ этой точки зрѣнія Боркъ такъ остроумно и съ такою полнотой развиваетъ понятіе о высокомъ и изящномъ, что съ тѣхъ поръ другими прибавлено очень немногое къ тому, что имъ высказано. Прямые слѣды его вліянія очень замѣтны и у Канта.

Особенно настаивалъ Боркъ на томъ основномъ положеніи, что въ чистомъ художествѣ всегда и вездѣ преобладаетъ чистое, безцѣльное и безстрастное созерцаніе. Сладкіе призраки возвышеннаго разсѣваются тамъ, гдѣ овладѣваетъ нами ужасъ въ виду дѣйствительныхъ опасностей; свѣтлое, ясное ощущеніе прекраснаго исчезаетъ тамъ, куда проникаетъ сильное желаніе, страсть. Изящное пріятно дѣйствуетъ на нервы, давая имъ отдыхъ; высокое поднимаетъ и оживляетъ ихъ. Это новое реалистическое объясненіе еще невыясненныхъ явленій человѣческой природы привлекло общее вниманіе въ Англіи и въ Германіи. Мендельсонъ старался дать ему еще большее развитіе въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ объ ощущеніяхъ. Къ вліянію Борка присоединилось вліяніе Юма, котораго „Основы критики" вышли въ 1762 году и сильно подѣйствовали тоже и на Лессинга.

Николаи издавалъ свою «Библіотеку» только два года. Его редакціи принадлежатъ только первые четыре тома этого журнала, который былъ

переданъ имъ другому издателю, и съ января 1759 года замѣненъ новымъ изданіемъ, знаменитыми въ свое время „Литературными письмами“, или какъ гласило полное его названіе: „Письма о новѣйшей литературѣ“. Цѣли новаго изданія не совпадали съ цѣлями „Библіотеки“; во главѣ его стоялъ собственно уже не Николаи, а Лессингъ, въ это время находившійся въ самыхъ близкихъ личныхъ отношеніяхъ и съ издателемъ, и съ Мендельсономъ. На частыхъ дружескихъ сходкахъ они напали на мысль излагать свои ежедневныя бесѣды о литературѣ въ формѣ писемъ, которыя могутъ начинаться съ чего угодно и могутъ быть прекращены во всякое время. Предположено было обозрѣть нѣмецкую литературу съ начала тогдашней (семилѣтней) войны и продолжать этотъ обзоръ до самаго заключенія мира, которое казалось близкимъ. Лессингъ подалъ мысль адресовать предположенныя литературныя письма раненому офицеру, имѣя въ виду писателя Клейста, хотя онъ еще и небылъ раненъ въ то время. Лессингъ предложилъ для новаго изданія болѣе тѣсную программу, чѣмъ программа «Библіотеки». Она обнимала не всѣ литературы, а только нѣмецкую, и не всѣ искусства, а только поэзію и науку, по скольку онѣ отражаются въ важнѣйшихъ новыхъ явленіяхъ литературы. Критическій талантъ Лессинга развернулся широко въ этомъ изданіи, имѣвшемъ большое просвѣтительное вліяніе на общество. Значительная доля этого вліянія принадлежала Мендельсону, принявшему на себя философскій отдѣлъ въ новомъ журналѣ. Противники новаторскихъ попытокъ и стремленій этого журнала, озлобленные ѣдкою и безпощадною критикой «Литературныхъ писемъ», называли его изданіемъ „жидовъ и вольнодумцевъ“, но публика хорошо знала, въ какомъ лагерѣ гнѣздились тогда литературные «жиды» и что́ представляется имъ вольнодумствомъ. Кромѣ Лессинга, Мендельсона и Николаи, въ „Литературныхъ письмахъ“ принимали дѣятельное участіе Абтъ, Резевицъ и Грилло. Но Лессингъ, по обстоятельствамъ переселившійся съ 1760 года въ Бреславль, не могъ оставаться душою «Литературныхъ писемъ», и критическое значеніе ихъ замѣтно понизилось въ его отсутствіе. Изданіе существовало однако до 1765 года, когда оно было замѣнено новымъ, подъ именемъ „Всеобщей Нѣмецкой Библіотеки“, поставившимъ себѣ задачей сообщать свѣдѣнія о всѣхъ выходящихъ въ Германіи новыхъ книгахъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ этотъ новый журналъ имѣлъ серьозное значеніе въ Германіи. Николаи завѣдывалъ имъ до 1792 года; наступившій въ то время въ Пруссіи, уже по смерти Мендельсона, цензурный гнетъ заставилъ издателя передать его гамбургскому книгопродавцу Бону: находясь подъ властью датскаго правительства, Гамбургъ пользовался гораздо большею свободой печати, чѣмъ

Пруссія послѣ Фридриха В. Изданіе, перенесенное при такихъ условіяхъ въ Гамбургъ, вскорѣ было запрещено въ Пруссіи и вынуждено перемѣнить свое имя: оно назвалось «Новою Всеобщею Нѣмецкою Библіотекой». Въ 1801 году оно снова перешло въ Берлинъ въ руки Николаи, и продолжало существовать еще четыре года, подъ вліяніемъ этого сильно устарѣвшаго тогда писателя, который уже не понималъ новыхъ требованій времени и чуждался ихъ со всѣмъ ожесточеніемъ старости и серьезно поколебленнаго литературнаго авторитета.

Оставляя въ сторонѣ послѣдніе годы „Библіотеки“, историки нѣмецкой литературы отдаютъ справедливость ея крупному значенію въ литературѣ до 1792 года, какъ носительницы и поборницы просвѣтительной философіи и теологическаго раціонализма. „Николаи, говоритъ Шлоссеръ въ своей „Исторіи восемнадцатаго столѣтія“, хотѣлъ распространить новое просвѣщеніе на всѣ области знанія, примѣнительно къ нѣмецкому обществу, какъ дѣлали это Дидеро и Даламберъ примѣнительно къ французскому; французы написали съ этою цѣлью для парижскаго міра свою «Энциклопедію», Николаи основалъ для нѣмецкихъ ученыхъ „Всеобщую Нѣмецкую Библіотеку“. Четвертая часть всего количества книгъ, выходившихъ въ то время въ Германіи, была теологическаго содержанія, и притомъ написана въ духѣ церковной исключительности и нетерпимости. «Библіотека» съ самаго начала открыла рѣшительный походъ противъ направленія, враждебнаго полной свободѣ мысли. Противники ея характера и издателя не даромъ окрестили нѣмецкихъ просвѣтителей именемъ послѣдняго: они прозвали ихъ «николаитами». Какъ бы ни были слабы и шатки для нашего времени собственно философскіе пріемы „Библіотеки“, для тогдашняго общества она была органомъ прогресса и раціонализма; ея значеніе опредѣлялось уже тѣмъ усердіемъ, съ какимъ преслѣдовали „Библіотеку“ обскуранты по смерти Фридриха Великаго; одинъ изъ нихъ даже издалъ въ 1791 году сочиненіе, въ которымъ доказывалъ, что «главныя основанія французской конституціи заимствованы всѣ изъ началъ берлинской мастерской Николаи».

А между тѣмъ эти зловредные люди, эти „внутренніе враги“, этотъ опасный издатель съ его опасными сотрудниками были люди самаго тихаго и кроткаго нрава, въ сущности очень умѣренные и добродушные, не уживавшіеся только съ ортодоксальною нетерпимостью къ свободѣ мнѣній и вѣрованій. Мендельсонъ оставался всю свою жизнь благочестивымъ евреемъ-раціоналистомъ, ревностно исполнявшимъ религіозныя обязанности, налагаемыя еврейскимъ вѣроученіемъ; Николаи всегда былъ человѣкомъ рели-

гіознымъ, постоянно посѣщалъ церковь и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со многими духовными лицами. Его „Всеобщая Нѣмецкая Библіотека“ никогда не сходила съ почвы откровенія, позволяя себѣ только подтверждать его истину доводами разума и относиться критически къ ортодоксальной нѣмецкой философіи и теологіи.

IV.

Мендельсонъ всю жизнь продолжалъ заниматься тою фабрикой шелковыхъ издѣлій, которая въ молодости вывела его изъ нищеты. Занявъ въ ней сначала мѣсто бухгалтера, онъ потомъ управлялъ ею самостоятельно. Горько жаловался онъ иногда въ своихъ письмахъ на эту нелитературную часть своихъ заботъ и трудовъ, отъ которыхъ онъ съ такимъ наслажденіемъ отдыхалъ по вечерамъ въ обществѣ людей, близкихъ ему по общимъ умственнымъ интересамъ. „Дѣла! Несносныя дѣла! писалъ онъ Лессингу. Они гнетутъ меня и поѣдаютъ силы лучшихъ годовъ моей жизни. Какъ вьючный оселъ съ тяжелой ношей на спинѣ влачу я мое существованіе, а самолюбіе, къ несчастію, подсказываетъ мнѣ на ухо, что я, быть можетъ, созданъ быть парадным конемъ... Хорошій бухгалтеръ, конечно, рѣдкостное существо. Онъ заслуживаетъ величайшаго вознагражденія; онъ долженъ отложить въ сторону разумъ, остроуміе и чувствительность и стать чурбаномъ, чтобы правильно вести счетныя книги“. Между дѣломъ онъ проглатывалъ страницу интереснаго сочиненія или обдумывалъ то, о чемъ намѣревался писать. Но занятіе на фабрикѣ давало ему матеріальное обезпеченіе, и онъ не могъ не дорожить имъ, не имѣя другихъ вѣрныхъ средствъ къ жизни. Литературная работа не приносила большихъ выгодъ; многіе изъ его трудовъ, напр. переводъ Пятикнижія Моисея, были имъ переданы издателямъ безплатно. Вставая въ пять часовъ утра, онъ посвящалъ нѣсколько часовъ литературнымъ занятіямъ, потомъ спѣшилъ на фабрику и послѣ трехъ часовъ дня опять возвращался къ нимъ. По вечерамъ ежедневно собирался у него кружокъ друзей и близкихъ знакомыхъ; шли оживленныя бесѣды о вопросахъ литературы и искусства. За фабричной работой и этими литературными занятіями и бесѣдами, Мендельсонъ, какъ истый идеалистъ, совсѣмъ забывалъ свое странное юридическое положеніе въ Берлинѣ. Ни онъ, ни его жена не были уроженцами Пруссіи и, по тогдашнимъ порядкамъ, могли жить въ столицѣ только подъ покровительствомъ какого-нибудь осѣдлаго въ Берлинѣ еврея. Случайно узнавъ объ этихъ незнакомыхъ Франціи порядкахъ, маркизъ д'Аржансъ былъ пораженъ тѣмъ, что какъ человѣкъ Мендельсонъ рискуетъ ежедневно

быть высланнымъ изъ Берлина полиціей. Подтверждая это обстоятельство въ разговорѣ съ маркизомъ, Мендельсонъ сказалъ между прочимъ: „Сократъ доказалъ своему другу Критону, что мудрый обязанъ умереть, если того требуютъ законы государства. Я долженъ поэтому считать еще мягкими законы государства, въ которомъ живу: они только изгоняютъ меня въ томъ случаѣ, если, за отсутствіемъ еврея-покровителя, какой-нибудь еврей-ветошникъ не согласится признать меня своимъ лакеемъ“. Д'Аржансъ совѣтовалъ Мендельсону написать прошеніе объ этомъ дѣлѣ, вызываясь лично вручить прошеніе королю; но Мендельсонъ долго отклонялъ этотъ совѣтъ. „Мнѣ больно просить о правѣ на существованіе, говорилъ онъ, когда это право принадлежитъ всякому человѣку, ведущему жизнь спокойнаго гражданина. Если-же государство имѣетъ какія нибудь особенныя причины допускать моихъ единоплеменниковъ въ извѣстномъ только числѣ, то по какому праву стану я требовать для себя исключенія изъ общаго правила, распространяющагося на всѣхъ моихъ ближнихъ?“ Послѣ долгихъ усилій, друзьямъ удалось, наконецъ, склонить Мендельсона къ написанію просьбы, и она была лично передана д'Аржансомъ. Но Мендельсонъ не получилъ на нее отвѣта. Оказалось, что она пропала. Д'Аржансъ написалъ на копіи съ этого прошенія слѣдующія остроумныя строки, обращенныя къ Фридриху Великому: «Un Philosophe mauvais catholique supplie un Philosople mauvais protestant de donner le privilège à un Philosophe mauvais juif. Il y a trop de Philosophie dans tout ceci, pour que la raison ne soit pas du coté de la demande» *. И Мендельсонъ получилъ просимое преимущество въ 1763 году. Впослѣдствіи ему было отказано въ распространеніи этой привилегіи на его потомство, и только въ 1787 году Фридрихъ Вильгельмъ II предоставилъ ее вдовѣ и дѣтямъ Мендельсона «за извѣстныя заслуги ихъ мужа и отца».

На водахъ въ Пирмонтѣ Мендельсонъ познакомился съ гамбургскимъ купцомъ Гугенгеймомъ. „Равви, сказалъ ему однажды этотъ послѣдній: мы всѣ почитаемъ васъ, но всѣхъ болѣе чтитъ васъ моя дочь. Я счелъ бы за величайшее счастіе имѣть васъ своимъ зятемъ. Посѣтите насъ когда-нибудь въ Гамбургѣ“.

Какъ человѣкъ горбатый, Мендельсонъ былъ очень застѣнчивъ. Но онъ рѣшился, наконецъ, предпринять поѣздку изъ Берлина въ Гамбургъ и, какъ видно изъ его писемъ, по дорогѣ навѣстилъ Лессинга въ Брауншвейгѣ.

---

* Философъ-дурной католикъ умоляетъ философа-дурнаго протестанта дать испрашиваемое преимущество философу-дурному еврею. Во всемъ этомъ такъ много философіи, что разумъ не можетъ не склониться въ пользу этой просьбы.

По прибытии въ Гамбургъ, онъ сдѣлалъ Гугенгейму визитъ въ его конторѣ. Тотъ сказалъ ему: „Поднимитесь на верхъ къ моей дочери, она будетъ очень рада васъ видѣть: я много говорилъ ей о васъ“.

Мендельсонъ посѣтилъ и дочь, и когда пришелъ въ другой разъ, то спросилъ отца, что сказала о немъ милѣйшая его дочка.

— „Сказать-ли вамъ честно всю правду, высокоуважаемый рабби?“ спросилъ Гугенгеймъ.

— Разумѣется!

— „Вы философъ, вы человѣкъ мудрый, большой человѣкъ, вы не поставите ребенку въ вину того, что онъ сказалъ. Дочь говоритъ, что она испугалась, увидѣвъ васъ, потому что у васъ“ —

— Потому что у меня горбъ?

Гугенгеймъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я такъ и думалъ, но мнѣ все-таки хочется проститься съ вашей дочерью.

Мендельсонъ прошелъ изъ конторы въ жилыя комнаты и сѣлъ подлѣ дочери хозяина, которая шила. Между ними завязался дружескій и пріятный разговоръ, но дѣвушка не спускала глазъ съ своей работы, избѣгая смотрѣть на Мендельсона. Наконецъ, когда онъ искусно далъ разговору желанный оборотъ, она спросила:

— „И вы тоже думаете, что браки заключаются на небѣ?“.

— Конечно, а со мною случилось еще нѣчто особенное. При рожденіи ребенка, на небѣ возвѣщаютъ: такой-то получаетъ такую-то. При моемъ рожденіи также была возвѣщена и моя будущая подруга, но къ этому было прибавлено: у нея, къ сожалѣнію, будетъ горбъ, и страшный горбъ. Боже! воскликнулъ я тогда: горбатая дѣвушка легко дѣлается непріятной и жесткой, дѣвушка должна быть красива: пошли мнѣ, Боже, ея горбъ, и дай дѣвушкѣ вырости стройной и милой.

Едва успѣлъ Мендельсонъ окончить эти слова, какъ дѣвушка бросилась ему на шею и вскорѣ стала его женою. Съ физическимъ недостаткомъ, такъ сильно поразившимъ сначала его почитательницу, Мендельсонъ соединялъ необыкновенно выразительное лицо. Лафатеръ, видѣвшій его въ Берлинѣ, въ 1763 году (а именно въ этомъ году Мендельсонъ и женился), говоритъ въ своей „Физіономикѣ“, что силуэтъ Мендельсона необыкновенно привлекателенъ и выразителенъ, что кто не пойметъ прелести этого силуэта, тотъ пусть лучше закроетъ его книгу. Особенно восхищался Лафатеръ очертаніемъ Мендельсонова лба, глубиною взгляда, въ которой, какъ онъ говоритъ, „таится душа Сократа“; онъ указываетъ также на „характерный носъ своего излюбленнаго силуэта и на превосходный переходъ отъ носа къ верхней губѣ“. Лафатеръ ссылался на выразительность этого силуэта какъ на одно изъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ о „божественной правдѣ“ своей физіономики. Біографы Мендельсона говорятъ, что онъ былъ очень счастливъ въ своей супружеской жизни, и многія его письма подтверждаютъ это вполнѣ.

V.

Возвращаюсь къ литературной дѣятельности Мендельсона. Популярные философы тогдашней зари возрожденія нѣмецкой литературы были дѣятельными просвѣтителями общества и посредниками между новымъ литературнымъ и философскимъ движеніемъ въ Англіи и умственными интересами своего отечества. Изъ нихъ Мендельсонъ только временно брался за художественную критику, уступая въ ней первое мѣсто Лессингу. Его занимали гораздо больше метафизическіе, философскіе вопросы, соприкасавшіеся съ областью художественныхъ явленій, и этимъ вопросамъ посвящены послѣднія и самыя зрѣлыя его сочиненія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже: „Федонъ“, „Утренніе часы“ и „Іерусалимъ“.

На этомъ поприщѣ выступилъ онъ сначала съ трактатомъ на тему, предложенную для преміи берлинскою академіей въ 1768 году. Трактатъ этотъ посвященъ „Очевидности въ метафизическихъ наукахъ“ и былъ представленъ въ академію одновременно съ сочиненіемъ Канта „Объ основахъ естественной теологіи и морали“. Мендельсонъ получилъ первую, Кантъ — вторую премію *. Уже въ этихъ сочиненіяхъ оказалось все глубокое различіе между двумя направленіями, изъ которыхъ одно — направленіе Канта — принадлежало уже не современности, а будущему. По мнѣнію Геттнера, несомнѣнно, что ученые судьи, присуждавшіе преміи, не поняли важности сочиненія Канта. Въ великомъ умѣ будущаго безсмертнаго мыслителя уже тогда

* Одинъ изъ біографовъ Мендельсона сообщаетъ, что по этому поводу берлинская академія единогласно выбрала Мендельсона въ свои члены. Но Король-философъ Фридрихъ II вычеркнулъ *еврея* изъ списка безъ всякаго объясненія причины. Біографъ этотъ очевидно приписываетъ некрасивый поступокъ Фридриха тому, что не смотря на свой вольтеріализмъ, онъ все таки не могъ отрѣшиться отъ предразсудка противъ евреевъ. Но Манштейнъ въ своихъ запискахъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, сообщаетъ, что мотивъ этого отказа былъ чисто политическій. Дѣло въ томъ, что не задолго предъ тѣмъ въ члены академіи была избрана Екатерина II, и Фридрихъ опасался, чтобъ русская императрица не обидѣлась, если она въ спискахъ академіи увидитъ свое имя рядомъ съ именемъ „жида“ Мендельсона. *Издат.*

бродили новыя идеи, которыя привели его въ послѣдствіи къ новымъ пріемамъ философскаго изслѣдованія. Его уже тогда занимала провѣрка способовъ человѣческаго познаванія. Въ своемъ сочиненіи, удостоенномъ второй преміи, онъ рѣшительно высказывается противъ общепринятаго мнѣнія о возможности переносить математическіе пріемы на философію, по самой природѣ своей столь отличную отъ математики. Мендельсонъ, напротивъ, остается послѣдователемъ Вольфа и ни мало не сомнѣвается въ полной научной пригодности господствующаго философскаго метода; для него метафизическія истины точно такъ-же достовѣрны и непреложны, какъ и истины геометрическія. Онъ старается только дать болѣе прочное основаніе такъ-называемой естественной теологіи, доказательствамъ бытія Божія и происхожденію нравственныхъ законовъ изъ глубины человѣческой природы. Сердечныя доказательства для него такъ-же важны, какъ и доводы разума; онъ подкрѣпляетъ и оживляетъ ими послѣдніе. Всѣ позднѣйшія его сочиненія вытекли изъ этого увѣнчаннаго преміей трактата; всѣ они относятся къ естественной теологіи и морали, всѣ написаны очень живо и согрѣты глубокимъ нравственнымъ чувствомъ, которое сдѣлало имя Мендельсона однимъ изъ популярнѣйшихъ именъ новѣйшей нѣмецкой литературы. Кантъ въ полномъ развитіи своего таланта былъ еще впереди; его сильное вліяніе на умы наступило гораздо позднѣе. Для современниковъ Мендельсона, его популярныя философскія сочиненія еще служили воспитательною школой, въ которой цѣлое поколѣніе людей усвоивало себѣ движущія идеи половины восемнадцатаго вѣка.

Мендельсонъ всю жизнь оставался деистомъ, какъ еврей, какъ вольфіанецъ и поклонникъ англійскихъ мыслителей того времени. Въ своей литературной дѣятельности онъ явился проповѣдникомъ деизма въ Германіи, противникомъ не только господствующихъ положительныхъ религій и церквей, но и матеріалистическихъ ученій, проникавшихъ въ Германію изъ Франціи. Деисты, какъ извѣстно, основываютъ свои вѣрованія не столько на откровеніи, сколько на разумѣ, и твердо стоятъ на признаніи бытія Божія и личнаго безсмертія души, основывая эти вѣрованія на умозрѣніи. Глубоко убѣжденный и ревностный метафизикъ, Мендельсонъ посвятилъ своего „Федона" разработкѣ вопроса о безсмертіи души, и свои „Утренніе часы" — доказательствамъ бытія Божія.

„Федонъ" * былъ задуманъ имъ уже давно. Мендельсонъ писалъ Абту въ іюлѣ 1766 года: „Ваши вопросы ободрили меня вполнѣ обработать трактатъ о безсмертіи души, начатый мною много лѣтъ тому назадъ. Мои доводы я влагаю въ уста Сократу. Быть можетъ, я рискую сдѣлать моего Сократа послѣдователемъ Лейбница, но это не бѣда. Для моей цѣли нуженъ язычникъ, чтобы не ссылаться на откровеніе". Книга вышла въ свѣтъ лѣтомъ слѣдующаго года, съ заглавіемъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ разговоровъ Платона: „Федонъ, или безсмертіе души".

* Элієцъ Федонъ былъ, какъ извѣстно, ученикомъ Сократа, и Платонъ назвалъ его именемъ свой знаменитый діалогъ о безсмертіи души.

По формѣ, это произведеніе Мендельсона очень близко къ діалогамъ Платона и въ высшей степени привлекательно. Мендельсону, какъ видно изъ его переписки, хотѣлось, чтобы самые серьезные аргументы въ пользу его тезиса были изложены доступно для всякаго, у кого только есть разумъ и кто желаетъ мыслить, хотя бы помимо всякихъ философскихъ системъ. Свои доводы онъ беретъ и у Платона, и у Плотина, у Декарта, Лейбница, Вольфа и др., давая этимъ доводамъ дальнѣйшую и самостоятельную обработку. „Я поставилъ себѣ задачей, говоритъ авторъ въ предисловіи, не изложеніе тѣхъ основаній, по которымъ міровой мыслитель Греціи въ свое время вѣрилъ въ безсмертіе души, а показать, какія основанія нашелъ бы въ наше время, послѣ трудовъ, поднятыхъ столь великими умами, такой человѣкъ, какъ Сократъ, охотно основывавшій свою вѣру на разумѣ". Самъ авторъ называетъ, поэтому, своего „Федона" чѣмъ-то среднимъ между переводомъ и самостоятельной работой.

„Федонъ" содержитъ три бесѣды о безсмертіи души. Въ первой личное безсмертіе доказывается послѣдовательною преемственностью явленій и отсутствіемъ скачковъ въ природѣ. „Когда мы говоримъ, что душа умираетъ, мы должны допустить, что или всѣ ея силы и способности, дѣятельность и страданія внезапно обрываются, обращаются въ ничто, или что душа, подобно тѣлу, претерпѣваетъ извѣстныя превращенія, безчисленныя перемѣны, постепенно чередующіяся, и что въ этомъ рядѣ превращеній и перемѣнъ наступаетъ такая пора, когда она уже перестаетъ быть человѣческой душою, а становится чѣмъ-то другимъ, какъ и самое тѣло, послѣ безчисленныхъ перемѣнъ, перестаетъ быть человѣческимъ тѣломъ и обращается въ пыль, воздухъ, растеніе или въ часть другаго животнаго. Душа человѣка не можетъ внезапно обратиться въ ничто, потому что въ природѣ нѣтъ полнаго уничтоженія; между бытіемъ и небытіемъ лежитъ страшная пропасть, которой не можетъ перепрыгнуть медленно дѣйствующая природа вещей"... „Но душа не можетъ и постепенно исчезнуть, потому что послѣдній шагъ, какъ бы далеко мы его ни отодвинули, былъ бы всетаки скачкомъ отъ бытія къ ничтожеству, который не можетъ быть обу-

словленъ ни природою отдѣльной вещи, ни всею совокупностью вещей. Притомъ, и по истлѣніи тѣла, душа еще должна имѣть понятія, потому что ощущеніе, мысль и воля—единственная дѣятельность и единственныя жизненныя проявленія, ей свойственныя. Переносить за предѣлы земной жизни наше добытое опытомъ знаніе, что въ этой жизни мы никогда не мыслимъ безъ чувственныхъ впечатлѣній, и отказывать душѣ въ возможности мышленія и безъ нашего членораздѣльнаго тѣла, было бы такъ же смѣшно, какъ еслибъ кто-нибудь, никогда не покидавшій аѳинскихъ стѣнъ, заключилъ, по собственному опыту, что вездѣ на земномъ шарѣ день и ночь, лѣто и зима смѣняются именно такъ, какъ въ Аѳинахъ". Продолженію и защитѣ этой аргументаціи посвящена и вторая бесѣда, направленная, главнымъ образомъ, противъ французскихъ матеріалистовъ, и трактующая о безтѣлесности души, такъ какъ именно на ея безтѣлесности основаны мысли, изложенныя въ первой бесѣдѣ. Третья бесѣда дополняетъ двѣ первыя нравственными соображеніями.

Теперь эти мысли и соображенія, вскорѣ поколебленныя философіей Канта, сильно устарѣли, и мы ограничиваемся однимъ только намекомъ на нихъ. Но когда появился „Федонъ", произведенное имъ впечатлѣніе было значительно. Онъ тогда же былъ переведенъ на многіе европейскіе языки, и доставилъ автору мѣсто въ ряду классическихъ писателей Германіи. Въ одномъ мѣстѣ «Федона», Мендельсонъ, характеризуя Сократа, далъ, такъ-сказать, и свою собственную характеристику: «Сократу предстояло, съ одной стороны, одолѣть предразсудки, укорененные въ немъ самомъ воспитаніемъ, просвѣтить невѣжество другихъ, оспаривать софистику, выдерживать злобу, зависть, клевету и поруганіе отъ своихъ противниковъ, переносить бѣдность, бороться противъ крѣпко утвердившейся власти и, что всего ужаснѣе, противостоять мрачнымъ страхамъ суевѣрія. Съ другой стороны, надо было щадить слабые умы своихъ согражданъ, избѣгать непріятностей и цѣнить доброе нравственное вліяніе, оказываемое даже и языческой религіей на простые умы. Онъ противостоялъ всѣмъ этимъ трудностямъ съ мудростью истиннаго философа, съ терпѣніемъ святого человѣка, съ самоотверженностью друга человѣчества, съ рѣшимостью героя, на счетъ и съ потерей всѣхъ мірскихъ благъ и удовольствій.» Самъ Мендельсонъ былъ «немножко въ этомъ родѣ» *.

Теперь мы знаемъ, что вѣра въ безсмертіе души дается прежде всего откровеніемъ, и что безъ откровенія наука не въ силахъ доказать тезисъ, для защиты котораго у нея нѣтъ и не можетъ быть данныхъ. Но мыслители, современники Мендельсона, были иного мнѣнія. Это были вѣрующіе раціоналисты. Они думали, что наука можетъ подтвердить все, что представлялось имъ самимъ неотразимо-истиннымъ, что она даже можетъ дать вѣру. Для всѣхъ, кто отшатнулся тогда отъ протестантской церкви, но кого не могли удовлетворить мыслители-матеріалисты, „Федонъ" былъ въ высшей степени поучительнымъ и важнымъ литературнымъ явленіемъ. Направленіе, которымъ онъ проникнутъ, было продолженіемъ и плодомъ реформаціи шестнадцатаго вѣка. Реформація не только отвергла злоупотребленія католическаго духовенства; она внесла критику въ дѣло религіи, устранила вѣками выработанные и установившіеся догматы; деизмъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка пошелъ еще дальше. Отъ всѣхъ тѣхъ религіозныхъ вѣрованій, которыя еще сохранилъ протестантизмъ послѣ предпринятаго имъ критическаго очищенія католичества, деизмъ оставлялъ неприкосновенною только вѣру въ бытіе Божіе и безсмертіе души, но и эту вѣру онъ основывалъ уже не на откровеніи, а на разумѣ. Ближайшими его преемниками были уже матеріалисты.

Послѣднимъ крупнымъ произведеніемъ Мендельсона были „Утренніе часы, или чтеніе о бытіи Божіемъ". Оно вышло въ свѣтъ уже въ 1785 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти автора, который сильно хворалъ въ послѣдніе годы своей жизни и потому не могъ хорошенько познакомиться съ новыми путями, открытыми для человѣческой мысли его современникомъ Кантомъ. И въ этомъ сочиненіи, его аргументація совершенно та же, что и въ прежнихъ; но изложеніе такъ согрѣто живымъ чувствомъ любви къ истинѣ и ближнему, оно такъ умно и вмѣстѣ и общедоступно, что дѣлало его, еврея, принадлежавшаго къ племени презираемому, погруженному въ грязь и нищету, любимымъ писателемъ всѣхъ сословій и популярнымъ нѣмецкимъ мыслителемъ. Въ этомъ его несомнѣнное историче-

---

* Одинъ изъ біографовъ Мендельсона, д-ръ Фридрихъ Кирхнеръ, говоритъ между прочимъ слѣдующее о личномъ его характерѣ: „Большая часть знаменитыхъ людей издали возбуждаютъ удивленіе, но, разсматриваемые вблизи, обнаруживаютъ извѣстные слабости и недостатки, и лишь очень немного такихъ великихъ людей, характеръ которыхъ, при строгомъ анализѣ критика, оказываются безъ пятенъ. Къ этимъ немногимъ принадлежитъ тотъ человѣкъ, котораго современники его уже называли „нѣмецкимъ Сократомъ", который служилъ Лессингу прототипомъ его „Натана", и котораго безпристрастное потомство ставитъ на ряду съ Лессингомъ какъ благороднѣйшаго представителя просвѣщенія. И на самомъ дѣлѣ, даже его противники не могутъ не признать за нимъ самой высшей для философа хвалы, что онъ, какъ Сократъ и Спиноза, истину своего ученія проводилъ и доказывалъ своею добродѣтельною жизнью". *Изд.*

ское значеніе, плодомъ котораго было коренное измѣненіе тѣхъ условій, въ какихъ жили до того времени германскіе евреи.

Въ своихъ „Утреннихъ часахъ“ Мендельсонъ самъ очень мѣтко очертилъ происхожденіе и смыслъ этого сочиненія и своего „Федона“: „Безъ Бога, Провидѣнія и личнаго безсмертія, всѣ блага жизни имѣютъ въ моихъ глазахъ презрѣнную цѣну, и жизнь представляется мнѣ — употреблю извѣстное и часто злоупотребляемое сравненіе — скитаніемъ при вѣтрѣ и въ непогоду, безъ утѣшительной надежды найти къ вечеру защиту и кровъ; а безъ этого утѣшительнаго ожиданія, какъ говоритъ Вольтеръ, всѣ мы плаваемъ въ волнахъ и безпрерывно боремся съ ними, не имѣя ни малѣйшей надежды когда-нибудь добраться до берега...“ Самая любовь къ ближнему и вообще нравственное чувство необъяснимы, по мнѣнію Мендельсона, безъ Бога, безъ Провидѣнія, безъ будущей жизни. Отсюда его глубокое, безутѣшное горе о томъ, что сердечно любимый имъ Лессингъ не остановился на философскихъ пріемахъ деистовъ и сталъ спинозистомъ въ послѣдніе годы своей жизни.

VI.

Наши читатели, какъ и многіе современники Мендельсона, вѣроятно, полагаютъ, что этотъ горячій защитникъ тогдашнихъ формъ деизма уже не могъ оставаться настоящимъ евреемъ, что еврейство стало для него лишь формой безъ содержанія, такъ-какъ деизмъ выросъ на христіанско-протестантской почвѣ. Извѣстный своимъ прозелитизмомъ и благочестіемъ Лафатеръ издалъ въ 1769 году переводъ сочиненія Боннэ (Bonnet) въ защиту христіанства, посвятилъ переводъ Мендельсону и публично предложилъ ему опровергнуть эту книгу или перейти въ христіанство. Тихій Мендельсонъ не любилъ религіозной полемики ad hominem, а между тѣмъ на публичный вызовъ надо было и отвѣчать публично, и притомъ, согласно его личному убѣжденію, высказаться противъ господствующихъ мнѣній. Лафатеръ любилъ Мендельсона, и вызовъ его объясняется дѣйствительной увѣренностью въ томъ, что Мендельсонъ въ душѣ уже пересталъ быть евреемъ. Тѣмъ не менѣе публичное обращеніе такого рода къ человѣку, котораго единовѣрцы еще считались отверженниками общества, обращеніе въ такое время, когда нѣмецкое протестантство отличалось крайнею нетерпимостью,—когда въ сферѣ отвлеченной мысли уже повѣяло духомъ полной свободы въ вопросахъ вѣры, было въ высшей степени безтактно. Переходъ человѣка отъ одной, хотя бы и непризнанной, вѣры въ другую можетъ и всегда долженъ быть актомъ вполнѣ добровольнымъ, дѣломъ

нравственнаго убѣжденія и совѣсти. Мендельсонъ далъ публично очень смѣлый, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, отвѣтъ на публичный вызовъ Лафатера, и сторонники послѣдняго съ удивленіемъ узнали, что будучи деистомъ, Мендельсонъ остается евреемъ, и притомъ чистокровнымъ евреемъ (ein Stockjude), какъ они его называли. Онъ отвѣчалъ, что если-бъ не былъ убѣжденъ въ истинѣ своей вѣры, то, конечно, оставилъ бы ее самъ, не дожидаясь никакихъ вызововъ и никакого давленія извнѣ, что было-бы постыдно кривить душой и оставаться человѣкомъ той или другой вѣры вопреки своему внутреннему убѣжденію. Но онъ убѣжденъ въ истинѣ своей еврейской вѣры. „Еслибъ я былъ равнодушенъ къ обѣимъ религіямъ, говоритъ онъ въ своемъ „Посланіи къ Лафатеру“: если-бъ я въ глубинѣ души осмѣивалъ или отрицалъ откровеніе, то я бы очень хорошо зналъ, что̀ совѣтуетъ умъ, когда молчитъ совѣсть. Что̀ могло бы удержать меня отъ перехода изъ одной вѣры въ другую? Страхъ передъ моими единовѣрцами? Но мірская власть ихъ такъ ничтожна, что она не можетъ страшить меня. Упрямство, лѣнь, привычка къ усвоеннымъ съ дѣтства понятіямъ? Но большая часть моей жизни была посвящена изслѣдованію, и за мной, конечно, признаютъ настолько пониманія, что я не стану жертвовать подобнымъ слабостямъ плодами моего изслѣдованія. И такъ, вы видите, что безъ искренняго убѣжденія въ основахъ моей религіи, результатъ моего изслѣдованія выразился бы въ какомъ-нибудь публичномъ поступкѣ съ моей стороны. Но такъ-какъ изслѣдованіе утвердило меня въ вѣрѣ отцовъ, то я и могъ спокойно идти прежнею дорогой. Не стану отрицать, что нахожу въ моей религіи человѣческія прибавки и злоупотребленія, которыя, къ несчастію, слишкомъ помрачаютъ ея блескъ. Какой другъ истины можетъ похвалиться, что нашелъ свою религію свободною отъ вредныхъ человѣческихъ наносовъ? Мы признаемъ его всѣ, сколько насъ ни есть ищущихъ истины, этотъ ядовитый чадъ лицемѣрія и предразсудковъ, и стремимся искоренить его безъ вреда истинѣ и добру. Но въ существѣ моей религіи я убѣжденъ такъ-же твердо, такъ-же несокрушимо, какъ только вы можете быть убѣждены въ вашей, и свидѣтельствую теперь передъ Богомъ истины, моимъ и вашимъ Творцомъ и Хранителемъ, что я останусь при моихъ коренныхъ убѣжденіяхъ, пока не переродится вся моя душа“.

Самъ „Натанъ Мудрый“ не могъ бы отвѣтить Лафатеру съ большею силой и искренностью. Къ знаменитой драмѣ Лессинга мы и отошлемъ нашихъ читателей за дальнѣйшимъ развитіемъ мыслей Мендельсона о еврействѣ и христіанствѣ. „Натанъ Мудрый“ переведенъ на русскій языкъ и всякому доступенъ. Мы прибавимъ только, что, по мнѣнію Мендельсона,

еврейство ближе подходило къ деизму, чѣмъ узкое въ своемъ догматизмѣ протестантство. Это мнѣніе было въ немъ такъ сильно, что даже многочисленные примѣры самой крайней нетерпимости, представляемые исторіей еврейства, не могли поколебать его. Придерживаясь въ теченіе всей своей жизни обрядностей еврейскаго закона, онъ, какъ метафизикъ и идеалистъ, видѣлъ еврейство, такъ сказать, въ возможности, а не въ дѣйствительности. Оно представлялось ему религіей любви и терпимости, хотя тогдашняя дѣйствительность нимало не подтверждала такого представленія. Вѣруя въ возможности еврейства, онъ не останавливался ни передъ тою ненавистью, съ какой оно преслѣдовало напр. Уріеля Акосту и Спинозу, и даже передъ нетерпимостью его единовѣрцевъ къ высказываемому имъ самимъ образу мыслей. Онъ хотѣлъ оставаться евреемъ, вѣрнымъ исторіи и національнымъ особенностямъ своего племени.

Идея терпимости была наболѣвшею идеей тогдашняго еврейства въ Германіи. Ея разработкѣ и была посвящена литературная дѣятельность Мендельсона. Стремленіе завоевать для своихъ единовѣрцевъ право на свободу и гражданское равенство съ тѣмъ народомъ, среди котораго они жили, не покидало его въ теченіе всей его жизни. Своими личными усиліями и трудами, своимъ талантомъ старался онъ проложить евреямъ доступъ въ образованные слои нѣмецкаго общества и пробить ту непроницаемую, повидимому, стѣну, которая разобщала ихъ съ образованнымъ христіанскимъ міромъ. Въ этомъ направленіи имъ было исполнено все, что только могла сдѣлать личная энергія человѣка. Собственнымъ примѣромъ онъ показалъ своимъ германскимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, что имъ необходимо усвоить себѣ нѣмецкій языкъ и нѣмецкія идеи, чтобы сдѣлаться полноправными гражданами Германіи, не отрицая ни своей народности, ни даже своего вѣроученія. Можно было бы сказать многое противъ этого мнѣнія. Но въ данномъ случаѣ задача заключалась прежде всего въ томъ, чтобы высвободить угнетенное и униженное племя изъ отверженнаго положенія, созданнаго ему вѣками религіозной нетерпимости, и эта задача была теоретически разрѣшена Мендельсономъ, при содѣйствіи его нѣмецкихъ друзей, съ замѣчательнымъ умомъ и искренностью. Какъ дорого обошелся ему въ нравственномъ отношеніи публичный споръ съ Лафатеромъ, видно изъ того, что этотъ споръ жестоко расшаталъ его слабое здоровье, и что послѣ того ему одно время была строго запрещена врачами всякая умственная работа.

Оставаясь евреемъ, но будучи просвѣщеннымъ евреемъ, Мендельсонъ не могъ не заботиться о воспитаніи и развитіи своихъ единовѣрцевъ, отчужденныхъ, застоявшихся въ своей отчужденности отъ общаго теченія европейской жизни. Для нихъ онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ Пятикнижіе Моисея и псалмы, „эти образцы лирической поэзіи евреевъ“, какъ выразился Мендельсонъ въ одномъ письмѣ къ Михаэлису, не смотря на все противодѣйствіе изувѣровъ, считавшихъ нѣмецкій языкъ зловреднымъ для еврейства. Онъ хотѣлъ, чтобы евреи въ Германіи усвоили себѣ нѣмецкое, а при помощи его и обще-европейское образованіе. Въ его время, повторяемъ, положеніе евреевъ, даже и въ Пруссіи, пользовавшейся самымъ просвѣщеннымъ правительствомъ во всей Германіи, было ужасно. „Въ этой такъ-называемой терпимой странѣ—разсказываетъ самъ Мендельсонъ — я чувствую себя до того стѣсненнымъ, до того придавленнымъ со всѣхъ сторонъ нетерпимостью, что я долженъ, ради моихъ дѣтей, цѣлый день сидѣть запертымъ на шелковой фабрикѣ. Иногда мнѣ случается по вечерамъ гулять съ моимъ семействомъ. „Папа! спрашиваетъ меня во время прогулки дѣтская невинность: Что кричитъ намъ вслѣдъ этотъ человѣкъ? Зачѣмъ бросаютъ они въ насъ камни? Что мы имъ сдѣлали?“— ‹Да, папа, говоритъ другой ребенокъ: они всегда преслѣдуютъ насъ по улицамъ, ругаются и кричатъ: жиды! жиды! Развѣ безчестно быть жидомъ?“ Увы, я опускаю глаза и взываю про себя: Люди, люди! До чего вы дошли, наконецъ! Довольно, однако же, объ этомъ, эти мысли совсѣмъ меня обезсиливаютъ!›—‹О вы, мои ближніе, принадлежащіе къ иной вѣрѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: подумайте о томъ, что жизнь имѣетъ весьма малую цѣну, когда она не связана со всѣми правами и преимуществами общественности. Позоръ и презрѣніе иногда хуже самой смерти для того, кто не заслуживаетъ ихъ, а они преслѣдуютъ по пятамъ всякаго еврея. Лишенный гражданской чести, отброшенный на самую низкую изъ тѣхъ ступеней, которыми отдѣляются общественные слои, можемъ ли мы воспитывать и примѣнять таланты и способности, которыми кроткая природа такъ-же щедро надѣлила насъ, какъ и другихъ своихъ дѣтей, или пользоваться ими на пользу ближняго? Тамъ, гдѣ господствуетъ полнѣйшая терпимость, она всего менѣе распространяется на насъ; тамъ, гдѣ цвѣтутъ искусства и науки, мы принуждены оставаться въ невѣжествѣ; вездѣ стараются увеличить населеніе государствъ, мы одни ограничены въ томъ отношеніи, чтобы мы не слишкомъ размножались. Дѣлаютъ все возможное, чтобы изъ насъ вышли безполезные граждане, а потомъ насъ-же упрекаютъ въ томъ, что мы приносимъ мало пользы“.

Мысль о достиженіи евреями равноправности въ государствѣ путемъ образованія была основною идеей всей его дѣятельности по отношенію къ

его единовѣрцамъ. Она, какъ извѣстно, принесла большую пользу нѣмецкимъ евреямъ и обильные плоды. Мендельсономъ было внушено Дому знаменитое его сочиненіе „О гражданскомъ улучшеніи евреевъ“, которое имѣло въ то время совершенно исключительную важность. Имъ самимъ составлено изложеніе еврейскихъ церковныхъ законовъ о наслѣдствѣ, опекѣ, завѣщаніи и супружескомъ союзѣ („Ritualgesetze der Juden“), изданное въ 1778 году, безъ его имени, „по мысли и подъ наблюденіемъ берлинскаго главнаго раввина, Гиршеля Левина“. Въ 1750 году Мендельсонъ пытался даже основать еврейскій журналъ, но это изданіе вскорѣ прекратилось. Подъ его вліяніемъ была переведена съ англійскаго евреемъ, докторомъ Герцемъ, замѣчательная политическая брошюра амстердамскаго раввина Менассе бенъ Израэля: „Спасеніе евреевъ“, направленная въ 1656 году, при Кромвелѣ, противъ англиканской церкви, не желавшей, чтобы евреи были вновь допущены въ Англію. Самъ Мендельсонъ предпослалъ этому переводу прекрасно написанное предисловіе, и годъ спустя, въ 1783 году, подробно высказался по этому вопросу въ знаменитомъ своемъ сочиненіи: „Іерусалимъ, или о религіозной силѣ іудейства“ *.

„Іерусалимъ“ впервые, и притомъ очень рано, ставитъ тотъ самый вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, который такъ сильно занимаетъ умы въ наше время. Мендельсонъ подошелъ къ этому вопросу со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія: культурной, государственной, религіозной и нравственной. Нельзя, говоритъ онъ, защищать дѣло и права человѣчества, не вступаясь въ то-же время за права евреевъ; вопросъ объ ихъ положеніи тотчасъ-же принимаетъ широкіе размѣры общаго вопроса о безусловной свободѣ вѣроисповѣданія и совѣсти. На чемъ основываются права и могущество церкви? Мы различаемъ дѣйствія и помышленія, принципы и ихъ примѣненіе. Можетъ ли церковь имѣть притязаніе на внѣшнюю силу надъ дѣйствіями людей? Нѣтъ; право принуждать принадлежитъ государству, а не церкви. Государство довольствуется, такъ-сказать, мертвыми дѣйствіями, дѣлами безъ духа, согласіемъ на дѣлѣ безъ согласія въ убѣжденіяхъ; общеполезное дѣяніе не перестаетъ быть общеполезнымъ, хотя бы оно и было вынуждено. Если гражданинъ не хочетъ защищать свое отечество по внутреннему чувству долга, то онъ привлекается къ этому дѣлу наградой или принуждается къ нему силой; когда

*) Полное собраніе сочиненій Моисея Мендельсона издано въ Лейпцигѣ Г. Б. Мендельсономъ въ 1843—45 годахъ. Но въ это собраніе не вошли его еврейскія сочиненія.

люди теряютъ смыслъ къ внутреннему достоинству справедливости, когда они уже не сознаютъ болѣе, что честность въ поступкахъ есть истинное счастіе, тогда несправедливость казнится и обманъ влечетъ за собой наказаніе. Но религія не знаетъ поступковъ безъ мнѣній, дѣяній безъ духа, согласія на дѣлѣ безъ согласія въ убѣжденіи; религіозныя дѣйствія безъ религіозныхъ мыслей были бы пустою игрой въ куклы, такія дѣйствія должны вытекать сами по себѣ изъ духа и не могутъ быть ни куплены наградой, ни вынуждены наказаніемъ. Оттого проклятіе и изгнаніе прямо противны духу религіи; оружіемъ религіи могутъ быть только доводы и убѣжденіе. Или церковь можетъ имѣть власть надъ принципами и мнѣніями? Но такая власть не принадлежитъ ни церкви, ни государству. Мнѣнія людей вообще не терпятъ ни благосклонности, ни принужденія. Я не могу отказаться изъ любви къ ближнему ни отъ одного изъ моихъ мнѣній, не могу изъ благосклонности предоставить или уступить ему никакой доли участія въ свойственной мнѣ лично силѣ разума, присвоивать и какимъ-нибудь образомъ пріобрѣсти право на его мнѣнія. Право на наши мнѣнія не подлежитъ отчужденію, не можетъ переходить отъ одного человѣка къ другому, потому что оно не даетъ и не отнимаетъ никакого притязанія на имущество или свободу. Оттого малѣйшее преимущество, предоставляемое вами вашимъ единовѣрцамъ или единомышленникамъ можетъ быть названо косвенной наградой, малѣйшая вольность, отнимаемая вами у иновѣрцевъ—косвеннымъ наказаніемъ“.

Мы желали бы продолжить эти выписки, мастерски развивающія мысль, которая всегда будетъ жить въ человѣчествѣ; но мы должны остановиться по нѣкоторымъ очень вѣскимъ причинамъ.... Исходя изъ принципа полной свободы совѣсти, Мендельсонъ съ большимъ талантомъ выводитъ изъ этого принципа всѣ естественныя его послѣдствія. Самое разнообразіе религіозныхъ вѣрованій представляется ему необходимымъ условіемъ человѣческаго развитія и культуры вообще. Кромѣ „Натана Мудраго“ и Реймаруса, прославившагося въ то время своею критическою дѣятельностью, обращенной на религіозные вопросы, никто не высказывался тогда такъ смѣло о притязаніяхъ церкви и государства на сокровеннѣйшія вѣрованія человѣка. Въ своемъ письмѣ къ Мендельсону, писанномъ въ августѣ 1783 года, Кантъ называетъ его книгу „вѣстницей великой, хотя и медленно подвигающейся реформы, которая распространится не на однихъ только евреевъ, но и на всѣ религіи“. — „Вы умѣли соединить вашу религію съ такою степенью свободы совѣсти, говоритъ далѣе великій мыслитель, какой нельзя было предполагать въ ней и какою не можетъ похвалиться ни

одна религія. Вы въ тоже время доказали такъ основательно и ясно необходимость неограниченной свободы совѣсти для всякой религіи, что и наша (протестантская) церковь должна будетъ подумать объ устраненіи всего могущаго обременять и угнетать совѣсть." Мирабо написалъ сочиненіе «О Моисеѣ Мендельсонѣ и еврейской реформѣ», въ которомъ сравнивалъ стремленія Мендельсона съ однородными стремленіями Тюрго и новыхъ сѣверо-американскихъ штатовъ.

VII.

Прекрасно характеризуютъ Мендельсона два письма, писанныя имъ по смерти Лессинга,—одно къ Геннингу, другое къ брату покойнаго. „Я поглощенъ теперь одною мыслію: смертью Лессинга—писалъ онъ Геннингу. Мысль эта не дѣлаетъ меня ни печальнымъ, ни тоскливымъ; но она не покидаетъ меня ни на минуту, какъ образъ возлюбленной. Я засыпаю съ нимъ, вижу его во снѣ, съ нимъ пробуждаюсь, и благодарю Провидѣніе за благодѣяніе, оказанное мнѣ тѣмъ, что я рано познакомился съ этимъ человѣкомъ и такъ долго пользовался его дружескимъ обществомъ. Всему свѣту извѣстно значеніе его, какъ писателя, но немногіе знаютъ ему цѣну, какъ другу; я нахожу даже, что нравственное значеніе его многимъ неизвѣстно. Понятія нравственности и добродѣтели тоже подчинены модѣ, и тотъ, кто не можетъ приспособиться къ моднымъ понятіямъ своего вѣка, обыкновенно остается непризнаннымъ и отвергнутымъ своими современниками. Но вотъ что представляется мнѣ несомнѣннымъ: если кто-нибудь былъ лучше, чѣмъ выказывалъ себя въ своихъ сочиненіяхъ, то это Лессингъ. Онъ умѣлъ послѣ короткой бесѣды привлекать къ себѣ даже людей, наиболѣе противъ него опредубѣжденныхъ, и однако, сколько мнѣ извѣстно, изъ устъ его никогда не выходило ничего похожаго на лесть. Скажу болѣе: онъ даже имѣлъ—какъ бы это выразить?—онъ имѣлъ странность быть непримиримымъ врагомъ наружной любезности. Его общественныя добродѣтели заключались скорѣе въ дѣйствительномъ вниманіи и искренней обязательности, въ крайней самоотверженности и крайнемъ отсутствіи самомнѣнія, въ кроткой готовности до того предупреждать каждаго богатствомъ своихъ идей, что въ разговорѣ съ нимъ всякій чувствовалъ себя болѣе остроумнымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, хотя и сильно ощущая въ глубинѣ души его превосходство. Саркастическій и ѣдкій въ отношеніи ко всякому краснобаю, который считаетъ себя однаго обладателемъ истины, онъ былъ мягокъ и скроменъ съ каждымъ, кто доискивался истины, и всегда охотно служилъ ему своимъ умственнымъ запасомъ".

Мендельсонъ писалъ въ тоже время брату Лессинга: „Ни слова о нашей потерѣ, мой дорогой, о великомъ пораженіи, понесенномъ нашимъ сердцемъ! Память человѣка, нами утраченнаго, слишкомъ священна для меня теперь, чтобы я сталъ помрачать ее жалобами. Она представляется мнѣ отнынѣ въ такомъ свѣтѣ, который распространяетъ покой и освѣщающую ясность на предметы. Нѣтъ! Я уже не разсчитываю утраченнаго мною съ его смертью»... «Соображая всѣ обстоятельства, я скажу, что братъ вашъ кончилъ жизнь во-время, не только по міровому плану — тамъ, собственно говоря, все совершается во-время—но и въ нашей тѣсной сферѣ, едва имѣющей одну пядь въ діаметрѣ. Фонтепель говоритъ о Коперникѣ: онъ познакомилъ міръ съ своею системой и умеръ. Біографъ вашего брата скажетъ съ тѣмъ же правомъ: онъ написалъ „Натана Мудраго" и умеръ. Я не могу составить себѣ никакого понятія о подвигѣ духа, который былъ бы на столько же выше «Натана», насколько это послѣднее произведеніе въ моихъ глазахъ выше всего, написаннаго имъ прежде. Онъ не могъ подняться выше, не попадая въ такую область, которая совсѣмъ недоступна нашему чувственному глазу. И вотъ мы стоимъ, какъ ученики пророка, и съ изумленіемъ смотримъ на то мѣсто, съ котораго онъ поднялся вверхъ и исчезъ. Еще за нѣсколько недѣль до его кончины я имѣлъ случай писать ему, что онъ не долженъ удивляться непониманію великаго значенія этой драмы большинствомъ его современниковъ; что лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ его смерти, она на долгое время послужитъ пищей для болѣе развитаго потомства. Въ самомъ дѣлѣ, онъ опередилъ свое время больше, чѣмъ на цѣлое поколѣніе."

Самъ Мендельсонъ умеръ 4 января 1786 г. Съ тѣхъ поръ уже прошло почти сто лѣтъ; философскіе его пріемы и нѣкоторыя мысли, конечно, устарѣли, но основная реформаторская мысль его, относительно еврейскаго племени и его положенія среди христіанскихъ народовъ, получала все большее и большее осуществленіе. Нѣмецкое и общечеловѣческое образованіе стали по его почину доступными евреямъ Германіи. Многіе изъ нихъ пріобрѣли вѣскія имена въ наукѣ и искусствѣ; нѣмецкіе евреи стали нѣмцами по образованію и образу жизни; а тамъ, гдѣ положеніе евреевъ еще остается и до сихъ поръ такимъ же, какимъ оно было при Мендельсонѣ, мысль его продолжаетъ свѣтить и господствующему, и приниженному племени, и будетъ свѣтить имъ до тѣхъ поръ, пока не выведетъ ихъ на путь равноправности, общечеловѣческаго образованія и свободы.

В. Коршъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВРАЖДѢ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ И ДРУГИМИ НАРОДАМИ.

> Il y a dans une époque differents peuples, parceque dans une époque il y a differentes idées. Chaque peuple répresente une idée et non pas une autre.
>
> V. COUSIN.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ вдумываться въ исторію еврейскаго народа, меня, какъ и многихъ другихъ, не могло не поразить явленіе, составляющее самую характеристическую сторону этой исторіи, а именно *вражда между евреями и другими народами.* Откуда эта вражда и изъ чего она возгорѣлась? Желаніе добраться до зачатковъ этой вражды было побудительною причиною того, что я искалъ отвѣта на этотъ вопросъ въ самыхъ различныхъ источникахъ. Результаты-то этихъ изысканій я и намѣренъ изложить здѣсь въ самомъ сжатомъ видѣ.

Прежде однако, чѣмъ приступить къ выполненію нашей задачи, я считаю нужнымъ предпослать нѣсколько словъ о мотивахъ, которые побудили меня приняться за эту задачу. Если принять въ соображеніе, что я, по роду моихъ занятій, стою весьма далеко отъ историческихъ изслѣдованій, то нельзя будетъ не допустить, что причины, заставившія меня приняться за подобнаго рода трудъ, должны были быть весьма побудительныя. А онѣ дѣйствительно таковы. Мы живемъ въ высшей степени странное время. Будущему историку нашей эпохи будетъ стоить не мало труда найти надлежащую точку зрѣнія, съ которой можно было бы хоть сколько нибудь ясно обозрѣть ее. Трудность эта обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что она, по отношенію къ характеристикѣ своей, не представляетъ ничего цѣльнаго, законченаго: это эпоха величайшихъ противорѣчій. Само собою понятно, что, говоря это, я имѣю главнымъ образомъ въ

виду шаткость и измѣнчивость въ воззрѣніяхъ на факты высшаго и нравственнаго порядка, факты, которые нѣсколько десятилѣій тому назадъ не могли подавать ни малѣйшаго повода къ спорамъ. Кто, напр., въ концѣ сороковыхъ годовъ могъ бы серьезно спорить о томъ, что должно открыто проповѣдывать непримиримую ненависть къ евреямъ, подобно тому, что теперь дѣлается въ Германіи? Какой бы изъ тогдашнихъ европейскихъ профессоровъ осмѣлился бы бросить въ глаза цѣлому народу, что онъ не способенъ и не долженъ изучать извѣстныя отрасли человѣческихъ знаній (Бильротъ)? И въ то же время другой профессоръ, маститый естествоиспытатель (Шлейденъ), выступаетъ на защиту евреевъ цѣлымъ рядомъ статей, запечатлѣнныхъ глубокою эрудиціею и пламенною любовью къ этому несчастному народу. Развѣ все это—нормальныя явленія? Едва-ли нужно доказывать, что этого ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать, принявъ въ соображеніе тотъ путь, по которому еще такъ недавно шла европейская культура. Если такіе два представителя научнаго движенія, какъ Бильротъ и Шлейденъ, могутъ такъ глубоко расходиться въ воззрѣніяхъ своихъ на одинъ и тотъ-же народъ, то что можно ожидать отъ темной массы, не имѣющей никакихъ строго научныхъ историческихъ убѣжденій? Какъ бы то ни было, но никто не станетъ отрицать, что въ числѣ ненормальныхъ явленій нашей эпохи, почти повсемѣстно возбужденная борьба противъ евреевъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Я поэтому не могъ не подумать, что именно теперь было бы небезполезно исторически прослѣдить зачатки той вражды къ евреямъ, которая до сихъ поръ, отъ времени до времени, такъ сильно обостряется. При этомъ я не могу не замѣтить, что я себѣ не дѣлаю никакихъ иллюзій и нисколько не думаю, что приведенные мною факты образумятъ тѣхъ, для которыхъ ничуть не выгодно разувѣриться въ своихъ заблужденіяхъ. Но, быть можетъ, тѣ немногіе читатели, которые привыкли вдумываться въ историческіе факты, извлекутъ для себя нѣкоторую пользу изъ этихъ фактовъ ужъ въ томъ отношеніи, что будутъ сами доискиваться правды въ этомъ хаосѣ мнѣній и предубѣжденій... Вслѣдствіе-то этого я старался держаться вдали отъ всякой полемики, такъ какъ очень хорошо знаю, что

этотъ литературный пріемъ ни къ чему не ведетъ въ серьезныхъ вопросахъ.

Въ исторіи евреевъ, при первомъ даже, поверхностномъ, взглядѣ на нее, насъ поражаетъ одно очень характерное явленіе. Въ теченіе многихъ столѣтій мы видимъ народъ, настойчиво и энергически развивающій одну исключительную сторону человѣчества, одну идею; политическая жизнь его имѣетъ свой оригинальный, совершенно самобытный характеръ; его интерессы, его завѣтныя стремленія кажутся діаметрально противоположными интересамъ и стремленіямъ его сосѣдей. Отсюда это изолированіе, эта замкнутость исторической жизни евреевъ.

Это, главнымъ образомъ, должно также считать причиною того, что исторіею евреевъ такъ мало интересовались ихъ современники. Древній міръ не видѣлъ ничего интереснаго въ исторіи этого небольшого, страннаго народа.. Скиѳы, не оставившіе почти никакихъ слѣдовъ своей исторической жизни, не могущіе имѣть даже ни малѣйшаго притязанія на развитіе какой-нибудь обще-человѣческой идеи,—скиѳы, однако, могутъ похвалиться тѣмъ, что и на ихъ долю досталось нѣсколько геніальныхъ страницъ маститаго Геродота. Отчего же онъ не говоритъ о евреяхъ? Неужели скиѳы болѣе послѣднихъ могли заинтересовать Геродота? И греческіе, и римскіе историки, разумѣется древнѣйшіе, почти ни однимъ словомъ не упоминаютъ о евреяхъ. Послѣдніе начали говорить о нихъ лишь тогда, когда они начали имѣть какой-нибудь интересъ для исторіи Рима.

Но за то, и съ этой стороны, мы въ исторіи евреевъ замѣчаемъ необыкновенное явленіе. Долгое время исторія ихъ была въ общемъ пренебреженіи у всѣхъ народовъ древняго міра. Но настаетъ другая эпоха; являются другія стремленія, другія идеи—и вотъ исторія ихъ дѣлается классическою, настольною книгою всего человѣчества... Съ другой же стороны, это общее благоговѣніе предъ этою великою книгою должно было также удерживать позднѣйшихъ историковъ отъ попытки изложить дальнѣйшія судьбы евреевъ. Историкомъ невольно должна была овладѣвать робость при одной мысли, что ему приходится излагать судьбы народа, древнѣйшая исторія котораго увѣковѣчена въ великихъ

образцахъ, на которыхъ воспиталось новѣйшее человѣчество. Кромѣ того, здѣсь нужно принять также въ соображеніе трудность самаго предмета. Сколько усидчиваго, терпѣливаго труда, какой обширной эрудиціи требуется для того, чтобы описать дальнѣйшія судьбы евреевъ послѣ утраты ими политической самобытности и разсѣянія ихъ по всему міру. Проклятіе, запечатлѣвшее этотъ народъ, сдѣлалось также почти непреоборимымъ камнемъ преткновенія и для будущаго его историка.

Прослѣдивъ мысленно исторію евреевъ до потери ими политической самобытности, нельзя не согласиться въ справедливости вышеприведенныхъ словъ В. Кузена: ,,въ исторіи каждый народъ служитъ представителемъ какой-нибудь идеи" или лучше—олицетворяетъ ее. Вникнувъ въ глубокій смыслъ этой аксіомы, для насъ становятся гораздо яснѣе и понятнѣе событія исторической жизни всякаго народа. Въ особенности же истина эта приложима къ исторіи евреевъ. Въ ней насъ поражаютъ не блестящія внѣшнія событія, не побѣды, завоеванія и т. п., но чудная внутренняя жизнь народа, которому суждено было занять такое важное мѣсто въ исторіи новѣйшей цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стороны ни объяснять и толковать событія еврейской исторіи,—она никогда не будетъ имѣть особеннаго интереса въ глазахъ воина и политика; но за то сколько завлекательныхъ и интересныхъ сторонъ представляетъ она для мыслителя!

Съ самаго начала мы видимъ небольшое семитическое колѣно номадовъ, мирно кочующее на равнинахъ Месопотаміи. Послѣ многихъ переворотовъ и невзгодъ это небольшое племя геніемъ одного великаго человѣка возвышается до степени тѣсно сомкнутаго народа, энергически стремящагося къ достиженію извѣстной цѣли. Палестина, обѣтованная Палестина, сдѣлалась лозунгомъ этого народа... Но не страсть къ завоеваніямъ, не смѣлая, пылкая удаль побуждала мирныхъ евреевъ къ этому важному историческому шагу. Палестина нужна была имъ какъ почва, на которой широко могла развиться историческая изнь евреевъ, планъ которой былъ предначертанъ свыше. Завоеваніе Палестины евреями представляетъ въ ихъ исторіи единственную эпоху, въ которую блестящимъ образомъ проявилась внѣшняя дѣятельность народа. Но, съ

другой стороны, можно ли сравнить это завоеваніе евреями Палестины съ завоеваніями другихъ народовъ? Есть ли хоть малѣйшее сходство въ стремленіи евреевъ къ завоеванію себѣ клочка земли съ бурными, стремительными нашествіями другихъ народовъ-завоевателей древняго міра? Первыми руководствовалъ разумный, глубоко-обдуманный планъ; послѣдніе-же какъ-бы инстинктивно, безъ предначертанной цѣли и плана, шли съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, разрушая царства и поглощая народы, встрѣчавшіеся на пути ихъ. Оттого и результатъ завоеваній въ первомъ и второмъ случаѣ совершенно различный. Народы-завоеватели по преимуществу смотрѣли на завоеванныя имъ страны какъ бы на временную стоянку, нисколько не заботясь о нихъ и оставляя ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Гдѣ историческіе слѣды напр., гуновъ, завоевавшихъ почти полміра? Не то было съ Палестиной. Евреи, завоевавъ ее, смотрѣли на нее какъ на дорогую обѣтованную отчизну свою. Послѣ этого, усѣвшись въ Палестинѣ, евреи и не думали дѣлать болѣе завоеваній; войны, которыя мы видимъ въ первые годы пребыванія ихъ въ этой странѣ, имѣли чисто религіозный характеръ и были вызываемы крайнею необходимостью.

Если внѣшняя жизнь евреевъ во время пребыванія ихъ въ Палестинѣ имѣла очень тѣсные и ограниченные предѣлы, за то совершенно оригинально развилась внутренняя, гражданская жизнь. Характеръ древнихъ евреевъ не могъ проявиться никогда во внѣшней дѣятельности. Кромѣ того, этому препятствовали также и законодательныя мѣры. Но послѣднія проистекали только изъ первой причины, потому что они были совершенно сообразны съ характеромъ народа, для котораго они были назначены. Всѣ эти законодательныя мѣры были направлены къ тому, чтобы довести ѳеократизмъ до возможныхъ предѣловъ и развить въ народѣ неограниченное благоговѣніе къ этой сторонѣ гражданской жизни. Не наше дѣло разбирать—въ какой мѣрѣ подобный порядокъ вещей удобопримѣняемъ въ практическомъ отношеніи; — но дѣло въ томъ, что это фактъ, и фактъ несомнѣнный и неоспоримый. При подобномъ стремленіи, столь рельефно выраженномъ въ древнемъ законодательствѣ евреевъ, весь ходъ гражданской жизни долженъ былъ принять совершенно само-

бытный характеръ. Съ одной стороны,—отчужденіе отъ всего, что несогласно съ главными основаніями этого направленія, а съ другой — необыкновенная, энергическая стойкость за эти основанія со стороны послѣдователей ихъ. Сближеніе этихъ основаній съ элементами другихъ народностей непремѣнно повлекло бы за собою упадокъ ихъ: они невольно должны были-бы оказаться несостоятельными. Вотъ главная причина изолированія историческаго юдаизма; вотъ ключъ къ объясненію многихъ фактовъ еврейской исторіи, которые, повидимому, кажутся столь странными. Власть мірская тѣсно сливается съ властью духовною и въ древней жизни Іудеи поэтому мы не видимъ борьбы іерархіи съ свѣтскою властію въ томъ смыслѣ, какъ мы это встрѣчаемъ въ теченіе исторической жизни другихъ народовъ. Идеалъ народнаго властителя, по древне-еврейскимъ понятіямъ, долженъ былъ быть въ то же время и идеаломъ ѳеократизма. Не отступать ни на шагъ отъ древняго законодательства и обычаевъ отцовъ—вотъ главный принципъ исторической жизни евреевъ. Идея этого принципа такъ глубоко проникла еврейскую жизнь, что она проявляется во всѣхъ фазахъ ея и вслѣдствіе этого она такъ оригинальна. Ей суждено было ознаменовать себя не громкими внѣшними дѣяніями, а тихою, скромною сосредоточенностію. Еврейской жизни заповѣдано было хранить въ нѣдрахъ своихъ для будущаго цивилизованнаго міра великую идею монотеизма. И нужно отдать ей справедливость: она свято исполнила этотъ великій и многотрудный завѣтъ!

Изъ того, что мы сказали о принципахъ, послужившихъ основаніемъ древняго еврейскаго законодательства, не трудно заключить даже a priori, въ какомъ видѣ должна была развиться гражданская жизнь этого народа. Всѣ стремленія его были направлены къ тому, чтобы строго исполнять завѣщанія отцовъ и мирно жить на своемъ клочкѣ земли; однимъ словомъ, дѣятельность народа была замкнута въ очень тѣсныхъ предѣлахъ. Поэтому древняя Іудея составляетъ высшее проявленіе идеала патріархальнаго государства. Все, что выходило изъ предѣловъ его, должно было оставаться чуждымъ избранному народу. Стоитъ взглянуть на историческую карту Сиріи, чтобы убѣдиться въ выгодахъ,

какія она представляла развитію торговли; живи въ ней народъ съ другими стремленіями, чѣмъ евреи, древняя Сирія могла бы играть въ тогдашнемъ мірѣ такую же роль какъ Финикія. Но древнее законодательство не могло благосклонно смотрѣть на торговлю, потому что чрезъ торговыя сношенія евреи необходимо должны бы были придти въ близкое прикосновеніе съ различными національностями. Оттого не только внѣшняя, но даже транзитная торговля была въ древней Іудеѣ въ очень младенческомъ состояніи.

Таковъ общій характеръ древне-еврейской жизни во время пребыванія ихъ въ предѣлахъ своего отечества. Изъ этой общей характеристики ея не трудно заключить,—что должно было произойти, если эта сосредоточенная, совершенно оригинальная народность придетъ въ прикосновеніе съ другими національностями. Дѣйствительно, послѣ политическаго паденія Палестины исторія евреевъ принимаетъ совершенно другой характеръ. Главнымъ явленіемъ ея дѣлается вражда между побѣдителями и побѣжденными—вражда, безпримѣрная въ исторіи человѣчества. Явленіе это, выразившееся въ очень различныхъ видахъ въ различныя эпохи, становится краеугольнымъ камнемъ послѣдовательной исторіи пребыванія евреевъ почти во всѣхъ странахъ, въ которыхъ они усѣлись. Вражда, дикая вражда закипѣла противъ евреевъ и угрожала имъ совершеннымъ уничтоженіемъ. Неудивительно, если слово историка, касающагося этой стороны еврейской исторіи, звучитъ какъ-то особенно грустно; неудивительно, если многія страницы нѣкоторыхъ еврейскихъ историковъ писаны желчью...

Но откуда эта вражда? Въ чемъ собственно состоитъ вина этого несчастнаго народа? невольно спрашиваетъ историкъ. Почему думаютъ обыкновенно, что евреи справедливо подвергались столь продолжительному и неслыханному гнету? Почему даже и теперь обвиняютъ ихъ иные въ самыхъ нелѣпыхъ небылицахъ? На всѣ эти вопросы можетъ отвѣчать только безпристрастный разборъ историческихъ фактовъ. Мы поэтому разберемъ ихъ подробно и безпристрастно, чтобы читателю можно было прослѣдить всѣ фазы этой великой исторической вражды. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотримъ причины, вызвавшія эту вражду и послѣдствія, сопровождавшія ее,то намъ легко будетъ вывести изъ нихъ заключеніе, приложимое къ какой угодно странѣ и ко всякой эпохѣ.

Мы выше сказали, что народы древняго міра относительно довольно поздно познакомились съ евреями. Это должно считать первою и главною причиною нелѣпыхъ басней о еврейскомъ народѣ, сохраненныхъ древними историками. Эти нелѣпые толки и басни о евреяхъ получили въ древнихъ литературахъ какъ-бы право гражданства, списывались почти буквально позднѣйшими историками и, подтверждаемые знаменитыми литературными авторитетами, они все болѣе и болѣе вкоренялись въ умахъ народовъ. Историки писали о евреяхъ по наслышкѣ и не было для нихъ никакой, самой нелѣпой басни, которой бы они не повѣрили и тщательно не внесли въ свои историческіе разсказы.

Нѣсколько ближе римляне и греки познакомились съ евреями во время первыхъ войнъ Іудеи съ римскою имперіею. Но знакомство это нисколько не послужило къ болѣе тѣсному сближенію этихъ двухъ народовъ. Что могло быть общаго между евреями и римлянами? Римляне называли и считали ихъ варварами (въ новѣйшемъ значеніи этого слова) и съ самаго начала возненавидѣли ихъ за тотъ героическій духъ и стремленіе къ свободѣ, проявлявшіеся столь рѣзко въ политической жизни Іудеи и съ которыми безпрестанно приходилось имъ считаться. Стоитъ прослѣдить исторію первыхъ войнъ Рима съ Сиріею, чтобы увидѣть все ожесточеніе, съ какимъ боролись эти два могучихъ противника. Римляне, такъ легко справившіеся съ Карѳагеномъ, Азіею, Греціею, Галліею и Германіей, встрѣтили вдругъ такое неожиданное и сильное сопротивленіе со стороны народа, занимавшаго небольшой уголокъ Азіи и который они, въ сознаніи своей непобѣдимой силы, считали ничтожнымъ съ политической точки зрѣнія. Ихъ старый, неумолимый девизъ «divide et impera», въ первое время по крайней-мѣрѣ, не могъ имѣть никакого приложенія относительно Іудеи. Помпей, первый вступившій въ Сирію съ римскими легіонами, очень скоро узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и что народъ этотъ побѣдить не такъ легко, какъ думали въ Римѣ.

Въ чемъ же состояла сила еврейскаго народа, которую противуставлялъ онъ побѣдоносному Риму и которая внушала такое справедли-

вое опасеніе самимъ знаменитымъ полководцамъ его? Сила эта состояла не въ арміи, не въ крѣпостяхъ, съ которыми Римляне справились бы безъ всякаго труда, а въ высокомъ нравственномъ самосознаніи, въ великихъ историческихъ преданіяхъ, составлявшихъ для евреевъ все, что было драгоцѣннаго для нихъ въ жизни. Еврей могъ очень легко понять, что религіозныя его убѣжденія, столь чуждыя римлянамъ, будутъ служить вѣчною причиною вражды. Римлянъ побуждало къ войнѣ непомѣрное честолюбіе и страсть къ завоеваніямъ; евреевъ же въ борьбѣ съ ними одушевляли безпредѣльная любовь къ своей родинѣ, завѣщанной имъ Богомъ и неограниченное уваженіе къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и обычаямъ, составлявшимъ единственную и главную основу ихъ политическаго быта.

Съ другой-же стороны, не трудно было также скоро понять и римлянамъ эту силу, съ которою приходилось имъ бороться въ этомъ случаѣ. Юдаизмъ поэтому сталъ имъ очень скоро ненавистенъ по весьма простой причинѣ: онъ служилъ главнымъ камнемъ преткновенія къ побѣжденію Сиріи. Отсюда то отвращеніе, какое питали римляне къ религіи Іудеи. „Всякій народъ“, говоритъ Цицеронъ, „имѣетъ свои религіозные обряды подобно намъ; *религія же евреевъ столь противна величію имперіи*, славѣ нашего имени и законамъ (??) республики, что она внушаетъ намъ отвращеніе“*. Не проглядываетъ ли въ этихъ словахъ холодный, разсчетливый политикъ, который презираетъ чуждую религію за то, что она составляетъ силу народа, который ему хотѣлось бы побѣдить?.. Тацитъ, описывая укрѣпленія іерусалимскаго храма, очень мѣтко замѣчаетъ, что евреи ихъ построили какъ-бы въ предчувствіи того, что религія вовлечетъ ихъ въ кровопролитныя войны съ другими народами **.

И такъ, первою причиною ненависти римлянъ къ евреямъ послужили ихъ религіозныя убѣжденія; но именно только потому, что убѣжденія эти важны были для римлянъ въ политическомъ отношеніи. Легко можно себѣ представить, что побѣжденнымъ евреямъ нельзя было ждать

* Cicero, pro Flacco, 28.

** C. Tacit. Histor. Lib. V, 12.

пощады со стороны озлобленныхъ римлянъ. Юдаизмъ, опасный для нихъ при политической самостоятельности евреевъ, послѣ внушалъ имъ презрѣніе. Колкими насмѣшками надъ ихъ религіозными убѣжденіями и обычаями они какъ-бы вымещали старинную политическую вражду свою на евреевъ. Первые евреи поэтому, приведенные въ Римъ послѣ паденія Іерусалима, должны были съ самаго начала терпѣть очень много отъ римлянъ. Насмѣшки и обиды градомъ сыпались на несчастныхъ плѣнниковъ, служившихъ часто потѣхою для необузданной, гордой римской черни. Современные сатирики, всегда вѣрные истолкователи общаго настроенія умовъ данной эпохи, старались представить ихъ съ самой жалкой и смѣшной стороны*.

И такъ, евреи съ самаго начала должны были почувствовать очень скоро гнетъ римскаго владычества за свои религіозныя убѣжденія. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было ужиться строгому еврейскому единобожію рядомъ съ римскимъ политеизмомъ, усвоившимъ себѣ религіозныя вѣрованія почти всего тогдашняго языческаго міра? Римлянинъ, познакомившійся съ элленизмомъ и свѣтлымъ, яснымъ воззрѣніемъ на міръ, почерпнутымъ изъ ученій греческой философіи, презиралъ еврея за ригоризмъ и неумолимую строгость его нравственной жизни. Какъ было тогдашнему римлянину понять все величіе идеи, послужившей основою юдаизма?.

Другою причиною вражды между евреями и римлянами послужило христіанство. Римляне не обращали сначала вниманія на возникшее тогда новое ученіе; но когда вѣра Христа начала распространяться очень быстро, оно необходимо должно было возбудить въ нихъ опасеніе. Тогдашніе философы и политики вооружались противъ новаго ученія, предвидя очень ясно, что оно скоро подроетъ основанія языческаго міра. Но римляне, не понимая новаго ученія, смѣшивали его сначала съ юда-

* Марціалъ напр. въ извѣстной сатирѣ (Lib. XII, 57) говоритъ: взгляните на дрожащую еврейку — Arcanam Iudaica tremens mendicat in aurem и т. д., ставя ей какъ-бы въ укоръ, что она, гаданіемъ, дрожа, выманиваетъ ничтожную плату у римской матроны. Что же оставалось дѣлать бѣдной загнанной еврейкѣ въ гордомъ, богатомъ Римѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали ее насмѣшки и презрѣніе?... Этого вопроса, впрочемъ, не задавалъ себѣ саркастическій Марціалъ.

измомъ и всѣмъ гоненiямъ, поднятымъ на христiанъ, подвергались и евреи *. Это послужило также причиною глубокой вражды между христiанами и евреями. Евреи, чуждые прозелитизма, старались оправдываться постоянно предъ римскими властями, которыя особенно опасались за это христiанъ. Но всѣ усилiя ихъ долго ни къ чему не вели: ихъ преслѣдовали за одно съ христiанами. Такъ напр. Светонiй** разсказываетъ, что императоръ Клавдiй выгналъ изъ Рима евреевъ за то, что они производятъ постоянно безпорядки по внушенiю Христа (!!).

Мы думаемъ, что изъ вышесказаннаго ясно видны причины вражды между римлянами и евреями: съ одной стороны, юдаизмъ внушалъ имъ опасенiе въ политическомъ отношенiи, съ другой — возникшее тогда христiанство вызывало ихъ на гоненiя противъ евреевъ, потому что они считали ихъ главною причиною христiанства †.

И страшны были эти гоненiя, которымъ подвергались евреи въ послѣднiя времена римской имперiи. Эта эпоха, за небольшими исключенiями, какъ напр. царствованiя Августа и Антонина, представляетъ рядъ самыхъ ужасныхъ мученiй, которымъ подвергались евреи какъ въ предѣлахъ римской имперiи, такъ и въ самой Палестинѣ. Упомянемъ только о двухъ обстоятельствахъ, относящихся къ этой эпохѣ. Императоръ Адрiанъ, подъ опасенiемъ строжайшаго наказанiя, запретилъ обрядъ обрѣзанiя*†. Но мало было всѣхъ этихъ гоненiй. Евреи, разсѣянные въ предѣлахъ римской имперiи, съ умиленiемъ обращали взоры свои къ Iерусалиму. Этотъ же Адрiанъ на развалинахъ разрушеннаго Iерусалима основалъ новый городъ, названный въ честь его Элiею (Aelia Capitolina) и запретилъ евреямъ не только жить въ немъ, но даже приближаться къ нему. Городъ былъ окруженъ военными кордонами, строго наблюдавшими, чтобы къ нему не приближался ни одинъ еврей. „Въ то время“, говоритъ блаженный Iеронимъ *, „толпы старцевъ, покрытыхъ рубищемъ, и женщинъ, одѣтыхъ въ траурныя одежды, съ усилiемъ взбирались на Оливковую гору и, когда устремляли оттуда взоры свои на великолѣпный городъ Адрiана, — слезы потокомъ лились изъ глазъ ихъ. Только одни стоны и рыданiя слышны были на этой священной горѣ...“ Кто, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ и какихъ бы ни былъ религiозныхъ убѣжденiй, можетъ читать безъ сердечнаго умиленiя эти строки, раздирающiя сердце? Евреи-изгнанники предпринимаютъ изъ Италiи дальнiй путь въ Палестину, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на св. городъ; что же должны были чувствовать эти „старцы, покрытые рубищемъ и женщины въ траурныхъ одеждахъ“, когда имъ даже не позволяли приближаться къ развалинамъ древняго Iерусалима?.. Есть-ли психологическая возможность, чтобы тогдашнiе евреи не возненавидѣли отъ всей души тогдашнихъ римлянъ? Можно-ли обвинять ихъ за это? Одна какая-нибудь великая личность, силою необыкновеннаго ума и воли становящаяся выше уровня человѣческихъ страстей, можетъ прощать врага своего и не желать ему зла; но можетъ-ли возвыситься до такой точки философскаго мышленiя цѣлый народъ? *Тогдашнiе евреи необходимо должны были ненавидѣть тогдашнихъ римлянъ за мученiя, которыя они отъ нихъ терпѣли, потому что считали ихъ смертельными врагами, лишившими ихъ свободы и отчизны...* Народъ какъ бы инстинктивно сознаетъ правоту свою и не щадитъ, конечно, своихъ притѣснителей.

Со вступленiемъ на престолъ Константина Великаго гоненiя на евреевъ еще болѣе усилились. Во всѣхъ сочиненiяхъ первыхъ христiанскихъ писателей, дошедшихъ до насъ, евреи выставляются въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Этотъ духъ нетерпимости отзывается во всѣхъ тогдашнихъ законахъ, касающихся евреевъ. О сближенiи ихъ въ это время съ жителями Римской имперiи нельзя было и думать: вражда дикая, необузданная кипѣла съ обѣихъ сторонъ. Въ собранiи законовъ импе-

* Евреевъ и христiанъ въ Римѣ называли тогда общимъ именемъ „Назареевъ“ и не дѣлали между ними никакого различiя. Послѣ христiанскiе писатели называли назареями секту, признававшую В. Завѣтъ, но принявшую вмѣстѣ съ тѣмъ главные догматы христiанства.

Слово „iudaizare“ въ первые годы христiанства служило часто въ Римѣ страшнымъ обвиненiемъ.

** Sueton., in Claud. 25.

† Тацитъ, разсказывая о новомъ ученiи христiанства, говоритъ, что „Iудея есть корень всего зла“. Ann. XV, 44.

*† Spartiem., in Adriano, p. 7.

* Hyeron. in Zachar. p. 506.

ратора Өеодосія * находится одинъ древній законъ (имѣвшій силу, слѣдовательно, гораздо прежде), строго запрещающій христіанамъ вступать въ бракъ съ еврейками. Законъ этотъ предписанъ былъ первыми христіанскими соборами. Въ кодексѣ Іустиніана находятся еще болѣе строгіе законы касательно евреевъ. Одинъ изъ нихъ запрещаетъ евреямъ въ извѣстные праздники украшать дома свои цвѣтами!!

Преслѣдованія и гоненія на евреевъ во все время среднихъ вѣковъ усиливалось постоянно въ возрастающей прогрессіи. Мы могли бы привести въ ужасъ нашихъ читателей, еслибы мы хладнокровно, словно анатомическимъ ножомъ, раскрыли передъ ними эти страшныя раны, которыя средневѣковый фанатизмъ наносилъ евреямъ... Но мы не дѣлаемъ этого потому, что оно завлекло бы насъ слишкомъ далеко; кромѣ того, сознаемся откровенно, намъ не достаетъ хладнокровія историка на столько, сколько это нужно для того, чтобы мы могли изобразить эту страшную эпоху.

Мы старались, сколько могли, представить вражду между евреями и народами, съ которыми они приходили въ послѣдовательное прикосновеніе, съ самаго развитія ея, чтобы читатель могъ судить о причинахъ, подавшихъ поводъ къ этой враждѣ. Не можемъ не замѣтить здѣсь только одного обстоятельства: если евреи въ первое время возбуждали противъ себя римлянъ оттого, что они были для нихъ опасны, то въ этомъ случаѣ гоненія на нихъ со стороны римлянъ еще сколько нибудь оправдываются, покрайней-мѣрѣ съ политической точки зрѣнія.. Но за что же гнали евреевъ въ средніе вѣка, когда они потеряли уже политическую самостоятельность и когда, слѣдовательно, съ этой стороны ихъ нельзя и нечего было уже опасаться? Зачѣмъ же, когда они странниками являлись въ какое-нибудь мѣсто изъ дальней стороны, ихъ встрѣчали презрѣніемъ и ненавистью?.. Неужели оттого, что ихъ боялись? Но можно ли было бояться этихъ бѣдныхъ, измученныхъ странниковъ, всегда носившихъ съ собою сознаніе своего безсилія, потому что ихъ вездѣ безнаказанно преслѣдовали и гнали?

Если попробуемъ теперь резюмировать все сказанное нами выше

* Cod. Theodos. tit. VIII de Judaeis et coelicolis, 16.

относительно причинъ, подавшихъ поводъ къ враждѣ между евреями и другими народами, то, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) При первомъ же столкновеніи римлянъ съ евреями юдаизмъ долженъ былъ сдѣлаться имъ ненавистнымъ потому, что онъ составлялъ одну изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ покоренію Іудеи. Вражда эта была, слѣдовательно, чисто политическая.

2) Съ возникновеніемъ христіанства евреи одинаково съ послѣдователями новаго ученія подвергались гоненіямъ со стороны языческаго міра. Это, въ свою очередь, не могло не вызвать борьбы между евреями и христіанами. Послѣ побѣды христіанства надъ языческимъ міромъ вражда между христіанами и евреями, покрайней-мѣрѣ, въ первое время, имѣла характеръ репрессаліи.

3) Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, не могли не вызвать въ евреяхъ враждебныхъ чувствъ къ другимъ народамъ. Сознаніе того, что *не они первые* подали поводъ къ этой враждѣ, должно было усугублять враждебныя чувства, которыя они стали питать къ другимъ національностямъ.

Говоря о мотивахъ вражды, питаемой къ евреямъ со стороны другихъ народовъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще одну изъ этихъ причинъ, которую часто эксплуатируютъ противники юдаизма, — именно результаты умственной дѣятельности евреевъ, т. е. ихъ *литературу*. По истинѣ, на первый взглядъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ можно было дѣлать ссылки на еврейскую литературу для того, чтобы оправдать вражду къ евреямъ. Посмотримъ, поэтому, въ чемъ собственно дѣло.

Литература евреевъ замѣчательна въ очень многихъ отношеніяхъ. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ историку приходится бороться съ тою же ненавистью, которая запечатлѣла и гражданскую жизнь евреевъ. Еврейская литература, въ особенности раввинизмъ, подвергалась всегда жестокимъ нападкамъ со стороны ученыхъ другихъ національностей. Причина этому очень ясна: на нее нападали оттого, что

ее знали очень мало. Особенно доставалось всегда громадному произведенію юдаизма—талмуду. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда изреченія и положенія этого древняго кодекса кажутся странными и несогласными съ обыкновенными правилами общечеловѣческой нравственности. Но нужно вспомнить взгляды и направленіе идей, послужившихъ основаніемъ талмуду. Мы уже выше старались показать, что еврейская жизнь развилась совершенно оригинально и самостоятельно, очевидно, что и талмудъ, составляющій крайнее выраженіе этой жизни, долженъ носить на себѣ тотъ же самобытный и странный, повидимому, характеръ. Главнымъ образомъ нападали обыкновенно на догматическую сторону его. Но на это можно отвѣчать тѣмъ, что догматическая сторона вовсе не принадлежитъ талмуду, а В. Завѣту. Раввинизму, какъ исключительная его собственность, принадлежатъ только обрядные законы. Эти послѣдніе вовсе не такъ странны и смѣшны, какъ многіе старались доказывать. Этого же мнѣнія былъ и Фридрихъ Великій. Онъ поручилъ Мендельсону составить извлеченіе изъ талмуда, которое могло бы служить нормою для рѣшенія судебныхъ вопросовъ, возникающихъ между евреями. Мендельсонъ добросовѣстно исполнилъ этотъ трудъ и въ 1778 году издалъ въ Берлинѣ это извлеченіе, подъ заглавіемъ: ,,Обрядные еврейскіе законы" (Ritualgesetze der Juden). Сочиненіе это, въ свое время, было необходимою настольною книгою у всякаго нѣмецкаго юриста.

Еще гораздо прежде этого ученому міру представилась возможность познакомиться поближе съ содержаніемъ и духомъ талмуда. Когда въ Базелѣ собрался синодъ для разсмотрѣнія талмуда, то главное обвиненіе, которое возведено было на него, состояло въ томъ, что содержаніе его оскорбительно для христіанства. Въ это время знаменитый Рейхлинъ, лучшій тогдашній знатокъ еврейскаго языка, возсталъ противъ этого обвиненія и въ краснорѣчивомъ опроверженіи доказалъ всю неосновательность его. Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что опроверженіе это писано ученымъ христіаниномъ, авторитетъ котораго единодушно признаваемъ былъ всѣмъ тогдашнимъ ученымъ міромъ.

Историческое развитіе талмуда и основанія его — мишны можетъ служить также самымъ лучшимъ опроверженіемъ этого обвиненія. Содержаніе талмуда сосредоточено преимущественно на догматической и юридической сторонѣ исключительно еврейской жизни и если талмудъ говоритъ о чемъ-нибудь другомъ, то это развѣ только о различныхъ событіяхъ еврейской исторіи. ,,Если подъ талмудомъ разумѣть одну мишну", говоритъ Вагензейль *, ,,то я могу утвердительно сказать, что во всемъ талмудѣ не находится ничего оскорбительнаго для христіанъ, онъ не содержитъ никакихъ басень и вообще ничего, что было бы несогласно съ здравымъ разсудкомъ. Онъ содержитъ только преданія и составляетъ, какъ мы сказали, сводъ традиціональнаго еврейскаго права". Слова эти принадлежатъ христіанину, но христіанину беспристрастному.

Талмудъ послужилъ образцомъ для послѣдующей умственной дѣятельности евреевъ. Величайшіе еврейскіе литературные авторитеты посвящали всю жизнь свою объясненію библіи и талмуда. Такимъ образомъ возникла многочисленная семья древнихъ еврейскихъ комментаторовъ, между которыми пользуются особеннымъ авторитетомъ и славою испанскій еврей—знаменитый Маймонидъ и французскій еврей Раши (въ XII стол.).

Еврейская литература среднихъ вѣковъ принимаетъ уже другой характеръ, особенно въ Испаніи. Сближеніе евреевъ съ испанскими маврами имѣло очень большое вліяніе на умственную дѣятельность первыхъ. Въ это время литература евреевъ принимаетъ явно философское направленіе. Къ этой-то эпохѣ и относятся многія еврейскія сочиненія, какъ оригинальныя, такъ и переведенныя съ арабскаго и греческаго. Въ это же время еврейская поэзія достигла высшей степени процвѣта-

* Приводимъ эти замѣчательныя слова въ подлинникѣ: „Si per Talmud solam Mischnam intelli gam, vere affirmavero in toto Talmude reperiri nullam blasphemiam, nihil christianis adversum, nullam fabulam quoque, imo nec quidquam, quod valde a ratione sit alienum. Continet enim tantum narcora caso'sris et est, ut diximus, Corpus Iuris Iudaici, olim non scripti. Wagenseil, Tela ignea Satanae, p. 57.

Мѣсто это приведено въ интересномъ сочиненіи Делитча (Delitsch). Iudenthum, Wissenschaft und Kunst, изъ котораго мы его и заимствуемъ.

нія. Она выразилась въ такъ-называемомъ „синагогальномъ" направленіи. Къ этой-то эпохѣ относится большая часть теперешнихъ еврейскихъ молитвъ. Многія изъ нихъ дышатъ наивною прелестью арабской поэзіи. Вообще эпоха первоначальнаго пребыванія евреевъ въ Испаніи имѣла огромное вліяніе на всю послѣдующую еврейскую жизнь.

Заговоривъ о еврейской литературѣ, не можемъ не обратить вниманія на одно очень важное обстоятельство. Въ исторіи евреевъ, во время пребыванія ихъ въ предѣлахъ Римской имперіи, замѣчается эпоха, въ которую евреи не подвергались такимъ изступленнымъ гоненіямъ, а, напротивъ, видно, что римскіе язычники старались какъ бы сблизиться съ ними. Это вліяніе евреевъ на тогдашнихъ современниковъ было чисто умственное. Въ сочиненіяхъ тогдашнихъ философовъ и поэтовъ не видимъ уже прежнихъ насмѣшекъ на еврейскіе обряды, а напротивъ они отзываются о нихъ съ величайшимъ уваженіемъ. Время это совпадаетъ съ эпохою наивысшаго процвѣтанія александрійской философіи.

Въ философіи преобладали тогда двѣ главныя системы — эклектизмъ и неоплатонизмъ. Неоплатоники слѣдовали ученію Платона и Пиѳагора, облекая его мистицизмомъ ѳеогоническихъ ученій Индіи и Персіи *. Еврейскіе ученые Филонъ, Аристовуль и Іосифъ, писавшіе на греческомъ языкѣ, пользовались большимъ авторитетомъ у неоплатониковъ. Другая тогдашняя философская система—эклектизмъ,—собирала изъ всѣхъ философскихъ системъ все то, что казалось ей лучшимъ и такимъ образомъ создала стройное цѣлое. Очевидно, что эта система, при такомъ направленіи, не могла не придти въ соприкосновеніе съ еврейскою литературою.

Поэтому мы въ философахъ этой школы видимъ явное стремленіе къ сближенію съ юдаизмомъ. Онъ уже не считается суевѣріемъ, а напротивъ тогдашніе философскіе умы стараются подвести его подъ извѣстную систему и сблизить его съ ученіемъ другихъ философскихъ си-

* См. Histoire de l'Ecole Alexandrine p. Maret. Мы цитируемъ многія мѣста по Капефигу, который имѣлъ возможность воспользоваться многими драгоцѣнными источниками, относящимися къ еврейской исторіи.

стемъ. Нуменій * напр. не можетъ выразить всего удивленія своего къ евреямъ за ихъ спиритуализмъ и за то, что идея ихъ о Богѣ свободна отъ всего матеріальнаго. „Что такое Платонъ", говоритъ онъ, „какъ не Моисей, говорящій греческимъ языкомъ?" Неоплатоникъ Гермиппъ прямо говоритъ, что Пиѳагоръ большую часть своей философской системы заимствовалъ у евреевъ. Тоже самое подтверждаетъ и Ямблихъ, біографъ многихъ философскихъ знаменитостей. Діодоръ Сицилійскій ** говоритъ, что по закону Моисея евреи не поклоняются статуямъ оттого, что человѣческія формы не приличны для изображенія божества. Діонъ Кассій † самымъ лестнымъ образомъ отзывается о благочестіи евреевъ и удивляется строгой простотѣ ихъ храмовъ. Однимъ словомъ, мы замѣчаемъ совершенную перемѣну въ направленіи тогдашнихъ умовъ: энтузіазмъ къ еврейской философіи былъ всеобщій. У Порфирія*† сохраненъ замѣчательный отзывъ эфесскаго оракула о евреяхъ: „только одни евреи и халдеи постигли истинную мудрость; одни они поклоняются вѣчному царю". Тотъ же Порфирій очень защищаетъ обычай, по которому евреи воздерживаются отъ употребленія свиного мяса, потому что и по ученію неоплатониковъ животное это есть „самое нечистое выраженіе матеріи"†*. По свидѣтельству Лампридія, императоры Геліогобаль и Филиппъ гордились тѣмъ, что надъ ними совершенъ былъ древній обрядъ обрѣзанія. Изъ этого видно, что даже и на этотъ древнѣйшій обрядъ юдаизма, надъ которымъ прежде такъ сильно издѣвались поэты и философы, начали смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія...

* Многія интересныя подробности объ этомъ см. въ сочиненіи Ларднера.— A large Collection of ancient jevisch and heathen Testimonies etc. T. III, p. 108 sqq.

** Diodor. Sicil. Lib. XI.

† Dion. Cassii lib. XXXVII.

*† См. Porphir., de Philosophia lib. I. ap. Euseb.—Praepar. Evangel. lib. IX, cap. 5.

†* Не можемъ не привести здѣсь кстати мнѣнія Плутарха на счетъ этого обычая, потому что оно въ высшей степени оригинально. Онъ говоритъ, что египтяне, живущіе на самой плодородной почвѣ въ мірѣ, не употребляютъ сохи, а, по разлитіи Нила, выгоняютъ въ поле свиней, которыя, бороздя землю по своему обыкновенію, замѣняютъ соху. Поэтому нечего удивляться, говоритъ онъ, что религія евреевъ запретила имъ употреблять въ пищу это животное изъ уваженія къ тому, что оно указало имъ способъ засѣванія полей. Plutar. Sympos. lib. IV, quac. 5.

Однимъ словомъ, эпоха эта представляетъ замѣчательное явленіе: съ одной стороны необыкновенное вліяніе юдаизма на тогдашніе умы; съ другой, какъ-бы сближеніе евреевъ съ язычниками въ соціальномъ отношеніи. Евреевъ не чуждаются уже, какъ отверженнаго племени, а стараются научиться у нихъ мудрости, завѣщанной имъ Богомъ.

Мы съ нѣкоторою подробностію развили этотъ фактъ, такъ-какъ, съ одной стороны, онъ интересенъ въ научномъ отношеніи; съ другой-же, онъ составляетъ многознаменательное явленіе, потому что показываетъ—что могутъ сдѣлать евреи, если внѣшнія обстоятельства хоть сколько-нибудь тому благопріятствуютъ.

Въ подтвержденіе только что сказаннаго я не стану распространяться о томъ, что сдѣлано евреями по отношенію къ нашей культурѣ вообще, такъ-какъ заслуги ихъ въ этомъ отношеніи извѣстны давнымъ-давно. Моя задача была только разобрать въ бѣгломъ очеркѣ одну сторону историческаго юдаизма. Я не дѣлаю никакихъ приложеній изъ выводовъ относительно характера вражды другихъ народовъ къ евреямъ къ настоящему положенію этихъ послѣднихъ. Это составляетъ предметъ публицистики и не входитъ въ составъ нашей задачи. Въ заключеніе не можемъ не высказать, однако, одного искренняго желанія. Пусть тѣ, которые такъ-называемый „еврейскій вопросъ" сдѣлали объектомъ своей литературной дѣятельности, поближе и посерьезнѣе знакомятся съ историческими судьбами народа, о которомъ толкуютъ; пусть они лучше вникаютъ въ внутреннюю жизнь его,—и тогда, я увѣренъ, они избѣгнутъ тѣхъ ложныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, которые столь часто отзываются крайней шаткостью и незрѣлостью. Вообще въ высшей степени желательно, чтобы постоянные толки о настоящемъ положеніи евреевъ были перенесены на чисто-историческую почву. Только съ исторіею въ рукахъ можно освѣтить нѣкоторыя стороны еврейской жизни, которыя кажутся въ высшей степени темными и непонятными. Игнорировать исторію въ столь важномъ дѣлѣ — значитъ завѣдомо желать быть несправедливымъ и поверхностнымъ. Historiam nescire—id est semper esse puerum. (Cicero).

Профессоръ М. Г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

МѢРЪ ВОДВОРЕНІЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ТРУДА.

Въ настоящее время въ средѣ интеллигентныхъ русскихъ евреевъ замѣчается сильное движеніе въ пользу устройства между ихъ единовѣрцами ремесленнаго и земледѣльческаго труда на правильныхъ основаніяхъ.

Будетъ-ли это движеніе имѣть какіе-нибудь практическіе результаты, или нѣтъ—это покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, это движеніе вызывается самой жизнью—безвыходнымъ нищенскимъ положеніемъ громадной массы евреевъ сѣверо- и югозападнаго края.

Вопросъ о водвореніи между евреями производительнаго труда есть вопросъ не новый. Этотъ вопросъ сильно озабочивалъ русское правительство въ теченіе всей первой половины текущаго столѣтія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ говорить лишь о земледѣльческомъ трудѣ.

Въ первое время послѣ присоединенія къ Россіи бывшихъ польскихъ областей, гдѣ жила значительная масса еврейскаго населенія, все вниманіе правительства сосредоточивалось на положеніи евреевъ въ окладъ, на производствѣ имъ поголовной переписи. Въ отношеніи занятій евреевъ оно придерживалось принципа laissez-faire, laissez passer. Когда мѣстныя начальства стали принуждать евреевъ переселиться въ города изъ селеній, то Императрица Екатерина II высказала, что „записавшихся въ купечество и мѣщанство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ евреевъ безвременно селиться въ городахъ не принуждать, но, по заплатѣ каждымъ слѣдующихъ податей, упражняться по уѣздамъ въ

промыслахъ и работахъ не запрещать, особливо, когда нѣтъ для нихъ въ городахъ свободныхъ подъ строенiе домовъ мѣстъ, да и неизвѣстно, могутъ-ли они въ городахъ найтить себѣ пропитанiе" (Ук. 7 мая 1786, П. С. З. Т. 22, № 16391).

Такое безразличное отношенiе къ хозяйственной дѣятельности евреевъ смѣняется въ текущемъ столѣтiи заботливостью правительства регламентировать ихъ занятiя посредствомъ водворенiя между ними производительнаго труда. Регламентацiя объясняется установившимся въ правительственныхъ сферахъ воззрѣнiемъ на хозяйственную дѣятельность евреевъ, какъ на дѣятельность вредную, направлнную къ эксплоатацiи христiанскаго населенiя. Почти всѣ узаконенiя, послѣдовавшiя въ первой половинѣ текущаго столѣтiя, въ пользу или противъ евреевъ, объясняются исключительно этой причиной. Чтобы не быть голословными, мы укажемъ на слѣдующее.

По положенiю 9 декабря 1804 г., евреямъ запрещалось во всѣхъ открытыхъ для ихъ жительства губернiяхъ и областяхъ, начиная съ 1 января 1808 г., содержать въ деревняхъ или селенiяхъ аренды, шинки, кабаки, либо постоялые дворы. Запрещенiе это распространялось и на всѣ такiя-же заведенiя, состоящiя на большой дорогѣ. Засимъ стали принимать мѣры къ выселенiю евреевъ изъ сель и деревень. Подобныя мѣры могли, конечно, вытекать только изъ убѣжденiя о вредности этого промысла евреевъ для мѣстнаго населенiя. Болѣе ясно высказанъ взглядъ на вредную дѣятельность евреевъ въ указѣ 29 iюля 1824 г. о запрещенiи выходящимъ изъ-за границы евреямъ постоянно водворяться въ Россiи. Объ этихъ лицахъ имѣется въ указѣ слѣдующiй отзывъ: ,,Новые поселенцы сiи, по роду ихъ промысловъ, состоящихъ большею частiю въ мелочной внутренней торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, кои наиболѣе сродны съ контрабандою, или въ содержанiи арендъ и шинковъ на правилахъ разорительныхъ и для вѣрителей ихъ и для поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству" (П. С. З. т. 39, № 30004). А въ указѣ 28 декабря 1828 г. о воспрещенiи евреямъ, выходящимъ изъ Царства Польскаго, водворяться въ Россiи, запрещенiе это оправдывается тѣмъ, ,,дабы преградить чрезвычайное

размножанiе сихъ людей болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ для государства" (П. С. З. т. III, № 2558). Хорошая аттестацiя о трудолюбiи и нравственности евреевъ имѣется и въ Высоч. утв. 11 декабря 1850 г. мн. Гос. Совѣта. Въ этомъ мнѣнiи вопросъ идетъ о томъ, слѣдуетъ-ли дозволить евреямъ-караимамъ заниматься продажею горячихъ напитковъ, или нѣтъ. Госуд. Совѣтъ, въ разрѣшенiе этого вопроса, нашелъ, что между евреями вообще, или такъ-называемыми раввинистами и собственно караимами существуетъ замѣчательное различiе какъ въ отношенiи къ догматамъ вѣры (первые слѣдуютъ ученiю талмуда, а послѣднiе исключительно Священному Писанiю Ветхаго Завѣта), такъ равно въ нравственномъ и гражданскомъ отношенiяхъ: караимы стремятся къ осѣдлой жизни и сближенiю съ обычаями мѣстныхъ жителей, занимаются охотно земледѣлiемъ и извѣстны своимъ трудолюбiемъ и строгостью правилъ жизни" (П. С. З. т. XV, № 24715). Хотя Государств. Совѣтъ не дѣлаетъ дальнѣйшаго вывода относительно евреевъ-раввинистовъ, но выводъ этотъ совершенно ясенъ. Наконецъ, самыя правила о разборѣ евреевъ, изданныя 23 ноября 1851 г., имѣли цѣлью ,,обратить ихъ къ правильнымъ занятiямъ по части торговли, ремеслъ, мануфактурной и земледѣльческой промышленности". Причемъ правительство предоставило себѣ, ,,отдѣливъ евреевъ, неимѣющихъ производительнаго труда, подвергнуть ихъ, какъ тягостныхъ для общества, разнымъ ограниченiямъ" (П. С. З. т. 26, № 25766).

Мы здѣсь не будемъ касаться того, на сколько эти воззрѣнiя на экономическую дѣятельность евреевъ правильны или не правильны. Мы констатируемъ только фактъ, что правительство смотрѣло на хозяйственную дѣятельность евреевъ съ самой дурной точки зрѣнiя. Естественно, поэтому, стремленiе его обратить ихъ къ производительному труду. Это стремленiе выразилось въ двухъ формахъ: *положительной* — въ содѣйствiи къ водворенiю между евреями производительнаго труда — и *отрицательной* — въ стѣсненiи евреевъ предаваться тому или другому занятiю и въ подчиненiи ихъ разнымъ ограниченiямъ и невыгодамъ.

Остановимся только на положительной формѣ. Въ Россiи — странѣ земледѣльческой, все благосостоянiе которой зиждется преимущественно

на произведеніяхъ земли, производительнымъ трудомъ долженъ былъ, главнымъ образомъ, считаться трудъ, направленный къ воздѣлыванію почвы, однимъ словомъ, трудъ земледѣльческій. Главное вниманіе правительства было поэтому обращено на привлеченіе евреевъ къ этому виду труда.

Уже въ Положеніи 9 декабря 1804 г. всѣ евреи раздѣлены на четыре класса: 1) земледѣльцевъ, 2) фабрикантовъ и ремесленниковъ, 3) купечество и 4) мѣщанство. Въ самомъ расположеніи этихъ классовъ проглядываетъ мысль о предпочтеніи, которое законодатель отдаетъ земледѣльцамъ предъ другими классами евреевъ. Евреямъ предоставляется, прежде всего, самимъ покупать земли или брать таковыя у помѣщиковъ въ содержаніе, заключая съ ними на этотъ предметъ условія, обработывать земли наемными работниками. Тѣмъ же евреямъ, которые не въ состояніи ни пріобрѣтать собственныхъ земель, ни нанимать таковыя у помѣщиковъ, разрѣшалось переходить на земли казенныя въ губерніяхъ: Литовскихъ, Минской, Волынской, Подольской, Астраханской, Кавказской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, для чего обѣщано было въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній отвести на первый разъ для желающихъ до 30,000 десятинъ.

Для пріохоченія евреевъ къ занятію трудомъ земледѣльческимъ въ Положеніи 1804 г. постановлены были слѣдующія мѣры: 1) что земледѣльцы изъ евреевъ всѣ свободны и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть никому укрѣпляемы, либо отдаваемы кому-либо во владѣніе. Этимъ имѣлось въ виду, съ самаго начала, устранить могшее возникнуть среди евреевъ опасеніе за свою личную свободу, такъ какъ въ то время почти все земледѣльческое населеніе находилось въ крѣпостной зависимости; 2) евреямъ, купившимъ ненаселенныя земли и водворившимъ на ней по контрактамъ и условіямъ не менѣе 30 домовъ или семействъ наемныхъ работниковъ, обѣщалось дозволить въ новомъ поселеніи содержаніе пивной продажи; 3) евреи, поселившіеся на земляхъ помѣщичьихъ особыми селеніями, по добровольнымъ условіямъ, освобождались отъ всѣхъ казенныхъ податей на пять лѣтъ; 4) евреямъ, переселяющимся на казенныя земли, обѣщана была свобода отъ всѣхъ податей на десять лѣтъ и

заимообразная ссуда на обзаведеніе, которую они имѣли возвратить въ теченіе извѣстнаго срока; и 5) наконецъ, евреямъ, поселившимся какъ на помѣщичьихъ, такъ и на казенныхъ земляхъ, обѣщано было, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, уравненіе въ повинностяхъ съ другими обывателями одинаковаго съ нимъ состоянія, а прочимъ евреямъ, которые будутъ заниматься хлѣбопашествомъ—освобожденіе отъ платежа двойныхъ въ казну податей. Эта же льгота обѣщана была ремесленникамъ и фабричнымъ, причемъ въ положеніи 1804 г. выражено, что „когда всѣ вообще евреи въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, то правительство приметъ тогда мѣры уравнять ихъ подати со всѣми другими подданными" (П. С. З. т. 28, № 21547). Такое уравненіе въ податяхъ должно было казаться евреямъ весьма существеннымъ облегченіемъ, такъ какъ поголовная подать взималась съ нихъ въ *двойномъ* размѣрѣ противъ христіанъ и притомъ не только съ лицъ мужскаго, но и *женскаго* пола (П. С. З. т. 31, № 24751, 1812 г.).

Какъ отозвались евреи на приглашеніе правительства обратиться къ земледѣльческой дѣятельности, мы съ достовѣрностью не знаемъ. Но, судя по тѣмъ даннымъ, которыя приведены ниже, слѣдуетъ полагать, что голосъ правительства не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Изъ Положенія Комитета Министровъ, отъ 6 апрѣля 1810 г., видно, что, для водворенія еврейскихъ переселенцевъ, назначены были земли въ Новороссійскомъ краѣ, о чемъ дано было знать Херсонскому Военному Губернатору и Носороссійской Опекунской Конторѣ, съ указаніемъ притомъ, чтобы переселенцамъ оказываемо было, по бѣдности ихъ, пособіе въ прокормленіи на мѣстѣ. На этотъ предметъ и на ссуду, для обзаведенія, назначено было для евреевъ, вмѣстѣ съ чиншевою шляхтою, 300,000 р. Изъ приведеннаго-же положенія комитета министровъ видно, что по 1812 г. число переселившихся евреевъ простиралось до 600 семействъ, въ количествѣ болѣе 3640 душъ и что въ 1812 г. ожидалось еще до 300 семействъ; что на этихъ переселенцевъ было уже употреблено 145,680 р., а на окончательное ихъ водвореніе и на вновь ожидаемыхъ потребно было, по разсчету опекунской конторы, полагая, при-

мѣрно, по 270 руб. на семейство, да на пропитаніе по 5 к. на душу въ день,—всего около 219,000 р. Изъ ассигнованной-же на этотъ предметъ суммы 300,000 руб., за исключеніемъ израсходованныхъ уже 145,680 р., было по Высочайшему повелѣнію отпущено на разные посторонніе предметы 151,800 р., такъ что на водвореніе переселенцевъ оставалось всего 2,519 р. вмѣсто потребныхъ 219,000 руб. А между тѣмъ на 1812 г. не было ассигновано никакихъ денегъ на водвореніе евреевъ. При такихъ обстоятельствахъ херсонскій военный губернаторъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „*по непривычкѣ евреевъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ житіи ихъ, смертность между ними весьма велика, и что переселять ихъ болѣе не должно, развѣ черезъ два или три года по испытаніи склонности ихъ къ сему роду жизни*“. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, съ своей стороны, что такъ какъ потребная на 1812 г. сумма на водвореніе евреевъ не назначена, то слѣдуетъ предписать начальникамъ губерній объ *остановленіи переселенія евреевъ* на счетъ казны, а опекунской конторѣ, чтобы она учинила имъ разборъ, съ выдачей неспособнымъ и не желающимъ упражняться въ хлѣбопашествѣ паспортовъ для приписки, куда слѣдуетъ, не взыскивая, по бѣдности ихъ, употребленныхъ на нихъ издержекъ; тѣмъ-же, которые останутся, объявить, что если втеченіи года кто изъ нихъ останется нерадивымъ и не подастъ надежды къ способности заниматься сельскою жизнью, то таковые отосланы будутъ на суконныя фабрики, гдѣ пробудутъ до тѣхъ поръ, пока заработаютъ долгъ. Но Императоръ Александръ I съ этими соображеніями не согласился, находя, что уменьшеніе суммъ на водвореніе евреевъ можетъ служить лишь основаніемъ къ пріостановленію водворенія новыхъ переселенцевъ. Что-же касается тѣхъ, которые уже водворены, то ихъ слѣдуетъ оставить въ настоящемъ положеніи, безъ всякой перемѣны, „ибо никакого нѣтъ къ оной повода“ (П. С. З., т. 31. № 24185).

Приведенные факты характеристичны для исторіи колонизаціи евреевъ въ Россіи. Съ одной стороны, мы видимъ искреннее желаніе высшаго правительства привлечь евреевъ къ земледѣльческому труду. Правительство отводитъ земли, назначаетъ пособія на водвореніе евреевъ. Послѣдніе, съ своей стороны, тоже не остаются глухи на приглашеніе правительства. Но первый опытъ еще не сдѣланъ и уже раздаются голоса о пріостановленіи переселенія на томъ основаніи, что евреи непривычны къ хлѣбопашеству. Да гдѣ-же и когда они могли привыкнуть къ новому виду труда: вѣдь задача именно заключалась въ томъ, чтобы переселенцевъ пріучать къ хлѣбопашеству, а говорятъ уже о непривычкѣ, въ то время, когда, какъ видно изъ положенія комитета министровъ, переселенцы не были еще окончательно водворены на новыхъ мѣстахъ поселенія. Нельзя-же было требовать, чтобы евреи, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, вдругъ сдѣлались хорошими земледѣльцами; для этого требуется время, а ждать-то исполнителямъ предначертаній высшаго правительства, видно, не хотѣлось. Если значительная масса евреевъ рѣшилась бросить свои пепелища и отправиться въ невѣдомый край, подвергая себя всѣмъ тягостямъ переселенія, и при условіи содержанія на 5-копѣечномъ пайкѣ, то рѣшимость эта могла быть вызвана лишь безвыходнымъ положеніемъ въ настоящемъ и желаніемъ улучшить свое положеніе на новомъ мѣстѣ путемъ прочнаго водворенія. И вдругъ предлагаютъ не только пріостановить переселеніе, по неназначенію для этого изъ государственнаго казначейства средствъ, но даже распустить прибывшихъ переселенцевъ, на которыхъ казна успѣла затратить 145,680 руб. Хорошо еще, что императоръ Александръ I посмотрѣлъ на дѣло нѣсколько глубже и, поэтому, не нашелъ повода къ подобной перемѣнѣ.

Во всякомъ случаѣ переселеніе было пріостановлено, но не по винѣ евреевъ, а—какъ сказано въ резолюціи приведеннаго положенія комитета министровъ—*по причинѣ уменьшенія суммы на водвореніе евреевъ*. О дальнѣйшей судьбѣ колонизаціи въ Новороссійскомъ краѣ нѣтъ свѣдѣній до 1826 г., исключая послѣдовавшаго 19-го ноября 1817 г. Мн. Госуд. Совѣта, коимъ еврейскимъ поселенцамъ, по примѣру сдѣланнаго снисхожденія данцигскимъ колонистамъ, назначена была отсрочка въ платежѣ податей на 5 лѣтъ, а казенный долгъ, числившійся по ихъ водворенію, разсроченъ былъ на 30 лѣтъ (П. С. З. т. 34, № 27147).

Изъ положенія-же комитета министровъ 12-го января 1826 года видно, что всѣхъ еврейскихъ колоній, устроенныхъ въ херсонскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ, считалось въ 1826 г. 8, въ которыхъ было семействъ 714, мужскаго пола 2384, а женскаго 2009 душъ. Казенныхъ долговъ по водворенію и обзаведенію числилось на поселенцахъ 327,388 р. 27½ коп. Колоніи эти образовались изъ переселенныхъ изъ польскихъ губерній евреевъ и водворенныхъ на счетъ казны. Но независимо отъ этихъ колонистовъ, находились тамъ и водворенные на собственный счетъ евреи, вышедшіе туда изъ разныхъ мѣстъ, начиная съ 1807 г. Наибольшая часть переселилась въ 1822 и 1823 годахъ изъ Бѣлорусскихъ губерній, по случаю бывшихъ неурожаевъ, именно 443 семейства, въ числѣ 1226 душъ мужскаго и 927 женскаго пола. Лицамъ этимъ, вслѣдствіе ихъ крайней бѣдности по случаю неурожаевъ, оказано было пособіе отъ казны на первоначальное обзаведеніе впредь до взысканія съ еврейскихъ обществъ Могилевской и Витебской губерній отпущенной на этотъ предметъ суммы. Изъ этихъ бѣлорусскихъ переселенцевъ въ 1826 г. 96 семействъ, въ числѣ 316 душъ мужскаго и 260 душъ женскаго пола, были уже водворены при заведенныхъ прежде еврейскихъ колоніяхъ, другія 45 семействъ основали новую колонію, а прочія оставались пока размѣщенными въ окружныхъ селеніяхъ впредь до водворенія на назначенныхъ имъ для того казенныхъ земляхъ.

О состояніи этихъ колоній имѣются слѣдующія свѣдѣнія въ цитированномъ положеніи комитета министровъ.

Въ 1823 г. главный попечитель о колонистахъ южнаго края Россіи нашелъ еврейскія колоніи въ бѣдномъ положеніи. Причиною этого онъ полагалъ: „свирѣпствовавшія у евреевъ болѣзни и смертность отъ перемѣны климата, непривычка ихъ къ новому образу жизни и занятій, падежъ скота и вообще четыре уже года продолжающійся неурожай хлѣба, засухою и саранчею произведенный". Замедленіе хода устройства колоній главный попечитель объясняетъ далѣе, съ одной стороны, „закоренѣлостью евреевъ въ тунеядствѣ, болѣзнями, смертностью и незнаніемъ работъ земледѣльческихъ, а съ другой стороны—неурожаями, кои разстроили даже коренныхъ земледѣльцевъ въ Херсонскомъ уѣздѣ, въ которомъ учреждены еврейскія колоніи, такъ что отъ засухи и саранчи, истребившихъ въ 1825 г. всѣ нивенныя произрастенія, не было даже корма для домашняго скота, а отъ жатвы хлѣба не собрано и половинной части посѣянныхъ сѣмянъ, и потому изъ 500 хозяевъ едва-ли нашлись 120, которые въ состояніи сдѣлать отъ себя озимый посѣвъ и пропитывать семейства свои безъ пособія".

Такое плачевное состояніе колоній нисколько не смущало тогдашнихъ дѣятелей. Съ одной стороны, главный попечитель находилъ, что для доведенія еврейскихъ колинистовъ до вполнѣ устроенныхъ поселенцевъ требуется со стороны правительства гораздо болѣе терпѣнія, нежели въ отношеніи всѣхъ другого рода колочистовъ. А, съ другой стороны, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ питалъ надежду, что „народъ сей, посредствомъ умѣреннаго принужденія, пріобыкая къ сельскому порядку и трудолюбію, можетъ, *хотя въ другомъ поколѣніи*, представить новый и весьма важный примѣръ еврейскихъ хорошихъ поселянъ" (П. С. З. т. I, № 52).

Указанное положеніе еврейскихъ колоній вызвало необходимость въ отсрочкѣ взысканія съ нихъ податей. И дѣйствительно, льгота въ платежѣ податей, кромѣ земскихъ повинностей, продолжена была еще на десять лѣтъ. Но взамѣнъ этого евреи-поселенцы обложены были поземельнымъ оброкомъ въ размѣрѣ отъ 15 до 20 к. съ десятины владѣемой земли.

Выше мы видѣли, что переселеніе евреевъ на счетъ казны было пріостановлено въ 1812 г. Съ тѣхъ поръ правительство не принимало никакихъ дѣятельныхъ мѣръ для привлеченія новыхъ переселенцевъ. Въ началѣ царствованія императора Николая I обнаруживается стремленіе къ удержанію въ земледѣльческомъ состояніи тѣхъ евреевъ, которые въ прежнее время успѣли уже водвориться въ качествѣ колонистовъ на казенныхъ земляхъ и на счетъ казны. Такому удержанію должны были служить: 1) предоставленіе евреямъ-колонистамъ Херсонской губерніи, дѣйствительно упражнявшимся въ хлѣбопашествѣ, 50-лѣтней

льготы отъ рекрутской повинности; 2) затрудненіе перехода колонистовъ изъ земледѣльческаго въ другія званія. Это затрудненіе выражалось въ томъ, что поселенецъ, пожелавшій перейти въ другое званіе, обязанъ былъ представить письменное согласіе какого-нибудь общества на перечисленіе его въ таковое и, кромѣ того, уплатить слѣдовавшія съ него по земледѣльческому званію подати и повинности, а равно внести состоявшій на немъ, по разсчету, казенный по водворенію долгъ. Поселенцы-же, не получавшіе при водвореніи казенной ссуды, должны были внести, при увольненіи изъ земледѣльческаго званія, взамѣнъ льготы, которой они пользовались по званію земледѣльцевъ и для вспоможенія уплаты казеннаго долга, считавшагося на вымершихъ и оскудѣвшихъ семействахъ, половинную часть казеннаго долга, причитавшагося на одно семейство въ сложности. Эти мѣры должны были если не совершенно устранить переходы, то, во всякомъ случаѣ, до крайности ихъ затруднить, такъ какъ, при бѣдности поселенцевъ, рѣдкій изъ нихъ могъ-бы удовлетворить поставленнымъ условіямъ. Но и этотъ переходъ могъ имѣть мѣсто лишь втеченіе годового срока, опредѣленнаго правилами 24-го іюля 1829 г. о рекрутской повинности евреевъ-земледѣльцевъ; на будущее-же время переходъ послѣднимъ въ другія званія вовсе запрещался; 3) обращеніе въ военную службу безъ зачета земледѣльцевъ, отлучающихся изъ колоніи безъ письменныхъ видовъ, а также буйныхъ, строптивыхъ, непослушныхъ распоряженіямъ начальства, нерадивыхъ къ хозяйству и занятіямъ земледѣльческимъ, либо уклоняющихся отъ нихъ по неосновательнымъ предлогамъ; 4) награжденіе евреевъ-колонистовъ, отличающихся въ сельскомъ хозяйствѣ серебряными и золотыми медалями на синихъ лентахъ, что избавляло ихъ лично отъ тѣлеснаго наказанія, отдачи въ рекруты по рядовой повинности, а имѣющихъ болѣе 50 лѣтъ отъ роду и отъ личныхъ нарядовъ въ работы и подводы по сельскимъ повинностямъ.

По правиламъ 24-го іюля 1829 г. евреевъ-колонистовъ не воспрещалось, впрочемъ, отпускать изъ колоній въ сосѣднія мѣста для сбыта своихъ произведеній и для заработковъ въ свободное отъ производства полевыхъ работъ время, срокомъ до трехъ мѣсяцевъ, но лишь при условіи

оставленія ими достаточнаго числа рабочихъ рукъ въ колоніяхъ для занятія по хозяйству, и чтобы самое увольненіе на заработки обращалось къ улучшенію хозяйства. Но запрещалось вовсе отпускать ихъ для торговли, служенія по виннымъ откупамъ, шинкарства, факторства; однимъ словомъ, для такихъ занятій, отъ которыхъ правительство стремилось ихъ отучить.

Правила 24-го іюля 1829 г. содержатъ также постановленія относительно перехода евреевъ изъ мѣщанскаго званія въ земледѣльческое въ еврейскія колоніи Херсонской губерніи. Именно такой переходъ не допускался во время рекрутскихъ наборовъ и, сверхъ того, лица, желавшія перейти въ земледѣльцы, должны были, между прочимъ, представить удостовѣреніе отъ своихъ обществъ, что они имѣютъ достаточныя средства для обзаведенія и способны къ земледѣлію, причемъ водвореніе такихъ переселенцевъ должно было совершаться *безъ всякаго пособія отъ казны* (П. С. З. т. 4, № 3034).

Положеніе о евреяхъ 13-го апрѣля 1835 года, имѣвшее цѣлью, открывая имъ путь къ снисканію содержанія упражненіями въ земледѣліи и промышленности, въ то-же время преграждало-бы имъ *поводы къ праздности и промысламъ незаконнымъ,*—ничего существенно новаго относительно колонизаціи евреевъ не содержитъ. Глава „о евреяхъ-земледѣльцахъ“ (ст. 24—47) разрѣшаетъ евреямъ переходить въ земледѣльческое состояніе, со сложеніемъ числящихся на нихъ за прежнее время недоимокъ въ казенныхъ податяхъ и сборахъ; селиться на земляхъ казенныхъ, собственныхъ и частныхъ, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ единственно въ назначенной для нихъ чертѣ осѣдлости. Только отводы казенныхъ земель по ежегоднымъ росписаніямъ могли быть дѣлаемы и за чертою осѣдлости евреевъ, по особенному Высочайшему разрѣшенію. Евреямъ-поселенцамъ обѣщано освобожденіе отъ рекрутской повинности на сроки отъ 25 до 50 лѣтъ, смотря по тому, поселились-ли они большими или малыми обществами, отъ подушной подати на 25 лѣтъ и отъ земскихъ повинностей на 10 лѣтъ. Имъ дозволялось также заниматься промышленностью и ремеслами, но не торговлею и не содержаніемъ винокуренъ, шинковъ и питей-

ныхъ домовъ, продажей крѣпкихъ напитковъ и т. п. Евреи-земледѣльцы должны были селиться отдѣльно отъ христіанъ и ихъ сельскія общества учреждались отдѣльно отъ поселянъ другого вѣроисповѣданія (П. С. З. т. X, № 8054).

На основаніи этого положенія, съ Высочайшаго разрѣшенія, назначены были въ 1836 г. для поселенія еврейскихъ обществъ земли въ Тобольской губерніи и Омской области. Изъ сенатскаго указа 20-го ноября 1836 г. видно, что евреи, пожелавшіе переселиться на назначенныя земли, встрѣчали, съ одной стороны, препятствія въ увольненіи со стороны своихъ обществъ, а съ другой, нуждались въ пособіи какъ на содержаніе въ пути, такъ и при обзаведеніи. Вслѣдствіе поступившихъ объ этихъ затрудненіяхъ представленій отъ разныхъ мѣстныхъ начальствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ проектировалъ слѣдующія мѣры, получившія Высочайшее утвержденіе: 1) пріемъ отъ евреевъ объявленій о желаніи переселиться и снабженіе ихъ паспортами поручить особымъ чиновникамъ, по назначенію генералъ-губернатора, или уѣзднымъ начальникамъ и штабъ-офицерамъ корпуса жандармовъ; 2) въ выдаваемыхъ паспортахъ означать, чтобы евреямъ оказываемо было всякое законное пособіе и защита съ отводомъ необходимыхъ помѣщеній для ночлега; 3) отправлять переселенцевъ на назначенные въ Сибири участки въ удобное время и цѣлыми партіями и довольствовать ихъ въ пути пищею на казенный счетъ; 4) мѣстнымъ въ Сибири начальствамъ вмѣнено было въ обязанность распорядиться, чтобы до прибытія переселенцевъ на назначенныя мѣста выстроены были для нихъ избы изъ казеннаго лѣса, а по прибытіи отводить имъ по 15 десятинъ земли на каждую душу мужскаго пола, снабдивъ притомъ каждое семейство на счетъ казны земледѣльческими орудіями, рабочимъ скотомъ и прочими необходимыми домашними вещами, на продовольствіе-же переселенцевъ отпускать до новаго урожая провіантъ. (П. С. З. т. XI, № 9722).

Но здѣсь повторилась та-же исторія, что и въ 1812 г. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по воспослѣдованіи приведеннаго только что узаконенія, и притомъ въ то время, когда переселенцы находились уже въ пути, послѣдовали правила совершенно противоположнаго свойства,— Высочайше утвержденныя 15-го мая 1837 г. правила о мѣрахъ противъ переселенія евреевъ въ сибирскія губерніи и для уменьшенія поселенныхъ уже въ Сибири евреевъ. Чѣмъ вызванъ былъ этотъ внезапный поворотъ, въ новыхъ правилахъ не объяснено; но слѣдуетъ думать, что причиной поворота не былъ недостатокъ денежныхъ средствъ у казны, такъ какъ переселенцевъ велѣно было обратить въ еврейскія колоніи Херсонской губерніи, съ сохраненіемъ за ними всѣхъ пособій на продовольствіе и при поселеніи, предназначенныхъ при отправленіи ихъ въ Сибирь. Въ новыхъ правилахъ постановлено рѣшительно и навсегда прекратить поселеніе евреевъ въ Сибири. Отведенныя для новыхъ еврейскихъ поселеній на 1836 и 1837 года земли въ Тобольской и Омской губерн. обратить къ другому назначенію. Поселеніе евреевъ производить въ новороссійскихъ, а если можно и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ и вообще въ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволена постоянная осѣдлость. Партіи евреевъ, отправившіяся уже для поселенія на отведенныхъ земляхъ въ Тобольской и Омской губерніяхъ и находившіяся въ пути, велѣно было обратить въ Херсонскую губернію, для водворенія въ тамошнихъ еврейскихъ колоніяхъ (П. С. З. т. XII, № 10242).

Сосредоточивъ колонизацію евреевъ, главнымъ образомъ, въ Новороссійскомъ краѣ, правительство позаботилось объ организаціи управленія еврейскими колоніями.

Всѣхъ колоній въ Херсонской губерніи считалось къ 1837 г. девять. Колоніи эти были слѣдующія: Сейдеминуха, Бобровый Кутъ, Большой Нагартовъ, Малый Нагартовъ, Ефенгаръ, Камянка, Излучистая, Ингулецъ и Израиловка.

До 1837 г. всѣ эти колоніи состояли подъ вѣдѣніемъ колонистскаго начальства южнаго края. Перемѣна-же, произведенная въ управленіи ими на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта 4-го ноября 1837 г., заключалась въ томъ, что колоніи переданы въ вѣдѣніе мѣстнаго губернскаго начальства и новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, какъ главнаго начальника края. Для непосредственнаго-же и постояннаго надзора за порядкомъ и хозяйствомъ поселенцевъ опредѣлено было имѣть въ каждой колоніи, какъ существующей,

такъ и впредь возникнуть могущей съ пособіемъ отъ казны, по одному смотрителю изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. За симъ, наблюденіе за дѣйствіями смотрителя и общее завѣдываніе всѣми колоніями въ херсонской губерніи поручено управляющему изъ отставныхъ военныхъ штабъ-офицеровъ, которому придано по два помощника тоже изъ военныхъ оберъ-офицеровъ. Письмоводитель и разсыльные тоже должны были быть военнаго званія. Однимъ словомъ, все управленіе носило чисто военный характеръ.

На обязанности управляющаго лежало: вновь прибывающихъ поселенцевъ приселять въ существующихъ уже колоніяхъ къ прежде водвореннымъ или-же, если окажется нужнымъ, то, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, заводить новыя колоніи; заводить особыя школы для обученія дѣтей поселенцевъ по-русски читать и писать и первымъ правиламъ ариѳметики; содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія, побуждая и поощряя къ нему колонистовъ; пещись объ успѣхахъ садоводства, учреждая, если къ тому имѣются средства, образцовые общественные сады и разсадники для снабженія колонистовъ деревьями плодовыми и лѣсными. Главному инспектору надъ шелководствомъ вмѣнено даже было въ обязанность представить предположенія о средствахъ къ заведенію въ еврейскихъ колоніяхъ плантацій шелковичныхъ деревъ и вообще шелководства.

На сколько успѣшно дѣйствовало военное управленіе въ видахъ развитія земледѣлія въ еврейскихъ колоніяхъ, мы не знаемъ. Но полагать надо, что оно наврядъ-ли принесло какую-либо пользу дѣлу развитія колонизаціи. Ибо, во-первыхъ, трудно и требовать отъ какого-либо штабъ-офицера, либо отъ отставнаго унтера, чтобы онъ былъ хорошимъ агрономомъ, а во-вторыхъ, само правительство сочло въ 1844 г. болѣе удобнымъ подчинить всѣхъ вообще евреевъ-земледѣльцевъ вѣдомству палаты государственныхъ имуществъ (П. С. З. т. 19, № 18562), а въ 1846 г. управленію попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ (П. С. З. т. 21, № 20582).

Законъ 4-го ноября 1837 г. представляетъ еще ту особенность, что имъ отмѣнено существовавшее запрещеніе колонистамъ переходить

изъ земледѣльческаго въ другое званіе. Въ силу этого закона переходъ допускается, но не иначе, какъ послѣ 25-ти-лѣтняго пребыванія въ земледѣльцахъ и по свидѣтельствамъ непосредственнаго начальства о томъ, что во все это время колонисты вели себя безукоризненно и постоянно съ успѣхомъ занимались сельскимъ хозяйствомъ. Это постановленіе касалось исключительно колонистовъ Херсонской губерніи. Что-же касается другихъ земледѣльцевъ-евреевъ, то, относительно перехода ихъ въ другія званія, въ 1840 г. постановлены были особыя правила, въ силу которыхъ евреи-поселенцы, желавшіе возвратиться въ прежнее званіе, обязаны были, во-1-хъ, внести предварительно въ казну ту податную недоимку, какая на нихъ числилась по прежнему званію и была съ нихъ сложена при поступленіи въ земледѣльцы, а сверхъ того и заплатить всѣ за льготное время подати; во-вторыхъ, переходить въ первобытное состояніе безъ раздробленія семействъ; въ-третьихъ, немедленно исполнить рекрутскую повинность, если очередь въ первоначальномъ обществѣ доходила до этого семейства во время нахожденія его въ земледѣльческомъ званіи; въ-четвертыхъ, евреевъ, возвратившихся изъ земледѣльческаго въ прежнее мѣщанское званіе, воспрещалось уже принимать въ земледѣльцы, какъ поселенцевъ неблагонадежныхъ. И наконецъ, правила эти не относились къ тѣмъ земледѣльцамъ, которые состояли въ этомъ званіи 20 лѣтъ. Такія семейства земледѣльцевъ имѣли право, по истеченіи 20 лѣтъ, переходить какъ въ торговое, такъ и въ другія сословія (П. С. З., т. XV, № 15,553).

Такъ-какъ правительство могло предвидѣть, что военное управленіе не будетъ слишкомъ церемониться съ евреями-колонистами, то оно считало нужнымъ помѣстить въ законѣ 4 ноября 1837 г. такое наставленіе: „Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ наблюдаетъ, чтобы при неослабномъ надзорѣ со стороны мѣстнаго управленія за порядкомъ въ колоніяхъ и поведеніемъ колонистовъ не было однакоже притѣсненій отъ излишней и неумѣстной строгости, чтобы, напротивъ того, внимательнымъ попеченіемъ о ихъ нуждахъ и приличнымъ съ ними обращеніемъ, имъ была внушаема привязанность къ начальству ихъ и къ мѣсту поселенія (П. С. З. т. 12, № 10668).

Слѣдуетъ замѣтить, что, въ царствованіе Императора Николая I, правительство всячески старалось привлечь евреевъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе. Выдающуюся роль въ этомъ стремленіи играло, конечно, желаніе обратить евреевъ къ производительному труду. Но нельзя не отмѣтить и слѣдующее обстоятельство, которое, безъ сомнѣнія, должно было вліять на привлеченіе евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ. Дѣло въ томъ, что въ это царствованіе правительство стало крайне стѣснять евреевъ въ ихъ промыслахъ, съуживая въ то-же время черту ихъ осѣдлости. Причины, вызвавшія эти ограниченія, можно подраздѣлить на четыре категоріи: сельскообывательскую пользу, фискальный интересъ, монопольныя поползновенія разныхъ купеческихъ и ремесленныхъ обществъ и административныя соображенія.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ изложенныхъ причинъ, вліявшихъ на ограниченіе евреевъ въ жительствѣ и промыслахъ, потребовало-бы довольно обширнаго изслѣдованія, а потому мы, по необходимости, должны коснуться этого вопроса только вскользъ. Мы можемъ лишь указать на то, что, въ предполагаемыхъ интересахъ сельскихъ обывателей, предписано было въ 1827 г. выселеніе евреевъ изъ деревень и корчемъ Гродненской губерніи (П. С. З. т. II, № 1582). Въ 1829 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переселеніи евреевъ изъ корчемъ и деревень Подольской губ., въ 1830 г. изъ Кіевской губ. (П. С. З. т. V, № 3778); а позднѣе изъ казенныхъ и казачьихъ селеній губерніи Черниговской. Въ силу *фискальныхъ интересовъ* (предупрежденія контрабанды) въ 1843 г. велѣно было: „всѣхъ евреевъ, живущихъ въ 50 верстной полосѣ вдоль границы съ Пруссіей и Австріей, вывесть внутрь губерній, предоставляя имѣющимъ собственные дома продать ихъ въ двухгодичный срокъ и исполнить безъ всякихъ оговорокъ“ (П. С. З т. 18, № 16767). Сверхъ того, нѣсколько раньше, именно въ 1839 г., вслѣдствіе ходатайства губернскаго начальства о дозволеніи евреямъ селиться во вновь учрежденномъ городѣ Кагулѣ, послѣдовала такая Высочайшая резолюція: „никакъ не согласенъ и впредь во вновь открываемыхъ городахъ и мѣстечкахъ въ *полосѣ ста верстъ* вдоль по границамъ не дозволять селиться евреямъ“ (П. С. З. т. 14, № 13003).—*Монопольные происки* ремесленнаго и торговаго сословія въ это время тоже служили не мало къ стѣсненію евреевъ. Такъ, по ходатайству кіевскаго магистрата, въ 1827 г. евреямъ воспрещено было жительство въ Кіевѣ, не смотря на то, что право жительства въ этомъ городѣ признано было за ними Высочайшими повелѣніями 1801 и 1810 г. и что мѣстный губернаторъ признавалъ „*оставленіе евреевъ въ Кіевѣ полезнымъ и въ томъ отношеніи, что они, при умѣренности и простотѣ ихъ жизни, имѣютъ возможность продавать товаръ гораздо дешевле*“, такъ что, по удостовѣренію губернатора, „*рѣшительно можно сказать, что, съ высылкою евреевъ, многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но и вовсе не возможно будетъ ихъ имѣть*“. Поэтому, объяснялъ графъ Левашевъ, „*нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ*“ (П. С. З. т. 8, № 6418).

Та-же причина, которая вліяла на выселеніе евреевъ изъ Кіева, съ обязательной притомъ продажей ихъ имуществъ въ двухгодичный срокъ, служила и къ стѣсненію жительства евреевъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, а также въ городахъ Вильнѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Ковнѣ.

Наконецъ, по разнымъ административнымъ соображеніямъ, евреи были въ это-же царствованіе выселены изъ городовъ Николаева и Севастополя, изъ губерній Астраханской и Кавказской, не смотря на отзывы мѣстныхъ губернскихъ начальствъ о крайней пользѣ пребыванія евреевъ въ этихъ мѣстахъ (П. С. З. т. X, № 8481; т. V, № 3703).

Такое систематическое удаленіе евреевъ изъ селеній и въ то-же время изъ громаднаго числа городскихъ и мѣстечковыхъ центровъ должно было повлечь за собою страшное скученіе еврейскаго населенія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя оставались еще открытыми для ихъ жительства и въ то-же время ставить ихъ въ безвыходное положеніе относительно добыванія средствъ пропитанія. Правительство не могло, конечно, этого не видѣть. И вотъ, обстоятельство это тоже вѣроятно вліяло на привлеченіе

евреевъ къ новому виду труда, дабы вывести ихъ изъ отчаяннаго положенія.

Но на практикѣ дѣло колонизаціи евреевъ встрѣчало не мало препятствій, такъ что постоянно приходилось устранять эти препятствія путемъ новыхъ узаконеній. Замѣчательно то, что дѣло поселенія евреевъ практиковалось съ 1807 г., а между тѣмъ не было даже выработано единообразнаго порядка отправленія въ колоніи переселяемыхъ туда евреевъ. Правила по этому предмету изданы были лишь въ 1841 г., въ отвращеніе усмотрѣнныхъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ Генералъ-Губернаторомъ неудобствъ, которымъ подвергались въ пути многіе изъ евреевъ, переселявшихся въ Херсонскую губернію, при разнообразіи распоряженій мѣстныхъ начальствъ (П. С. З. т. 16, № 14321).

Но встрѣчались затрудненія и другого рода — чисто финансоваго свойства. Дѣло въ томъ, что правительство, отводя евреямъ для поселенія казенныя земли, предоставляло уже имъ самимъ озабочиваться на счетъ средствъ, необходимыхъ какъ для достиженія мѣста назначенія, такъ и для обзаведенія хозяйствомъ на этомъ мѣстѣ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли тѣ евреи, которые, распродавъ свою собственность, въ намѣреніи переселиться въ Сибирь, направляемы были въ колоніи Херсонской губерніи. А между тѣмъ случалось очень часто, что у лицъ, переселявшихся на собственный счетъ, не оказывалось достаточныхъ средствъ для достиженія предположенной цѣли. Въ такихъ случаяхъ правительство оказывало, конечно, свое содѣйствіе переселенцамъ. Такъ, по ходатайству Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора объ оказаніи нѣкотораго пособія евреямъ, какъ прибывшимъ уже въ Херсонскую губернію для поселенія на собственномъ иждивеніи, такъ и тѣмъ, которые имѣли прибыть въ 1841 г., повелѣно было въ 1841 г. водворить таковыя семейства съ заимообразнымъ пособіемъ отъ казны и продовольствовать ихъ до новаго урожая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось поставить мѣстнымъ начальствамъ, откуда евреи переселяются, въ непремѣнную обязанность, не иначе дозволять имъ переселеніе, какъ по представленіи ими и по пересылкѣ къ Новороссійскому Генералъ-Губернатору по 171 р. 43 коп. сер. отъ каждаго семейства, нужные на издержки собственно по водворенію каждаго семейства и по удостовѣреніи, что они имѣютъ, сверхъ того, достаточную сумму на продовольствіе себя въ пути и на мѣстѣ поселенія до новаго урожая (П. С. З. т. 16, № 14705).

Это распоряженіе должно было, по необходимости, лишить многихъ евреевъ, пожелавшихъ перейти въ земледѣльцы, возможности осуществленія такого перехода. При поголовной бѣдности евреевъ, требовавшаяся на водвореніе, продовольствіе въ пути и на мѣстѣ поселенія до новаго урожая сумма настолько была значительна, что лишь немногіе изъ нихъ могли обладать такими средствами.

Съ теченіемъ времени правительство пришло къ убѣжденію, что дѣйствовавшія до-сихъ-поръ правила о поселеніи евреевъ на казенныхъ земляхъ страдаютъ многими неудобствами, тормазящими переходъ ихъ въ земледѣльческое состояніе. Первое неудобство заключалось въ томъ, что евреевъ велѣно было селить въ Новороссійскомъ краѣ, а если можно, то въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Сосредоточеніе еврейскихъ колоній въ одномъ или двухъ центрахъ представляло, конечно, извѣстную выгоду для правительства въ томъ отношеніи, что надзоръ за колоніями, сосредоточенными въ одномъ или двухъ пунктахъ, могъ быть болѣе интенсивный. Но это мѣшало, съ другой стороны, дѣлу колонизаціи, ибо самое переселеніе въ отдаленный край сопряженъ былъ съ значительными затратами на сборы въ дорогу, продовольствіе и т. п., непроизводительно истощавшими жалкія крохи переселенцевъ, а если послѣдніе переселялись на счетъ казны, то и средства послѣдней. Во-вторыхъ, хотя поселенцамъ предоставлялись извѣстныя льготы въ платежѣ податей и въ отправленіи рекрутской повинности, но льготы по послѣднему предмету обусловливались тѣмъ, чтобы евреи селились на казенныхъ земляхъ цѣлыми обществами и самый отводъ земли, по прошеніямъ евреевъ, въ мѣстахъ черты ихъ осѣдлости, зависѣлъ отъ того, чтобы желающихъ селиться было не менѣе двадцати пяти душъ мужескаго пола. Это условіе должно было ставить въ затруднительное положеніе отдѣльныя семейства, которыя пожелали бы перейти въ земледѣльцы на казенныя земли въ чертѣ ихъ осѣдлости. Было еще много другихъ тормазовъ,

которое правительство думало устранить изданіемъ 26 декабря 1844 г. Положенія о евреяхъ-земледѣльцахъ.

Въ силу этого положенія всѣмъ евреямъ, въ томъ числѣ и состоящимъ на рекрутской очереди, дозволялось безпрепятственно вступать въ земледѣльческое состояніе во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ имъ дозволено жительство и селиться на казенныхъ земляхъ въ такомъ числѣ душъ, въ какомъ представится желающихъ, хотя-бы то было не болѣе одного семейства. Этимъ путемъ была, такимъ образомъ, снята съ поселенцевъ обязанность самимъ заботиться о пополненіи числа душъ по соразмѣрности съ землей изъ другихъ желающихъ; обязанность эта была перенесена на Министерство Государственныхъ Имуществъ. Евреямъ дозволялось, конечно, селиться и на собственныхъ земляхъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Самый отводъ казенныхъ земель положено было дѣлать по ежегоднымъ росписаніямъ Министерства Госуд. Имуществъ и по просьбѣ самихъ евреевъ. Отводы земель по росписаніямъ могли быть дѣлаемы и за чертою осѣдлости, но не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Количество отводимой земли полагалось въ размѣрѣ отъ 5 до 8 десятинъ на каждую мужескаго пола душу, а въ степныхъ мѣстностяхъ и болѣе восьми десятинъ, причемъ усадебныя мѣста должно было назначать въ нѣкоторомъ,по возможности, отдаленіи отъ христіанскихъ селеній.

Самый порядокъ поселенія состоялъ въ слѣдующемъ: желающіе поселиться должны были подать объ этомъ просьбу въ мѣстную Палату Государственныхъ Имуществъ, которая представляла просьбу въ Министерство Государств. Имуществъ съ своими соображеніями. Если Министерство находило возможнымъ допустить переселеніе, то оно должно было назначать окончательно сборный пунктъ для отправленія переселенцевъ въ путь, опредѣлить время и порядокъ слѣдованія ихъ, назначить чиновниковъ или вожатаго изъ среды самихъ переселенцевъ для сопровожденія ихъ въ пути и опредѣлить сумму, слѣдующую переселенцамъ на путевыя издержки, которая выдавалась на руку избранному изъ среды самихъ евреевъ.

На обязанности Министерства лежало также сноситься съ граждан-

скими губернаторами о незадержаніи переселенцевъ въ пути и объ оказаніи имъ законнаго содѣйствія.

Что касается управленія евреями-земледѣльцами, то, по Положенію 26 декабря 1844 г., послѣдніе подчинены были общему управленію съ государственными крестьянами, состоя въ вѣдомствѣ Палатъ Госуд. Имуществъ, подъ руководствомъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, обязанныхъ направлять дѣйствія Палатъ къ успѣху колоній, и подъ высшимъ наблюденіемъ Министерства Государствен. Имуществъ.

Для мѣстнаго надзора за поселенцами опредѣлялись смотрители, которые подчинялись Палатамъ Госуд. Имуществъ, а внутреннее сельское управленіе поселенцами устроено было какъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, т. е. съ выборнымъ сельскимъ старшиной и сборщикомъ податей, каковыми общество могло назначать отставныхъ и находящихся въ безсрочномъ отпуску нижнихъ чиновъ безпорочнаго поведенія изъ евреевъ. Такимъ образомъ прежнее военное управленіе замѣнено выборнымъ.

Пособія переселенцамъ положено было выдавать изъ коробочнаго сбора въ размѣрѣ 175 р. на каждое семейство, а для этого изъ коробочнаго сбора имѣла ежегодно быть отдѣляема на этотъ предметъ опредѣленная сумма. Это пособіе въ казенныхъ колоніяхъ выдавалосб смотрителямъ и употреблялось ими въ расходъ по соглашенію съ поселенцами.

Льготы поселенцамъ, поселившимся на казенныхъ земляхъ, предоставлялись слѣдующія: освобожденіе на десять лѣтъ отъ податей и повинностей, на 25 лѣтъ отъ рекрутской повинности и освобожденіе отъ всѣхъ недоимокъ по прежнему состоянію.

Для поощренія земледѣльцевъ установлены были разныя награды, а для доставленія имъ выгоднаго кредита на удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ положено было открыть вспомогательныя кассы изъ средствъ общаго коробочнаго сбора. Наконецъ, расширены, сравнительно съ прежнимъ, права на промыслы, именно поселенцамъ, наравнѣ съ государственными крестьянами, дозволялось имѣть при своихъ домахъ: лавки, лабазы и другія подобныя торговыя заведенія; имѣть въ своихъ селеніяхъ станы всякаго рода, малыя фабрики и всякія домашнія заве-

денія, въ которыхъ вырабатывается крестьянское сукно, холстъ, пестрядь и проч. По прошествіи-же трехъ лѣтъ отъ водворенія, имъ разрѣшалось свободно закупать и развозить внутри ихъ общей осѣдлости припасы, сельскія произведенія, рукодѣлія и издѣлія и продавать ихъ, а также содержать, въ первыя 25 лѣтъ отъ водворенія, оброчныя статьи, перевозы и почтовыя станціи, но только на земляхъ своего уѣзда; по прошествіи же этого срока — на всемъ пространствѣ ихъ общей осѣдлости. Но содержаніе шинковъ поселенцамъ ужъ ни въ какое время не дозволялось. Послѣ 25 л. отъ водворенія, земледѣльцамъ дозволены всѣ тѣ роды торговли и промысловъ, какіе разрѣшены крестьянамъ, какъ по торговымъ свидѣтельствамъ, такъ и безъ оныхъ.

Переходъ въ другое званіе допускался по прошествіи 25 лѣтъ отъ водворенія; ранѣе-же этого срока не иначе какъ по возвращеніи выданнаго пособія, по уплатѣ всѣхъ податей и недоимокъ, сложенныхъ по прежнему званію и по отправленіи рекрутской повинности.

Для пріобрѣтенія необходимыхъ познаній въ земледѣліи, разрѣшалось поселенцамъ, въ первые три года водворенія, нанимать земледѣльцевъ изъ христіанъ; въ видахъ-же распространенія между ними полезныхъ свѣдѣній о земледѣліи, положено было избирать изъ среды поселенцевъ нѣсколько молодыхъ людей, съ согласія ихъ родителей, для обученія въ Горыгорѣцкой школѣ (П. С. З. т. 19, № 18562).

Но и новыя правила оказались вскорѣ страдающими разными недостатками. Дѣло въ томъ, что установленный закономъ 26 декабря 1844 г. порядокъ испрошенія разрѣшенія на поселеніе евреевъ оказался слишкомъ сложнымъ, требующимъ много времени и переписки. Порядокъ этотъ, какъ мы видѣли выше, состоялъ въ томъ, что евреи, желавшіе поселиться на казенной землѣ, должны были прошеніе о семъ подавать въ Палату Госуд. Имуществъ; послѣдняя представляла эти прошенія, съ своими соображеніями, въ Министерство Госуд. Имуществъ, которое уже отъ себя дѣлало нужныя распоряженія, если находило возможнымъ допустить переселеніе. Ясно, что, при существовавшихъ тогда канцелярскихъ порядкахъ, разрѣшеніе ходатайствъ переселенцевъ затягивалось на продолжительное время. Правительство сознало необходимость упростить этотъ порядокъ, сосредоточивъ дѣла по просьбамъ евреевъ о водвореніи въ рукахъ мѣстныхъ властей. Въ виду этого, 27 марта 1847 г. изданы были дополнительныя правила для поселенія евреевъ на казенныхъ земляхъ. Правила эти, которыя признаны были „нужными для успѣшнѣйшаго поселенія евреевъ и обезпеченія благоустройства сихъ поселеній“, постановляли, что просьбы желающихъ поселиться подаются начальнику губерніи, со всѣми нужными объясненіями о составѣ семейства, въ которомъ должно быть не менѣе трехъ работниковъ или 6 ревизскихъ душъ, и о мѣстѣ, въ какомъ переселенцы желаютъ поселиться. Начальники губерній, по соображеніи просьбъ съ свѣдѣніями о состояніи свободныхъ земель, должны были раздѣлить просителей на два рода; просящихъ пособія и не требующихъ его. Въ отношеніи первыхъ, начальники губерніи, по удостовѣреніи, что семейства просителей имѣютъ въ составѣ своемъ достаточное число членовъ и *необходимыя средства для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ,* отлагали разрѣшенія ихъ просьбъ до окончательнаго составленія смѣтъ коробочнаго сбора на слѣдующій годъ, и при составленіи смѣтъ назначали общую по губерніи сумму собственно на поселеніе евреевъ, и, сообразно съ этою суммою, избирали къ поселенію надлежащее число семействъ, начиная всегда со старшихъ по числу душъ. Во всякомъ-же случаѣ начальникамъ губерніи разрѣшалось назначать въ Новороссійскій край до ста семействъ ежегодно изъ каждой губерніи. Засимъ назначенные для поселенія евреи раздѣлялись на два разряда: а) поселяющихся въ той-же губерніи, гдѣ имѣютъ жительство и б) поселяющихся въ губерніяхъ новороссійскихъ. Первые передавались въ вѣдѣніе мѣстной Палаты Государств. Имуществъ, съ подлежащей на поселеніе ихъ денежною суммою изъ коробочнаго сбора, а о вторыхъ начальники губерній должны были извѣщать Попечительный Комитетъ иностранныхъ поселенцевъ, съ приложеніемъ именного списка переселяющихся и суммъ на водвореніе ихъ и требовать оповѣщенія, къ какому времени могутъ быть приготовлены жилища для нихъ, при чемъ Попечительному Комитету и Палатамъ Госуд. Имуществъ вмѣнялось въ обязанность немедленно дѣлать распоряженіе объ устройствѣ

къ опредѣленному сроку домовъ съ принадлежностями, а Попечительному Комитету — о заготовленіи для переселенцевъ изъ западныхъ губерній сѣмянъ для посѣва и продовольствія до новаго урожая.

Изъ другихъ постановленій расматриваемаго закона обращаютъ на себя вниманіе постановленіе о томъ, что земли, для поселенія евреевъ разъ предназначенныя, на другое употребленіе не обращаются. Количество отводимой въ Новороссійскомъ краѣ земли на семейство въ шесть ревизскихъ душъ опредѣлено было въ размѣрѣ отъ 20 до 40 десятинъ, а въ губерніяхъ западнаго края — отъ 12 до 20 десятинъ. Заведеніе еврейскихъ колоній велѣно не стѣснять никакимъ разстояніемъ отъ христіанскихъ поселеній. Относительно управленія колоніями въ западныхъ губерніяхъ произведена была та перемѣна, что, вмѣсто особыхъ смотрителей, онѣ были подчинены мѣстнымъ окружнымъ начальникамъ, а въ Новороссійскомъ краѣ — для мѣстнаго надзора опредѣлены были Попечители съ Помощниками и въ селеніяхъ учреждены Приказы на томъ-же основаніи, какъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ колонистовъ, а при неимѣніи таковыхъ, изъ благонадежныхъ людей другого званія. Главное-же управленіе евреями-поселенцами въ Новороссійскихъ губерніяхъ подчинено было Попечительному Комитету Иностранныхъ поселенцевъ. Для привлеченія въ еврейскія поселенія нѣмецкихъ колонистовъ, которые *примѣромъ своего хозяйства могли-бы принести пользу евреямъ*, предоставлялось Попечительному Комитету *приглашать лучшихъ хозяевъ* изъ нѣмецкихъ колонистовъ перейти въ еврейскія колоніи въ видѣ кортомниковъ.

Относительно пособій еврейскимъ поселенцамъ дѣйствовавшія правила измѣнены были въ томъ отношеніи, что сдѣлано различіе, переселяются-ли евреи западныхъ губерній въ Новороссійскій край, или-же они поселяются въ западныхъ-же губерніяхъ. Въ первомъ случаѣ пособіе переселенцамъ назначалось по 100 р. на постройку домовъ и въ ссуду на пріобрѣтеніе скота, продовольствіе, покупку сѣмянъ и другія необходимыя потребности по 70 р.; во второмъ-же случаѣ по 50 р. на постройку домовъ. Наконецъ, для жителей Новороссійскаго края, поселяющихся въ томъ-же краѣ, по 100 руб. Засимъ, для побужденія колонистовъ къ старательному занятію земледѣліемъ, постановлено было, что всякое еврейское семейство, поселенное на казенныхъ или владѣльческихъ земляхъ, распоряженіемъ-ли правительства, на свой-ли счетъ, или-же на счетъ своихъ единовѣрцевъ, обязано на другой годъ своего поселенія завести огородъ и обработать и засѣять не менѣе одной десятины въ полѣ; въ четвертый годъ — имѣть огородъ и по двѣ десятины въ полѣ, и, наконецъ, въ 6 годъ — огородъ и по три десятины въ полѣ обработанной земли, а также достаточное количество рабочаго скота, земледѣльческія орудія, сѣмена и годовое продовольствіе для себя и скота. Это требованіе послужило впослѣдствіи, именно въ 1853 г., къ установленію инвентарей, какъ хозяйственныхъ принадлежностей у поселенцевъ на шестой годъ ихъ водворенія, такъ и принадлежностей, которыми они должны были быть снабжены при водвореніи ихъ единовѣрцами или на собственный счетъ въ западныхъ губерніяхъ и въ Новороссійскомъ краѣ (П. С. З. т. 28, № 27571). Поселенцамъ вмѣнялось въ обязанность обработывать земли самимъ и разрѣшалось нанимать для сего работниковъ изъ среды своихъ единовѣрцевъ, но не изъ числа христіанъ. За нерадивость и несоразмѣрность хозяйства съ указаннымъ размѣромъ положено было подвергать поселенцевъ разнымъ ограниченіямъ, именно: надзору сельскаго начальства въ хозяйствѣ, запрещенію отлучекъ для промысловъ и вообще наказаніямъ, опредѣленнымъ въ Сельскомъ Судебномъ Уставѣ для государственныхъ крестьянъ. Еслибъ-же поселенцы, съ истеченіемъ шести лѣтъ отъ водворенія, не имѣли полнаго хозяйства по собственной винѣ, то имъ грозили, съ разрѣшенія Министра Госуд. Имуществъ, исключеніе изъ сельскаго состоянія и отдача въ рекруты всѣхъ членовъ семейства, способныхъ къ военной службѣ (П. С. З. т. XXII, № 20977).

Мы такъ подробно изложили содержаніе приведенныхъ узаконеній, чтобы показать, на сколько серьезно было желаніе правительства привлечь евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ. Но изъ того факта, что законы по этому предмету слѣдовали за законами, мѣры за мѣрами, слѣдуетъ заключить, что распоряженія правительства не достигали на

практикѣ вполнѣ той цѣли, которую они имѣли въ виду; что, въ дѣйствительности, встрѣчались препятствія, парализовавшія мѣры правительства. Въ чемъ-же заключались эти препятствія? Обыкновенно всю вину въ неуспѣшности колонизаціи сваливаютъ на евреевъ. Но послушаемъ, что говорятъ оффиціальные акты. 19 августа 1852 г. послѣдовалъ Именной указъ, объявленный Сенату Министромъ Государств. Имуществъ „о мѣрахъ къ *облегченію* евреямъ способовъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе“. Такимъ образомъ, послѣ многочисленныхъ узаконеній объ облегченіи такого перехода, пришлось вновь въ 1852 г. придумывать мѣры облегченія. Облегчительныя же мѣры, оказавшіяся нужными, сводились къ слѣдующему: 1) упростить производство дѣлъ для разрѣшенія переселенія; 2) дозволить меньшій противъ прежняго составъ семействъ для поселенія; 3) увеличить пособія для поселяющихся въ западныхъ губерніяхъ; 4) избрать удобныя, по возможности, земли для поселенія; 5) учредить болѣе дѣятельный надзоръ за поселенцами и 6) преподать способы къ обученію раціональному хозяйству.

Изъ характера этихъ мѣръ видно, въ чемъ заключались затрудненія. Затрудненія эти были слѣдующія: а) Если оказалось необходимымъ принять мѣры къ упрощенію производства дѣлъ о переселеніяхъ, то ясно, что на практикѣ производство слишкомъ усложнялось, а принявъ въ соображеніе тогдашніе канцелярскіе порядки, слѣдуетъ думать, что волокита не только не мѣшала своевременному переходу въ земледѣльческое состояніе лицъ, изъявившихъ уже желаніе перейти въ это званіе, но и отнимало всякую охоту проситься въ земледѣльцы и у тѣхъ лицъ, которыя, можетъ быть, хотѣли-бы это сдѣлать. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу здѣсь на одинъ примѣръ, взятый изъ Сенатскаго указа 13 марта 1856 г. о предоставленіи евреямъ-земледѣльцамъ колоніи Валя-Луй-Владъ 50-лѣтней льготы отъ рекрутской повинности. Изъ этого указа видно, что для перечисленія евреевъ въ земледѣльческое состояніе для поселенія на купленной ими-же землѣ, безъ всякаго пособія отъ казны, потребовалось со стороны Казенной Палаты шесть лѣтъ, считая съ 1840 по 1846 г. Отсюда не трудно сообразить, какимъ проволочкамъ могли подвергаться тѣ евреи, которые желали переселиться не на собственныя, а на казенныя земли, да еще съ пособіемъ отъ казны. б) Требуемый закономъ составъ семействъ для поселенія, именно не менѣе трехъ работниковъ или шести ревизскихъ душъ, совершенно напрасно стѣснялъ переходъ въ земледѣльческое званіе семействъ меньшаго состава. в) Увеличеніе пособія для поселенцевъ указываетъ какъ на недостаточность пособія, такъ и на бѣдность поселенцевъ, которые лишены были возможности не только устроиться на собственный счетъ, но даже при томъ пособіи, которое опредѣлено было правилами 1847 года. Вообще, на бѣдность евреевъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ имѣется много указаній въ законодательныхъ актахъ. Такъ, изъ Именного указа 19 апрѣля 1817 г. видно, что бѣдное состояніе евреевъ служило причиной того, что ихъ не показывали въ ревизскихъ сказкахъ, для избѣжанія, конечно, платежа податей. 16 февраля 1822 г. послѣдовалъ Сенатскій указъ, коимъ велѣно было сложить съ прописныхъ евреевъ подати за все прошедшее время „не почему иному, какъ единственно изъ уваженія къ ихъ бѣдному состоянію“. 11 апрѣля издано было Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ объ облегченіи евреевъ Подольской губ. въ платежѣ недоимокъ. Въ этомъ Положеніи приводится такой отзывъ о средствахъ еврейскаго населенія: „еврейскія общества находятся вообще въ весьма бѣдномъ положеніи, а особливо живущіе во владѣльческихъ мѣстечкахъ, гдѣ они, сверхъ государственныхъ податей, обложены еще другими сборами“. Указомъ 22 октября 1831 купцовъ евреевъ обязали участвовать въ платежѣ податей за неимущихъ мѣщанъ. Правительство, такимъ образомъ, не слишкомъ довѣряло состоятельности самаго мѣщанскаго общества, не смотря на существованіе круговой поруки всѣхъ членовъ общества въ платежѣ податей. Интересенъ мотивъ, почему купцы, слѣдовательно лица другаго общества, привлекались къ платежу за мѣщанъ. Мотивъ этотъ слѣдующій: „еврейскіе купцы и мѣщане, по ученію ихъ вѣры, составляютъ одно общество, и затѣмъ, для надежнѣйшаго обезпеченія казны въ податяхъ и повинностяхъ, должны оказывать взаимную помощь мѣщанамъ“ (П. С. З. т. 6, № 4876). Приве-

деніе отзывовъ о бѣдности евреевъ повело-бы насъ очень далеко, а потому ограничимся еще указаніемъ на то, что недостатокъ средствъ затруднялъ переселеніе многихъ евреевъ на казенныя земли, вслѣдствіе чего въ 1849 г. Высочайше было повелѣно, что если, за удовлетвореніемъ всѣхъ просьбъ евреевъ, желающихъ поселиться въ Новороссійскомъ краѣ, на основаніи правилъ 5 марта 1847 г., останутся свободныя на этотъ предметъ суммы, то дозволить начальникамъ губерній разрѣшать поселеніе и такимъ семействамъ, которыя не имѣютъ способовъ предпринять на свой счетъ переѣзды въ Новороссійскій край, съ отпускомъ имъ на подводы и продовольствіе, во время пути, по 7 коп. сер. въ сутки на каждую наличную душу въ семействѣ, безъ различія пола и возраста (П. С. З. т. 24, № 23290). г) Постановленіе объ избраніи для поселенія евреевъ удобныхъ земель указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что, при отводѣ участковъ земли подъ поселеніе евреевъ, вопросъ объ удобности или неудобности земель не игралъ существенной роли. А между тѣмъ качество отводимой земли должно было играть существенную роль, въ особенности, если принять во вниманіе новизну дѣла для поселенцевъ.

Для устраненія всѣхъ указанныхъ затрудненій преподаны были слѣдующія правила:

1) Въ отношеніи упрощенія производства дѣлъ и отвращенія излишней переписки велѣно было, для содѣйствія губернаторамъ западныхъ губерній, учредить особые комитеты изъ вице-губернаторовъ, управляющихъ Палатами Государств. Имуществъ и совѣтниковъ Хозяйственныхъ Отдѣленій Палатъ Госуд. Имуществъ. По просьбѣ евреевъ о поселеніи, передаваемой въ Комитетъ, постановлено было дѣлать одновременно распоряженіе о собраніи справокъ и о приготовленіи участка. Требованіе справокъ ограничить опредѣлительными вопросами: отъ ревизскаго отдѣленія Казенной Палаты — о составѣ семейства, а отъ полиціи и думы, — нѣтъ-ли па просителѣ частныхъ долговъ, препятствующихъ переходу и не состоитъ-ли онъ или одинъ изъ членовъ его семейства подъ судомъ или слѣдствіемъ. Болѣе этого никакихъ свѣдѣній или согласія общества на увольненіе не требовать. Затѣмъ, по разрѣшеніи поселенія, предлагать тотчасъ Казенной палатѣ о перечисленіи переселенца по окладу и о сложеніи недоимки и требовать увѣдомленія, чтобы перечисленіе и сложеніе недоимки было сдѣлано не далѣе трехъ недѣль. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщать думу о пріостановленіи взысканія недоимки, а Палатѣ Госуд. Имуществъ дѣлать распоряженіе о немедленномъ поселеніи. Впослѣдствіи, именно закономъ 13 іюня 1855 г., было разъяснено, что Казеннымъ Палатамъ дозволяется слагать со счетовъ накопившіяся на переселенцахъ, по прежнему ихъ званію, недоимки, на всякую сумму и перечислять этихъ лицъ изъ одного оклада въ другой, безъ испрошенія особыхъ отъ Министерства Финансовъ разрѣшеній, въ какомъ-бы количествѣ евреи ни перечислялись въ земледѣльцы (П. С. З. т. 30, № 29409).

2) Въ отношеніи уменьшенія состава семействъ дозволено поселеніе евреямъ, если въ семействѣ есть два работника при четырехъ и даже при трехъ душахъ мужескаго пола.

3) Денежное пособіе для поселенія въ западныхъ губерніяхъ увеличено вдвое, т. е. по сту руб. на семейство, и самое устройство домовъ и хозяйствъ возложено, по примѣру новороссійскихъ колоній, на мѣстное начальство, при участіи самихъ поселенцевъ и подъ наблюденіемъ губернскаго комитета.

4) Что касается отвода болѣе удобныхъ земель, то начальникамъ губерній поручено вытребовать изъ Палатъ Государств. Имуществъ полныя люстраціонныя свѣдѣнія о всѣхъ вакантныхъ земляхъ и въ засѣданіи комитетовъ, при участіи губернскихъ люстраторовъ, сдѣлать назначеніе, какія свободныя земли, не стѣсняясь получаемымъ съ нихъ оброкомъ, могутъ быть предоставлены подъ поселеніе евреевъ. При чемъ предписывалось, предназначить къ первоначальному заселенію участки болѣе обширные, переходя потомъ къ участкамъ меньшимъ, а если на предназначенныхъ участкахъ имѣются хозяйственныя строенія, то предоставить таковыя поселенцамъ, въ случаѣ ихъ желанія, по умѣренной оцѣнкѣ, въ счетъ слѣдующей имъ на пособіе суммы.

5) Для усиленія надзора за поселенцами приняты двѣ мѣры. Поселенцевъ, смотря по состоянію ихъ хозяйства, велѣно раздѣлять на

разряды и имѣющихъ неудовлетворительное хозяйство подвергать разнымъ ограниченіямъ. Губернскимъ-же Комитетамъ поручено производить въ опредѣленные сроки, чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ, осмотръ еврейскихъ поселеній, поступая съ совершенно неблагонадежными къ хозяйству на законномъ основаніи.

Шестая мѣра касалась, наконецъ, обученія молодыхъ евреевъ раціональному хозяйству. По западнымъ губерніямъ предписывалось имѣть на каждыя сто семействъ поселенцевъ по одному ученику, а всего до тридцати учениковъ въ Горыгорѣцкомъ Земледѣльческомъ училищѣ и садовыхъ заведеніяхъ. Выборъ учениковъ дѣлать по желанію родителей, а для уплаты за нихъ отдѣлять ежегодно изъ суммы, предназначенной для поселенія евреевъ, по 170 р. изъ каждой губерніи, всего по 1575 р. По губерніямъ Новороссійскаго края, назначеніе молодыхъ людей изъ евреевъ-земледѣльцевъ на Луганскую учебную ферму предоставлено Попечительному Комитету, съ тѣмъ, чтобы расходы на этотъ предметъ былъ упетребленъ изъ доходовъ съ приндлежащихъ еврейскимъ колоніямъ земель (П. С. З. т. 27, № 26532).

До сихъ поръ мы все разсматривали мѣры правительства, направленныя къ водворенію евреевъ на назенныхъ земляхъ. Но независимо отъ водворенія на казенныхъ земляхъ, правительство поощряло поселеніе евреевъ на земляхъ собственныхъ, владѣльческихъ и земляхъ ихъ единовѣрцевъ. По Положенію 9 декабря 1804 г., евреи, поселившіеся особыми селеніями на помѣщичьихъ земляхъ, по добровольнымъ условіямъ, освобождались отъ казенныхъ податей на пять лѣтъ. Конечно, для пользованія означенной лготой въ податяхъ, недостаточно было объявленія одного только желанія поселиться, а необходимо было дѣйствительное поселеніе и упражненіе въ хлѣбопашествѣ. Только при этомъ условіи давалась льгота; по прошествіи-же льготныхъ лѣтъ, съ земледѣльцевъ, жившихъ на свбственныхъ земляхъ, велѣно было въ 1824 г. взыскивать подать, платимую свободными хлѣбопашцами, а поселенныхъ на земляхъ помѣщичьихъ—записывать въ окладъ вольныхъ людей, занимающихся хлѣбопашествомъ въ селеніяхъ старостинскихъ, помѣщичьихъ и принадлежащихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ (П. С. З. т. 39, № 29775). Независимо отъ льготы въ податяхъ, землепашцы этого рода освобождались, по закону 26 августа 1827 г., отъ рекрутской повинности, срокомъ отъ 25 до 50 лѣтъ, смотря по тому, жили-ли они большими обществами или малыми (П. С. З. т. II, № 1330). Что слѣдовало считать обществомъ большимъ и что малымъ разъяснено въ 1839 г., причемъ малымъ признано общество, состоящее не менѣе какъ изъ 40 земледѣльцевъ, а большимъ — общество, поселенное на земляхъ казенныхъ, покупныхъ или взятыхъ въ оброкъ не менѣе какъ на 50 лѣтъ (П. С. З. т. 14, № 12810). При переходѣ въ земледѣльческое состояніе съ переселенцевъ слагались всѣ недоимки въ податяхъ и сборахъ по прежнему званію. Эти-же льготы признаны за евреями-земледѣльцами Положеніемъ 13 апрѣля 1835 г., съ тѣмъ, что покупка земель для поселенія или наемъ таковыхъ у частныхъ лицъ для хлѣбопашества могли имѣть мѣсто лишь въ чертѣ осѣдлости евреевъ; что условія найма должны были дѣлаться съ дозволенія начальника губерніи не менѣе, какъ на 12 лѣтъ; по истеченіи же сроковъ условій, таковыя должны были или быть возобновляемы земледѣльцами или послѣдніе переходить на земли другихъ владѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ, согласно позднѣйшему разъясненію, послѣдовавшему въ 1839 г., прочно-водворенными по западнымъ губерніямъ считались тѣ только земледѣльцы, которые имѣли не менѣе пяти десятинъ на каждую ревизскую душу мужескаго пола (П. С. З. т. 14, № 11913).

Болѣе обстоятельно регламентированъ переходъ евреевъ въ земледѣльцы на владѣльческія земли въ законѣ 26 декабря 1844 г. Въ силу этого закона, евреи, пожелавшіе поселиться на земляхъ владѣльческихъ, включая и земли ихъ единовѣрцевъ, должны были подавать о томъ прошенія въ мѣстное Губернское Правленіе, съ приложеніемъ проектовъ условій, на которыхъ они допускались къ поселенію владѣльцами земель. По разсмотрѣніи проекта условій и удостовѣреніи о неимѣніи препятствій къ поселенію, Губернское Правленіе представляло условіе, чрезъ начальника губерніи, Министру Внутр. Дѣлъ для утвержденія, и засимъ только можно было приступить къ заключенію формальнаго условія, не менѣе какъ на 25 лѣтъ. Такимъ земледѣльцамъ предписывалось

оказывать пособіе по 85 р. на каждое семейство. Пособіе это выдавалось не иначе, какъ по особой просьбѣ, представленной Министру Вн. Дѣлъ чрезъ начальника той губерніи, въ которой евреи поселились и за поручительствомъ того владѣльца, на землѣ котораго они водворялись.

Поселенцы этого разряда подчинены были вѣдѣнію Министерства Вн. Дѣлъ и надзору губернскихъ правленій и земскихъ судовъ, которые обязаны были наблюдать за исполненіемъ со стороны ихъ контрактовъ, правилъ, постановлинныхъ на счетъ евреевъ-земледѣльцевъ, и обращать вниманіе на то, чтобы земледѣльческое званіе не служило евреямъ средствомъ лишь-бы воспользоваться льготами этого званія. Льготы-же были слѣдующія: освобожденіе на десять лѣтъ отъ платежа всѣхъ податей и денежныхъ повинностей, на 25 лѣтъ отъ рекрутской повинности и освобожденіе отъ платежа всѣхъ недоимокъ по прежнему званію, при чемъ, при объявленіи каждаго набора, велѣно было уѣзднымъ предводителямъ дворянства и земскимъ полиціямъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ земледѣльцы водворены, доставлять о нихъ справки губернскимъ правленіямъ, и когда по этимъ справкамъ оказывалось, что они дѣйствительно занимаются земледѣліемъ, то они освобождались отъ рекрутской повинности (Законъ 25 мая 1845 г.). Общее положеніе о поселеніи евреевъ отдѣльно отъ христіанъ сохранено и здѣсь. Поселенцы относительно отлучекъ и наградъ подчинены были тѣмъ жн правиламъ, что и евреи, поселенные на казенныхъ земляхъ (П. С. З. т. 19, № 18562).

Правительство поощряло и богатыхъ евреевъ къ покупкѣ земель для поселенія на нихъ своихъ единовѣрцевъ. По Положенію 1804 г. еврею, купившему никѣмъ прежде ненаселенную землю и водворившему на ней не менѣе тридцати домовъ или семействъ наемныхъ работниковъ, дозволялось содержаніе пивной продажи въ новомъ поселеніи (П. С. З. т. 28, № 21547). По Положенію о евреяхъ 1835 г., еврей, поселившій на собственной землѣ десять или болѣе семействъ своихъ единовѣрцевъ, получалъ право на вареніе пива и меда, для продажи того и другого мѣстнымъ обывателямъ. Купившій-же землю и поселившій на ней не менѣе 50 душъ своихъ единдвѣрцевъ получалъ право личнаго почетнаго гражданства, а поселившій 100 душъ мужескаго пола, по прошествіи трехъ лѣтъ отъ совершеннаго водворенія, могъ просить о дарованіи ему права потомственнаго почетнаго гражданства (П. С. З. т. 10, № 8054). Тоже подтверждено и закономъ 26 докабря 1844 г. Но для устраненія злоупотребленій при покупкѣ евреями земель подъ предлогомъ поселенія своихъ единовѣрцевъ, въ указѣ 4 мая 1853 г. оговорено, что въ актахъ на пріобрѣтеніе земли евреями-купцами означается предметъ, на который земля пріобрѣтается, съ обязанностію пріобрѣтателя, по вводѣ его во владѣніе, непремѣнно устроить поселеніе евреевъ земледѣльцевъ, въ противномъ случаѣ пріобрѣтатели обязаны были продать землю въ теченіе шести мѣсяцевъ, если, конечно, они сами не переходили въ земледѣльческое состояніе. Въ этомъ-же законѣ имѣется еще такая оговорка, что изъ земли, пріобрѣтенной для указанной цѣли, должно было причитаться на каждое семейство, по-крайней-мѣрѣ, то количество, которое въ наименьшемъ размѣрѣ опредѣлено къ отводу для евреевъ-земледѣльцевъ изъ дачъ казенныхъ, т. е. въ губерніяхъ западныхъ не менѣе 12, а въ Новороссійскихъ не менѣе 20 десятинъ на семейство (П. С. З. т. 28, № 27322). Конечно, евреи-купцы, поселившіе своихъ единовѣрцевъ на собственныхъ земляхъ, могли пользоваться и поземельнымъ съ поселенцевъ оброкомъ, каковое право сохранено за ними, по Положенію Еврейскаго Комитета 18 февраля 1857 г., и при учрежденіи новыхъ поселеній, съ тѣмъ только, чтобы условія между ними и поселенцами были, со временм изданія этого закона, заключаемы на срокъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ (П. С. З. т. 32, № 31424).

Съ воцареніемъ Императора Александра II наступаетъ переворотъ въ политикѣ правительства по еврейско-земледѣльческому вопросу. Прежде всего, въ 1855 г., послѣдовало ограниченіе еврейскихъ поселеній въ Черниговской губ., именно таковыя поселенія дозволены только на тѣхъ земляхъ, которыя пріобрѣтены уже евреями по законнымъ актамъ; на будущее-же время не дозволено было имъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній для собственнаго поселенія, или для поселенія своихъ единовѣрцевъ (П. С. З. т. 30, № 29277).

Закономъ 22 октября 1859 г. пріостановлено водвореніе евреевъ

на казенныхъ земляхъ западныхъ губерній, съ предоставленіемъ евреямъ на будущее время селиться на земляхъ, отведенныхъ для сего въ Новороссійскихъ губерніяхъ, а также на земляхъ владѣльческихъ или собственныхъ и на земляхъ ихъ единовѣрцевъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ. Въ виду этого, комитеты для ускоренія поселенія евреевъ оказались излишними и ихъ велѣно было закрыть въ 1861 г. (П. С. З. т. 34, № 35017; т. 36, № 37190). Съ 1861 г. начинается рядъ законоположеній, которыми отмѣняются поощрительныя мѣры для привлеченія евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ и облегчается переходъ евреевъ-земледѣльцевъ въ другія званія. Это новое направленіе высказывается сначала нерѣшительно, но потомъ все рѣзче и рѣзче. Такъ, закономъ 27 октября 1861 г. дозволено Попечительному Комитету объ иностранныхъ поселенцахъ и подлежащимъ Палатамъ Государств. Имуществъ разрѣшать, и до истеченія 25 лѣтъ отъ водворенія, евреямъ-земледѣльцамъ, устроившимъ вполнѣ удовлетворительно свое хозяйство и имѣющимъ достаточное число рукъ для занятія хлѣбопашествомъ на будущее время, записываться въ гильдіи и производить торговлю и промыслы по установленнымъ для крестьянъ торговымъ свидѣтельствамъ, но съ тѣмъ, чтобы такіе евреи не исключались изъ земледѣльческаго званія и несли повинности по обоимъ состояніямъ (П. С. З. т. 36, № 37553). 12 февраля 1865 издано Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ, коимъ Министерству Государственныхъ Имуществъ предоставлено разрѣшать евреямъ-земледѣльцамъ, водвореннымъ на казенныхъ земляхъ въ западныхъ губерніяхъ, переходить, согласно ихъ просьбамъ, въ другія податныя сословія, гдѣ не представляется къ тому препятствія по мѣстнымъ обстоятельствамъ и разсрочивать имъ причитающіеся съ нихъ платежи, съ освобожденіемъ отъ исполненія другихъ повинностей за прежнее время и съ обращеніемъ въ казну земель, на которыхъ они были водворены. Мѣра эта была распространена и на земледѣльцевъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе на переходъ въ другія податныя сословія было даваемо Министерствомъ Внутр. Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ (П. С. З. т. 40, № 41802). Впослѣдствіи, именно

въ 1867 г., разрѣшеніе перехода поселенцевъ послѣдняго рода въ другія званія предоставлено въ вѣдѣніе мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, съ обязанностью о перечисленіяхъ доводить каждый разъ до свѣдѣнія Министерствъ Внутр. Дѣлъ и Финансовъ. Тогда-же земледѣльцы, водворенные на собственныхъ земляхъ, въ отношеніи перечисленія, были поставлены въ одинаковыя условія съ земледѣльцами, поселенными на помѣщичьихъ земляхъ (П. С. З. т. 42, № 45198). Высочайше утв. 30 мая 1866 г. мнѣніемъ Государств. Совѣта были вовсе отмѣнены постановленія о перечисленіи евреевъ въ земледѣльцы, съ прекращеніемъ отчисленія изъ коробочныхъ сборовъ денегъ на переселеніе евреевъ въ земледѣльческое званіе, а отчисленныя уже на этотъ предметъ суммы велѣно было обратить на устройство выпущенныхъ въ земледѣльцы, но не водворенныхъ еще въ колоніяхъ евреевъ (П. С. З. т. 41, № 43354). И наконецъ, закономъ 20 января 1867 г. повелѣно дѣйствіе приведеннаго выше закона 12 февраля 1865 г. распространить на всѣхъ вообще евреевъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ (П. С. З. т. 42, № 44148).

Мы подробно разсмотрѣли мѣры правительства по водворенію между евреями земледѣльческаго труда. Теперь бросимъ общій взглядъ на характеръ этихъ мѣръ. Стремленіе правительства привлечь евреевъ къ земледѣльческимъ занятіямъ вытекало изъ воззрѣнія его на хозяйственную дѣятельность многихъ евреевъ, какъ на дѣятельность вредную для интересовъ мѣстнаго сельскаго населенія. Для отвлеченія евреевъ отъ этихъ занятій придумана была для нихъ такая форма труда, которая считалась самой производительной—трудъ земледѣльческій. Сначала правительство принялось за это дѣло очень энергически: оно не только отводило казенныя земли въ Новороссійскомъ краѣ для колонизаціи евреевъ, но и давало необходимыя средства для водворенія ихъ на мѣстахъ поселенія. Но вскорѣ энергія ослабѣваетъ, пособія прекращаются и самое переселеніе пріостанавливается въ 1812 г. по недостатку денежныхъ для этого средствъ. Въ такомъ положеніи дѣло колонизаціи остается до 1835 г., когда правительство стало вновь поощрять евреевъ къ переходу въ земледѣльческое званіе. Въ періодъ времени съ

1835 по 1852 г. идетъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью облегченія такого перехода какъ на казенныя, такъ и покупныя и владѣльческія земли. Для поселенія евреевъ не только отводятся казенныя земли, не только назначаются пособія, но и даруются весьма существенныя льготы относительно податей, земскихъ и рекрутской повинностей и сложенія недоимокъ. Тѣмъ не менѣе поселеніе евреевъ подвигается туго и постоянно приходится прибѣгать къ устраненію разныхъ затрудненій, зависѣвшихъ во всякомъ случаѣ не отъ злой воли самихъ переселенцевъ. Въ настоящее-же царствованіе всѣ исключительные законы, направленные къ поощренію перехода евреевъ въ земледѣльческое состояніе и къ удержанію ихъ въ этомъ званіи, вовсе отмѣнены. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что правительство, при всемъ своемъ стараніи, не достигло особенно блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ колонизаціи евреевъ. Этому, какъ мы видѣли, мѣшали многія причины, между прочимъ существовавшіе въ то время канцелярскіе порядки, бѣдность евреевъ, да и наборъ такихъ лицъ, которыя не только не были подготовлены къ новому дѣлу, но и имѣли о немъ очень смутное оонятіе. Но если всемогущество правительства не могло достичь существенныхъ результатовъ въ дѣлѣ колонизаціи евреевъ, то можетъ-ли частная дѣятельность расчитывать на лучшіе результаты? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ того, какъ понимать колонизацію, въ обширныхъ-ли размѣрахъ, или малыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что колонизацію евреевъ въ обширныхъ размѣрахъ сподручно было только одному правительству, владѣвшему громадными пространствами пустопорожнихъ земель, значительными денежными средствами, хотя-бы и коробочнаго сбора, и такими стимулами, какъ освобожденіе поселенцевъ отъ рекрутской повинности, отъ податей и земскихъ повинностей и отъ недоимокъ по прежнему званію. Частная дѣятельность ничего подобнаго въ своемъ распоряженіи не имѣетъ, а потому и поселеніе евреевъ можетъ совершаться только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Но, съ другой стороны, частная дѣятельность въ дѣлѣ *пріученія* евреевъ къ земледѣлію имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ дѣятельностью правительства. Правительство сознавало, что набранныхъ безъ подготовки земледѣльцевъ надо пріучить къ предстоящимъ имъ занятіямъ. Но пріучить евреевъ къ земледѣлію не могла, конечно, та система военнаго управленія, которая была установлена въ 1837 г. Впослѣдствіи оно напало на болѣе счастливую мысль,—мысль о посылкѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей для обученія въ Горыгорѣцкой земледѣльческой школѣ и на Луганской учебной фермѣ. Но этихъ будущихъ сѣятелей раціональныхъ земледѣльческихъ познаній пришлось ждать долго, а между тѣмъ правительство, по необходимости, должно было поручить этотъ предметъ чиновникамъ, лицамъ мало заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Частная-же дѣятельность, сознающая важность принятой ею на себя задачи, имѣетъ возможность и будетъ считать себя обязанной слѣдить за этимъ дѣломъ внимательно, выбирая для руководства вполнѣ компетентныхъ лицъ, учреждая училища и фермы для приготовленія *молодыхъ людей* къ предстоящимъ имъ занятіямъ. Если-же водвореніе между евреями земледѣльческихъ занятій, при посредствѣ частной дѣятельности, можетъ совершаться лишь въ скромныхъ размѣрахъ, то ясно, что отъ такого водворенія нельзя ожидать скораго подъема безвыходнаго экономическаго строя еврейской массы, но оно, безъ всякаго сомнѣнія, принесетъ извѣстную долю пользы.

М. Мышъ.

Петербургъ.
Декабрь 1879.

«БАРОНЪ ШМУЛЬ»

(Разсказъ К. Э. Францоза).

Если вы поѣдете изъ Барнова на югъ—въ Буковину или Молдавію,—то часа черезъ четыре пути, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большая дорога пересѣкаетъ Днѣстръ, увидите на холмѣ величавый замокъ съ высокими бѣлыми стѣнами и ярко-блестящими окнами. Великолѣпный садъ окружаетъ это зданіе и, спускаясь по холму, тянется далеко въ даль по равнинѣ. Этотъ уголокъ, можетъ быть прелестнѣйшее помѣстье въ Подоли, а ужъ навѣрное самое богатое. Оно принадлежитъ „барону Шмулю", какъ вездѣ прозываютъ его, человѣку, который нѣкогда звался просто Шмуль Рунштейнъ, а теперь превратился въ могущественнаго барона Сигизмунда Ронницкаго.

Господинъ этотъ сдѣлалъ блестящую карьеру, онъ съ быстротою стрѣлы достигъ своей цѣли. Это удается только немногимъ, потому что большинство похоже на кубари: оно вертится шибко, съ шумомъ и безъ остановки, но вертится все на одномъ мѣстѣ, ни на шагъ не подвигаясь впредъ. Стрѣла движется не быстрѣе, не шумливѣе, но всегда летитъ къ своей цѣли. Такъ и баронъ Шмуль. Онъ намѣтилъ себѣ цѣль, не спуская съ ней глаза и направился къ ней самымъ вѣрнымъ путемъ, не смотря на то, что глазъ у него былъ только одинъ.

Но—и онъ прежде находился въ положеніи кубаря, и только случайность сдѣлала изъ него стрѣлу,—случайность, состоявшая въ ударѣ хлыстомъ. Это очень странная исторія.

Лѣтъ сорокъ слишкомъ тому назадъ, въ З. жила очень бѣдная вдо-

ва, пропитывавшая себя и своего сына ремесломъ, отъ котораго въ такомъ маленькомъ городѣ едва ли могутъ быть сыты два человѣка: она пекла сладкія печенья. Звали эту женщину Маріамъ Рунштейнъ. Сынъ помогалъ матери только тѣмъ, что продавалъ по городу ея товаръ. Неутомимо бѣгалъ маленькій Шмуль по улицамъ и кричалъ: „Купите пирожки! Пирожки и печенье! Купите! Купите!“

Но лакомокъ въ городкѣ не много, а свадьбы и обрѣзанья, т. е. торжества, въ которыя зовутъ въ домъ кондитершу, тоже вѣдь случается не каждый день. Поэтому гроши стекались въ кассу вдовы въ самомъ скудномъ количествѣ, и такъ какъ голодъ штука скверная, то бѣдный Шмуль часто орошалъ горючими слезами сладости, лежавшія на его лоткѣ.

Лучшіе его покупатели жили въ полу-верстѣ отъ городка, въ замкѣ, помѣщавшемся на вершинѣ холма. Замокъ этотъ принадлежалъ въ ту пору барону Альфреду Полянскому, человѣку до такой етепени богатому, что не смотря на свое безграничное мотовство, онъ никакъ не могъ истратить больше того, что приносили ему его громадныя помѣстья. Баронъ почти никогда не жилъ въ замкѣ, потому что это мѣсто казалось ему слишкомъ тихимъ и скучнымъ, а проводилъ все время или въ Парижѣ или въ Баденъ-Баденѣ, —оставаясь въ Парижѣ тогда, когда супруга его жила въ Баденъ-Баденѣ, и уѣзжая въ Баденъ-Баденъ, когда она являлась въ Парижъ. Таково было миролюбивое соглашеніе между мужемъ и женой; вообще же ихъ отношенія были совершенно дружескія. Единственный плодъ этого брака, молодой баронъ Владиславъ, тоже не проживалъ въ замкѣ, а воспитывался въ знаменитой іезуитской школѣ недалеко отъКракова.

Такимъ образомъ замокъ служилъ мѣстопребываніемъ только дворни барона. У поляковъ есть пословица: „лѣнивъ и обжорливъ какъ лакей“. На этотъ разъ она подтверждалась какъ нельзя лучше. Маленькій Шмуль всегда выгодно сбывалъ здѣсь свой товаръ и потому ни солнечный жаръ, ни зимній морозъ не препятствовали ему пускаться въ дальную дорогу. Само собою разумѣется, что въ добавокъ къ каждому

грошу онъ получалъ толчекъ или щелчокъ, но къ такимъ угощеніямъ ребенокъ-еврей привыкаетъ въ Подоліи довольно скоро.

Въ такой обстановкѣ доросъ онъ до тринадцати лѣтъ, и Богъ вѣсть сколько времени пришлось бы ему бѣгать по улицамъ съ пирожками и печеньемъ своей матери, еслибъ не случилось происшествіе, превратившее его изъ кубаря въ стрѣлу.

Это было въ августѣ, въ очень знойный день и около полудня. Шмуль, потѣя подъ своей ношей, взбирался по крутизнѣ, которая вела ко замку, и почти бѣжалъ, не смотря на страшную жару: на этотъ разъ ему надо было особенно торопиться, такъ какъ это происходило въ пятницу, а въ домѣ не было ни копѣйки, чтобъ кое-какъ справить шабапъ. Голодъ-же, непріятный во всякое время, вдвое непріятнѣе въ праздникъ....

Торопясь въ замокъ и погруженный въ разсчеты, что нужно было ему купить на завтра, Шмуль не слышалъ, что стукъ копытъ, раздававшійся съ нѣкотораго времени позади его, приближался все больше и больше,—и очнулся только тогда, когда у него осталась только минута для того, чтобы однимъ прыжкомъ посторониться отъ всадника, скакавшаго въ галопъ по крутой дорогѣ. Это былъ блѣдный юноша съ охотничьимъ ружьемъ на плечѣ — молодой баронъ Владиславъ Полянскій, только что пріѣхавшій въ отцовскій домъ на каникулы. Барченокъ громко расхохатался, замѣтивъ скверняго жиденка, который дрожалъ отъ страха и растерялся такъ, что забылъ снять шапку. Въ слѣдъ затѣмъ молодой баронъ направилъ свою лошадь на Шмуля и остановился надъ самымъ носомъ его. Мальчикъ боязливо прижался къ стѣнѣ горы.

— Какъ ты смѣлъ не поклонится мнѣ, жидовская собака? крикнулъ баронъ и замахнулся хлыстомъ.

— Я очень пере....пугался....—прошепталъ Шмуль.

Молодой человѣкъ опустилъ хлыстъ и съ минуту подумалъ; потомъ опять расхохатался.

— Такъ тебя напугала лошадь?... Ну, такъ вотъ что, — слушай хорошенько. Ты станешь вотъ тутъ, — онъ указалъ на середину доро-

ги,—тутъ,—повторилъ онъ сердито, и трепещущій ребенокъ сталъ на указанное мѣсто.—Не смѣй двигаться отсюда ни на одинъ шагъ, пока я тебѣ не позволю, — слышишъ? Боже тебя упаси не исполнить моего приказанья! Застрѣлю какъ бѣшеную собаку!

Съ этими словами онъ поскакалъ вверхъ, тамъ повернулъ лошадь и съ быстротою молніи снова устремился внизъ, прямо на Шмуля. Замерши отъ страха, смотрѣлъ бѣдный мальчикъ на приближеніе лошади, все помутилось у него въ глазахъ, и онъ отскочилъ въ сторону.... Копыто задѣло и сломало лотокъ, всѣ сладости разсыпались, и самъ Шмуль повалился на землю.

— Ахъ ты песъ! Пошевелился таки!—крикнулъ баронъ и схватился за ружье. Но въ ту же минуту одумался и удовольствовался тѣмъ, что сталъ бѣшено хлестать хлыстомъ мальчика, лежавшаго у его ногъ, то однимъ концомъ, то другимъ. Вдругъ Шмуль испустилъ страшный крикъ, схватился за свой правый глазъ и упалъ въ обморокъ.

А молодой баронъ ускакалъ въ замокъ.

Черезъ часъ послѣ того одинъ сострадательный поселянинъ привезъ на своемъ возѣ съ сѣномъ въ домъ матери Шмуля страшно обезображеннаго и все еще находившагося въ безсознательномъ состояніи ребенка. Намъ не зачѣмъ говорить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело это происшествіе на бѣдную старуху; такія вещи не разсказываются.

Позвали доктора. Онъ привелъ Шмуля въ чувство, обмылъ и перевязалъ его раны и подалъ надежду на скорое выздоровленіе. Но правый глазъ пропалъ; онъ совсѣмъ вытекъ и тяжелое зрѣлище представляла теперь пустая глазная впадина.

Въ тотъ самый день, когда Шмуль въ первый разъ всталъ съ постели, явился къ нимъ въ домъ неожиданный гость—толстый Григорій, камердинеръ молодаго барона. Онъ принесъ два червонца и объявилъ, что его господинъ такъ любезенъ, что готовъ сверхъ того заплатить доктору и въ аптеку, если Шмуль не затѣетъ тяжбы.

— Подите вонъ!—крикнулъ Шмуль. Это былъ его единственный отвѣтъ и при этомъ его единственный глазъ засверкалъ такимъ зловѣщимъ блескомъ, что толстый камердинеръ мгновенно исчезъ, а воротясь, доложилъ барону: „Какъ будетъ угодно вашему сіятельству, только я думаю, что вы изволили выбить у этого жидка вмѣстѣ съ глазомъ и разумъ. Онъ совсѣмъ взбѣсился!“

Какъ только Шмулю позволили выйдти изъ комнаты, первый выходъ его былъ въ судъ. Старшина еврейской общины вызвался его проводить туда; Шмуль отклонилъ это предложеніе.—Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—но я уже не дитя; эти побои вдругъ состарѣли меня на десять лѣтъ. При томъ-же, я буду искать только того, что мнѣ слѣдуетъ по закону.

И Шмуль отправился въ судъ и подалъ жалобу. Ее приняли и процессъ начался. Повелся же онъ такъ, какъ обыкновенно ведутся въ Подоліи тяжбы бѣднаго еврейскаго мальчика съ богатымъ польскимъ барономъ. Но по крайней мѣрѣ рѣшеніе состоялось быстро, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Шмуля призвали въ судъ, и тутъ президентъ сердито крикнулъ ему: „Ты налгалъ, жидъ! Оказывается, что ты не далъ дороги ясновельможному барону и нарочно приткнулся къ лошади, вслѣдствіе чего г. баронъ невольно задѣлъ тебя хлыстомъ. Будь еще доволенъ тѣмъ, что ясновельможный господинъ не притягиваетъ тебя къ суду за клевету. Кланяйся ему въ ноги за это! А теперь—проваливай!“

Шмуль пришелъ домой. Увидѣвъ его, мать съ испугомъ вскрикнула:

— Дитя мое, что съ тобой? Не случилось ли опять какого нибудь несчастья?

— Да,—отвѣчалъ онъ, — еще большее несчастье, чѣмъ первое. Я не нашелъ того, на что имѣлъ право по закону.

Тутъ онъ сталъ бормотать что-то про себя и потомъ снова заговорилъ вслухъ:

— Я сдѣлаю какъ сказалъ г. судья: буду благодарить ясновельможнаго барона....

— Сынъ мой,—съ ужасомъ крикнула старуха,—я вижу по твоему лицу: ты хочешъ прокрасться въ замокъ и убить его....

— Нѣтъ,—возразилъ Шмуль и улыбнулся.—Конечно, и это было бы хорошо, но за это меня повѣсятъ, а кто тогда станетъ кормить

тебя? Нѣтъ, надо попытаться иначе... Я долженъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ.

— Богъ затмилъ твой разсудокъ! со слезами замѣтила мать. И она стала плакать еще сильнѣе, когда Шмуль объявилъ ей свое рѣшеніе—переселиться въ Черновицъ. Но онъ остался непоколебимъ. Онъ продалъ единственную вещь, принадлежавшую ему и съ его отъѣздомъ дѣлавшуюся совершенно излишнею въ хозяйствѣ — свою кровать и постельныя принадлежности. Придавъ къ нимъ нѣсколько молитвенниковъ, онъ выручилъ пять гульденовъ. „Все, что я буду зарабатывать, стану честно дѣлить съ тобою по поламъ“, сказалъ онъ матери уѣзжая.

Съ пятью гульденами въ карманѣ добрался онъ до Черновицъ, купилъ себѣ тамъ маленькій запасъ спичекъ, мыла, помады и перьевъ и началъ торговать этимъ товаромъ въ гостинницахъ и на улицахъ, и такъ какъ онъ работалъ безустанно и собственно на себя не тратилъ ничего, то ему представлялась возможность не только поддерживать свою мать, но и откладывать кое-что.

Чрезъ два года онъ поставилъ дѣло такъ, что могъ уже оставить этого рода торговлю и приняться за другую, болѣе выгодную. Онъ сдѣлался деревенскимъ разносчикомъ. — занятіе въ высшей степени утомительное. Съ большимъ коробомъ на спинѣ, коробомъ, въ которомъ помѣщалось все, что нужно деревенскому жителю, началъ переходить Шмуль изъ села въ село, съ ярмарки на ярмарку. Большею частью ему платили не деньгами, а плодами и кожами. Но именно по этому новое занятіе его приносило хорошій барышъ.

Пространствовавъ такимъ образомъ три года, молодой человѣкъ вернулся въ городъ и открылъ на рыночной площади, въ углубленіи одной стѣны лавочку со всевозможными мелочами. Эта торговля пошла также успѣшно и скоро. Шмуль пріобрѣлъ возможность нанять порядочный подвалъ и посылать матери значительно больше денегъ, чѣмъ до тѣхъ поръ. Но самъ онъ продолжалъ питатся почти однимъ сухимъ хлѣбомъ и только иногда въ субботу позволялъ себѣ полакомиться кусочкомъ мяса.

Достигнувъ двадцати трехъ лѣтняго возраста, — это было черезъ

десять лѣтъ послѣ его переселенья въ Черновицы, — Шмуль лишился матери. Она умерла у него на рукахъ. Послѣ похоронъ и восьми-дневнаго траура онъ вернулся въ Черновицъ. Случилось такъ, что при самомъ выѣздѣ изъ городка, онъ встрѣтился съ барономъ Владиславомъ Полянскимъ, промчавшимся мимо его въ блестящей коляскѣ. Баронъ какъ разъ въ эту пору вступилъ въ управленіе своими имѣніями. „Хорошо, что я встрѣтилъ его именно теперь, —сказалъ Шмуль своему спутнику,—иначе моя печаль по матушкѣ ослабила бы на нѣкоторое время мою энергію.“

И вотъ Шмуль остался въ мірѣ совершенно одинъ. Но онъ продолжалъ работать съ такимъ лихорадочнымъ усердіемъ, какъ будто ему приходилось прокармливать цѣлое семейство,—и мало по малу сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ. А такъ какъ его всюду знали за экономнаго и разсудительнаго малаго, то, не смотря на одноглазіе, ему удалось жениться на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ городѣ. Немедленно послѣ этого Шмуль завелъ крупную торговлю, и надъ его большими складами появились блестящія вывѣски съ надписью: „Продажа разныхъ товаровъ Самуила Рунштейна“. Не довольствуясь однако этимъ, Шмуль пустился и въ винную торговлю, устроивъ ее на широкую ногу.

Только теперь вполнѣ обнаружилось, какою громадною энергіею и рѣшительностью обладалъ этотъ человѣкъ. Онъ объѣхалъ Германію и Францію, потомъ Россію и Молдавію, и повсюду открывалъ себѣ новые источники покупки и сбыта. Прошло десять лѣтъ — и Шмуль считался однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ въ странѣ.

Тутъ умерла его жена, родивъ ему дочь. Шмуль привелъ въ исполненіе новый планъ: онъ продалъ съ большимъ барышомъ всѣ свои заведенія и сталъ торговать хлѣбомъ. Закупалъ онъ этотъ продуктъ въ Подоліи, Бессарабіи и Молдавіи, а продавалъ въ Западную Европу. Только у *одного* помѣщика никогда не дѣлалъ онъ ни малѣйшей закупки — у барона Владислава Полянскаго, не смотря на то, что управляющій барона неоднократно предлагалъ свой хлѣбъ на очень выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ бѣднякъ постоянно находился въ тревожной не-

обходимости добывать громадныя суммы, которыхъ требовалъ отъ него помѣщикъ на свои нескончаемыя нужды. То, чего старикъ баронъ не могъ достигнуть, не смотря на свое мотовство, было блистательно осуществлено Владиславомъ: онъ проигрывалъ каждый мѣсяцъ столько, сколько получалъ доходу въ годъ. Жена его, барыня изъ французскаго семейства, съ своей стороны содѣйствовала постепенному истребленію огромныхъ богатствъ этого дома. Поэтому управляющій то и дѣло искалъ денегъ, и въ этомъ случаѣ Шмуль представлялся для него очень нужнымъ человѣкомъ. Но Шмуль отклонялъ его предложенія и говорилъ съ странной улыбкой: „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ я далъ себѣ слово сдѣлать съ вашимъ помѣщикомъ одно единственное дѣло.... Но для него не все еще созрѣло....“

Время проходило. Шмуль богатѣлъ все болѣе и болѣе, женился вторично, взявъ большое приданое, а тутъ подоспѣлъ 1848 годъ, и въ эту бурную пору Шмулю удалось сдѣлаться изъ богача—мильонеромъ. Господинъ Сигизмундъ Рунштейнъ, какъ стали мало по малу почтительно называть его, взялъ на себя поставку провіанту для русскихъ въ Венгріи и получилъ на этомъ громадную прибыль. Теперь онъ пріостановилъ всѣ свои операціи, и каждый разъ, какъ ему предлагали какое нибудь новое предпріятіе, отвѣчалъ: „Подожду!“

Подождать пришлось не долго. И самое колоссальное состояніе можетъ рушиться, когда имъ распоряжается колоссальный мотъ. Минуло еще два года—и баронъ Владиславъ съ супругою лишились возможности жить въ Парижѣ; да и въ городкѣ, къ которому принадлежали ихъ помѣстья, проживаніе это оказывалось довольно затруднительнымъ, такъ какъ изъ этихъ всѣхъ помѣстьевъ на самомъ дѣлѣ баронъ не владѣлъ ни малѣйшимъ клочкомъ земли, а кредиторы напирали со всѣхъ сторонъ. Баронесса вернулась къ своему семейству во Францію, баронъ же, которому волею неволею приходилось оставаться на родинѣ, утѣшался сперва шампанскимъ, потомъ водкою.

Вдругъ увидѣлъ онъ себя въ возможности вздохнуть свободнѣе: приставанье кредиторовъ внезапно прекратилось. Шмуль скупилъ всѣ ихъ векселя и претензіи и вложилъ въ это дѣло нѣсколько своихъ милліоновъ. „Первая убыточная операція, какую сдѣлалъ Шмуль Рунштейнъ въ жизни“—говорили люди и дивились; но удивленіе ихъ еще усилилось, когда они увидѣли, что Шмуль не предпринимаетъ ровно ничего для возвращенія себѣ зотраченныхъ такимъ образомъ денегъ.

Но Шмуль на самомъ дѣлѣ не оставался бездѣятельнымъ. Онъ обратился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи покупать землю, такъ какъ въ то время евреи въ Галиціи не имѣли права владѣть недвижимостью. Для поддержанія своей просьбы, Шмуль самъ отправился въ Вѣну. Но хлопоты его оказались безплодны. „Если-бы я совершилъ убійство — сказалъ Шмуль возвратившись—то могъ бы освободиться отъ показанія, но разрѣшенія на покупку земли достигнуть нѣтъ возможности“.

И вотъ погрузился онъ въ глубокое обдумываніе чего-то, и видимо переживалъ тяжелую внутреннюю борьбу. Наконецъ онъ принялъ рѣшеніе и однажды онъ сказалъ своей женѣ, которую очень любилъ: „я рѣшился выкреститься. Не пугайся, не плачь и выслушай меня спокойно. Я *долженъ* это сдѣлать. Иначе вся моя прошедшая до сей минуты жизнь превратилась бы въ ложь, безуміе, неудавшуюся торговую спекуляцію. Я долженъ скупить всѣ имѣнія Полянскаго. Я терпѣлъ лишенья и работалъ такъ, какъ, можетъ быть, ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ. Но мнѣ не нужно за это никакой награды; я хочу только того, что мнѣ слѣдуетъ *по праву*. Итакъ, о томъ, что я непремѣнно долженъ креститься — не можетъ быть и рѣчи. Но тебя я нисколько не стѣсняю. Ты знаешь, какъ велика моя любовь къ тебѣ; но тѣмъ не менѣе, покорюсь твоему рѣшенью...“

Она тоже очень любила мужа, но перемѣна религіи была для нея немыслима. Они разошлись. Шмуль принялъ католичество и фамилію Ронницкаго. Дочь его отъ перваго брака тоже крестилась съ отцемъ и получила имя Маріи.

Какого шуму надѣлало это событіе во всей странѣ—трудно даже представить себѣ, не то что описать.

На другой же день послѣ крещенья, Шмуль предъявилъ ко взысканью всѣ векселя Владислава. Дѣло кончилось такъ, какъ можно было

предвидѣть. Всѣ имѣнья пошли съ аукціона, и Шмуль купилъ ихъ. Баронъ исчезъ—неивѣстно куда. Шмуль переселился въ замокъ, и зажилъ тамъ съ своею дочерью Маріею.

Въ 1854 г., когда государство готовилось къ войнѣ и нуждалось въ деньгахъ, Шмуль купилъ себѣ за громадную сумму баронское званіе. „Но еще не все, слѣдующее мнѣ по праву получилъ я — часто говаривалъ онъ,—недостаетъ еще кое-чего“.

И это кое-что тоже не заставило себя долго ждать. Въ польскихъ газетахъ появилось нѣсколько времени спустя извѣстіе, что какой-то великодушный благодѣтель обезпечилъ на всю жизнь неисправимаго бродягу и пьяницу барона Владислава Полянскаго.

И газеты сказали правду. „Великодушный благодѣтель“ былъ никто иной, какъ баронъ Сигизмундъ Ронницкій. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слова поднялъ на улицѣ въ Лембергѣ промотавшагося Владислава и далъ ему пріютъ у себя въ замкѣ. Только водки не позволялось давать ему. „Водка — такъ объяснялъ причину этого запрещенія Шмуль—будетъ мѣшать ему размышлять о себѣ. А размышлять онъ долженъ постоянно. Я хочу того, что слѣдуетъ мнѣ по праву“.

Но пьяница недолго доставлялъ это удовольствіе новому обладателю его замка. Осенью слѣдующаго года, въ замкѣ происходило большое торжество. Баронъ Ронницкій выдавалъ свою дочь за гусарскаго ротмистра,—потомка одного изъ знатныхъ венгерскихъ фамилій. Полянскому удалось добыть себѣ водки. Онъ выпилъ очень много и потомъ, выбравшись за ворота, поплелся, спотыкаясь на каждомъ шагу, по той самой дорогѣ, на которой пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, встрѣтился съ нимъ бѣдный еврейскій мальчикъ.

Съ тѣхъ поръ не возвращался онъ уже въ замокъ. На слѣдующее утро, его нашли въ видѣ обезображеннаго трупа у подошвы горы. Нечаянно-ли онъ скатился внизъ, нарочно-ли кинулся, чтобъ покончить съ собою—это оставалось нерѣшеннымъ на вѣки.

Да,—и такія исторіи бываютъ иногда на свѣтѣ!..

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

ХАИМЪ I, ГРОМОВЕРЖЕЦЪ,

КАРТИНКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО,

въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ.

ПРОЛОГЪ.

Дѣйствующія лица:

Иларіонъ Шанду-де-Шандонъ, 24 л.
Генрихъ, его братъ, 22 л.
Игнатій Рамирскій, 23 л.
Иванъ Бузовнинъ, 20 л.
Давыдъ Фридъ, 17 л.
Яковъ Редлихъ, 21 г.
Семенъ Дошпиганенко, 26 л., изъ семинаристовъ.
Юліусъ Зицфлейшъ, 19 л.
} Студенты университета.
Слуга.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ квартирѣ Редлиха и Фрида.

Небольшая студенческая комната, меблированная весьма незатѣйливо: столъ, двѣ кровати, четыре стула, этажерка съ книгами. Во всемъ классическій безпорядокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иларіонъ (сидитъ верхомъ на стулѣ); **Генрихъ** (лежитъ на кровати съ лѣвой стороны у рампы); **Давыдъ** (сидитъ у стола по правой сторонѣ сцены).

Иларіонъ. Однако Генрихъ, это старая—старая пѣсня! Это такія избитыя и перемолотыя вещи, о которыхъ никто уже не споритъ, да мало кто и говоритъ! Это такія глупости и при томъ до того уже жеванныя и пережеванныя всѣми кумушками въ мірѣ, что право уже стыдно повторять...

Генрихъ. Вотъ еще! Чего-же тутъ стыдиться? Да развѣ истина, повторяемая тысячу тысячей разъ, перестаетъ отъ этого быть истиной? И почему-же стыдно?

Илар. А потому, мой милый, что мы живемъ въ 19 столѣтіи; живемъ въ такое время, когда каждый считаетъ первымъ долгомъ разсуждать о наукахъ и художествахъ, о либерализмѣ и равноправіи, о просвѣщеніи и развитіи! Теперь гимназистъ четвертаго класса или институтка лѣтъ четырнадцати, задирая носъ вершка на два выше возможности, высказываетъ профессіональнымъ тономъ свои премудрыя сужденія о глупости Тьера, о мудрости Наполеона, о способностяхъ Листа и талантѣ Шекспира... Въ наше время, говорю я, даже приказчикъ изъ порядочнаго магазина, едва умѣющій читать и рѣдко бывающій трезвымъ, и тотъ не рѣшится громко высказаться противъ освобожденія крестьянъ, противъ человѣческихъ правъ еврея. Какъ бы онъ ни думалъ про себя, а при людяхъ не выскажется, потому что опасно теперь высказывать подобныя мнѣнія... Сейчасъ воскликнутъ хоромъ: ретроградъ! Добивается правъ и преимуществъ для себя, а ближняго не хочетъ признать человѣкомъ.

Генр. Старыя штуки, братецъ! Ухъ, какія старыя!.. Пожалуй, теперь многіе повторяютъ эти премудрыя изрѣченія; — это теперь въ модѣ. Отчего же? Самый закоренѣлый крѣпакъ громко кричитъ теперь объ эмансипаціи; любой фельдфебель, любой пономарь ораторствуетъ о равноправіи жидовъ... А загляни-ка въ душу и увидишь, что ни одинъ изъ этихъ ораторовъ своимъ-же собственнымъ словамъ не вѣритъ и не сочувствуетъ...

Илар. Согласенъ: можетъ быть фельдфебеля и пономари не вѣрятъ и не сочувствуютъ... Но мы! Мы дѣти науки, люди просвѣщенья, на которыхъ лежитъ и опирается будущность общества? Неужели и мы можемъ раздѣлять подобные взгляды варварства, мнѣнія среднихъ вѣковъ? Для меня, покрайней мѣрѣ, скажу тебѣ по чистой совѣсти, нѣтъ ни мужика, ни дворянина, ни жида... Я не вижу въ происхожденіи ни основанія гордиться, ни причины стыдиться! Будь ты себѣ графомъ или мужикомъ, жидомъ или цыганомъ, если ты только честный человѣкъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ протяну тебѣ руку и всегда буду дорожить твоею дружбою. Но никогда не унижусь до того, чтобы подать руку баричу, привыкшему мотать незаработанныя имъ деньги; который очень высоко цѣнитъ лучезарность своего происхожденія, а между тѣмъ пускается въ разныя постыдныя похожденія и безчестныя аферы; который кричитъ о своемъ столбовомъ дворянствѣ, о гербѣ въ своей печати, у котораго есть благородіе, но нѣтъ благородства, который добивается почестей, но не знаетъ чести... Нѣтъ, мой милый, такому господину я руки не подамъ, если бы даже это была рука графская или княжеская, если бы это была рука милліонера, даже рука роднаго брата! Видъ такихъ столбовыхъ баричей возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе и я тысячу разъ предпочитаю—грязную руку оборваннаго жида!

Генр. Вотъ наговорилъ—такъ наговорилъ! Жиды, честь, мужики, благородіе... Чортъ знаетъ, чего тутъ не было! Извини, почтеннѣйшій нашъ Демосфенъ, уважаемый Викторъ Гюго!.. Смѣхъ меня душитъ... Позволь посмѣяться! Такъ и напоминаешь мнѣ оды Тредьяковскаго... Се росска Флакка зракъ! Се тотъ, кто какъ и онъ... и такъ дальше... Скажите пожалуйста! Нашелъ идеалы совершенства въ цыганахъ и жидахъ... Да неужели ты это говоришь серьезно? Неужели ты извинилъ бы дворянину, если бы онъ подалъ публично руку жиду? Неужели ты не сгорѣлъ бы со стыда, если бы пришлось тебѣ, столбовому дворянину, сознаться публично въ близкомъ знакомствѣ или даже въ дружбѣ съ жидомъ? Да развѣ при этомъ не взволновалась бы вся кровь въ твоихъ жилахъ и не вознегодовала бы вся твоя натура? Ну, а если я ошибаюсь, если ты говоришь то, что въ дѣйствительности думаешь, что составляетъ искреннее твое убѣжденіе, ба! тогда... Тогда, господинъ философъ, надо побрить твою премудрую голову и отправить тебя въ домъ сумасшедшихъ... Инаго мѣста нѣтъ для сумасброда, который рѣшается ломать копья за отребье человѣчества, за такую расу, которой я никогда не рѣшусь признать за человѣческую... Жидъ—это такая тварь, которая... *(про себя)* Батюшки! Что я дѣлаю! Совсѣмъ забылъ, что тутъ присутствуетъ жидокъ!.. *(Встаетъ съ кровати)* Надо какъ нибудь загладить эту неловкость. *(Подходя къ Давыду, громко)*. Извини, Фридъ! Прости, братецъ! Я и не думалъ намекать на тебя... Если я тутъ высказывалъ мои убѣжденія, да дѣлалъ заключенія и выводы, то это, какъ самъ понимаешь, не можетъ касаться ни тебя, ни тѣхъ, которые на тебя похожи. Развѣ можно сравнивать студента, человѣка образованнаго, съ какимъ-нибудь факторомъ или торгашемъ?.. Я никогда не рѣшусь сравнивать васъ съ тѣми лапсердаками, которыхъ жизнь—обманъ, которыхъ занятіе—мошенничество, которыхъ профессія—кровопійство... Вы, которые воспитываетесь въ нашихъ заведеніяхъ, которые между

нами ищете развитія и просвѣщенія, вы, которые съ насъ берете примѣръ и у насъ изучаете, какъ вести жизнь порядочныхъ и благородныхъ людей, вы совсѣмъ иное дѣло! Вы имѣете нѣкоторое право на знакомство съ нами и даже на нашу дружбу... Васъ я не отношу къ разряду всѣхъ жидовъ... Не сердись, пожалуйста...

Давыдъ. Оставь, братъ! Вотъ выдумалъ! Изъ-за чего я сталъ бы обижаться? Ошибаешься, мой ты столбовой! Подобныя банальныя разсужденія меня не могутъ разсердить... Ты знаешь очень хорошо, что я не стыжусь моего происхожденія, моей религіи, моей національности...

Генр. Да развѣ я говорю?...

Дав. Минутку терпѣнія! Ты помнишь хорошо, что, поступивши въ университетъ, я никогда не напрашивался на знакомство и сближеніе съ вами, никогда не врывался насильно въ вашъ кружокъ... Наоборотъ, вы первые пожелали моей дружбы... И за что-бы я сердился? Меня только огорчаетъ и удивляетъ, что ты, студентъ, значитъ—человѣкъ прогресса, человѣкъ не безъ сердца и, разумѣется, не безъ головы, человѣкъ съ образованіемъ и воспитаніемъ, увлекаешься такими глупыми и безсмысленными предубѣжденіями!

Генр. Однакожь...

Дав. *(продолжая ровнымъ тономъ и все сидя).* Погоди съ твоимъ: однакожъ! Вѣдь я не прерывалъ твоей безконечно-ученой и учено-безконечной ораціи... Теперь настала моя очередь взойти на колокольню; позволь же и мнѣ отзвонить... И за что я стану сердиться? Ты съ молокомъ кормилицы... Не такъ-ли? Вѣдь тебя кормилица воспитала? Да! съ молокомъ всосалъ ты великую истину, что еврей— не человѣкъ и восхищаешься отъ самой колыбели высокою мыслію, что въ тѣлѣ жида течетъ кровь совсѣмъ не такая, какъ въ тѣлѣ дворянина; что прикосновеніе жида мараетъ твою руку, что сближеніе съ жидомъ покрываетъ безславіемъ твой наслѣдственный гербъ и можетъ сдѣлать тебя предметомъ всеобщаго посмѣянія; что мы живемъ обманомъ, а не честнымъ трудомъ; что намъ, для нашей мацы, необходима кровь ваша; что ты обязанъ отъ души презирать Ицку и всѣмъ сердцемъ ненавидѣть Іоську... Подобную чепуху ты слышишь со дня твоего рожденія... Такую дребедень напѣвала тебѣ многіе годы твоя кормилица и няня, а ты только усвоилъ себѣ всю эту премудрость и, изъ устъ премудрой мамки, внесъ ее въ практическую жизнь...

Генр. Позволь только...

Дав. *(прерывая).* Я ни мало не сомнѣваюсь, что кормилица твоя—это была гигантская и весьма мыслящая голова и охотно соглашаюсь, что все то, что она тебѣ проповѣдывала, это все плоды обдуманной и глубоко-истинной науки... Этой науки я совѣтую тебѣ придерживаться безъ малѣйшаго отступленія, если желаешь сберечь неприкосновенность твоей дворянской чести.

Генр. *(про себя).* Вотъ раскудахтался! Чортъ его побралъ бы. *(Вслухъ).* Дай-же и мнѣ сказать...

Дав. *(сухо)* Я еще не кончилъ... Я знаю, что знакомство и сближеніе со мною надоѣло тебѣ ужасно и таки не мало тебя тяготитъ и стѣсняетъ! Знаю хорошо, что ты дѣлаешь большую честь, подавая мнѣ руку и называя товарищемъ... И я могъ бы разсердиться? И на кого? На того, кто такъ тяжко платится за мою дружбу... О! надо правду сказать: развѣ это маловажная жертва называть себя товарищемъ какого-нибудь жидка? А за такое геройское самопожертвованіе, оплевывай и топчи въ грязь мое самолюбіе: ты имѣешь на это право... И я сердился бы? Избави меня Господи! Развѣ у жида имѣется честь? Развѣ жидъ умѣетъ чувствовать оскорбленія?

Генр. *(всторону).* Вотъ языкъ проклятый! Съ нимъ не сладишь! *(вслухъ)* Вѣдь я изъ васъ, студентовъ, сдѣлалъ исключеніе... Васъ никто не презираетъ, никто вами не брезгаетъ... Вы ужь не евреи...

Дав. *(горячо).* Извини, братъ,—мы-то именно и есть евреи... и ты еще больше изумишься, когда я прибавлю: да, мы евреи, и мы этимъ гордимся... *(Встаетъ и съ теченіемъ монолога все больше оживляетея и горячится).* Мы-то и есть евреи, тѣ евреи, на которыхъ пала задача—доказать вамъ, что посредствомъ угнетенія, преслѣдованія, ненависти и презрѣнія вы не задержите прогресса времени! Насъ мало, васъ много! Но еслибы такихъ, какъ вы, собралось еще въ десять, во сто разъ больше, духъ времени, въ своемъ быстромъ движеніи, все это сотретъ и смететъ со своего пути и громко вамъ скажетъ, какъ ужасно вы всѣ заблуждались... Видишь-ли: пока на ногѣ сидитъ самая ничтожная крупинка мозоли, до тѣхъ поръ самый здоровый человѣкъ не найдетъ спокойствія: мозоль надоѣдаетъ ему вездѣ, всегда, безпрерывно... Болѣзнь самая вѣдь ничтожная—даже и болѣзнію назвать ее нельзя... А все-таки человѣкъ боленъ, пока не снимутъ мозоль... Можетъ быть, сравненіе мое не совсѣмъ удачно; но я теперь лучшаго не подберу.

Гоненіе на евреевъ—это мозоли, которыя вкоренились глубоко въ ноги человѣчества и тормозятъ его каждый шагъ впередъ по пути совершенствованія... Мало того, благодаря этимъ мозолямъ, человѣчество часто шагаетъ назадъ... Посмотри только вокругъ себя; оглянись-ка по Европѣ, по всему свѣту, и легко убѣдишься, что во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ еще практикуются гоненія на жидовъ, нѣтъ порядка, нѣтъ благосостоянія; страны эти еще далеко не достигли совершеннолѣтія, развитіе ихъ еще очень незавидно, просвѣщеніе слишкомъ мало коснулось ихъ и то развѣ поверхностно... Словомъ, страны эти еще очень страдаютъ—мозолями... Но вотъ, что я тебѣ скажу, не будучи вовсе пророкомъ: близко то время, когда эти доказательства умственнаго мрака, которыя проявляются въ гоненіи и преслѣдованіи еврейскаго племени, исчезнутъ и разсѣятся подъ благотворнымъ вліяніемъ просвѣщенія и скоро мы увидимъ собственными глазами, какъ лучи науки проникнутъ вездѣ и всюду, и человѣкъ будетъ только человѣкомъ безъ различія вѣры и происхожденія... Отъ Атлантическаго океана и до снѣговъ Камчатки будутъ обитать дѣти одной матери—семья науки, семья просвѣщенья... Человѣка перестанутъ встрѣчать и оцѣнивать по его одеждѣ, а будутъ лишь спрашивать тепло и сочувственно: скажи, что ты сдѣлалъ для роднаго края, для твоихъ согражданъ; былъ ли ты честенъ, служилъ-ли ты отъ колыбели до сѣдыхъ волосъ интересамъ правды, человѣколюбія и просвѣщенія! Былъ-ли ты всегда чистъ душою? Готовъ-ли ты сложить голову за тотъ край, гдѣ могилы твоихъ прадѣдовъ, гдѣ колыбель твоихъ дѣтей? Понимаешь-ли ты голосъ любви и чести? А теперь... Теперь повсюду спрашиваютъ: какъ назывался твой отецъ? На какомъ языкѣ написанъ твой молитвенникъ?

Илар. Ты совершенно правъ, Фридъ! Время это близко...

Дав. *(продолжая)* А пріискать средства для излеченія этихъ недуговъ—это наша задача... Задача молодаго, новаго поколѣнія, которое обязано придумать путь для скорѣйшаго достиженія этой завѣтной цѣли. Мы обязаны употребить всѣ наши усилія, чтобы духъ времени скорѣе освободилъ насъ отъ оковъ этого мрачнаго ига, разсѣялъ-бы умственную нашу темноту и вывелъ-бы насъ изъ нравственнаго вавилонскаго плѣненія, которое гораздо хуже и опаснѣе, нежели прежнее физическое! Мы обязаны добиться, чтобы исчезло то презрѣніе, которое теперь насъ мучитъ и нравственно

убиваетъ, чтобы знакомство съ жидомъ не заставляло тебя краснѣть, чтобы ты не долженъ былъ умывать руку послѣ прикосновенія еврея... Вотъ наша задача... Задача нелегкая, задача неодолимая... пока наша душа спитъ, пока нашъ умъ дремлетъ... Но если, при божіей помощи, эти спящія силы наши проснутся, тогда и вы будете признавать въ насъ людей... А между тѣмъ я не вижу никакой причины стыдиться моей религіи, отказываться отъ моего несчастнаго народа... Да, братъ: я еврей... Ну, жидъ, если это для тебя пріятнѣе... Мнѣ не стыдно назваться жидомъ и я горжусь тѣмъ, что остался вѣренъ своей религіи, что не сдѣлался отщепенцемъ, ренегатомъ... И чѣмъ-же, спрашивается, это мѣшаетъ мнѣ или тебѣ? Развѣ одна любовь исключаетъ другую? Развѣ принадлежность къ извѣстному вѣроисповѣданію можетъ уничтожить или нейтрализировать преданность отечеству?...

Илар. *(крѣпко пожимая Давыду руку).* Хорошій ты человѣкъ, Фридъ! Дай обнять тебя... Когда жму твою руку, гляжу въ твои честные глаза, изъ которыхъ душа такъ и брызжетъ, которыхъ злоба не омрачаетъ; когда мой взоръ покоится на твоемъ хорошемъ лицѣ, на которомъ такъ и горитъ пламя вдохновеннаго увлеченія и свѣтится молодая сила жизни: тогда я самъ себѣ кажусь выше, лучше, добрѣе... Тогда я какъ будто выростаю десятью головами выше толпы... Тогда я всѣхъ-бы людей обнялъ и прижалъ къ груди... Я тогда люблю всѣхъ безконечно, безпредѣльно, а больше всѣхъ люблю тебя!... Одно я тебѣ скажу, если между евреями есть много такихъ, какъ ты, то слова твои сбудутся, сбудутся скоро, и васъ ожидаетъ свѣтлое будущее...

Дав. Спасибо, другъ мой, за доброе слово... Но будетъ.. Оставимъ этотъ разговоръ...

Генр. *(всторону).* Фу-ты! Вотъ чепуха, такъ ужь чепуха! Постойте, я васъ сейчасъ огорошу... *(вслухъ).* Постойте, постойте! Вы сегодня лепечете, словно маленькія дѣти... Говорите оба, какъ поэты или... дураки... Послушать васъ только, такъ съ завтрашняго дня жизнь должна потечь млекомъ и медомъ въ кисельныхъ берегахъ... Одинъ восхищается великими качествами своего великаго народа; другой предсказываетъ великую будущность этому-же великому народу... Чортъ знаетъ, что такое! Если бы я не зналъ, то могъ бы подумать, что вы оба гдѣ-нибудь кутили всю ночь и теперь бредите съ похмѣлья... Послушай, Фридъ: ты только не обижайся...

Если мы уже начали дружескій, сердечный разговоръ, то онъ долженъ быть вполнѣ откровенный, прямой, честный до самаго конца...

Дав. Разумѣется!

Генр. Значитъ, будемъ говорить всю правду безъ обиняковъ, безъ драпировки, безъ прикрасъ и никто не долженъ и не имѣетъ права обижаться...

Дав. безъ всякаго сомнѣнія...

Генр. Такъ вотъ, я скажу чистосердечно, что вовсе не вѣрю въ будущность жида. Торговля, гандель, гешефты—вотъ единственное поприще, на которомъ для жида все начинается, все живетъ и все кончается... И посмотри картину этой жизни, этой карьеры: вѣсы, аршины, мѣры... Товаръ и деньги, деньги да товаръ... Можетъ быть для васъ эта картина привлекательна и красива, но развѣ это будущность? Будущность для народа?

Дав. Ясно, какъ солнце! Прозрачно, какъ стекло! Правда, другъ мой, не спорю, что до сихъ поръ для еврея существовало одно только поприще, открытъ былъ одинъ только путь—это торговля. Но гдѣ причины этого явленія? Этихъ причинъ много; эти причины извѣстны мнѣ, извѣстны тебѣ и всѣмъ они извѣстны, потому что эти причины историческія. Или еще нужно ихъ перечислять? Вспомни только исторію всѣхъ европейскихъ государствъ въ средніе вѣка... Пожалуй и послѣ того... Какое кровавое участіе принимали въ этой исторіи евреи! Всюду гоненія, преслѣдованія, мученія и пытки... Пытка нравственная, пытка тѣлесная... Пламя костровъ, бряцанье цѣпей, мракъ темницы, горе изгнанія, гетто, оскверненные алтари, поруганныя могилы... Вотъ изъ какихъ страницъ состоитъ исторія моихъ единовѣрцевъ... Отъ этихъ преслѣдованій, отъ пытокъ и поруганія, еврей нашелъ одно и, увы! единственное спасеніе въ силѣ золота, во всемогуществѣ монеты! И какой-же оставался путь для еврея? Развѣ намъ дозволяли поселиться на одномъ клочкѣ земли на долго? Развѣ позволяли намъ въ поту нашего чела пахать, сѣять, жать, словомъ, обрабатывать землю? Сегодня ты засѣялъ, завтра тебя убили и другой пожнетъ хлѣбъ, заготовленный твоимъ кровавымъ трудомъ для твоихъ дѣтей! И что-же еврею оставалось дѣлать? Красть и грабить... Все равно: я говорю не умѣлъ, ты скажешь боялся... Но красть и грабить еврей не могъ, а деньги ему были необходимы, какъ спасеніе отъ обидъ и грабежа, какъ ограда отъ пытки и смерти... Золото ему

было нужно какъ рыбѣ вода, какъ воздухъ легкимъ... Нужно было добывать этой магической панацеи и добывать, живя постоянно между молотомъ и наковальней... Нужда изобрѣтательна... Еврей нашелъ средство—въ торговлѣ. Торговля доставляла золото, и что же въ этомъ страннаго, если еврей ухватился всѣми силами своей жизни за это спасеніе—за торговлю? И за это вы его осуждаете? За это его дѣлаете предметомъ клеветы и посмѣянія? Развѣ торговля мѣшаетъ быть гражданиномъ? Развѣ это заглушаетъ въ немъ звуки благородныхъ струнъ? Развѣ это дѣлаетъ его глухимъ къ голосу правды и любви, любви къ ближнему, любви къ родинѣ... Развѣ торговый человѣкъ не способенъ сложить свою голову на алтарѣ отечества? Въ моихъ глазахъ одно другому не мѣшаетъ: купецъ можетъ быть самымъ лучшимъ гражданиномъ, гражданинъ можетъ быть отличнымъ купцомъ... И почему-же еврей долженъ стыдиться торговли? Почему торговля можетъ опозорить еврея или закрывать ему будущность? Нѣтъ, братъ: занимайся чѣмъ хочешь, но занимайся честно... И на этомъ основаніи я утверждаю смѣло: для еврея настанетъ будущность и будущность хорошая, свѣтлая будущность общая со всею семьею народовъ, будущность—человѣка! Еврей не погибнетъ...

Генр. *(перебивая)*. Да!.. Не погибнетъ, если перестанетъ быть евреемъ...

Илар. Знаешь-ли? Легче гораздо сдвинуть гору съ мѣста, нежели извлечь предубѣжденіе изъ упрямой головы! Къ несчастію такихъ головъ на свѣтѣ много, очень много, гораздо больше, нежели свѣтлыхъ... Много ихъ повсюду, но несравненно больше у насъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что просвѣщеніе и наука возьмутъ свое и права человѣка должны быть одинаковы во всемъ человѣчествѣ... Но когда? До того мы не доживемъ, этого едва-ли доживутъ наши дѣти и даже дѣти нашихъ дѣтей...

Дав. Это весьма возможно и даже правдоподобно... Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы опустили руки и отказались отъ надежды! Впрочемъ, бываютъ и чудеса на свѣтѣ! Можетъ и для насъ чудо свершится... Я глубоко вѣрую въ честность человѣчества... Поймите, не людей, а человѣчества! Потому непоколебимо убѣжденъ въ успѣхѣ... Это успѣхъ правды, успѣхъ просвѣщенія.. Послѣ ночи неминуемо настаетъ день, послѣ мрака обязательно слѣдуетъ свѣтъ... Молодое поколѣніе обязано всѣ свои силы устре-

мить къ одной цѣли, а цѣль эту я могу изобразить въ слѣдующей формулѣ: еврей сдѣлается человѣкомъ только тогда, когда мы не найдемъ его ни въ домѣ, ни на улицѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ семьѣ, ни въ обществѣ, ни въ жизни, а только въ синагогѣ... Скажу яснѣе: для счастія и благополучія необходимо, чтобы еврей сдѣлался въ Россіи русскимъ, въ Германіи германцемъ, въ Англіи англичаниномъ, оставаясь евреемъ только въ молитвахъ, исключительно въ религіи... Прежде всего намъ необходимо сойтись, какъ слѣдуетъ, съ товарищами; это первая и самая главная задача... Больнѣе всего, что до сихъ поръ студенты заставляютъ евреевъ и тутъ стоять особнякомъ... Косо на насъ смотрятъ; какъ-то чуждаются насъ...

Илар. Въ этомъ дѣлѣ я помогу; даю честное слово. Ты знаешь, что наша университетская молодежь—это народъ честный, сердечный, хорошій, это цвѣтъ нашего края, надежда общества и, пожалуй, государства. Товарищи чуждаются вообще евреевъ потому, что не знаютъ евреевъ... Надо сказать правду, каждый изъ насъ наслушался съ дѣтскихъ лѣтъ всякихъ росказней о жидахъ... ну, и разсказы эти бывали вовсе не лестнаго содержанія! Немудрено, что изъ этого въ убѣжденіяхъ каждаго изъ насъ сложилось относительно евреевъ самое нехорошее мнѣніе. Убѣжденія сдѣлались предубѣжденіями—и послѣдствіемъ было то, что вы стоите особнякомъ. если не принимать во вниманіе немногихъ исключеній, какъ напримѣръ ты, да Редлихъ... Но, повторяю, студенты—это людъ неиспорченный, на нихъ подѣйствовать легко... Трудно только первое сближеніе... но въ этомъ я посодѣйствую. Ты знаешь, Фридъ, я имѣю нѣкоторое вліяніе въ нашихъ кружкахъ... Давай руку, Фридъ; будемъ работать вмѣстѣ и успѣхъ не минуетъ... Дѣло вѣдь доброе....

Генр. *(всторону).* Ишь куда метнулъ, чортъ его возьми! Хочетъ сблизить товарищей съ жидами... Побрататься съ ними!!! Ну, нѣтъ, братъ; это ужь дудки! *(Отводитъ Иларіона въ сторону и говоритъ ему шопотомъ).* Ради Бога, Иларіонъ, что ты затѣваешь? Чего ты добиваешься? Неужели еще не довольно той жертвы, что мы сами впутались въ близкія отношенія съ жидами? Теперь ты еще хочешь втянуть въ это дѣло товарищей! Подумай только, какую ты берешь на себя отвѣтственность! Разсуди, какой ты навлекаешь на себя позоръ! Вѣдь это срамъ, безчестье! Послушайся меня: плюнь на все это, брось къ чорту жидовъ и

пойдемъ своею дорогою! Хорошо, что никто тебя не слышалъ, а то осрамилъ бы окончательно... Это позоръ...

Илар. *(шопотомъ).* Развѣ только для такой бараньей головы, какъ твоя! Если только цѣль честная, благородная и просвѣщенная, то мнѣ дѣла нѣтъ, какъ на это посмотритъ десятокъ недоучекъ, что объ этомъ скажутъ два-три дурака... Я не посмотрю на то, кто хвалитъ, кто насмѣхается... Честные люди всегда и вездѣ братья: жиды-ли, нѣмцы-ли или цыгане!.. Брось, Генрихъ. твои узкія стремленія и взгляды и присоединись къ намъ... Если, кому не понравится, пусть не смотритъ... пусть закроетъ себѣ глаза...

Генр. *(всторону).* Какъ разъ, сейчасъ пристану! Вотъ дурака нашелъ! Стану я пачкать мое дворянское достоинство! *(вслухъ.)* Когда ты самъ зрѣло обдумаешь... *(За сценою слышно нѣсколько голосовъ).*

Илар. Ого! Вотъ и наши идутъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Рамирскій, Бузовкинъ, Дошпиганенко и Зицфлейшъ (входятъ шумно, въ различныхъ костюмахъ).

Давыдъ. *(Вставши, здоровается со всѣми по очереди).* Здравствуйте, здравствуйте, дорогіе гости! Садитесь, кто гдѣ успѣетъ найти мѣсто. Не ожидалъ васъ сегодня! Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ! Велю печку развалить.

Рамирскій. Вали-братъ, вали, если тебѣ это пріятно; только прежде прикажи-ка подать чаю... Развалить печку!.. Этимъ жаромъ чувствъ ты меня чрезвычайно трогаешь, но гораздо больше растрогаешь мою душу горячимъ китайскимъ. Скорѣе, братъ, распорядись.

Дав. *(смѣясь).* Сейчасъ распоряжусь! Сейчасъ! Потерпи минутку, обжора! *(подходитъ къ дверямъ).* Эй! Аксинья! Самоваръ! Только смотри, Аксиньюшка, чтобы мигомъ...

Голосъ *(за сценою).* Сей-минутъ подамъ.

Рам. Это дѣло! Я перемерзъ до костей... Просто зубъ на зубъ не попадаетъ! Видите, возвращаемся теперь изъ контрактоваго дома... Множество публики, толпа безчисленная; просто, домъ валится. Кого тамъ нѣтъ! Военные, помѣщики, студенты, дамы, словно армія осаждаютъ магазины и лавки. Красивые бухарцы надуваютъ всѣхъ до смѣшнаго своими товарами, продавая плисъ за бархатъ, тюль за блонды... Да! Эти товары на столько-же видѣли Бухару, на

сколько мы съ вами видѣли Вавилонъ... А тамъ, по стѣнамъ размѣстились магазины со всевозможными изобрѣтеніями роскоши и моды и все это ловушки на наши бѣдныя денежки! О, не одинъ туго-набитый въ деревнѣ карманъ возвратится туда въ безнадежномъ истощеніи... А шумъ, гвалтъ, говоръ, гамъ... просто ума помраченіе! А надъ всѣми криками господствуетъ зычный голосъ полицейскаго, который съ особенною предупредительностію выкликиваетъ экипажъ такого-то князя или графа. На крыльцѣ опять толпа купцовъ и помѣщиковъ; копошатся, галдятъ, суетятся: покупаютъ будущую пшеницу, продаютъ неостриженную шерсть; вмѣсто старыхъ векселей, предлагаютъ новые; отдаютъ въ аренду сахарные заводы, производящіе такой сахаръ, при воспоминаніи о которомъ у заводчика становится горько на языкѣ! Тутъ закладываютъ деревни, тамъ отдаютъ на срубъ лѣса... Здѣсь царитъ превыше всего бердичевскій элементъ, а повсюду вертится, словно бѣсъ на заутрени, агентъ Гальперина: со всякимъ заговоритъ, каждаго затронетъ... Разсказываетъ онъ весьма поучительно и краснорѣчиво о тяжелыхъ временахъ, о своемъ всемогущемъ вѣрителѣ: онъ одинъ только имѣетъ несмѣтные капиталы въ наличныхъ деньгахъ и въ неограниченномъ кредитѣ по всему свѣту, всѣ же остальные банкиры—это голыши, нищіе, банкроты. А посему, кто имѣетъ свободныя суммы, тотъ самымъ лучшимъ образомъ можетъ помѣстить ихъ у Гальперина: и обезпеченіе полное, и проценты высокіе, не говоря уже о связяхъ и протекціи этого милліонера, которые могутъ выручить на случай бѣды... Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда дѣйствуетъ агентъ Горовица, восхищаясь величіемъ своего принципала: какой онъ образованный, какой великодушный, какими огромными располагаетъ суммами, какимъ кредитомъ пользуется и въ небѣ, и въ аду; а на счетъ Гальперина прохаживается безъ церемоніи и безъ пощады... А, говоря правду, оба они богаты и если вы имѣете у нихъ деньги, то можете спать спокойно; деньги будто въ карманѣ... Вѣдь это собственно самое главное для публики! Что же касается внутренняго достоинства каждаго изъ нихъ, это, ей-Богу, для насъ все равно и торговля ничего не выиграетъ и ничего не потеряетъ въ томъ обстоятельствѣ, что одинъ изъ нихъ образованъ, а другой хусидъ... Да, кажется и въ этомъ отношеніи разница между ними небольшая... Если разобрать хорошенько...

Бузовкинъ (*перебивая*). И прочая, и прочая, и прочая! Уже расходился... Если тебя не попридержать, ты готовъ болтать до слѣдующаго утра... Да еще о такихъ вещахъ, которыя всѣмъ намъ извѣстны ни чуть не хуже, чѣмъ тебѣ... Будетъ!

Рам. (*съ комичною важностію*). Господа! Протестую! Сей баринъ стѣсняетъ мою свободу...

Генр. Кстати? Какія сегодня зрѣлища?

Рам. Изволь, сейчасъ отрапортуемъ: въ театрѣ спектакль, какая-то безконечная драма; маскерадъ въ контрактовомъ домѣ; въ университетскомъ залѣ вокальный концертъ; въ дворянскомъ собраніи тоже концертъ; ну, да въ иныхъ мѣстахъ много разныхъ увеселеній... Ну, что? Будетъ съ тебя? Или тебѣ мало еще этого? Ты думаешь, что я казенный глашатай... афишка ходячая... Давыдъ, псалмопѣвецъ! Ради твоего тезки, побѣдителя Голіаѳа, дай скорѣе чаю, а то погибну отъ холоду...

Дошпиганенко. (*Давыду*). Вели подавать скорѣе, а то онъ тутъ насъ уморитъ на смерть своею болтовнею!

Илар. Господа! Хорошо, что вы сегодня собрались... Совершенно кстати! Хочу поговорить съ вами объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Рам. (*перебивая*). Тише, господа, тише! Онъ скажетъ какую нибудь глупость! Говори, мой Пальмерстонъ! Вѣщай, мой Демосѳенъ! Когда мнѣ ѣсть хочется, я люблю слушать разныя глупости. Совсѣмъ другое дѣло, когда бываю сытъ: тогда люблю премудрость, рѣчи полныя мысли и содержанія; но, на голодный желудокъ, голова моя не переваривартъ ничего умнаго, всякая премудрость мнѣ тогда противна и скучна и развѣ какая-нибудь отъявленная глупость можетъ меня развлечь и забавить... Ну, говори, мой мудрый Цицеронъ! Сегодня я готовъ милостиво выслушать всякую твою чепуху...

Илар. Да замолчишь-ли ты, болтунъ неисправимый: я хочу говорить о серьезномъ дѣлѣ... Это не будетъ твоя безсодержательная болтовня, не переливаніе изъ пустаго въ порожнее... (*въ это время женщина вноситъ самоваръ*). Вотъ и чай... Какъ разъ подали кстати. Пей да ѣшь, авось заткнешь глотку и дашь поговорить толкомъ хоть двѣ минуты...

Рам. (*садясь къ столу*) Сажусь, пью, ѣмъ и слушаю, какъ ты будешь вздоръ молоть...

Илар. Господа! Только-что, передъ самымъ вашимъ приходомъ, я говорилъ съ Фридомъ...

Рам. (*перебивая*). О! два великихъ мудреца! Idem pro idem! Какъ зарядятъ дребедень въ мартѣ, то не разстрѣляютъ ее до самаго февраля!

Илар. (*съ досадою*). Пойдемте лучше, господа, въ другую комнату; эта трещотка здѣсь никогда не дастъ намъ кончить... (*Идетъ на право; за нимъ всѣ, кромѣ Генр. и Рамирск.*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Генрихъ и Рамирскій.

Рамир. (*вслѣдъ за уходящими*). Съ Богомъ, съ Богомъ! Идите себѣ мудрствовать лукаво подальше гдѣ-нибудь, а то вы здѣсь мѣшаете мнѣ дѣломъ заниматься!

Генр. (*ходя по комнатѣ въ размышлеиіи*). Концертъ, спектакль, да еще маскерадъ... Гм! Куда лучше сегодня направиться?

Рам. (*съ полнымъ ртомъ*). О! Вопросъ важный! Отъ рѣшенія его зависитъ по крайней мѣрѣ равновѣсіе Европы... Если есть деньги, отправляйся въ маскерадъ; тамъ каждый франтъ обязательно долженъ быть... Только совѣтую тебѣ не маскироваться...

Генр. А почему-жь бы это?

Рам. На это у меня есть четыре основательныхъ причины. Во первыхъ, сохранить инкогнито тебѣ не удастся: уши разскажутъ, какое подъ маскою лицо; во вторыхъ, твоя конфектная рожица нравится барынямъ, зачѣмъ же покрывать ее маскою? Потеряешь оказію завязать интересную интрижку, а можетъ и не одну. Въ третьихъ, подъ маскою непремѣнно надо интриговать, да обладать остроуміемъ, а у тебя столько-же способностей для остроумной интриги, сколько у Готтентота парижской ловкости. Наконецъ, въ четвертыхъ..... Что бишь? Ахъ, да! Костюмъ для такого маскерада стоитъ не дешево... На это нужны деньги...

Генр. (*садясь въ кресло*). Имѣю 60 рублей... Хватитъ.

Рам. А?! Получилъ деньги; безпокоятъ въ карманѣ... А сегодня, когда нужно было подписать рубль на доброе дѣло, ты сказалъ, что нѣтъ ни гроша! Прелестно, купидончикъ! Неподражаемо! Для маскерада ты готовъ раскошелиться, а на покупку книжки у тебя нѣтъ денегъ! Ступай, братъ, ступай въ маскерадъ! Барышни тамъ ждутъ; онѣ тебѣ будутъ рады! Танцуй, забавляйся во всю ивановскую... Подчуй барышень, раздавай подарки... Транжирь безъ разсчета отцовскія денежки... А завтра, какъ хозяинъ потребуетъ платы за квартиру, заложишь часы или шубу... Лови, братъ, лови часы любви и веселья! Спѣши братъ, вѣдь жизнь коротка! (*во время послѣдующаго монолога Генрихъ засыпаетъ*). А когда кончишь курсъ моднымъ фатомъ, вспомнишь съ удовольствіемъ: какъ весело жилось намъ въ Кіевѣ... Намъ, то есть, студентамъ? Что правда, то правда: всѣ мы не святые! Молодыя силы должны перебродить... Но, слава Господу, если перебрать насъ всѣхъ по одиночкѣ, такихъ, какъ ты, между нами очень не много! Дай Богъ намъ избавиться и отъ этихъ... Но ты на это не обращай вниманья: кути, философъ, на пропалую! Только объ одномъ попрошу я тебя, какъ о величайшей милости: когда чудомъ какимъ нибудь удастся тебѣ кончить курсъ и ты станешь разсказывать о нашей студенческой жизни, говори, что ты такъ жилъ, а не мы, студенты! Вѣдь не всякому лестна такая репутація, что во время университетской жизни промоталъ большія деньги, что кутилъ, пилъ, игралъ, ухаживалъ и не занимался научнымъ вздоромъ; что былъ первымъ героемъ бильярда и шустерклуба; что зналъ на перечетъ всѣхъ модистокъ и кокотокъ; что умѣлъ быстро передѣлывать шубы и часы на наличныя деньги: что имѣлъ кредитъ во всѣхъ трактирахъ и кандиторскихъ, а не зналъ дороги ни въ одну аудиторію... Говоря обо всемъ этомъ, говори только объ себѣ самомъ... Мы подобной славы не стоимъ! Куда намъ равняться съ тобою? Мы зубримъ и ходимъ на лекціи, словно гимназисты... Потому и просимъ тебя, не смѣшивай насъ съ такими героями, какъ ты; помни пословицу: suum cuique... А впрочемъ гуляй и кути на здоровье... (*оглянувшись*) Что? Заснулъ? Молодецъ! Я только что вошелъ въ азартъ; говорю ему такія мудрыя вещи, а онъ, каналья, который не заснетъ ни на балу, ни за картами, захрапѣлъ... Извольте разсуждать съ такими субъектами... (*за сценою раздаются крики: браво! браво!*) Это что за новая комедія?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Иларіонъ (входитъ, а за нимъ) **Давыдъ, Бузовкинъ, Дошпиганенко** и **Зицфлейшъ.**

Илар. И такъ, дѣло рѣшено, господа?

Всѣ (*кромѣ Рамирскаго*). Рѣшено, братъ! Рѣшено! Браво! Молодецъ де-Шандонъ! (*обнимаютъ Иларіона*).

Илар. Теперь, братцы, обнимите Фрида! Дадимъ себѣ слово, держаться правила: всѣ мы товарищи, люди дѣла, люди науки... Жидовъ между нами нѣтъ... Прочь всякія предубѣжденія!

Рам. Что это за фокусы?

Илар. Какое намъ дѣло, почему одинъ уважаетъ епископа, другой раввина, одинъ празднуетъ субботу, другой воскресенье, одинъ въ церкви молится Богу, другой въ синагогѣ? Какое намъ до всего этого дѣло, если мы всѣ люди честные и, одинаково честно служимъ той странѣ, гдѣ колыбель нашихъ дѣтей, гдѣ могилы нашихъ отцовъ, съ одинаковою готовностію несемъ общими силами общія заботы? А если изъ нашихъ трудовъ, изъ нашей работы выйдетъ что-нибудь полезное для отчизны, то, повѣрьте, эта общая мать наша никогда не спроситъ, кто принесъ пользу: жидъ или христіянинъ? И такъ— долой нетерпимость, долой предубѣжденія, а кто еще объ нихъ вспомнитъ, тотъ намъ не товарищъ!

Рам. Да провались я сейчасъ въ тартарары, если я тутъ хоть что-нибудь понимаю! Да объясните-же, а то я васъ... (*хватаетъ Бузовкина*) Говори, не то душу изъ тебя вытрясу!

Бузов. Перестань только шалить, я тебѣ все объясню!—Вотъ видишь-ли... (*говоритъ ему тихо*).

Илар. Я сегоднешнимъ вечеромъ такъ доволенъ, такъ доволенъ, что словъ не нахожу.

Рам. Вотъ дѣло, такъ дѣло! Жаль только, что такъ поздно... Иларіонъ, иди сюда! Подавай сюда свое ангельское чело, я запечатлѣю на немъ отцовскій поцѣлуй и ланиты твои облобызаю! Поди сынокъ, дай погладить твою мудрую главу... (*обнимаетъ Иларіона*) Послушай, братецъ, мое надгробное слово ты произнесешь; обѣщаю тебѣ это моимъ торжественнымъ словамъ и даже включу въ мое духовное завѣщаніе! Если-бы вы знали, господа, какою радостію полна теперь душа моя... Такое что-то вертится на языкѣ, да языкъ какъ-то самъ собою движется и поворачивается во рту, что я готовъ говорить до самой смерти и даже послѣ смерти... Готовъ бы говорить долго, много, скоро... (*къ Давыду*) Расцалуй меня, ты, царь-псалмопѣвецъ! И васъ всѣхъ обниму (*обнимаетъ каждаго и наконецъ Генриха*)... И тебя, герой всѣхъ шустерклубовъ.

Генр. (*просыпаясь*) А? Что? Идетъ транспортъ съ кушемъ, по кушу очко и кушъ мазы.

Всѣ. Ха ха ха!

Рам. (*съ комическою важностію*). Молчать, вы дармоѣды! Чему это вы смѣетесь, да мѣшаете человѣку заниматься серьезнымъ дѣломъ! И что тутъ смѣшнаго? Это человѣкъ труда; онъ никогда не сидитъ безъ дѣла, какъ вы, празднолюбцы и лѣнтяи! Вы постоянно гніете надъ книжками, а онъ занимается высшими камбинаціями въ 52 листа... Отъ вашихъ занятій будетъ-ли еще какой прокъ, а отъ его работы—польза очевидная. Вы работаете только на яву, а онъ, какъ видите, трудится и во снѣ!... Ну, оставьте его... Пускай продолжаетъ общеполезное дѣло; мы займемся... Чѣмъ мы займемся? Вотъ, господа, я обнимаю Иларіона и Давыда и желаю отъ души, чтобы это было въ добрый часъ; чтобы этотъ союзъ молодежи былъ началомъ союза всенароднаго и чтобы скорѣе произошло сліяніе всего нашего люда, да такое сліяніе, чтобы нельзя было въ немъ отличить: кто Ицко, кто Митрофанъ, кто Анна и кто Сура... (*обнимаются*).

Давыдъ. Благодарю, друзья! Спасибо вамъ всѣмъ, товарищи и братья! Особенно благодарю тебя, Иларіонъ; за этотъ моментъ я твой вѣчный слуга и буду молить Бога, чтобы доставилъ мнѣ возможность доказать на дѣлѣ всю силу моей благодарности....

Илар. Перестань, Фридъ! За что ты такъ разчувствовался? Какой это такой великій подвигъ я сегодня совершилъ? Великъ долженъ быть упадокъ человѣчества, если каждое малѣйшее дѣло по требованіямъ совѣсти и чести, если каждое исполненіе прямыхъ обязанностей порядочнаго и развитаго человѣка сейчасъ дѣлаются предметомъ восхищенія и поводомъ всякихъ восхваленій. По моему мнѣнію, каждая похвала за исполненіе своего долга, за честный поступокъ—это обида... Обида потому, что, если-бы испорченность наша не была такъ глубока, если-бы мы не были гордыней столь богаты, а душою нищіе... то честные поступки были-бы среди насъ дѣломъ насущнымъ, повседневнымъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе и Редлихъ.

Редлихъ (*входя угрюмо*). Здравствуйте, господа! (*здоровается съ каждымъ*).

Рам. (*важно*) А здравствуй, Патріархъ Іаковъ! Чоломъ бью вашей милости... Ты чего такъ мраченъ, совсѣмъ какъ твой тезка библейскій, когда вторично попался на семилѣтнюю службу къ алч-

ному тестю? Что съ тобою случилось? Проигрался? Шубу у тебя украли? Ожилъ у тебя трупъ на секціонномъ столѣ? Читалъ ты Кіевскій Телеграфъ? Имѣешь можетъ завтра экзаменъ по анатоміи? Хочешь подарить человѣчеству какое новое открытіе или размышляешь о планѣ новой трагедіи? Если это послѣднее, то не мучь своей благородной головы: ей-ей не стоитъ труда!

Редл. Оставь, Рамирскій? Я сегодня не расположенъ шутить, хотя, ты знаешь, я самъ люблю шутки...

Илар. Что случилось?

Рам. (*серьезно и съ чувствомъ*) Что съ тобою, Редлихъ? Скажи, ради Бога! Ты на себя не похожъ!

Редл. Меня поразилъ ужасный ударъ... Я получилъ письмо...

Дав. Письмо? Какое? Говори, Яковъ!

Редл. Отецъ мой опасно болѣнъ, такъ, что всѣ врачи уже отказались! (*Падаетъ на стулъ*) бѣдный мой отецъ... И что меня наибольше повергаетъ въ отчаяніе, это та мысль, что это холера... (*вскакиваетъ*) Надо мнѣ ѣхать... Сегодня ѣхать... Господи, Господи! И за что-же это!.. Однакожь довольно... Теперь некогда плакать! И такъ, въ путь, авось поспѣю еще во время... Но вотъ бѣда, у меня нѣтъ теперь денегъ... Давыдъ, имѣешь нѣсколько рублей?

Дав. Къ несчастію, вчера отдалъ послѣднее хозяйкѣ за квартиру.

Редл. Что тутъ дѣлать?

Илар. Фу ты гадость! И у меня въ эту минуту ни гроша... Но я поѣду и добуду... Впрочемъ, погодите! Генрихъ, у тебя кажется есть еще деньги!

Генр. (*съ досадою*) Изъ чего ты это взялъ? Вотъ смѣшно; съ какихъ это поръ ты меня считаешь капиталистомъ?

Илар. Да это невозможно...

Генр. Съ ума ты сошелъ! Говорятъ тебѣ, нѣту ни гроша!

Редл. Оставьте этотъ споръ... Если говоритъ, что не имѣетъ...

Генр. Не имѣю! Честное и благородное слово, не имѣю!

Рам. (*Прохаживался все время нетерпѣливо*) Тьфу! Я все молчалъ, но больше не могу! Господа, вѣдь это позоръ, это безчестно! Нѣтъ, не могу! Еще пяти минутъ не прошло, какъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, сей мужъ сказалъ мнѣ своими собственными устами, что у него есть 60 рублей, которые сегодня предназначаетъ на маскарадъ, а теперь увѣряетъ честнымъ и благороднымъ словомъ...

Генр. (*всторону*) Чортъ бы тебя побралъ, проклятый пустомеля! (*вслухъ*) Ну, да! Имѣю... Такъ что-же, что имѣю? Деньги мнѣ самому нужны и съ какой радости я долженъ отказаться отъ своего удовольствія или забавы, для того, чтобы занять другому?.. Заемъ...

Редл. Заемъ? Какъ это такъ? Я только-что дѣйствительно говорилъ только о займѣ, объ одолженіи; но теперь я заговорю иначе! Развѣ ты мнѣ не долженъ сто рублей? Ты развѣ позабылъ, какъ, мѣсяца два тому назадъ, проигравшись на мелокъ, ты не имѣлъ чѣмъ расплатиться и могъ быть обезчещенъ... Я слышалъ уже слова: обманщикъ и пощечины... Я тебя выручилъ, отдавши послѣднее... Ты забылъ объ этомъ? Развѣ я не имѣю права теперь потребовать своихъ денегъ, тѣмъ болѣе, что онѣ мнѣ нужны до зарѣзу, а у меня другихъ источниковъ нѣтъ!

Генр. (*ѣдко*) А! Заговорила наконецъ своимъ голосомъ скверная натуришка. Хоть золотомъ его покрой, жидокъ всегда останется жидкомъ... Если ужъ ты заговорилъ натуральнымъ языкомъ, то и я скажу тебѣ натуральное слово... Никогда и ни-при какихъ условіяхъ долгъ не срамитъ и не позоритъ дворянина... Заплочу...

Редл. Мнѣ сейчасъ надо... Ты слышалъ?

Генр. Уплочу со всѣми процентами, отъ первой до послѣдней минуты... Природа всегда манитъ волка въ лѣсъ... Вашъ почтенный батюшка успѣетъ скончаться и безъ васъ... Экое горе: одинъ жидъ окочурится!.. Дыра, вѣроятно, будетъ въ небѣ! Этого добра на свѣтѣ еще есть, къ несчастію народовъ, очень много... Дамъ за все время двойные проценты, это успокоитъ сыновнюю печаль...

Редл. (*съ бѣшенствомъ*) Молчать, негодный! До сихъ поръ я полагалъ, что ты только дуракъ; теперь-же я убѣдился, что ты не столько глупъ, сколько подлъ!.. Я давно закрылъ бы тебѣ безстыдный ротъ надлежащимъ образомъ, но я щажу въ тебѣ твоего брата и честь нашего мундира... Къ стыду студентовъ, ты студентъ и это спасаетъ тебя отъ пощечинъ!

Генр. Негодяй! Я тебя... (*бросается къ Редлиху; другіе удерживаютъ*) Пустите!.. Пустите меня!

Редл. (*съ принужденнымъ спокойствіемъ*) Хочешь поддержать свою честь кулаками? Ей богу ты избралъ самый лучшій путь... Но я могу тебѣ дать лучшее средство: если считаешь себя оскорбленнымъ, я готовъ на всякое удовлетвореніе...

Генр. (*внѣ себя*) Что? Дуэль? Ну, это ужъ конецъ свѣта настаетъ! Говоря по совѣсти, я своимъ собственнымъ ушамъ не вѣрю... Слыханое-ли дѣло? Ребе-Яковъ Редлихъ вызываетъ Шанду-де-Шандона! Да это самая остроумная комедія... Ха-ха-ха! Я, Шанду-де-Шандонъ, столбовой дворянинъ, потомокъ маркизовъ, маршаловъ и коннетабля Франціи... Я... потомокъ сподвижниковъ Герцога Бульонскаго, покрою свое древнее имя вѣчнымъ позоромъ, принявши вызовъ какого-нибудь плюгаваго жида! Да при одной уже мысли вся кровь застываетъ въ моихъ жилахъ... Ха-ха-ха! Поединокъ! А кто секунданты?—Ребе-Сруль и Ребъ Лейба? Чѣмъ... то есть какимъ оружіемъ? кугелемъ, мацою или фаршированною щукой! Ха-ха-ха! Дуэль!

Редл. (*съ принужденнымъ спокойствіемъ*). Отличныя ширмы для закрытія трусости! Для людей безъ совѣсти и чести это отличная лазейка: оскорбить кого-нибудь, оплевать, втоптать чье нибудь самолюбіе въ грязь, разрывать въ клочки чужую честь... а послѣ, когда обиженный потребуетъ общепринятой, хотя безсмысленной, сатисфакціи, бросить ему въ глаза новую выходку безстыднаго нахальства: я, столбовой дворянинъ, кровный аристократъ, съ жидомъ я драться не стану... Чистота крови! Но эта покрышка на столько прозрачна, что чрезъ нее слишкомъ очевидно сквозитъ самая пошлая, самая унизительная болячка—трусость!

Илар. (*все время сидѣлъ въ остолбенѣніи*). Бѣдный отецъ мой! Бѣдная матушка! Счастіе ваше, что васъ не было при этой сценѣ, что вы не были сами свидѣтелями позора и безчестія, которыми этотъ выродокъ покрылъ ваше честное и незапятнанное имя! (*Закрываетъ лицо руками*).

Рам. (*съ чувствомъ*). Успокойся, Иларіонъ... Перестань... больно-то оно больно... Но дѣлать нечего, паршивую овцу изъ стада вонъ... а позоръ, это вещь благопріобрѣтенная, это личная собственность человѣка, за которую не отвѣчаетъ семья... Нѣтъ, другъ мой, семьи безъ урода! Скрѣпя сердце, плюнь на эту гадину, отвернись и успокойся...

Илар. (*вставая рѣшительно*). Кончено! Что случилось, того не отмѣнишь!.. (*спокойно къ Редлиху*). Тебѣ, Редлихъ, сегодня ѣхать необходимо; денегъ, видитъ Богъ, у меня нѣтъ... Но вотъ часы, подарокъ моей матушки... Возьми да заложи...

Дав. Оставь, братъ. Вотъ еще выдумалъ! Найдется и у насъ что заложить... Но до этого дѣло не дойдетъ... Мы извернемся и нѣтъ никакой надобности закладывать твои фамильныя драгоцѣнности...

Илар. (*хватаетъ Давыда за руку*). Послушай! Вѣдь, чортъ возьми, я обязанъ уплатить долги моего покойнаго брата, который только-что умеръ отъ мерзкой, отвратительной болѣзни, послѣ котораго я съ сегодняшняго дня надѣну трауръ... А послѣ умершаго, всему оставшемуся, кромѣ безчестія и позора, я законный наслѣдникъ; я только одинъ имѣю право уплачивать его долги и никому не хочу уступить этого права!..

Генр. Иларіонъ!.. Богъ съ тобою! Это что за мысли?

Илар. (*холодно и рѣзко, отчеканивая слова*). Господинъ Генрихъ Шанду-де-Шандонъ, я съ нынѣшняго дня съ вами не знакомъ! (*отворачивается съ презрѣніемъ*).

Генр. Фи! Это глупая шутка, мой премудрый братецъ! Господа, что вы на это скажете? (*всѣ отвернулись*). Какъ, и вы всѣ отворачиваетесь? И это вы называете товарищескими отношеніями?

Бузов. (*пожимая плечами*). Помилуйте, да кто-же рѣшится назвать себя товарищемъ труса... Близкія отношенія съ трусомъ...

Генр. Но ради какого-нибудь жида...

Бузов. Э! Любезнѣйшій! Моя натура не отличается такою брезгливостію: если меня кто оскорбилъ, то для меня все равно—русскій, французъ, турокъ, жидъ или самъ чортъ изъ преисподней... разъ оскорбленіе совершилось, я смою его кровью или умру... Особенно, если я самъ въ этомъ наибольше виноватъ и самъ былъ зачинщикомъ. Безъ этого мнѣ нѣтъ мѣста между порядочными людьми... Высказалъ я мое мнѣніе, прошу его получить, въ полученіи его росписаться и вычеркнуть меня немедленно изъ числа знакомыхъ.....

Дошпиганенко. Мой пріятель, Василь Васильевичъ Веселовскій, который состоитъ въ нашей деревнѣ въ качествѣ пономаря и только семь дней въ недѣлѣ бываетъ пьянъ, но за то съ утра до ночи, выработалъ слѣдующую сентенцію: кто въ чужую морду наплевалъ, тотъ и свою подставляй, иначе съ нимъ и дѣла нельзя никакого имѣть, потому—не человѣкъ, а дрянь! (*къ Генриху*). Я убѣжденъ, что нашъ пьяный пономарь и тотъ даже отказалъ-бы вамъ въ своемъ уваженіи... Понимаете? Значитъ между нами—баста!

Зицфлейшъ (*кланяясь насмѣшливо Генриху*). Позвольте и мнѣ не считаться больше въ числѣ вашихъ знакомыхъ: я это говорю безъ особеннаго усилія, но за то и безъ всякаго сожалѣнія!

Генр. (*въ сильномъ смущеніи*). Что я слышу? Я ушамъ собственнымъ и глазамъ не вѣрю!

Рам. Я-же скажу коротко. По моему убѣжденію, лишь тотъ можетъ быть мнѣ другомъ и товарищемъ, кто никогда, ни на одинъ волосъ не сбивался съ пути честности и благородства, кто зорко и ревниво охраняетъ неприкосновенность и чистоту своей чести и кто никогда въ жизни ни дѣломъ, ни даже словомъ не запятналъ своего честнаго имени... Съ такимъ человѣкомъ я раздѣлю мысли, дѣло, надежду, сердце и душу; за такого человѣка я охотно отдамъ послѣднюю каплю крови! Но кто съ пустой душою, съ изсохшимъ сердцемъ, съ исковерканнымъ мозгомъ, напялилъ на себя мундиръ студента только для внѣшняго шику или для кутежей; кто ведетъ такую жизнь, которая позоритъ всю нашу корпорацію; кто дозволяетъ себѣ дѣлать такія вещи, которыхъ никто не можетъ отнести къ разряду чистыхъ... Такого человѣка никогда не назову товарищемъ, не назову и знакомымъ и никогда не запачкаю своей руки прикосновеніемъ къ его рукѣ! Dixi, милостивый государь, и между нами все кончено!...

Генр. (*въ отчаяніи*). О Боже! Что это со мною дѣлается!

Бузов. (*подходя къ Генриху*). На прощанье еще я скажу два слова. Послѣ сегодняшней сцены, вы это сами понимаете, вы больше между нами оставаться не можете. Завтра-же это будетъ извѣстно каждому студенту... Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а вамъ извѣстны правила и обыкновенія нашего университета; вамъ знакомы взгляды нашихъ студентовъ на честь и безчестье корпораціи... Не знаю, какъ будетъ послѣ, но пока еще у насъ корпоративное начало весьма сильно... Еще пока мы очень сильно дорожимъ сословною репутаціею и крѣпко ее оберегаемъ. Значитъ, для васъ остается только одно—увольняйтесь изъ университета, не то васъ исключатъ съ позоромъ. Правда, лишиться васъ, это еще небольшая и вовсе не чувствительная потеря... Съ Богомъ, на всѣ четыре стороны... И слава Богу! Однакожь изъ уваженія и любви къ Иларіону... вы все-таки его братъ... я вамъ дамъ совѣтъ: исчезайте изъ Кіева, только куда-нибудь подальше, спрячьтесь въ какомъ-нибудь захолустьѣ или отправьтесь въ дальній вояжъ. Короче, скройтесь куда-нибудь и, по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ нигдѣ носа не кажите... Здѣсь пока позабудутъ о сегодняшнемъ прискорбномъ поступкѣ вашемъ; ваша старая репутація нѣсколько покроется мракомъ

забвенія, вы тогда позаботьтесь о новой репутаціи; усердно постарайтесь исправить свои недостатки и загладить свои прежнія ошибки и тогда только снова являйтесь между нами, если не новымъ, то хоть обновленнымъ человѣкомъ. Новому человѣку товарищи будутъ рады, охотно похоронятъ въ могилѣ всепрощенія ваши прежнія вины и, принявши васъ снова въ свой кружокъ, возвратятъ вамъ свое уваженіе... А до того, пока это наступитъ,—маршъ отсюда! Между нами нѣтъ для васъ мѣста... Уходите; уже одно присутствіе ваше—оскорбленіе для студенчества... Отъ васъ теперь каждый будетъ убѣгать, какъ отъ зачумленнаго... Вы знаете наши обычаи и можете быть увѣрены, что противъ этого приговора ужъ нѣтъ апелляціи! Не такъ-ли, господа?

Всѣ. Разумѣется! Безъ сомнѣнія!

Генр. (*съ яростію*). Вотъ судъ, такъ судъ! Стадо верблюдовъ произноситъ приговоръ надо мною! Плевать я хочу на ваши суды! Наплевать на ваши безсмысленныя сужденія, на ваше такъ называемое общественное мнѣніе... Хорошо; я удалюсь изъ университета, уйду изъ Кіева; но, клянусь Богомъ, не изъ боязни!... Вы думаете заставить меня унижаться, просить прощенія, помилованія? Хотите услышать мои просьбы, увидѣть мое раскаяніе... Никогда! Для васъ у меня ничего подобнаго нѣтъ! Вы этого не стоите! Такихъ товарищей мнѣ не жаль, я ихъ презираю! Презираю васъ, вашу дружбу и вашъ гнѣвъ... Всѣ вы глупы и безчестны... Ну, что же? Вы стоите и молчите? Я цѣлый часъ осыпаю васъ оскорбленіями, одинъ противъ семерыхъ, а вы все переносите безропотно... И я еще трусъ? Хотите знать, боюсь-ли я васъ? Всѣхъ васъ обзываю подлецами и предлагаю вамъ всѣмъ удовлетвореніе... Назначайте мѣсто и время, какое угодно оружіе... Явлюсь и пріиму вызовъ всѣхъ васъ вмѣстѣ и каждаго порознь...

Рам. Тише! тише, сударь! Дуэли съ вами никто изъ насъ не пріиметъ: мы люди честные, незапятнанные, мы съ явнымъ и обезчещеннымъ трусомъ драться не можемъ, а на такія оскорбленія дадимъ отвѣтъ—палкою. (*беретъ палку*). Эй, господа! Давайте, прочтемъ этому франту соотвѣтственную нотацію, чтобы поминалъ насъ до новыхъ вѣниковъ! (*хочетъ броситься*) Dignum digno, господа!

Давыдъ (*удерживая Рамирскаго*). Извини меня, Рамирскій! Моя квартира не можетъ быть полемъ подобной битвы... Этотъ

господинъ поступилъ сегодня безчестно и безразсудно; но пока онъ у меня, я не позволю, я не допущу подобной расправы... Ты хочешь его обезчестить окончательно; Богъ съ тобою, я тебѣ не учитель... Но не раньше, какъ онъ будетъ за этимъ порогомъ.

Рам. Но такое оскорбленіе...

Ред. (*подходя*). Оставь, Рамирскій! Господи, Боже мой! Развѣ слова такого человѣка могутъ еще кого-нибудь серіозно оскорблять?

Рам. (*успокоиваясь*). Святая истина, другъ мой! Онъ ужь самъ найдетъ себѣ наказаніе! (*Генриху*). А теперь, сударь, вотъ Богъ, а вотъ порогъ... Уходите и живите въ позорѣ и безчестьи...

Генр. (*въ ярости*). Еще мы увидимся и посчитаемся съ вами всѣми! (*къ Редлиху*). А ты, подлый жиденокъ, ты, гадъ плюгавый, выслушай внимательно, что я тебѣ скажу сейчасъ, я, Генрихъ Шанду-де-Шандонъ! Помни хорошенько, что, по твоей милости, случилось сегодня со мною... Или ты полагаешь, что честь дворянина, это все равно, что и честь жида? Молись-же теперь, молись усердно твоему жидовскому Богу, потому что имѣешь во мнѣ—ты слышишь-ли?—непримиримаго врага! За твою сегодняшнюю продѣлку, ты будешь наказанъ жестоко! Для удовлетворенія, мнѣ мало твоей крови и крови всѣхъ твоихъ родныхъ... Ты хотѣлъ, мерзавецъ, войны? Хорошо-же, война! Я, Генрихъ-де-Шандонъ, клянуся Богомъ, клянуся чортомъ въ аду, что пока еще эта рука не одряхлѣла окончательно, пока въ моихъ жилахъ кровь не застыла, пока въ груди еще теплится хоть одна искорка жизни, пока смерть еще не прекратила біеніе этого сердца, до тѣхъ поръ трепещи, Іудино отродье! Я съ сего дня живу исключительно местью и для мести. Помни хорошенько, ты меня погубилъ, ты убилъ мою карьеру и я тебѣ отплачу! (*къ прочимъ*). А вы, пустыя башки, вы, безголовые мальчуганы, не забывайте, что вы, ради паршиваго жида, сегодня погубили брата-товарища... Можетъ быть я и погибну, но вамъ это не пройдетъ безнаказанно... Я васъ проучу...

Всѣ. Ха-ха-ха!

Генр. Не смѣйтесь, герои! Еще не время смѣяться! Я вамъ докажу, кто такой Генрихъ-де-Шандонъ! Это правда, признаюсь, что я до сихъ поръ еще никогда серіозно не работалъ; но теперь клянусь и небомъ и адомъ, я возьмусь за работу всѣми силами моей злобы и ненависти; буду трудиться надъ собою съ бѣшенствомъ, съ отчаяніемъ, днемъ и ночью, безъ отдыха и срока, пока не отомщу вамъ всѣмъ! (*со слезами*) О! работа для мщенія—это роскошь, это наслажденіе!... А теперь довольно... До свиданья, жидъ! (*Уходитъ*).

(занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Ребъ Хаимъ Шейнеръ, банкиръ, лѣтъ за 60, съ сѣдою бородою, въ золотыхъ очкахъ, въ шелковомъ костюмѣ, составляющемъ нѣчто среднее между длиннополымъ сюртукомъ и старинннымъ еврейскимъ кафтаномъ; на головѣ бобровая шапка, подъ которою бархатная ермолка. Движенія порывистыя, быстрыя. Когда слушаетъ собѣседника, онъ поднимаетъ очки на лобъ, когда же говоритъ самъ, опускаетъ очки на глаза. Голосъ мягкій, вкрадчивый, но переходитъ въ крайне-рѣзкій, повелительный, язвительный.

Аврамъ Герцеденъ, vulgo „Абрамка“, л. 45, фактотумъ Хаима.

Федеръ, л. 40, бухгалтеръ.
Фастоверъ, л. 25, корреспондентъ. } Въ конторѣ Хаима, оба одѣты совершенно по европейски, только первый съ бородою, а второй бритый.

Иларіонъ Шанду-де-Шандонъ, уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатель мирового съѣзда.

Аронъ Фридъ, л. 65, сѣдой старикъ; одѣтъ по европейски.

Гершъ-Мейеръ Тыпышъ, л. 55, одѣтъ по староеврейски, конторщикъ Хаима.

Дѣйствіе въ Гнилопятскѣ, въ конторѣ Хаима.

По лѣвой сторонѣ письменный столъ Хаима. Меблировка соотвѣтственная банкирской конторѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Федеръ и **Фастоверъ** (сидятъ за столомъ по правой сторонѣ сцены, у второй кулисы); **ребъ Хаимъ** (сидитъ въ своемъ креслѣ); **Аронъ** (стоитъ облокотившись на письменный столъ).

Хаимъ. Твое упрямство, любезный Аронъ, даже начинаетъ меня раздражать! Ты рѣшительно хочешь погубить своего единственнаго сына! И чего онъ тамъ добьется въ этомъ твоемъ богомерзкомъ университетѣ? Какая будущность? Какая карьера? Что за цѣль? Что ему дастъ университетъ? Если-бы твой Давидъ хваталъ звѣзды съ неба, если-бы у него были способности даже, прости господи, какъ у блаженныя памяти ружинскаго цадика, то и въ такомъ случаѣ онъ тамъ богатства не добьется! А между тѣмъ терять, онъ тамъ много можетъ... И какъ еще много! Онъ только пріобрѣтаетъ самую скверную репутацію; покрываетъ твои сѣдины позоромъ... Онъ забылъ окончательно, что былъ когда-то евреемъ! Мало того... онъ

сталъ писать безбожныя книжки... Онъ портитъ будущность твоей дочери, мѣшая ей сдѣлать приличную партію... Да развѣ порядочный человѣкъ рѣшится взять въ жены сестру богоотступника... Коммерческое поприще—это совсѣмъ другое дѣло... Послушайся меня, Аронъ! Заставь его покинуть опасный этотъ университетъ, измышленный только для распространенія вольнодумства и для уничтоженія религіи... Пусть онъ сброситъ съ себя этотъ нечистый студенческій нарядъ.... Я дамъ ему у себя должность корреспондента... Пріими мой совѣтъ; я на вѣтеръ не бросаю моихъ словъ; ты знаешь это, Аронъ! Склони его поступить ко мнѣ въ контору: содержаніе хорошее, заработки значительные, мое покровительство... А самое главное: здѣсь онъ не подвергаетъ опасности религію нашихъ отцовъ, ну... а въ два-три года соберетъ состояніе, составитъ карьеру.... Вѣдь это не шутки! Другіе десятками лѣтъ добиваются этого счастія, этой чести, а я самъ тебѣ предлагаю...

Аронъ. Благодарствуйте, ребъ-Хаимъ! Я вамъ очень обязанъ за ваше расположеніе; но предложенія вашего принять не могу. Сынъ мой избралъ себѣ путь по собственному вкусу и по собственной своей свободной волѣ, руководясь лишь внутреннимъ влеченіемъ, а вовсе не разсчетомъ. Онъ идетъ прямо и честно; онъ составитъ утѣшеніе моей старости и, если Богу будетъ угодно, онъ будетъ гордостью нашихъ единовѣрцевъ. Онъ не добивается богатствъ, не ищетъ роскоши: трудъ, книга, мысль, честно-заработанный кусокъ хлѣба—вотъ, что нужно для моего Давыда, вотъ, къ чему онъ стремится! Вы напрасно, ребъ-Хаимъ, такъ вооружены противъ моего сына... Мой Давыдъ навѣрное будетъ человѣкомъ, и хорошимъ человѣкомъ, не только по одному названію, но и на самомъ дѣлѣ. Давыдъ не будетъ лишнею спицею въ колесѣ человѣчества... Онъ, какъ былъ до сихъ поръ, такъ и всегда будетъ образцомъ честности и благородства; никогда онъ не откажется отъ своихъ убѣжденій; онъ всегда будетъ вѣрнымъ и честнымъ слугою своего отечества, своихъ земляковъ и это ему не помѣшаетъ оставаться хорошимъ евреемъ, и не на словахъ только, но и на дѣлѣ, и не по одной только наружности... Нѣтъ, ребъ Хаимъ! Напрасно изволите безпокоиться: мой сынъ меня не осрамитъ никогда... Я предвижу для него хорошую, свѣтлую будущность...

Хаимъ (*перебивая съ озлобленіемъ*). Но если въ этой будущности евреи видятъ свой позоръ... Безчестіе для всего народа...

Уже и теперь есть хорошіе залоги, и будущаго дожидаться не зачѣмъ!.... Ты знаешь эту... эту проклятую книжку... Онъ въ этой богохульной книжкѣ не поскупился дать доказательства своей привязанности къ божьему народу... Эта безбожная книжка достаточно указываетъ, чего еврейство можетъ ожидать въ будущемъ отъ твоего сына! О! Эта книжка! (*стараясь овладѣть собою*) Дай Богъ, чтобы мои пророчества не сбылись, желаю этого отъ души! Но помни, старикъ: твой сынъ идетъ быстрыми шагами къ собственной гибели... О! я предвижу для него совсѣмъ иное будущее и смотри, Аронъ, какъ-бы ни пришлось тебѣ на развалинахъ твоего состоянія, на злой долѣ дочери и на могилѣ жены оплакивать слишкомъ поздно безбожные поступки твоего погибшаго сына! Я уже теперь вижу въ немъ зачатки полнаго отступничества, ренегатства... Онъ погубитъ себя, погубитъ твою семью и—пожалуй—погубитъ нашъ народъ!—Помни, Аронъ: за все это горе отвѣтственность падетъ на твою сѣдую голову!

Аронъ. Ахъ! Оставьте ваши зловѣщія предсказанія, ребъ-Хаимъ! Это уже общая еврейская привычка: марать и оплевывать все то, что выше насъ, уже потому только, что оно выше... Мы любимъ заглядывать въ далекую будущность, а все, что насъ ближе касается, что у насъ подъ самымъ носомъ, все это намъ незнакомо, все это для насъ темно и неизвѣстно! Все, что ново, то уже этимъ самымъ для насъ страшно и враждебно... Пора уже, давно пора намъ очнуться отъ вѣковой спячки и подумать о нашемъ возрожденіи!.. Пора евреямъ отказаться отъ своихъ устарѣлыхъ, исключительныхъ взглядовъ, пора намъ начать жить жизнью общею... Мы богаты способностями, не обижены и средствами матеріальными, надо-жь намъ обогатиться умомъ и духомъ; пора намъ отказаться отъ закорузлой традиціи, отъ мертвой буквы, отъ схоластическаго мрака; пора намъ освѣтить себя живою, современною наукою... Пора принять участіе въ окружающихъ насъ живыхъ интересахъ общества, въ общемъ горѣ, въ общихъ радостяхъ, чтобы наши иновѣрные братья перестали видѣть въ жидѣ зловредный наростъ на государственномъ организмѣ, перестали-бы бояться насъ, какъ паразитовъ... Наука намъ нужна! Просвѣщенія намъ дайте! Не надо намъ туманныхъ мечтаній о несбыточномъ Іерусалимѣ! Не нужно намъ пришествія непонятнаго мессіи... Наука—это нашъ Іерусалимъ!... Уравненіе и сліяніе съ тѣми народами, среди которыхъ исторія заставила насъ жить—вотъ нашъ мессія.

Хаимъ (*въ сторону*). Типунъ тебѣ на языкъ, старый рене-

гатъ! (*вслухъ*) Какъ? развѣ у насъ нѣтъ своей собственной, національной, Богомъ данной науки?

Аронъ. Да! Если хотите и у насъ есть наука... Но эта наука, переходящая столько вѣковъ отъ прадѣда къ правнуку неизмѣнною и неизмѣняемою, вѣчно обособленною и замкнутою, не поддается вліянію времени, не признаетъ движенія впередъ, не знаетъ теченія исторіи и не хочетъ измѣниться ни въ наружномъ нарядѣ своемъ, ни во внутреннемъ содержаніи... Да, если хотите, это тоже наука, даже наука интересная для археолога и антикварія, но далеко не достаточная для современной народной жизни, для жизни съ народами и въ народахъ! Намъ, кромѣ нашей древней, необходима наука новая, современная, свѣжая, идущая впередъ... Намъ нужна та наука, которая распространяется съ помощью университетовъ и академій... Если мы, старики, не можемъ уже ея достигнуть, то понадѣемся на нашу молодежь... Отъ молодаго поколѣнія евреевъ, отъ нашихъ внуковъ, если не отъ сыновей, потребуется работы, дѣла, а не бездѣйственнаго коснѣнія въ старыхъ хартіяхъ, не повторенія отжившей и никому не нужной доктрины, не пѣнія непонятныхъ псалмовъ...

Хаимъ. Что ты? Что ты, старикъ!?

Аронъ. Заставимъ молодое поколѣніе учиться, поможемъ ему всѣми нашими силами, а наши сыновья, внуки и правнуки, если, съ Божіей помощью, посредствомъ этой науки, добьются лучшей доли, заживутъ общею жизнію, перестанутъ быть народомъ въ народѣ, если достигнутъ гражданскаго равноправія, если будутъ избавлены отъ необходимости скрывать свое происхожденіе, стыдиться имени своихъ отцовъ — то они, потомки наши, будутъ восторженно вспоминать своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, будутъ покрывать благословеніями память своихъ предковъ, за то, что эти загнанные, сѣдые, угнетаемые предки, отказавшись отъ традиціоннаго упрямства, не смотря на собственную темноту, на собственную невѣжественность, думали хоть о будущности послѣдующихъ поколѣній! Этой будущности народъ еврейскій достигнетъ, и достигнетъ, благодаря трудамъ и усиліямъ нашихъ дѣтей... Да поможетъ намъ Господь на этомъ пути, да освѣщаетъ небо ихъ дорогу, а мы должны съ благоговѣніемъ сложить руки на молитву и произнести „аллилуя!“... Да, ребъ-Хаимъ! дѣти наши—это надежда нашего народа! Они представляютъ единственный рычагъ нашей будущности... А такихъ, каковъ мой Давыдъ, давай намъ

Богъ побольше и тогда часъ нашего освобожденія пробилъ-бы гораздо скорѣе....

Хаимъ (*всторону*). Избави Іегова отъ такого счастья!... О, старый грѣховодникъ! Адъ въ твоихъ устахъ, грѣхъ на твоемъ языкѣ... О, это просвѣщеніе—эта воплощенная измѣна, это отступничество отъ вѣры праотцевъ!—оно все растетъ и растетъ... Съ каждымъ днемъ пламя увеличивается и идетъ все въ ширь, да въ ширь! Это чудовище, эта гидра ненасытная, всюду протягиваетъ свои когти, стремится все поглотить... Но погодите! Еще я не умеръ!.. Хаимъ Шейкеръ еще живъ... Я еще съумѣю обуздать и задушить этого новаго дракона... О, да! Я положу предѣлъ этому просвѣщенію; я найду намордникъ на отщепенцевъ, которые составляютъ заговоры противъ моего могущества, которые пишутъ противъ насъ обличительныя книжки!... А ты, старче, вскорѣ съ ужасомъ увидишь ту казнь, какая постигаетъ злодѣя, дерзающаго оскорблять Бога, сочиняя пасквили на Хаима Шейкера!

Аронъ (*всторону*). Гм! Что-то онъ долго размышляетъ? Выдумаетъ новую подлость.

Хаимъ (*вслухъ*). Оставимъ эти споры, мой старый пріятель! Мы ужь, видно, другъ друга не переубѣдимъ! Да впрочемъ, напрасно ты такъ энергически защищаешь твои убѣжденія. Я самъ очень хорошо сознаю великую пользу просвѣщенія и никогда не вздумаю даже оспаривать достоинство и необходимость науки. Да развѣ я самъ не поддерживаю просвѣщеніе всѣмъ, что отъ меня зависитъ? Учащимся даю пособіе и щедрое пособіе; жертвую значительными денежными суммами въ пользу народныхъ еврейскихъ школъ... А вотъ недавно, во время контрактовъ, когда дѣлали подписку для кассы недостаточныхъ студентовъ-евреевъ, я подписалъ, ты самъ знаешь, пожертвованіе не малое: по пятисотъ рублей и въ этомъ, и въ прошломъ году... Ну, а если давалъ деньги, значитъ, это было по собственной волѣ, по свободному желанію... Ты чего трясешь головою? Не вѣришь?

Аронъ. О! вѣрю! (*иронически*). Какой же дуракъ не вѣритъ тому, что видѣлъ собственными глазами и въ чемъ глубоко убѣжденъ? Помилуйте!

Хаимъ. То-то! Если я давалъ тебѣ кое-какіе совѣты, то по добротѣ душевной, по старой къ тебѣ привязанности. Вѣдь своихъ цѣлей я при этомъ имѣть не могъ!... Ты это самъ понимаешь...

Ты знаешь хорошо, что я не забываю друзей и люблю вознаграждать за службу... Такъ вотъ я хочу дать тебѣ доказательство моего къ тебѣ расположенія; даромъ что твой сынъ напечаталъ эту пасквильную книжку, въ которой осмѣялъ евреевъ, опачкалъ и меня... Ну, да Богъ его прости... Твоя судьба и благо твоей семьи всегда составляли предметъ моихъ серіозныхъ заботъ... Имѣю для твоей дочери прекрасную партію. Человѣкъ еще молодой, довольно богатый и даже—это уже будетъ по твоему вкусу—даже не безъ образованія (*съ улыбкою*)... Онъ нахватался этихъ... этихъ разныхъ модныхъ уловокъ и фокусовъ... Имѣетъ трехъ-этажный домъ на Хамновецкой улицѣ, съ балконами, съ пружинною мебелью и даже съ фортепьянами... Совсѣмъ по вашему, по нынѣшнему. Имѣетъ, какъ я уже говорилъ тебѣ, порядочный капиталъ, пользуется въ нашемъ обществѣ большимъ кредитомъ: ну, одни его уважаютъ, другіе-же боятся. Да ко всему этому прибавь неизмѣнную мою протекцію и ты поймешь, что партія во всѣхъ отношеніяхъ завидная для твоей дочки. Особенно еще и потому, что онъ не потребуетъ ни гроша денегъ за женою... Если сообразить твои финансовыя обстоятельства, которыя теперь въ довольно критическомъ положеніи, если принять во вниманіе, что ты имѣлъ глупость воспитать свою дочь словно княжну какую-нибудь удѣльную... Вѣдь съ такимъ барскимъ воспитаніемъ нужны и барскія средства, а у тебя... самъ знаешь! Поэтому твоей дочери нуженъ такой мужъ, который имѣетъ не только вѣрный кусокъ хлѣба, но и капиталъ на извѣстныя излишества и фантазіи... Я нашелъ такого жениха;—это мой Абрамка.

Аронъ (*всторону*). Негодяй! (*вслухъ*) Благодраствуйте, ребъ Хаимъ; но эта ваша забота является тоже слишкомъ поздно: моя дочь уже помолвлена съ другимъ и я ни за что не рѣшусь разрывать эту связь, не стану принуждать мое дитя, да и не зачѣмъ, такъ какъ я вполнѣ доволенъ моимъ будущимъ зятемъ! Говоря по правдѣ, я въ этомъ отношеніи не завидую никому... Женихъ моей дочери нигдѣ не имѣетъ многоэтажныхъ домовъ и вѣроятно никогда имѣть ихъ не будетъ, это правда; въ сундукахъ его не лежатъ большіе капиталы, да и никакіе; но за то у него въ головѣ замѣчательный капиталъ... Кипиталъ этотъ не приноситъ такихъ видпмыхъ и звонкихъ процентовъ, но за то этого капитала никто не украдетъ, не выманитъ... Капиталъ этотъ обезпеченъ противъ мошенниества и банкротства... Женихъ этотъ не пользуется кредитомъ у кагала, но за то онъ можетъ смотрѣть прямо въ глаза всѣмъ и каждому; его совѣсть чиста, его душа не обременена никакимъ проступкомъ, его прошедшее незапятнано ничѣмъ, точно также, какъ чисто его настоящее, какъ будетъ, я надѣюсь, безупречно его будущее. Его никто въ Гнилопятскѣ не боится. но за то его любятъ и почитаютъ всѣ честные люди... Женихъ моей Баси никогда не былъ вашимъ факторомъ и никогда не пользовался вашей протекціею, но за то никогда не расходился съ честію и благородствомъ... Онъ не можетъ бросать депозитки на вѣтеръ и никогда не будетъ въ состояніи доставлять своей женѣ роскошь и излишество или удовлетворять ея фантазіямъ, но за то, если онъ принесетъ женѣ плодъ своихъ трудовъ, то на заработанныхъ имъ бѣдныхъ грошахъ не найдете слѣда чужаго горя... Его грошъ не будетъ украденъ у сироты, заграбленъ у вдовы; не будетъ выигранъ въ карты или обманомъ отнятъ у слабѣйшаго брата! Наличныя деньги рѣдко будутъ являться въ домъ будущаго моего зятя, но за то каждая пріобрѣтенная имъ полушка будетъ громогласнымъ свидѣтелемъ, что онъ помогъ ближнему противъ болѣзни, вырвалъ отца семейства изъ когтей смерти... Нѣтъ, ребъ - Хаимъ, женихъ моей дочери не будетъ у васъ въ милости, но онъ будетъ въ милости у всѣхъ больныхъ и скорбящихъ... Спасибо, ребъ-Хаимъ, за ваше участіе, но я пока доволенъ и зятемъ-врачемъ!

Хаимъ. Но подумай только, любезный Аронъ!.. Столько выгодъ, такое богатство...

Аронъ (*всторону*). Погоди, лиса! Дамъ тебѣ маленькій урокъ, чтобы не дурачилъ людей! (*вслухъ*) Послушайте, ребъ-Хаимъ,— вѣдь у васъ есть внучка? Какъ судьба моей семьи васъ озабочиваетъ, такъ точно меня занимаетъ и благо вашего семейства. И вашей внучкѣ уже пора дать жениха, пора ее пристроить. Для моей дочери довольно скромной судьбы въ убогомъ домѣ труженика, а для внучки банкира Шейкера необходимъ человѣкъ съ капиталами... Я вамъ совѣтую выдать вашу внучку за Абрамку... Однакожъ мнѣ некогда, пора ѣхать домой. Будьте здоровы, да поможетъ вамъ Богъ. Прощайте! (*хочетъ идти*).

Хаимъ (*въ сторону*). Вотъ наглецъ! Мнѣ, Хаиму-Шейкеру, предлагается сродниться съ факторомъ. Подожди, вспомнишь ты это... но теперь надо у него однако вывѣдать кое-что. (*вслухъ*). Погоди минутку! Нѣтъ-ли у тебя какихъ извѣстій о нашемъ баронѣ? Его такъ давно не было въ Гнилопятскѣ... Какъ его сахароварный заводъ?.. Я

все ожидаю, что онъ появится ко мнѣ занимать деньги... Теперь наличныя составляютъ такую рѣдкость. И свекловица въ этомъ году подгуляла; урожай уже изъ рукъ вонъ плохой. У меня уже давно нѣтъ никакихъ дѣлъ съ барономъ, всѣ счеты наши покончены.... А признаюсь, жаль мнѣ этихъ отношеній; съ барономъ весьма выгодно имѣть дѣла.

Аронъ. Баронъ сидитъ, какъ борсукъ, дома и безъ устали работаетъ: ну, ужь хозяинъ на славу! Я на дняхъ у него буду, кстати отвезу и ваши квитанціи. Представьте себѣ, эти квитанціи все еще у меня! То не здоровъ былъ, то праздники помѣшали и до сихъ поръ не успѣлъ отдать барону. Завтра представлю вамъ его рафинадъ... Фу, какая прелесть! Такой рафинадъ... ей-же-ей, не хуже Сангушки: густой, твердый, лоснящійся, словно серебро... Завтра, какъ я уже сказалъ, доставлю вамъ образцы. Надѣюсь при этомъ сахарѣ заработать порядочно,—это первый сахаръ въ губерніи.

Хаимъ. А цѣна какая?

Аронъ. Восемь-сорокъ-пять, съ доставкою сюда; пять рублей сейчасъ, остальныя въ Кіевѣ. Изъ-за куртажа ссориться не будемъ.

Хаимъ. Ладно! Привози образцы... Сойдемся! (*всторону*) Послѣ я тебя уничтожу; задавлю какъ клопа... По міру пущу... Гордая бестія!.. Заносчивая тварь! Пока этого звѣря еще до времени ласкать надо... онъ мнѣ еще пригодится въ моихъ планахъ... Потерпимъ... (*вслухъ*) До свиданія, Аронъ! Не хочу тебя задерживать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Иларіонъ.

Илар. (*крѣпко пожимая руку Арону*). Кого я вижу? Здравствуйте, господинъ Фридъ! Какъ-же здоровье? Какъ идутъ дѣла?

Аронъ. Когда я васъ встрѣчаю, господинъ президентъ, какая-то отрадная теплота согрѣваетъ мое сердце и я обѣщаю себѣ счастіе и удачу на цѣлый мѣсяцъ! Дѣла? Дѣла превосходны, потому что старая душа снова оживаетъ при встрѣчѣ съ вами... Какое цвѣтущее здоровье! Какое оживленное лицо! (*обнимаетъ Иларіона*) Кажется, что обнимаю роднаго сына! Ну! Извините меня за эти жидовскія нѣжности... Вѣдь подъ этимъ старомоднымъ сюртукомъ бьется старое сердце, которое радо-бы сейчасъ-же отдать за васъ послѣднюю каплю крови.

Илар. Значитъ, одно сердце откликается другому! Вы знаете, что я васъ уважаю и люблю, какъ отца роднаго... Я пріѣхалъ сюда на очень короткое время; сегодня-же долженъ уѣхать. Вчера получилъ я очень милое и, какъ обыкновенно, очень остроумное письмо отъ Давыда... Прелесть, что за душа! Онъ пишетъ, что завтра выѣзжаетъ изъ Кіева домой, дѣлаетъ выговоры за расточительность и приглашаетъ на свадьбу сестры...

Аронъ. Ну и что-же?

Илар. Вотъ вопросъ! Разумѣется, примчусь.

Аронъ. Вотъ мои бабы обрадуются... Ужь праздникъ, такъ праздникъ!

Илар. Вчера у меня собрались кіевскіе товарищи, Бузовкинъ, Дошпиганенко, Зицфлейшъ и другіе и мы всѣ условились, не смотря ни на какія препятствія, хотя-бы всѣ рѣки изъ береговъ выступили и всѣ мосты провалились, пріѣхать къ вамъ, чтобы дружно отпраздновать свадьбу товарища и сестры товарища... Когда-же вѣнчанье?

Аронъ. Ровно черезъ двѣ недѣли, во вторникъ.

Илар. И прекрасно! Я говорилъ съ отцомъ моимъ и, если только ревматизмъ и старыя раны выпустятъ старика изъ хаты, то и матушка съ нами соберется и нагрянемъ къ вамъ цѣлымъ домомъ. Матушка такъ полюбила вашу семью, что вотъ уже цѣлый годъ только и разговору, что о вашихъ дѣткахъ! Все она вспоминаетъ тѣ прелестные часы, которые мы провели такъ весело и такъ сердечно подъ вашею гостепріимною кровлею.

Аронъ. Передайте вашей почтенной матушкѣ, что моя убогая хата сдѣлается для меня раемъ, когда такой дорогой и желанный гость осчастливитъ ее своимъ посѣщеніемъ.

Хаимъ (*съ очевиднымъ изумленіемъ, съ самаго прихода Иларіона, наблюдаетъ эту сцену.—Всторону*). Это что за притча? Предводитель дворянства, магнатъ, съ этимъ капцаномъ? Этотъ голышъ обнимается съ первымъ аристократомъ края? Странно! Очень странно! А эта старая бестія работаетъ языкомъ ловко, словно центробѣжная машина на сахарномъ заводѣ!

Илар. (*продолжая разговоръ съ Арономъ*). Я здѣсь остановился въ квартирѣ нашего милаго Редлиха. Честная, хорошая натура! Я не засталъ его; онъ у больныхъ; я и безъ него расположился, какъ у себя дома... Вотъ удивится, когда прійдетъ, нашъ серіозный докторъ!.. (*смѣется*) Я нашелъ на столѣ вотъ это запечатанное письмо (*показываетъ и прячетъ снова*); вѣрно отъ невѣсты... Помучу немножко господина доктора, а потомъ отдамъ письмо

лично, но за то онъ долженъ будетъ мнѣ разсказать, что тамъ пишутъ въ письмѣ... Да! какъ разъ таки скажетъ! Но какъ глубоко, какъ горячо онъ любитъ вашу милую дочку... Однакожь я васъ задержалъ моею болтовнею... До свиданія, до свиданія, дорогой мой! (*обнимаются*) Передайте мои сердечные поклоны всѣмъ вашимъ... Непремѣнно, непремѣнно буду на свадьбѣ... Обнимите Давыда....

Аронъ. До свиданья! Благодарю за обѣщаніе (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе (кромѣ Арона).

Хаимъ (*поднимается съ кресла и идетъ къ Иларіону*). Честь имѣю кланяться, господинъ президентъ! Вотъ счастье, такъ счастье...

Илар. (*сухо*) Здравствуйте, господинъ Шейкеръ! Очень радъ, что вы здоровы. Я пришелъ къ вамъ по дѣлу... Мои дѣла приняли такой оборотъ, что мнѣ приходится забрать у васъ весь мой капиталъ... Потому предупреждаю васъ, что ровно черезъ мѣсяцъ явлюсь къ вамъ получить мои 60 тысячъ.

Хаимъ (*всторону*). У! Чортъ возьми! Ударъ совсѣмъ неожиданный! (*вслухъ*) Радъ служить, господинъ президентъ. Черезъ мѣсяцъ, ровно въ этомъ часу, деньги будутъ къ вашимъ услугамъ.

Илар. Видите-ли, я собираю всѣ свои наличныя деньги; даже придется и прихватить у кого-нибудь еще тысячъ двадцать... Я покупаю у нашего судьи его Семеновку... Славное имѣніе!—Правда, есть у меня деньги и за барономъ, и даже деньги порядочныя; но я обратился къ вамъ...

Хаимъ (*всторону*). Плохо! Очень плохо!

Илар. Кстати! Вы слыхали новость? Вчера нашъ баронъ скоропостижно умеръ...

Хаимъ (*вскакивая*). Что-вы! Господи-Боже! Умеръ?

Илар. Да, вчера вечеромъ, отъ апоплексическаго удара... Такъ вотъ, пока тамъ кончатся всѣ формальности и обряды относительно наслѣдства, невозможно будетъ получить слѣдуемыхъ мнѣ денегъ, а нужно мнѣ скоро; потому-то я и долженъ побезпокоить васъ...

Хаимъ. Хорошо, хорошо! Деньги будутъ васъ ждать въ указанное время! Бѣдный баронъ! Вотъ жизнь человѣческая! (*всторону*) Квитанціи еще у Арона... Вотъ мысль! Чудесная мысль... Кромѣ Арона никто не знаетъ о существованіи этихъ квитанцій... (*вслухъ*)

Будьте спокойны; ваши 60 тысячъ будутъ приготовлены ровно черезъ мѣсяцъ, минута въ минуту... Точность и аккуратность—это мой законъ!

Илар. Очень благодаренъ... Прощайте, геръ-Хаимъ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ребъ-Хаимъ; Федеръ; Фастоверъ.

Хаимъ (*всторону*). Это меня самъ Богъ надоумилъ. Во всемъ свѣтѣ, кромѣ одного Арона, никто, ни одна живая душа не знаетъ, что я получилъ отъ барона свои деньги, а квитанціи мои о полученіи еще лежатъ у Арона и никто ихъ еще не видѣлъ... Наслѣдники барона, уплачивая всѣ долги покойника, заплатятъ и мнѣ вторично... А сумма солидная? Государственными кредитными билетами 60 тысячъ рублей, ни больше, ни меньше... Ровно столько-же я долженъ заплатить предводителю... А этотъ распроклятый предводитель ждать не будетъ... Покупаетъ имѣніе! Знаемъ эти штуки! Откуда я теперь возьму такую сумму, въ такое тяжелое время? Да, времячко, можно похвалить! Ужасныя времена настали... Что день, то новый подвохъ, что день то новая измѣна! Кредитъ падаетъ и здѣсь, и даже заграницей... Моей фирмѣ, которая славилась по цѣлому свѣту, предстоитъ самое позорное банкротство... (*пауза*) Да... пригодился-бы капиталецъ барона! Но какъ это сдѣлать? Какъ-бы уничтожить эти квитанціи? Задача не легка! Если-бы удалось его подкупить... Ну, нѣтъ! Этотъ полунищій Аронъ слишкомъ гордая штука! Онъ скорѣе околѣетъ съ голоду со всей семьею, а этого не сдѣлаетъ ни за какія суммы... Этотъ голышъ, этотъ капцанъ, нищій почти, а постоянно разсуждаетъ о какомъ-то благородствѣ, о какой-то скучной чести... О! Эти ренегаты и безбожники очень упорны, и упрямы... (*пауза*) Впрочемъ, онъ и не можетъ пойдти на эту сдѣлку; онъ же самъ и отвѣчаетъ... Если-бы этакъ... какимъ-нибудь ловкимъ фортелемъ... безъ его вѣдома и противъ его воли... добыть... выудить эти роковыя квитанціи... Тутъ необходима изворотливость и необычайная ловкость!.. А! Пошлю за Абрамкой; онъ изворотливъ и не разъ уже услужилъ мнѣ въ подобномъ дѣлѣ. Онъ съумѣетъ обмануть Бога на небѣ и провести чорта въ преисподней... Э! Послушайте, Федеръ!

Федеръ. Что прикажете?

Хаимъ. Позовите Гершъ-Мейера. Чтобы сію минуту явился.

Федеръ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Ребъ-Хаимъ, Фастоверъ.

Хаимъ (*всторону*). Атъ! Эта ихъ честь... Пустяки, вздоръ и больше ничего! (*ходитъ по авансценѣ*) Надо-бы непремѣнно сплавить поскорѣе Фастовера... Этотъ безбожникъ, дышащій грѣхами, поглядываетъ на меня постоянно съ какою-то насмѣшливою улыбкою; слѣдитъ за моимъ каждымъ словомъ, за каждымъ взглядомъ... Гм! Онъ чертовски смахиваетъ на шпіона: слишкомъ много слышитъ, слишкомъ много видитъ! О! Эти ученые жиды—народъ очень опасный! Развѣ можно считать хорошимъ человѣкомъ еврея, который брѣетъ бороду? Никогда! (*пауза*) Нѣтъ! Надо избавить мое стадо отъ этого волка! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... (*вслухъ*) Эй! Мусье Фастоверъ! Вы сбрили, кажется, бороду?

Фаст. (*равнодушно*). Третьяго дня.

Хаимъ (*строго*). Зачѣмъ? Почему? Для чего? И вы дерзнули это сдѣлать наканунѣ суднаго дня? Наканунѣ Іомкипура? Я вижу, что вы пошли такимъ путемъ, котораго, какъ вамъ извѣстно, я терпѣть не могу и не хочу... Вы развѣ не знаете, что я не переношу людей, которые брѣютъ бороду и помадятъ голову? У меня никто не смѣетъ брить бороду! Зачѣмъ вы это сдѣлали?

Фаст. (*спокойно*). Затѣмъ, что это мнѣ къ лицу! Пока борода мнѣ нравилась, я ее носилъ; теперь перестала нравиться и я побрился. Изволите видѣть, я привыкъ дѣлать съ собою, что мнѣ угодно; я люблю выше всего свободу:—это моя болѣзнь и съ этой болѣзнію я умру. Мое время, мои способности и познанія, моя вся работа, все это принадлежитъ тому, кто мнѣ за нихъ платитъ,—моему хозяину, у котораго служу. Что-же касается моей одежды и моей бороды—это моя собственность, исключительно моя и никто не имѣетъ права...

Хаимъ (*перебивая*). До меня доходятъ очень невыгодные слухи. Слухи эти меня огорчаютъ и сердятъ... Мнѣ разсказывали, что вы бываете въ ресторацiяхъ; что васъ тамъ видывали даже за обѣдомъ; что вы кушаете трефное...

Фаст. (*спокойно*). И что-же изъ того? А если да; если я въ самомъ дѣлѣ ѣмъ? Кому до этого есть дѣло и кто имѣетъ право требовать съ меня отчета о томъ, какую я употребляю пищу, какой напитокъ?..

Хаимъ. Вы знаете, съ какимъ омерзеніемъ я взираю на...

Фаст. Позвольте, ребъ-Хаимъ! Я служу у васъ корреспондентомъ; вы имѣете право вникать въ то, хорошо-ли я пишу, не плутъ-ли я, не мошенникъ, исполняю-ли я добросовѣстно свои обязанности—это все ваше дѣло. Но обѣдаю-ли я дома, хожу-ли я въ ресторанъ, еретикъ-ли я или человѣкъ благочестивый—это ужь мое личное, частное дѣло. Видите-ли: въ моихъ письмахъ и книгахъ конторскихъ вы всегда находите самый лучшій порядокъ, самую добросовѣстную исправность; что-же касается состоянія моего желудка и того, чѣмъ я его напихаю, рыбою-ли или свинымъ саломъ...

Хаимъ. Вы ошибаетесь, мусье Фастоверъ! Я принялъ за правило оберегать догматы нашей святой вѣры и никому не позволяю нарушать святость нашихъ обрядовъ; я не терплю подъ крышей моего дома еретиковъ и безбожниковъ, потому что человѣкъ безъ религіи способенъ на всякія преступленія... Мусье Фастоверъ, съ нынѣшняго дня вы свободны; сдайте ваши дѣла, получите жалованье за два мѣсяца впередъ и поищите себѣ у кого-нибудь другого мѣсто; такое мѣсто, гдѣ можно питаться трефными обѣдами, гдѣ бритый человѣкъ составляетъ желанное явленіе... Я не могу держать у себя невѣрующихъ; не могу и не хочу! Завтра можете не приходить уже въ должность....

Фаст. (*спокойно*). Какъ вамъ угодно! Я здоровъ, молодъ и способности у меня есть кое-какія... Надѣюсь, что найду гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба, хотя у меня нѣтъ бороды; а если-бы даже и не нашелъ, если-бы даже пришлось изъ-за этого терпѣть нужду, умирать съ голоду, то и въ такомъ даже случаѣ я не позволю никому контролировать мою пищу—развѣ врачу!

Хаимъ (*всторону*). О! Эти еретики!... Какая гордыня, дерзость какая! (*вслухъ*) Вотъ послѣдствія этихъ безбожныхъ гимназій; вотъ плоды этихъ зловредныхъ университетовъ! Мой сынъ, слава Господу, почти азбуки не знаетъ, едва читать умѣетъ; но за то никогда не дотронется до трефной пищи, ревностно соблюдаетъ всѣ религіозные обряды, строго почитаетъ обычаи нашихъ отцовъ и, замѣтьте себѣ, молчитъ, когда говоритъ старшій! Въ вопросахъ религіи я не люблю шутить; не люблю я и тѣхъ, кто исполненъ гордыни.... А вы позволяете себѣ разсуждать и мудрствовать.... Вы уволены и баста!

Фаст. (*спокойно*). Какъ вамъ угодно! (*садится за свою работу*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Федеръ и Гершъ-Мейеръ.

Гершъ-М. Всѣми силами грѣшнаго тѣла и преданной души, спѣшу я на зовъ моего благодѣтеля. Что прикажете? Пойдти-ли на базаръ и купить щуку на шабасъ? Повыкалачивать-ли стекла въ раввинскомъ училищѣ? Пустить-ли по базару какую-нибудь сплетню? Вызвать-ли кого на ссору и заполучить нѣсколько увѣсистыхъ плюхъ, чтобы завести уголовное дѣло о мордопобитіи въ публичномъ мѣстѣ? Пойдти-ли провозглашать повсюду вашу славу и трубить вездѣ о вашемъ могуществѣ? Оскорбить-ли кого-нибудь среди улицы? Все это я могу сдѣлать, все это сдѣлаю вполнѣ исправно и съ быстротою молніи. Я уже не разъ услуживалъ вамъ въ такихъ дѣлахъ, не разъ исполнялъ подобныя порученія... Всегда оказывался вполнѣ исправнымъ; оправдаю и теперь ваше высокое довѣріе! Извольте только приказать!

Хаимъ. Ты глупъ, Гершъ-Мейеръ, какъ сальная свѣчка! Ступай скорѣе, розыщи Абрамку и приведи его сюда. Только слушай: пускай все броситъ, все оставитъ и явится немедленно ко мнѣ... А если не исполнишь моего порученія съ точностію, если замедлишь, то... ты знаешь меня? Я шутить не люблю!

Гершъ-М. Бѣгу, лечу! Самъ чортъ меня не догонитъ! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хаимъ, Федеръ и **Фастоверъ** (за работою).

Хаимъ (*всторону, опускаясь въ кресло*). Дуракъ, какихъ мало и плутъ безграничный.... Что-жь дѣлать? Онъ мнѣ часто нуженъ въ моихъ дѣлахъ и часто незамѣнимъ... Если мнѣ нужно кого-нибудь основательно оскорбить, я напускаю на него Гершъ-Мейера, словно пса цѣпнаго, и дѣло сдѣлано!... (*пауза*). Могу сдѣлать прекрасный оборотъ, если только удастся добыть отъ Арона эти квитанціи... Да! Никто не знаетъ, что я получилъ уже эти деньги и дѣти барона безъ всякаго спора заплатятъ еще разъ то, что уже разъ заплатилъ покойный баронъ... А если плутовство обнаружится?.. Что-же? Тогда отвѣчать будетъ Аронъ... Я скажу, что денегъ никогда не получалъ; доказательствъ нѣтъ, значитъ, Аронъ присвоилъ себѣ капиталъ... укралъ деньги... Онъ пойдетъ подъ судъ, въ тюрьму, въ каторгу... Лишь-бы квитанціи добыть! (*пауза*) Да и преступленья въ этомъ я не вижу... Старый безбожникъ погибнетъ... Онъ заслужилъ наказанія за свои грѣхи... Его грѣхи всѣмъ извѣстны: развѣ сынъ его не воспитывается въ университетѣ? Развѣ онъ самъ не одѣвается въ христіанское платье? Развѣ дочка его не играетъ на фортепьянахъ, не оскорбляетъ Бога чтеніемъ еретическихъ книгъ? Развѣ жена его не носитъ своихъ собственныхъ волосъ? Развѣ онъ самъ не занимается, украдкою, чтеніемъ безбожныхъ писаній? Развѣ онъ сегодня не оскорбилъ меня смертельно въ моемъ собственномъ домѣ? А сынъ его, развѣ не написалъ противъ меня пасквиля и не сдѣлалъ меня посмѣщицемъ всего края?.. Нѣтъ! Тутъ нѣтъ грѣха и онъ погибнетъ безъ сожалѣнія... (*пауза*) Наконецъ, мнѣ необходимы эти 60 тысячъ... Нечего колебаться,—это не грѣхъ! Онъ мнѣ сдѣлалъ непріятность, я ему взаимно...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Абрамка.

Абр. (*входя*) Вотъ и я! Здравствуйте, ребъ Хаимъ! Я оставилъ обѣдъ, ибо человѣкъ образованный даже отъ обѣда уходитъ, если вы его зовете! Я спѣшилъ...

Хаимъ (*вставая*). Пойдемъ, Абрамка! Поговоримъ! Ты мнѣ нуженъ! (*уходятъ на право; Абрамка за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Федеръ; Фастоверъ.

Фаст. Знаете-ли, Федеръ? Пока васъ не было, я порядочно поругался съ нашимъ принципаломъ и получилъ чистую отставку.

Федеръ. Неужели? За что-же, если можно спросить?

Фаст. (*смѣясь*) За то, что я побрилъ бороду и ѣлъ трефное!.. Я и не тужу ни мало! Давно уже я желалъ вырваться изъ этой помойной ямы, изъ этого омута обмановъ и преступленій.. О, какъ я ненавижу этого негодяя! И гдѣ-же видѣнъ такой банкиръ, который никогда словечка правды не скажетъ, постоянно лжетъ самымъ безстыднымъ образомъ и чуть-чуть не крадетъ прямо изъ кармановъ? Впрочемъ, пускай-бы себѣ обкрадывалъ легковѣрный людъ, не я за это отвѣчать буду.. Но вѣдь онъ губитъ весь народъ еврейскій. Не говорятъ: ребъ-Хаимъ воръ, а всѣ говорятъ, что *еврей* воръ! Что онъ плутуетъ и мошенничаетъ потому, что онъ жидъ... Онъ срамитъ своими поступками всѣхъ евреевъ!.. О, сколько здѣсь подлости, сколько злоупотребленій! Давно-бы я отъ него ушелъ, но долженъ былъ служить, потому что этого желалъ мой старый отецъ... Теперь самъ Шейкеръ меня выгналъ и — слава Богу!

Федеръ. И я сдѣлалъ-бы то-же! И я ушелъ-бы съ радостью отъ него... Но какъ мнѣ быть? Жена, четверо дѣтей... Состоянія нѣтъ... И вотъ я принужденъ терпѣть нравственную пытку, видя безчестныя дѣла этого безчестнаго человѣка.

Фаст. (*смѣется*) Неподражаемо, ей-Богу! Жаль, что некому смѣяться! Онъ хочетъ указывать, что мнѣ погружать въ мой желудокъ и какъ содержать мою собственную физіономію! Ну, шутишь, братъ!

Фѣдеръ (*съ безспокойствомъ*). Тише, ради Бога! Идутъ...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже; Ребъ-Хаимъ и Абрамка.

Хаимъ (*входя*). Можешь дать полторы, даже двѣ тысячи: а если заупрямится, можешь дать и больше... Лишь-бы только обдѣлать быстро и ловко... Ты понялъ хорошо?

Абр. Человѣкъ образованный все понимаетъ, если ему растолкуютъ, а если возьмется, то сдѣлаетъ... Отвѣчаю головой, что обдѣлаю все артистически, особенно, дѣйствуя въ такомъ благородномъ дѣлѣ...

Хаимъ. Будь однакожъ остороженъ... Эти чиновники...

Абр. Человѣкъ образованный всегда и во всемъ поступаетъ осторожно .. Прощайте; сейчасъ возьмусь за дѣло (*уходитъ*).

Хаимъ (*всторону*). Онъ попадетъ въ тюрьму, а можетъ и еще хуже того... Э! Мнѣ нужно имѣть 60 тысячъ!

(*занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Генрихъ Шанду-де-Шандонъ, судебный слѣдователь.
Ефремъ Васильевичъ Зозуля, л. 40, его письмоводитель.
Аврамъ Герцэденъ.
Прислуга.

Дѣйствіе на постоялом дворѣ маленькаго мѣстечка въ окрестностяхъ Гнилопятска. Номеръ меблированный очень бѣдно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Генрихъ (*одинъ, одѣтый по дорожному, ходитъ по комнатѣ съ письмомъ въ рукѣ*). Чортъ-бы его побралъ! Никакъ не могу разжевать это письмо! Какое дѣло можетъ имѣть ко мнѣ жидокъ Абрамка! Пишетъ мнѣ, пріѣзжать какъ можно скорѣе; дѣло-молъ

величайшей важности... Правда, не очень-то и далеко, всего какихъ-нибудь часа два ѣзды... Но зачѣмъ? Зачѣмъ мнѣ сидѣть въ этомъ подлѣйшемъ мѣстечкѣ, гдѣ грязь превыше колѣнъ, гдѣ невидно людей, а шныряютъ только жиды?... Тутъ за одинъ день можно погибнуть отъ скуки! (*пауза*). Абрамка—это хитрая лисица; безъ экстренной важности, онъ не посмѣлъ-бы меня утруждать... Еще настоятельно проситъ, взять съ собою непремѣнно письмоводителя... (*вздыхаетъ*). Опять, видно, угрожаетъ мнѣ какое нибудь слѣдствіе! Вотъ жизнь! И чортъ знаетъ, когда настанетъ конецъ этимъ мученіямъ... Вотъ гдѣ мнѣ сидятъ уже эти вѣчныя слѣдствія, допросы, дознанія! Проклятая должность, преподлыя обязанности! Не говоря уже о вѣчной, усидчивой и копотной работѣ, но скука, скука-то какая адская!... Просто съ ума можно сойти (*пауза*). Да-съ, весьма поучительное и назидательное занятіе: безпрерывно читай акты, жалобы, протесты, показанія, отводы, статьи закона и чортъ знаетъ еще какія напасти; копайся въ омерзительныхъ бумагахъ отъ восхода до заката и отъ заката иногда до восхода... до одури, до умопомраченья... И какія все жантильныя дѣла, какія все чистоплотныя происшествія! А тутъ еще, безконечные стоны, неизсякаемыя слезы, невыполнимыя просьбы и моленья... Адъ, адъ кромѣшный... Нечего говорить, пріятная должность для потомка аристократическихъ маркизовъ де-Шандонъ! Достойное занятіе для наслѣдника историческаго имени! (*пауза*). Этимъ я обязанъ тебѣ, подлый жиденокъ; изъ-за тебя-же собственные родители отъ меня отвернулись, братъ отъ меня отказался, изъ-за тебя всѣ порядочные дома для меня закрыты, каждый взглядъ знакомыхъ такъ и сверкаетъ унизительною укоризною... Мщеніе, мщеніе—вотъ единственная цѣль моей жизни... Мщеніемъ лишь живу, дышу, существую... И потому я поступилъ на эту службу, потому я и принялъ эту должность... Должность тяжелая, мучительная, голодная и пользующаяся не богъ вѣсть какимъ почетомъ; но она можетъ мнѣ дать средство къ отомщенію за мою погибель! На этой службѣ не разъ приходится дѣлать такія вещи, отъ которыхъ сердце разрывается, отъ которыхъ душа отворачивается, которымъ логика и совѣсть противятся... Но иду впередъ да впередъ, зажмуривши глаза; какая-то невѣдомая сила толкаетъ меня, нашоптывая злорадно: тамъ, въ концѣ этого тернистаго пути, твое мщеніе настигнетъ Редлиха, твоего губителя! Погоди, жидовское отродье; за всѣ эти мученія ты мнѣ заплатишь! (*пауза*). И что-же? Очевидно, какія-то нечеловѣческія, неестественныя силы охраняютъ этого человѣка;

вотъ уже два года слѣжу я за нимъ шагъ за шагомъ, изъ-за него поселился я въ Гнилопятскѣ, не спускаю съ него глазъ почти ни на минуту... Кажется его каждое дыханіе мнѣ извѣстно... Слѣжу за нимъ, какъ ревнивый мужъ, чтобы найти хоть самую ничтожную причину придраться на законномъ основаніи... А попадись только, тогда... О! тогда ты узнаешь, почтенный докторъ Редлихъ, что это значитъ оскорбить Генриха де-Шандонъ! Но, къ моему неописанному горю, ничего найти нельзя: ну, ни пятнышка, ни скважинки въ его жизни... Такая адская осторожность; а дѣло не мыслимое, чтобы онъ жилъ безукоризненно-честно; онъ развѣ не жидъ?.. А жида сдѣлайте чѣмъ угодно: судьею, врачемъ, дьяволомъ въ аду или ангеломъ въ небѣ, безъ мошенничества онъ не проживетъ; на то онъ жидъ! (*пауза*). Однакожь, гдѣ этотъ подлый Абрамка? Вотъ уже часа три жду его... Это наконецъ несносно... (*подходитъ къ дверямъ*). Эй! Ефремъ Васильевичъ! Господинъ Зозуля!

ЯВЛЕНІЕ II.

Генрихъ и Зозуля.

Зоз. (*входя*.) Что прикажете Генрихъ Адамовичъ. Къ вашимъ услугамъ.

Генр. Превосходныя услуги! Нечего сказать! Послушался вашего совѣта, пріѣхалъ сюда, жду и скучаю отъ самаго утра и что же? Гдѣ Абрашка, вашъ другъ и пріятель... Не хотѣлъ-же я ѣхать, нѣтъ! какъ взялъ уговаривать, да уговаривать, я уступилъ... Скажите, за что я мучусь? Зачѣмъ поѣхалъ я на зовъ вашего жидовскаго протеже? За какіе грѣхи я такъ наказанъ? На какого чорта вы меня уговаривали?

Зозуля. Потрудитесь только меня выслушать и вы сами согласитесь, что я былъ правъ. Зима приближается, дороговизна ужасная...

Генр. Какое отношеніе?

Зоз. Мѣрка картофеля рубль, двадцать рублей сажень дровъ...

Генр. Да какое дѣло...

Зоз. (*продолжая невозмутимо*). Квартиры ужасно вздорожали, на базарѣ цѣны недоступныя... Самая паршивая кухарка...

Генр. Да я спрашиваю васъ въ третій разъ, какое отношеніе?

Зоз. (*продолжая*). Жена, шестеро дѣтей: всѣхъ надо накормить, одѣть. Помилуйте, потребности теперь въ жизни какія! Надо держать приличную квартиру, завести порядочную мебель, надо одѣться... Согласитесь, что и спина письмоводителя должна быть покрыта приличнымъ сюртукомъ!.. Товары дороги, портные и модистки просто не подходи! Ну, лошадками пришлось обзавестись, экипажецъ хоть какой-нибудь купить, кучеръ стоитъ не дешево... Сами знаете, что ходить по грязи пѣшкомъ даже и для жены письмоводителя неприлично... Ну-съ, а тамъ, живя съ людьми, имѣя знакомства, приходится раза два въ году принять и у себя, сдѣлать вечерокъ или какой баликъ... Для дочерей необходимо пріобрѣсть хоть какой ни на есть фортепьянишко... Въ театръ иногда повести... Получаю всего триста рублей въ годъ... Скажите, можно-ли на такія средства прожить, даже при самомъ образцовомъ хозяйничаньи? Никогда! А потому и приходится пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы засѣять какое зернышко и на своемъ полѣ, чтобы и себя обезпечить хоть крошкою хлѣба! Вотъ по какой причинѣ я такъ убѣдительно уговаривалъ васъ, Генрихъ Адамовичъ, послушаться Абрамки и исполнить его просьбу... Этого требуетъ уже сама логика, а вы,—вы еще очень молоды...

Генр. (*перебивая*). Послушайте, Зозуля! Я слушалъ до сихъ поръ терпѣливо ваши разсужденія... Но скажете-ли вы мнѣ, наконецъ, какое мнѣ до этого дѣло и за какія прегрѣшенія я обязанъ заботиться, ѣздить-ли ваша супруга въ экипажѣ или ходитъ пѣшкомъ?

Зоз. Еще секунду терпѣнія и все объяснится... Абрамка человѣкъ хитрый и пронырливый; онъ всегда умѣетъ разнюхивать такія дѣла, изъ которыхъ капаетъ золото... Я и стремился сюда на зовъ Абрамки, потому что предчувствую золотой дождикъ... При этомъ я, конечно, льщу себя надеждою, что если верхнія ступеньки лѣстницы дождемъ обольются, то и на нижнія потечетъ одна и другая капля...

Генр. Вы дерзки...

Зоз. Позвольте...

Генр. Вы дерзки, говорю я, и предупреждаю васъ, господинъ Зозуля, что за подобныя рѣчи мы съ вами скоро разстанемся... Зарубите себѣ это на носъ! А то вы начинаете забываться...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Абрамка (расфранченный).

Абр. (*входя быстро*). Здравствуйте, Здравствуйте! Съ добрымъ утромъ...

Генр. Наконецъ-то!.. Почему это вы такъ... (*смотритъ на часы*).

Абр. (*перебивая*) Запоздалъ? Бываютъ случаи, которые по неволѣ заставляютъ человѣка быть нѣсколько неаккуратнымъ; но человѣкъ образованный никогда безъ особенной причины не опоздаетъ....

Хорошо-бы рюмку водки, чтобы во рту согрѣть, да чѣмъ-нибудь перетерѣть зубы... Всю ночь на бричкѣ; ѣду прямо изъ Гнилопятска и такъ проголодался, что просто вся внутренность трещитъ!

Генр. Водка-то найдется, но закуски мои едва-ли для васъ годятся! Вѣдь колбаса, окорокъ—для васъ запретный плодъ.

Абр. Вздоръ... Пустяки...

Генр. Однакожь ваша религія...

Абр. (*перебивая*) Человѣкъ образованный на подобные предразсудки не обращаетъ вниманія! Я не придерживаюсь обрядности и не желаю попасть въ рай съ помощью желудка! Ха-ха-ха! Изволите видѣть, въ Священномъ Писаніи сказано, что есть такая половина свиньи, которую позволяется употреблять и еврею. Это фактъ! Ну-съ, а такъ какъ намъ неизвѣстно, которая именно половина разрѣшается, то я кушаю обѣ половины и не зачѣмъ изъ-за этого голову ломать.

Генр. Ефремъ Васильевичъ! Прикажите подать закуску.

Зоз. Сейчасъ. (*выходитъ*)

Генр. Вы, какъ вижу, философъ своего рода и большой гурманъ...

Абр. (*самодовольно*). Еще-бы! Человѣкъ образованный всегда умѣетъ найдти исходъ... Я сумѣлъ поставить себя среди моихъ единовѣрцевъ такъ, что никто не смѣетъ пикнуть. Зачѣмъ голова на плечахъ? Я преспокойно ѣмъ все, что мнѣ по вкусу приходится, по субботамъ курю, одѣваюсь по модѣ, живу съ комфортомъ, подстригиваю бороду безъ всякой церемоніи... За то имѣю свои заслуги: громогласно, хотя не особенно щедро, раздаю подаяніе бѣднымъ, принимаю участіе во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ, угощаю роскошно всѣхъ вояжирующихъ раввиновъ, поддерживаю всякаго цадика, иногда жертвую подсвѣчникъ или пергаментный свитокъ въ синагогу, а въ день судный пощусь ревностно и плачу благочестивыми слезами при молитвѣ, отстраиваю на свой счетъ заборы кладбища и такъ дальше, и такъ дальше... А главное, во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, во всѣхъ тяжбахъ и процессахъ, городское общество Гнилопятска находитъ во мнѣ совѣтника и ходатая... Я умѣю всякое дѣло устроить самымъ исправнымъ образомъ и этимъ путемъ пріобрѣтаю славу и денежки. Всѣ меня боятся, потому всѣ меня уважаютъ... Вотъ какъ долженъ вести себя человѣкъ образованный...

Генг. Вы неподражаемы, Абрамка... Ваши разсужденія очень интересны.

Зоз. (*входитъ; за нимъ слуга вноситъ водку и закуску*). Вотъ и завтракъ... (*слугѣ*) Поставь и уходи (*слуга уходитъ*).

Генр. Вотъ и водка, колбаса, икра, окорокъ, сыръ... Не стѣсняйтесь!

Абр. Человѣкъ образованный никогда не стѣсняется ни въ чемъ: если ѣсть хочется, ѣмъ на пропалую. Вотъ и все! (*пьетъ*) Прекрасная водка! (*начинаетъ ѣсть*). Икра превосходная... Гдѣ вы покупаете такіе окороки?

Генр. Скажите, зачѣмъ вы меня сюда пригласили? Дѣло важное?

Абр. (*продолжая ѣсть*) Человѣкъ образованный никогда не теряетъ времени безъ серіозной надобности, а если кого-нибудь утруждаетъ, то лишь для важнаго дѣла... Время—это капиталъ...

Генр. Не расточайте-же этого капитала!

Абр. (*ковыряя въ зубахъ*) Сейчасъ все разскажу... Однакожь сядемте... Человѣкъ образованный не привыкъ стоять долго на ногахъ.

Генр. Кончите-ли вы эти предисловія... (*садится*).

Абр. (*садясь*) Сейчасъ я буду имѣть честь представить вамъ доказательства, что я васъ не напрасно побезпокоилъ, и надѣюсь, что вы останетесь довольны мною... Подобное дѣло не всякій день встрѣтите... И такъ, если позволите, начинаю... (*оглядывается на Зозулю*).

Генр. Любезнѣйшій Ефремъ Васильевичъ! Оставьте насъ одних. Извините, пожалуйста...

Зоз. (*всторону*) А! такъ вотъ что! Вы хотите безъ меня проглотить цѣлаго звѣря! Чортъ-бы васъ побралъ! (*уходя*) Погодите, однакожь! Я вамъ докажу, что и у стѣнъ подчасъ бываютъ уши!... (*выходитъ на лѣво; во время слѣдующей сцены, онъ часто показывается въ дверяхъ сосѣдней комнаты*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Генрихъ и Абрамка.

Генр. Кончайте, или вѣрнѣе, начинайте наконецъ! Надоѣло мнѣ все это!

Абр. Человѣкъ образованный, какъ я напримѣръ, обязанъ соблюдать всевозможныя предосторожности и разбирать строго: когда, что и при комъ можно говорить... Потому не обижайтесь, что я хотѣлъ спровадить отсюда вашего письмоводителя: дѣло серіозное и крайне важное. (*усаживается удобнѣе и закуриваетъ сигару*)... И я встрѣчаю въ жизни колючія терніи, и моя жизнь полна горечи... Мѣсяцевъ шесть

тому назадъ я лишился любимой жены... Домъ безъ хозяйки, а маленькія дѣтки настоятельно нуждаются въ материнскомъ попеченіи... Такое положеніе долго тянуться не можетъ и потому надо жениться. Согласитесь сами: человѣкъ образованный не можетъ долго обходиться безъ жены... Богатства не ищу; я, слава Богу не бѣденъ; капиталецъ есть изрядный, домикъ имѣю прекрасный и въ домикѣ имѣются всѣ тѣ принадлежности комфорта, какія нужны для образованнаго человѣка. А жену хочу взять съ воспитаніемъ и къ тому изъ такой семьи, которая-бы ввела меня въ кругъ еврейской аристократіи, чтобы общество забыло наконецъ, что я былъ когда-то въ Бердичевѣ мешуресомъ. Проѣздомъ чрезъ это мѣстечко, я какъ-то былъ въ домѣ у одного здѣшняго еврея... его фамилія Фридъ... У этого Фрида есть дочка... Чудесная дѣвчонка: красота царская, наружность княжская! Походка—словно у графини... Гордая, важная... Волоса ея—словно бархатъ въ пять рублей аршинъ; губки — словно кораллы; глаза — словно брильянты въ двадцать каратовъ; каждый взглядъ стоитъ двадцати пяти рублей. . Прекрасно воспитана, одѣвается по новѣйшей модѣ, говоритъ по французски, играетъ на фортепьянахъ... Ну, словомъ, это идеалъ жены, какая нужна для человѣка образованнаго! Такъ вотъ, думаю себѣ, я человѣкъ богатый, отецъ-же ея бѣденъ, обремененъ годами и многочисленною семьею, едва сводитъ концы съ концами; поэтому, если я только захочу, онъ съ радостью отдастъ мнѣ дочку. Представьте-же себѣ...

Генр. (*вставая съ досадою*). Послушайте, Абрамка! Какое мнѣ дѣло до всего этого?.. Я не за тѣмъ пріѣхалъ сюда, чтобы выслушивать ваши романическія похожденія... Заставляете меня ѣхать за 60 верстъ...

Абр. (*спокойно*). Человѣкъ образованный не увлекается нетерпѣніемъ и не разражается упреками, пока не выслушаетъ всего, до конца... Садитесь и позвольте продолжать! Мѣсяца четыре тому назадъ, я сказалъ Фриду о моихъ намѣреніяхъ и сдѣлалъ предложеніе, какъ слѣдуетъ быть... Но тутъ начинается самое интересное. Вообразите только: этотъ голышъ, этотъ капцанъ, этотъ нищій, осмѣлился мнѣ... слышите-ли? мнѣ отказать и съ какимъ еще позоромъ!! Онъ меня осрамилъ; онъ дерзнулъ сказать, что не желаетъ вступать въ родственныя связи съ факторомъ и мешуресомъ!.. Ужасъ!—Я поклялся отомстить и отомщу жестоко! Понятное дѣло: человѣкъ образованный не можетъ простить оскорбленія... Кромѣ того, долженъ сознаться, я люблю ее... Люблю!.. И еврей можетъ любить.

Генр. Признаюсь, я все еще не понимаю...

Абр. Сейчасъ поймете, только прошу не перебивать:.. Я сталъ искать средства, какъ-бы отомстить повѣрнѣе и поскорѣе. И нашелъ! Человѣкъ образованный долго не ищетъ. Аронъ Фридъ долгое время состоялъ бухгалтеромъ въ банкирскомъ домѣ подъ фирмою Хаимъ Шейкеръ съ сыномъ. Годъ или полтора тому назадъ онъ лишился этого мѣста по той причинѣ, что сынишка его, студентъ медицины, мальчишка пустоголовый, безбожникъ, отступникъ отъ религіи отцовъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего, вздумалъ напечатать книжку, въ которой не только страшно оплевалъ самого Шейкера, но еще позволилъ себѣ задѣть цадиковъ. Въ ужасныхъ выраженіяхъ разбранилъ онъ этихъ святыхъ хусидовъ, обличилъ всѣ ихъ плутни, выказалъ, какъ они религіозными фокусами эксплоатируютъ темный народъ, вооружаютъ его противъ всякихъ нововведеній. Словомъ, разгромилъ въ пухъ и прахъ.

Генр. (*начиная волноваться*) Постойте, господинъ Герцэдекъ. Если не ошибаюсь, какой-то Фридъ былъ въ мое время студентомъ въ Кіевѣ. Онъ былъ на первомъ курсѣ, еще очень молодъ, но былъ уже дерзокъ и гордъ. . (*всторону*) Помню! О и какъ еще помню! Другъ и пріятель этого подлеца Редлиха! (*вслухъ*) Продолжайте, пожалуйста, любезный Абрамка! Вашъ разсказъ становится все интереснѣе!

Абр. (*всторону*) Правду сказать ему не могу... Хаимъ не приказывалъ. Да этимъ судебнымъ душамъ и довѣрять не слѣдуетъ... Ну и что-же? переставимъ факты (*вслухъ*). Лѣтъ пять тому назадъ, а можетъ быть и больше, Шейкеръ долженъ былъ уплатить порядочную сумму... тысячъ шестьдесятъ... одному помѣщику около Бердичева. Фамилію не помню: какой-то князь или графъ. Ну, да Богъ съ нимъ и не въ томъ дѣло! Ребъ-Хаимъ долженъ-былъ уплатить къ извѣстному сроку и, желая быть аккуратнымъ, онъ послалъ деньги къ помѣщику въ имѣніе съ нарочнымъ, — съ этимъ же Фридомъ. Фридъ отвезъ деньги, отдалъ помѣщику, получилъ квитанціи или векселя Шейкера... Тогда наступилъ какой-то большой праздникъ у евреевъ, Фридъ не могъ доставить въ контору эти документы. Потомъ какъ-то забыли, никто не напомнилъ... Ну, короче, документы и по сіе время хранятся у Фрида, здѣсь, въ мѣстечкѣ, въ его домѣ... Теперь слушайте внимательно, какъ дѣло комбинируется... Этотъ помѣщикъ, графъ или князь, велъ жизнь пріятную, вовсе не какъ святой угодникъ, жилъ, что называется во всю, и вдругъ—хватилъ кондрашку... Даже не пискнулъ и гешторбенъ... На этой простой канвѣ я нарисовалъ слѣдующій узорикъ: планъ обдуманъ

и разсчитанъ такъ досконально и артистично, какъ подобаетъ человѣку образованному! Если планъ будетъ проведенъ, тогда мы всѣ останемся довольны: Аронъ Фридъ принужденъ будетъ отдать мнѣ дочку или пойдетъ въ тюрьму... Въ первомъ случаѣ я удовлетворю мою любовь, во второмъ мою месть; во всякомъ случаѣ буду удовлетворенъ. А вамъ, сударь, перепадетъ порядочный кушъ... Человѣкъ образованный умѣетъ чувствовать благодарность... Я вамъ готовъ дать полторы тысячи карбованцевъ, а если вы заупрямитесь, дамъ и больше, да и кромѣ того, по гробъ жизни пребуду благодаренъ.

Зоз. (*въ дверяхъ; про себя*) И любопытно, и интересно, и поучительно (*исчезаетъ*).

Авр. Человѣкъ образованный не скряжничаетъ, когда нужно благодарить за оказанную услугу.

Генр. Въ чемъ-же дѣло?

Авр. Сейчасъ. Извольте только вникнуть: документы лежатъ у Фрида въ его письменномъ столѣ... Если-бы можно было какимъ-нибудь фортелемъ завладѣть этими документами, — тогда дѣло въ шляпѣ!

Генр. Не понимаю, при чемъ я тутъ? Напрасно меня только тревожили...

Авр. Если человѣкъ образованный составитъ планъ, то составитъ по всѣмъ правиламъ искусства, обдумавши его снизу и сверху, и вдоль, и поперегъ... Я, еще съ молодыхъ лѣтъ, положилъ себѣ зарокъ, никогда ничего не дѣлать даромъ. И ничего не дѣлаю: даромъ не посовѣтую, даромъ не произнесу ни одного слова, потому что изъ моихъ долголѣтнихъ наблюденій я вынесъ такое правило, что каждый шагъ долженъ вести къ опредѣленной цѣли. И васъ я не безъ цѣли сюда пригласилъ.

Генр. (*съ досадою*) Да говорите скорѣе... Все болтаетесь вокругъ да около, а цѣли—все еще не видно и не видно!

Авр. Кромѣ меня, и ребъ-Хаимъ Шейкеръ не прочь-бы побаловаться съ бывшимъ бухгалтеромъ и готовъ заплатить тому, кто отдастъ ему въ руки этого звѣря... Онъ и отъ себя тысчонку... Вы подумайте только: и съ одной, и съ другой стороны... Вѣдь это капиталъ? А человѣкъ образованный не отказывается отъ капитала...

Генр. Будетъ-ли конецъ? (*всторону*) Чего онъ виляетъ? (*вслухъ*) Чего вы отъ меня требуете за этотъ капиталъ?

Авр. При теперешнихъ обстоятельствахъ въ краѣ не трудно придумать поводъ какой ни-на-есть для обыска... И, хотя обыскъ не откроетъ ничего преступнаго, но, при сей удобной оказіи, можно добраться до извѣстныхъ документовъ, спрятать ихъ ловко въ карманъ или въ портфель... А остальное уже мое дѣло... (*всторону*) Фу! наконецъ высказалъ!

Генр. (*въ ярости*) Какъ? Какъ? Что я слышу! И ты, негодяй, уговариваешь меня къ воровству? Да знаешь-ли ты, Іудино племя, за такое предложеніе я тебѣ голову размозжу, если не уберешься сію минуту... Кто далъ тебѣ право, жидовская харя, считать меня способнымъ...

Абр. (*беретъ шапку*) Ну! если не хотите, какъ себѣ хотите! Поищу кого-нибудь другаго... И зачѣмъ тутъ бѣсноваться и чудодѣйствовать... За мои наличныя денежки найду такого аматера, который возмется за дѣло съ особеннымъ удовольствіемъ... Двѣ тысячи рублей пѣшкомъ не ходятъ, какъ говорятъ евреи! А если за этимъ дѣло станетъ, я дамъ еще тысячу и даже другую... Я готовъ отдать послѣднюю рубашку, чтобы только овладѣть глупою дѣвчонкою, которая отвергаетъ руку богатаго Герцэдека, а хочетъ быть женою капцана, какого-то Редлиха... Прощайте... Я удаляюсь... Человѣкъ образованный не переноситъ оскорбленія даже ни за тысячу рублей (*собирается уходить*).

Генр. (*хватаетъ его за рукавъ*) Постойте! Что вы сказали? Редлихъ? Какой Редлихъ здѣсь замѣшанъ? Говори, жидовская морда, или я тебя задушу! О какомъ Редлихѣ ты говоришь?

Абр. За что вы рвете мой новый сюртукъ?.. Это не сермяга, это сукно фидлеровское въ пять рублей аршинъ...

Генр. (*беретъ его за воротникъ и встряхиваетъ*) Говори, какой это Редлихъ?

Авр. Ну! Какой!? Редлихъ, докторъ медицины, женихъ Фридовой дѣвочки... Но, клянусь Богомъ, еще много воды утечетъ, прежде, чѣмъ женихъ сдѣлается мужемъ... Однакожъ, оставьте мой воротникъ въ покоѣ!.. Развѣ можно въ девятнадцатомъ столѣтіи вести подобный разговоръ съ образованнымъ человѣкомъ? (*всторону*) Человѣкъ, кажется, образованный, а такой грубый янъ!

Генр. (*не выпуская воротника*) Имя этого Редлиха—Яковъ?

Авр. Ну и что, если Яковъ? Пускай его будетъ, на здоровье Яковъ! Мой мешуресъ тоже называется Яковымъ, однакожъ я, по милости этого прелестнаго имени, еще не рвалъ чужихъ сюртуковъ... Трясти меня и трепать мой воротникъ по той умной причинѣ, что кто-то тамъ называется Яковымъ? Вотъ удовольствіе! Къ чему мнѣ эти штуки? Ну!

Зачѣмъ мнѣ такiя выходки и церемонiи? Найду себѣ другаго и войду въ соглашенiе, если онъ не будетъ такой грубый янъ и если умѣетъ вести разговоръ съ человѣкомъ образованнымъ!.. Я найду охотника за сто или за двѣсти, когда здѣсь брезгаютъ такими тысячами!

Генр. (*всторону*) А! Наконецъ! Наконецъ ты мнѣ попался, ребе-Яковъ Редлихъ!.. Хоть посредственно, а все-таки погублю тебя... А, господинъ Редлихъ, по крайней мѣрѣ того добьюсь, что твоя невѣста выйдетъ за другаго... По крайней мѣрѣ глаза мои насладятся сладкимъ видомъ твоихъ мученiй... Ты будешь извиваться въ мученьяхъ, корчиться въ отчаянiи... Хоть отчасти удовлетворю мое мщенiе... (*выпуская воротникъ Абрамки*) Я на все согласенъ... Несите мнѣ деньги!

Авр. А! Это дѣло другое!.. Этакiя рѣчи прiятно слушать человѣку образованному... Клянусь вамъ, не пожалѣете, не будете раскаяваться... У меня, въ моемъ нумерѣ, ожидаетъ жидокъ; онъ подастъ какой нибудь доносъ, чтобы имѣть придирку для обыска у стараго Фрида...

Генр. (*въ сторону*). Чувствую, какъ у меня огонь пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ извилинамъ мозга... Адская радость стягиваетъ горло.... Приближается, приближается часъ мести, для которой я только и живу, для которой я пожертвовалъ честью, совѣстью, для которой готовъ пожертвовать жизнiю (*вслухъ*). Скорѣй, скорѣй, любезный господинъ Герцэдекъ! Идемъ въ вашъ нумеръ, къ вашему милому жидочку... Общiй совѣтъ научить,что и какъ дѣлать, чтобы проложить дорогу къ красавицѣ—женѣ.

Авр. Къ вашимъ услугамъ (*всторону*)! Вотъ какъ долженъ дѣйствовать человѣкъ образованный (*уходитъ съ Генрихомъ*)!

ЯВЛЕНIЕ V.

Зозуля (*одинъ, выходя изъ-за дверей*).

Вотъ прелестно! Батюшки мои, какiя распречудесныя вещи! Объяденiе! Слава Богу, что вздумалъ подслушивать! Вотъ (*складывая горсть*), гдѣ у меня теперь Абрамка (*складывая другую*)! А вотъ и господинъ начальникъ! Я предчувствовалъ давно, что эти двѣ птицы часто обгладываютъ одну и ту-же падаль!... Теперь понимаю! Мой начальникъ, который ненавидитъ жидовъ, который впадаетъ въ ярость и бѣшенство при одномъ видѣ жида, вдругъ съ Абрамкой въ перепискѣ, даже въ дружбѣ. Понимаю теперь, понимаю! Ихъ соединяютъ общiя дѣлишки, общая добыча, общая дѣлежка... причемъ, по закону, рука руку моетъ.... Ахъ, какъ я безконечно радъ, что подслушалъ этихъ мо-

лодцовъ и пронюхалъ дѣльцо, изъ котораго капнетъ золотой дождикъ... При сей удобной оказiи и мы предложимъ наши условiя, и на нашу долю кое-что перепадетъ! А это не шутка при теперешней дороговизнѣ, когда мѣрка картофеля по рублю, а сажень дровъ по двадцати!

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВIЕ ТРЕТЬЕ.

Лица:

Аронъ Фридъ.
Давидъ, его сынъ, студентъ.
Басся, дочь Фрида, 18 л.
Яковъ Редлихъ, докторъ медицины, женихъ Баси.
Игнатiй Рамирскiй, учитель гимназiи.
Генрихъ Шанду-де-Шандонъ,
Ефремъ Васильевичъ Зозуля.
Аврамъ Герцэдекъ.
Матеушъ Конопка, управитель барона, л. 60.
1-я Еврейка.
2-я Еврейка.

(Дѣйствiе въ домѣ Фрида. Сцена представляетъ скромно и со вкусомъ убранную комнату. Направо отъ зрителей письменный столъ съ нѣсколькими выдвижными ящиками. Столъ поставленъ такимъ образомъ, что ящики хорошо видны публикѣ).

ЯВЛЕНIЕ I.

Давидъ и Редлихъ.

Ред. Больно мнѣ, мой милый, но, увы! не могу тебѣ помочь ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже совѣтомъ.... Влюбленъ ты какъ герой изъ тысячи и одной ночи, какъ можетъ быть влюбленъ только юноша, у котораго нѣтъ еще бороды! Подведемъ итоги: ты влюбленъ до безумiя, разъ; своего предмета не знаешь ни по имени, ни по фамилiи—два; гдѣ идеалъ изволитъ имѣть мѣсто жительства, тебѣ неизвѣстно—три; ты даже хорошенько не разсмотрѣлъ своего божества, понеже не подходилъ ближе 20-ти или 30-ти шаговъ... Итого: такая любовь для жизни не опасна и относится, по правиламъ судебной медицины, къ разряду легкихъ поврежденiй... А въ уложенiи о наказанiяхъ, тома пятнадцатаго, изданiя....

Дав. Яковъ... перестань....

Ред. Впрочемъ, есть для тебя одинъ совѣтъ: подожди съ любовью до тѣхъ поръ, пока выростутъ усы...

Дав. Яковъ, перестань, говорю я! Мнѣ уже девятнадцать лѣтъ, я

уже далеко не ребенокъ... Ну, а твои шуточки на счетъ моихъ усовъ не особенно остроумны и мнѣ не нравятся...

Ред. (*смѣясь*). Постой, Давидъ... Не ерепенься... (*беретъ его подъ руку и ведетъ къ зеркалу*). Посмотрись въ зеркалѣ и скажи подъ честнымъ словомъ, не похожъ-ли ты на переодѣтую дѣвушку, которая любопытно смотритъ изъ институтскаго окна?... Развѣ ты не похожъ на моего внука?

Дав. (*вырывая руку*). Довольно, чортъ возми! Умирите свои восторги, господинъ докторъ!... Подобный разговоръ можетъ весьма непріятно разыграться...

Ред. Помилуй! Это шутка...

Дав. (*все еще съ раздраженіемъ*). Шутка во всякомъ случаѣ неприличная... Оставь, а то я могъ-бы забыть о нашихъ отношеніяхъ и о тѣхъ узахъ, которыя въ будущемъ... Оскорбленій не переношу и, если кому угодно, могу доказать, что я не мальчикъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Рамирскій.

Рам. (*входитъ съ правой стороны, потягиваясь и протирая глаза*). Чего вы тутъ горланите и заснуть не даете?

Дав. (*порывисто*). Хорошо, что ты пришелъ... Кстати...

Ред. (*одновременно*). Какъ нельзя больше кстати...

Рам. Молчать, молокососы, когда старшій говоритъ! Дайте оглянуться и пронюхать, въ чемъ дѣло. Оба красны, оба пѣтушатся...О, о, о! Давидъ совсѣмъ ужъ страшенъ: глаза молніи мечутъ, усы ощетинились, а правая рука такъ и потягивается къ лѣвому боку... Вотъ-вотъ, кажись, такъ и засвиститъ сабля надъ ухомъ... Знаешь-ли, мой ты маленькій псалмопѣвецъ, ты мнѣ напоминаешь рыцаря, изображеннаго на моемъ гербовомъ щитѣ... Ба-ба-ба! И ты, Редлихъ, что-то не въ своей тарелкѣ. Чело наморщено, на лицѣ кокое-то смущеніе.... Что тутъ случилось... Говорите сейчасъ!

Ред. Сейчасъ разскажу. Въ прошломъ году нашъ Давидъ, держа однажды инспекторскій смотръ гулявшимъ въ саду дамамъ, пріѣхавшимъ въ Кіевѣ пить такъ называемыя минеральныя воды, увидѣлъ вдругъ между ними...

Дав. (*восторженно*). Ангела небеснаго...

Рам. (*съ комичною важностію*). Прежде всего ты обязанъ знать, что слово „Ангелъ“, это имя существительноемужескаго рода—

такъ насъ учитъ грамматика и всѣмъ намъ извѣстно, что этого существительнаго въ женскомъ родѣ въ нашемъ языкѣ не полагается... Возьми, какой угодно словарь, даже преподобнаго Старчевскаго и сейчасъ убѣдишься: хоть сто лѣтъ ищи, ангелки или ангелихи не найдешь, а чертовку сейчасъ сыщешь...

Ред. Да не перебивай, болтунъ неисправимый! Помимо всѣхъ грамматиковъ, вопреки всѣмъ словарямъ міра, Давидъ нашелъ ангела женскаго, или, правильнѣе, дѣвичьяго рода и влюбился въ оную ангелицу скоропостижно и по самыя уши. Да такъ еще влопался, что ежедневно, съ аккуратностію хронометра, сталъ возобновлять минеральное дежурство...

Рам. Чѣмъ-же кончилась вся эта исторія?

Ред. Чѣмъ и слѣдовало: барышня уѣхала...

Рам. А любовь Давида...

Ред. Осталась въ недоумѣніи. Бѣдный мальчикъ не успѣлъ таки узнать ни имени, ни фамиліи, ни мѣстопребыванія... Знаетъ только одно, что она еврейка и принялъ твердое и непоколебимое намѣреніе найти ее, увѣряя при этомъ, что непремѣнно найдетъ, если только постоянно будетъ объ ней думать! Для этой цѣли онъ вѣчно хмурится, вздыхаетъ и практикуется въ плаксивой роли Донъ-Кихота... Вотъ мы здѣсь разговорились объ этомъ трагическомъ предметѣ, и Давидъ, придавленный безотвѣтною любовью, разсердился за самую невинную шутку...

Рам. (*Давиду*). Ну, будетъ! Перестань, мой милый! Страшно не люблю, если кто хмурится и безуспѣшно щиплетъ верхнюю губу... Это очень живописно, только безполезно.... Брось, Давидъ, напрасный трудъ; не тирань понапрасну свою бѣдную губу: изъ нея никакая сила теперь усовъ не выцарапаетъ... Перестань, а то тресну по рукѣ! А любовь... Любовь тоже забрось въ далекій чуланъ, понеже барышня испарилась... А если ангелица обрѣтается въ бѣгахъ...

Дав. О! Я найду ее хоть-бы пришлось искать на днѣ ада...

Рам. А? Вотъ какъ! Она, значитъ, изъ тѣхъ ангеловъ, которые обитаютъ въ аду, да еще гдѣ-то на днѣ? Теперь вѣрю, что это былъ ангелъ женскаго рода! Изъ тѣхъ, которые занимаются въ преисподней фабрикаціею смолы, сѣры и другихъ подобныхъ лакомствъ. Постой-ка, я научу тебя сейчасъ, какимъ образомъ, безъ особеннаго труда и даже очень скоро, собрать всѣ свѣдѣнія и справки. Въ адъ самъ не ходи, это лишнее, а напиши любезное письмо къ Метерниху; онъ теперь тамъ про-

живаетъ въ качествѣ городничаго... Онъ все разузнаетъ и съ первою почтою тебѣ напишетъ обстоятельно и подробно о твоей барышнѣ....

Ред. Ха ха ха!

Дав. (*улыбается, сначала принужденно, а потомъ разражается неудержимымъ смѣхомъ*). Ха ха ха! (*обнимая Рамирскаго*). Милый, дорогой Игнатій! Разумѣется, если ты захочешь, то, въ самомъ страшномъ бѣшенствѣ, по неволѣ разсмѣешься... Ну, извини меня, Яковъ... Я увлекся... Извини... (*подаетъ руку Редлиху*).

Ред. (*обнимая Давида*). Да развѣ можно сердиться на юношу, который влюбленъ (*въ дверяхъ показывается Бася и стоитъ въ нихъ во все продолженіе слѣдующаго разговора*)? Развѣ человѣкъ влюбленный понимаетъ, что говоритъ?

Рам. Я тебѣ это растолкую! У человѣка влюбленнаго умственный термометръ стоитъ на точкѣ замерзанія; весь разумъ изъ черепа опускается въ сердце и тогда, совершенно естественно, происходитъ такой ненормальный процессъ: сердце дѣлается очень умнымъ, а голова дѣлается очень... глупою... Изъ сего вытекаютъ для этого страдальца чертовски невыгодныя послѣдствія: онъ таращитъ безсмысленно свои воловьи глаза и ничего-же не видитъ; предается всецѣло восхваленію своего предмета, правда, про себя и для себя самого; вздыхаетъ такъ громко, какъ мѣхъ въ кузницѣ, какъ локомотивъ, трогающійся съ мѣста; не ѣстъ, не спитъ; глухъ, хотя имѣетъ уши, которыя тогда замѣтно увеличены; являются галлюцинаціи зрѣнія и пусть тогда предстанетъ предъ нимъ лысая тирольская корова, онъ готовъ ее принять за Изабеллу-Прекрасную... Короче, любовь претворяетъ человѣка съ головы до ногъ, а главное лишаетъ его послѣднихъ остатковъ ума... Въ этомъ патологическомъ процессѣ мнѣ одинъ пунктъ еще не ясенъ: когда совершается метаморфозъ оглупѣнія, уже послѣ влюбленія, или еще передъ влюбленіемъ? Вы, господа—медики, совѣтую вамъ заняться изслѣдованіемъ этого вопроса... Отличная тема для наблюденій и для диссертаціи!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Бася.

Бася. (*подошла на цыпочкахъ*). Прекрасно! Превосходно!

Рам. (*оглянувшись; всторону*). Вотъ попался, чортъ возьми! (*вслухъ*). Исключая, конечно, Якова... Такая любовь — это вѣнецъ чувства, апогей счастія.... (*всторону*) Начинаю завираться! (*вслухъ*). Если сообразить любовь нашего Редлиха съ тою картиною, которую я

только-что изобразилъ, то я, само собою разумѣется, поролъ самую жестокую дичь, городилъ чепуху и вздоръ... Да я скорѣе соглашусь откусить свой собственный языкъ, чѣмъ позволю себѣ примѣнить въ этомъ случаѣ мою теорію... Повѣрьте...

Бася (*комически-серьезно*). Напрасно, напрасно! Попались вы на мѣстѣ преступленія и не оправдаетесь никакими увѣреніями! Можно-ли такъ чернить и оскорблять любовь—это лучшее и возвышеннѣйшее чувство человѣка, эту основу, единственную основу всего хорошаго въ жизни?.. О, вы будете жестоко наказаны и наказаніе придетъ оттуда-же, то-есть изъ царства оскорбленной любви.... Вы влюбитесь, влюбитесь до самыхъ ушей и я тогда буду наслаждаться вашимъ отчаяніемъ, потому что вы непремѣнно полюбите безъ взаимности, безнадежно...

Дав. Какъ ты, напримѣръ, Абрамку?

Бася! Эй, Давыдъ! Не тяни меня за языкъ, а то я могу разсказать, по какой причинѣ студентъ Давидъ Фридъ столь часто вспоминаетъ минеральныя воды....

Ред. Тсъ! Оставь, Бася! Оставь, моя милая... Опять разсердишь его, а мнѣ вовсе не желательно выдержать еще разъ взрывъ его гнѣва.... Ты не знаешь, какъ онъ страшенъ, особенно, когда покручиваетъ усы!..

Дав. (*съ досадою*). Опять то-же и то-же! Это, наконецъ скучно!—Все однѣ и тѣ-же остроты и непремѣнно о моихъ усахъ... Все кичишься и хвастаешь, что у тебя подъ носомъ нѣсколькими волосками больше...

Рам. (*перебивая*). Молоко?

Ред. (*смѣясь*). Оставь, Рамирскій.... Взбѣсится....

Рам. За что, позволь спросить? Что молоко подъ носомъ? Еще это далеко не доказано, что молоко почему-нибудь хуже усовъ! Во-первыхъ, по мнѣнію всѣхъ медиковъ, молоко весьма полезно для здоровья, между тѣмъ, какъ усы....

Бася. Перестаньте-же, господа! Вы его уже слишкомъ обижаете. Давидъ, дорогой мой (*обнимая его*), не обижайся!

Дав. Оставь, сестра! Пускай ихъ! Пускай себѣ повторяютъ эти избитыя, истрепанныя остроты... Хотятъ прослыть остряками, юмористами.... ну и пускай отогрѣваютъ давно забытыя пошлости временъ очаковскихъ....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Аронъ.

Аронъ (*входя*). Здравствуйте, дѣти! Что значитъ этотъ громкій разговоръ... Ужъ не ссора-ли? Давидъ очень что-то раскраснѣвшись...

Бася. Мы тутъ, папаша, немножечко прогулялись на счетъ чьихъ-то усовъ; ну, а Давидъ принялъ это на свой счетъ и вздумалъ считать себя обиженнымъ... хотя не имѣетъ никакого основанія: вѣдь усовъ у него не имѣется, значитъ и разговоръ его не касался...

Аронъ. Экая шалунья! Пора остепениться, моя дорогая! Черезъ недѣлю свадьба, пора уже сдѣлаться серьезною особою, а то нашъ докторъ будетъ на меня жаловаться, что я далъ ему вѣтренную и легкомысленную жену! Будь-же серьезнѣе на старые годы, хотя-бы изъ уваженія къ серьезности брата!

Дав. (*смѣясь*). И ты, отецъ, противъ меня? И ты перешелъ на противную сторону! Значитъ, я побѣжденъ! Ужасный вѣкъ: отецъ идетъ на сына, сестра на брата! Радуйтесь! Я сдаюсь на милость и немилость и отдаю мои усы на жертву.... Торжествуйте! Насмѣхайтесь.

Рам. Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, братъ; лежачаго мы не бьемъ... Давидъ, ты теперь очень авантаженъ и твоя наружность необыкновенно внушительна: смиреніе тебѣ чрезвычайно идетъ! На мой взглядъ, ты теперь похожъ на твоего библейскаго тезку. Такъ и представляю себѣ этого поэта... въ ту минуту, когда онъ, сидя за сытнымъ завтракомъ съ устрицами и шабли, держалъ корректуру для второго изданія своихъ псалмовъ, исправленнаго и дополненнаго, онъ тогда чрезвычайно походилъ на тебя...

Аронъ (*смѣется*). Ну, съ вами не сговоришься... Однакожъ, разскажите, какъ вамъ живется, какъ идутъ дѣлишки.

Бася. Разскажите, пожалуйста! Вы сами знаете, какъ вы насъ интересуете!

Рамирскій. Извольте, сударыня! Сейчасъ изображу вамъ яркими красками картину моего житія. Живу себѣ, какъ говорится, словно у Господа Бога за печкой: это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такъ и запишемъ. Года два тому назадъ я выдержалъ экзаменъ и грудью взялъ дипломъ перваго кандидата, да еще, съ позволенія сказать, со славою. Дипломъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, вещь не шуточная; съ дипломомъ мнѣ вездѣ открытый путь! Вотъ этотъ чародѣйскій дипломъ и открылъ мнѣ путь къ достиженію должности младшаго учителя въ

первой гимназіи... Должность, какъ ее не поверни, со всѣхъ сторонъ завидная. Я преподаю исторію предъ лицомъ 60-ти или 70-ти мальчугановъ; поднимаю завѣсу сѣдой старины, возобновляю славную древность, воспѣваю давно умершую славу и ежедневно, до сухости въ глоткѣ и до боли въ горлѣ, кричу изо всѣхъ силъ о томъ, какими предубѣжденіями страдалъ дѣдушка царя Кира; какъ взбалмошный Алкивіадъ забавлялся рѣзаніемъ собачьихъ хвостовъ; какъ Сарданапалъ бойко опорожнялъ бутылки; какъ Александръ Македонскій пріобрѣлъ титулъ Великаго единственно для того, чтобы дать возможность Гоголю помѣстить безсмертную фразу въ своемъ „Ревизорѣ"; какъ знаменитая кокотка древности, капризная Клеопатра запускала булавки не туда, куда слѣдовало.... Накричавшись полныхъ тридцать дней о такихъ премудростяхъ, за такую полезную и нарочито добросовѣстную работу получаю двадцать пять рублевъ мѣсячнаго оклада и спѣшу распорядиться моимъ богатымъ заработкомъ. За десять рублей имѣю квартиру, съ отопленіемъ и мебелью... Прелестная квартира: самъ Наполеонъ такой не имѣетъ! Четыре стѣны и печка пятая, какъ слѣдуетъ быть, съ потолкомъ и поломъ. Окно четырехугольное, со стеклами. Кровать на трехъ ножкахъ.... Четвертую потеряла въ какомъ-то бою... Передъ кроватью дырявыя ширмы, два стула, столъ хромоногій и вѣчно шатающійся, надбитый кувшинъ, связанный проволокою... Каждый день собственными дворянскими руками глянсую свои сапоги и терпѣливо жду, съ важностію брамина, пока старая баба внесетъ позеленѣвшій самоваръ... Послѣ уроковъ, какъ подобаетъ благонамѣренному юношѣ, отправляюсь въ кухмистерскую глотать обѣдъ за четвертакъ. Обѣдъ истинно-барскій: борщъ изъ прошлогодней капусты, тухлыя клецки, деревянныя котлеты, пироги, фаршированные отрубями; бефъ-бризе, то есть отварная говядина съ очевидными слѣдами древняго происхожденія; на десертъ—каша, горохъ или творогъ съ простоквашей.... Послѣ обѣда, запивши вкусныя блюда мокрою водою, прочистивъ шикознымъ перышкомъ зубы, воткнувши въ ротъ грошовую папироску и надѣвши на морду маску блаженства и благополучія, отправляюсь часика на два фланировать по Крещатику. Пошлифовавши мостовую, потерши свои мозоли и налюбовавшись румяными личиками прелестныхъ Кіевлянокъ, возвращаюсь домой, напиваюсь чаю и засыпаю сномъ безгрѣшныхъ на моей трехножной кровати. Тутъ вижу я во снѣ, что мнѣ назначили по триста рублей въ мѣсяцъ содержанія, что получилъ я профессорскую должность и что чортъ побралъ моего директора, который только нака-

нунѣ крѣпко намылилъ мнѣ голову и чертовски разбранилъ за то, что, посѣтивши классъ во время моего урока, сталъ экзаменовать,и какой-то ученикъ не умѣлъ ему сказать: какимъ бокомъ Мазепа былъ привязанъ къ лошади, какимъ матеріаломъ спартанцы покрывали свои конюшни и какой сапожникъ шилъ сапоги на Христофора Колумба. О, нашъ директоръ основательно знаетъ исторію!.. На другой день та-же исторія: опять сапоги себѣ чищу, опять баба приноситъ позеленѣлый самоваръ, опять пью чай, опять являюсь въ гимназію и мелю ученикамъ историческую чепуху и опять цѣлый день живу до вечера точно такъ же, какъ жилъ вчера и какъ буду жить завтра!... Но, позвольте... Что это значитъ? Вы нахмурились?—Развѣ не наслаждаюсь я полнымъ блаженствомъ жизни? Очень много сплю, очень мало думаю—это, по моему, высшее блаженство въ мірѣ... Поэтому, изъ опасенія, чтобы мнѣ отъ чрезмѣрнаго счастія не сойти съ ума, я вотъ пріѣхалъ съ Давидомъ къ вамъ на каникулы...

Аронъ. Дорогой мой! Напрасно вы ропщете на свою судьбу: есть люди...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и двѣ Еврейки.

Пер. Евр. Доброе утро! Извините, ребъ-Аронъ, что въ такую раннюю пору пришла васъ безпокоить... Имѣю очень важную просьбу.

Аронъ. Говорите, пожалуйста. Если только возможно...

Перв. Е. Мужъ прислалъ меня... Завтра срокъ нашему долгу...Но времена тяжелыя, торговли никакой, мы сами не можемъ взыскать съ нашихъ должниковъ... Ради Господа Бога, ради счастія вашихъ дѣтей! Дайте отсрочку еще на два мѣсяца!.. Богъ Вамъ воздастъ сторицею... Не губите насъ!

Аронъ. Господь съ вами, Хана! Что-вы, что-вы? Развѣ меня не знаете? Развѣ я кого-нибудь прижималъ? Идите съ Богомъ! Вашъ мужъ—человѣкъ честный и рабочій; когда Богъ вамъ поможетъ, вы мнѣ отдадите... Кусокъ насущнаго хлѣба у меня, благодаря Бога, есть и подождать могу... Ступайте домой да успокойте мужа... Буду ждать, сколько ему нужно...

Пер. Е. Такъ черезъ два мѣсяца ..

Аронъ. Говорятъ вамъ, сколько нужно будетъ... Не безпокойтесь!

Первая Е. Да поможетъ вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ! Да пошлетъ онъ счастіе вамъ и вашему семейству. (*уходитъ*).

Аронъ. (*второй Еврейкѣ*). А вы, что скажете, моя милая?

Втор. Е. Охъ, бѣда, ребъ Аронъ! Великая бѣда посѣтила меня! Мой сынъ, мой бѣдный Гершъ, мой единственный кормилецъ, опасно заболѣлъ, и я не имѣю, чѣмъ его спасти! Докторъ прописываетъ каждый день другія лекарства, а нечѣмъ заплатить въ аптекѣ... Докторъ говоритъ, что для сына необходима хорошая пища, дорогое вино, а въ цѣломъ домѣ нѣтъ кусочка хлѣба! Ради Бога, помогите... Мой сынъ умретъ... Я все уже заложила...

Аронъ. Дурно вы сдѣлали, моя милая, что сразу не пришли къ намъ. Богатства у насъ нѣтъ, но всегда найдется, чѣмъ подѣлиться съ бѣднѣйшимъ братомъ... Вотъ вамъ на первый разъ пять рублей... Не взыщите: даю, сколько могу... А тамъ опять зайдете.

Втор. Е. Да вознаградитъ васъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Да помогаетъ вамъ на всякомъ вашемъ шагу...

Бася. А теперь, пойдемте со мною, матушка: дамъ вамъ чаю, сахару, найдется бутылка вина, да изъ платья и бѣлья что-нибудь...

Втор. Е. Да благословитъ тебя господь, ангельское существо...

Редл. Послушайте, милая: я тоже врачъ и хотя здѣсь пробуду не особенно долго, но всетаки недѣли двѣ... И если въ это время я могу вамъ понадобиться, то скажите, безъ церемоніи, я всегда готовъ пособить вамъ, какъ умѣю...

Дав. (*даетъ еврейкѣ деньги*). Не взыщите, матушка... Чѣмъ богатъ...

Втор. Е. Словъ не найду... Глазамъ и ушамъ не вѣрю... Чтобы въ наше время, да еще люди безъ бороды, въ короткихъ сюртукахъ... Господи пошли вамъ свою благодать! Я не умѣю выразить.

Рам. (*отводя Давида въ сторону*). Послушай, Давидъ, и у меня тутъ были какіе-то гроши... (*вынимаетъ кошелекъ*). Вотъ рублишка... отдай потихоньку этой скверной бабѣ... Всѣ безденежные люди—скверный народъ!.. Далъ-бы я охотно и больше, только (*выворачивая кошелекъ*) фью! вѣтеръ дуетъ... Что называется, Сквозникъ - Дмухановскій...

Дав. (*обнимая Рамирскаго*). Золотое сердце! (*Еврейкѣ*). Вотъ еще рубль... Возьмите; это даетъ вамъ этотъ господинъ, христіанинъ...

Втор. Е. Ну, что изъ того, что онъ христіанинъ, если у него душа еврейская...Я буду за него Бога молить и сынъ мой будетъ за него Бога...

Бася *(перебивая)*. Довольно, матушка, довольно... Пойдемте со мною... (выходитъ вмѣстѣ съ Еврейкой).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Давидъ, Аронъ, Рамирскій и Редлихъ.

Аронъ (*къ Рамирскому*). Ну, что? Вы и теперь станете жаловаться на судьбу свою, когда можете помочь тому, кто бѣднѣе васъ, когда имѣете возможность осушить одну слезу ближняго, уменьшить хоть на волосъ чужое горе? И что можетъ сравниться въ жизни съ тѣмъ чувствомъ, которое наполняетъ нашу грудь въ ту минуту, когда мы отдали бѣдняку послѣднюю, можетъ быть, копѣйку!

Рам. Правда, сударь, правда! Я виноватъ и каюсь!

Аронъ. Царь Соломонъ говоритъ: хоть и нѣтъ подъ солнцемъ человѣка, который доволенъ своей судьбою и не ропщетъ, хотя сравненіе укажетъ намъ, что всѣ богачи или всѣ мы нищіе; ибо на каждомъ шагу богатый можетъ увидѣть другого, кто еще богаче, а бѣдный найдетъ того, кто еще бѣднѣе, но есть существа, безусловно богатыя, это такіе люди, которые могутъ помочь тѣмъ, кто бѣднѣе ихъ самихъ, но только въ такомъ случаѣ, когда не вѣдаетъ шуйца, что творитъ десница!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Бася.

Бася (*входя*). Папа! Къ намъ идутъ какіе-то чиновники.

Аронъ. Чиновники? Удивительно! Можетъ, по ошибкѣ...

Дав. (*глядя въ окно*). Какъ-будто знакомое лицо! Рамирскій, посмотри-ка! Я готовъ поклясться, что гдѣ-то встрѣчалъ уже это лицо...

Рам. (*у окна*). Постой, Давидъ, чортъ возьми... Вѣдь это нашъ Генрихъ... Да это онъ...

Дав. Да, да! Это онъ и есть!.. Дрожь меня пронимаетъ... Генрихъ де-Шандонъ въ нашемъ домѣ... Самъ не знаю почему, сердце сжалось какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Генрихъ и Зозуля (съ портфелемъ).

Рам. *(шопотомъ Давиду)*. Ты правъ, Давидъ... И я чую что-то недоброе...

Ген. *(входя)*. Мнѣ нужно видѣть хозяина дома, Арона Фрида.

Аронъ *(подходя)*. Это я.

Генр. Я долженъ произвести въ вашемъ домѣ строжайшій осмотръ.

Аронъ. У меня? Обыскъ? Что это значитъ? Не ошиблись-ли вы... Недоразумѣніе вѣрно...

Генр. Извините меня. Я—судебный слѣдователь, орудіе правосудія: исполняю то, что мнѣ приказываютъ начальство и законъ...

Аронъ. Вѣрю... Но какая причина?

Генрихъ. Я вамъ скажу это наединѣ...

Аронъ. У меня нѣтъ секретовъ вообще, а въ особенности передъ этими лицами... Я живу много лѣтъ на свѣтѣ и во всѣ эти многіе годы никогда не сдѣлалъ ничего такого, что заставляло-бы краснѣть или боялось свѣта... Прошу говорить при всѣхъ! Для меня безразлично, въ четыре-ли глаза или предъ лицомъ цѣлаго свѣта! Если на совѣсти ничего не имѣешь, то можно слушать спокойно все, глядя прямо въ глаза всѣмъ и каждому.

Ген. Какъ вамъ угодно.... Недавно власти напали на слѣдъ преступленія... Уже нѣсколько лѣтъ появляются постоянно фальшивыя депозитки; вся полиція края уже давно употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы открыть виновниковъ; агенты рыщутъ по всей странѣ и все напрасно. Надняхъ полученъ доносъ, что гнѣздо преступниковъ въ здѣшнемъ уѣздѣ и что именно у васъ можно найти слѣды, которые... Хотя мнѣ это крайне прискорбно...

Дав. Послушайте... Однакожъ подобное безчестное подозрѣніе... Кто смѣетъ...

Аронъ (*перебивая*). Тише, тише, дитя мое! Чего мнѣ бояться? Будемъ слушать до конца (*Генриху*). Потрудитесь продолжать...

Ген. Мнѣ очень больно, но, повторяю, я не воля, я только орудіе. Я слуга закона и очень часто съ кровавыми слезами исполняю то, что предписываетъ законъ; сердце надрывается, но исполняю, не имѣя возможности допустить тѣнь снисхожденія ни за какія сокровища въ мірѣ, ни для спасенія родного отца... Сегодняшній день я считаю однимъ изъ самыхъ непріятныхъ...

Дав. (*горячась*). Ради Бога, кончайте эти приторныя сладости! Положите конецъ этой мучительной сценѣ и скажите намъ, чего отъ насъ нужно этому орудію закона...

Ген. (*сухо*). Я имѣю дѣло только съ хозяиномъ дома и только съ нимъ однимъ желаю говорить (*къ Арону*). И такъ, повторяю, позвольте мнѣ сдѣлать осмотръ въ вашемъ домѣ. Надѣюсь, что осмотръ будетъ напрасный и я сейчасъ удалюсь...

Аронъ. Я къ вашимъ услугамъ. Вотъ всѣ ключи. На совѣсти нѣтъ вины, а потому и бояться нечего.

Генр. Сначала осмотримъ всѣ другія комнаты, а послѣ вернемся сюда. Ефремъ Васильевичъ, повторите всѣмъ строго: никого не впускать и никого не выпускать... Смотрѣть зорко за всѣми дверьми и окнами. Вы понимаете? (*къ Арону*). Теперь можемъ идти (*идетъ за Арономъ въ правыя двери. Зозуля за ними*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе.

Бася. Что все это значитъ? Голова кружится!

Ред. (*грустно*). Я всегда предчувствовалъ, что мы еще встрѣтимся въ жизни съ Генрихомъ; но подобнаго удара я не ожидалъ! Я помнилъ, что онъ поклялся отомстить, я зналъ всегда, что, имѣя предъ глазами одну только цѣль, онъ не остановится ни предъ какими средствами, лишь-бы добиться ея. Такіе люди, какъ Генрихъ, на этотъ счетъ вовсе не разборчивы... Но этотъ случай... Кровь во мнѣ леденѣетъ! Это слишкомъ низко! Это слишкомъ подло! Такъ упасть до такой степени втоптать въ грязь честное и уважаемое имя своихъ предковъ... Говорите что угодно, этого я никогда не допускалъ...

Рам. И крѣпко ошибался! Для подобныхъ птичекъ все позволительно и все возможно. Низость не имѣетъ границъ; я говорилъ это неоднократно, я это говорю и теперь! Для такихъ лицъ я знаю одну только непреложную истину: душа, которая разъ воспріяла въ себя болячку подлости, будетъ все падать и падать до тѣхъ поръ, пока вовсе не выпадетъ изъ подлаго тѣла! Это мое глубокое убѣжденіе...

Ред. Боже, мой Боже! Я понимаю: если жажда мщенія кѣмъ нибудь овладѣетъ, она ослѣпляетъ его, заглушаетъ въ немъ всѣ чувства и заставляетъ его дѣлать все и вся, лишь бы сокрушить и уничтожить врага... Генрихъ имѣетъ причины желать моей гибели, наконецъ даже искать гибели Давыда.... Но направлять ударъ на невинную голову честнаго старца, который ему никогда зла не дѣлалъ, котораго онъ никогда не встрѣчалъ въ жизни... Искать погибели невиннаго семейства... Этого постигнуть не могу!

Бася. Что все это значитъ? Скажите ради самого Бога! Я въ отчаяніи... Отцу угрожаетъ какая-то страшная опасность...

Дав. Бездѣлица! Этотъ негодяй осмѣливается подозрѣвать нашего честнаго отца въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ!.. Ну, скажу по истинѣ, самъ сатана не выдумалъ бы такого мщенія!

Ред. Я твердо убѣжденъ, что здѣсь ничего не найдутъ... Но уже одна ревизія, одно подозрѣніе позоритъ честнаго человѣка... Вы не знаете еще, что значитъ попасть въ руки злонамѣреннаго чиновника, особенно если онъ еще питаетъ личную вражду... Чего онъ не можетъ сдѣлать именемъ закона... Въ его рукахъ всѣ пути къ мщенію... Изъ его когтей не легко вырвать жертву...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, Аронъ, Генрихъ и Зозуля (входятъ чрезъ лѣвыя двери).

Аронъ (*входя*). Вотъ, сударь, ключи отъ письменнаго стола.. Потрудитесь осмотрѣть все, что находите нужнымъ... Но пусть будетъ конецъ этой мучительной процедурѣ.

Генр. (*беретъ ключи и начинаетъ отпирать и выдвигать ящики письменнаго стола. Онъ сидитъ такъ, что всѣ движенія видны публики*). Дѣлать нечего; еще нѣсколько терпѣнія. Я долженъ осмотрѣть еще эти ящики. Вѣрьте, эта тягостная исторія для меня не менѣе противна, чѣмъ для васъ (*говоритъ, не прерывая осмотра бумагъ въ ящикахъ*). Всѣ эти осмотры, обыски, дознанія, допросы; всѣ эти судебныя формальности и обрядности—это все остатки временъ варварства... Все это разъѣдаетъ душу хуже всякаго рака... (*всторону, роясь лихорадочно въ ящикахъ и перебирая бумаги*). Куда запрятанъ этотъ распроклятый пакетъ? Я рылся, для виду, во всѣхъ углахъ этой подлой лачуги, перерылъ и пересмотрѣлъ для проформы цѣлые ворохи разнаго вонючаго хламу, чтобы имѣть наконецъ благовидный предлогъ добраться до этихъ ящиковъ... Теперь морозъ по кожѣ подираетъ при одной мысли, что могу не найдти здѣсь этихъ проклятыхъ квитанцій! (*вслухъ*). Тяжелѣе нашей должности нѣтъ на свѣтѣ (*всторону*). Перевязаны зеленою тесемкою, говорилъ Абрамка. Гдѣ-же? (*вслухъ*). Нужно перестать быть человѣкомъ, а сдѣлаться машиною; нужно быть слѣпымъ на слезы, глухимъ на стоны... Тяжело и горько... (*всторону, нашедши пакетъ*). Есть... Вотъ онъ, слава Богу! (*прячетъ украдкою въ карманъ*). Скорѣе, въ карманъ! Наконецъ-то! Просто до седьмаго поту, до одури городилъ всякую сантиментальную чушь, чтобы только выиграть время! (*Вставая; вслухъ*). Окончилъ, благодаря Господа! Извините за причиненное безпокойство... Вѣрьте, что все это мнѣ не меньше непріятно и, не меньше васъ, благодарю Бога за то, что онъ дозволяетъ мнѣ оставить этотъ домъ съ полнымъ убѣжденіемъ, съ непреложною увѣренностію,

что я напрасно искалъ здѣсь доказательствъ или слѣдовъ преступленія... Даю вамъ слово, что правосудіе жестоко взыщетъ съ того, кто васъ оклеветалъ, а вы какъ были чисты и незапятнаны, такъ и останетесь... Теперь прощайте и извините за безпокойство (*уходитъ съ Зозулею*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе (безъ Генриха и Зозули).

Рам. Вотъ мерзавецъ!.. Медъ на языкѣ, когда ядъ въ душѣ; говоритъ нѣжности, когда за пазухой готовъ смертоносный ударъ... Это слишкомъ низко, это слишкомъ подло... Чувствую, какъ желчь разливается по всему тѣлу.

Аронъ. Не упрекайте его... Этотъ чиновникъ исполнилъ только свой долгъ: на меня донесли, ему предписали искать слѣдовъ преступленія... Да развѣ онъ имѣлъ право не исполнить... Я тутъ не вижу...

Дав. Отецъ! Ты его не знаешь...

Аронъ. Знаю его очень хорошо... Это родной братъ нашего дорогаго президента, нашего друга Иларіона... Я часто бывалъ по дѣламъ у ихъ отца и часто видывалъ тамъ обоихъ братьевъ, которые равно богато одарены были отъ природы и привлекательною наружностію и всякими завидными качествами души... Оба подавали богатыя надежды.

Дав. Однакожъ впослѣдствіи.

Аронъ (*перебивая*). Знаю, что случилось впослѣдствіи съ младшимъ братомъ... Дурное общество, скверныя вліянія, вредные примѣры... все это потянуло Генриха на ложный путь, который быстро и неудержимо ведетъ человѣка къ погибели, если его не удержитъ рука братской помощи и опеки... А что погубило Генриха? Положите руку на сердце и сознайтесь: если-бы вы были благоразумнѣе, если-бы въ васъ было по больше характера и теплоты душевной; если-бы вы не оттолкнули отъ себя заблудшаго, а, наоборотъ, поддержали его словомъ и дѣломъ, помогли-бы ему сочувствіемъ и совѣтомъ; вы, можетъ быть, спасли-бы его... Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ полное право обвинять васъ за свою будущность и уничтоженную карьеру...

Рам. Но сегодняшній поступокъ...

Аронъ (*перебивая*). Даже и сегодняшній падаетъ на вашу душу. Если кто придавленъ тяжестію презрѣнія и отверженія, тому жажда мщенія вполнѣ простительна. Мщеніе это такое чувство...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же, Абрамка, Конопка.

Абр. (*входя*). Не мѣшаемъ?

Аронъ. Нисколько! Пожалуйте...

Кон. Я пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу, г. Фридъ. Нѣсколько времени тому назадъ—мѣсяцевъ восемь или около того—баронъ вручилъ вамъ 60 тысячъ, которыя онъ состоялъ должнымъ конторѣ Шейкера... Вы эту сумму получили для передачи Шейкеру... Не такъ-ли?

Аронъ. Совершенно вѣрно!

Кон. Теперь Шейкеръ требуетъ вновь уплаты, говоря, что денегъ не получалъ. Объясните, пожалуйста, что это значитъ? Вѣдь 60 тысячъ рублей—это не бубликъ за копѣйку...

Аронъ. И меня это удивляетъ... Но напрасно вы безпокоитесь; мы сейчасъ и безъ всякаго труда разрѣшимъ это недоразумѣніе... Деньги, полученныя отъ барона, я тогда-же отдалъ Шейкеру и получилъ отъ него надлежащія квитанціи, которыя остались у меня до сихъ поръ... Сначала распутица, потомъ праздники помѣшали мнѣ отвезти барону... Мнѣ это очень непріятно, что, хотя невольно, надѣлалъ вамъ хлопоты... Сейчасъ вручу вамъ квитанціи (*идетъ къ столу и выдвигаетъ ящикъ*).

Абр. (*всторону потирая руки*). Ищи, братъ, ищи на здоровье! Вѣдь это я устроилъ дѣльце и можешь успокоиться... Изъ этой сѣтки уже не выпутаешься... Такъ долженъ дѣлать человѣкъ образованный! И погибнешь... Пропадешь, какъ собака, за то, что обозвалъ мешуресомъ Аврама Герцедека... Теперь, надѣюсь, ты запоешь съ инаго тона: кандалы или я, Сибирь или дочка!

Аронъ (*перебирая тревожно бумаги въ ящикѣ*). Господи! Да что-же это? Гдѣ-же квитанціи? Еще сегодня утромъ я держалъ въ рукахъ... Пачка, перевязанная зеленою тесемкой... Своей рукой положилъ вотъ здѣсь, въ этотъ ящикъ...

Рам. (*всторону*). Боже праведный! Какая ужасная мысль... Да неужели до такой степени... Онъ? Братъ Иларіона... дворянинъ? Нѣтъ! Это невозможно.

Аронъ (*все продолжая искать*). Сегодня еще пересматривалъ... (*роется поочередно во всѣхъ ящикахъ*). Неужели я переложилъ... И тутъ нѣтъ! И тутъ нѣтъ! О Боже! моя голова... моя голова!

Бася. Успокойся, отецъ! Ты такъ встревоженъ... Надо искать спокойно, хладнокровно...

Абр. (*ѣдко*). Ищите, мусью Фридъ! Ищите... Отыскать то, чего нѣтъ и не было—это фокусъ достойный самого Мартини... Я, покрайней мѣрѣ, былъ бы очень счастливъ, если бы изобрѣлъ искусство отыскивать то, чего не потерялъ. Владѣя такимъ искусствомъ, человѣкъ образованный могъ бы очень быстро нажить милліоны...

Аронъ (*вскакивая*). Что ты сказалъ, негодяй! Вѣдь самъ-же ты былъ при томъ, когда я отдалъ Шейкеру сумму и получилъ квитанціи... При тебѣ считали деньги, при тебѣ-же ребъ-Хаимъ подписывалъ квитанціи...

Абр. Что вы? Въ умѣ-ли вы? Ха-ха-ха! Фортель превосходный! Выдумка безподобная... Если-бы только власти согласились повѣрить... А! теперь понимаю, откуда брались средства для такой жизни: откуда почтенный сынокъ могъ затѣвать кутежи и оргіи въ Кіевѣ; на какія деньги наряжалась дочь-графиня!.. Фью, фью, фью! Такъ вотъ источникъ, изъ котораго брались наряды, книги, фортепьяны; университеты, всякіе гувернеры, щедрое подаяніе... все это текло изъ чужого кармана... Ну, г. Конопка! Посылайте за становымъ, пускай дѣлаетъ свое дѣло... Человѣкъ образованный знаетъ, что, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдуетъ дѣлать.

Аронъ. Какое-то колдовство... Еще сегодня утромъ, говорю я, квитанціи были у меня въ рукахъ, и я уложилъ ихъ вотъ сюда, въ этотъ ящикъ... Г. Конопка! Вы знаете меня больше тридцати лѣтъ... Выслушайте меня: клянусь вамъ именемъ Бога Всевѣдующаго, клянусь жизнію моихъ дѣтей, что деньги отъ барона я прямо отвезъ къ Шейкеру... Квитанціи найдутся, хотя въ эту минуту...

Абр. Вотъ забавно, такъ ужъ забавно! Человѣку образованному остается только развести руками! Замѣчательная фантазія... Что, г. Конопка? Не правда-ли, какъ этотъ достопочтенный Аронъ разсказываетъ весело и забавно? За огромную сумму, за шестьдесятъ тысячъ наличныхъ, онъ хочетъ расплатиться—присягою! Зацапалъ себѣ солидный капиталецъ и цѣнитъ свою честность такъ высоко, что думаетъ вывернуться ловкою сказочкою... для закрытія воровства... что затерялъ квитанціи... Подобнымъ баснямъ, подобнымъ чувствительнымъ и трогательнымъ сценамъ человѣкъ образованный сейчасъ вотъ-такъ и повѣритъ... Когда посидитъ въ тюрьмѣ...

Аронъ (*хватается за голову*). Опозоренъ! Обезчещенъ! (*падаетъ въ обморокъ*).

Бася, Давидъ, Рамирскій и Редлихъ (*суетятся возлѣ Арона*).

Абр. (*продолжая издѣваться*). Изумленіе, страшное отчаяніе, волненіе, честь оскорбленная, совѣсть добродѣтельная... Ха, ха, ха, ха! Когда смотрю на все это, мнѣ кажется, что сижу въ театрѣ! Дряхлый старецъ, проданный самымъ безчестнымъ образомъ, обвиняемый въ ужасномъ преступленіи, но совершенно невинный, получаетъ припадокъ ужасной мигрени и, среди громкихъ аплодисментовъ, падаетъ въ обморокъ... Эффекто! Толпа рукоплещетъ, а человѣкъ образованный отъ души смѣется, потому что хорошо знаетъ и чувствуетъ, что это все комедія, отчетливое исполненіе роли, что это театръ, однимъ словомъ, знаемъ мы, знаемъ подобныя штуки! Ничего... сынъ и зять—доктора, хорошо знакомы съ болѣзнями и съ леченіемъ, знакомы съ неисчерпаемыми запасами медицины и навѣрное найдутъ лекарство для излеченія украденныхъ капиталовъ... Подобныя болѣзни встрѣчаются весьма рѣдко и заслуживаютъ вниманія врача... Что-жъ, мусье Конопка? Вы чего медлите? Кончить надо... Потребуйте полицію; пусть ее займется трогательною сценой...

Кон. Послушайте, Абрамка! Я всегда зналъ васъ за негодяя, но столько злобы я въ васъ не предполагалъ. Не спорю, быть можетъ, этотъ несчастный старикъ и въ самомъ дѣлѣ провинился; но такъ издѣваться надъ нимъ—это можетъ только извергъ, безъ души и безъ сердца... Такъ издѣваться...

Абр. Человѣкъ образованный не увлекается такими пустяками... Отчаяніе такихъ молодцовъ не возбуждаетъ сочувствія людей образованныхъ... Зналъ, что дѣлалъ; пускай теперь вкушаетъ плоды своихъ подвиговъ. Болѣзнь эта сейчасъ прекратится, чуть только рука правосудія...

Ред. (*бросаясь на Абрамку*). Но, прежде того, я тебѣ шею сверну... Я научу тебя...

Абр. (*барахтаясь въ рукахъ Редлиха и стараясь высвободиться*). Это что значитъ? Пустите... Человѣкъ образованный...

Дав. (*отводя Редлиха*). Оставь его, Яковъ! Прикосновеніе подобныхъ людей пачкаетъ руку честнаго человѣка... Мой отецъ невиненъ... Есть Богъ на небѣ, есть правосудіе на землѣ... Невинность нашего отца обнаружится... (*къ Абрамкѣ*). А ты, подлецъ, уходи пока цѣлъ... А то, я не ручаюсь...

Абр. Хорошо! Я ухожу... Но вотъ засадятъ за рѣшетку и отца, и достойнаго сына, и будущаго зятя; а тамъ встрѣтитесь съ этимъ вашимъ

почтеннымъ товарищемъ (*указывая на Рамирскаго*) и тамъ научитесь, какъ обращаться съ человѣкомъ образованнымъ!.. Я выхлопочу приговоръ, заплачу, сколько угодно, лишь-бы только собрать въ тюрьмѣ всю достойную семью... До свиданія... Пойдемте, Конопка. (*Уходитъ, Конопка за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Аронъ, Давидъ, Редлихъ, Рамирскій и Бася.

Аронъ (*постепенно пришедшій въ себя, во время предъидущей сцены*). Дѣти мои, бѣдныя дѣти! Несчастныя жертвы! Невините позоръ отца! Старый негодяй не далъ вамъ состоянія и, для увѣнчанія подвиговъ своихъ, лишилъ васъ честнаго имени! Иные даютъ дѣтямъ колоссальныя богатства; я хотѣлъ вамъ оставить въ наслѣдство честное имя... Честный человѣкъ, съ чистою репутаціей, думалъ я себѣ, никогда не пропадетъ! Теперь и это утѣшеніе исчезло: погибайте, несчастныя дѣти, погибайте за отца-вора!

Дав. Отецъ мой! Не отчаявайся! Ты слишкомъ предаешься безнадежному отчаянію... Слишкомъ мрачно смотришь на это дѣло! Мы знаемъ, что ты не виноватъ, а Богъ намъ поможетъ разоблачить эту подлую интригу!

Аронъ. Нѣтъ, другъ мой! Напрасно ты надѣешься! Я вижу въ этомъ дѣлѣ мстительную руку Шейкера... Между нами уже давно существуетъ непримиримая вражда... До-сихъ-поръ все это было скрыто, все въ предѣлахъ приличія, но, при каждомъ нашемъ свиданіи, взаимная ненависть невольно прорывалась наружу. Еще надняхъ, желая досадить негодному этому тирану, я посовѣтовалъ ему выдать внучку замужъ за Абрамку, котораго онъ предлагалъ въ женихи нашей Басѣ. Онъ покраснѣлъ, позеленѣлъ и зловѣщій огонь сверкнулъ въ его подлыхъ глазахъ... И вотъ теперь начинаютъ показываться признаки его мщенія... Это только первый ударъ.

Ред. Все это такъ! Я сознаю, что Хаимъ Шейкеръ подлецъ и готовъ на всякое преступленіе, ради ненависти и мщенія... Но вы сами говорите, что еще сегодня утромъ квитанціи эти были здѣсь, въ столѣ... Если онѣ пропали сегодня, то какимъ образомъ Шейкеръ могъ уже узнать объ этомъ въ Гнилопятскѣ...

Аронъ. Подлость, злоба и деньги все умѣютъ... Золото отпираетъ всѣ замки и всѣ уста...

Дав. Отецъ! Позволь мнѣ съѣздить въ Гнилопятскъ къ Шейкеру...

Аронъ. Къ-чему?

Дав. Скажу правду: я не вѣрю, чтобы человѣкъ могъ дойдти до такого звѣрства... Какъ-бы ни велика была злоба, въ сердцѣ человѣка всегда найдется искра чувства... хоть самая ничтожная... Стоитъ только раздуть ее... Можетъ быть, здѣсь произошло только простое недоразумѣніе... забывчивость... Я поѣду... Пускай пересмотритъ свои книги... Наконецъ, я заставлю его присягнуть... Такъ или иначе, я выдавлю изъ него правду... Есть-же Богъ на небѣ, есть-же правда на свѣтѣ!

Аронъ. Напрасный трудъ! Богъ высоко, а люди вѣрятъ тому, что видятъ... Люди знаютъ только всемогущество денегъ и видятъ злодѣяніе тамъ, гдѣ бѣдность! Брось всякую надежду: Богъ чуда не сдѣлаетъ, а людей не убѣдишь, что подлость сдѣлана богачомъ, а не бѣднякомъ.

Дав. Я попытаюсь однакожь...

Аронъ. Поѣзжай, мой другъ... Только не унижайся!

Дав. Я поѣду сейчасъ... Прощайте и молите Бога... Онъ поддержитъ и направитъ мои усилія...

Ред. И я съ тобой поѣду, Давидъ! Ты ищи совѣсти тамъ, гдѣ совѣсти никогда не бывало... Моисей добылъ-же воду изъ скалы!.. Поѣзжай и старайся подѣйствовать на злодѣйскую душу Шейкера... Я поищу иныхъ средствъ... Будемъ идти каждый своимъ путемъ... Рамирскій, останься здѣсь и старайся утѣшать и поддерживать... Прощайте... Прощай, Бася, надѣйся! Богъ намъ поможетъ... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. (*Уходитъ съ Давидомъ налѣво; Бася и Рамирскій за ними*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Аронъ (одинъ, а потомъ) **Абрамка.**

Аронъ. Бѣдныя мои дѣти! Несчастныя дѣти! Увлекайтесь надеждою? Изъ сѣтей Шейкера никакая сила меня не избавитъ! Эта гадина, если начинаетъ что-нибудь, то ужъ заранѣе увѣрена въ успѣхѣ... Чувствую, чувствую на моей шеѣ его злодѣйскіе когти! (*Пауза*). Эти квитанціи не пропали, не затерялись,—онѣ похищены, украдены агентами Хаима... Для подлости и для золота нѣтъ ничего невозможнаго, даже нѣтъ ничего труднаго... (*во время монолога онъ не перестаетъ искать въ столѣ*). Интриги, злодѣянія, преступленія... вотъ путь, по которому онъ шелъ всю жизнь... Противъ него нѣтъ защиты... Дѣло ясное; онъ стремится къ двойной цѣли:—съ одной стороны пріобрѣсть такую громадную сумму, съ другой погубить меня! Погубить мою невин-

ную семью! Мое бесчестіе и погибель моихъ дѣтей поднимутъ его значеніе въ глазахъ евреевъ: покажутъ имъ, какъ умѣетъ казнить мстительная рука Шейкера... И евреи снова ему поклонятся и скажутъ: да будетъ воля твоя, ибо ты всемогущъ!

Абр. (*входя, нахальнымъ тономъ*). Извините, ребъ-Аронъ, что я, послѣ сегодняшнихъ непріятностей, опять рѣшился переступить черезъ порогъ вашего дома. Меня склонили важныя причины и прежде всего ваше благо, клянусь честью образованнаго человѣка! Хотя меня здѣсь страшно оскорбили, но человѣкъ образованный, имѣя сердце въ груди и Бога въ душѣ, умѣетъ чувствовать состраданіе даже къ злѣйшему врагу... Послушайте, ребъ-Аронъ. я хочу пособить вамъ въ вашемъ горѣ...

Аронъ. Перестань, Абрамка! Не понимаю, чѣмъ ты мнѣ можешь помочь?

Абр. Факты обнаружили, что вы совершили большія злоупотребленія въ отношеніи къ вашему вѣрителю... Противъ фактовъ ничего не подѣлаете и, если дѣло получитъ ходъ, вы погибнете безвозвратно... Просто, страшно вспомнить, какая васъ ожидаетъ участь... Извините, ребъ-Аронъ, за откровенность... Несмотря на перенесенныя здѣсь оскорбленія, я готовъ протянуть вамъ руку... Человѣкъ образованный умѣетъ чувствовать... Вѣрьте, что мои рѣчи идутъ прямо изъ сердца...

Аронъ (*нетерпѣливо*). Брось философію и приступи къ дѣлу... Мнѣ, право, все равно, идутъ-ли твои рѣчи изъ сердца или изъ каблука...

Абр. Такъ слушайте-же внимательно. Я не вхожу въ разбирательство, виноваты-ли вы или нѣтъ, это къ дѣлу не идетъ; но вы погибнете, потому что васъ обвинятъ въ ужасномъ преступленіи... Ребъ-Хаимъ...

Аронъ (*порывисто*). Онъ лжетъ!.. безсовѣстно и безчестно!!. Я ему отдалъ деньги барона изъ рукъ въ руки...

Абр. Допустимъ; но вы этого не докажете... Будемъ говорить откровенно,—мы люди образованные. Развѣ судъ повѣритъ? Гдѣ дѣло идетъ о такихъ суммахъ, тамъ требуютъ доказательствъ, а словамъ не вѣрятъ... Шестьдесятъ тысячъ,—вѣдь это богатство! Я-то самъ знаю, что вы человѣкъ честный, но все-таки вы погибли, потому что не имѣете квитанцій, этого единственнаго средства спасенія... Я хочу васъ спасти... Человѣкъ образованный, если только пожелаетъ, найдетъ средства къ избавленію...

Аронъ (*всторону*). Интересно, чего добивается этотъ непрошен-

ный благодѣтель, этотъ благородный избавитель? (*вслухъ*). Говори скорѣе, Абрамка! Ты знаешь, мнѣ теперь не до краснорѣчія!

Абр. Сейчасъ скажу. Вы знаете, что я богатъ. Имѣю дома; тысячъ до двухсотъ капиталу, добытаго честнымъ трудомъ; обладаю большимъ кредитомъ, пользуюсь не малымъ значеніемъ въ городѣ... Я внесу за васъ эти 60 тысячъ и доставлю новыя квитанціи Шейкера, вмѣсто пропавшихъ... Для вашего спасенія больше ничего не требуется... Только съ однимъ условіемъ...

Аронъ (*всторону*). Опять какая-нибудь подлость... Новое злодѣйство! (*вслухъ*) Какое-же условіе? Говори, Абрамка:.. подъ какимъ это условіемъ ты хочешь проявить такое великодушіе?

Абр. Условіе вовсе не тяжелое. Я за васъ заплачу, не требуя возврата, и тѣмъ избавлю васъ отъ погибели... отъ позора... отъ Сибири.

Аронъ. И чѣмъ-же я долженъ тебѣ заплатить? Потому что даромъ...

Абр. О! безъ всякаго сомнѣнія! Человѣкъ образованный ничего не дѣлаетъ даромъ!.. Видите-ли: вы имѣете дочку, а мнѣ нужна жена... Я вамъ дамъ свободу и прекраснаго зятя, а вы мнѣ дадите руку вашей Баси.

Аронъ (*насмѣшливо*). Только-то? И больше ничего?

Абр. Не правда-ли? Не много? Человѣкъ образованный всегда идетъ за влеченіемъ сердца! Итакъ, условимтесь на чистоту: послѣ завтра свадьба, а черезъ часъ послѣ вѣнчанія все будетъ такъ устроено, что ваша честь и доброе имя...

Аронъ. И за всѣ эти благодѣянія я долженъ пожертвовать только счастіемъ и судьбою моей любимой дочери? Отдать тебѣ только мою кровь и плоть? Пустяки! Ты и твой ребъ-Хаимъ давно уже привыкли торговать человѣческою кровью... Ваша пресловутая фирма вся выросла на крови и слезахъ! Если перебрать ваши богатства, то на каждой монетѣ найдете слѣды человѣческой крови. Вашъ девизъ—деньги! Деньги—это цѣль вашей жизни и цѣль эта оправдываетъ у васъ всякія средства и заставляетъ васъ совершать хладнокровно всякія злодѣянія. Въ этомъ отношеніи вы отличаетесь замѣчательною храбростью; преступленіе для васъ — ничто, если только ваша польза его требуетъ... Убить мать, измѣнить брату, предать отца—все это пустяки, если только даетъ пользу... звонкую, конечно! Подлость—это для васъ доблесть, если исполнено ловко; совѣсть—это глупость, лишь-бы гешефтъ процвѣталъ! Погубить человѣка, разрушить счастіе и жизнь цѣлыхъ семействъ, лишь-бы это вело къ цѣли,—это вашему брату ни почемъ!—

И тебѣ отдать мою ангельскую Басю... мою единственную дочь?.. Худо ты разсчиталъ, Абрамка! Мнѣ не нужно помощи, не нужно спасенія путемъ измѣны и подлости...

Абр. (*въ смущеніи*). Однакожъ, человѣкъ образованный...

Аронъ (*вскакивая, съ яростью*). Человѣкъ образованный пускай убирается отсюда! Уходи, пока цѣлъ, мой благородный избавитель! Уходи, а то я могу тебя задушить вотъ этими руками! Уходи, если жизнь тебѣ дорога.

Абр. Такъ хорошо-же! (*въ бѣшенствѣ*). Я ухожу, но помни, старикъ, когда за тобою закроется дверь тюрьмы; когда кандалы обнимутъ твои дряхлые члены; когда мрачные камни сводовъ будутъ отвѣчать гробовымъ молчаніемъ на твои болѣзненные вопли; а голодъ, лишенія и нищета придавятъ твое семейство; тогда ты взмолишься ко мнѣ — но будетъ уже поздно. Тогда ты будешь вырывать свои сѣдые волосы и твоя старая грудь застонетъ въ безсильномъ отчаяніи и ты завоешь подъ гнетомъ поздняго сознанія, что самъ обрекъ своихъ родныхъ на нищету и позоръ, и что ты самъ отвергъ руку помощи, предпочитая имя вора...

Аронъ (*бросается къ нему*). Подлецъ! (*Абрамка убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Аронъ (*одинъ; хочетъ погнаться, но останавливается*). Погоди, старикъ! Умѣрь твои порывы! Судьба подала тебѣ чашу, пей смиренно до дна! Ты видалъ гдѣ-нибудь горе, которое было-бы сладко? Ты видалъ-ли позоръ, который былъ бы почетенъ?—Пей, старикъ! Пей сколько есть силъ, а можетъ быть на днѣ сосуда заблеститъ и для тебя лучъ надежды (*уходя направо*). Бѣдныя мои дѣти! Несчастныя дѣти! (*уходитъ*).

(*Въ то-же время въ среднія двери входятъ*):

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Рамирскій и Зозуля.

Рам. Уѣхали... Помоги имъ, Господи! (*всторону, глядя на Зозулю*). А этому чего еще надо? Это вѣдь дѣлопроизводитель или секретарь Генриха? Чего здѣсь ищетъ эта подлая креатура этого подлаго учителя? Я чувствую новую бѣду (*вслухъ*). Вамъ угодно...

Зоз. Я желалъ-бы поговорить съ сыномъ хозяина дома...

Рам. О чемъ?

Зоз. О дѣлѣ, не терпящемъ ни малѣйшаго отлагательства.

Рам. (*всторону*). Такъ постой-же, чортово отродье! Я съ тобою переговорю... Не даромъ-же я слушалъ лекціи на юридическомъ. Покажу, что науки моихъ знаменитыхъ профессоровъ не прошли безплодно (*вслухъ*). Къ вашимъ услугамъ.

Зоз. (*весьма сладостнымъ тономъ, сохраняемымъ имъ до конца*). Я узналъ съ особеннымъ прискорбіемъ о страшномъ несчастіи, которое постигло вашего батюшку и угрожаетъ погибелью всему вашему семейству... Меня это тронуло до глубины души... У каждаго есть чувство, есть душа, которая...

Рам. Благодарю за состраданіе! Но если дѣло только въ выраженіи сочувствія...

Зоз. Извините, молодой человѣкъ. Выслушайте меня; я еще не кончилъ. Сколько я знаю, въ этомъ дѣлѣ чуть-ли не главную роль играютъ затерянные документы..

Рам. Украденные... ну, да! Такъ что-же?

Зоз. Если говорить правду, я знаю одно средство, съ помощью котораго можно-бы возвратить потерю и этимъ избавить васъ всѣхъ отъ...

Рам. (*хватая Зозулю за руку*). Человѣкъ вы? Чортъ? Ангелъ? Вы знаете средство и теряете столько времени на пустыя фразы, когда каждая секунда дороже жизни! Вы знаете средство... Говорите! Говорите, ради самого неба!

Зоз. Минуточку терпѣнія! Я готовъ спасти васъ и могу спасти! Однакожъ надо вамъ знать, что я человѣкъ бѣдный; моя должность не даетъ такихъ доходовъ, которыми можно-бы покрыть житейскія потребности при теперешней дороговизнѣ. А жить надо человѣку семейному, это вы сами знаете! Семья у меня большая, а средства самыя нищенскія... Нужно пріодѣть и себя, и жену, и дѣтей... Экипажъ, лошади, воспитаніе дочерей... И домикъ надо-бы купить, хоть самый небольшой... А дороговизна какая! Картофель два рубля, сажень дровъ двадцать рублей...

Рам. (*всторону*). Начинаю понимать! О, мерзавцы! (*вслухъ*). Къ дѣлу, сударь, къ дѣлу!

Зоз. Возвращеніе квитанцій представляетъ дѣло особенной важности. Отъ этого зависитъ спасеніе вашего отца или его позоръ и погибель... Я могу вамъ въ этомъ пособить; но помощь мою я оцѣню по ея достоинству... Знаете, теперь время такое, что и смерть даромъ не дается...

Рам. *(всторону)*. Понимаю теперь, понимаю! *(вслухъ)* Оставьте лишнія слова и предлагайте ваши условія. Говорите, сколько нужно заплатить... Только предупреждаю васъ: мы люди бѣдные и съ этимъ соображайте ваши требованія... Если возможно, заплатимъ... Сколько вы требуете?

Зоз. За возвращеніе документовъ вы мнѣ заплатите пять тысячъ рублей.

Рам. Такая сумма...

Зоз. *(перебивая)*. Не теряйте времени! Не пробуйте торговаться; не могу уступить ни одной полушки... Да примите во вниманіе, что завтра уже можетъ быть слишкомъ поздно! Теперь я еще имѣю средство, а завтра я могу его лишиться и его нельзя будетъ возвратить ни за какіе милліоны. Куйте желѣзо, пока оно горячо!

Рам. *(всторону)*. Такъ вотъ, какъ! Теперь для меня все ясно! Генрихъ похитилъ документы, а секретарь хочетъ продать своего начальника... Нечего говорить! Подобранная компанія; одинъ къ одному... Одинъ другого лучше! *(вслухъ)* Хорошо! Скажите только одно — гдѣ вы дадите мнѣ документы? Здѣсь?

Зоз. Нѣтъ; въ Гнилопятскѣ.

Рам. *(всторону)*. Какая мысль! Поѣду съ этимъ доблестнымъ мужемъ и разобью мошенниковъ ихъ собственнымъ оружіемъ! Если Богъ поможетъ, все пойдетъ отлично... Не напрасно я провелъ четыре года на юридическомъ факультетѣ... Покажемъ, что не даромъ тратилъ время...

Зоз. Вы долго раздумываете...

Рам. Всегда лучше напередъ зрѣло обдумать, а потомъ уже дѣйствовать. Дѣло не шуточное! Разумѣется лучше нищета, нежели позоръ! Пойду къ отцу, возьму деньги и черезъ полчаса поѣдемъ вмѣстѣ въ Гнилопятскъ: тамъ одной рукою отдадите мнѣ документы и въ то-же время, другой рукою, получите деньги. Будемте откровенны: вѣдь съ честными людьми слѣдуетъ поступать честно! *(выходитъ на право)*.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Зоз. *(одинъ)*. Да, мои голубчики! Я вамъ испорчу все дѣло! Вы хотѣли сами, безъ меня заграбастать!.. Теперь все дѣло измѣнится: вмѣсто этого стараго жида, пойдетъ въ тюрьму господинъ слѣдователь, а изъ этой логики вытекаетъ, что откроется вакантная должность... А за тысячу — другую тамъ могутъ усмотрѣть, что письмоводитель достоинъ быть судебнымъ слѣдователемъ... Все будетъ хорошо *(потирая руки)*. Кто-нибудь скажетъ, что это не честно! Пустяки, господа! Борьба за существованіе... Вѣдь не даромъ говорятъ — prima charitas ab ego! Своя рубашка ближе къ тѣлу... Честность — это приправа, а своя польза — это суть, съ которою никакая честность въ мірѣ сравненія не выдержитъ... Очень не трудно быть честнымъ, если въ карманѣ лежатъ тысячи... Честь — вещь прекрасная, но, Господи Боже! Картофель два рубля, сажень дровъ двадцать рублей!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Ребъ-Хаимъ Шейкеръ.
Сара, его внучка, л. 16.
Федеръ.
Германъ Пурицъ, банкиръ, л. 40; одѣтъ по европейски.
Вильгельмъ Вухеръ, его корреспондентъ, франтъ, л. 30.
1-й, 2-й — **Гости.**
Докторъ Цвейгъ, врачъ; л. 40.
Давидъ Фридъ.
Слуга Пурица.

Сцена 1-я.

(Театръ представляетъ кабинетъ въ конторѣ Шейкера).

ЯВЛЕНІЕ I.

Ребъ-Хаимъ (сидитъ за письменнымъ столомъ). **Сара** (стоитъ передъ нимъ).

Хаимъ. Знаешь-ли, дитя мое дорогое, что сегодня годовщина смерти твоего отца, моего любимаго... да, наиболѣе любимаго сына... Богъ взялъ его у насъ... Видно, онъ *(указывая вверхъ)* тамъ былъ нуженъ! Вотъ былъ человѣкъ! Вотъ ужъ былъ еврей въ полномъ значеніи и блескѣ, слава и гордость Израиля! *(одушевляясь постепенно)*. Душа была чистая, свѣтлая, благочестивая... Черезъ день постился, отъ разсвѣта до заката молился; одѣвался онъ всегда въ освященную вѣками и религіею одежду дѣдовъ нашихъ; соболевая шапка никогда съ его мудрой головы не сходила; дни и ночи проводилъ онъ надъ священнымъ нашимъ талмудомъ.. О! святой былъ человѣкъ... святой тѣломъ и душою! И хотя въ житейскихъ дѣлахъ онъ мало-что понималъ, въ теперешнихъ грѣшныхъ наукахъ и въ письменахъ гоевъ не зналъ даже аз-

буки; хотя эта язва нашихъ дней, это... — тьфу! тьфу! тьфу! — это просвѣщеніе не прикоснулось къ его непорочному существу; но за то тамъ *(указывая вверхъ)* его заслуги навѣрно нашли достойное возмездіе! Тамъ господствуетъ судъ чистый и всеправый и все то, что здѣсь порицается нечистыми и нечестивыми устами этихъ — Господи прости! — просвѣщенныхъ, ставится превыше всякихъ заслугъ предъ лицезрѣніемъ Судьи Предвѣчнаго! Кого здѣсь упрекали коснѣющимъ во тьмѣ и child мракѣ, тотъ тамъ будетъ свѣтить лучезарнымъ ореоломъ... Тьма... мракъ!.. О, слѣпцы! Что они называютъ тьмою—для насъ свѣтлый рай, ихъ же просвѣщеніе—для насъ погибель. Ты понимаешь меня, дитя мое дорогое?

Сара *(всторону)* О! въ его рѣчахъ что-то слишкомъ много сладкаго и вкрадчиваго... Вѣрно чего-то ужъ добивается... Какой-то страхъ морозитъ мою душу... Это не даромъ! *(вслухъ)* Когда ты говоришь, дѣдушка, я должна понимать. Зная хорошо, что ты, дѣдушка, даромъ ничего не скажешь,—безъ цѣли звука не проронешь, я пріучилась доискиваться мысли въ каждомъ твоемъ словѣ.

Хаимъ *(всторону)*. Быстрый чертенокъ! *(вслухъ)* Какъ это такъ я не скажу ничего даромъ или безъ цѣли? Не понимаю.—Говори яснѣе.

Сара. Да такъ-же! Я высоко цѣню твой умъ, дѣдушка; я слишкомъ высоко цѣню его... Зачѣмъ ты говорилъ такъ много о просвѣщеніи? Для чего ты сегодня именно разговорился о покойномъ? Безъ сомнѣнія, эти фразы къ чему-нибудь должны повести, служатъ чему-то предисловіемъ; а то зачѣмъ ты сталъ-бы разрисовывать передо мною картины, которыя ты изображалъ мнѣ уже не сто и не тысячу разъ. Я жду и прошу побольше правды!.. Знаешь, какъ ненавижу всѣ эти сладости, все это медоточіе... Дѣдушка! вѣдь я твоя внучка: меня не легко опутать или отуманить... Даже и тебѣ, дѣдушка, не легко!

Хаимъ *(всторону)*. Умъ!.. Адскій умъ! Онъ перепортитъ всѣ планы...

Сара. Бросимъ всѣ обиняки! всякіе подходы... Говори со мною, какъ дѣдъ съ внучкою: прямо и на чистоту... Мы знаемъ другъ друга достаточно и напрасно прибѣгать къ маскарадамъ. На чистоту, дѣдушка!

Хаимъ. Хорошо! Быть по твоему!—Вчера присылалъ ко мнѣ нарочнаго ребъ-Іойхенце, цадикъ изъ Вахмистровки... Ты слыхала объ этомъ божественномъ мужѣ? Его знаютъ всѣ: каждый городъ, каждое село, весь народъ еврейскій. Какой онъ благочестивый, какой ученый, какую упорную борьбу ведетъ онъ противъ тѣхъ... просвѣщенныхъ; какъ онъ знаетъ прошедшее, какъ видитъ будущее! Какимъ почетомъ онъ пользуется между всѣми евреями! Какъ всѣ магнаты, даже высокіе сановники несутъ ему дань уваженія... Своими великими чудесами онъ пріобрѣлъ вліяніе надъ всѣмъ населеніемъ нашего края...

Сара *(всторону)*. Интересно, куда онъ мѣтитъ? *(вслухъ)* Скажи, дѣдушка, какое мнѣ до этого дѣло? Развѣ умъ простой дѣвушки можетъ постигнуть его великую славу, оцѣнить его чудодѣйствія?

Хаимъ. Не перебивай и слушай, тогда поймешь. Будучи знаменитымъ, прославленный чудесами, которыми онъ облагодѣтельствовалъ весь нашъ народъ, спасая однихъ изъ бѣды, излечивая больныхъ, обогащая бѣдныхъ, зная все, что было, есть и будетъ, онъ пользуется неизмѣримымъ обаяніемъ. Даже могущественные сановники страны руководствуются его указаніями, всѣ повинуются его велѣніямъ...

Сара. Если онъ такъ могучъ, тѣмъ лучше для него. Я-же никогда къ нему не обращусь и не стану оспаривать его чудесъ... Если народъ ему вѣритъ, тѣмъ пріятнѣе для него-же. Но скажи, дѣдушка, какое мнѣ до этого дѣло?

Хаимъ. Послушай внимательно: имѣетъ онъ множество адептовъ, которые, по влеченію души, пріѣзжаютъ къ нему на поклоненіе по-крайней-мѣрѣ раза по четыре въ годъ каждый. Онъ принимаетъ въ ихъ дѣлахъ и нуждахъ самое теплое участіе, разрѣшаетъ ихъ споры, надѣляетъ ихъ совѣтами, благословитъ ихъ дѣтей, оплодотворяетъ женъ... За эту его доброту, за эту нравственную поддержку, каждый, какъ-бы ни былъ онъ нищъ и бѣденъ, хоть-бы самъ томился голодомъ, хоть-бы дома семья его изнывала безъ пропитанія, всякій разъ, посѣщая чудотворца, оставляетъ непремѣнно свою лепту. Такимъ образомъ, не работая, не трудясь, ребъ-Іойхенце, безъ всякихъ заботъ, имѣетъ ежегодно тысячъ до ста и болѣе вѣрнаго дохода. Капиталы его неизмѣримы, онъ живетъ въ царскихъ хоромахъ, имѣетъ богатѣйшіе экипажи, кровныхъ лошадей, имѣетъ дома во всѣхъ окрестныхъ городахъ, погреба драгоцѣнныхъ винъ, пудами серебро, а когда онъ куда-нибудь выѣзжаетъ, его сопровождаетъ по всюду огромная свита: полсотни верховыхъ спереди, столько-же сзади... При встрѣчѣ съ нимъ всѣ говорятъ: вотъ ѣдетъ царь жидовскій.

Сара. Да пускай себѣ разъѣзжаетъ всѣмъ на удивленіе, пускай имѣетъ свиту... Какое мнѣ до этого дѣло?

Хаимъ *(продолжая)*. Вотъ этотъ ребъ-Іойхенце имѣетъ пре-

лестнаго сыночка, просто вспомнить сладко и, клянусь всею душою, трудно встрѣтить такого чудеснаго мальчика въ нынѣшнемъ свѣтѣ! Представь себѣ, ему теперь всего двѣнадцатый годочекъ, а уже обладаетъ быстрымъ умомъ своего родителя и, кромѣ того, что уменъ, прозорливъ, мудръ и способенъ, онъ замѣчательно красивъ собою: такой блѣдный, деликатный, прозрачный... Лицо его желтое, взоръ мглистый, туманомъ подернутый, словомъ, Господи, прости меня за сравненіе и за мимовольное святотатство, онъ весь напоминаетъ царя Давыда, вѣчноблаженныя памяти!

Сара *(всторону)*. Боже! Боже! Какая дрожь проникаетъ въ сердце! Вотъ, къ чему все это клонитъ! *(вслухъ)* Но, милый дѣдушка, скажи мнѣ, ради Бога, какое мнѣ дѣло до твоихъ старыхъ и молодыхъ раввиновъ, до ихъ великихъ умовъ и красивыхъ обликовъ... до ихъ чудесныхъ свойствъ... Я всего этого не понимаю, да и не желаю понимать!

Хаимъ *(продолжая невозмутимо)*. Вотъ, посланный нашего цадика сообщилъ мнѣ, что этотъ великій мужъ намѣревается женить своего сына и, во вниманіе къ нашимъ многолѣтнимъ хорошимъ отношеніямъ, онъ хочетъ осчастливить мой скромный домишко... Для скрѣпленія нашей старой дружбы, онъ хочетъ женить сына на тебѣ, моя Сара дорогая. Заботясь о твоемъ счастіи, я обѣщалъ...

Сара *(перебивая, рѣшительнымъ голосомъ)*. И напрасно ты это сдѣлалъ, дѣдушка! Изъ этого ничего не выйдетъ!

Хаимъ *(сердито)*. Какъ это такъ, не выйдетъ, когда я обѣщалъ? Ты забываешься, Сара: зная мою волю, ты развѣ позволишь себѣ...

Сара *(рѣшительно)*. Не сомнѣвайся, дѣдушка, навѣрное позволю себѣ...

Хаимъ. Подумай, что ты говоришь? Ты слышала: я далъ слово!

Сара. Ты далъ слово,—это быть можетъ, но я не желаю быть женою ни раввина, ни цадика! Къ этому нужны особенныя способности, а я ихъ не имѣю... Впрочемъ, я увѣрена, милый дѣдушка, что ты пошутилъ... Помилуй! Да можно развѣ говорить серьезно такія вещи? Только умалишенный могъ-бы затѣять подобное супружество! Да и гдѣ виданы подобные слѣпки: ему двѣнадцатый годъ, а мнѣ скоро семнадцать... Оставь, дѣдушка, такія шутки.

Хаимъ. Ты знаешь, я не шучу...

Сара *(твердо)*. А! въ такомъ случаѣ и я не буду шутить и серьезно прошу тебя оставить эти противуестественные планы. Знай, что я позволю разрубить себя на мелкіе кусочки, а этому не бывать. Это я

тебѣ говорю теперь, то-же самое буду говорить всегда, до самой смерти.

Хаимъ. Хорошо! А что ты скажешь, если, не смотря на все это, тебя заставятъ? Что-же это? Мое слово—пузырь мыльный? Вѣтеръ въ чистомъ полѣ? Слюна въ бабскихъ устахъ? Что-же? Я человѣкъ коммерческій, а у насъ принято: разъ слово дано, оно будетъ исполнено, хоть-бы небо сыпало громами, хоть бы адъ зіялъ огнемъ! А я далъ слово...

Сара *(спокойно)*. Дѣдушка! Если-бы я была мѣшкомъ золота, бумажнымъ векселемъ, аккредитивомъ банкирскимъ, бочкою сахару или кулемъ пшеницы, наконецъ, фабрикою или домомъ, тогда ты могъ-бы меня обѣщать, подарить меня или продать, кому и какъ угодно... Можешь меня выгнать изъ твоего дома, лишить меня крова и одежды; но продать мою долю, мою будущность; подарить кому-либо мою душу и тѣло... Нѣтъ, дѣдушка, извини, это тебѣ не удастся; въ этомъ тебѣ не помогутъ и чудеса твоихъ раввиновъ. Я готова умереть, но не выйду за того, кого не люблю!

Хаимъ *(въ ярости)*. Какъ это, не любишь? Какая тутъ еще любовь? О, это проклятое просвѣщеніе! Вотъ плоды отъ чтенія безбожныхъ, трефныхъ книжекъ... Я давно уже кричу, что въ этихъ всѣхъ книжкахъ лежитъ несчастіе евреевъ; эти книжки удаляютъ насъ отъ Бога! Эти книжки доведутъ насъ до погибели... Скажите, на милость: она его не любитъ! Гдѣ тутъ разсудокъ? Гдѣ смыслъ? Не любитъ! Это зловредныя, новомодныя выдумки праздныхъ недовѣрковъ: безпрекословное послушаніе, уваженіе къ родителямъ, повиновеніе и безусловная вѣрность мужу, рожденіе здоровыхъ дѣтей—вотъ та будущность, какой вправѣ желать и ожидать честная дѣвушка, цѣломудренная дщерь еврея, когда отецъ или дѣдъ выдаетъ ее за мужъ. А любовь!.. Любовь это богопротивная выдумка отщепенцевъ, это зародышъ разврата... Этой любви не знали въ домахъ нашихъ праотцевъ, когда еврей еще хранилъ вѣру и добродѣтель. Отецъ говорилъ дочери: завтра, дочь моя, ты пойдешь къ вѣнцу съ такимъ-то... и довольно! И никогда не бывало примѣра, чтобы дитя попыталось ослушаться или сопротивляться. Любви этой нынѣшней у насъ никто не зналъ даже по названію и вотъ, живя уже седьмой десятокъ, я никогда не зналъ и не видѣлъ въ еврейскихъ семействахъ примѣра супружеской невѣрности. Любовь! Не любитъ! Новое наказаніе на нашъ бѣдный народъ! Уже это одно страшная казнь за наши прегрѣшенія, что еврейское дитя, которое должно быть безъ пятна и пылинки, дерзаетъ произнести это грѣховодное слово разврата! Любовь! Ступай, спроси у бабушки, она тебѣ разскажетъ: вотъ

уже скоро 48 лѣтъ, слава Богу, живемъ мирно и ладно; никогда между нами не было не только ссоры или спора, но даже и тѣни несогласія; однакожъ, до самой минуты брачнаго обряда она меня не знала, а я даже во время самого вѣнчанія не видѣлъ ея лица; она меня не любитъ, я никогда ея не любилъ, а все-таки живемъ, какъ Богъ велѣлъ, въ мирѣ и согласіи, а дѣти и безъ любви у насъ, слава Господу, рожались исправно...

Сара. Повторю тебѣ, дѣдушка, что уже не разъ тебѣ говорила: что было когда-то, теперь уже не повторится, а завтра не бывать тому, что возможно сегодня,—это истина, всѣмъ извѣстная. У нашихъ прадѣдовъ, какъ и у всѣхъ народовъ древности, женщина представляла собою вещь, движимую собственность; мужъ воздѣлывалъ землю, защищалъ отечество, а жена была только невольницей, рабыней; она рожала и выкармливала дѣтей и подвергалась наказанію, если худо приготовила обѣдъ. Это было принято у всѣхъ восточныхъ народовъ, слѣдовательно и у евреевъ. Въ тѣ блаженныя времена никто не спрашивалъ дѣвушку, любитъ-ли она и желаетъ-ли быть любимой. Это просто и понятно: кто станетъ пускаться въ разсужденіе съ вещью! И зачѣмъ? Довольно было загнать ее палкою подъ балдахинъ, какъ загоняютъ овцу во хлѣвъ... Но теперь, дѣдушка, не то. Вѣдь мы теперь живемъ уже не въ Азіи и не 2,000 лѣтъ тому назадъ!.. А по государственнымъ законамъ нельзя у насъ продавать женщинъ, какъ продаются животныя на убой или въ плугъ! (*воодушевляясь*) Нѣтъ! Теперь уже не то время; если женщинѣ предстоитъ выходить за мужъ, то-есть отдать кому-либо свою долю, то надо спросить и ее, по сердцу-ли ей суженый, не противенъ-ли онъ ей...

Хаимъ. Боже Авраама, Исаака и Іакова! Что она говоритъ? Въ умѣ-ли ты, несчастная? Кто видалъ когда-либо подобныя отношенія въ семьѣ еврея? Да развѣ дитя можетъ входить въ препирательства съ отцомъ? Ступай изъ дома въ домъ по всему городу, по всему краю, гдѣ только живутъ евреи, и спроси всѣхъ замужнихъ евреекъ: справлялись-ли съ ихъ мнѣніемъ или желаніями, когда ихъ замужъ выдавали? Вздумала-ли хоть одна изъ нихъ сопротивляться или спорить?

Сара (*спокойно*). Что другія дѣлали—для меня не законъ, и я никогда не допущу, чтобы съ моимъ сердцемъ обращались, какъ съ тряпкой кухонною! Оно тебѣ не предметъ торговли, не товаръ, который можетъ быть взятъ тѣмъ, кто больше заплатилъ!.. Я сознаю, дѣдушка, что нарушаю вашъ обычай, что вооружаю противъ себя и тебя, и всѣхъ поклонниковъ этого обычая, который играетъ у васъ роль закона... Но я иначе не могу... И тутъ, дѣдушка, не подѣйствуютъ ни просьбы, ни приказанія,—я отдамъ мою руку только вмѣстѣ съ сердцемъ!

Хаимъ (*всторону*). О, это просвѣщеніе! Она меня изъ себя выводитъ! (*вслухъ*) Знаю я, моя милая, что все это означаетъ! Вижу я хорошо, чѣмъ занятъ твой искаженый умъ! У тебя ходятъ предъ глазами кіевскіе студенты... Все это понадѣлали проклятыя минеральныя воды! О, эти богопротивныя выдумки! Эти проклятыя моды! У тебя на умѣ тотъ безбожный франтикъ, который въ саду каждый день ходилъ по твоимъ слѣдамъ и пожиралъ тебя своими грѣховодными глазами! Знаю, твои мысли остались тамъ, съ нимъ, въ Кіевѣ... Но выслушай внимательно, Сара, что скажетъ твой дѣдъ! Мнѣ уже минуло шестьдесятъ лѣтъ; болѣе шестидесяти лѣтъ прожилъ я по правиламъ нашей святой религіи; я уже старъ и дряхлъ; но я всегда свято соблюдалъ преданія моихъ праотцовъ... И теперь, на краю могилы, я жизни не пожалѣю ради религіи моего народа... Клянусь тебѣ гробами моихъ отцовъ, пока я живъ буду, никогда нога отщепенца не осквернитъ моего семейнаго порога. Такъ да помилуетъ меня Господь въ часъ моей смерти! Скорѣе наложу петлю на мою шею, скорѣе убью тебя собственными руками... Солнце прежде измѣнитъ свое теченіе, нежели въ мое семейство вторгнется вѣроотступникъ!

Сара (*всторону*). Бѣдное мое сердце! Несчастное сердце!!

Хаимъ. Ты слышала мой приговоръ? Ты знаешь, если Хаимъ Шейкеръ поклялся, то этой клятвы не нарушитъ никакая въ мірѣ сила... (*перемѣняя тонъ*). Однакожь, дитя мое, я, кажется, перепугалъ тебя... Ну, что-жъ... дѣло извѣстное, старикъ... я увлекся немного... Итакъ, возвращаюсь къ нашему прежнему разговору... Я знаю, когда этотъ могучій цадикъ породнится съ нашимъ домомъ и ты сдѣлаешься женою его единственнаго сына, твоя судьба будетъ блистательная, твое счастіе будетъ неизмѣримо... Могущество, значеніе, богатство... Ты будешь утопать въ жемчугѣ и брилліантахъ... Всѣ тебѣ будутъ завидовать...

Сара (*рѣшительно*). Напрасно ты, дѣдушка, истощаешь свое краснорѣчіе! Изображеніе богатствъ, брилліантовъ, меня не ослѣпитъ... Не пойду за мужъ за того, кого не люблю!

Хаимъ (*съ яростью*). Не пойдешь, несчастная? А если тебя поведутъ? Еще я не разстался съ властію въ моемъ домѣ! Не потому-же меня зовутъ всѣ царемъ Гнилопятска, что какая-нибудь ничтожная дѣвчонка ставитъ ни во что мою волю! Я съумѣю защитить честь моего се-

мейства и ты пойдешь къ вѣнцу съ тѣмъ, кого я укажу... Пойдешь, голубушка, еслибы даже пришлось тебя связать и на рукахъ понести подъ вѣнецъ... Пойдешь живая, или, наконецъ, занесутъ твой трупъ!

Сара (*спокойно и твердо*). Такъ послушай-же, дѣдушка, и меня. Ты говорилъ такъ много, дай-же и мнѣ сказать свое слово. Отецъ мой умеръ, а несчастную мать мою твои варварскіе обычаи безжалостно вогнали въ безвременную могилу. Я знаю, что ты много виноватъ въ ея преждевременной смерти; знаю, что ты завладѣлъ ея состояніемъ, а ея брата, моего дядю, ты довелъ до нищеты и погибели за то, что онъ попытался выступить защитникомъ родной своей сестры. Все это мнѣ хорошо извѣстно... Все это я готова забыть, готова простить; даже сердце мое заставлю молчать... Ты понимаешь? Только оставь меня въ покоѣ и не старайся закабалить мою душу... Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, моими чувствами, памятью отца, прахомъ матери, нищенскою сумою моего несчастнаго дяди, если ты меня доведешь до отчаянія... Помни хорошо, что я тебѣ скажу... Ты знаешь, я никогда не лгу!.. Если ты когда-либо возвратишься къ своему сегодняшнему намѣренію, если ты словомъ или движеніемъ еще разъ напомнишь про этотъ ненавистный бракъ, тогда я иначе буду бороться противъ несчастія... Ничто тогда не удержитъ меня... Я обращусь къ защитѣ христіанской церкви, она сумѣетъ меня спасти отъ насилія!.. Это мое неизмѣнное рѣшеніе, а ты, знаешь, я умѣю держать слово! (*съ удареніемъ*) Вѣдь я твоя внучка! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Хаимъ (одинъ).

О, это просвѣщеніе! Это просвѣщеніе! (*ходитъ по комнатѣ*) Во всемъ этомъ виновата покойная мать этой несчастной: она затащила въ мой домъ трефныя книжки... Книжки для еврейки—это ядъ для сердца, отрава для ума, мать невѣрія, сестра разврата! (*пауза*) Однакожь я взялся за это дѣло слишкомъ настойчиво, слишкомъ рѣзко. Это характеръ твердый, воля сильная: тутъ угрозами и насиліемъ ничего не успѣешь! Съ нею надо иначе поступать... нужно прибѣгнуть къ иному оружію... Гдѣ силой нельзя, тамъ хитростью можно... Кіевъ... проклятый Кіевъ съ его университетомъ и студентами! (*пауза*) Породниться съ цадикомъ мнѣ необходимо, какъ біеніе сердца, какъ воздухъ для легкихъ... Только этимъ бракомъ я могу поправить свои дѣла... Этимъ только путемъ я могу спасти мою фирму! Моя судьба въ его рукахъ... У меня его громадный капиталъ... то-есть былъ когда-то, а теперь его

уже нѣтъ... Его вліяніемъ только и держится въ цѣломъ краѣ моя слава, мое могущество... Отъ него и отъ его приверженцевъ зависитъ мой кредитъ въ купеческомъ мірѣ (*пауза*). Увы! я въ безвыходномъ положеніи!.. Бракъ этотъ, семейная связь со мною и для цадика нужны... Соря деньгами, я могучъ въ краю, я самовластный господинъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ... Тамъ я не прошу, а приказываю... Цадикъ боится начальства, властей, какъ огня... Я ему нуженъ... Но за деньги и другой кто-нибудь можетъ оказать ему такія-же услуги и если, избави Боже, онъ догадается... Если онъ станетъ обходиться безъ меня... Тогда я погибъ, погибъ безвозвратно! А эта упрямая дѣвчонка разрушаетъ всѣ мои планы! (*пауза*) Глупый Гнилопятскъ полагаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ вѣрую въ этихъ чудотворныхъ цадиковъ и все, что ни дѣлаю, дѣлаю отъ души... Дураки! Я долженъ играть эту комедію; я долженъ носить постоянно маску благочестія... Эти цадики—моя сила, мое могущество! Я знаю, какъ далеко распространяется ихъ всесильное вліяніе! Ихъ безчисленные адепты загнѣздились у всѣхъ помѣщиковъ, магнатовъ, у всѣхъ чиновниковъ, подъ видомъ арендаторовъ, факторовъ и т. под. Посредствомъ ихъ я знаю все, что дѣлается въ городахъ и селахъ; чрезъ нихъ всѣ помѣщики, всѣ паны въ моихъ рукахъ... Вотъ, въ чемъ состоитъ моя сила, моя власть! И я долженъ лишиться вліянія, власти, могущества, по капризу глупой дѣвчонки... Никогда! (*ходитъ призадумавшись*) Нужно ловко приготовить ей ловушку и, лишь только попадется въ силки, она тотчасъ забудетъ свои капризы и укуситъ яблоко, хотя оно и очень кислое... А если-бы даже она и была несчастна...

ЯВЛЕНІЕ III.

Хаимъ и Федеръ.

Федеръ (*входя съ письмомъ въ рукахъ*). Принесли отъ Абрамки. Очень нужное (*отдаетъ письмо*).

Хаимъ (*хватаетъ съ жадностью письмо*). Давайте! (*въ сторону*). Посмотримъ, что онъ пишетъ? Какъ идутъ дѣла? (*читая*). Прекрасно! (*съ восторгомъ*). Превосходно! Еще судьба отъ меня не отвернулась! Какъ ловко нашелся этотъ дьяволъ! Постой-же, гордый Фризъ! Попался ты теперь въ мои когти!.. Теперь попадемъ въ двойную цѣль: и капиталомъ завладѣемъ, и мщеніемъ насладимся! (*прячетъ поспѣшно письмо въ боковой карманъ, но оно падаетъ мимо кармана на полъ*). Федеръ! Подождите здѣсь моего возвращенія. (*уходитъ быстро направо*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Федеръ (одинъ, послѣ) **Хаимъ.**

Федеръ. Какую это радость этотъ негодяй вычиталъ изъ письма? Вся его подлая физіономія перекосилась отъ восторга. (*ходитъ по комнатѣ*). Абрамка и Шейкеръ!.. Вѣроятно уже готово новое злодѣяніе! Опять кого-нибудь погубила! (*увидя письмо на полу*). Это что? Какая-то записка? (*поднимаетъ*). Посмотримъ... А! Письмо Абрамки! Ну и что-же изъ этого? Пусть его лежитъ... Чужое письмо— святыня... (*задумывается*). Такъ-то-такъ! Только не относительно Шейкера... (*рѣшительно*). Прочту! (*читаетъ*). „Ученый, мудрый, могучій, богатый, богобоязливый и богоугодный мой благодѣтель и повелитель, ребъ Хаимъ, на долгія лѣта! Доношу вамъ, что извѣстные документы изъ рукъ безбожнаго Арона перешли въ руки слѣдователя Генриха де-Шандонъ. Фридъ арестованъ и черезъ нѣсколько часовъ будетъ доставленъ въ Гнилопятскъ. Трудно выразить, сколько труда и усилій стоило мнѣ, пока я успѣлъ уговорить гоя; долженъ былъ обѣщать ему за его честь четыре тысячи... Онъ теперь у меня въ домѣ; онъ что-то очень задумчивъ; не могу оставить его ни на мгновеніе. Присылайте поскорѣе деньги; хотѣлось-бы уже поскорѣе имѣть въ рукахъ документы; а то я начинаю побаиваться, чтобы въ этомъ глупомъ гоѣ врожденная честность не восторжествовала надъ алчностію къ деньгамъ. Жду и умираю отъ нетерпѣнія. Вашъ нижайшій рабъ Абрамъ“ (*говоритъ*). Не постигаю, о какихъ онъ говоритъ документахъ, но здѣсь кроется какая-то мерзость... Это ясно, какъ день! Гдѣ эти два ястреба соберутся, тамъ пахнетъ мертвечиной... Кажется они здѣсь устраиваютъ гибель этого честнаго Арона... И громъ небесный не ударитъ въ голову этого изверга! И земля не разступится подъ этимъ вертепомъ злодѣяній (*пауза*). Что дѣлать съ этимъ письмомъ? Отдать Шейкеру?.. Никогда! Ни за что! Но я у него служу, ѣмъ его хлѣбъ... Я обязанъ охранять его интересы... (*ходитъ*). Нѣтъ! Не могу я сдѣлаться участникомъ злодѣянія .. Очевидно, воля Божія дала мнѣ въ руки это письмо! Самъ Богъ послалъ мнѣ орудіе спасенія честнаго человѣка... Нечего колебаться! (*прячетъ письмо въ свой бумажникъ*). О, Боже Всеблагій! Избавь меня изъ этого дома!

Хаимъ (*входя и подавая Федеру пачку*). Прошу васъ доставить эту пачку Абрамкѣ (*съ удареніемъ*) лично и собственноручно... Только поскорѣе...

Федеръ. Хорошо (*хочетъ идти*).

Хаимъ. Кстати... Послушайте! (*отчеканивая*). Помните хорошенько: если кто-нибудь узнаетъ, кого вы застали у Абрамки и что вы тамъ видѣли, то, клянусь душою, я уничтожу безъ состраданія и васъ, и вашу семью! Сокрушу, какъ стеклышко! Вы знаете, за вѣрную службу я вознаграждаю по-царски; за измѣну преслѣдую всю жизнь... Помните и ступайте! (*уходитъ направо*).

Федеръ. Слышу, ребъ Хаимъ! (*уходитъ*).

Перемѣна декорацій.

Сцена 2-я.

(Театръ представляетъ роскошно убранную комнату въ домѣ Пурица).

ЯВЛЕНІЕ V.

Пурицъ (щегольски одѣтый, сидитъ за письменнымъ столомъ); **Вухеръ** (стоитъ передъ нимъ съ кипою бумагъ); **Докторъ Цвейгъ** (сидитъ въ креслѣ, на заднемъ планѣ, читая газету); **1-й** и **2-й гости** (ходятъ по комнатѣ или садятся).

Пурицъ (*гостямъ*). Извините, любезные мои гости... Столько занятій... Голова кружится!.. Сейчасъ кончу.

1-й гость. Не безпокойтесь, пожалуйста!.

2-й гость. Какія тутъ церемоніи?

Вухеръ (*кладетъ передъ Пурицомъ поочередно бумаги, поясняя каждую*). Отвѣтъ на письмо князя. Пишу, что деньги теперь весьма трудны, что впередъ не можемъ дать денегъ, а подъ конецъ прибавляю, будто мимоходомъ, что если представитъ шерсть, то часть получитъ.

Пурицъ (*подписывая*). Хорошо. Дальше, давайте скорѣе!

Вухеръ. Это письмо отъ конторы Ганэфъ и Сынъ изъ Франкфурта; увѣдомляютъ, что берлинскіе переводы акцептированы и что двѣсти тысячъ уже переведены на Лондонъ... Это отъ Думкопфа изъ Вѣны... извѣщаютъ, что соотвѣтствующая сумма готова къ отправленію.—Ну, коммерческія дѣла всѣ кончены... Теперь личныя ваши...

Пурицъ. Давайте... Только поскорѣе.

Вухеръ. Въ этой душистой запискѣ, та... артистка, извѣщаетъ, что очень больна и нечѣмъ заплатить доктору...

Пурицъ (*смѣясь*). Ну... Знаемъ мы эту болѣзнь!.. Все равно. Послать сто рублей.

Вухеръ. Фроимштокъ напоминаетъ вамъ о вашемъ обѣщаніи издать на вашъ счетъ написанную имъ Исторію евреевъ западнаго края.

Пурицъ. Эхъ! оставьте меня съ этимъ дармоѣдомъ! Ну, народецъ! Чтобы заняться какимъ-нибудь честнымъ трудомъ и пріобрѣтать пропитаніе? Нѣтъ-же! Они, вмѣсто того, пишутъ какую-то умопротивную чепуху и когда измараютъ уже порядочное количество невинной бумаги, требуютъ, чтобы я издавалъ этотъ хламъ на свои деньги! Напишите, что у меня нѣтъ шальныхъ денегъ на сумасбродныя фантазіи... О, Боже! Сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціей!.. Дальше.

Вухеръ. Совѣтникъ Сокодавлевъ сообщаетъ, что вы представлены къ золотой медали за попечительство надъ больницею; что все пойдетъ отлично и успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію, только нужно тамъ... на почтовыя марки и подобныя издержки.

Пурицъ (*перебиваетъ*). Послать сегодня-же по эстафетѣ три тысячи рублей.

Вухеръ. Письмо отъ вдовы того человѣка, который, три года тому назадъ, погибъ, спасая васъ отъ бѣшенаго волка; онъ тогда-же померъ, а для вдовы и дѣтей вы три года тому назадъ дали сто рублей... Деньги эти издержаны... Сироты безъ хлѣба...

Пурицъ (*торжественно*). Такія обязанности слѣдуетъ соблюдать свято! Не можетъ и не должно голодать или нуждаться семейство человѣка, который спасъ жизнь Германа Пурица! Не такъ-ли, Вухеръ?.. Пошлите ей 15 р... Гдѣ дѣло касается благодарности Германа Пурица, тамъ да не вѣдаетъ шуйца, что творитъ десница. Дальше!

Вухеръ. Смотритель еврейскаго училища пишетъ, что уже три недѣли въ кассѣ нѣтъ ни копѣйки; воспитанники голодаютъ, ходятъ въ лохмотьяхъ, безъ обуви, а учителя-бѣдняки жалуются, что вотъ уже вторую треть сидятъ безъ жалованья. Начальство предписало смотрителю обратиться къ вамъ оффиціально... Зная вашу просвѣщенную щедрость, за которую васъ въ прошломъ году и назначили почетнымъ попечителемъ...

Пурицъ (*вставая, порывисто*). Чортъ меня понесъ принять эту должность! Наказаніе Господне! Клянусь честью, это глупое почетное званіе стоитъ мнѣ до трехъ тысячъ рублей въ годъ... И что-же? Хлопотъ бездна, а пользы никакой! Развѣ разъ въ годъ напечатаютъ въ газетѣ, что Германъ Пурицъ, почетный блюститель гнилопятскаго училища, заботясь о распространеніи просвѣщенія между евреями, пожертвовалъ столько-то въ пользу этой школы... Признательное общество... ну и такъ дальше... Знаю, что все это бѣситъ ребъ Хаима Шейкера и я готовъ съ радостью заплатить и вдвое, лишь-бы лишить его спокойствія хоть на одну секунду! Что-же дѣлать, мой милый Вухеръ, приходится faire bonne mine и смотрѣть, какъ въ этой бездонной пропасти гибнутъ родимые рубли! Пошлите полтораста рублей, только присовокупите, чтобы объ этомъ немедленно явился газетный отзывъ. Для смотрителя приложите четвертную... Пусть ихъ пьютъ мою кровь... Сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціею!

Цвейгъ (*изъ-за газеты*). Кто желаетъ почестей и славы, не имѣя соотвѣтственныхъ личныхъ... гм!.. приспособленій, тотъ долженъ нести извѣстныя матеріальныя жертвы... Золотомъ только можно замѣнить нѣкоторыя упущенія природы въ устройствѣ мозговъ, и...

Пурицъ. Я-то умѣю цѣнить всѣ подобныя приправы краснорѣчія, но, любезный докторъ, деньги—основа всякой сути, а слова—все-таки только слова. Это аксіома!

Вухеръ. Въ передней дожидается какой-то молодой человѣкъ... Форма гимназическая, довольно потертая... Желалъ-бы видѣть васъ лично.

Пурицъ. Гимназистъ! Опять ученый... Вотъ, гдѣ мнѣ засѣли эти молодые попрошайки... Что ему нужно? Вы спрашивали его?

Вухеръ. Онъ недавно кончилъ курсъ и хотѣлъ-бы продолжать... Думаетъ поступить въ университетъ. Ну, сирота, да совершенно бѣденъ... Надѣется на ваше сочувствіе...

Пурицъ. Вотъ наказаніе! Всякому оборванцу хочется въ университетъ, а ремеслу обучаться, небойсь, не пойдетъ... Помилуйте! Какъ-же? Окончилъ курсъ гимназіи... Достоинство пострадаетъ поступить къ сапожнику или столяру и предпочитаетъ быть плохимъ докторомъ, хотя изъ него могъ-бы выйти порядочный портной! Выдать ему пятнадцать рублей... Эти оборванцы, чуть лизнутъ науку, что называется, хватятъ шиломъ патоки, уже сейчасъ задираютъ носъ, воображаютъ, что умнѣе ихъ нѣтъ на свѣтѣ и непремѣнно имъ сейчасъ нужны университеты... А чуть надѣнутъ студентскій мундиръ, сейчасъ поглядываютъ на весь свѣтъ съ высоты своего величія, полагая, что всѣ мы глупы, невѣжественны и коснѣемъ во мракѣ.. Забываютъ, что наше золото служитъ источникомъ ихъ учености... Безъ насъ подохли-бы голодною смертію... Господи! Сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціею!

Вухеръ (*собирая бумаги*). Теперь могу идти?

Пурицъ. Какъ мнѣ пріятно видѣть уходящаго корреспондента!

Эти постоянныя дѣла ,да дѣла, просто, до одури надоѣли! Скажу вамъ по совѣсти, любезный Вухеръ, я съ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчаю васъ, когда приходите, какъ гость... Оставайтесь, сыграемъ пульку...

Вухеръ. Съ большимъ удовольствіемъ... Но карты не будутъ работать за меня въ конторѣ, а завтрашняя почта... Смотрите, сколько писемъ...

Пурицъ. Оставьте! Играйте, передъ кѣмъ хотите, роль ревностнаго служаки, меня-же не надуете... Знаемъ это... (*смѣется*). Признайтесь, вѣрно гдѣ-нибудь ожидаетъ какая-нибудь Саша, Маша или Паша...

Вухеръ (*смѣется*). Сейчасъ подозрѣнія!.. Нѣтъ, сударь, я не изъ такихъ... А чтобы доказать вамъ, что нѣтъ никакой Саши или Паши, я чрезъ пять минутъ явлюсь на пульку... Переодѣнусь только и сложу этотъ хламъ (*уходитъ*).

Пурицъ (*звонитъ. Входитъ бородатый лакей*). Хаимъ! Подать карты и приготовить столикъ... А чай—скоро?

(*Лакей начинаетъ суетиться*).

1-й гость (*смѣясь*). Это что за новое явленіе—бородатый гайдукъ! Ха, ха, ха! Изъ какой это фанаберіи вы завели такую ливрею? Или, можетъ быть, это домашній шпіонъ, приставленный къ вамъ папашей, чтобы слѣдить за вами, не кушаете-ли трефное или не курите-ли по субботамъ?

Пурицъ. Нѣтъ, господа! Этотъ болванъ обладаетъ достоинствами совершенно инаго рода: никто лучше его не пронюхаетъ, гдѣ растетъ запретный плодъ... Всѣмъ вамъ извѣстно, что жена у меня болѣзненная; ей постоянно нуженъ докторъ, а вовсе не мужъ! Вмѣсто поцѣлуевъ, ей нужны только пластыри и мази, а вмѣсто лакомствъ любви—лакомства аптеки... Приласкать мужа? Ей не до того! Ее вѣчно занимаютъ совсѣмъ иныя существа... Всякіе Шекспиры, Жанполи, Шиллеры... а мужа долой, за двери... Да, господа, вотъ какая судьба постигаетъ человѣка, которому хочется имѣть жену съ цивилизаціей.

Цвейгъ (*читавшій все время газету*). Какое право вы имѣете роптать? Ваша жена? Дай Богъ такую каждому, кто имѣетъ сердце въ груди и мозгъ въ головѣ! Десять лѣтъ со свѣчками ищите между всѣми еврейскими женщинами—такой женщины не найдете... Да, пожалуй, и не только между евреями... Ищите повыше, между аристократіей, и тамъ не много найдете подобныхъ явленій! Вѣдь это святая!

Это ангелъ съ неба! Но здѣсь, въ Гнилопятскѣ, такихъ женъ не надо! Тутъ нужны женщины красивыя, здоровыя, жирныя, то-есть со всѣми качествами, какими отличается тирольская корова... А если при этомъ она имѣетъ и умъ коровій, и если даже отличается и супружескою вѣрностью коровы... Для вашего брата это не важно! Бѣдное дитя? Несчастная мученица! Наконецъ, спрошу я васъ, господинъ Германъ Пурицъ, за что вы сердитесь? Развѣ эта несчастная вышла за васъ по любви? Развѣ не купили вы четырнадцатилѣтняго ребенка, какъ покупаютъ вѣнскіе сапоги или вестфальскій окорокъ?.. Я лгать не люблю; мой языкъ рѣзокъ и не сладко звучитъ для слуха. Я рѣдко заговорю, но если начинаю говорить, то ужъ не покрываю моихъ словъ сахарной глазурью, не прибѣгаю къ аллегоріямъ, а называю все собственнымъ именемъ... Кому я непріятенъ, тотъ пускай меня не принимаетъ! Но что до вашей жены...

Пур. Знаю, милый докторъ, какой вы энтузіастъ! (*всторону*) Говоритъ мнѣ дерзости, а годичное жалованье получаетъ! О, Господи! Сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціей! (*вслухъ*) Вы смотрите на все сквозь очки пессимизма и потому часто видите то, чего нѣтъ; или ужасно преувеличиваете...

Цвейгъ. Трудно видѣть мѣлъ, когда передъ глазами сажа! Вы ее не обѣлите всѣми вашими милліонами!

Пур. Вы забываете, что я вытащилъ жену изъ нищеты... Дорого плачу я за эту великую честь!—Я взялъ ее изъ хижины и поселилъ во дворцѣ...

Цвейгъ. А, собираясь жениться, собираясь осчастливить ее титуломъ вашей супруги, вы ее спрашивали, желаетъ-ли она этого? Согласна-ли она промѣнять счастіе всей жизни на ваши богатства? Согласна-ли она продать свое сердце, этотъ величайшій кладъ женщины, за ваши ковры, сервизы и кареты? Конечно, въ вашей сферѣ это все фантазіи, поэтическія выдумки... Да, наконецъ, взгляните вы на вашъ образъ жизни: вѣчный картежъ, постоянныя оргіи, отвратительныя знакомства, безчисленныя любовницы... Развѣ этимъ смягчаются золотыя оковы?..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Давидъ Фридъ.

Давидъ (*входя*). Здравствуйте, господа.

Пур. (*спѣша на встрѣчу*). Вотъ нежданный гость!

Цвейгъ (*обнимая Давида*). Здравствуй, милый юноша! Какъ поживаешь?

Дав. (*сердечно*). Какъ я радъ васъ видѣть, дорогой докторъ!

Пур. Садитесь-ка, Фридъ. Не повѣрите, какъ я вамъ обрадовался. Ну, что тамъ старикъ подѣлываетъ? А красавица Бася? Что касается Редлиха, я и не спрашиваю: сидитъ, вѣрно, у васъ, безпрестанно вздыхаетъ и ждетъ-не дождется минуты, когда милая невѣста сдѣлается милѣйшею женою. Вотъ будетъ парочка! Прелесть! Ну, а свадьба когда?

Дав. Если-бы не наше несчастіе, чрезъ двѣ недѣли...

Цвейгъ (*Давыду*). Несчастіе? Какое несчастіе, говори!

Пур. Не могу-ли я вамъ пригодиться... Участіе, совѣтъ... все къ вашимъ услугамъ! Чѣмъ только могу...

Дав. Сердечно благодарю и беру васъ за слово... Льстить мнѣ вы не станете. И зачѣмъ-бы: я бѣденъ, вы богаты... Вамъ я довѣряю, не смотря на то, что вы богаты... У васъ есть то, что должно быть у хорошаго человѣка: не высохшее сердце, не промерзшая душа...

Цвейгъ (*всторону*). Вѣрь только ему, бѣдный мальчикъ, тепло тебѣ будетъ на свѣтѣ!..

Дав. (*Пурицу*). Поэтому я былъ увѣренъ, что вы, и только вы, можете мнѣ въ этомъ помочь. Вамъ это легко. У васъ есть средства...

Пур. (*всторону*). Вотъ тебѣ и разъ! Пробирается въ карманъ! Наказаніе Господне съ этими учеными! Дай имъ только палецъ, они хватятъ руку! Очевидное намѣреніе противъ моего кармана... Господи! сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціей! (*вслухъ*) Другъ мой! все, что только возможно, я для васъ готовъ сдѣлать. Хотите сигарку? Угодно чаю?

Дав. Благодарствуйте. Въ прошломъ году чертъ меня дернулъ напечатать извѣстную вамъ брошюру, въ которой я изобразилъ и Шейкера, и всѣхъ его раввиновъ, съ ихъ стремленіями, съ ихъ нравственной нищетой...

Пур. (*всторону, потирая руки*). Отлично! Поэзія! это не о деньгахъ.

Дав. Доведенный до бѣшенства этой книжкой, Хаимъ накинулся на отца; этотъ, по обыкновенію, осадилъ его и, не теряя минуты, оставилъ службу... онъ давно уже искалъ случая разстаться съ этой фирмою, которая пріобрѣла славу подлости....

Пур. (*всторону*). Поэзія!? Послушаемъ, за это не платятъ!

Дав. Бережливостью и усиленной работой отецъ пріобрѣлъ маленькое состояніе, такъ-что, поселившись въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, онъ могъ прокормить себя и семейство; между тѣмъ...

Пур. (*всторону*). Опять улыбается къ моему карману!

Дав. Между тѣмъ, злодѣйская интрига доводитъ отца до тюрьмы, а насъ до погибели.

Пур. (*всторону*). Понимаю! Аронъ обанкрутился.

Дав. Извѣстный вамъ баронъ, умершій отъ удара, состоялъ должнымъ Шейкеру 60,000. Шейкеръ послалъ отца, годъ тому назадъ, за полученіемъ этого капитала. Отецъ получилъ деньги, отвезъ ихъ Шейкеру, взялъ у него квитанціи, чтобы ихъ доставить барону. Разныя обстоятельства помѣшали отцу исполнить это и шейкеровскія квитанціи остались у отца въ письменномъ столѣ. Вдругъ, вчера, часовъ въ 7 вечера, послѣ очень непріятной сцены, о которой вамъ разскажу послѣ, является къ намъ Абрамка, съ управителемъ покойнаго барона, разсказываютъ о скоропостижной смерти его, причемъ управитель заявляетъ и удивляется, что Шейкеръ требуетъ уплаты упомянутыхъ 60,000, говоря, что этихъ денегъ въ глаза не видѣлъ! Не предчувствуя всего ужаса этой махинаціи, отецъ съ улыбкою открываетъ ящикъ, чтобы отдать управителю квитанціи Шейкера...

Цвейгъ. Говори, Давидъ, скорѣе, я ужасно безпокоюсь!

Дав. Послѣдовала сцена, при воспоминаніи которой кровь застываетъ! Не вѣрю ей, хотя видѣлъ собственными глазами (*Закрываетъ лицо руками*) Квитанціи Шейкера исчезли...

Пур. Исчезли? Куда-жъ онѣ дѣвались?

Дав. Наказаніе Господне! квитанціи какимъ-то чудомъ исчезли изъ ящика; значитъ, отецъ укралъ деньги! Явился исправникъ, полицейскіе и несчастнаго старца поволокли въ тюрьму... А многочисленные приверженцы Шейкера будутъ кидать грязью въ сѣдую голову моего бѣднаго отца...

Цвейгъ. Это ложь! Подлая интрига...

Дав. (*съотчаяніемъ*) Однако, отецъ въ тюрьмѣ... за воровство...

Пур. (*холодно*). Но не понимаю, въ чемъ дѣло? Что я тутъ могу? Люблю вашего отца, но поймите сами, чѣмъ я тутъ могу помочь?

Дав. Сейчасъ объясню. Опомнившись, я сейчасъ бросился сюда, чтобы просьбами или угрозами заставить Шейкера обнаружить истину. Вдругъ является ко мнѣ служитель Абрамки и говоритъ, что за 2,000 руб. укажетъ средство, какъ достать утерянные документы. У отца есть деньги; но онъ арестованъ и если я не уплачу теперь-же, то черезъ часъ, можетъ быть, уже будетъ поздно и отецъ съ позоромъ погибнетъ. Къ счастію, г. Пурицъ, я вспомнилъ о васъ: вы намъ поможете въ нашемъ несчастіи.

Пур. (*холодно*). Съ величайшимъ удовольствіемъ я готовъ-бы вамъ услужить. Но, вѣрьте чести, положительно не могу! Рублей сто или двѣсти, наконецъ, пятьсотъ, я могъ-бы вамъ дать, зная хорошо, что отецъ вашъ мнѣ возвратитъ; но двѣ тысячи... послушайте, другъ мой, это такая сумма, какую, вѣрьте мнѣ, не найдете въ Гнилопятскѣ на мостовой.

Дав. Тутъ дѣло идетъ о жизни и чести цѣлаго семейства!

Пур. Еслибы я владѣлъ золотыми розсыпями... да и тогда трудно-бы... Я богатъ, это правда, но никакія богатства не хватятъ, если я вздумаю увлекаться чувствами... Вашего брата много...

Цвейгъ (*хватая Давида за руку*). Бѣги отсюда, юноша! Ей Богу, не стоитъ тратить столько чувства и сердца тамъ, гдѣ имѣютъ значеніе только ростовщики и грабители!—Ты ошибся, другъ мой, сердце тебя обмануло; ты принялъ за солнце эту сальную свѣчку! Ты хотѣлъ найти сочувствіе къ ближнему тамъ, гдѣ цѣнится только звукъ металла, гдѣ сквозь блескъ щедрости пробивается скаредность, гдѣ чувства и дружба, любовь и братство выражаются въ картахъ, векселяхъ и наличныхъ деньгахъ. Бѣдный ты, бѣдный! Если-бъ ты былъ молоденькой и смазливой дѣвчонкой, онъ тебя озолотилъ-бы, чтобы только вытѣснить соперниковъ; еслибы ты былъ чиновникомъ, который можетъ прокладывать дорогу къ медалямъ и орденамъ, онъ раскрылъ-бы для тебя кассу; еслибы ты былъ льстецомъ, подлымъ блюдолизомъ, какъ вотъ эти господа (*указывая на прочихъ гостей*), которыхъ я уважаю; еслибы ты умѣлъ разсказывать разныя сладости и покрывать своимъ именемъ порывы его разврата, какъ вотъ эти господа, которыхъ я почитаю отъ глубины души... О! тогда-бы ты нашелъ здѣсь помощь и опору...

Пур. Докторъ! Однакожъ вы...

Цвейгъ. Молчите, сударь! Со мной не разсуждайте! (*къ Давиду*) Ты ищешь помощи? Не здѣсь ея жилище: здѣсь живутъ позолоченный развратъ, лизоблюдство, подлость, клевета! Кто жаждетъ чувства, кто ищетъ помощи, тотъ пусть постучится у дверей человѣка бѣднаго, сквозь которыя свѣтится нужда, а не блескъ золота! Тамъ тебѣ помогутъ рукою, поддержатъ совѣтомъ и, если деньгами тебя спасти возможно, отдадутъ тебѣ хлѣбъ и послѣднія лохмотья дѣтей своихъ. Хорошо, что ты меня засталъ здѣсь. Пойдемъ со мною, юноша! Хоть въ карманѣ пустота, въ хижинѣ бѣдность, хотя въ глазахъ подобныхъ людей (*указывая на Пурица*) я ничтоженъ, однакожъ, заручившись

совѣтомъ моей бабы, найдемъ, можетъ быть, дорогу, какъ выручить изъ бѣды твоего честнаго старика! (*надѣвая шляпу и указывая на Пурица*). А здѣсь оставь все свое презрѣніе, отряхни прахъ съ ногъ твоихъ, да бѣги отсюда и, если на пути твоей жизни встрѣтится тебѣ такая мерзость, плюнь и бѣги, какъ отъ злого духа!

Вухаръ (*входя*). Вотъ и я.

Цвейгъ. А! и этотъ явился! Славный господинъ! Достойный сподвижникъ своего патрона! Гдѣ общество сложилось изъ подобныхъ богатырей, тамъ для честныхъ людей осталось только одно: набери полный ротъ желчи и плюнь съ презрѣніемъ на это гнѣздо подлости и разврата. Пойдемъ!

Пур. (*заграждая дорогу*). Однакожъ, докторъ, такой разговоръ... меня удивляетъ...

Цвейгъ (*устраняя Пурица*). Дай дорогу, негодяй; честнымъ людямъ пройти надо! (*уходятъ съ Давидомъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Пурицъ, Вухеръ, 1-й и 2-й гости. (Нѣсколько минутъ смущеніе и молчаніе; каждый старается укрыть свое смущеніе какою-нибудь уловкою: одинъ сморкается, другой закуриваетъ папироску, третій заводитъ часы, четвертый попиваетъ чай).

Вух. (*шепотомъ 1-му гостю*). Вотъ напортилъ крови нашему Пурицу! Бррр! Давно не былъ я въ такой горячей банѣ.

Пур. (*всторону, въ раздумьѣ*). Должно быть, есть сила въ этой проклятой наукѣ, если такой голышъ, такой безсапожникъ можетъ меня ругать безъ зазрѣнія... А я стоялъ и молчалъ, какъ безсильный ребенокъ... Я молчалъ, потому что какая-то незримая сила, словно клещами, стиснула мое горло... (*вздыхаетъ*) О! сколько у меня хлопотъ съ этой цивилизаціей! (*вслухъ*) Атъ! Извѣстно, дуракъ! Пусть себѣ лаетъ... Карты готовы, господа; что терять золотое время! (*всѣ садятся за столъ; одинъ раздаетъ карты*) Стоитъ обращать вниманіе на такихъ идіотовъ!

1-й гость (*разбирая карты*). Пасъ!

Пур. А я куплю! Ну, игра не дурна! (*всторону*) Еще на бѣду, по разнымъ причинамъ, я не могу вытолкать въ шею этого чертова сына... Долженъ пока все переносить... (*вслухъ*) Восемь безъ козырей... (*вздыхая*) Самъ чортъ выдумалъ эту цивилизацію!

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена 1-я.

(Комната въ домѣ Абрамки. Меблировка щегольская).

Лица:

Иларіонъ.
Генрихъ.
Абрамка.
Рамирскій.
Иваська, мальчикъ Генриха.

ЯВЛЕНІЕ I.

Генрихъ (ходитъ задумчивый). **Абрамка** (съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, въ шелковомъ халатѣ, сидя за столикомъ, пьетъ кофе).

Абр. Не могу постигнуть этой химеры: почему вы не хотите мнѣ отдать документы? Деньги получили; значитъ, съ моей стороны, сдѣлано все то, что долженъ былъ сдѣлать человѣкъ образованный. А, между тѣмъ, вы...

Генр. (*перебивая*). Слушай-ка, Ребе; если я вошелъ съ тобою въ сдѣлку, то навѣрное не изъ нужды и не изъ корыстолюбія. Мною руководило мщеніе. Говори, что хочешь, но дѣло подлое... Разукрашай, сколько угодно; озолачивай пилюлю, но, во всякомъ случаѣ, это измѣна, подлость и воровство... (*Содрогнувшись*). Воровство! кто это сказалъ? Это я самъ произнесъ! Генрихъ де-Шандонъ—воръ... Все погибло! Надежды нѣтъ... Моя жизнь уничтожена! Покрайней-мѣрѣ утолю жажду мщенія, за которое я продалъ свою душу этому дьяволу.

Абр. (*съ удивленіемъ*). Какія тамъ мученія. Честь, надежда? Человѣкъ образованный говоритъ такія глупости! Ходитъ будто убитый, по той важной причинѣ, что стибрилъ какіе-то документы!

Генр. (*съ отчаяніемъ*). И этотъ насмѣхается! Какъ-же низко я упалъ! (*пауза*) Послушай, негодяй! Я упалъ очень низко! Я въ твоихъ рукахъ: я твой сообщникъ... Однакожъ я шею тебѣ сверну, если дерзнешь говорить со мною такимъ тономъ!

Абр. Къ чему этотъ гоноръ? Пили мы одну и ту-же брагу; эта брага уничтожила разницу, которая отдѣляетъ жида отъ дворянина и, если насъ вмѣстѣ поймаютъ, то насъ вмѣстѣ и повѣсятъ. Оставьте эти комедіи, бросьте этотъ барскій тонъ... Такъ вамъ совѣтуетъ человѣкъ образованный! Наконецъ, я не понимаю, чѣмъ вы такъ смущаетесь...

Генр. (*закрывая лицо руками*). Стыдъ, позоръ и вѣчное безчестье? Погибло честное имя де-Шандона! (*падаетъ съ плачемъ въ кресло*). Что я тебѣ сдѣлалъ? За что ты меня погубилъ?

Абр. Впрочемъ, господинъ слѣдователь, потрудитесь подумать... Во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ поводовъ отчаяваться и я сейчасъ даю голову на отсѣченіе, если кто-нибудь во всемъ мірѣ рѣшится сказать, что вельможный де-Шандонъ, потомокъ такой знаменитой фамиліи, укралъ у Арона эти проклятыя квитанціи.

Генр. (*плачетъ*). Люди! А совѣсть...

Абр. (*презрительно*). Атъ! Это предубѣжденія, недостойныя человѣка образованнаго! Такимъ баснямъ вѣритъ только идіотъ... Совѣсть—это пугало для выжившей изъ ума бабы... Слава тебѣ, Господи, уже сорокъ пятый годъ живу на свѣтѣ, двигаюсь какъ актеръ на сценѣ, однакожъ до-сихъ-поръ не знаю, что это такое за вещь такая—совѣсть? И дай Богъ не знать до конца жизни. Развѣ я не человѣкъ образованный?

Генр. (*въ раздумьѣ, не обращая вниманія на слова Абрамки*). Позоръ! Безчестье!

Абр. (*всторону*). Постоянно толкуетъ о какомъ-то позорѣ! Чортъ возьми, если эти дурацкія угрызенія совѣсти серьезно одолѣютъ г. слѣдователя, тогда дѣло дрянь! Какъ-бы поскорѣе завладѣть документами? (*пауза*) Поскорѣй завести его къ Шейкеру... Можетъ быть, новыя деньги... Ну, человѣкъ образованный найдетъ средство.

Генр. (*въ задумчивости*). Позоръ! Позоръ!

Абр. Послушайте! Вѣдь стыдно падать такъ духомъ! Право, я раскаиваюсь, что считалъ васъ за умнаго человѣка! Вздыхать, проливать слезы, словно старая баба, развѣ это дѣло человѣка образованнаго! Право, стыдно! Да выбросьте вы изъ головы всѣ эти нѣжности! Я пойду одѣваться, пора намъ собираться къ Шейкеру.

Генр. (*апатически*). Пожалуй.

Абр. (*весело*). Да бросьте всѣ эти комедіи! Развѣ такъ поступаютъ люди образованные! (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Генрихъ (одинъ, потомъ) **Иваська.**

Генр. Потянемъ дальше. Покончимъ благородный подвигъ, который такъ благородно начатъ... Совѣсть убита, убьемте и честь! Другого исхода нѣтъ! Иваська!

Иваська (*входя*). Что прикажете?

Генр. Пальто, шапку и черныя перчатки.

Ив. Слушаю! (*всторону*). Какъ мраченъ! Должно быть, выпивши.

Генр. (*всторону*). И за что я погублю это семейство! За какую провинность поведу я въ Сибирь честнаго старца? (*пауза*). За что? Какъ за что? А эта исторія въ Кіевѣ? Развѣ кто-нибудь можетъ отказать мнѣ въ правѣ мщенія? По милости Редлиха, его будущаго зятя, обезчещенъ (*вздыхая*). Гибнуть, такъ вмѣстѣ...

Ив. (*чиститъ пальто, всторону*). Опять вздыхаетъ! Дѣло не ладно.

Генр. (*всторону*). Мщеніе, мщеніемъ, однакожъ губить цѣлое семейство, ни въ чемъ неповинное, за вину одного Редлиха, это мерзко, это безчестно! (*пауза*) Подлецъ!

Ив. (*чиститъ шапку, всторону*). Все бормочетъ, да бормочетъ. Это не даромъ!

Генр. (*всторону*). Спасти ихъ! (*пауза*) Увы, слишкомъ поздно! Я слишкомъ запутался: спасая Фрида, я долженъ погубить себя...

Ив. (*смотря въ окно*). Посмотрите, баринъ, какая бѣготня на этой улицѣ. Ведутъ какого-то старика въ кандалахъ... Народъ плачетъ...

Генр. (*подходя къ окну*). Господи! Это ведутъ Фрида... И земля меня не поглотитъ, и громъ не ударитъ въ эту безчестную голову... (*падая въ кресло*). Ахъ, какой огонь бушуетъ въ моей груди...

Ив. (*смотритъ въ окно*). Ахъ, какъ плачутъ! Какъ ревутъ!

Генр. (*въ отчаяніи*). Толпа и та чувствуетъ! А я, я останусь нетронутымъ? Я, который всему виною? (*встаетъ порывисто*) Никогда! Я спасу тебя, несчастный старикъ! (*пауза*) Я погибну при этомъ? Все равно, самому хотѣлось!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Абрамка (входитъ совсѣмъ одѣтый).

Генр. Пускай на виновную голову упадетъ и все наказаніе! (*хватаетъ шапку и убѣгаетъ въ среднія двери*).

Авр. (*бѣжитъ за нимъ*). Г. слѣдователь! Куда вы побѣжали? Развѣ такъ поступаютъ люди образованные? (*Убѣгаетъ за Генрихомъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Иваська (одинъ, послѣ) **Иларіонъ и Рамирскій**.

Иваська. Что съ ними сдѣлалось? Убѣжали, какъ сумасшедшіе... Богъ съ ней, съ такою службой! Тутъ здоровье потеряешь! Мой баринъ совсѣмъ съ ума сошелъ... Какъ-будто только-что кого-нибудь убилъ...

Иларіонъ (*вбѣгая*). Гдѣ баринъ?

Ив. Фю! Убѣжалъ.

Рамирскій (*вбѣгая*). Гдѣ Зозуля?

Ив. Этого еще не было; мы ждемъ его съ самаго утра.

Рам. (*къ Иларіону*). Заговорившись съ тобою, я и не замѣтилъ, какъ этотъ негодяй, Зозуля, ускользнулъ въ толпу... и я упустилъ изъ рукъ послѣднее средство къ спасенію этого честнаго семейства...

Ил. Къ несчастью я узналъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ только ночью и сейчасъ поѣхалъ... Но ты какъ думаешь, Рамирскій, какъ эти документы вдругъ могли исчезнуть? (*мрачно*) Голосъ-ли души, шепотъ-ли діавола, но я убѣжденъ, что исчезновеніе этихъ документовъ находится въ связи съ ревизіей, произведенною моимъ братомъ... Онъ мстить хотѣлъ, а для мести нѣтъ ни границъ, ни предѣловъ...

Рам. Оставь, Иларіонъ! Это уже слишкомъ... Я подозрѣваю только письмоводителя... Подкупленный Шейкеромъ, онъ могъ совершить такую подлость...

Ил. А я, увы! совсѣмъ не такъ думаю объ этомъ дѣлѣ... И вотъ эти пистолеты (*ставитъ на столъ шкатулку, которую держалъ въ рукахъ*), которые я взялъ съ собой, должны были вынудить признаніе Генриха или отправить въ преисподнюю источникъ нашего безчестья...

Рам. Оставь! Будь я проклятъ, если ты не ошибаешься! Ты слишкомъ увлекся и попалъ на ложную дорогу... Всему виноватъ (*садится на окно и смотритъ на улицу*) этотъ подлый Зозуля... У меня есть доказательства... Только-что онъ предложилъ мнѣ за пять тысячъ продать всю тайну, но убоясь, что я воспользуюсь его откровенностью безъ денегъ и поймаю его на его собственную удочку, удралъ отъ меня... Изъ этого слѣдуетъ... А! вотъ гдѣ онъ! Постой! Теперь не убѣжишь, я тебя поймаю (*хватаетъ одинъ пистолетъ и выскакиваетъ въ окно*). До свиданія, Иларіонъ!

Ил. (*бросается къ окну*). Рамирскій! ради Бога!.. Исчезъ... Онъ готовъ сдѣлать какую-нибудь глупость! Нужно поспѣшить къ нему! (*Уходитъ чрезъ среднія двери*).

Ив. (*одинъ*). Гм. Видно всѣ они съ ума сошли: Богъ съ ними! на то они паны! А я пойду себѣ лучше къ кучеру, онъ навѣрное поставитъ полъ-кварты... (*Уходитъ*).

Перемѣна декораціи.

Сцена 2-я.

(Въ домѣ Шейкера. Декорація 4-го дѣйствія).

Лица:

Хаимъ Шейкеръ.
Сара.
Бася.
Федеръ.
Фастоверъ.
Давидъ.
Иларіонъ.
Рамирскій.
Бузовкинъ. Предводитель дворянства и помѣщикъ.
Дошпиганенко. Помѣщикъ и судья.
Зицфлейшъ. Помѣщикъ и мировой посредникъ.
Зозуля.
Абрамка.

ЯВЛЕНІЕ V.

Сара и Бася.

Сара. Видитъ Богъ, еслибы это зависѣло отъ моей воли, я навѣрное ничего не пожалѣла-бы для тебя. Я все-бы для тебя сдѣлала, для подруги моего дѣтства; тѣмъ болѣе, что я твердо убѣждена въ честность твоего добраго отца...

Бася. Честенъ, однакожъ погибаетъ! Но, ради Бога, ты можешь его спасти, моя дорогая! Ты можешь пособить въ этомъ страшномъ горѣ: у тебя есть душа, у тебя есть сердце! Я знаю, какое вліяніе ты имѣешь на дѣда...

Сара. (*перебивая съ горечью*). Вліяніе на него имѣютъ только наличныя суммы... А если я попрошу у него чего-нибудь, то этого довольно, чтобы онъ поступилъ какъ-разъ наоборотъ, лишь-бы противъ моего желанія... Какой-то странный умъ управляетъ этой странной головою! Нужно знать эту непреклонную волю, эту стальную душу, чтобы повѣрить, что никто во всемъ мірѣ на него не можетъ имѣть никакого вліянія!

Бася. Значитъ, мой бѣдный отецъ долженъ погибнуть! Припомни Сара, развѣ я не любила тебя больше самой себя? Когда твои родные запрещали тебѣ заниматься науками, не я-ли заронила въ тебя святую искру свѣта? Не я-ли старалась, чтобы этой искрой согрѣлись твой умъ, твоя душа и сердце? Не я-ли доставляла тебѣ потихоньку книги, подвергая себя опасности? Не мнѣ-ли ты обязана умственнымъ развитіемъ? Я теперь въ страшномъ несчастіи и имѣю полное право на твою благодарность! Слышишь ты? Мой отецъ въ темницѣ, покрытый позоромъ! Ты молчишь?

Сара. Тише, ради Бога! Дѣдушка идетъ! Уйдемъ отсюда скорѣй; если увидитъ насъ вмѣстѣ, все погибло! Пойдемъ, можетъ быть, Богъ насъ выведетъ изъ этого отчаянія... Пошлетъ намъ спасительную мысль (*Уходятъ обѣ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хаимъ (*входитъ съ правой стороны*). Онъ погибнетъ, потому что всѣ доказательства противъ него; погибнетъ, потому что сынъ его меня осрамилъ публично; погибнетъ потому, что мнѣ необходима эта сумма; погибнетъ, или погибнутъ всѣ мои дѣла! А мои дѣла стоятъ больше этого старика... Я его размозжу уже для примѣра: пусть видятъ евреи, что значитъ могущество Шейкера! Пусть убѣдятся, какъ погибаетъ тотъ, кто смѣетъ со мною заспорить! (*пауза*) Наконецъ, я-жъ долженъ заплатить этотъ долгъ и только одно имѣю средство: вторичное полученіе капитала отъ наслѣдниковъ барона; а этого я могу достигнуть только гибелью Фрида... Своя рубашка ближе... Тутъ колебаться нечего... Но не видно что-то моего Гершмейера и Абрамка не приноситъ документовъ... Обѣщалъ принести утромъ... Это меня беспокоитъ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хаимъ, Федеръ.

Федеръ (*идетъ прямо къ своему столу въ глубинѣ сцены налѣво*). Я ходилъ, но Абрамки нѣтъ дома; слѣдователя и его письмоводителя тоже не засталъ... ушли еще съ утра.

Хаимъ (*въ сторону*). Это начинаетъ меня пугать! Кажется я щедро плачу этому негодяю; онъ весь въ моихъ рукахъ и долженъ мнѣ быть преданъ! Мнѣ стоитъ пальцемъ кивнуть и Абрамка очутится тамъ, гдѣ соболи дешево продаются... Неужели онъ меня предастъ? Ради какихъ-нибудь четыре хъ тысячъ... Никогда!.. Однакожь, что-бы это значило?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Давидъ.

Давидъ (*входитъ быстро*). Г. Шейкеръ! Вѣроятно, отчаяніе мое дошло до крайнихъ предѣловъ, въ душѣ вѣрно адъ цѣлый, сердце на части рвется, если я рѣшился отказаться отъ самолюбія, отъ чувства собственнаго достоинства и въ горькомъ униженіи склонить предъ вами голову, являясь къ вамъ съ просьбой... съ великой и неотступной просьбой... Не легко мнѣ это пришлось!

Хаимъ (*всторону*). А! когда почуялъ тревогу, обращаешься къ Богу! (*вслухъ, скрещивая руки на груди*). Говори, юноша, говори смѣло! Чѣмъ могу я тебѣ быть полезнымъ? Ты развѣ не знаешь, что старый Хаимъ Шейкеръ всегда радъ служить нуждамъ ближняго и помогать въ затруднительномъ положеніи каждому доброму еврею... Шейкеръ, какъ всѣмъ извѣстно, живетъ только на услуги братій во Израилѣ; Хаимъ Шейкеръ никому не отказываетъ: отчего-жъ-бы онъ тебѣ отказалъ, если только твоя просьба въ границахъ возможности.

Давидъ (*съ глубокимъ чувствомъ*), Слушайте, ради Господа Бога! Вѣдь отецъ мой служилъ вамъ честно и вѣрно, а служба у васъ не легка была. Онъ для васъ не жалѣлъ здоровья; для васъ онъ не разъ рисковалъ жизнію... А вы его теперь погубить хотите!

Хаимъ (*съ притворнымъ негодованіемъ*). Богъ съ тобою! Что ты сказалъ? Какая грѣшная сила внушила тебѣ такую сумасбродную мысль? Я гублю Арона? Я? Подумай только, да сообрази: столько лѣтъ онъ ѣлъ мой хлѣбъ, столько лѣтъ пользовался моимъ безграничнымъ довѣріемъ — и что-же? Чѣмъ онъ отблагодарилъ? Чѣмъ отплатилъ онъ мнѣ за мою долголѣтнюю дружбу? Онъ рѣшился присвоить... видишь, юноша, какъ я осторожно и деликатно выражаюсь... онъ рѣшился присвоить себѣ шестьдесятъ тысячъ и подвергнуть опасности мое коммерческое имя... Да, это маленькое дитя пойметъ: не я его гублю, онъ самъ себя погубилъ!

Давидъ (*въ сторону*). О, Боже! Терпѣнія! (*вслухъ*). Г. Шейкеръ! Да бойтесь вы Бога! Вы сами хорошо знаете, вы сами убѣждены, что отецъ вручилъ вамъ, лично вамъ, эти деньги, тогда-же.

Хаимъ (*смѣется злобно*). Вручилъ деньги... ха, ха, ха! Забавно, ей Богу! Ну! если отдалъ деньги, пусть покажетъ квитанціи...

Дав. Въ томъ-то и дѣло, что квитанціи куда-то затерялись...

Хаимъ (*ядовито*). Оставь!.. Это фокусъ истасканный, избитый... Этимъ уже и слѣпаго не надуешь и такою маскою воровства не покроешь... Не дурно было-бы, право, еслибы каждый воръ...

Дав. (*вспыливши*). Сударь... (*удерживаясь всѣми силами, всторону*). Боже, дай терпѣнія! Боже, укрѣпи меня! (*вслухъ*). Г. Шейкеръ! Никто во всемъ Гнилопятскѣ и во всемъ краѣ здѣшнемъ не повѣритъ вамъ, если станете обзывать моего отца воромъ! Общественное мнѣніе всегда будетъ на сторонѣ Арона Фрида... Всѣ пойдутъ за него подъ присягу...

Хаимъ. Да я развѣ запрещаю? Пусть присягаютъ... Не я тутъ

дѣйствую, тутъ правосудіе выступаетъ... И ты вздумалъ стращать меня общественнымъ мнѣніемъ? И теперь ты оскорбляешь меня... Угрожаешь... мнѣ?

Дав. Боже мой! Чѣмъ я васъ оскорбляю? Когда я вамъ угрожалъ? Я прошу васъ только, умоляю слезно, отчаянно: спасите моего отца!

Хаимъ. Да какимъ образомъ? Да, наконецъ, за что? Не воображаешь-ли ты, что такія суммы валяются въ грязи? Ты считалъ меня слишкомъ глупымъ... Такихъ суммъ за окно не швыряютъ...

Дав. Помните-ли, г. Шейкеръ, я былъ еще небольшимъ мальчикомъ, на вашего сына бросилась бѣшеная собака... Всѣ ваши слуги трусливо разбѣжались и вашъ сынъ погибъ-бы... И я, безсильный ребенокъ, смѣло бросился на разъяренное животное и я, за вашего сына, былъ искусанъ, израненъ... на моемъ тѣлѣ знаки еще и теперь существуютъ: я рисковалъ жизнію за вашего сына... Развѣ забыли вы, говорите! Забыли, какъ вы тогда торжественно поклялись, что всю жизнь будете помнить эту услугу? Я первый разъ вамъ напомнилъ это происшествіе: я имѣю вашу клятву и требую теперь уплаты... Не губите моего отца!

Хаимъ. Тутъ власти насъ разсудятъ... Аронъ виновенъ и что-же я тутъ могу? За воровствомъ обыкновенно слѣдуетъ тюрьма.

Дав. (*съотчаяніемъ*). Г. Шейкеръ, не вводите меня въ искушеніе! (*грозно*) Вы не постигаете, до чего можетъ довести отчаяніе?

Хаимъ (*всторону*). Этотъ еретикъ еще, пожалуй, съ ума сойдетъ у меня въ домѣ, или, чего добраго, сдѣлаетъ какое-нибудь насиліе! Надо ему сдѣлать кое-какую уступку, подать тѣнь надежды... Да! только я обставлю эту надежду такими условіями, на которыя онъ никогда въ жизни не согласится! (*вслухъ*) Послушай, молодой человѣкъ: мнѣ жаль тебя, сердечно жаль! Твое юношеское отчаяніе, твоя сыновняя любовь тронула меня до глубины души... Хорошо! Я готовъ усыпить все это дѣло; подарю деньги, прощу за измѣну, но при этомъ ставлю слѣдующія условія...

Дав. (*радостно*). Принимаю всякія! Напередъ соглашаюсь!

Хаимъ. Не спѣши, юноша! Я вѣрю твоей готовности, но совѣтую неспѣшить.

Дав. На все, я на все готовъ!

Хаимъ (*хладнокровно*). И отлично! И такъ, во-первыхъ (*отчеканивая, медленно*), сейчасъ и на всегда оставишь университетъ... Для еврея это лишне...

Дав. (*испугавшись*). Что я слышу!

Хаимъ (*все такъ-же*). Во-вторыхъ, откажешься громогласно отъ всего того, что написано обо мнѣ въ твоей безбожной брошюрѣ, которая надѣлала во всемъ здѣшнемъ краѣ столько шуму... Напечатаешь въ газетахъ, что это ты все лгалъ по наущенію моихъ враговъ и получилъ съ нихъ деньги за этотъ пасквиль...

Дав. (*въ остолбенѣніи*). Боже!

Хаимъ (*сладко и вкрадчиво*). Постой, дитя мое, это еще не все...

Дав. (*повторяя машинально*). Не все еще.

Хаимъ (*все нѣжнѣе*). Въ третьихъ, забудешь свою гордыню, смиришься и поступишь ко мнѣ въ контору корреспондентомъ... Это должность почетная и выгодная...

Дав. О, Боже!

Хаимъ. Это еще не все, мой другъ (*встаетъ и кладетъ руку на плечо Давида*). Въ четвертыхъ, разстанешься съ богопротивными модами безвѣрія: отростишь бороду, надѣнешь длиннополый кафтанъ, какъ наши богоизбранные предки носили; и, соблюдая старинное благочестіе нашей чистой націи, ты женишься на дочери моего Гершмейера... Для еврея первое дѣло—жена!.. Будешь ежедневно ходить въ синагогу и два раза въ году ѣздить къ цадику въ Садагурѣ...

Дав. (*въ порывѣ отчаянія*). Довольно! Остановитесь! Не могу я, не могу! Какія-бы ни постигли насъ бѣдствія. Не могу! Не могу!

Хаимъ (*всторону, съ явнымъ удовольствіемъ*). Я напередъ зналъ, что не можешь! О! я знаю людей—и это моя сила!

Дав. Какъ это—не могу? Не могу, когда отецъ погибаетъ? И я испугаюсь жертвы, когда мой сѣдой отецъ стонетъ въ постыдныхъ оковахъ? Послушайте, Хаимъ Шейкеръ! Беру васъ за слово и принимаю ваши условія: если возобновите извѣстныя квитанціи, если отчетливо и ясно опубликуете, что все это было слѣдствіемъ печальнаго недоразумѣнія или интриги, я соглашусь покрыть себя вѣчнымъ позоромъ и буду влачить осрамленную жизнь за вашей побѣдной колесницею... Скорѣе... Скорѣе къ дѣлу, мой благородный покровитель...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и Сара.

Сара (*вбѣгаетъ*). Остановитесь, молодой человѣкъ! (*узнаетъ Давида и останавливается, пораженная; всторону*). Боже! Это онъ!..

Хаимъ (*въ гнѣвѣ*). Ты чего явилась... Зачѣмъ ворвалась, безумная?

Дав. (*всторону*). Господи! Это она!

Сара (*съ большимъ усиліемъ къ Шейкеру*). Послушай, дѣдушка... Случайно-ли или намѣренно... Это тебѣ все равно!.. Я слышала все... Я все знаю... Что Аронъ не виноватъ, я отвѣчаю головою... и, да упадетъ на мою голову гнѣвъ Божій за мой грѣхъ, мнѣ за тебя стыдно, отецъ моего отца!

Хаимъ. Это еще что!

Сара. Не перебивай! Мы другъ друга знаемъ! Еслибы даже я и не слышала вашего разговора, я сейчасъ узнала-бы, что это дѣло въ твоей головѣ родилось, дѣдушка... По творенію легко творца узнать...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же; Бузовкинъ, Дошниганенко, Зицфлейшъ (входятъ вмѣстѣ и, остановившись у входныхъ дверей, слушаютъ).

Сара (*продолжаетъ*). Исторія съ покражей это комедія твоего сочиненія... Не спорь, я знаю! Цѣль твоя... Но это все равно и къ дѣлу не относится... Я не обязана тебя учить и, сказать правду, не желаю... Не мнѣ судить тебя: на то есть совѣсть въ мірѣ, на то есть Богъ въ небѣ... Благодари Господа, что я умѣю удержать проклятіе, готовое вырваться изъ груди... Презрѣнія, какое чувствую для автора этой интриги, ни измѣрить, ни описать нельзя... За такія рѣчи Богъ тяжело меня накажетъ... Но все равно... не во мнѣ дѣло! Эти новыя злодѣянія, которыя готовы совершиться, отъ твоего имени, дѣдушка, я хочу искупить, еслибы даже пришлось заплатить за то счастіемъ всей жизни... Я готова на все, а Богъ—нести поможетъ (*пауза*). Ты настаивалъ, дѣдушка, чтобы я сдѣлалась женою дѣтеныша этого (*съ невыразимымъ отвращеніемъ*) цадика, твоего пріятеля... Я тогда сказала тебѣ, что скорѣе умру, чѣмъ соглашусь... Ты знаешь, я сдержала-бы слово... Характеръ у меня есть, свои убѣжденія защищать умѣю! Мою волю не сокрушишь никакимъ насиліемъ... Вѣдь я не даромъ прихожусь тебѣ сродни!—Слушай, дѣдушка! Видитъ Богъ, какимъ я дышу презрѣніемъ къ твоимъ цадикамъ, къ этимъ выплевкамъ адскаго мрака, ты знаешь, что отъ нихъ я рада-бы въ могилу убѣжать... Но я выйду за этого бахура, за это отродье мерзости, этотъ зародышъ обмана и преступнаго умопомраченія, которое губитъ еврейскій народъ... Эти рыцари тьмы и преступленія внушаютъ мнѣ и отвращеніе, и страхъ; но я жертвую тебѣ моей жизнію, сама себя обрекаю на вѣчныя муки, но этимъ я хочу выкупить Арона... Отдай ему документы, возврати ему сво-

боду и доброе имя, а вся моя будущая жизнь докажетъ тебѣ, на какія жертвы способна бѣдная дѣвушка, если начинаетъ думать и чувствовать!

Дав. О, ангелъ небесный! Неземное существо! Все величіе міра меркнетъ и падаетъ передъ тобою! Сердце вполнѣ соотвѣтствуетъ этому божественному лицу, которымъ моя душа, мое сердце только и живутъ... О тебѣ только я думаю и тебя одну я вижу во снѣ и на яву. (*беретъ ея руку*) Ангелъ мой, котораго взглядъ одинъ утоляетъ боль и прогоняетъ горе! Мое сердце привѣтствуетъ тебя тѣмъ великимъ чувствомъ, какое только могутъ питать другъ къ другу души чистыя, не испорченныя, не запятнанныя порокомъ (*подноситъ ея руку къ губамъ*).

Хаимъ (*бросается между нихъ*). Это что? Какъ? Въ моихъ глазахъ? Прочь отсюда грѣховодница! Эй! Люди! Кто-тамъ! Возьмите эту непотребную, а этого дерзостнаго мальчишку...

Буз. (*подходя къ Хаиму, кладетъ ему руку на плечо*). Не сердитесь, г. Шейкеръ! Это кровь портитъ...

Хаимъ (*въ крайнемъ смущеніи*). Ахъ! г. предводитель!.. Нижайшій слуга... Какъ я радъ, что имѣю честь видѣть...

Буз. Я къ вамъ по дѣлу (*обнимаетъ Давида*). Здравствуй, дорогой мой! Какъ ты поживаешь?

Дош. и Зиц. (*обнимая Давида*). Здравствуй, милый!

Хаимъ (*всторону*). И судья... И посредникъ... Плохо!

Дош. Ну, что подѣлываешь, нашъ царь-псалмопѣвецъ... А мы къ вамъ собираемся...

Дав. (*обнимая товарищей*). Гдѣ вы меня встрѣчаете, мои дорогіе друзья! Въ какомъ положеніи...

Буз. Мы всѣ отправляемся гурьбою, къ вамъ, на свадьбу твоей милой сестры... (*тихо*) Мы знаемъ уже обо всемъ... Рамирскій еще вчера насъ всѣхъ увѣдомилъ и мы всѣ, не теряя ни минуты, гуртомъ сбѣжались на выручку...

Зиц. (*Саръ*). Сударыня! Дѣло обойдется безъ вашего самопожертвованія; Богъ намъ поможетъ избавить честнаго Фрида и вамъ не нужно будетъ уплатить за то вашей будущностію... Мы знаемъ языкъ нѣмецкій, а потому понимаемъ нѣсколько и вашъ... Мы слышали вашъ разговоръ... Глубоко склоняю предъ вами голову, потому что ореолъ величія окружаетъ ваше дѣвственное чело!

Хаимъ (*очень вѣжливо*). Г. Посредникъ, вы тоже, вѣроятно, по дѣлу...

Зиц. Да-съ? Видите-ли, Шейкеръ, эти полтораста тысячъ нашего

семейства, которыя мы имѣемъ у васъ на текущемъ счету, я хочу получить сегодня и даже сейчасъ-же... Я открываю сахарный заводъ, прикупилъ кусокъ земли... Знаете, нужно. Потрудитесь распорядиться... Я подожду здѣсь.

Хаимъ (*всторону*). О... чортъ побери!..

Буз. (*Шейкеру*). Пятьдесятъ тысячъ, которыя я отдалъ вамъ на сохраненіе, нужны мнѣ сейчасъ-же... Я завтра выѣзжаю въ Лондонъ на выставку... Прикажите выдать.

Хаимъ (*всторону*). Самъ сатана вмѣшался въ это дѣло!

Дошп. Графиня выдаетъ дочь за мужъ и собирается выѣхать завтра за-границу, вотъ вмѣстѣ съ Бузовкинымъ, и поручила мнѣ получить съ васъ, г. Шейкеръ, по этимъ документамъ... Вѣдь это ваши? (*показываетъ ему бумаги*) Да? восемьдесятъ тысячъ рублей... Прикажите выдать мнѣ сейчасъ; я еще сегодня ей отвезу...

Хаимъ (*всторону*). Это уже слишкомъ! (*вслухъ*) Господа! Вы поставили меня въ очень непріятное положеніе... Вы сами знаете, что во всей Европѣ нѣтъ такого банкирскаго дома, не выключая самого Ротшильда, который могъ-бы выплачивать такія громадныя суммы въ минуту востребованія... Если въ одинъ и тотъ же день и даже часъ стекутся такія требованія, то самъ Ротшильдъ обанкрутится ..

Буз. (*показывая бумаги*). Это вашъ документъ, позвольте васъ спросить? Да, или нѣтъ?

Хаимъ. Да... мой... но...

Буз. Ничего не знаю, никакого но, а прошу денегъ.

Зиц. (*показывая документы*). Вотъ мои тратты...

Дошп. Вотъ мои документы, по которымъ прошу уплатить теперь-же...

Хаимъ. Господа? Я не отказываюсь... Дайте мнѣ самую маленькую отсрочку...

Буз. Не хотите-же вы заставить насъ обратиться къ законнымъ мѣропріятіямъ... У меня тутъ есть повѣренный...

Хаимъ. Я всѣ эти суммы выплачу черезъ недѣлю... Я готовъ даже дать за эту отсрочку особые проценты...

Буз. Э-эхъ! Знаемъ мы эти фокусы! Мы понимаемъ эти увертки... Вы, ребе-Шейкеръ, пускаетесь на очень скользкую дорогу... Что меня касается, я ждать не могу.

Зиц. Ни одного дня!

Дошп. Ни одного часу!

Хаимъ. Но это невозможно!

Буз. А! Ну, такъ пеняйте на себя! Вы сами заставляете насъ отправиться къ нотаріусу...

Хаимъ (*убѣдительно*). Господа! Вы всѣ хорошо знаете, что я богатъ; знаете, что мой кредитъ не ограниченъ, не только у насъ, но во всемъ мірѣ и не на тысячи,—на милліоны... Но, повторяю, ни одинъ банкъ въ мірѣ не выдержитъ, если его такъ прижать нечаянно! Гдѣ-же совѣсть?

Буз. Послушай, ребе-Шейкеръ! Я человѣкъ добрый; самаго злого изверга я не рѣшусь подвергать пыткѣ; но помни, не будетъ тебѣ пощады, если еще разъ въ нашемъ присутствіи произнесешь слово „совѣсть"... Это слово, въ твоихъ устахъ — богохульство, кощунство... Не оскверняй этого святого слова!.. Но къ дѣлу. Я говорю съ вами отъ имени товарищей... Деньги намъ нужны, но мы согласимся на уступки, дадимъ, пожалуй, отсрочку на мѣсяцъ, ну—на два, если сію-же минуту отдадите Арону Фриду извѣстныя вамъ квитанціи... Такъ, господа?

Дошп. и Зиц. Совершенно вѣрно.

Хаимъ. Да помилуйте вы мою душу! Какъ-же я могу, если я никогда никакихъ квитанцій не выдавалъ... Шестьдесятъ тысячъ — это вѣдь капиталъ, цѣлое состояніе... Этотъ старый мошенникъ меня обокралъ... Такіе подарки я дѣлать не могу...

Дошп. Знаешь-ли, старый хрычъ? Я начинаю открывать въ тебѣ литературные таланты! Ха, ха, ха! Вотъ богатая фантазія... Поступи ты въ сотрудники къ Аскоченскому... Вы могли-бы вмѣстѣ чудеса творить!

Буз. Оставь, Дошпиганенко, неумѣстныя шутки! (*Хаиму*) Вотъ вамъ, Шейкеръ, наше послѣднее слово: или вы теперь-же возвратите Фриду квитанціи и мы отсрочимъ на полъ года наши требованія; или-же мы не только будемъ настаивать на немедленной уплатѣ нашихъ капиталовъ, но еще я взбударажу цѣлый уѣздъ и всѣ потребуютъ своихъ денегъ и вы погибнете безвозвратно! И такъ, избирайте одно изъ двухъ: банкротство—или квитанціи!

Дав. (*обнимая товарищей, со слезами*). Столько участія!

Хаимъ (*всторону*). Невозможно! Возвращая квитанціи, я, все-равно, погибну... Избави меня, Боже, отъ подобной глупости! Если-бы даже хотѣлъ, не могу... Поздно! Это значитъ, сознаться въ преступленіи... Тутъ не поможетъ никакое вліяніе... (*вслухъ рѣшительно*) Квитанціи не существовали; ложныхъ не выдамъ; воръ долженъ погибнуть... Дѣлайте, что вамъ угодно; и я сдѣлаю, что знаю... Правосудіе...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Иларіонъ.

Ил. (*входя*). Здравствуйте, друзья. Послушайте, г. Шейкеръ! Надобно покончить съ этой вознею... Вы ищете съ наслѣдниковъ барона шестьдесятъ тысячъ... Квитанціи исчезли... Мнѣ съ васъ слѣдуетъ столько-же, кромѣ процентовъ. Я возвращу вамъ ваши векселя, вы откажитесь отъ претензіи и освободите Арона.. Это самый лучшій исходъ... Я хотѣлъ купить имѣніе; какъ-нибудь обойдусь... (*обнимая Давида*) Твой старикъ заплатитъ мнѣ по частямъ!

Дав. Благодарю, благодарю, мой дорогой Иларіонъ! Но могу-ли я принять такую жертву...

Буз. (*Иларіону*). Ты всегда былъ умнѣе и великодушнѣе всѣхъ насъ... Твоя мысль великолѣпна... Я даю половину!

Дошп. и Зиц. И мы участвуемъ.

Дав. (*со слезами*). Благодарю, братья! Но это ни къ чему не поведетъ... Ваше великодушіе не очиститъ имени моего отца и не смоетъ съ него позорной репутаціи...

Федеръ (*вставая изъ-за своего стола*). Всѣ тутъ сдѣлали свое дѣло, и мнѣ что-нибудь надо сдѣлать! (*подходитъ*) Знаю, что останусь съ семействомъ безъ хлѣба... но и совѣсть чего-нибудь да стоитъ! Погублю, можетъ быть, тѣло, но спасу душу! Вотъ, это письмо я нашелъ здѣсь на полу...

Хаимъ (*всторону*). Господи! Это письмо Абрамки!

Федеръ. Абрамка, фактотумъ моего принципала, увѣдомляетъ его, что квитанціи, похищенныя у Арона Фрида, находятся въ рукахъ одного чиновника и проситъ прислать поскорѣе деньги, чтобы выкупить эти документы... Онъ замѣчаетъ, что чиновникъ начинаетъ поддаваться угрызеніямъ совѣсти и опасается послѣдствій... Я самъ сегодня былъ посланъ къ Абрамкѣ съ этими деньгами, о которыхъ идетъ рѣчь...

Буз. (*Шейкеру*). Посмотрите, какія чудеса!

Хаимъ (*яростно*). Это подложное письмо... Это неблагодарный мой слуга подѣлалъ... Дайте доказательство... мое... собственноручное...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и Фастоверъ (расфранченный, съ сигарою въ зубахъ и съ хлыстомъ въ рукѣ).

Фастоверъ (*кланяется сначала всѣмъ весьма вѣжливо, потомъ Шейкеру насмѣшливо и во все время сохраняетъ*

саркастическій тонъ). Я пришелъ къ вамъ, ребъ-Хаимъ, чтобы вамъ доказать, что и человѣкъ безъ бороды умѣетъ быть благодарнымъ и, хотя часто пожираю трефные обѣды, благодарность у меня всегда стоитъ на первомъ планѣ... Хотя я у васъ уже не служу, однакожъ я прибѣжалъ къ вамъ, чтобы оказать вамъ маленькую услугу, зная, что эта крошечная услуга принесетъ истинное удовольствіе моему благочестивому принципалу. Приводя сегодня въ порядокъ мои пожитки, я нашелъ вотъ эту записную книжечку, которую захватилъ случайно по ошибкѣ... Не знаю, какъ она ко мнѣ попала! Въ этой книжечкѣ вы имѣете обыкновеніе дѣлать ежедневно замѣтки... ваши личныя, партикулярныя... Вотъ, думаю я себѣ, надо непремѣнно сейчасъ-же отнести моему благодушному принципалу... *(вынимаетъ изъ бокового кармана записную книжку)* Вѣдь—эта?

Хаимъ. Давайте! Это моя! *(хочетъ выхватить книжку).*

Фаст. *(быстрымъ движеніемъ перепрыгиваетъ на другую сторону).* Ха, ха, ха! Потише, ребъ-Хаимъ, потише... Что за любопытство... *(ударяя пальцемъ по книжкѣ)* Сколько тутъ любопытнаго, сколько назидательнаго... И все это вашей собственной рукою!.. Тутъ записаны такія интересныя вещи, что нѣтъ возможности удержаться... Извините, господа, я позволю себѣ прочесть одинъ маленькій отрывокъ, изъ котораго вы увидите, сколько поэтическаго таланта, сколько великодушія и добросовѣстности природа сосредоточила въ особѣ моего высокочтимаго принципала... Слушайте, господа? Вещи очень важныя! *(читаетъ)* „Десятаго февраля. Шестьдесятъ тысячъ, которыя привезены сего числа Арономъ отъ барона, я отдалъ графу Адаму, какъ задатокъ на имѣніе Повредище... Оставшіеся проценты, за десять дней, Аронъ получитъ, когда отдастъ барону выданныя мною сегодня квитанціи въ полученіи денегъ". О, мой милый принципалъ представляетъ изъ себя образецъ аккуратности! Онъ всегда имѣетъ обыкновеніе записывать вечеромъ то, что дѣлалъ въ теченіи дня... И вотъ эта замѣчательная аккуратность и доставитъ ему теперь достойное возмездіе...

Буз. *(взявши отъ Федера письмо и отъ Фастовера книжку и пряча все въ карманъ).* Давайте, скорѣе, давайте... Это дороже золота... Сейчасъ иду заявить, гдѣ слѣдуетъ...

Голосъ Зозули *(за сценою, направо).* Спасите, кто въ Бога вѣруетъ!

Голосъ Абрамки *(за сценою, налѣво).* Помогите! Помогите!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же. Зозуля (вбѣгаетъ съ правой стороны, а за нимъ) **Рамирскій** (съ пистолетомъ въ рукѣ. Въ то-же время съ лѣвой стороны вбѣгаетъ) **Абрамка** (а за нимъ) **Редлихъ** (тоже съ пистолетомъ въ рукѣ).

Рам. *(хватаетъ Зозулю за шиворотъ и заставляетъ стать на колѣни).* Старыя, братецъ, штуки! Второй разъ не ускользнешь! Отдавай квитанціи!

Зоз. *(плаксиво).* А деньги?

Рам. *(трясетъ его).* Квитанціи—или тутъ-же тебѣ и капутъ!

Зоз. *(жалостно).* Картофель по два рубля! Дрова...

Рам. *(прикладывая пистолетъ къ груди Зозули).* Квитанціи!

Редлихъ *(въ то-же самое время, держа Абрамку за воротникъ, угрожаетъ ему пистолетомъ).* Отдавай, негодяй, документы?

Абр. *(барахтаясь).* Подобное обращеніе съ человѣкомъ образованнымъ!

Ред. Отдай документы, а не то...

Абр. *(указывая на Зозулю).* Да вы посмотрите, что тамъ происходитъ! Развѣ это возможно, чтобы тѣ-же документы находились въ одно и то-же время у меня и у этого господина?

Ред. *(оглянувшись).* Рамирскій?

Рам. *(тоже).* Редлихъ? Здорово, товарищъ! Души своего, а я своего буду душить. Говори, мерзавецъ, у кого документы?

Ред. *(къ Абрамкѣ).* У кого квитанціи?

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же. Аронъ (который долженъ войти такъ, чтобы быть свидѣтелемъ предыдущей сцены); **Цвейгъ** и **Бася** (послѣ).

Аронъ. У меня квитанціи! У меня, дѣти мои!

(вмѣстѣ) Дав. *(бросаясь на шею отцу).* Отецъ! Отецъ!
Редл. *(тоже).* Отецъ, дорогой отецъ!
Бася *(вбѣгая изъ сосѣдней комнаты).* Отецъ мой!

Всѣ *(кромѣ Хаима, Абрамки и Зозули).* Свободенъ? Слава Богу!

Абр. *(всторону).* Человѣку образованному пора удалиться! *(прокрадывается къ дверямъ и исчезаетъ).*

Зоз. *(всторону).* Давай Богъ ноги! *(ускользаетъ).*

Аронъ. Какое блаженство! Какое счастіе видѣть, что человѣкъ простой, бѣдный, безъ всякихъ заслугъ, можетъ имѣть такихъ друзей! Вѣдь отъ родныхъ братьевъ не ожидалъ-бы я столько сочувствія, столько участія... Да воздастъ вамъ Господь Вседержитель! я и словами даже не умѣю выразить...

Буз. Оставьте все это, да удовлетворите лучше наше любопытство... Разскажите, какимъ образомъ вы на свободѣ?

Аронъ. Разскажу вамъ въ двухъ словахъ. Сидѣлъ я въ тюрьмѣ — и рисовалъ себѣ кровавыми красками положеніе моихъ бѣдныхъ дѣтей... Вдругъ открываются двери моей темницы, тюремщикъ освобождаетъ меня чуть-ли не съ почестями... Я вышелъ во дворъ; но сознаніе свободы просто ошеломило меня... Я былъ, словно пьяный... Головокруженіе какое-то... Я долженъ былъ присѣсть на скамейку у воротъ... Въ это время подходитъ ко мнѣ Генрихъ де-Шандонъ... сообщаетъ мнѣ, что я свободенъ, упрекаетъ себя въ какой-то безчестной измѣнѣ, въ какой-то мести; въ сребренникахъ Іуды... Извиняется, проситъ у меня прощенія... Чуть-чуть рукъ не цалуетъ... Блѣдный, весь трясется... Я самъ расплакался при видѣ такой горести... Онъ отдалъ мнѣ квитанціи, обнялъ меня и взялъ съ меня слово, отдать отъ него письмо его брату, нашему дорогому президенту. Я обѣщалъ; онъ обнялъ меня еще разъ и исчезъ. Опомнившись, я бросился сюда... Я чувствовалъ, что вы здѣсь, дѣти мои... Вдругъ нашъ почтенный докторъ (*беретъ Цвейга за руку*) несется ко мнѣ, какъ вихрь, и сообщаетъ мнѣ, что всѣ существа, которыя дороги моему сердцу, собрались подъ этой безчестною крышей... Теперь, когда я васъ всѣхъ вижу, прижимаю къ моему сердцу, я все простилъ, я забылъ все! (*къ Иларіону*) Хорошо, что я и васъ тутъ застаю: вотъ письмо отъ вашего брата, отъ бѣднаго Генриха (*подаетъ письмо*).

Ил. Долженъ-ли я читать письмо этого изверга?

Дав. Не богохульствуй, Иларіонъ! Читай письмо!

Аронъ (*торжественно*). Прочесть письмо — это священная обязанность!

Всѣ товарищи. Читай! Сейчасъ читай! Читай вслухъ!

Ил. (*читаетъ письмо, сначала суровымъ голосомъ, потомъ мягче, подъ конецъ почти со слезами*). „Мой честный братъ! Благородный Иларіонъ! Я упалъ очень низко; я запятналъ честное имя нашихъ родителей, я подвергся презрѣнію родныхъ и товарищей! Сознаю откровенно: чувство мщенія, вражда къ Редлиху увлекли меня и повели къ поступку, которому нѣтъ названія, за который и люди проклянутъ, и Богъ не проститъ! Надъ самимъ краемъ бездны Богъ меня удержалъ... Я опомнился! Я понялъ, что обязанъ спасти свою честь и честь моей фамиліи отъ позора... Я долженъ очиститься... Я долженъ пріобрѣсть новое имя! Еще сегодня отправляюсь туда, въ новую святую землю, гдѣ вдохновенный народъ льетъ кровь за свою отчизну, гдѣ апостольствуетъ святой мужъ Капреры. Я приму чужое имя и, никому неизвѣстный, всѣмъ чуждый, стану подъ знаменами великаго дѣла; смою своей кровью пятно позора и пріобрѣту новое, честное имя или сложу виновную голову на чуждой землѣ. Иначе не вернусь въ отечество“. (*говоритъ сквозь слезы*). Да поможетъ ему Господь!

Всѣ товарищи (*торжественно*). Да поможетъ ему Господь!

Аронъ (*сложивши руки*). Помоги ему, Господи! залечи Ты его раны.

Фаст. (*треплетъ Шейкера по плечу*). А что, мой милый Химушка! Простись ты съ могуществомъ! Распрощайся съ милліонами! Вскорѣ рухнетъ твой столпъ вавилонскій, исчезнутъ шкафы золота, кучи депозитокъ... Пойдешь ты въ кутузку, высокоуважаемый принципалъ, и тамъ, на свободѣ, будешь пѣть траурные псалмы и сокрушаться надъ судьбою людей благочестивыхъ, надъ погибелью еретиковъ, которые брѣютъ бороду и поѣдаютъ трефные обѣды! Правда, ребъ-Хаимъ, вѣдь вышло не дурно? Худо ты сдѣлалъ, что касался бороды другого, его желудка, а хуже всего то, что велъ записки!.. Вѣдь грамотность ужасная язва: что напишешь перомъ, того не вырубишь топоромъ!

Хаимъ (*съ злобою*). Это правда: я погибъ! Но мои похороны будутъ ужасны! Если такое зданіе рушится, оно многое задавитъ своими развалинами! И долго, долго здѣшній край будетъ съ ужасомъ вспоминать паденіе торговаго дома Шейкера и сына! (*хватается обѣими руками за голову и убѣгаетъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Прежніе (кромѣ Шейкера).

Бася (*обнимая плачущую Сару*). Не плачь, милая Сара! Успокойся, моя родная! Если воля Божія такъ повела, разстанься безропотно съ этими стѣнами и пойди, Сара моя, съ нами. У насъ тебя примутъ съ непритворною любовью; во мнѣ ты найдешь любящую сестру, которая всѣми силами будетъ стараться залечить твои раны; нашъ доб-

рый отецъ будетъ тебѣ отцомъ, а мать наша замѣнитъ тебѣ мать родную..

Сара. Благодарю, но мое мѣсто возлѣ несчастнаго моего дѣда... Его ожидаетъ позоръ, несчастіе... Будь, что будетъ—я все должна съ нимъ раздѣлить; я дѣлила съ нимъ достатки, должна дѣлить и лишенія... Прощай, Бася...

Дав. (*съ отчаяніемъ*). А я!!

Сара. Вы, мой добрый другъ, забудьте обо всемъ томъ, что вы мнѣ только-что говорили... Видите, какъ часто судьба ошибается: едва родныя души только успѣли встрѣтиться и узнать другъ-друга, сейчасъ злой рокъ на всегда разлучаетъ... Видите! Я не могу вамъ принадлежать, потому что вы человѣкъ хорошій, честный, можете быть со временемъ украшеніемъ своего народа, а я... На мнѣ лежитъ позоръ моего семейства!

Дав. О! Поймите-же...

Сара. Не возражайте... Это неизмѣнно! (*беретъ его за руку*) Прощайте, другъ мой! Никогда не забуду я счастливой минуты, которую вы мнѣ доставили вашимъ признаніемъ! Благодарю, благодарю за это блаженство! Прощайте! Вы пойдете къ славѣ, къ счастію, я (*указываетъ на двери, въ которыя ушелъ Шейкеръ*) останусь при позорѣ... Но до конца дней моихъ, моихъ горькихъ дней, всѣ мысли мои, всѣ порывы души моей будутъ при... (*съ усиліемъ*) при тебѣ... а когда Богу угодно будетъ освободить меня отъ страданій, вздохни на моей могилѣ! (*Закрываетъ лицо руками и уходитъ медленно въ двери, чрезъ которыя вышелъ Шейкеръ. Давидъ хочетъ броситься за нею, Бася его удерживаетъ. Нѣкоторое время всѣ стоятъ въ торжественномъ оцѣпенѣніи.*

Занавѣсъ.

С. С.

СОВРЕМЕННОЕ НЕР! НЕР!

Умѣнье находить сходство между различными вещами не требуетъ, какъ извѣстно, такой проницательности ума, какъ умѣнье находить различіе между вещами сходными. Первая и самая грубая классификація основывается на выдающихся чертахъ сходства между предметами, и прогрессъ заключается въ томъ, что разграниченіе основывается на признакахъ все болѣе и болѣе мелкихъ и съ перваго взгляда незамѣтныхъ.

Между тѣмъ, даже и при современномъ уровнѣ европейской культуры, нельзя не замѣтить преобладанія той умственной неподвижности, благодаря которой общество относится какъ-то тупо даже къ наиболѣе обыкновеннымъ пріемамъ сравненія—къ сопоставленію вещей на основаніи ихъ взаимнаго сходства. Одни и тѣ-же побужденія, однѣ и тѣ-же идеи, одни и тѣ-же дѣйствія служатъ то предметомъ удивленія, то предметомъ ужаса и отвращенія, то восхваляются, то порицаются, соотвѣтственно ихъ отношенію къ различію взглядовъ историческихъ или общественныхъ. Даже и ученые писатели, разсуждая о важныхъ предметахъ, по своей логикѣ стоятъ иногда нисколько не выше легкомысленной и красивой леди, которая приходитъ въ негодованіе отъ легкомыслія своей служанки.

Въ примѣръ достаточно указать на еврейскій вопросъ: трудно найти сужденія менѣе логичныя, чѣмъ тѣ, которыя приходится слышать о евреяхъ въ обществѣ или читать въ печати; въ этомъ отношеніи умственная неподвижность объединяетъ всевозможныя точки зрѣнія, подводитъ подъ одну норму и предразсудокъ, и ребячество, и враждебность, и совершенное невѣжество.

Что сохраненіе національныхъ воспоминаній есть одинъ изъ элементовъ и признаковъ національнаго величія, что оживленіе ихъ служитъ признакомъ національнаго возрожденія, что всякій героическій защитникъ своей націи, всякій патріотъ вдохновляется именно этими родными преданіями и ихъ провозглашаетъ своимъ лозунгомъ, что даже такія корпораціи, какъ

римскій легіонъ или англійскій полкъ вдохновляются воспоминаніями о прежней славѣ своихъ знаменъ—все это всѣмъ извѣстныя общія мѣста историческаго преподаванія въ нашихъ школахъ и университетахъ,—мѣста, повторяемыя всѣми съ легкой руки греческихъ и римскихъ классиковъ. Вліяніе ихъ на всемірную исторію отразилось и въ нѣкоторыхъ современныхъ событіяхъ. Современная свободная Греція обязана своимъ существованіемъ тому, что, не смотря на множество постороннихъ примѣсей къ греческой національности, образъ древней Эллады живо сохранился въ сознаніи европейцевъ, и ораторъ можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ, если, напримѣръ, станетъ восхвалять преданность Байрона такому дѣлу, которое пріобрѣло славу вслѣдствіе идеальнаго отношенія къ великому прошлому Греціи; но едва-ли достигнетъ онъ успѣха, если, напримѣръ, станетъ доказывать, что помогать грекамъ не слѣдовало, ибо ихъ исторія показываетъ, что въ древности никто не могъ превзойти ихъ въ коварствѣ и лживости, а многіе изъ современныхъ грековъ отличаются чрезвычайной безнравственностью, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ очень хотѣлось-бы поживиться насчетъ нашей торговли. То-же самое надо сказать и объ Италіи: скорбь объ участи родной страны проникла въ юношески-благородную душу Мадзини, ибо и онъ, подобно Данте, былъ воодушевленъ величіемъ Италіи; его воображеніе было плѣнено величественнымъ прошлымъ Италіи, что и породило идею объ ожидающей ее великой будущности. А между тѣмъ—что такое была Италія полвѣка тому назадъ? Сборный пунктъ для праздныхъ дилеттантовъ или путешествующихъ безъ цѣли богачей, территорія, раздробленная на мелкія части въ интересахъ папства, по прихотямъ династическимъ, для выгоды чуждаго правительства. Что такое были итальянцы? Народъ ничтожный, безъ голоса въ европейскомъ совѣтѣ, безъ власти и значенія въ европейскихъ дѣлахъ; племя, которое въ англійскомъ и французскомъ обществѣ считалось созданнымъ преимущественно для того, чтобы являться на оперной сценѣ или служить натурщиками для художниковъ, и за подачку въ пол-пенса награждать благодѣтеля граціозною улыбкою; люди, болѣе знакомые съ исторіею, считали итальянцевъ людьми болѣе любезными, чѣмъ честными, чѣмъ-то въ родѣ сплава, элементами котораго служатъ Маккіавели, Рубини и Мазаніелло. Все—или почти все это измѣнилось, главнымъ образомъ, благодаря божественному дару воспоминанія, который даетъ намъ возможность сравнивать прошедшее съ настоящимъ и думать о будущемъ, даетъ намъ сознаніе общественности, которая возвышаетъ человѣка надъ другими животными.

Одинъ изъ нашихъ, еще живущихъ, историковъ находитъ особенное

удовольствіе указывать на нашихъ предковъ, на то, что мы, по духу и языку, являемся прямыми наслѣдниками тѣхъ старыхъ англійскихъ моряковъ, которые, увидѣвъ богатую страну съ чрезвычайно удобными берегами, рѣшились поселиться въ ней, на плодоносныхъ берегахъ рѣкъ, и мало по малу стали захватывать все болѣе и болѣе земли, отнимая ее у туземцевъ, ничего не знавшихъ объ Одинѣ, и наконецъ и вовсе устранили этихъ первоначальныхъ владѣльцевъ. „Скажите, говоритъ онъ,—скажите, кто были наши предки, кто пріобрѣлъ для насъ эту почву, кто заронилъ благія сѣмена тѣхъ учрежденій, пользуясь которыми мы не съ тщеславіемъ, но съ благодарностью чувствуемъ себя отличными среди другихъ націй, обладателями издавна унаслѣдованной свободы; не станемъ повторять невѣжественныхъ названій, подъ которыми скрывается наше настоящее родство по крови и языку, но разсмотримъ основательно, какія понятія и преданія были у нашихъ предковъ и какія ими пѣлись пѣсни. Поэтическіе отрывки, въ которыхъ выразилось ихъ необузданное мужество въ бою и ихъ вѣра въ дикихъ боговъ, которые имъ помогали, должны сохраняться съ особеннымъ уваженіемъ. Эти моряки, эти самоувѣренные пираты были англичане стараго времени; это были наши предки, дѣлавшіе то трудное дѣло, котораго плодами мы теперь пользуемся. Ихъ доблести воплотились во всѣхъ обычаяхъ, изъ которыхъ мы выводимъ свои политическія учрежденія. И такъ, мы должны сознать и признать наши родственныя къ нимъ отношенія; мы должны благодарить судьбу за то, что, кромѣ тѣхъ привязанностей и обязанностей, которыя обусловливаются нашимъ человѣческимъ достоинствомъ, у насъ есть еще болѣе близкіе и болѣе постоянныя обязанности, возложенныя на насъ судьбою, какъ на англичанъ“.

Съ этимъ взглядомъ на нашу національность, конечно, согласятся очень многіе изъ тѣхъ, кто имѣетъ достаточно чувства и ума для того, чтобы сознавать связь между патріотизмомъ и всякимъ другимъ чувствомъ, возвышающимъ насъ надъ эмигрирующими крысами и представителями свободной любви-обезьянами. Правда, мы не обязаны нашимъ предкамъ своей религіей; мы даже гордимся тѣмъ, что получили религіозное просвѣщеніе со стороны. Родоначальники нашей націи не были христіанами, хотя и начали свое дѣло нѣсколько столѣтій спустя послѣ Христа; мало того—они рѣшительно отвергли христіанство, когда оно впервые было имъ предложено; они не были монотеистами, и религія ихъ представляла совершенную противоположность христіанскому спиритуализму. Но съ тѣхъ поръ какъ мы имѣли счастіе удержать за собою наше отечество,—островъ, завоеванный для насъ нашими предками, мы были вообще народомъ благоденствующимъ и намъ

скорѣе пришлось продолжать завоевательныя дѣйствія предковъ и захватывать чужія земли, чѣмъ искать въ нихъ пріюта; и никто не упрекалъ насъ за то, что наши предки тысячу триста лѣтъ тому назадъ поклонялись Одину, били британцевъ и съ трудомъ склонялись къ принятію христіанства, ничего не зная объ исторіи евреевъ и о тѣхъ причинахъ, по которымъ Христа слѣдуетъ считать спасителемъ человѣчества. Краснокожіе индійцы, не любившіе насъ за то, что мы поселились между ними, можетъ быть, и сдѣлали-бы намъ подобный упрекъ; но они были слишкомъ невѣжественны, и притомъ ихъ мнѣнія не имѣли-бы никакого значенія, такъ какъ мы могли-бы, если-бы захотѣли, ихъ истребить. Индусы, конечно, также раздражены противъ насъ, и до сихъ поръ еще настолько озлоблены, что могутъ высказывать неблагопріятныя мнѣнія о нашемъ характерѣ, въ особенности о нашемъ историческомъ хищничествѣ и о нашихъ притязаніяхъ на господство надъ другими народами; вѣроятно, они вовсе не удивляются нашимъ достоинствамъ и не раздѣляютъ нашего образа мыслей; но, не смотря на то, что мы представляемъ только горсть чуждаго племени, эксплуатирующаго землю и произведенія этого многочисленнаго народа, они все-таки не могутъ изгнать насъ, а если-бы и попытались сдѣлать это, то мы показали-бы имъ, что они ошибаются. Мы не называемъ себя народомъ разсѣяннымъ по лицу земли и несущимъ на себѣ кару; мы—народъ колонизирующій и карающій другихъ.

Историкъ справедливо совѣтуетъ намъ обратить вниманіе на доблести нашихъ предковъ, стремиться къ подражанію имъ и видѣть въ сознаніи своего происхожденія историческій долгъ. Благородство народа и превосходство его надъ другими зависитъ отъ способности его возбуждаться историческими воспоминаніями и бороться за цѣли, которыя мы называемъ духовными—за такія цѣли, которыя заключаются не въ непосредственномъ матеріальномъ пріобрѣтеніи, а въ удовлетвореніи тому великому чувству, которое одушевляетъ коллективное тѣло-націю—какъ-бы одною душой. Народъ, обладающій сознаніемъ своего достоинства, долженъ чувствовать въ себѣ такое одушевленіе при воспоминаніи о своихъ герояхъ, которые шли на смерть за сохраненіе націи, при разсказахъ о томъ, какъ эти герои начали малымъ и постепенно доходили до великаго путемъ труда и борьбы которые необходимы и теперь для того, чтобы унаслѣдованная отъ предковъ свобода и благосостояніе могли быть переданы ненарушимо внукамъ и правнукамъ; сердце такого народа должно биться сильнѣе, когда ему предъявляется протестъ противъ несправедливости, во имя великихъ событій его историческаго прошлаго, во имя славнаго духа его учрежденій. Эта-то

живая сила чувства и составляетъ, въ сущности, то, что называется національнымъ самосознаніемъ. Народъ, проникнутый этимъ чувствомъ, будетъ сопротивляться завоевателю до послѣдней капли крови, будетъ жертвовать своимъ достояніемъ и своей кровью для уничтоженія рабства, будетъ стойко переносить лишеніе голода и всякія бѣдствія; изъ среды такого народа будутъ выходить поэты съ пѣсnью „о великихъ людяхъ" и мыслители, которыхъ теоріи будутъ носить на себѣ отпечатокъ дѣйствительности. Отдѣльная личность, для того, чтобы быть великимъ человѣкомъ, должна принадлежать къ народу, имѣющему указанныя выше качества, или имѣвшему ихъ въ прошедшемъ, — къ народу, который живетъ воспоминаніями отвлеченными, невидимыми, излюбленными идеалами, которые нѣкогда были дѣйствительностью и, можетъ быть, когда-нибудь снова будутъ ею. Одной принадлежности къ человѣческому роду еще недостаточно, чтобы доставить поддержку и основаніе для той разнообразной дѣятельности, какою характеризуется вполнѣ развитой человѣкъ. Время космополитизма, какъ и время коммунизма, еще не настало. Я не могу относиться къ китайцу точно такъ же, какъ отношусь къ своему соотечественнику; моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобы не отравлять его опіумомъ, не подчинять его моей волѣ, разрушая или захватывая плоды его труда на томъ основаніи, что онъ недостачно космополитиченъ, и не порицать его за то, что, являясь мирнымъ посѣтителемъ Лондона, онъ не одѣвается по моему и не исповѣдуетъ моей религіи. Мы удивляемся въ англичанинѣ желанію изучать китайскій языкъ; но если-бы онъ былъ знакомъ съ китайской поэзіей въ оригиналѣ больше, чѣмъ съ поэзіей своей родины на своемъ родномъ языкѣ, то это было-бы плохимъ доказательствомъ тонкости его ума. Наши привязанности, понятія, обязанности сходятся въ одномъ центрѣ — и природа рѣшила, что этимъ центромъ для насъ, англичанъ, не можетъ быть ни Китай, ни Перу. Большинство изъ насъ чувствуетъ это, такъ сказать, безсознательно: желаніе унижать все свое и превозносить все чужое принадлежитъ лишь немногимъ умамъ невысокаго уровня. Изъ всего этого слѣдуетъ, что соотвѣтственная привязанность къ своей національности и у всякаго другого народа должна быть признана вполнѣ законною, и что отсутствіе этой привязанности равняется лишенію величайшаго блага.

Отъ этого исторически-національнаго самосознанія зависитъ и имъ опредѣляется не только благородство націи, но и благородство отдѣльной личности. Наше внутреннее достоинство пропорціонально развитію въ насъ сознанія своей связи съ чѣмъ-то великимъ, удивительнымъ, полнымъ возможности великихъ событій, достойныхъ пожертвованій; мы постояно чув-

ствуемъ потребность самоограниченія и дисциплины ради цѣлей болѣе широкихъ и болѣе важныхъ для общества, чѣмъ обезпеченіе нашей личной безопасности и благосостоянія; и народъ, обладающій этимъ качествомъ, конечно, долженъ чувствовать горячую симпатію къ усиліямъ тѣхъ, которые, утративъ что-либо прекрасное, стремятся возвратить его, и глубокое сознаніе объ этой утратѣ и слѣдующемъ за нею униженіи; онъ долженъ чувствовать даже нѣчто большее, чѣмъ сожалѣніе въ томъ случаѣ, если національность счастливая преслѣдуетъ злополучную націю, и въ преданіяхъ своихъ жертвъ находитъ источникъ для своей исторической гордости.

Высказанныя нами мысли очень обыкновенны; немногіе станутъ отрицать ихъ вообще, а многіе, напротивъ, будутъ громко поддерживать ихъ въ приложеніи къ тому или другому частному случаю. Но и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ практическаго примѣненія отвлеченныхъ идей, замѣчается недостатокъ способности сравнивать вещи между собою и находить между ними аналогію. Европейскій міръ издавна усвоилъ себѣ исключительный взглядъ на евреевъ, естественнымъ слѣдствіемъ котораго было то, что на нихъ не распространялись правила справедливости, основанныя на признаніи общихъ для всего человѣчества правъ. Но такой исключительный взглядъ на націю, идеи которой породили религію половины человѣческаго рода и притомъ наиболѣе культурной его половины, на народъ, который велъ самую сильную и важную по своимъ послѣдствіемъ борьбу съ властью Рима—такой взглядъ есть деморализующее оскорбленіе раціональному знанію, и обнаруживаетъ изумительную несостоятельность въ пониманіи исторіи. Такимъ образомъ и всякую націю съ сильнымъ характеромъ, т. е. съ рѣзко обозначенными характеристическими чертами слѣдуетъ считать за исключительную. Поэтому, напримѣръ, и всякая порода птицъ, рѣзко отличающаяся отъ другихъ, должна быть признана за исключительное явленіе; мы забываемъ, что эти различенія обусловливаются основнымъ сходствомъ, и что разсматривая отличительныя черты еврейскаго племени, мы только яснѣе видимъ его основное сродство съ нами.

Съ какой-бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на книги Ветхаго Завѣта, все-таки, представляемая ими картина національнаго развитія имѣетъ высокій интересъ, и историческое ихъ значеніе нисколько не уменьшается отъ различныхъ теоретическихъ взглядовъ на ихъ отношеніе къ Новому Завѣту или къ утвержденію и распространенію христіанства. Будемъ-ли мы считать еврейскія каноническія книги за откровенныя, или будемъ видѣть въ нихъ просто памятники древней литературы, это въ данномъ случаѣ безразлично: въ нихъ рѣзкими чертами обозначился духъ народа, съ древнѣйшихъ временъ воспитавшаго въ себѣ чрезвычайно развитое чувство своей отдѣльности отъ другихъ племенъ,—народа, который, подъ различными вліяніями, привыкъ отождествлять вѣрность своимъ національнымъ преданіямъ съ высшими общественными и религіозными благами. Слишкомъ скудные источники еврейской исторіи со времени возвращенія евреевъ на родину при Эздрѣ до начала ихъ отчаянной борьбы съ римлянами знакомятъ насъ съ героическимъ мужествомъ Маккавеевъ, которое спасло религію и независимость націи отъ развращающаго господства сирійскихъ грековъ, увеличило количество славныхъ воспоминаній народа и дало толчокъ болѣе мирному, но упорному стремленію поддержать и развить національную жизнь, за которую сражались и умирали герои, внутренними преобразованіями, законностью администраціи и публичностью обученія. Съ тѣхъ поръ лучшія силы еврейскаго народа, какъ и во время продолжительнаго періода пророковъ, и во время реставраціи при Эздрѣ, были направлены, главнымъ образомъ, на огражденіе специфически-національнаго характера противъ деморализующаго слиянія съ чужеземцами, у которыхъ религія и обряды были языческіе и часто непристойные. Среди евреевъ всегда существовала партія, упрекавшая националистовъ въ узкости и нерѣдко заявлявшая широкіе прогрессивные взгляды и желаніе воспользоваться сближеніемъ съ чужеземной властью для своихъ выгодъ. Это внутреннее разногласіе, естественно, еще болѣе усилило еврейскій консерватизмъ, который нуждался въ силахъ для того, чтобы отстоять священный ковчегъ, жизненность и духъ маленькой націи, „меньшей изъ всѣхъ націй“, которая занимала территорію на перекресткѣ между тремя материками; а когда страшное и ненавистное чужеземное вліяніе сосредоточилось въ страшномъ и ненавистномъ вліяніи римлянъ, многіе изъ консерваторовъ сдѣлались зелотами, характерная черта которыхъ заключалась въ томъ, что они проповѣдовали борьбу на смерть противъ поглощенія ихъ національности другою. Много можно было-бы сказать объ этомъ предметѣ, чтобы указать различіе между отчаянной борьбой противъ завоеванія, которое считалось унизительнымъ и развращающимъ, и внезапнымъ, отчаяннымъ возстаніемъ противъ мѣстнаго своего правительства; съ своей стороны (если теперь это имѣетъ какое-нибудь значеніе) я раздѣляю идеи зелотовъ. Зрѣлище еврейскаго народа, отвергающаго римскій эдиктъ и предпочитающаго смерть отъ голода или отъ меча признанію права римлянъ поставить въ храмъ обоготворенную статую Калигулы, я считаю возвышеннымъ типомъ постоянства. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на непрерывность этого національнаго воспитанія (внѣшними и внутренними обстоятельствами), создавшаго въ евреяхъ пле-

менное сознаніе, чувство корпоративности, по силѣ своей единственное въ исторіи.

Но это чувство, жившее въ евреяхъ до ихъ разсѣянія, по своимъ существеннымъ качествамъ, не безпримѣрное. Мы видимъ болѣе сходства, чѣмъ контраста, между тѣмъ путемъ, какимъ мы, англичане, пріобрѣли нашъ островъ, и тѣмъ путемъ, какимъ евреи пріобрѣли Ханаанъ. Насъ трудно упрекнуть въ томъ, что мы низко цѣнимъ себя въ сравненіи съ иностранцами или ставимъ наши учрежденія наравнѣ съ учрежденіями какого-нибудь другого народа на землѣ. Многіе изъ насъ полагали, что наша морская стѣна, окружающая насъ, опредѣлена самимъ Провидѣніемъ для того, чтобы сдѣлать изъ насъ націю морскихъ владыкъ, какими были наши праотцы, оградить насъ отъ вторженій и дать намъ возможность нападать, когда мы найдемъ это нужнымъ, на другія страны, хотя бы онѣ находились и на другомъ берегу океана. Затѣмъ, нѣкоторые говорили, что намъ суждена особая судьба, какъ народу протестантскому, который не только можетъ сокрушить среди насъ идолопоклонствующее католическое христіанство, но и обладаетъ особенными дарованіями для того, чтобы распространить нашу болѣе чистую религію и обратить человѣчество къ нашему образу мыслей. Пуритане, стремясь утвердить свою свободу и обуздать тирановъ, считали еврейскую исторію совершеннымъ символомъ своихъ чувствъ, намѣреній и дѣйствій, и, конечно, было бы несправедливо за ихъ непохвальныя дѣйствія порицать тѣ книги, на которыя они ссылались, такъ-какъ ихъ противники пользовались тѣми же самыми книгами для совершенно противоположныхъ цѣлей, находя въ нихъ самыя сильныя доказательства въ подтвержденіе божественнаго права королевской власти и въ осужденіе тѣхъ, кто, подобно Корѣ, Датану и Авирому, принималъ на себя священство, принадлежавшее по праву только Аарому и сынамъ его—другими словами — въ осужденіе людямъ, рукоположеннымъ англійскими епископами; скорѣе слѣдуетъ объяснять это страстное отношеніе къ еврейскимъ книгамъ склонностью къ сближенію нашего племени съ еврейскимъ. Мы относимся съ сочувствіемъ и удивленіемъ къ нашимъ предкамъ, которые сопротивлялись репрессивнымъ распоряженіямъ нашихъ королей, и благодаря этому поддержали или завоевали значительную долю нашей гражданской и религіозной свободы; не должны ли мы точно такъ же относиться и къ тѣмъ мужественнымъ и стойкимъ представителямъ еврейскаго племени, которые сражались и умирали за свой народъ, которые всѣми силами сопротивлялись притѣсненію и развращающему вліянію чужеземныхъ тирановъ и благодаря этому сохра-

нили свою національность, бывшую очагомъ нашей религіи? Во всякомъ случаѣ, замѣчая, что въ евреяхъ болѣе, чѣмъ во всякой другой націи, развито чувство своего высшаго нравственнаго достоинства, мы всего болѣе удивляемся тому, что ни одинъ народъ не въ состояніи соперничать съ ними въ этой національной самоувѣренности.

Явленіемъ болѣе исключительнымъ и менѣе сходнымъ съ событіями нашей исторіи было ихъ разсѣяніе и существованіе ихъ какъ отдѣльнаго народа среди другихъ націй впродолженіе многихъ вѣковъ, когда на нихъ смотрѣли и съ ними обходились, въ большинствѣ случаевъ, какъ со звѣрями, на которыхъ охотятся изъ-за ихъ шкуры или изъ-за какого-нибудь, присущаго ихъ породѣ, особеннаго качества. Евреи обнаружили особенную способность къ пріобрѣтенію того, что для христіанъ было предметомъ гораздо болѣе сильнаго желанія, чѣмъ животные продукты или звѣриные мѣха; жадность и скупость евреевъ считалась въ одно и то-же время и чрезвычайно ненавистною, и чрезвычайно полезною: ненавистною потому, что она всегда являлась предлогомъ для преслѣдованія евреевъ и для грабежа; полезной потому, что этотъ выгодный грабежъ могъ повторяться, сколько угодно разъ, до безконечности. Короли и императоры, конечно, считали полезными гражданами людей, которые имѣютъ способность составлять большіе капиталы; но эдикты, издававшіеся въ защиту „королевскихъ жидовъ“ отъ оскорбленій и насилій со стороны христіанскаго населенія, очень мало облегчали участь злополучнаго племени, которое считалось проклятымъ отъ самого Бога, и съ началомъ крестовыхъ походовъ потеряли почти всю свою силу. Какъ рабовладѣльцы Соединенныхъ Штатовъ въ оправданіе рабства негровъ указывали на проклятіе Хама Ноемъ, такъ и проклятіе, будто бы тяготѣвшее надъ евреями, служило аргументомъ для того, чтобы запретить имъ заниматься земледѣліемъ и ремеслами; для того, чтобы отличить ихъ, какъ презрѣнное племя, особой странной одеждой; для того, чтобы мучить ихъ, заставляя ихъ отдавать свои сбереженія, или (что было болѣе милостиво) плевать на нихъ и ругать ихъ; для того, чтобы поддерживать убѣжденіе, будто они убиваютъ и ѣдятъ христіанскихъ младенцевъ, отравляютъ рѣки и колодцы и распространяютъ заразу; для того, чтобы предлагать имъ или креститься, или быть сожженными на кострѣ, и дѣйствительно жечь и избивать ихъ, если они упорствовали въ своей вѣрѣ; для того, чтобы даже и тѣхъ, которые принимали крещеніе, обвинять въ притворствѣ и сжигать въ наказаніе за ихъ неискренность; для того, наконецъ, чтобы тысячами и десятками тысячъ изгонять ихъ изъ домовъ, въ которыхъ они ютились по

цѣлымъ вѣкамъ, и грозить имъ новымъ изгнаніемъ и новымъ разсѣяніемъ. И все это дѣлалось, будто бы, для того, чтобы отомстить за Спасителя человѣчества или для того, чтобы заставить этотъ упорный народъ увѣровать въ Учителя, послѣдователи котораго дѣлали изъ его ученія такіе благодѣтельные для евреевъ выводы!

Для народа въ такомъ положеніи было только два выхода: или, оказавшись по природѣ слабѣе своихъ преслѣдователей и заботясь болѣе объ удобствахъ жизни, чѣмъ о чувствахъ и идеяхъ, составляющихъ народныя отличительныя черты, евреи могли уступить преслѣдованію и быстро ассимилироваться съ окружавшимъ ихъ населеніемъ; или, обладая чрезвычайной физической и умственной стойкостью, сознавая связь свою съ предками по крови и вѣрѣ, помня славныя преданія національной исторіи, находя въ нихъ утѣшеніе, чувствуя въ себѣ силу вынести всѣ бѣдствія и не потерять надежды на лучшее будущее въ сознаніи вѣрности принятымъ на себя нравственнымъ обязательствомъ, евреи (по крайней мѣрѣ лучшая ихъ часть) могли остаться непреклонными и все крѣпче и крѣпче держаться за свои традиціи и обычаи. Они пошли этимъ вторымъ путемъ. Они рѣшились отстоять всѣ тѣ признаки, какіе отличали ихъ отъ ненавистныхъ преслѣдователей, всѣ воспоминанія, которыя воспитывали въ нихъ сознаніе своего, хотя и не признаваемаго другими, превосходства; и эта отчужденность отъ другихъ, которую ставили имъ въ упрекъ, какъ позорное клеймо, служила для нихъ источникомъ внутренней гордости и укрѣпляющей самоувѣренности. Конечно, такой народъ долженъ былъ прослыть закоренѣлымъ въ порокахъ. Притѣсняющее правительство и преслѣдующая религія, содѣйствуя развитію пороковъ въ лицахъ, облеченныхъ властью, конечно, развиваютъ соотвѣтственные пороки и въ тѣхъ, которые безсильны и страдаютъ. Можно ли представить себѣ планъ, болѣе послѣдовательный, чѣмъ весь ходъ европейской исторіи, имѣющій цѣлью поселить въ евреяхъ духъ желчной отчужденности, презрѣніе къ волчьему лицемѣрію, жертвами котораго являются евреи, стремленіе восторжествовать надъ дикой силой, закрывавшей для нихъ широкій путь промышленной дѣятельности? или, съ другой стороны,—въ наименѣе сильныхъ людяхъ вызвать склонность къ сліянію съ обществомъ, къ обращенію въ христіанство ради связанныхъ съ нимъ выгодъ общественнаго положенія, къ внѣшнему отреченію отъ наслѣдственной связи съ своими, конечно, при отсутствіи дѣйствительной любви къ тому обществу и къ той религіи, которыя требуютъ такой унизительной дани? или, наконецъ, въ наиболѣе несчастныхъ представителяхъ племени — представить примѣры

гнуснаго порока, безсовѣстныя орудія въ рукахъ богачей съ дурными наклонностями безсовѣстныхъ эксплуататоровъ чужого народа, желавшаго эксплуатировать ихъ самихъ?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что евреи имѣютъ свои пороки; нечего удивляться, если будетъ доказано (чего до сихъ поръ, однако, еще не сдѣлано), что нѣкоторые изъ нихъ отличаются спеціально-порочными наклонностями, что между ними особенно много негодныхъ людей. Можетъ быть, болѣе слѣдовало-бы удивляться тѣмъ добродѣтелямъ, которыя продолжали существовать среди евреевъ, не смотря на ихъ угнетенность. Но, вмѣсто того, чтобы останавливаться на этомъ предметѣ и разсуждать, какъ о несомнѣнномъ, о томъ, что иные смѣлые и мало знающіе люди могутъ отрицать, обратимъ вниманіе только на то, что говорятъ враги еврейства. Евреи, говорятъ они, препятствовали распространенію христіанской религіи, которая въ одной своей части составляетъ ихъ собственную религію; они плевали на крестъ, они проклинали самое имя Христа. Но кто-же научилъ ихъ этому?—Люди, которые сдѣлали христіанство наказаніемъ для нихъ; люди, которые обратили имя Христа въ страшный призракъ мести евреямъ, и что еще хуже, сдѣлали это святое имя предлогомъ для удовлетворенія своей дикости, злобы и зависти; люди, которые именемъ Христа освящали варварскій, слѣпой языческій фатализмъ, считая слова: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ» божественнымъ указаніемъ, оправдывающимъ самое дикое и жестокое преслѣдованіе поколѣній народа, изъ священныхъ книгъ котораго Христосъ развилъ свое ученіе. Странный образъ мыслей, котораго всего менѣе можно было ожидать отъ проповѣдниковъ распространенной религіи, гордящихся своимъ просвѣщеніемъ и ставящихъ свое ученіе несравненно выше ученія еврейскихъ пророковъ! Но вѣдь и еврейскіе пророки проповѣдывали, что Богъ требуетъ милости, а не жертвы. Слѣдовательно, христіане вѣрили, что Богъ не требуетъ крови быковъ и барановъ, но очевидно представляли его требующимъ вздоховъ и рыданій, крови и сожженія людей, которыхъ предки не поняли метафорическихъ выраженій пророчества, говорившаго о духовномъ возрожденіи подъ символомъ матеріальнаго царства. Развѣ такимъ путемъ Христосъ желалъ дѣйствовать на сердце и умъ народа, среди котораго Онъ родился? Многія изъ словъ Его служатъ выраженіемъ той любви къ своему народу, которая отличаетъ своихъ соплеменниковъ отъ прочихъ людей; и можно-ли допустить, что слова: «Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ» относились только къ римскому сотнику и его отряду, и что, такимъ образомъ, всѣ евреи, присутствовавшіе при распятіи, лишались милости Отца и прощенія Сына?

И можно-ли допустить, что Христосъ призывалъ кару на этихъ евреевъ, и не только на нихъ, но и на будущія поколѣнія, которыя не обратятся къ Его ученію, слыша проповѣдь этого ученія не отъ самого Учителя и не отъ апостоловъ его, а отъ людей чужихъ, которые, не смотря на крестъ, символъ вѣры и крещенія, остались жестокими и хищными варварами? Конечно, болѣе сообразно съ достоинствомъ христіанства вѣрить, что Христу болѣе угодны были тѣ еврейскіе мученики, которые сознательно рѣшали, что лучше погибнуть отъ огня или меча, чѣмъ сдѣлаться виновными въ богохульной лжи, что они были болѣе угодны Ему, чѣмъ шайка крестоносцевъ, которые во имя Его грабили и убивали этихъ мучениковъ!

Но эти замѣчанія, повидимому, не имѣютъ прямого отношенія къ лицамъ, которыя, выступая въ роли философовъ и строгихъ критиковъ, заявляютъ, что христіанство, съ раціональной точки зрѣнія, есть воплощеніе высшей религіозной и нравственной истины, и осуждаютъ евреевъ за то, что они являются упорными приверженцами отжившей (outworn) религіи, держатся въ нравственномъ отчужденіи отъ народовъ, съ которыми дѣлятъ права гражданства и не имѣютъ реальнаго интереса въ благосостояніи того общества и государства, въ которомъ живутъ. Эти анти-іудейскіе адвокаты, въ большинствѣ случаевъ, принадлежатъ къ той партіи, которая гордится своими усиліями доставить евреямъ, наравнѣ съ диссентерами и католиками, полныя гражданскія права, открыть для нихъ всѣ пути къ дѣятельности. Нѣкогда эта партія настаивала на томъ, что религіозныя разногласія опасны только вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія гражданскихъ правъ, что для того, чтобы человѣкъ могъ вѣрить и чувствовать одинаково съ другими, нужно прежде всего сдѣлать его равноправнымъ съ ними гражданиномъ; въ настоящее время эта увѣренность, повидимому, замѣнилась сознаніемъ ошибки; явилось сожалѣніе объ отсутствіи ограниченій, которыя мѣшали-бы евреямъ слишкомъ широко пользоваться открытыми для нихъ путями; нѣкоторые, повидимому, полагаютъ, что румыны выказали завидное благоразуміе, предоставляя евреямъ какъ можно менѣе свободъ. Но, въ виду того факта, что наименѣе безупречными въ нравственномъ отношеніи являются евреи крещеные, возраженія противъ равноправности признаются недостаточными, и увѣренность въ возможности обратить еврея въ хорошаго христіанина сильно подрывается. Ясно, что эти либеральные господа, слишкомъ поздно просвѣтившіеся непріятными фактами, должны уступить пальму мудрой предусмотрительности тѣмъ, которые давно противъ нихъ возражали; странно видѣть, какъ люди, до того преданные идеѣ прогресса въ извѣстномъ направленіи, что они готовы даже насильно вводить этотъ

прогрессъ въ обществѣ, его не желающемъ, какъ эти люди въ еврейскомъ вопросѣ безнадежно обращаются къ средневѣковому образу мыслей, увѣряя, что евреи сдѣлались порочными космополитами вслѣдствіе того, что въ ихъ рукахъ находится всемірный денежный рынокъ, что для нихъ всѣ національные интересы сосредоточиваются въ вычисленіи процентовъ, что они были внутренно унижены, какъ люди низкаго нравственнаго уровня и «заслужили это», ибо отвергли христіанство. Въ подтвержденіе такого мнѣнія ссылаются на ирландцевъ, которыхъ также считаютъ низшей расой, ибо они отвергли протестантизмъ, который внушался имъ огнемъ и мечемъ и уголовными законами; ихъ нравственный уровень опредѣляется въ нашемъ (англійскомъ) обществѣ выраженіемъ „Не дѣлать по-ирландски", въ параллель съ которымъ можно поставить фразу, въ которой резюмируется еврейскій вопросъ для многихъ образованныхъ людей: «Не дѣлать по жидовски».

Конечно, заслуживаетъ вниманіе вопросъ, почему это племя, лишенное отечества, разсѣянное по лицу земли, жившее въ теченіи многихъ столѣтій среди антипатичнаго населенія, все-таки не утратило своего благородства. Если-бы евреи отказались отъ той обособленности, которая ставилась имъ въ упрекъ, они подвергались-бы сильной опасности впасть въ космополитическій индифферентизмъ, равносильный цинизму, и утратить то чувство объединенности съ окружающей ихъ національностью, которое могло-бы, до нѣкоторой степени, вознаграждать ихъ за вѣковыя лишенія. Этой опасности не будетъ отрицать ни одинъ безпристрастный наблюдатель. Наши соотечественники, уѣзжающіе заграницу и теряющіе интересъ къ положенію своей родной страны, рѣдко бываютъ людьми нравственно здоровыми, однако, сознаніе, что у нихъ существуетъ отечество, родина дорогихъ воспоминаній, мѣсто первоначальнаго умственнаго развитія, родной очагъ, хотя и покинутый, но все-таки любимый; сознаніе своей принадлежности къ народу, занимающему видное мѣсто среди другихъ націй и въ порождающейся всемірной федераціи; это спеціальное чувство корень всѣхъ доблестей общественныхъ и личныхъ,—всѣ эти нравственныя связи съ родиной предохраняютъ англійскихъ эмигрантовъ отъ наиболѣе дурныхъ послѣдствій ихъ добровольнаго самоизгнанія. Конечно, евреи, болѣе чѣмъ всякое другое племя, подверженное неблагопріятному вліянію чуждыхъ націй, должны были, какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ группахъ, утратить нѣкоторую долю своего нравственнаго достоинства; но, въ дѣйствительности, при всей своей отчужденности отъ націй, которыя ихъ преслѣдовали, и при всей своей враждебности къ этимъ націямъ, они въ нрав-

ственномъ отношеніи потеряли гораздо менѣе, чѣмъ это могло-бы случиться если-бы у нихъ не было ни привязанности къ своей обособленной религіи, обусловливаемой историческими воспоминаніями, ни той характеристичной семейственности, какою они отличаются. Претерпѣвая мученія и побои, оскорбляемые, оплеванные, corpus vile, надъ которымъ безнаказанно потѣшалась людская злоба или дикая веселость, евреи, самое имя которыхъ сдѣлалось презрѣнной кличкой, возбуждавшей суевѣріе, ненависть или презрѣніе, все-таки гордились своимъ происхожденіемъ. Кто осудитъ ихъ за эту гордость? Можетъ-быть, и осудитъ человѣкъ изъ разряда тѣхъ, которые, демократически отличались отъ герцоговъ и графовъ, желаютъ увѣрить, что отецъ ихъ былъ ничего не дѣлающій дворянинъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ былъ честный ремесленникъ, или изъ разряда тѣхъ, которымъ лестно видѣть, какъ ихъ принимаютъ не за англичанъ, а за кого-нибудь другого. Можно, пожалуй, гордиться своимъ происхожденіемъ и именемъ; но такая гордость кажется намъ просто добродѣтелью въ сравненіи съ подобными мелкими претензіями. Гордость, которая показываетъ, что мы составляемъ часть великаго историческаго цѣлаго, есть благородное возвышенное свойство ума; она заставляетъ насъ жертвовать своими личными удобствами и выгодами, своимъ личнымъ честолюбіемъ, ради этого идеальнаго *цѣлаго*; а человѣка, одушевленнаго такими чувствами, порицать нельзя. Если смирнскій еврей, видя какъ путешественникъ, выведенный изъ себя назойливостью евреевъ, замахивается на нихъ бичомъ, считаетъ нужнымъ гордо заявить: «Я еврей», то этотъ фактъ можетъ вызвать удивленіе въ умахъ, способныхъ понять то, что мы назвали-бы идеальными силами въ исторіи человѣчества. Безпристрастное наблюденіе надъ евреями, въ различныхъ странахъ и при различныхъ обстоятельствахъ, приводитъ къ заключенію, что они обладаютъ замѣчательнымъ добродушіемъ, которое должно было глубоко укорениться въ ихъ душѣ, чтобы не заглохнуть подъ бременемъ многовѣкового гоненія и притѣсненія. Такъ какъ вся ихъ отрада сосредоточивается въ семьѣ, въ домашнемъ кругу, то это обстоятельство развило въ нихъ особую нѣжность: состраданіе къ вдовамъ и сиротамъ, заботы о женщинахъ и дѣтяхъ тѣсно связаны съ ихъ религіей и не могли исчезнуть даже подъ вліяніемъ долговременнаго исключительнаго положенія. Добродушіе еврея нерѣдко даже переходитъ границу между евреемъ и „язычникомъ». Вообще, одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ событій въ исторіи этого разсѣяннаго по лицу земли народа, бывшаго, въ теченіи многихъ вѣковъ, предметомъ насмѣшки и презрѣнія, заключается въ томъ, что евреи, живя въ такихъ условіяхъ, которыя могли имѣть на нихъ только деморализующее вліяніе, все-таки (въ значительномъ большинствѣ) могутъ посоперничать со всѣми европейскими націями въ физической красотѣ и здоровьѣ, въ практичности, въ способности къ наукамъ и искусствамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нравственномъ достоинствѣ. Знаменательнымъ указаніемъ на ихъ природныя дарованія можетъ служить уже и то обстоятельство, что въ настоящую минуту глава либеральной партіи въ Германіи—еврей; глава республиканской партіи во Франціи—еврей; глава консервативнаго министерства въ Англіи—еврей.

Здѣсь мы находимъ основаніе для той завистливой враждебности, которая оживляетъ старую антипатію къ евреямъ. „Евреи, говорятъ намъ, обнаруживаютъ опасное стремленіе занимать высшія мѣста не только въ мірѣ коммерческомъ, но и въ мірѣ политическомъ. Ихъ финансовое вліяніе на правительства имѣетъ цѣлью поддерживать въ евреяхъ - руководителяхъ духъ всеобщаго отчужденія (выражаясь скромнѣе—космополитизма), не смотря на то, что Западъ далъ имъ полныя гражданскія и политическія права. Способные, не смотря на свое восточное происхожденіе, акклиматизироваться гдѣ угодно, они обладаютъ такой силой и такимъ упорствомъ, которыя даютъ имъ возможность добиваться высшаго положенія во что-бы то нистало, и такимъ богатствомъ, которое можетъ предоставить въ ихъ распоряженіе половину всѣхъ мѣстъ въ парламентѣ».

Въ этомъ взглядѣ на общественныя и политическія отношенія евреевъ есть своя доля правды. Но для либеральныхъ ораторовъ теперь уже не время относиться къ евреямъ съ порицаніями. Неужели, для устраненія грозящей намъ опасности еврейскаго господства, эти ораторы рѣшатся высказаться за отмѣну нашихъ либеральныхъ законовъ? Не всѣ выходцы изъ Германіи, поселившіеся среди насъ за нѣсколько поколѣній тому назадъ и еще продолжающіе переселяться къ намъ—евреи; почти всѣ они христіане, ремесленники, механики, умные и знающіе свое дѣло должностныя лица; христіане семитическаго происхожденія, живущіе среди насъ, чрезвычайно похожи на своихъ необращенныхъ братій, по своему внѣшнему виду и по внутреннимъ качествамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что у насъ на югѣ (въ Лондонѣ и др. городахъ) слишкомъ много шотландцевъ, и что это мѣшаетъ нашему благосостоянію; что касается до ирландцевъ, то даже въ высшихъ сферахъ поговариваютъ, что мы всегда были къ нимъ слишкомъ снисходительны, вслѣдствіе чего они вмѣстѣ съ шотландцами и утвердились теперь въ англійской печати и стали, мало-по-малу, вытѣснять оттуда англичанъ. Вотъ до какихъ заключеній можно договориться, желая во что-бы то ни стало

найти основанія для того, чтобы не дать чужому народу, живущему среди насъ, извлекать пользу изъ этого общежитія!

Допустимъ, что для англичанъ, какъ и для всякаго другого великаго историческаго народа, преждевременное смѣшеніе съ чужеземными переселенцами было-бы несчастіемъ, и что характеристическія черты английской націи могли-бы сгладиться подъ вліяніемъ характера чужихъ переселенцевъ. Я не только допускаю это, а готовъ даже вопіять противъ этой, грозящей намъ, опасности. Для всякаго, кто любитъ свой родной языкъ, было-бы прискорбно слышать искаженія богатой и гармонической англійской рѣчи иностраннымъ акцентомъ, невѣрной интонаціей, варварскими оборотами фразъ, точно такъ-же какъ и для древняго грека было-бы невыносимо слышать, какъ читаютъ Гомера въ нашихъ университетахъ; но если намъ предстоитъ когда-нибудь чувствовать подобную непріятность, то въ этомъ будетъ виновато наше бездѣйствіе, наша беззаботность о своихъ національныхъ сокровищахъ и намѣренное ихъ незнаніе, наша привычка преклоняться передъ всѣмъ иностраннымъ, хотя-бы оно было только плохимъ подражаніемъ нашему родному.

Но эта порча языка, все-таки, зло еще не такой большой руки сравнительно съ тѣмъ, къ чему можетъ привести преобладаніе иностранцевъ въ обществѣ и въ сферѣ политической: ихъ пониманіе нашей общественной и политической жизни по необходимости должно быть столь-же поверхностно и ошибочно, какъ и пониманіе языка. Но, предполагая все худшее—что мы можемъ сдѣлать, чтобы этому воспрепятствовать? Неужели намъ слѣдуетъ усвоить ту систему національной исключительности, за которую мы наказывали китайцевъ? Неужели мы должны изорвать знамя гостепріимства, которое заставляетъ всѣхъ притѣсняемыхъ благословлять нашу свободу? Нѣтъ, непріятно слышать иностранный акцентъ и ломанную рѣчь; но неужели ради этого изгонять мирнаго иностранца значитъ дѣйствовать въ интересахъ международныхъ или въ интересахъ своего отечества? Наконецъ, вѣдь какъ у тѣхъ иностранцевъ, которыхъ мы называемъ пазойливыми, такъ и у насъ самихъ есть желаніе селиться тамъ, гдѣ можно нажить деньги и прожить дешево и спокойно. Борьба съ другими національностями должна быть борьбою за національное превосходство, которое должно состоять въ выработкѣ лучшихъ индивидуальныхъ силъ и характеровъ. Расы стремятся, рано или поздно, къ слiянію; остановить это стремленіе невозможно; все, что мы можемъ сдѣлать, это—умѣрить его, воспрепятствовать пониженію нравственнаго уровня общества вслѣдствіе слишкомъ быстраго исчезновенія тѣхъ національныхъ преданій и обычаевъ, въ которыхъ сказывается

національный духъ,—этихъ корней національнаго чувства. Умѣрять и направлять движеніе, по характеру своему неизбѣжное—вотъ задача, достойная всевозможныхъ усилій. Только въ этомъ смыслѣ и имѣетъ значеніе развиваемая въ настоящее время націоналистическая теорія. Положеніе народа, достаточно развитаго и сильнаго, чтобы образовать государство, и порабощеннаго чужимъ и ненавистнымъ правительствомъ, сдѣлалось предметомъ справедливаго негодованія; и благодаря этому, въ европейскомъ совѣтѣ однимъ великимъ государствомъ стало больше. Въ настоящее время на такой результатъ никто не жалуется, хотя люди дальновидные считаютъ необходимымъ ограничить аналогію. Но для того, чтобы разсуждать основательно, надо сначала опредѣлить, кто притѣсняемые и кто притѣснители. Всѣ англичане согласны въ томъ, что Англія не можетъ быть подчинена иностранному правительству. Самая рѣшимость сопротивляться чужеземному вторженію, хотя бы даже, за неимѣніемъ другого оружія, съ вилами въ рукахъ, признается доблестью, достойною историческаго народа. Почему? Потому что въ нашихъ жилахъ течетъ народная кровь, сознаніе своей національности; потому что въ насъ есть нѣчто спеціально-англійское, что мы считаемъ настолько дорогимъ, что будемъ за него бороться, скорѣе умремъ, чѣмъ откажемся отъ него; потому что и въ насъ, какъ и въ другихъ націяхъ, живетъ тотъ духъ обособленности, который еще не завершилъ своей роли въ воспитаніи человѣчества, который выработалъ духъ различныхъ націй, который, подобно музамъ, есть порожденіе памяти.

Здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, важнѣйшая задача заключается въ систематизаціи и справедливой оцѣнкѣ притязаній той и другой стороны; но эта цѣль едва-ли можетъ быть достигнута, если мы будемъ останавливаться только на противорѣчивыхъ упрекахъ, и вмѣсто предварительной критической оцѣнки, необходимой для правильнаго рѣшенія вопроса, будемъ руководиться только чисто случайными и личными мотивами. Не одни только простаки и чудаки полагаютъ, что ихъ личная любовь или нелюбовь къ русскимъ, сербамъ или грекамъ, основанная на встрѣчахъ въ гостинницѣ, имѣетъ вліяніе на восточный вопросъ; даже у людей весьма развитыхъ мы нерѣдко видимъ, что симпатіи и антипатіи къ представителямъ различныхъ національностей и различныхъ религій распредѣляются совершенно безотчетно, на основаніи случайнаго направленія занятій или приключеній во время путешествія. Есть и такіе удивительные люди, которые рѣшительно не въ состояніи классифицировать, подводить частные факты подъ общія рубрики. Это напоминаетъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ врачъ запретилъ своей паціенткѣ употреблять въ

пищу салатъ, и какъ любящій супругъ этой дамы тотчасъ-же обратился къ нему съ вопросомъ, можно-ли ей кушать латутъ, крессъ или редиску. Очевидно, врачъ былъ слишкомъ увѣренъ въ общепонятности слова „салатъ", точно такъ-же какъ и мы, не имѣя передъ глазами опыта, могли-бы, пожалуй, повѣрить, что общій терминъ „сочувствія къ униженнымъ и угнетеннымъ" надлежащимъ образомъ понимается всѣми. Можно-ли перечислить всѣ основанія для исключеній изъ этого общаго правила,—основанія, какія могутъ быть приведены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? Намъ говорятъ, напримѣръ, о томъ особомъ запахѣ, какой издаетъ тѣло негра, и мы знаемъ, что нѣкоторыя лица, слишкомъ просвѣщенныя для того, чтобы вѣрить въ проклятіе племени Хама, все-таки являются сторонниками рабства негровъ, на основаніи этого запаха.

Таковъ и общій уровень отношеній образованнаго общества къ евреямъ. Оставляя въ сторонѣ соображенія богословскія, все-таки кажется, что многіе считаютъ удивительнымъ, какъ это можетъ кто-нибудь интересоваться исторіею народа, литература котораго создала весь нашъ богослужебный языкъ; если вы сдѣлаете какое-нибудь замѣчаніе о прошедшей или будущей судьбѣ этого народа, то навѣрное кто-нибудь изъ слушателей или слушательницъ выскажетъ вполнѣ авторитетное сужденіе, что онъ (или она) не любитъ евреевъ, ибо въ числѣ его (или ея) знакомыхъ былъ нѣкто Якобсонъ, пренепріятный господинъ; или что онъ невысокаго мнѣнія о еврейскомъ племени вообще, хотя при болѣе внимательномъ изслѣдованіи обнаруживается такое незнакомство его съ этимъ племенемъ, что онъ съ удивленіемъ слышитъ о еврейскомъ происхожденіи многихъ лицъ, которымъ онъ привыкъ удивляться и поклоняться. Люди, считающіе себя истинными представителями современнаго прогресса, знающіе исторію и новѣйшую философію исторіи, выражаютъ презрительное удивленіе, если кто-нибудь интересуется судьбою евреевъ, замѣчая, что религія Іеговы развилась изъ поклоненія Молоху; въ то-же время они прославляютъ «цивилизацію», развившуюся изъ родового быта, нѣкоторыя черты котораго сохранились въ грубыхъ брачныхъ обычаяхъ австралійскихъ туземцевъ. Но неужели эти просвѣщенные люди станутъ увѣрять, что слово „отецъ" не должно имѣть для насъ никакого значенія на томъ основаніи, что наши арійскіе предки, по всей вѣроятности, жили въ такомъ состояніи, при которомъ никто не зналъ своего отца?

Для людей, менѣе преданныхъ теоретическимъ размышеніямъ и считающихъ себя практическими политиками, отношеніе къ еврейскому племени обусловливается ихъ неблагопріятнымъ мнѣніемъ о лордѣ Биконсфильдѣ, который, какъ извѣстно, еврей. Но вѣдь можно имѣть очень дурное мнѣніе объ образѣ дѣйствій, напримѣръ, Уэльполя или Чатама; а между тѣмъ, я думаю, ни одинъ англичанинъ не станетъ признавать характеръ и образъ дѣйствій этихъ государственныхъ людей XVIII столѣтія за критерій для оцѣнки достоинства англійскаго народа и его роли въ судьбахъ человѣчества.

Прежде, чѣмъ говорить о будущности еврейскаго племени, слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ: предстоитъ-ли евреямъ полное сліяніе съ тѣми народностями, среди которыхъ они живутъ и, слѣдовательно, полная утрата національнаго самознанія, или—при той ширинѣ и интенсивности чувства обособленности (что мы назвали-бы органическимъ національнымъ самосознаніемъ), какою дѣйствительно отличаются всѣ евреи—семь милліоновъ людей, разбросанныхъ отъ востока до запада и при политическомъ положеніи человѣчества существуютъ-ли въ настоящее время, или могутъ-ли существовать въ будущемъ какія либо условія, благопріятствующія возстановленію іудейскаго государства на его исторической почвѣ, государства, которое было-бы центромъ національнаго чувства, источникомъ нравственнаго возвышенія націи и развитія ея силъ?

Они живутъ вездѣ среди насъ; излишне говорить, что мы ихъ не любимъ. Хотя мы и не любимъ пролетаріевъ и ихъ стремленія составлять союзы, однако отъ этого міръ отъ нихъ не избавится-же. Если мы хотимъ избавиться отъ тѣхъ неудобствъ, на которыя жалуемся, отъ пролетаріевъ или отъ евреевъ, то наилучшій для этого образъ дѣйствій долженъ состоять въ стремленіи всѣми средствами улучшить положеніе этихъ нашихъ сосѣдей, которые густой толпою окружаютъ насъ, и направлять ихъ силы на благопріятные пути. Почему мы такъ строги къ инымъ народностямъ, о которыхъ мы имѣемъ очень смутное понятіе, а объ ихъ исторіи, преданіяхъ и литературѣ впродолженіи цѣлыхъ столѣтій ничего не знали? Почему мы презрительно улыбаемся при упоминаніи о національномъ достоинствѣ евреевъ, которыхъ мысли и даже слова мы повторяемъ во всякой молитвѣ, оканчивающейся словомъ «аминь»? Многіе изъ насъ считаютъ вопросъ о еврейскомъ государствѣ празднымъ, говоря, что богачи-евреи не имѣютъ ни малѣйшаго желанія отказываться отъ своихъ дворцовъ въ Европѣ и переселяться въ Іерусалимъ. Но при возвращеніи изъ изгнанія, при политическомъ возстановленіи народа дѣло вовсе не въ томъ, захотятъ-ли нѣсколько богачей остаться на прежнихъ мѣстахъ, или нѣтъ, а въ томъ, найдутся-ли достойные люди для того, чтобы руководить возвращеніемъ народа въ отечество. Многіе изъ разбогатѣвшихъ евреевъ оста-

лись въ Вавилонѣ, когда Ездра вывелъ оттуда свой сорока-тысячный отрядъ и началъ новую, славную эпоху въ исторіи своего племени—эпоху, которая предшествовала важнѣйшей эпохѣ въ исторіи всего человѣчества. Все дѣло заключается только въ существованіи у евреевъ чувства взаимной солидарности и сознанія своихъ національныхъ нуждъ, да въ надеждѣ, что среди лучшихъ представителей еврейскаго племени явится нѣсколько человѣкъ просвѣщенныхъ и преданныхъ общему дѣлу, нѣсколько новыхъ Ездръ или новыхъ Маккавеевъ, которые съ умѣютъ воспользоваться всѣми благопріятными внѣшними обстоятельствами и своими героическими усиліями восторжествуютъ надъ равнодушіемъ своихъ соплеменниковъ и презрѣніемъ своихъ враговъ, и будутъ упорно добиваться цѣли — когда-нибудь поставить свой народъ въ ряду другихъ націй.

Нѣкогда евангелически-ортодоксальные люди охотно останавливались на пророчествѣ о „возстановленіи евреевъ". Подобное толкованіе пророковъ встрѣчается еще и теперь. Истолкователи настаиваютъ на томъ, что христіанство отреклось отъ своего происхожденія и представляется не доктриной, имѣющей свою генеалогію, а темнымъ рефлексомъ современныхъ понятій. Христосъ въ Евангеліи Матѳея является евреемъ въ душѣ: „Идите прежде всего къ потеряннымъ овцамъ дома Израиля"; апостолъ Павелъ тоже: „Я желалъ-бы, говоритъ онъ, чтобы я самъ былъ осужденъ Христомъ ради спасенія моихъ братьевъ, родныхъ мнѣ по плоти израильтянъ, отъ которыхъ, по плоти, произошелъ Христосъ". Современные апостолы, возвеличивая христіанство, выражаются въ другомъ тонѣ: они предпочитаютъ повторять средневѣковой крикъ: гепъ! гепъ! въ переводѣ на современный языкъ. Но и этотъ средневѣковой крикъ, въ сущности, происхожденія очень древняго: онъ древнѣе временъ императора Августа. Язычники всегда говорили: «Эти люди на насъ не похожи и не хотятъ походить на насъ; такъ накажемъ-же ихъ за это». Евреи упорствовали въ своей обособленности, и въ этой обособленности возникло христіанство. Въ одномъ современномъ сочиненіи о свободѣ (Милля) доказывается, что общее развитіе много выигрываетъ, если отдѣльныя личности могутъ свободно сохранять свои особенности; почему-же не приложить этого аргумента къ обособленности національной и не прекратить нашихъ нападковъ на нее? Упорной силѣ воли евреевъ предстоитъ еще великая задача не чуждаться того свѣта, которымъ наука можетъ освѣтить ихъ національную исторію, но съ любовью хранить тѣ сокровища, которыя завѣщаны имъ этой исторіей. Каждый еврей долженъ сознавать, что онъ представитель племени, которое обладаетъ общимъ предметомъ почитанія въ безсмертныхъ дѣяніяхъ

и безсмертныхъ страданіяхъ своихъ предковъ, передавшихъ потомкамъ физическій и умственный типъ, достаточно сильный, достаточно способный, имѣющій достаточно жизненности для того, чтобы образовать новое индивидуальное цѣлое среди другихъ націй, и наперекоръ традиціонному презрѣнію, благородно отомстить за несправедливость, оказанную предкамъ.

Такъ долженъ относиться къ будущему своей націи достойный сынъ народа, изъ котораго вышли знаменитые пророки, величайшіе и единственные изъ всѣхъ поэтовъ міра; такъ долженъ онъ понимать ихъ предсказанія.

Долженъ?

Да, ибо дѣйствительный долгъ заключается въ сознаніи, а достойный сынъ еврейскаго народа сознаетъ и принимаетъ близко къ сердцу славу и и бѣдствія, униженія и возможность улучшенія участи своей націи.

Неужели кто-нибудь изъ проповѣдывающихъ уничтоженіе этого чувства, этого сознанія, можетъ назвать свое ученіе философскимъ?

Это была-бы проповѣдь слѣпого суевѣрія, — суевѣрія, полагающаго, что теорія человѣческаго благосостоянія можетъ быть построена независимо отъ тѣхъ вліяній, которыя дѣлаютъ насъ людьми.

Джоржъ Эллiотъ.

ОШЕЙНИКЪ.

Племя Сіона въ тоскѣ изнываетъ,
Тщетно на время оно уповаетъ.
Время несетъ утѣшенье другимъ,
Только не сжалится время надъ нимъ.
Выю согбенную давитъ ошейникъ,
Давитъ и колетъ, какъ жесткій репейникъ;
Вѣчна его закаленная сталь...
Бѣднаго племени міру не жаль.

Этотъ ошейникъ мудрено сковали.
Въ кельѣ смиренной его сочиняли, —
Въ кельѣ монаха, гдѣ миръ и покой,
Какъ зародился ты, помыселъ злой?! —
Въ пламени, въ дымѣ костровъ и пожаровъ
Сталь раскалилась для сильныхъ ударовъ;
Папа щипцами ее изогнулъ,
Демонъ на пламя безъ устали дулъ,
Рыцари дружно ковали мечами:
Искры взлетали до неба столбами.
Старый законникъ приплелся потомъ,
Сталь онъ отмѣтилъ позорнымъ клеймомъ;
Этотъ ошейникъ священнымъ соборомъ
Былъ освященъ и былъ названъ „позоромъ“.
„Многая лѣта!“ пропѣли ему,
„Многая лѣта позору сему!“

М. Абрамовичъ.

СООБЩЕНІЯ О ХАЗАРАХЪ.

Б. СУДЬБЫ ХАЗАРСКИХЪ ПИСЕМЪ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОМЪ УЧЕНОМЪ МІРѢ ВПРОДОЛЖЕНІЕ ТРЕХЪ СТОЛѢТІЙ *.

Какъ мы уже упомянули въ предварительной замѣткѣ къ предыдущей статьѣ, хазарская переписка была впервые обнародована (отвѣтъ царя Іосифа въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ) въ книгѣ Колъ-Мебассеръ (Константинополь 1577) Исаакомъ Акришемъ. Во время путешествія сего послѣдняго изъ Египта въ Константинополь, документы эти попали ему въ руки и, по его словамъ, онъ издалъ ихъ съ тою цѣлью, чтобы доказать, что и послѣ разрушенія Іерусалима евреи имѣли еще свое собственное государство. Обстоятельство это имѣло тогда немаловажное значеніе, такъ какъ въ средневѣковой религіозной полемикѣ существованіе еврейскаго царства играло значительную роль, вслѣдствіе извѣстнаго стиха въ кн. Бытія (XLIX, 10): „Да не удалится скипетръ отъ Іуды“. Еще въ началѣ XI-го столѣтія ученому Самуилу Ибнъ-Нагдила, визирю въ Гренадѣ, приходилось защищаться отъ нападокъ мусульманскихъ богослововъ по этому предмету. Такъ какъ апологетическая цѣль издателя Акриша ясно была высказана, то нисколько не удивительно, что, при тогдашнемъ состояніи историческихъ познаній, документы эти не могли внушать къ себѣ довѣрія. Не безъинтересно выслушать высказанные, начиная съ XVII-го столѣтія, мотивы къ подозрѣнію подлинности хазарскихъ писемъ.

Между европейскими учеными извѣстный гебраистъ Іоаннъ Буксторфъ-сынъ (профессоръ въ Базелѣ) впервые занимался хазарской перепиской. Во вступленіи къ его изданію религіозно-философскаго сочиненія Іуды Галеви, составленнаго въ 1140-мъ году по Р. Х., на арабскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Китабъ аль-худджати вад-далили фи нусрати ад-дини

* См. Евр Библ., т. VII, стр. 143—165.

ад-дзалили (книга ясныхъ доказательствъ для защиты униженной религіи; въ еврейскомъ переводѣ сочиненіе это получило названіе Сеферъ Козери, а въ латинскомъ переводѣ Буксторфа Liber Cosri, Базель 1660, 4°), Буксторфъ помѣстилъ также и хазарскія письма по тексту изданія Акриша съ латинскимъ (не безошибочнымъ) переводомъ *. По поводу этихъ писемъ онъ замѣчаетъ, что вся исторія съ хазарскимъ государствомъ есть неболѣе какъ нелѣпая басня, доказательствомъ чему служитъ этому ученому то обстоятельство, что ни одинъ изъ мореходцевъ, странствующихъ купцовъ и путешественниковъ, не привезъ намъ будто никакихъ извѣстій о такомъ цвѣтущемъ и могущественномъ государствѣ, какъ Хазарія представляется въ этихъ письмахъ. Вотъ почему Базельскій ученый профессоръ, сообщая хазарскіе документы, счелъ нужнымъ выгородить себя изъ всякой отвѣтственности за ихъ содержанія **.

Многоначитанный въ восточныхъ, преимущественно мусульманскихъ, литературахъ, Варѳоломей д'Эрбело не могъ, конечно, сомнѣваться въ существованіи хазарскаго народа и государства. Однако, по причинѣ ложнаго пониманія вышеупомянутой Хазарской книги Іуды Галеви и отношеній сего послѣдняго къ обращенному въ іудейство хазарскому царю, д'Эрбело не могъ разъяснить вопроса о іудействѣ хазаръ и о подлинности хазарской переписки, почему онъ оставляетъ это дѣло подъ сомнѣніемъ *†.

* Карамзинъ, слѣдуя д'Эрбело, впалъ въ ошибку, принявъ хазарскаго царя Іосифа, или даже прародителя его Булипа, за современника Іуды Галеви; вотъ его слова: „Въ 1140 году Левитъ еврейскій, равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово монарху ея (хазарской державы), своему единовѣрцу", а въ примѣчаніи онъ объясняетъ: „Левитъ Іегуда назвалъ сію книгу Сеферъ Козри. Ученый Буксдорфъ напечаталъ ее въ Базелѣ, въ 1660 году, съ латинскимъ переводомъ, и говоритъ о ней: Liber multiplicis doctrinae ac multae laudis" (Карамзина Ист. Гос. Росс., т. II, гл. II и прим. 24). См. также статью В. В. Григорьева: Обзоръ политической исторіи Хазаровъ (Россія и Азія, стр 58, прим. 41).

** „Stolidum enim est (говорится у Буксторфа) quod R. Isaac Acrisch hic regnum et sceptrum Judaicum vult extundere. Quis enim his legendis et narrationibus fidem habeat. Mirum, si tam latè patens sit hoc regnum, tam florens et opulentem, neminem nautarum, mercatorum, peregrinantium aliorum, qui navigando totum orbem circumiverunt, omniaque inhabitata loca, quaecunque vel odorari potuerunt, adierunt et pervestigarunt, simile quid unquam vel audisse, vel retulisse?" и т. д. и т. д. (Предисловіе къ Liber Cosri, стр. 34).

*† Д'Эрбело именно думаетъ, что жившій въ XII вѣкѣ Іуда Галеви самъ бесѣдовалъ съ хазарскимъ царемъ, обращеннымъ въ іудаизмъ; см. d'Herbelot, Bibliothèque Orientale, Paris 1697, II, 455 (нѣм. перев. III, 148) s. v. Khosar.

Впрочемъ, это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что д'Эрбело не имѣлъ самостоятельныхъ и непосредственныхъ познаній въ еврейской литературѣ, почему и находился подъ вліяніемъ рѣшительнаго приговора о поддѣльности хазарскихъ документовъ, произнесеннаго Буксторфомъ.

Одинъ изъ величайшихъ ученыхъ XVII-го столѣтія, Самуилъ Бошаръ (по латинскому произношенію Бохартъ), привелъ, для объясненія имени хазаръ въ сочиненіи Іосифа бенъ Горіонъ (Іосиппона) и въ примѣчаніяхъ на книгу Іохасинъ Закуто, извѣстіе о хазарской странѣ и Хазарскомъ морѣ, находящееся у такъ называемаго Нубійскаго географа (Geographus Nubiensis), т. е. у арабскаго писателя половины XII-го вѣка Идриси *. Это указаніе на арабскій источникъ о хазарахъ, сдѣланное въ 1646-мъ году, ни къ чему однако не повело, такъ какъ „Хазарская книга" Галеви и хазарскія письма не были извѣстны Бошару. Точно также этимъ авторамъ, равно какъ и нижепоименованнымъ, остались совершенно невѣдомыми данныя о хазарахъ и о хазарскомъ іудействѣ, находящіяся въ славяно-русскихъ источникахъ, о которыхъ трактуется ниже въ слѣдующей статьѣ, и даже изданныя на латинскомъ языкѣ Болландистами Acta Sanctorum остались неизвѣстными противникамъ существованія еврейской Хазаріи. Посему мы видимъ, что въ началѣ XVIII-го вѣка, авторъ первой обширной исторіи евреевъ Банажъ (Basnage), приводя въ своемъ сочиненіи содержаніе хазарскихъ писемъ, имѣлъ еще смѣлость объявить еврейскою химерою нетолько іудаизмъ хазаръ, но и самое существованіе хазарскаго народа, цѣликомъ выдуманнаго будто бы еврейскимъ тщеславіемъ **.

Около того же времени издалъ Августинъ Домъ Кальметъ свои библейскія изслѣдованія, изъ коихъ одно трактуетъ „О странѣ, куда были уведены десять израильскихъ колѣнъ, и гдѣ означенныя колѣна живутъ нынѣ". Послѣ длинныхъ разсужденій и доказательствъ въ пользу того, что означенная страна есть не иное что какъ Мидія, около Каспійскаго моря, Домъ Кальметъ продолжаетъ: «Въ этой же самой землѣ слѣдуетъ

* Sam. Bocharti, Geographia Sacra, Cadom. 1646, ed Francoforti ad Moen. 1674, p. 226 et 355.

** „Mais il y a ceci de facheux (сказано у него) qu'on a beau chercher ce royaume, on a beau avoir la description faite par le roi Joseph, on ne le trouve point. Benjamin de Tudèle etc. ne découvrit pas ce royaume si fameux. Tous ceux qui sont venu depuis n'ont pu le déterrer. Cela seul suffit pour faire voir qu'il est chimérique, et que c'est une imagination, que l'envie d'avoir un royaume gouverné par des juifs a fait naître" (Basnage, Histoire des Juifs, Rotterdam 1707, vol. V, p. 1446).

искать страну Хазарію, столь прославленную въ раввинскихъ сочиненіяхъ. По той причинѣ, что раввинскіе писатели все переувеличиваютъ и стараются какъ можно болѣе разукрасить свои разсказы, они изъ государства, гдѣ евреи пользовались нѣкоторымъ значеніемъ, сдѣлали нѣчто въ родѣ геройскаго разсказа и поэмы. По ихъ разсказу, царь хазарскій принялъ будто іудейскую вѣру въ VIII-мъ вѣкѣ (около 740-го года); онъ будто предпочелъ іудаизмъ ученію Іисуса Христа, махометанской вѣрѣ и натуральной религіи философовъ, и этотъ выборъ онъ будто сдѣлалъ весьма осторожнымъ и обдуманнымъ образомъ, имѣвъ предварительно различныя бесѣды съ евреями, христіанами, мусульманами и философами. Во всемъ этомъ разсказѣ труднѣе всего—опредѣленіе географическаго положенія этого государства. Нѣкоторые говорятъ, что оно находилось въ Татаріи, другіе же отдѣляютъ его отъ послѣдней морскимъ рукавомъ. Одинъ еврей, который увѣрялъ насъ, что онъ пробылъ восемь дней въ означенномъ государствѣ, разсказывалъ, что столичный городъ послѣдняго, по имени Торена, лежитъ между Араратскими горами. Опять другіе считаютъ его миѳическимъ государствомъ, которое находится только въ воображеніи раввиновъ. Намъ же кажется, что означенная страна, если только она не выдуманная сказка (значитъ, и послѣдній случай считаетъ онъ возможнымъ!) находилась на южномъ берегу Каспійскаго моря въ Мидіи. Каспійское море носитъ названіе Кузаръ у арабскихъ писателей» *.

Послѣ этого мнѣнія Кальмета, на половину допускающаго существованіе хазарскаго царства, слѣдуетъ считать шагомъ назадъ, когда Барратье, этотъ чудо-мальчикъ, какъ называетъ его Гиббонъ (the marvellous child; Gibbon, Decline, chap. LIII), объявилъ всю исторію съ хазарами чистымъ романомъ †. Впрочемъ, смягчающимъ обстоятельствомъ служитъ то, что Барратье было, когда онъ это писалъ, только одиннадцать лѣтъ, когда мальчишеская горячность не только простительна, но и вполнѣ естественна.

Датскій исторіографъ, Фридрихъ Сумъ (Suhm), написавшій въ 1779 году замѣчательное для того времени, небезполезное и нынѣ, изслѣдованіе о хазарахъ, не могъ, конечно, освободиться отъ взгляда гебраистовъ того

* Calmet, Biblische Untersuchungen, übersetzt von Mosheim, Theil IV, Bremen 1743, p. 406—407.

† J. P. Barratier, Voyage de R. Benjamin fils de Jona de Tudèle (Amsterdam 1734, vol. II, dissert. VII, p. 285 seq.): „Ce que je viens de dire suffit pour faire voir que toute cette histoire n'est qu'un roman fait à plaisir ou, comme on dit, *docendi gratia*“ etc. etc.

времени на письмо хазарскаго царя, однако онъ впервые рѣшительно высказался въ пользу подлинности письма Хасдаи Ибнъ-Шапрута къ хазарскому царю („Въ письмѣ, сказано у Сума, писанномъ самимъ Хасдаемъ и которое, безъ сомнѣнія, есть подлинное, говорится“ и т. д.) и относительно отвѣта царя Іосифа датскій ученый выражается также гораздо мягче. „Письмо Хазарскаго хагана Іосифа, къ нему (Хасдаи), конечно, вымышлено, такъ же какъ и самый хаганъ; но въ самомъ письмѣ встрѣчается много истинныхъ обстоятельствъ, на что указываетъ какъ содержаніе ихъ, такъ и свидѣтельство другихъ писателей“ *. Впрочемъ, такъ какъ Сумъ не входитъ въ разборъ документа, чтобъ доказать, какія въ немъ „истинныя обстоятельства“, и что въ немъ вымышлено, то его общій, бездоказательный приговоръ является только повтореніемъ чужихъ словъ и лишенъ всякаго научнаго значенія. Самъ того не замѣчая, Сумъ противорѣчитъ себѣ самому, объявляя съ одной стороны письмо Хасдаи „безсомнѣнно подлиннымъ“, и считая съ другой имя хагана Іосифа „вымышленнымъ“; между тѣмъ какъ имя царя Іосифа упоминается уже въ письмѣ Хасдаи! Отрицательное отношеніе однихъ ученыхъ того времени и скептическое отношеніе другихъ въ хазарскомъ вопросѣ происходили, не только отъ низкаго уровня историко-филологической критики вплоть до новѣйшаго времени вообще, и въ восточной литературѣ въ особенности, но главнымъ образомъ еще отъ того обстоятельства, что въ то время оставались совершенно неизвѣстными главнѣйшіе свидѣтельства о хазарскомъ народѣ, а именно, показанія современныхъ арабскихъ писателей и очевидцевъ. Даже автору „Восточной Библіотеки“, д'Эрбело, были извѣстны лишь свидѣтельства Ибнъ-аль-Варди и Мирхонда, которые оба жили долго послѣ исчезновенія хазарскаго царства и народа. Только къ концу прошлаго столѣтія начали издавать въ свѣтъ древнѣйшія арабскія извѣстія о хазарахъ, какъ напр. показанія Масуди, Истахри, Ибнъ-Хаукаля и др. Впервые воспользовались арабскими показаніями для подтвержденія извѣстій еврейскихъ писателей о хазарахъ въ нашемъ отечествѣ, а именно, извѣстный литовскій историкъ Ѳаддей Чацкій, который старался достать выписку объ этомъ

* Изслѣдованіе Сума появилось на датскомъ языкѣ въ „Samlede Skrifter“ этого автора, въ нѣмецкомъ переводѣ въ VIII-мъ томѣ Historische Abhandlungen der königl. Gesellsch. der Wissensch. zu Kopenhagen, übersetzt von V. A. Heinze, Kiel, 1799; русскій-же переводъ Сабинина помѣщенъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей за 1846, № 3, гдѣ на стр. 43—44 находятся приведенныя нами цитаты.

предметѣ изъ арабской рукописи, хранящейся въ Парижѣ *, и нашъ знаменитый историкъ Карамзинъ, который могъ еще пользоваться для показанія Масуди хрестоматіей Сильвестра де Саси и позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Абульфеды, помѣщеннымъ въ пятомъ томѣ «Историческаго Магазина» Бюшинга **.

Но только съ тѣхъ поръ, какъ нашъ академикъ Х. Френъ и шведскій ученый К. д'Оссонъ (C. d'Ohsson) собрали и обнародовали всѣ арабскія показанія о хазарахъ, на сколько эти показанія были тогда извѣстны и доступны † — только съ тѣхъ поръ, говоримъ, содержаніе письма царя Іосифа блистательно оправдалось. Собственно говоря, начиная съ этого времени всякій споръ о подлинности хазарскихъ писемъ непремѣнно долженъ былъ прекратиться, такъ какъ подозрѣніе подлинности означенныхъ документовъ потеряло всякій поводъ и смыслъ. Но, подобно застарѣлымъ болѣзнямъ, и старыя ошибки не легко искоренять. Такъ мы видимъ, что Френъ призналъ подлинность письма Хасдаи, но не отвѣта царя Іосифа †*. Равнымъ образомъ д'Оссонъ, несмотря на то, что самъ онъ нашелъ содержаніе хазарскаго документа согласнымъ съ арабскими и византійскими свѣдѣніями, не могъ, однако, не выразить хотя и легкаго сомнѣнія въ вѣрности перваго *†. Конечно, тутъ опять-таки необходимо взять во

* „Mielismy dlugo (говоритъ Чацкій. Rosprawa o Zydach, Wilno 1807, p. 68—69. Biblioteka Polska Turowskiego, Krakow 1860 № 30, p. 38—39) z podan rabinow, ze ku nadbrzezu Kaspiyskiego morza i kolo Wolgi byly krolestwa zydowskie. Niedawno wydany arabski jeograf Eben Haukal, w poczatku dziesatego wieku zyacy, zaswiadcza etc. Massoudi, drugi jeograf arabski, a wspolczesny Eben Haukalowi mowi" etc., а въ примѣч. прибавляетъ: „Mialem takze wypis z jego rekopismu, przyslany z parizskiej biblioteki".

** Карамзина, Ист. Гос. Росс., т. I. прим. 90, т. II, прим. 24, и выше у насъ, во 2-мъ примѣчаніи.

† Fraehn, de Chasaris, excerpta ex scriptorum arabicis (въ VIII-мъ томѣ Mémoires de l'Acad. des sciences, St.-Petersbourg 1822 и отдѣльно); еще раньше появилась его статья: „Ueber Russen und Chasaren nach Jakut" (1819), которою воспользовался Карамзинъ въ томъ же году (въ прибавленіяхъ ко второму изд. VIII-го тома его исторіи, стр. 130—141). C. D'Ohsson, Des peuples du Caucase au X siècle' Paris 1828, p. 30—71, 190—212.

†* По свидѣтельству А. А. Куника, Учен. Записки Акад. Наукъ III, 722; Mélanges Asiatiques V, 155; Тохтамышъ и Фирковичъ, Спб. 1876. стр. 42. Означенное мѣсто изъ рукописнаго наслѣдства Френа, такъ какъ на него ссылаются, слѣдовало-бы обнародовать.

*† „Or, il existe, en faveur de l'origine caucasienne de Khazars, un témoignage qui serait sans doute le plus authentique, s'il était certain que le document qui le renferme ne fût point supposé". Peuples du Caucase, p. 205.

вниманіе то обстоятельство, что такіе осторожные ученые, какъ Френъ и д'Оссонъ, не хотѣли выступить рѣшительно въ ученомъ вопросѣ, лежащемъ внѣ ихъ спеціальной области и компетентности — въ еврейской литературѣ —, и посему они предпочитали не выступить открыто противъ мнѣнія старыхъ гебраистовъ. Отрывочная и искаженная форма, подъ которой письмо царя Іосифа было извѣстно ученому міру, равно какъ и ошибочный латинскій переводъ его у Буксторфа, немало также содѣйствовали неблагопріятному мнѣнію, которое составилось въ ученомъ мірѣ о хазарской перепискѣ.

Но за́ то компетентнѣйшіе еврейскіе ученые не сомнѣвались нисколько въ вѣрности хазарскихъ документовъ, особенно со времени появленія критической школы Рапопорта и Цунца. Прежде чѣмъ письма эти затерялись, ими пользовались въ Испаніи въ XII-мъ столѣтіи, а именно, Іуда Галеви (1140), обнаруживающій хорошее знакомство съ содержаніемъ царскаго письма *, и историкъ Авраамъ Ибнъ-Даудъ изъ Толедо (1160), который ясно упоминаетъ письмо царя Іосифа **. А въ позднѣйшія времена, когда въ Испаніи начались на евреевъ гоненія, разразившіяся окончательнымъ изгнаніемъ евреевъ изъ Пиренейскаго полуострова, хазарскіе документы, какъ многое другое изъ средневѣковой еврейской литературы, затерялись для ученаго міра до конца XVI-го вѣка, когда они были найдены въ Египтѣ Исаакомъ Акришемъ и были имъ изданы. Но отчасти по рѣдкости напечатанной въ 1577-мъ году въ Константинополѣ Акришемъ книжки, частью же по причинѣ малаго интереса, который питали тогдашніе европейскіе евреи къ документамъ прошлаго времени—безотрадное настоящее доставляло имъ слишкомъ достаточныя занятія! — мы находимъ первое упоминаніе хазарскихъ писемъ у раввина Х. Я. Бахараха изъ Вормса (1679), который открылъ также внутреннее доказательство подлинности письма Хасдаи †, а именно, что акростихъ въ стихотвореніи,

* Что Іуда Галеви былъ знакомъ съ содерженіемъ хазарскихъ писемъ — доказывается Д. Касселемъ (Das Buch Kusari, Leipzig 1869, p. 13—14); только ученый этотъ ошибается, утверждая, что Галеви не имѣлъ другихъ источниковъ о хазарахъ, и находящіяся только у него свѣдѣнія изобрѣтены имъ. Не говоря уже о томъ, что это противорѣчитъ правдивому характеру Галеви намъ извѣстно изъ Масуди, Ибрагима Израели, Аль-Бекри и Нахманида, что въ Испаніи были въ то время различные историческіе источники о хазарахъ, до насъ не дошедшіе.

** Сеферъ Гакаббала, Амстердамъ 1711, f. 46 b; откуда это перешло въ другія историческія сочиненія

† Ср. книгу Хутъ га-Шани, Франкфуртъ на Майнѣ 1769, f. 110 b; на

служащемъ введеніемъ къ его письму, гласитъ: „Я, Хасдаи, сынъ Исаака, сына Эздры, Бенъ-Шапрутъ," что, однако, долгое время оставалось незамѣченнымъ, и было вторично открыто С. Френсдорфомъ въ 1836-мъ году, независимо отъ Бахараха *.

Чрезъ четыре года (1840) Іосифъ Цеднеръ вкратцѣ, но основательно доказалъ подлинность письма Хасдаи. Отвѣтное письмо хагана онъ также призналъ вѣрнымъ, но не представилъ своихъ доказательствъ, навѣрно имѣвшихся въ достаточномъ количествѣ у этого основательнаго критика †.

Около этого же времени высказался въ пользу нашихъ документовъ извѣстный знатокъ еврейской и арабской литературы, впослѣдствіи членъ французской академіи наукъ, Соломонъ Мункъ **. Къ сожалѣнію, критическое изданіе хазарской переписки, которое ученый этотъ намѣревался представить, не состоялось, вѣроятно, вслѣдствіе потери Мункомъ зрѣнія.

Къ тому же времени, въ такомъ же смыслѣ высказались лучшіе критики въ области еврейской литературы, С. Л. Рапопортъ и Л. Цунцъ, которые оба рѣшительно отвергли неосновательныя подозрѣнія и сомнѣнія на счетъ нашихъ документовъ. Первый изъ этихъ ученыхъ намѣревался также написать критическій комментарій къ нимъ, но до сихъ поръ неизвѣстно, осталось ли въ рукописяхъ знаменитаго ученаго что-либо касающееся нашего предмета *†, Съ тѣхъ поръ, всѣ еврейскіе ученые, имѣв-

---

это впервые указалъ С. Мекленбургъ въ Literaturblatt des Orients (I, 300) и за нимъ Кармоли въ Itinéraires de la Terre Sainte, Bruxelles 1847, p. 81. Въ предисловіи къ комментарію Іуды Москато на Хазарскую книгу подъ заглавіемъ Колъ Іегуда (составленъ въ 1573 году и напечатанъ впервые въ Венеціи 1591) приводится имя царя Іосифа только по Ибнъ-Дауду, такъ какъ письма были изданы 4-мя годами позже.

* Въ журналѣ Гейгера, Zeitschrift für jüdische Theologie II, Франкфуртъ н. М. 1836, p. 513.

† Zedner, Auswahl historischer Stücke aus der jüdischen Literatur, Berlin 1840, p. 26—36.

** Literaturblatt des Orients I, 136; см. Archives Israélites 1848, p. 343; Munk, Mélanges de philosophie juive et arabe, Paris 1859, p. 483, гдѣ между прочимъ сказано: Il a fallu le témoignage des auteurs arabes pour démontrer l'exactitude des relations juives, et notamment des détails contenus dans la lettre que Hasdaï ben Isaak reçut en réponse de celle qu'il avait adressé à Joseph, roi des Khazares. См. также нѣмецкій переводъ (B. Beer, Philosophie und philosophische Schriftsteller der Juden, Leipzig. 1852), стр. 102. 106.

*† См. Керемъ Хемедъ V. Прага (чеш.) 1841, p. 206, § 10; Itinerary of Benjamin of Tudela, ed. Asher, vol. II. London 1841, p. 245, 246, гдѣ Цунцъ замѣчаетъ: About 959 he (Chasdai) wrote to Joseph, prince of the Khazars etc. and

шіе къ тому случай, высказались въ томъ же смыслѣ. Назовемъ здѣсь, въ хронологическомъ порядкѣ, Лебрехта (1841), М. Закса (1845), С. Д. Луццатто (1846, 1850), З. Франкеля (1852), Ф. Луццатто (1852), Д. Касселя и Г. Іоловица (1853, 1869, 1872, 1879), Лёва (1855, 1874), Гартога (1857), Іоста (1858), Штейншнейдера (1860), Греца (1860, 1871), пишущаго эти строки (начиная съ 1864), Гейгера (1865), Краузгара (1866), Д. Кауфмана (1877) и мн. др. Обстоятельное сопоставленіе данныхъ, заключающихся въ письмѣ царя Іосифа, съ данными другихъ современныхъ источниковъ, преимущественно съ арабскими (на сколько они были тогда извѣстны) — есть заслуга Э. Кармоли. Уже въ изданномъ имъ журналѣ Revue Orientale (1841—1844) писатель этотъ представилъ различныя объясненія и сличенія хазарскихъ извѣстій *. Эти объясненія и замѣчанія онъ впослѣдствіи (1847) пополнилъ и расширилъ, такъ что въ весьма значительной степени доказалъ вѣрность еврейскихъ извѣстій на основаніи другихъ источниковъ †. Нѣкоторыя полезныя дополненія (между многими неидущими къ дѣлу замѣчаніями) къ труду Кармоли представилъ З. Кассель ** (1848, 1877). Результаты этихъ изысканій были приняты одобрительно и христіанскими учеными, какъ напр. В. В. Григорьевымъ (1834), Шафарикомъ (1848), Лелевелемъ (1851—1860), Вивіенъ-Сенъ-Мартеномъ (1851), С. М. Соловьевымъ (1851—1874), Бѣлевскимъ (1864), Бруномъ (1866—1877), Бильбасовымъ (1868—1871), А. А. Куникомъ (1874, 1878) и мн. др.

Бывали однако случаи, что нѣкоторые новѣйшіе писатели, сами невникавшіе въ сущность вопроса, были введены въ заблужденіе устарѣвшимъ и давно опровергнутымъ мнѣніемъ и высказались о нашихъ документахъ скептически, и даже прямо объявили послѣдніе подложными, какъ напр. Гольденталь въ Вѣнѣ (1848), Добряковъ въ С.-Петербургѣ (1865) и даже такой историкъ какъ Д. И. Иловайскій въ Москвѣ

---

in return King Joseph answered shortly afterwards furnished the desired information etc., but it is with injustice that some have tried to question its authenticity; ср. также его же Gesammelte Schriften, B. I, Berlin. 1874, p. 159.

* Revue Orientale, vol. I, Bruxelles 1841, p. 16—31, 53—61, 179—180; vol. III, 1843—1844, p. 259—266.

† Carmoly, Itinéraires de la Terre Sainte, Bruxelles, 1847, p. 1—110. Эти заслуги признаетъ за Кармоли также Меренъ (Mehren, Manuel de Cosmographie du moyen âge, Copenhague, 1874, p, 380, note 1).

** Cassel, Magyarische Alterthümer, Berlin, 1848, p. 183—219; второе изданіе главы о хазарахъ изъ этого сочиненія носитъ заглавіе: Der chazarische Königsbrief aus dem 10. Jahrhundert, Berlin, 1877.

1876) *. Но первый изъ нихъ повидимому самъ замѣтилъ свою ошибку, по крайней мѣрѣ онъ ничѣмъ не возразилъ на колкіе заѣмчанія и упреки направленные противъ него въ письмѣ С. Д. Луццатто (1850) и въ каталогѣ Бодлеянскихъ книгъ Штейншнейдера (1860). Что же касается русскихъ ученыхъ, то ихъ отчасти извиняетъ то обстоятельство, что, кромѣ незначительныхъ и ошибочныхъ отрывковъ изъ письма царя Іосифа, помѣщенныхъ Д. Гартенштейномъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей" (№ 6, января 1847), на русскомъ языкѣ не появилось ни одной болѣе или менѣе обстоятельной статьи о самомъ древнемъ историческомъ документѣ, составленномъ въ Россіи. Написанное же заграницей объ этомъ предметѣ осталось неизвѣстнымъ упомянутымъ писателямъ, такъ что одинъ русскій ученый, пожелавшій въ 1868 году получить обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету, не нашелъ это возможнымъ по недостатку матеріаловъ **. Конечно, во всякомъ случаѣ является страннымъ, что извѣстное въ Россіи, начиная съ 1848 года, мнѣніе такого ученаго, какъ Шафарикъ, считавшаго письмо хазарскаго царя самымъ древнимъ документомъ для исторіи славянскаго апостола Константина философа (Кирилла) † — что это мнѣніе знаменитаго чешскаго слависта, говоримъ, совсѣмъ игнорируется у насъ въ послѣднее время. Точно также спеціальная монографія о хазарахъ извѣстнаго французскаго географа Вивіенъ-Сенъ-Мартена прошла незамѣченною у насъ. А между тѣмъ, по тщательномъ взвѣшиваніи всѣхъ подробностей нашего документа, этотъ ученый приходитъ къ слѣдующему результату, который мы передаемъ его собственными словами: „Нельзя не быть пораженнымъ тѣмъ согласіемъ, которое находится между письмомъ царя Іосифа и сказаніями арабскихъ современниковъ, обнародованными въ наше время; согласіе это существуетъ какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ деталяхъ фактовъ и т. д. Такое совпаденіе носитъ въ себѣ самомъ свидѣтельство подлинности. Допустить, что два документа, сфабрикованные еврейскими раввинами во времена глубокаго невѣжества, будутъ носить на себѣ печать истины въ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ, особенно когда рѣчь идетъ о такихъ малоизвѣстныхъ фактахъ и обстоятельствахъ—такое предположеніе намъ кажется безконечно менѣе вѣроятнымъ и болѣе трудно допустимымъ чѣмъ признаніе достовѣрности документовъ. Мы спрашиваемъ: по какому признаку можно распознать обманъ, который ничѣмъ не отличается отъ настоящей правды? и т. д. Признавая такимъ образомъ за обоими письмами то, что мы считаемъ нынѣ невозможнымъ въ нихъ отрицать, а именно достоинство вполнѣ историческихъ документовъ" и т. д. и т. д. *.

* Добряковъ, Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи, ч. I, Спб. 865, стр. 203; Д. Иловайскій, Розысканія о началѣ Руси, Москва, 1876, стран. 99.

** В. А. Бильбасовъ, Кириллъ и Мефодій, ч. I, Спб. 1868, въ началѣ „Первый по времени документъ и т. д. письмо Хазарскаго царя Іосифа и т. д., мы не имѣли того письма подъ руками и т. д., мы поставлены въ невозможность провѣрить справедливость его (Шафарика) словъ".

† См. Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи, въ Чтеніяхъ Москов. Общества исторіи и древностей, М. 1848, № 7, стр. 42, прим. 6. Въ Энциклопедіи Эрша и Грубера (Encyclop. von Ersch und Gruber, II Section, Band XXVII, p. 405, Anm. 4), г. Штейншнейдеръ пишетъ, что Шафарикъ указалъ ему въ славянскихъ источникахъ имя Сангари, обратившаго хазарскаго царя въ іудейство; но объ этомъ предметѣ будетъ у насъ рѣчь обстоятельно въ слѣдующей статьѣ.

Для того, чтобы расшатать убѣжденіе, утвердившееся въ европейской наукѣ вотъ уже тридцать лѣтъ, необходимо выступить во всеоружіи историческихъ фактовъ и убѣдительныхъ научныхъ доказательствъ, а не рѣзкими приговорами и голыми фразами, въ родѣ той, что документъ этотъ есть не болѣе какъ „мистификація, сочиненная какимъ-нибудь ученымъ евреемъ". Впрочемъ, во время IV русскаго археологическаго съѣзда (въ августѣ 1877 года) въ Казани, почтенный Д. И. Иловайскій объяснилъ мнѣ, что его подозрѣніе хазарскаго письма основывалось, главнымъ образомъ, на характерѣ, который носитъ на себѣ извѣстная до сихъ поръ сокращенная и искаженная рецензія письма царя Іосифа, и что онъ никоимъ образомъ не примѣняетъ своихъ словъ къ полной, мною изданной рецензіи. Желательно было бы, чтобъ этотъ извѣстный ученый высказался печатно въ такомъ-же смыслѣ, для того, чтобъ неспеціалисты не опирались на печатное его сужденіе.

* Vivien St. Martin, Mémoire sur les Khazars въ Nouvelles Annales des Voyages, Paris, 1851, vol. III, p. 18—19: „Il est impossible de ne pas être frappé de la conformité qui éxiste entre la lettre du roi Joseph et les relations arabes contemporaines qui ont été publiées de nos jours. L'analogie se montre dans le caractère générale aussi bien que dans le détail des faits etc. Une telle conformité porte avec elle son évidence. Supposer que deux pièces fabriquées des rabbins juifs dans des temps de profonde ignorance porteraient ce cachet de vérité jusque dans leurs moindres détails, alors surtout qu'il s'agit des faits et des particularités aussi peu connus, nous paraît infinement plus improbable et plus difficile à admettre que l'authenticité même des documents. Nous demandons à quels caractères on reconnaît l'imposture qui ne se distingue plus en rien de la vérité? etc. Accordant donc aux deux lettres ce que nous ne croyons guère possible aujourd'hui de leur refuser, la valeur de documents parfaitement authentiques" etc. etc.

Во всякомъ случаѣ, мы твердо убѣждены, что новооткрытой полной рецензіи этого въ высшей степени важнаго равно для русской и еврейской исторіи документа * не придется, подобно старшей по изданію сокращенной рецензіи, воевать три столѣтія изъ-за своего вѣрнаго и подлиннаго существованія. Иначе, это было бы самымъ плохимъ свидѣтельствомъ объ успѣхѣ научной критики въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

В. СКАЗАНІЯ О ПРИНЯТІИ ХАЗАРАМИ ІУДЕЙСТВА И ОБЪ ЕВРЕѢ САНГАРИ.

Преданіе о томъ, что хазаре приняли еврейскую религію вслѣдствіе преній, происходившихъ между представителями разныхъ вѣроисповѣданій, повторяется въ еврейскихъ, арабскихъ и, вѣроятно, также въ славянскихъ источникахъ. Въ еврейскихъ источникахъ сохранились для насъ двѣ реляціи, въ письмѣ царя Іосифа и въ такъ-называемой «Хазарской книгѣ» Іуды Галеви. Обѣ эти реляціи весьма сходны по существу, только Галеви, для полноты изложенія всѣхъ своихъ доводовъ противъ атеистовъ-философовъ, къ тремъ представителямъ главнѣйшихъ вѣроисповѣданій (іудейства, христіанства и ислама) прибавилъ еще четвертаго, свободномыслящаго философа, и вообще расширилъ діалогическія рамки словопренія, для того, чтобъ имѣть возможность изложить всю свою религіозно-философскую систему. Для наглядности сопоставимъ здѣсь обѣ означенныя реляціи:

Въ письмѣ царя Іосифа.

«Послѣ этого происшествія молва о немъ (о Буланѣ) распространилась по всей землѣ, такъ что цари Эдома и Измаила услышали о немъ и т. д. Они прислали къ нему также мудрыхъ людей, для того, чтобъ обратить его въ свою вѣру. Но царь былъ благоразуменъ и т. д., и онъ велѣлъ привести также одного израильскаго мудреца, самъ распрашивалъ, изслѣдовалъ основательно, и собиралъ всѣхъ мудрецовъ вмѣстѣ, для того, чтобы они могли разсуждать о религіи; но

Въ Хазарской книгѣ:

«Затѣмъ хазаринъ думалъ про себя: я спрошу насарійца и мусульманина по поводу ихъ религіи, ибо одна изъ нихъ безсомнѣнно угодна Богу. Что же касается іудеевъ, то можно составить себѣ о нихъ понятіе по ихъ низкому состоянію, по ихъ малочисленности и по всеобщему къ нимъ презрѣнію. Посему онъ позвалъ одного насарійскаго мудреца и распрашивалъ его объ его вѣрованіяхъ и дѣяніяхъ. Насаріецъ отвѣтилъ ему: «Я вѣрю, что все созданное имѣетъ

---

* Еврейскій текстъ изданъ мною въ литературномъ прибавленіи къ газетѣ Гамелицъ (Меасефъ Ниддахимъ. № 8), а русскій переводъ въ VII томѣ „Еврейской Библіотеки“.

каждый изъ нихъ противорѣчилъ другому и т. д. Когда государь увидѣлъ это, онъ сказалъ: «Теперь идите домой, а на третій день явитесь ко мнѣ еще разъ», и мудрецы пошли домой. На другой день царь послалъ за священникомъ царя Эдома и сказалъ ему: «Я знаю и т. д., но я тебѣ предложу одинъ вопросъ, и когда ты мнѣ отвѣтишь сущую правду, то я тебя буду любить и уважать— какъ ты думаешь, какая вѣра, по твоему взгляду, лучше, вѣра Израиля или вѣра Измаила?» На что священникъ отвѣтилъ: «Да живетъ царь вѣчно! если ты спрашиваешь о достоинствѣ вѣры, то знай, что израильская превосходна, потому что Господь (будь онъ благословенъ!) избралъ Израиля и т. д. и т. д. Какъ это можно сравнивать вѣру Измаила съ вѣрою Израиля? Измаильтяне не имѣютъ ни субботы, ни праздника, никакихъ постановленій и законовъ, ѣдятъ все нечистое, мясо лошади, собаки и всѣхъ нечистыхъ насѣкомыхъ; посему вѣра Измаила не настоящая, а равна языческой» и т. д. и т. д. На другой день царь послалъ за кадіемъ (судьею) царя измаильтянъ и сказалъ ему: «Я тебѣ предложу вопросъ, на который ты отвѣчай мнѣ правду и не скрывай отъ меня ничего—которая изъ двухъ вѣръ, насарійской и іудейской, тебѣ больше нравится?» На что кадій отвѣтилъ: «іудейская вѣра правдивая и т. д. Противъ ихъ религіи насарійская совсѣмъ не религія» и т. д. и т. д. На третій день царь велѣлъ всѣмъ собраться вмѣстѣ и т. д., и онъ обратился къ священнику и сказалъ ему: «Какъ ты думаешь, какая ре-

начало, но Создатель существовалъ всегда и т. д., и я вѣрю во все, написанное въ Торѣ и въ другихъ израильскихъ письменныхъ памятникахъ, такъ какъ въ ихъ правдивости нѣтъ никакихъ пробѣловъ, по причинѣ всеобщей ихъ извѣстности, ихъ долговременному продолженію и ихъ откровенію предъ многочисленными народными массами. Къ концу означенныхъ откровеній божество воплотилось, превратилось въ зародышъ въ чревѣ одной дѣвы изъ благородныхъ женщинъ въ Израилѣ, и она родила сына, который по наружности былъ человѣкъ, а внутренно Богъ, повидимому, былъ онъ посланный пророкъ, а по настоящему—воплотившійся Богъ и т. д. и т. д. Наши законы и постановленія частью взяты отъ Симеона (Петра) апостола, частью-же они заимствованы изъ книги Торы, которую мы также изучаемъ, такъ какъ въ ея правдивости нельзя сомнѣваться, ибо она дана Богомъ. Въ Евангеліи также говорится отъ имени Мессіи (Христа): «Я не пришелъ съ тѣмъ, чтобы уничтожить законы Моисеевы, но съ тѣмъ, чтобы усилить и укрѣпить ихъ» и т. д. и т. д. Затѣмъ царь призвалъ одного мусульманскаго мудреца и распрашивалъ его объ его вѣрованіяхъ и дѣяніяхъ, на что тотъ отвѣтилъ: «Мы крѣпко стоимъ за единство и вѣчность Божію, за созданіе вселенной, за происхожденіе людей отъ Адама и Ноя, и мы совсѣмъ отрицаемъ тѣлесность у Бога и т. д. Развѣ наша священная книга (Коранъ) не наполнена разсказами о Моисеѣ (да будетъ ему миръ!) и сынахъ Израиля? Никто не въ состояніи отрицать того что Богъ совершилъ надъ Фарао-

лигія лучше, Израиля или Измаила?» На что священникъ отвѣтилъ: «Вѣра Израиля лучше вѣры измаильтянъ». Тогда царь спросилъ кадія: «Какъ ты думаешь, какая вѣра лучше, насарійская или израильская?» Кадій отвѣтилъ: «Израильская лучше». На это царь сказалъ: «Если такъ, то вы сами своими устами признали, что религія израильтянъ самая лучшая, по сему я, по милости Божіей и силѣ Всемогущаго, предпочелъ вѣру израилеву» и т. д. *.

номъ, что онъ осушилъ море и спасъ своихъ любимцевъ и т. д. и т. д. Все это факты общеизвѣстные, про которые невозможно предположеніе объ обманѣ и искусственности». Затѣмъ хазаринъ сказалъ себѣ: «Теперь я вижу, что я долженъ распрашивать также и іудеевъ, ибо они составляютъ остатокъ сыновъ Израиля, и такъ какъ они служатъ всѣмъ доказательствомъ тому, что Богъ далъ законъ на землѣ. Посему онъ послалъ за однимъ изъ іудейскихъ мудрецовъ и началъ его распрашивать объ его вѣрѣ» и т. д.“ **.

Изъ сопоставленія обоихъ разсказовъ ясно видно, что главнѣйшая характеристическая черта въ еврейскомъ преданіи объ обращеніи хазаръ— пользованіе тѣмъ аргументомъ, что представители другихъ исповѣданій признаютъ святость еврейской библіи †. Это обстоятельство вполнѣ подтверждается также арабскими источниками. О іудействѣ одной части хазаръ, со своимъ царемъ-хаканомъ и вельможами во главѣ, свидѣтельствуютъ всѣ древнѣйшіе арабскіе географы и путешественники, описавшіе Хазарію, какъ напр. Джайгани, Ибнъ-Факихъ, Ибнъ-Дусте, Ибнъ-Фадланъ, Масуди, Аль-Балхи, Истахри, Ибнъ-Хаукаль, Мукаддеси и др. Но о томъ, какимъ образомъ обращеніе хазаръ въ іудейство имѣло мѣсто, въ настоящее время имѣются показанія только трехъ арабскихъ писателей: Масуди, Аль-Бекри и Ибнъ-Аль-Атира (у Димешки). Первое показаніе, восходящее до 30-хъ или 20-хъ годовъ X-го столѣтія, къ сожалѣнію, не сохранилось. Въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Золотые Луга» Масуди говоритъ: „Объ обращеніи хазарскаго царя въ іудейство находится разсказъ, коему здѣсь не мѣсто; мы уже говорили о немъ въ прежнихъ нашихъ сочиненіяхъ, т. е.

* См. „Еврейскую Библіотеку“, т. VII, стр. 157—159.

** Хазарская книга, ч. I, §§ 4—10; арабскій оригиналъ этого мѣста, изъ котораго помѣщается здѣсь отрывокъ въ переводѣ, напечатанъ въ англійскомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: Miscellany of hebrew literature, part I, London 1872, p. 64—67.

† Можетъ быть, что въ старомъ *Ницахонѣ*, напечатанномъ у Вагензейля (Tela ignea, p. 143—146), подъ безыменнымъ *Кесаремъ* разумѣется хазарскій царь; ср. также тамъ же p. 238.

въ соч. подъ заглавіемъ „Лѣтопись Времени“ и въ „Средней Книгѣ“ *. Когда извѣстный нашъ оріенталистъ, Соломонъ Мункъ, припомнилъ (въ 1848-мъ году) вскользь объ обращеніи хазаръ, онъ прибавилъ: „Жаль, что не сохранились сочиненія, гдѣ Масуди, по его словамъ, далъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ обращеніи хазарскаго царя“ **. Вскорѣ послѣ этого (въ 1849-мъ году), другой французскій оріенталистъ, Шарль Дефремери, издалъ отрывокъ изъ арабскаго сочиненія *Китабъ аль-месаликъ валь-мемаликъ* (Книга путешествій и государствъ) Абу-Обейда Абдаллаха Аль-Бекри (ум. въ 1096-мъ году по Р. X.), гдѣ, между извѣстіями о Хазаріи, встрѣчается слѣдующій разсказъ о принятіи хазарами еврейской религіи †:

„Причина обращенія хазарскаго царя, бывшаго язычникомъ (*Маджуси*, магомъ), въ іудейство была слѣдующая. Онъ сначала принялъ насарійскую вѣру, но вскорѣ увидѣлъ ея недостатки и посовѣтовался объ этомъ, заботившемъ его, дѣлѣ съ однимъ изъ своихъ намѣстниковъ. Тотъ сказалъ ему: «О царь! народовъ, обладающихъ книгами ††, трое; пошли же къ нимъ, разслѣдуй ихъ обстоятельно и обладателямъ истины ты послѣдуешь». Вслѣдствіе этого царь послалъ къ насарійцамъ за епископомъ. Былъ же у царя іудей, ловкій въ словопреніяхъ, который началъ спорить съ епископомъ и сказалъ ему: «Что ты скажешь о Моисеѣ, сынѣ Амрамовомъ, и о ниспосланной чрезъ него Торѣ?» Тотъ отвѣтилъ: Моисей — пророкъ, а Тора — истина. На это іудей сказалъ царю: «Онъ этимъ подтвердилъ правдивость моей вѣры, спроси же теперь его во что онъ вѣруетъ». И царь спросилъ епископа, который на это сказалъ: Я говорю, что Мессія Исусъ, сынъ Маріи, есть слово, и что онъ подразумѣвается Богомъ (да превозносится и возвеличится онъ!) въ таинствахъ. На это іудей сказалъ царю хазарскому: «Онъ (епископъ) признаетъ такую вещь, которая мнѣ непо-

* Maçoudi, Prairies d'Or, t. II, Paris 1863, p. 9. Это сочиненіе окончено въ 943-мъ году по Р. X., а первыя два громадныя сочиненія должны, слѣдовательно, восходить до 30-хъ и 20-хъ годовъ того же вѣка.

** Archives Israélites de France, t. IX, Paris 1848, p. 343: „Il est à regretter que nous n'ayons plus les ouvrages ou Masoudi dit avoir donné de plus amples details sur la conversion du roi des Khazares“; это мѣсто повторено въ сочиненіи Мунка Mélanges de philosophie juive et arabe, Paris 1859, p. 483, note 1.

† Арабскій текстъ этого мѣста напечатанъ въ Journal Asiatique, Juin 1849 p. 462—463; французскій переводъ, тамъ же, p. 470—471; нѣмецкій переводъ, Russische Revue, X, 315—316.

†† Въ устахъ аравитянина такое выраженіе равносильно выраженію: обладатели откровенной, монотеистической религіи.

нятна, между тѣмъ какъ онъ подтверждаетъ мою вѣру». Епископъ же не былъ въ состояніи привести сильнаго довода. Затѣмъ царь послалъ къ мусульманамъ, которые отправили къ нему человѣка ученаго, мудраго и ловкаго въ словопреніяхъ; но іудей подослалъ къ нему человѣка, отравившаго его во время его путешествія, отчего онъ и померъ. И такимъ образомъ іудей склонилъ царя къ своей вѣрѣ и обратилъ его въ іудейство".

Отъ имени же Ибнъ-Аль-Атира * географъ Димешки приводитъ слѣдующее показаніе: „Владѣтель Константинополя (т. е. византійскій императоръ) во время Гарун-ар-Рашида ** изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ жившихъ тамъ іудеевъ, которые посему отправились въ страну хазаръ, гдѣ они нашли людей разумныхъ, но погруженныхъ въ ошибки (въ язычество). Посему іудеи предложили имъ свою религію, которую хазаре нашли лучшею, чѣмъ ихъ прежняя, и приняли ее" †.

Оставляя въ сторонѣ это послѣднее, краткое и притомъ позднее показаніе, которое ничего намъ не разъясняетъ въ данномъ вопросѣ, намъ слѣдуетъ остановиться на извѣстіи Аль-Бекри, какъ потому, что оно древнѣе, такъ и потому, что оно обстоятельнѣе и болѣе согласуется съ другими источниками. На вопросъ: откуда Аль-Бекри могъ черпать вышеприведенный разсказъ? Дефремери отвѣчаетъ, что онъ *несомнѣнно* заимствованъ изъ потерянныхъ сочиненій Масуди †*. Хотя въ настоящее время мы дѣйствительно знаемъ, что Аль-Бекри много пользовался сочиненіями послѣдняго, но за то стало извѣстно, что онъ черпалъ также и изъ другихъ источниковъ, какъ напр. изъ сочиненій Гамадани (Ибнъ-Факиха), сократителя Джейгани, преимущественно же служили ему источникомъ для сѣверо-восточной Европы извѣстія еврейскаго путешественника начала второй половины X-го столѣтія, по имени Ибрагимъ Ибнъ-Якубъ

* У извѣстнаго историка подъ этимъ именемъ, автора *Китабъ Ал-Камилъ*, я этого извѣстія не нашелъ; не разумѣетъ ли Димешки Маджда Ибнъ-Аль-Атира, брата извѣстнаго историка?

** Халифъ этотъ властвовалъ отъ 786 до 809 по Р. Х. Опредѣленіе времени обращенія хазаръ въ іудейство вѣроятно заимствовано у Масуди, Prairies d'or II, 8.

† Cosmographie de Dimichqui, texte arabe, St. Pétersbourg 1866, p. 263; trad. française, Copenhague 1874, p. 380; ср. тоже Френа, De Chasaris, Mémoires de l'Académie, t, VIII, St. Pétersbourg 1822, p. 597—598, note 31.

†* Journal Asiatique, ibid. p. 470, note 1: „Ce récit est sans doute emprunté de Maçoudi".

(Авраамъ Яковлевичъ) *, такъ что положеніе Дефремери является совсѣмъ не безсомнѣннымъ.

Но какъ бы то ни было на счетъ первоначальнаго источника для приведеннаго сказанія объ обращеніи хазаръ, во всякомъ случаѣ источникъ этотъ вполнѣ независимъ отъ древнѣйшаго еврейскаго документа о хазарахъ (отъ письма царя Іосифа), и, по всей вѣроятности, относится либо къ болѣе раннему времени (Джайгани, Гамадани и Масуди), либо къ тому же самому времени (путешественникъ Ибрагимъ). Тѣмъ важнѣе для насъ, что, за исключеніемъ конца разсказа Аль-Бекри, очевидно придуманнаго мусульманскими писателями для избавленія своего представителя отъ нравственнаго пораженія въ диспутѣ съ евреемъ предъ хазарскимъ царемъ, все остальное въ этомъ сказаніи вполнѣ сходствуетъ съ разсказомъ въ письмѣ царя Іосифа и въ началѣ „Хазарской Книги" Іуды Галеви.

Посмотримъ теперь, не осталось-ли какихъ-либо слѣдовъ этого сказанія въ славянскихъ источникахъ?

Извѣстно, что въ житіяхъ славянскихъ апостоловъ, Кирилла (Константина Философа) и Меѳодія, разсказывается о томъ, что около половины девятаго столѣтія по Р. Х. хазаре отправили пословъ въ Константинополь просить византійскаго императора о присылкѣ имъ ученаго христіанскаго мужа для обученія ихъ христіанской вѣрѣ и для ученыхъ преній съ евреями и мусульманами. Такъ напр. въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи Константина говорится: „Пріидоша же посли къ црю отъ Козаръ глюще *яко испeрва единъ бъ токмо знаемъ*, *иже есть над вьсѣми, и тому ся кланяемъ на въстокъ* и т. д., *евреи устяще ны вѣру ихъ и дѣла пріяти*, а сарацини на другую страну, миръ дающе и дары многы, понуждаютъ ны на свою вѣру и т. д., то сего ради слемъ къ вамъ старую дружбу и любовь дръжаще, языкъ бо веліи сущь, отъ бга црство дръжите, и вашего съвѣта въпрошающе, просимъ же мужа книжна у васъ, *да еще припритъ евреа и срацины*, *то по вашу ся вѣру имемъ* и т. д. Въсѣдъ же (Константинъ) въ корабль, пути ся ятъ козарьскаго на меотское озеро, и каспіискаа врата кавъкажьскыхъ горъ. послаша же козари противу его мужа лукава и заскопива, иже бесѣдуа съ нимъ" и т. д. †.

* Я впервые обратилъ вниманіе на этого еврейскаго путешественника въ журналѣ покойнаго А. Гейгера, Jüdische Zeitschrift für Wiss. und Leben, B. VI. 1868, p. 238. Недавно же говорилъ о немъ обстоятельно г. Куникъ, Извѣстія Аль-Бекри, ч. I. Спб. 1878, стр. 65—117. Тамъ же, въ предисловіи барона Розена, читатель найдетъ всѣ данныя объ источникахъ Аль-Бекри.

† Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей за 1863 годъ, кн. II, мат. слав., стр. 11—12.

Въ Паннонскомъ же житіи Меѳодія читаемъ: „Приключьшю же ся времени такомоу, и посла царь по философа, брата его, въ казары, да поятъ и съ собою на помощь. *бяхоу бо тамо жидове христіанскую вѣроу велми хоуляще.* онъ же рекъ: яко готовъ есмь за христіанскую вѣроу оумерети и неослюша ся, но шедъ слоужи яко рабъ меншю братоу, повинную ся емоу. *сіиже молитвою, а философъ словесы пер745можетъ я, и посрамисте*“ *. Въ такъ наз. Проложномъ житіи Кирилла, изданномъ Погодинымъ, читаемъ: „Паки отиде на Сѣверьскую страну въ Козары, и учаше вѣровати во Христа. И сотворше совѣтъ Жидове, хотѣша убити и, но не да его Игемонъ: *донде же уприте его, рече, не имате власти погубити его.* И собрашася мнози Жидовьстіи хитрьци съ Агаряны нань. Кирилъ же единъ шедъ, побѣди вся; Агаряны бо, яко бѣсовьскія слуги укоривъ, обличи; Жиды же, яко Божія преступники посрами“ **. А въ Проложномъ же житіи Меѳодія объ этомъ читается †: „Нѣкогда же посла царь брата его Кирилла въ Козары, *да преприть Жиды, и иждеnетъ я отъ земля ихъ, бяхуть бо уже Козары пріяли Жидовскую вѣру* и т. д. Обидоста же всю страну ту и силою Христовою вся люди увѣриста и Жиды прогнаста». Въ Успеніи Св. Кирилла объ этомъ предметѣ говорится: «Послани же быше отъ Хазарія (варіантъ: Захаріе) кнеза гаганъ къ Михаилу црю, имуще члка иже наставить тѣх на православную вѣру. понеже и еще имь не суще хрстіаномь. *нападааху на них срацине и евреие, привести их на свою нечьстивую ересь* и т. д. и дошьдшу же до кнеза хазарскаго гагана. *и тоу събравшьс срацине и евреие, съ філософомъ многую пру сътворше*›†*). Италіанская легенда въ Acta Sanctorum гласитъ: «Въ то же время къ сказанному императору (Михаилу) явились послы Хазаръ, которые просили и умоляли, чтобъ онъ соизволилъ послать къ нимъ какого либо ученаго мужа, который по истинѣ научилъ бы ихъ каѳолической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, *что теперь то Іудеи, то Сарацины, другъ предъ другомъ стараются обратить насъ въ свою вѣру* и т. д. Послѣ этого сказанный философъ отправился въ путь, и, прибывъ къ тому народу, къ которому былъ посланъ и т. д., проповѣдями и силою своего слова обратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблужденій,

* В. А. Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій, ч. II, Спб. 1871, стр. 257—258.

* Кириллъ и Меѳодій Добровскаго, перев. Погодина, Москва 1825, стр. 104.

† Тамъ же, стр. 106.

†* Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій II, 240—241. Отъ А. А. Куника (Тохтамышъ и Фирковичъ, Спб. 1876, стр. 43—44) ускользнуло, что чтеніе *Захарія* вмѣсто *Хазарія* есть неправдоподобный варіантъ.

которыми были обольщены чрезъ вѣроломство Сарацинъ и Іудеевъ› *. То же самое, съ нѣкоторыми варіантами, повторяется и въ Моравской легендѣ**. Сказочный характеръ всѣхъ этихъ сказаній ясно видѣли всѣ ученые критики, занимавшіеся этими документами. Что касается искорененія будто-бы іудейства въ Хазаріи Кирилломъ—то мы знаемъ нынѣ изъ согласнаго свидѣтельства современныхъ источниковъ, что впродолженіе IX и X вѣковъ царская династія и вельможи хазарскіе были изъ евреевъ, а войско и купечество составляли мусульмане да язычники (къ послѣднимъ принадлежали преимущественно славяно-русскія племена), какъ отчасти было уже замѣчено Сенъ-Мартеномъ † и Добровскимъ *†. Сверхъ того покойный О. Бодянскій указалъ на совпаденіе сказаній о славянскихъ апостолахъ съ показаніями Георгія Амартолы о первомъ римскомъ епископѣ Сильвестрѣ, который также имѣлъ препираніе съ евреемъ, кончившееся пораженіемъ еврея и принятіемъ христіанства всѣми присутствовавшими, при чемъ имя еврея Замврія въ обоихъ случаяхъ тождественно. На этомъ основаніи покойный московскій профессоръ высказался, что «безъ сомнѣнія, сходство этихъ событій въ существенномъ, т. е. препираніе Христіанъ съ Жидами, не смотря на несходство времени, мѣста, народовъ и дѣйствователей, было главной причиной, что составитель Проложныхъ житій нашихъ апостоловъ считалъ себя вправѣ перенести изъ однаго изъ нихъ, извѣстнаго ему (пренія Сильвестра), то, что по его мнѣнію, шло и къ пренію, описываемому имъ: я разумѣю имя Замбрія, котораго онъ представилъ Каза-

* Acta Sanctorum, ed. Bolland., Martii, t. II, Antverpiae 1668, p. 19—21. Tun. temporis ad praefatum imperatorem Cazarorum legati venerunt, orantes ac supplicantes, ut dignaretur mittere ad illos aliquem eruditum virum, qui eos fidem catholicam veraciter edoceret; adjicientes inter caetera, quoniam nunc Juadaei ad fidem suam, modo Saraceni ad suam nos convertere e contrariro moliuntur etc. Post haec, praedictus Philosophum iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens etc. praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saracenorum quam de Judaeorum perfidia retinebant.

** Acta Sanctorum ibid. p. 22—24.

† Il paraît cependant que la religion chrétienne n'y jeta pas de bien profondes racines, car les auteurs arabes font voir qu'environ un siècle après cette époque, il y avait beaucoup de juifs dans ce pays. Histoire du Bas-Empire par Lebeau, éd. St. Martin, vol. XIII, p. 176, note 2.

*† „Онъ отправляется въ Козарію, которую будто всю обращаетъ въ христіанство, хотя еще долго спустя большая часть Козаръ не были христіанами“. Добровскаго, Кир. и Меѳ. перев. Погодина, стр. 49.

риномъ, принявшимъ жидовство, болѣе другихъ состязавшимся съ Солунцами и противившимся ихъ ученію, но, наконецъ, побѣжденнымъ ими»*.

Хотя я нисколько не намѣренъ отрицать существованія того факта, что составители легендарныхъ сказаній не слишкомъ то стѣсняются заимствовать разныя черты своихъ расказовъ у своихъ предшественниковъ, мы однако должны пользоваться этимъ правиломъ умѣренно и примѣнять его только къ такимъ случаямъ, когда обстоятельства самихъ событій не даютъ намъ возможности объяснить черты сказаній. А кто знакомъ съ обыкновеннымъ характеромъ подобныхъ заимствованій, тотъ знаетъ, что составители легендъ заимствуютъ другъ у друга чаще всего расказы о чудесахъ и знаменіяхъ, и рѣже всего собственныя имена, ибо въ нихъ никогда нѣтъ недостатка и ихъ легче всего подмѣнять. Въ настоящемъ-же случаѣ, если только примемъ мнѣніе Бодянскаго, намъ представится противоположное явленіе. Ибо сами пренія въ расказахъ Амартолы и Кедрина съ одной стороны, и въ житіяхъ Солунскихъ братьевъ съ другой, нисколько не сходны между собою, а только имя представителя іудейства (Замврій) тождественно въ нихъ. Но еще болѣе страннымъ, если допустимъ предположеніе Бодянскаго, явится то обстоятельство, что чудеса и знаменія, имѣвшія мѣсто, по словамъ легенды, въ обоихъ случаяхъ, не представляютъ ничего сходнаго, и въ то время какъ Сильвестръ, по разсказу Амартолы и Кедрина, вдохновляетъ жизнь въ разрѣзаннаго быка, и этимъ чудомъ названный римскій епископъ побѣждаетъ Замврія и другихъ іудеевъ и убѣждаетъ ихъ въ превосходствѣ христіанской религіи, въ житіяхъ Солунскихъ братьевъ, послѣдніе творятъ другія чудеса, какъ напр. заставляютъ пересохнуть морской заливъ †, превращаютъ соленую воду въ сладкую **, побѣждаютъ іудеевъ нетолько сильными доводами и краснорѣчіемъ, но и молитвою †*, ребро мученика св. Климента возсіяетъ для нихъ подобно блистательной звѣздѣ и мощи испускаютъ пріятное благовоніе *† и т. д. Съ другой стороны, житіи славянскихъ апостоловъ представляютъ намъ разныя

* Бодянскаго, о времени происхожденія славянскихъ письменъ, Москва 1855, стр. 72. Въ греческомъ текстѣ Амартолы, изд. Муральта, Спб. 1859, сказаніе это читается на 405 и слѣд. страницахъ, а въ примѣчаніи тамъ издатель ссылается также на византійскаго лѣтописца Кедрина; см. также мою замѣтку у Гейгера. Jüdische Zeitschrift, III, 209.

† Моравская легенда, глава 2-я.

** Успенія св. Кирилла.

†* Паннонское житіе св. Меѳодія, глава 4-я; Проложное житіе Кирилла, у Погодина тамъ же, стр. 104.

*† Италіанская легенда о св. Климентѣ, глава 4-я.

черты или положительно указывающія на пренія, имѣвшія мѣсто при хазарскомъ дворѣ также и по вышеупомянутымъ еврейскимъ и арабскимъ историкамъ, или же сильно напоминающія данныя послѣднихъ источниковъ. Начнемъ съ того, что имя еврейскаго представителя на хазарскомъ диспутѣ вовсе не взято изъ сказанія объ епископѣ Сильвестрѣ, какъ утверждаетъ Бодянскій, но имѣетъ твердое историческое основаніе. Правда, что ни въ письмѣ царя Іосифа, ни въ Хазарской Книгѣ Галеви, не упомянуто, кто именно былъ тотъ «израильскій мудрецъ», который своими рѣчами и доводами успѣлъ обратить хакана Булана въ іудейство. Тѣмъ менѣе можно ожидать найти его имя въ арабскихъ источникахъ. Но уже извѣстный Барцелонскій раввинъ Мойсей Нахмани (иначе называемый *Рамбанъ;* жилъ въ XIII столѣтіи), приводя цитату изъ Хазарской Книги, говоритъ мимоходомъ: «Р. Іуда Галеви, авторъ Хазарской Книги, предложилъ вопросъ, или же, ученый еврей, обратившій хазарскаго царя, *по имени Р. Исаакъ га-Сангари* *, предложилъ этотъ вопросъ» **. Изъ этого видно, что въ XIII столѣтіи въ Испаніи существовали письменныя данныя о хазарахъ, не сохранившіяся для насъ, что весьма понятно, если вспомнимъ свидѣтельство правдиваго историка Авраама Ибнъ-Дауда: «мы видѣли въ Толедѣ ученыхъ потомковъ хазарскихъ евреевъ» †. Неизвѣстно взялъ ли Р. Шемъ-Тобъ, авторъ *Сеферъ га-Эмунотъ* (ум. въ 1430 году), названіе Сангари у Нахмани, или изъ другаго источника †*; но послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. Затѣмъ на заглавномъ листѣ перваго (Фано, 1506. 4°) и втораго изданій (Венеція, 1547. 4°) Хазарской Книги говорится, что „основаніе ея приписывается ученому *Р. Исааку Сангари*, составилъ же ее на араб-

* Варіанты: *Ашангари*, *га-Санри*; настоящее произношеніе этого имени, по вѣроятному предположенію Рапопорта (Керемъ хемедъ V, 201), будетъ *Синджари*, по городу *Синджаръ* въ Месопотаміи; см. еще мое соч. Altjüdische Denkmäler aus der Krim., p. 181.

** R. Mose ben Nachmans Dissertation, ed. Jellinek, Wien 1872, p. 11.

† *Сеферъ га-Каббала*, Амстрадамъ 1711, л. 46. Ибнъ-Даудъ писалъ въ 1161 году.

†* Въ IV главѣ *Сеферъ га-Эмунотъ* читаемъ: „Меня предупредилъ въ этомъ *Р. Исаакъ га-Сангари* (да будетъ память его благословенна!), товарищъ хазарскаго царя, обращеннаго въ іудейство чрезъ этого ученаго много лѣтъ тому назадъ въ землѣ Тограма, какъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ писемъ (или: письменныхъ памятниковъ). Отвѣты же и разсужденія этого ученаго указываютъ на великія его познанія въ Торѣ, Каббалѣ и во всѣхъ наукахъ, распространенныхъ на арабскомъ языкѣ, (или: отвѣты и разсужденія на арабскомъ языкѣ и т. д.), а ученый Р. Іуда Галеви, испанскій поэтъ, нашелъ ихъ (эти отвѣты и разсужденія) и составилъ изъ нихъ книгу“ и т. д.

скомъ языкѣ Р. Іуда Галеви“ и т. д. Точно также на заглавномъ листѣ 3-го изданія (Венеція, 1594. 4°, съ комментаріемъ Москато) сказано: „Хазарская Книга, основалъ се ученый *Р. Исаакъ га-Сангари* блаженной памяти, который прославилъ имя Божіе своимъ удачнымъ словопреніемъ“ и т. д. Изъ этихъ источниковъ черпали всѣ позднѣйшіе авторы, упоминающіе имя Сангари. Въ новѣйшее время открыты будто-бы нагробные памятники Сангари и его жены; но такъ какъ подложнсть этихъ памятниковъ была мною доказана до очевидности въ другомъ мѣстѣ *, то не считаю нужнымъ останавливаться здѣсь на этомъ пунктѣ.

Какъ бы то ни было, нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ настоящее время въ томъ, что имя представителя іудейства при хазарскомъ дворѣ, во время обращенія послѣдняго въ іудейство, было *Исаакъ Сангари*. На это послѣднее имя, только въ немного фонетически измѣненномъ видѣ указываютъ также славянскіе источники о Солунскихъ братьяхъ. Такъ въ вышеупомянутомъ Проложномъ житіи Кирилла, издан. Погодинымъ, читается: „И многи научи (Кириллъ) вѣровати Христови и *Замбрія* (варіанты: *Замбья*, *Замерія*, еретика молитвою умори“ **. Въ Проложномъ же житіи Меѳодія сказано: „*Замбрій же, родомъ Козаринъ*, а вѣрою еретикъ, начатъ противитися Меѳодію, хуля вѣру Христову“ †. Еще въ 1850 году извѣстный еврейскій библіографъ, Маврикій Штейншнейдеръ въ Берлинѣ, писалъ, что Шафарикъ указалъ ему имя *Сангари* въ славянскихъ источникахъ †*, не называя, къ сожалѣнію этихъ источниковъ по имени, а изъ личныхъ сообщеній г. Штейншнейдера мнѣ извѣстно, что онъ не помнитъ болѣе, какіе именно это были славянскіе источники, и по всей вѣроятности знаменитый славистъ имѣлъ въ виду только-что приведенныя мною Проложныя житія славянскихъ апостоловъ. На этомъ же основаніи Шафарикъ писалъ, что въ письмѣ Хазарскаго царя Іосифа и въ хазарской Книгѣ „находится извѣстіе объ ученомъ преніи Константина съ Іудеями въ Тавріи и Козарахъ“ *†. Къ упомянутымъ мѣстамъ о *Замбріи* или *Замвріи* въ

* См. мое сочиненіе: Altjüdische Denkmäler aus der Krim, напечатанное въ Мемуарахъ здѣшней Академіи наукъ, Спб. 1876, стр. 172—182; Журналъ Минист. Народ. Просв., іюля 1877, ч. CXCII, отд. 2, стр. 111—113.

** Кириллъ и Меѳодій, перев. Погодина, стр. 104.

† Тамъ-же стр. 106.

Gruber, II Section, Band XXVII, p. 405, Anm. 4.

†*) См. статью Jüdische Literatur въ Allgemeine Encyclopädie von Ersch und

*† Разцвѣтъ болгарской письменности, стр. 42, прим. 6; Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій, въ началѣ первой части.

недавнее время прибавился еще одинъ древне-русскій документъ, имѣющій большое значеніе въ настоящемъ вопросѣ. Я говорю про изданную И. И. Срезневскимъ „Службу св. Константину философу по восьми древнимъ спискамъ“, между которыми иные принадлежатъ XII вѣку *. Въ этой службѣ читаемъ между прочимъ; „Копиемъ словесъ твоихъ, яко *Замбрию* (варіанты, *Заамбрию*, *Замьбрия*, *Зубриу*) проньзлъ еси и т. д. Не оустрашися оучитель воиньскые единъ вънити *въ плькъ Жидовьскыи* всѣхъ же народъ ихъ прѣмоудростию развьрже стълпъ и т. д. Якоже претръжеся *съньмъ Еврескыи остротою словесъ твоихъ*“ и т. д. **. Нахожденія имя *Замбрія* въ такихъ древнихъ документахъ дѣлаетъ весьма неправдоподобнымъ предположеніе Бодянскаго о заимствованіи означеннаго имени изъ Сильвестрова сказанія.

Важно для насъ также то обстоятельство, что въ преніяхъ между философомъ (Константиномъ) съ одной стороны, и іудеями и хазарами съ другой, въ томъ видѣ, какъ эти пренія сохранились въ славянскихъ источникахъ, встрѣчаются разныя черты сходства съ тѣми диспутами, о которыхъ повѣствуютъ еврейскія преданія, или же находятся нѣкоторыя указанія на разныя обстоятельства, дѣйствительно существовавшія въ Хазаріи. Приведемъ для примѣра нѣкоторые вопросы и отвѣты, находящіеся въ отрывкѣ изъ хронографа графа Румянцева, изданномъ Погодинымъ: „Паки нѣкто Козаринъ впроси и рече: како вы золъ обычай имаете, иже вы ставите цря иного колена а не оттогоже колена?“ † (Въ Хазаріи, какъ свидѣтельствуютъ и арабскія современныя извѣстія, и письмо царя Іосифа, царская власть сохранилась всегда въ одномъ и томъ же семействѣ).

„К. (козаринъ) рече: вы убо книги держите вроукъ, отнихъ вся притча глете, мыже нетакъ, но отъ персии всю мдрсть поглощьши износимъ ю“ †*. (Въ Хазарской Книгѣ, ч. I § 6, приписывается хазарскому царю подобное возраженіе, обращенное противъ мусульманскаго ученаго).

„И пакъ рече Козаринъ: мы во единаго Бга вѣруемъ, яко же и юдеи, а вы во трцю и т. д. К. рече: како се есь три славы славити и несрамеетесь, а мы одину славу держимъ и т. д. Онъ же рече: все трое во счть имоутъ и т. д. И Ж. (Жидовинъ) рече: како можетъ Бъ вместитись въ члка и члкъ быти? и т. д. Ж. рече: первыи законъ дасъ вамъ-ли, намъ-ли? Ф. (философъ) рече: да первыи ли держите. Ж. Того бо подо-

*) Записки Имп. Академіи Наукъ, т. IX, кн. II, Спб. 1866, Приложеніе № 6

**) Тамъ же, стр. 72, 75 и 76.

†) Кириллъ и Меѳодій, перев. Погодина, стр. 111.

†*) Тамъ же, стр. 111.

баетъ держати и т. д. Ж. рече: мы также наречаемъ заветъ закономъ и елико держаша законъ Моісеовъ, вси Боу оугодиша, такоже и мы держимъ и не створимъ иного быти паче сего, а вы воздвигше инъ законъ, попираете Бии законъ" и т. д. *. Всѣ эти возраженія, въ болѣе или менѣе сходной формѣ, встрѣчаются и въ еврейскихъ сказаніяхъ о хазарскихъ словопреніяхъ, что даетъ поводъ предполагать вѣроятнымъ, что какъ еврейскія, такъ и славяно-русскія сказанія относятся къ одному и тому же событію. Нѣкоторыя другія черты въ славянскихъ сказаніяхъ, какъ напр. что іудеи хотѣли убить Философа **, напоминаютъ разсказъ арабскихъ писателей, что іудей убилъ мусульманскаго мудреца.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что преданіе о религіозныхъ препирательствахъ, происходившихъ въ Хазаріи и имѣвшихъ послѣдствіемъ обращеніе хазарскаго царя и части его подданныхъ, имѣетъ полное право на значеніе историческаго преданія, такъ какъ въ этомъ согласны разнообразные, другъ отъ друга независимые источники. Правда, что славянскіе источники относятъ это событіе ко времени Кирилла и Меѳодія, т. е. къ эпохѣ болѣе поздней, спустя слишкомъ столѣтіе послѣ принятія хазарами іудейства; но при всемъ томъ, славянскіе источники сохраняютъ, какъ мы видѣли, многіе слѣды преданія еврейскихъ и арабскихъ источниковъ объ ученыхъ преніяхъ, происходившихъ при хазарскомъ дворѣ. Между прочимъ, имя того еврея, который своими доводами и своимъ краснорѣчіемъ подѣйствовалъ на хазарскаго царя и который носилъ прозваніе *Сангари*, тѣмъ легче могло превратиться у составителей славянскихъ сказаній въ *Замбрія* и *Замврія*, что они были имъ знакомы, какъ еврейскія имена изъ священнаго писанія †. Несогласіе же во времени происшествія у составителей легендарныхъ сказаній — явленіе довольно обыкновенное. Къ тому весьма легко могло быть, что авторы житій и службы смѣшивали два факта, бывшіе результатомъ ученыхъ состязаній у хазаръ въ различное время: принятіе хаканомъ Буланомъ и высшимъ слоемъ хазарскаго народа іудейской вѣры въ первой половинѣ VIII-го вѣка, и обращеніе другой части хазаръ и, быть можетъ, васальнаго одного хазарскаго князя *† въ

* Тамъ же, стр. 112—113; ср. Бильбасова, Кириллъ и Меѳодій. ч. II, стр. 173.

** Въ Проложномъ житіи, приведенномъ выше: „И сотвори совѣтъ Жидове, хотѣша убити и", а про Замбрія: „Иже бѣ наустилъ убити святаго".

† Подъ такими формами передается еврейское имя *Зимри* (Второзакон. XXV, 14· I кн. Царствъ XVI, 9) у семидесяти толковниковъ и въ славянской Библіи.

*† Что верховный царь (Хаканъ, Хаганъ) и весь дворъ были еврейской

христіанство около половины IX-го столѣтія, посредствомъ пропаганды славянскихъ апостоловъ; причемъ, или имя представителя еврейской вѣры въ первомъ преніи отнесено было ко второму, или же, могло и то быть, что одинъ изъ потомковъ Сангари жилъ при дворѣ внуковъ и правнуковъ Булана, и этому потомку (Сангари II-му) пришлось вступить въ преніе по дѣламъ вѣры съ Константиномъ Философомъ. На такое положеніе вещей указывается даже отчасти въ житіяхъ, гдѣ *Козаринъ* и *Жидовинъ* суть почти синонимы. Такъ мы видѣли, что Замбрій называется то первымъ изъ этихъ двухъ эпитетовъ, то вторымъ; козаринъ, принимающій участіе въ преніи, по словамъ хронографа говоритъ: „Мы въ единаго Бога вѣруемъ, какъ и іудеи"; про Константина разсказывается, что силою своихъ проповѣдей обратилъ онъ въ Хазаріи тѣхъ, которые были совращены въ іудейство; составитель же Проложнаго житія Меѳодія прямо говоритъ: „Бяхуть бо уже Казары пріяли Жидовскую вѣру".

Во всякомъ случаѣ, эпизодъ обращенія хазаръ въ іудейство, со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами и образуемыми около него легендами, сказаніями и преданіями, представляется такимъ образомъ въ высшей степени интереснымъ предметомъ не только для изслѣдователей въ области исторіи евреевъ въ Россіи, но также и для спеціалистовъ по славяно-русской древней литературѣ.

А. Гаркави.

вѣры впродолженіе девятаго и десятаго столѣтій — намъ хорошо извѣстно изъ арабскихъ источниковъ и изъ письма царя Іосифа. Можно было бы даже узнать имя обращеннаго въ христіанство хазарскаго князя изъ вышеупомянутаго Успенія Кирилла, гдѣ въ одной рукописи онъ названъ *Захаріе*; но выше (пр. 17) уже было замѣчено, что имя есть это только варіантъ слова *Хазарія*.

А. Б. ЛЕБЕНСОНЪ

ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Годъ тому назадъ умеръ въ Вильнѣ, въ глубокой старости, знаменитый еврейскій поэтъ Абрамъ-Беръ Лебенсонъ, извѣстный подъ именемъ „Береля Михалишкера" и именовавшій самъ себя въ литературѣ АДАМЪ, что составляетъ аббревіатуру со словъ *А*брамъ *Д*объ (т. е. Беръ) *М*ихалишскій, по имени мѣстечка Михалишки, Виленской губ., гдѣ онъ воспитывался, женился и провелъ первые годы своей молодости.

О смерти Лебенсона въ свое время появились сообщенія въ различныхъ газетахъ и были напечатаны болѣе или менѣе подробные некрологи. Одинъ изъ этихъ некрологовъ, перепечатанный изъ № 257 Виленскаго Вѣстника отъ 28 ноября 1878 г., особой брошюрой, заявляетъ, повидимому, претензію на болѣе прочное и солидное значеніе. Но если некрологи вообще, какъ плодъ спѣшный и скороспѣлый, должны быть употребляемы біографами съ большою осторожностію, то и некрологи о Лебенсонѣ не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. И некрологъ-брошюра содержитъ въ себѣ неточности и дѣлаетъ сообщенія не всегда достовѣрныя. Авторъ брошюры очевидно не руководствовался даже тѣми скудными свѣдѣніями, которыя оставилъ намъ о себѣ самъ Лебенсонъ и съ которыми онъ неоднократно находится въ противорѣчіи.

Въ предисловіи къ своему сочиненію *Біуримъ Хадашимъ*, т. е. Новый Комментарій къ нѣкоторымъ книгамъ св. писанія, появившемуся въ Вильнѣ въ 1858 г., Лебенсонъ сообщаетъ о себѣ слѣдующее: Родился онъ въ Вильнѣ, гдѣ родители его принадлежали къ числу старожиловъ города. Еще въ дѣтствѣ онъ лишился матери и жилъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ у своего дѣда *, который и позаботился о его воспитаніи. Воспитаніе

* Авторъ брошюры говоритъ, что этотъ дѣдъ былъ нѣкій (!) Іона Доманскій. Іона Доманскій, должно быть, былъ именитый человѣкъ, такъ какъ по немъ на-

это, разумѣется, ограничилось посѣщеніемъ *хедера*, гдѣ маленькій Лебенсонъ сразу былъ погруженъ „въ пучину моря талмудическаго". На одиннадцатомъ году жизни Лебенсонъ поступилъ къ другому меламеду, нѣкоему р. Моисею Кагану, который, согласно установленію знаменитаго виленскаго гаона р. Иліи, обучалъ способныхъ къ тому мальчиковъ чтенію пятикнижія и отрывковъ изъ пророковъ (Афтаротъ) съ напѣвомъ, употребляемымъ въ синагогахъ. При этомъ Лебенсонъ впервые узналъ о существовоніи на свѣтѣ божьемъ другихъ священныхъ книгъ, кромѣ талмуда, и хотя книги ему не объяснялись, маленькій Лебенсонъ, по врожденной ему наклонности, вошелъ во вкусъ этого новаго предмета чтенія и сталъ уже самъ доискиваться въ немъ смысла. Года чрезъ два, когда ему было всего 13 лѣтъ, Лебенсона оженили и отправили въ маленькій городокъ (Михалишки), гдѣ онъ прожилъ 8 лѣтъ на хлѣбахъ у своего тестя, продолжая изучать талмудъ подъ руководствомъ меламда. По истеченіи завѣтныхъ восьми лѣтъ, Лебенсонъ вдвоемъ съ женою,—родившихся у нихъ дѣтей они лишились,—переселились въ другое близлежащее мѣстечко, чтобы вести жизнь самостоятельную, на проценты съ небольшого капитальца. Тамъ Лебенсонъ велъ жизнь почти отшельническую. Свободно выбирая предметы своихъ научныхъ занятій, онъ сталъ знакомиться съ познаніями внѣ талмудическими, занимался самъ, помощію какими-то судьбами добытыхъ имъ книгъ, разумѣется, на еврейскомъ языкѣ, философіею, математикою, естественными науками и географіею, отважился даже забраться въ туманныя дебри каббалы, въ которой достигъ нѣкоторой степени совершенства. По истеченіи другихъ четырехъ лѣтъ, въ которые онъ успѣлъ прожить свои деньги, Лебенсонъ вернулся въ Вильну и, въ свою очередь, сдѣлался меламдомъ. Онъ училъ дѣтей состоятельныхъ родителей, кромѣ главнаго предмета, талмуда съ комментаріями, мимоходомъ и св. Писанію, даже „немножко", какъ онъ выражается, евр. грамматикѣ. Обучая другихъ этимъ предметамъ, онъ самъ учился и совершенствовался въ нихъ. Десять лѣтъ онъ снискивалъ себѣ хлѣбъ тяжелымъ учительскимъ трудомъ, пока не заболѣлъ и чуть не впалъ въ чахотку. Тогда онъ оставилъ педагогическое поприще и сдѣлался *сарсуромъ*, денежнымъ маклеромъ или посредникомъ между заимодавцами и бравшими деньги взаймы. Пятнадцать лѣтъ онъ занимался этимъ ремесломъ, которое хотя и давало ему хорошія средства къ существованію, но подъ конецъ все-таки надоѣло, такъ какъ оно было противно его натурѣ. Онъ рѣшился вернуться къ занятіямъ болѣе

звана улица въ Вильнѣ. Въ Вил. Вѣстн. Іона Доманскій называется ошибочно не дѣдомъ, а дядею Лебенсона.

соотвѣтствующимъ его идеаламъ. Тогда онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ еврейскимъ библіографомъ Бенъ-Якобомъ затѣялъ новое изданіе книгъ Св. Писанія съ мендельсоновскимъ переводомъ и комментаріемъ. Книги эти, надо замѣтить, стали къ тому времени уже рѣдкостью и при высокой ихъ цѣнѣ не каждому доступны; спросъ же на нихъ сталъ усиливаться. Издатели рѣшили печатать книги выпусками въ 5 листовъ, съ цѣлію облегченія народу пріобрѣтенія этого необходимаго для каждаго образованнаго еврея изданія.

Къ тому времени Лебенсонъ своими сочиненіями успѣлъ уже стяжать себѣ извѣстность у евреевъ, стремившихся къ образованію, въ особенности первымъ томомъ его стихотвореній, появившихся въ Лейпцигѣ въ 1842 г. и возбудившихъ настоящій фуроръ среди еврейской молодежи. Народъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ затѣваемому имъ изданію св. книгъ и число подписчиковъ достигло 3,000. Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и дало предпринимателямъ хорошую прибыль. Къ концу этого времени для нашего Лебенсона открылся новый источникъ существованія, болѣе прочный и болѣе подходящій къ его наклонностямъ и способностямъ. Открылось въ Вильнѣ Раввинское Училище и Лебенсонъ былъ назначенъ въ немъ старшимъ учителемъ еврейскаго и халдейскаго языковъ. Въ этой должности Лебенсонъ состоялъ, кажется, до 1865 г., когда онъ, по слабости силъ, долженъ былъ отказаться отъ службы. Съ того времени онъ жилъ у своего сына и въ ночь съ 6 на 7 ноября прошлаго года, скончался безъ всякихъ симптомовъ предшествующей болѣзни, легъ спать, и уже больше не всталъ. Хотя физически Лебенсонъ былъ дряхлъ и слабъ, и въ особенности страдалъ зрѣніемъ, но умственно онъ остался свѣжъ и бодръ, и не переставалъ заниматься до самой кончины. Когда утромъ 7-го ноября вошли къ нему въ комнату и нашли его мертвымъ, то на столѣ нашли начатую письменную работу, которую онъ, уходя спать, намѣревался окончить на другой день Но этотъ другой день для него больше не наступалъ. Онъ безъ всякихъ страданій и мукъ перешелъ изъ объятій временнаго сна въ сонъ вѣчный, и умеръ тою тихою спокойною смертью, которую наши древніе учителя называютъ „смертью отъ поцѣлуя“ (митатънешика) и говорятъ, что это смерть людей праведныхъ.

Сколько именно лѣтъ было Лебенсону при смерти — это уже теперь составляетъ предметъ разногласія. Дѣло въ томъ, что Лебенсонъ, при всей свѣтлости своего ума, былъ одержимъ суевѣрною слабостію не разглашать о своихъ лѣтахъ. Ни въ бесѣдахъ съ знакомыми, ни въ многочисленныхъ своихъ сочиненіяхъ Лебенсонъ никогда объ этомъ не заикнулся. Въ упомянутомъ предисловіи къ его „Новому Комментарію“, гдѣ онъ сообщаетъ о себѣ

вышеизложенныя біографическія данныя, онъ, очевидно намѣренно, обходитъ молчаніемъ годъ своего рожденія. Эта скрытность дала поводъ къ догадкамъ и легендарнымъ преувеличеніямъ. Въ одномъ изъ появившихся о немъ некрологовъ даютъ ему 85, въ другомъ 95, въ третьемъ даже 105 лѣтъ. По словамъ упомянутой брошюры, называющей, не знаемъ на какомъ основаніи, годомъ рожденія Лебенсона 1787, ему при смерти было 91 годъ. По моему мнѣнію и это преувеличено и первая, самая меньшая, цифра—85 будетъ самая близкая къ истинѣ. Вотъ на какомъ основаніи: когда я въ 1876 году, возвращаясь изъ-за границы, разсказалъ Лебенсону о моемъ свиданіи въ Берлинѣ съ Цунцомъ, причемъ замѣтилъ, что этотъ маститый старецъ еще совершенно свѣжъ и бодръ, не смотря на его 82 года, у Лебенсона какъ-бы невольно сорвалось: „это мои лѣта!“ Правда, окружавшіе насъ знакомые тутъ-же, шутя, шепнули мнѣ: не вѣрьте, онъ лѣтъ десять скрываетъ. Но по лицу Лебенсона было замѣтно, что онъ говоритъ истину; минута была слишкомъ серьезна для шутки. Къ тому же это самое приблизительно выходитъ изъ его словъ въ приведенномъ выше предисловіи,—что онъ перестал заниматься денежною агентурою на 50 году жизни, а это, какъ намъ кажется, случилось около 1843—4 года.

Но сколько-бы лѣтъ ни было Лебенсону—не въ томъ сила и не этотъ вопросъ насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ. Жизнь человѣка измѣряется не числомъ прожитыхъ имъ дней и ночей, а важностью пережитыхъ имъ событій и тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ нихъ. Что значитъ напр. тысяча лѣтъ, прожитыхъ какимъ-нибудь Маѳусаиломъ, который, при окончаніи земного поприща, оставилъ человѣческій родъ на той же ступени развитія, на которой онъ его засталъ? Вѣкъ, прожитый Лебенсономъ, совпадаетъ съ XIX столѣтіемъ, самымъ славнымъ въ исторіи человѣчества и не менѣе знаменательнымъ въ исторіи нашего народа. Это вѣкъ ослабленія братоубійственныхъ предразсудковъ и враждованій,—вѣкъ стремленія всѣхъ членовъ великой человѣческой семьи къ сближенію, къ объединенію. Конечно, не вездѣ это сближеніе сдѣлало одинаковые успѣхи; но движеніе по этому направленію замѣтно вездѣ и повсюду. Другой вопросъ, какое участіе принималъ Лебенсонъ въ этомъ движеніи и какое вліяніе имѣлъ онъ на своихъ русскихъ единовѣрцевъ. Разъясненіе этого вопроса мы поставили себѣ задачею настоящей статьи и мы намѣрены относиться къ этой задачѣ съ объективностью и безпристрастіемъ, достойными памяти человѣка, не нуждающагося въ лести и потворствѣ. Мы говоримъ это въ виду начинавшихъ появляться о покойномъ легендарныхъ прикрасъ. Въ вышеупомянутой брошюрѣ, напр., между прочимъ, говорится, что у Лебен-

сона былъ дипломъ на званіе раввина, что онъ былъ избранъ раввиномъ въ Ошмянахъ, что, будучи еще въ домѣ своего дѣда или дяди, онъ изучалъ европейскіе языки и владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ настолько, что безъ посторонней помощи читалъ и понималъ нѣмецкихъ классиковъ, что онъ сдѣлался для русскихъ евреевъ вторымъ Спинозою. Между тѣмъ все это принадлежитъ къ области легенды и фантазіи. Самъ Лебенсонъ о своемъ раввинствѣ не упоминаетъ ни словомъ. Европейскихъ языковъ онъ не понималъ и нѣмецкихъ классиковъ самостоятельно читать онъ не могъ. На моихъ глазахъ его дѣти, въ особенности его покойный сынъ Михей-Іосифъ, читали и объясняли ему стихотворенія Шиллера и другихъ поэтовъ на нѣмецкомъ языкѣ. При насъ онъ разъ просматривалъ книгу одного нѣмецкаго еврейскаго ученаго,—помнится, это была книга *Мело-Хофнаимъ* Гейгера, вышедшая въ 1847 г.—и съ трудомъ, почти инстинктивно, добиваясь смысла, жаловался на то, что еврейскіе ученые за-границею пишутъ не по-еврейски. Сравненіе Лебенсона съ Спинозою также весьма неудачно. Лебенсонъ никакихъ философскихъ системъ не созидалъ, новаго міровоззрѣнія не проводилъ, богословской критикой не занимался и вообще *фактической* реформаторской дѣятельности не обнаруживалъ. Онъ продолжалъ идти по пути, проложенному Мендельсономъ и его школою, вліялъ на своихъ единовѣрцевъ своимъ выдающимся писательскимъ талантомъ, обращая ихъ къ здравому разсудку своими проповѣдями и комментаріями къ св. книгамъ и облагороживая ихъ вкусъ своими образцовыми поэтическими произведеніями.

Мы разъ имѣли уже случай въ этомъ изданіи высказаться о значеніи ново-еврейской литературы въ дѣлѣ преобразованія русскихъ евреевъ (Евр. Библ. T. 1, стр. 342 и д.). Бросивъ тогда краткій ретроспективный взглядъ на исторію еврейской литературы, мы раздѣлили ее на три главные періода, на литературу періода доталмудическаго, шедшую рядомъ, даже впереди литературъ другихъ культурныхъ народовъ, на литературу талмудическаго періода, вплоть до нашего столѣтія развивавшуюся въ сторонѣ отъ общей дороги прогресса и отставшую въ своемъ развитіи отъ другихъ европейскихъ народовъ,—и на ново-еврейскую литературу, старающуюся нагнать и стать въ уровень съ общею современною литературою. Мы тогда сказали и указаніями на исторію подтвердили, что на евреевъ, какъ на народъ культурный, вѣрнѣе всего дѣйствуютъ книги. Книга создала этотъ народъ, книга сохранила его народность, книги могли его изуродовать и перенести въ страну утопій и книги же могутъ его вылечить и возвратить къ реальной жизни. Безпримѣрныя въ исторіи невзгоды и неодолимыя препятствія, встрѣтившіяся евреямъ на пути

ихъ развитія, не низвели ихъ до степени кафровъ, готентотовъ или крѣпостныхъ крестьянъ христіанскихъ земель. Народный геній ихъ повернулъ парализованный полетъ свой въ сторону и культура ихъ потекла по отдѣльному руслу. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, культура ихъ приняла особый своеобразный типъ. Отвергнутый свѣтомъ, еврейскій народъ отвернулся отъ свѣта. Мысль его окаменѣла на извѣстныхъ понятіяхъ; литература его сосредоточилась, главнѣйшимъ образомъ, въ богословскихъ кругахъ; поэзія его стала исключительно церковною *. Свѣтской литературы не существовало у евреевъ, какъ не существовалъ для нихъ свѣтъ. Руководители еврейской мысли сознательно и намѣренно повели ее по этому направленію въ тѣ непригдядныя времена, когда соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, не суля евреямъ житейскихъ выгодъ, угрожало существованію ихъ національности. Чтобы безпрепятственно слѣдовать по этому направленію, признанному для народа единственно спасительнымъ, руководители народной мысли той длинной и мрачной эпохи обуздали порывы раціонализма и запретили ввозъ въ станъ Израиля экзотическихъ познаній. Даже литературныя произведенія перваго періода, вслѣдствіе своего общечеловѣческаго, отчасти даже раціональнаго характера, были или совершенно изъяты изъ программы воспитанія дѣтей или-же были сообщаемы имъ съ иносказательнымъ толкованіемъ и въ смыслѣ, умышленно пріуроченномъ къ предвзятой цѣли. Это послѣднее явленіе, впрочемъ, повторялось и у другихъ народовъ, черпавшихъ свое міросозерцаніе изъ еврейскихъ литературныхъ источниковъ перваго періода. Извѣстно, что въ строго католическихъ странахъ библія до новѣйшихъ временъ была изъята изъ обращенія въ народѣ. При первомъ проблескѣ лучшаго дня, обѣщающаго разсѣять для евреевъ призракъ страха предъ внѣшнимъ міромъ, руководителямъ еврейской мысли новой эпохи осталось только, естественнымъ образомъ, пойти тѣмъ-же обратнымъ путемъ: возстановить простой смыслъ св. книгъ, все еще лежавшихъ въ основаніи воспитанія еврейскаго юношества и примирить евреевъ со свѣтомъ посредствомъ свѣтской литературы. Эта свѣтская

---

* Издатель „Библіотеки", не соглашаясь съ нашимъ взглядомъ указываетъ на сочиненія еврейскихъ философовъ и поэтовъ прежнихъ вѣковъ: Ибнъ-Эзры, Маймонида, Гебирола, Галеви и пр. до Луцатто. Но онъ при этомъ не принялъ въ соображеніе количественной незначительности и малой распространенности ихъ въ народѣ, въ сравненіи съ многочисленностію и распространенностію сочиненій богословскаго и схоластическаго содержанія. Произведенія же поэтовъ тѣхъ временъ, хотя и существовали, но вплоть до нашего времени вовсе не были изданы въ свѣтъ.

литература для евреевъ, иначе новоеврейская литература, могла быть первоначально создана на единственно доступномъ для евреевъ языкѣ древне-еврейскомъ, которому, очевидно, присуждена незавидная роль куколки въ процессѣ метаморфозы гусеницы. Это отлично поняли и такъ поступали въ Германіи Мендельсонъ и его адепты; точно также поступали послѣдователи ихъ между евреями въ нашемъ отечествѣ, у которыхъ, вплоть до нашего времени, свѣтской литературы не существовало. Она лишь въ наше время была завезена къ намъ изъ Германіи и стала изготовляться собственными силами. Ея благотворное вліяніе на лицо. Ново-еврейская литература имѣла для русскихъ евреевъ то значеніе, что ассамблеи Петра Великаго для русскихъ. Она развила ихъ вкусъ, смягчила нравы, прорубила имъ окно въ Европу.

Съ этой точки зрѣнія Лебенсонъ, какъ корифей ново-еврейской литературы, какъ творецъ еврейской поэзіи въ Россіи, получаетъ высокое значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія и развитія русскихъ евреевъ. Онъ не образовалъ школы, не проводилъ новыхъ системъ, не добивался громкаго имени реформатора. Онъ дѣйствовалъ не съ шумомъ и трескомъ ледокола, а тихимъ согрѣвающимъ лучомъ, отъ котораго таютъ ледяныя горы. Онъ трудился на пользу своихъ русскихъ единовѣрцевъ какъ писатель, какъ ораторъ и какъ педагогъ. Какъ писатель, онъ одинаково успѣшно занимался грамматикою, экзегетикою и поэзіею; но главная, рѣшительная его сила проявилась въ поэзіи.

Лебенсонъ, какъ поэтъ, былъ талантъ-самородокъ. Не владѣя другими языками кромѣ еврейскаго, онъ не имѣлъ доступа къ твореніямъ великихъ европейскихъ поэтовъ. Ему, въ началѣ его писательской дѣятельности, не могли быть также извѣстны капитальныя произведенія еврейскихъ поэтовъ прежнихъ временъ, произведенія р. Іегуды га-Леви, Бенъ-Гебироля, Га-Нагида и др., даже Эфраима Луцатто, которыя тогда безмятежно еще покоились, какъ рукописи, въ пыли отдаленныхъ библіотекъ. Единственный поэтъ, который могъ служить Лебенсону первообразомъ, былъ Вессели, авторъ классической эпопеи Моисеиды (*Шире-Тифэретъ*), который, впрочемъ, самъ одною только ногою сошелъ съ почвы церковной поэзіи. Другія риѳмованныя упражненія непризванныхъ стихоплетовъ въ литературныхъ сборникахъ ***Га-Меасефъ*** и ***Биккуре га-Иттимъ*** скорѣе могли служить образцомъ того, какъ не должно писать стихи.

Но эта скудость знакомства съ инородными поэтами имѣла и выгодную сторону для лебенсоновской музы. Духъ еврейскаго языка сохранился у него въ первобытной чистотѣ, и съ тѣмъ бо́льшимъ блескомъ является его врожденный поэтическій даръ. Предоставленный самому себѣ, онъ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ, все сдѣлалъ собственными силами и до того изощрился въ своемъ искусствѣ, что въ состояніи былъ изъ самаго невзрачнаго матеріала сработать самыя прекрасныя вещи. Все у него самобытно, самородно. Только себѣ и своему таланту онъ обязанъ тѣми прекрасными стихами, которые имѣли такое обаятельное вліяніе на умы еврейской молодежи.

Сила лебенсоновскаго стиха состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи эстетическаго чувства съ изящностью формы. Въ то время какъ изысканный вкусъ, здравая логика и возвышенная фантазія работали надъ идеею, обширное и основательное знаніе языка довело пластику стиха до совершенства. Не смотря на стѣснительныя фижмы модной просодіи и взыскательныя требованія своенравной грамматики, слогъ его не теряетъ въ своей гибкости и граціозности. Поразительные переходы и неожиданные обороты рѣчи только возвышаютъ прелесть симметрическаго строя цѣлаго и придаютъ бо́льшую звучность высокому лиризму. Стихъ читается плавно, съ упоеніемъ и дѣйствуетъ неотразимо на умъ и сердце. Это ликеръ, который пьется сладко, но и бьетъ въ голову; того и гляди, незамѣтно опьянѣешь. Достаточно прочесть изъ произведеній Лебенсона перваго періода два стихотворенія ***Гамитеоненъ ве-Гамешореръ*** (Жалующійся и Ликующій), гдѣ скорбное міросозерцаніе разочарованнаго пессимиста противупоставлено восторженному настроенію довольнаго оптимиста, или великолѣпное стихотвореніе *Га-Хемла* (Милосердіе), въ которомъ сцены житейскихъ бѣдствій и типы страждущихъ такъ живо и картинно нарисованы умѣлою кистью, чтобы убѣдиться, что имѣешь дѣло съ твореніями первоклассного мастера. Правда требуетъ сказать, что въ произведеніяхъ лебенсоновой музы послѣдней эпохи дѣло нѣсколько измѣняется. Поэтъ начинаетъ философствовать; мысль возвышается на счетъ чувства; холодная обдуманность и любомудріе умѣряютъ порывъ фантазіи; слогъ теряетъ въ своей плавности, хотя стихъ не перестаетъ быть образцовымъ, какъ по содержанію, такъ и по отдѣлкѣ.

Подкрѣпимъ высказанное мнѣніе однимъ примѣромъ. Въ 1-мъ и 2-мъ т. ***Шире-Сефатъ-Кодешъ*** есть два стихотворенія съ одинаковымъ сюжетомъ: оба они—элегіи на смерть дѣтей. Первая подъ заглавіемъ ***Миспадъ-Маръ*** * (Горькій плачъ), на смерть дочери, никому невѣдомой дѣвчонки, и сына, шестилѣтняго мальчика, который былъ отправленъ въ „губительный го-

* Ш.-С.-К. Т. I стр. 225--237, во 2 изд.

родъ", должно быть, въ *Михалишки* *, гдѣ и умеръ; вторая элегія — *Михалъ-Димеа* (Потокъ слезъ) ** на смерть взрослаго даровитаго сына Михея-Іосифа. Казалось-бы, вторая элегія должна была быть сильнѣе и трогательнѣе, въ виду бо́льшаго значенія оплакиваемой утраты; выходитъ однакожъ наоборотъ. Первая всецѣло проникнута искреннею скорбію, обнаруживающею истерзанную душу отца-поэта; каждый стихъ въ ней уколъ остріемъ; своею естественностью и изящностью она напоминаетъ Сіониду р. Іегуды Галеви. Во второй-же чувствуется что-то дѣланное, искусственное и впечатлѣніе отъ нея далеко не то, что отъ первой. Это дѣйствительно цѣлый *потокъ* слезъ, промежъ которыхъ тамъ и сямъ пробѣгаетъ и водянистая струйка. Поэтъ, очевидно, боялся чего нибудь не досказать или полагалъ измѣрить величину утраты количествомъ стиховъ, доведенныхъ до ста тридцати шести гекзаметровъ.

Преобладающіе элементы въ поэзіи Лебенсона—лирическій и дидактическій; до эпической поэмы онъ не добрался. Образецъ исторически-повѣствовательной поэзіи, данный имъ въ „Уріи и Батъ-Сева" (т. II, стр. 98), даромъ что мѣстами онъ составляетъ подражаніе Шиллеру, вышелъ довольно слабъ и остался единственнымъ. За то талантъ его въ полномъ блескѣ обнаруживается въ аллегорической драмѣ *Эметъ ве-Эмуна* (Правда и Вѣра), составленной по образцу извѣстныхъ аллегорическихъ драмъ М. Х. Луцатто „Лаіешаримъ Тегила" и „Мигдалъ-Озъ". Подъ легкимъ покровомъ прозрачной аллегоріи въ «Эметъ ве - Эмуна» рисуется нравственно духовный бытъ евреевъ и взглядъ на него автора. Выведенныя въ ней дѣйствующія аллегорическія лица—всѣ знакомые типы изъ современнаго еврейства.

Попытаемся вкратцѣ передать фабулу и содержаніе этого творческаго произведенія.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ и попеременно—въ провинціальномъ городѣ древней Іудеи. *Хохма* (Премудрость, σοφια) царствуетъ въ странѣ вмѣстѣ съ *Эмет*'омъ (Правдою, δικη), при содѣйствіи перваго министра *Сехеля* (Разума, Νοῦς). Но *Сихлуть* (Глупость, Невѣжество) составляетъ заговоръ и съ помощію своихъ совѣтниковъ *Мирма* (Обманъ) и *Шекера* (Ложь), сына *Димiона* (Воображенія), замышляетъ свергнуть *Хохму* съ престола и занять ея мѣсто. Вытѣсненная изъ столицы, *Сихлуть* со своими

* На что вѣроятно намекаетъ еврейское слово *Мешахалетъ* (губительный) стихъ 8, 5, которое въ парономазіи буквъ напоминаетъ *Михалишки*. Подобная игра словъ очень въ ходу у ново-еврейскихъ писателей.

** Ш.-С.-К. II т. 191—236.

пособниками удаляется въ провинцію, ищетъ и находитъ убѣжище въ домѣ *Гамона* (Толпы, δῆμος). *Гамонъ*—состоятельный и вліятельный землевладѣлецъ, но онъ и жена его *Птаіуть* (Наивность, Легковѣріе) находятся подъ вліяніемъ учителя *Цивеона* (Пестраго, т. е. Ханжи), который подъ личиною богоугожденія таитъ самые скверные и низменные помыслы и растлѣваетъ окружающую среду. Заговорщики находятъ въ немъ единомышленнаго и ревностнаго сотоварища и съ его помощію утверждаются въ домѣ *Гамона.* Для предотвращенія дальнѣйшаго распространенія зла *Сехель* совѣтуетъ, чтобы *Эметъ* женился на *Эмунѣ* (Вѣрѣ), дочери *Гамона* и *Птаіуть*, и водворился въ домѣ Гамона. Хохма принимаетъ это предложеніе и предлагаетъ самому же *Сехелю* посредничество въ этомъ дѣлѣ. И вотъ, *Сехель* отправляется въ деревню и дѣлаетъ *Гамону* предложеніе отъ имени царицы; *Эмуна*, слышавшая про Эмета и плѣненная его славою, охотно соглашается выйти за него. Гамонъ однакожъ хочетъ сперва вопросить своего оракула, Цивеона, который, въ свою очередь, совѣтуется съ заговорщиками. Заговорщики не смѣютъ явно выступить противъ царицы и прибѣгаютъ къ хитрости. Тутъ составляется цѣлый комплотъ. *Цивеонъ* притворяется восхищеннымъ предложеніемъ *Хохмы* и совѣтуетъ Гамону приготовить *Эмету* торжественную встрѣчу, соотвѣтствующую высокому его сану. Какъ могли предвидѣть заговорщики, встрѣча и введеніе *Эмета* въ домъ Гамона поручается *Цивеону*, какъ почтеннѣйшему лицу въ домѣ *Гамона. Цивеонъ* ставитъ условіемъ, чтобы его не сопровождалъ *Сехель*, котораго онъ терпѣть не можетъ. И вотъ *Эметъ* въ нарядѣ, изготовленномъ для него невѣстою, и украшенный царскою печатью, ѣдетъ одинъ съ *Цивеономъ*; но неподалеку отъ дома *Гамона* на нихъ нападаютъ заговорщики, бросаютъ *Эмета* въ темницу, облекаютъ въ его платье и снабжаютъ отнятою у него царскою печатью *Шекера*, котораго вводятъ въ домъ *Гамона* подъ именемъ *Эмета*. Такимъ образомъ *Эмуна* (Вѣра), введенная въ заблужденіе Цивеономъ (святошами), вмѣсто *Эмета* (Правды), соединяется съ *Шекеромъ* (Ложью), которому она рождаетъ дочь *Икшуть* (Фанатизмъ, Изувѣрство); а *Шекеръ*, подъ печатью *Эмета*, распространяетъ у Гамона лжеученіе и несообразныя законоположенія, при чемъ послѣднія, между прочимъ, имѣютъ послѣдствіемъ обнищеніе Гамона который оставилъ практическій трудъ земледѣльца и сталъ увлекаться фантасмогоріями Цивеона и Шекера. Дѣло не остается долго незамѣченнымъ. Сехель, при ревизіи страны, замѣчаетъ несчастную перемѣну и доводитъ о ней до свѣдѣнія *Хохмы*, до которой уже дошли жалобы *Гамона* на разстройство его благосостоянія. Хохма поручаетъ *Сехелю*

отправиться въ домъ Гамона и убѣдиться на мѣстѣ, гдѣ корень зла и откуда такая перемѣна съ Эметомъ. Но мнимый Эметъ не принимаетъ Сехеля и отказывается отъ знакомства съ нимъ. Сехель приходитъ въ совершенное недоумѣніе и отчаяніе, пока онъ сверхъестественнымъ образомъ не натыкается на мѣсто заключенія несчастнаго Эмета, услышавъ его слабый голосъ изъ подземелья. Онъ обращается къ старѣйшинамъ города, къ *Хахме-Левъ* (т. е. Людямъ умнымъ), съ помощію которыхъ онъ выводитъ Эмета на свѣтъ божій. Является на сцену сама царица. Изобличенный *Шекеръ* бѣжитъ и кончаетъ жизнь самоубійствомъ; *Икшутъ* падаетъ отъ рукъ матери своей, разъяренной *Эмуны*, которая за тѣмъ соединяется съ настоящимъ *Эметомъ*. Остальные заговорщики несутъ каждый заслуженную кару; *Цивеонъ* закрѣпощается для служенія *Хахме-Левъ* (Людямъ умнымъ), противъ которыхъ онъ интриговалъ. Съ упроченіемъ царства Премудрости, Истины и Разума возстановляется и благосостояніе Гамона (Народа).

Подробное описаніе отдѣльныхъ явленій драмы и мастерски проведенныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ не въ нашемъ планѣ. Изъ даннаго нами сжатаго очерка ея содержанія достаточно видно, что каждое дѣйствующее въ ней лицо олицетворяетъ собою извѣстный классъ людей въ еврейскомъ обществѣ; сама же пьеса, хотя аллегорически, но довольно явственно рисуетъ анормальное развитіе и состояніе какъ духовнаго, такъ и экономическаго строя этого общества и въ развязкѣ своей указываетъ на религіозную реформу, какъ на единственный способъ его исправленія. Въ высшей степени правильный и богатый слогъ аллегоріи можетъ быть слишкомъ цвѣтистъ и изященъ для бытоописательной драмы, долженствующей къ тому же вліять на темныя массы народа.

Лебенсону, какъ эксегету, не доставало многаго. Онъ не владѣлъ сродственными еврейскому языку восточными идіомами; ему недоставало знанія исторіи народовъ современныхъ библейской эпохѣ и даже знанія нѣкоторыхъ сторонъ еврейской исторіи, критически освѣщенной и систематически разработанной лишь впослѣдствіи. Ему опять-таки были недоступны сокровища современной эксегетики и критики не-еврейскихъ ученыхъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ значительно уступалъ комментаторамъ Мендельсоновской школы. Но его прямой взглядъ и аналитическій умъ, присущее ему глубокое знаніе духа и склада еврейскаго языка, его умѣнье углубляться, такъ сказать, всасываться въ смыслъ буквы и слова замѣняли ему многое. Св. книги обязаны ему освѣщеніемъ многихъ и очень многихъ темныхъ мѣстъ. Его заслуги по части библейской эксегезіи признаются такими авторитетами, какъ знаменитый пражскій раввинъ С. Л. Рапопортъ и извѣстный ученый

И. С. Реджіо *. Къ тому же не надо забыть, что Лебенсонъ стоялъ твердо на почвѣ преданія и масоретскаго текста. Немудрено новымъ эксегетамъ толковать св. писаніе, безцеремонно обращаясь съ текстомъ, просто на просто разбрасывая старый наборъ и набирая его съизнова по своему усмотрѣнію. Это дѣлаютъ не только эксегеты не-евреи, у которыхъ руки развязаны, но и люди какъ Гретцъ, который нерѣдко подгоняетъ текстъ подъ предвзятую идею или подъ форму событія, какъ она сложилась у него въ умѣ при его историческихъ экскурсіяхъ. Такъ писать комментаріи и исторію—вещь весьма удобная, но насколько это соотвѣтствуетъ истинѣ—вопросъ особый.

Широкое поле для эксегетической дѣятельности представилось Лебенсону при изданіи въ сороковыхъ годахъ Библіи съ переводомъ Мендельсона и комментаріями. Изданіе это, предпринятое хотя съ меркантильною цѣлію, имѣло для евреевъ и просвѣтительное значеніе, въ родѣ того, какое имѣло въ свое время изданіе самого Мендельсона и его послѣдователей.

Недюжинный талантъ обнаруживалъ Лебенсонъ и какъ проповѣдникъ. Появившіяся въ печати его гомилетическія произведенія, какъ *Эвелъ Кાведъ*—на смерть раввина Саула Каценеленбогена, *Кинатъ Соферимъ*—на смерть друга и сподвижника Лебенсона на поприщѣ новоеврейской литературы М. А. Гинцбурга, не говоря уже о сборникѣ обязательныхъ проповѣдей въ раввинскомъ училищѣ (Ковецъ-друшимъ), носящихъ казенную окраску, не даютъ при чтеніи ихъ полнаго понятія о его дарѣ словъ. Надо было слушать его живую рѣчь. Говорилъ онъ медленно, спокойно, безъ всякаго увлеченія, какъ-бы бесѣдуя, но съ неотразимою убѣдительностію, съ внушительнымъ тономъ аксіомы. Развивая мысль и анализируя тезисы до мелчайшихъ подробностей,—онъ давалъ слушателямъ возможность предугадывать выводы и проникнуться ихъ очевидностію. Онъ будто открывалъ предъ ихъ глазами ландшафтъ, конецъ котораго видѣнъ на далекомъ разстояніи. Типическая особенность его ораторскаго таланта состояла въ томъ, что какъ ни ясна и понятна была его рѣчь для слушателя, ее трудно было передать другому. Выходило что-то не такъ; все чего-то не доставало. Насъ было десятка два молодыхъ людей, и между ними нѣсколько весьма воспріимчивыхъ и даровитыхъ, когда Лебенсонъ зимою 1852 г., въ годовщину смерти своего сына Михея-Іосифа, произнесъ рѣчь у себя на квартирѣ. Всѣ были очарованы рѣчью, но сколько ни старались послѣ того воспроизвести хоть частицу ея, никому это въ совершенствѣ не удавалось.

* См. предисловіе къ Біуримъ Хадошимъ, стр. XVI.

Лебенсонъ, какъ грамматикъ и изслѣдователь еврейскаго языка, былъ единственный въ своемъ родѣ. Извѣстны его сочиненія и статьи по этому предмету. Противники обвиняли его въ излишней щепетильности, въ буквоѣдствѣ; но есть-ли грамматика вообще что-либо иное, какъ наука о буквахъ? Тѣмъ болѣе грамматика еврейская, въ которой до сихъ поръ еще такъ много неразъясненнаго, недодѣланнаго, гдѣ одна іота, одна точка въ буквѣ измѣняетъ значеніе слова и всего строя рѣчи. Еврейская грамматика, надо замѣтить, составилась à posteriori. Едва-ли Исай или даже Ездра зубрили въ молодости склоненія и спряженія. Она существовала эмпирически, и лишь впослѣдствіи, когда языкъ переставалъ уже быть разговорнымъ, ее стали возводить въ теорію на основаніи письменныхъ матеріаловъ. Эта работа, начатая если не Іегудою Хаіугомъ, жившимъ въ началѣ XI столѣтія, то много-много первыми масоретами въ VIII столѣтіи, продолжается еще по нынѣ. Лебенсонъ былъ однимъ изъ корифеевъ этой работы. Во всѣхъ его произведеніяхъ по этой части видны его проницательный умъ, неуклонная послѣдовательность, добросовѣстное исканіе истины и желаніе исчерпать предметъ ad extremum.

Покончивъ съ писательскою дѣятельностію Лебенсона, мы тутъ-же даемъ въ хронологическомъ порядкѣ перечень отдѣльныхъ его сочиненій и монографій, не касаясь многочисленныхъ его статей и стихотвореній, появлявшихся во всѣхъ современныхъ еврейскихъ журналахъ и газетахъ.

1) *Ширъ Хавивимъ* (Пѣснь возлюбленныхъ), стихотвореніе въ честь графа Тишкевича, вѣроятно по случаю бракосочетанія, съ польскимъ переводомъ. Вильна, 1822, въ листъ. Намъ этого стихотворенія видѣть не довелось.

2) *Эвелъ Каведъ* (Плачъ великій)—по поводу смерти виленскаго раввина Саула Каценеленбогена. Вильна, 1825, въ 8°.

3) *Колъ-Гамонъ-Хогегъ* (Гласъ ликующаго народа), эпиталама по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра II. Гимны въ бѣлыхъ стихахъ съ переводомъ на нѣм. языкъ В. Тугендгольда. Вильна, 1841, 8°.

4) *Шире-Сефатъ-Кодешъ* (Стихотворенія на свящ. языкѣ). Томъ 1-й напеч. въ Лейпцигѣ, 1842; второе исправленное и дополненное изданіе, Вильна, 1861, 8°.

5) Тоже — II т. Вильна, 1856.

5) *Кинатъ Соферимъ* (Плачъ писателей), по случаю смерти извѣстнаго писателя М. А. Гинцбурга, Вильна, 1847, 8.

6) *Клилъ-Іофи* (Вѣнецъ красы), гимнъ и молитва по случаю коронаціи Государя Императора Александра II. Вильна, 1856.

7) *Біуримъ Хадашимъ*, Новый Комментарій къ нѣкоторымъ книгамъ Св. Писанія, Вильна, 1858.

8) *Эметъ ве-Эмуна* (Правда и Вѣра), аллегорическая драма въ 3 дѣйствіяхъ, Вильна, 1867.

9) *Ковецъ Дерушимъ* (Сборникъ проповѣдей), изданъ на счетъ казны, какъ руководство для воспитанниковъ Раввинскаго Училища. Вильна, 1864.

10) *Іитронъ-ле-Адамъ* (Прибавленія Адама), примѣчанія, объясненія и дополненія къ грамматикѣ Бен-Зева, вмѣстѣ съ этою грамматикою. Вильна.

11) *Шне Лухотъ га-Эдутъ*, двѣ экзаменаціонныя таблицы, для упражненія въ еврейскихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Вильна.

12) *Іетеръ Шире Адамъ*, Остальныя стихотворенія Адама. Вильна.

Непосредственное вліяніе на развитіе современнаго поколѣнія русскихъ евреевъ производилъ Лебенсонъ какъ педагогъ, чѣмъ, какъ мы видѣли, онъ оставался бо́льшую часть своей жизни. Прослуживъ 16 лѣтъ старшимъ учителемъ евр. языка и словесности въ Виленскомъ Раввинскомъ училищѣ, онъ насчитывалъ своихъ слушателей сотнями, изъ коихъ многіе трудятся теперь на пользу общую въ качествѣ педагоговъ, раввиновъ, писателей или ученыхъ. Но еще задолго до возникновенія раввинскихъ училищъ Лебенсонъ училъ дѣтей знатныхъ евреевъ въ Вильнѣ, — этой метрополіи еврейской интеллигенціи въ сѣверо-западномъ краѣ. Можно себѣ вообразить, какой это былъ учитель-феноменъ въ то время абсолютизма меламдовъ и хедерной системы. Въ числѣ его учениковъ той эпохи были люди, пріобрѣвшіе впослѣдствіи извѣстность, какъ *Х. Л. Каценеленбогенъ*, еврейскій ученый и самъ старшій учитель раввинскаго училища; извѣстный въ Петербургѣ Л. М. Розенталь, до сихъ поръ любитель новоеврейской литературы и владѣющій въ совершенствѣ древне-еврейскимъ языкомъ; состоявшій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія І. И. Зейберлингъ, и др. Вокругъ Лебенсона всегда толпился многочисленный кругъ любознательныхъ молодыхъ людей, которымъ онъ помогалъ совѣтами и наставленіями на пути ихъ саморазвитія и образованія.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ участіи Лебенсона въ устройствѣ и организаціи первой реформированной синагоги въ Вильнѣ, существующей до сихъ поръ подъ названіемъ „*Тагаротъ га-Кодешъ*“ (Очищеніе Святыни). Онъ долгое время въ торжественные дни въ ней проповѣдывалъ и читалъ Св. Писаніе.

Лебенсонъ былъ образцовый семьянинъ и человѣкъ строгой честности.

Онъ, какъ мы видѣли, 15 лѣтъ занимался денежною агентурою и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ виленскихъ капиталистовъ. Во время издательской своей дѣятельности онъ, въ свою очередь, имѣлъ агентовъ во всѣхъ городахъ еврейской осѣдлости и при разсчетѣ съ ними онъ скорѣе принадлежалъ къ обиженной сторонѣ. По смерти Лебенсона, принужденнаго жить въ послѣдніе годы на всемъ готовомъ у своего сына, у него нашли два билета внутренняго съ выигрышами займа,—единственное сбереженіе болѣе чѣмъ полувѣковой трудовой жизни.—Что Либенсонъ былъ нѣсколько суевѣренъ, мы уже говорили выше. Онъ, какъ было уже сообщено, умалчивалъ о своихъ лѣтахъ, боясь не на шутку чтобъ его не сглазили. Когда больной сынъ его Михей-Іосифъ возвратился изъ Берлина, гдѣ знаменитѣйшіе врачи признали его болѣзнь неизлечимою, Лебенсонъ повезъ его къ одному знахарю-татарину въ окрестностяхъ Трокъ. Повидимому подобныя крайности въ дѣлахъ вѣры какъ-то мирно умѣщаются въ фантазіи поэтовъ. Извѣстно, что Пушкинъ сосланный, какъ онъ самъ выражается, за *безвѣрье*, хотѣлъ было бѣжать изъ мѣста ссылки, но на пути попался ему на встрѣчу попъ, или заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и онъ вернулся назадъ.—По наружности Лебенсонъ имѣлъ видъ осанистый. Онъ былъ высокаго роста; походка его была медленная, разговоръ обдуманный, съ разстановкою. Покрытый сѣдинами въ своемъ неизмѣнномъ восточномъ костюмѣ онъ напоминалъ вѣтхозавѣтнаго пророка.—Въ обращеніи съ людьми у Лебенсона замѣчали нѣкоторую сухость и натянутость, его упрекали въ необходительности, въ эгоизмѣ; порицали его рѣзкій тонъ въ полемикѣ, недопускавшій возраженія. Все это, конечно, слѣдуетъ воображать себѣ не въ крупныхъ размѣрахъ, и это отчасти лежитъ въ характерѣ людей, обязанныхъ своимъ развитіемъ исключительно своей личной энергіи и съ трудомъ пробивавшихся среди неблагопріятныхъ условій жизни. А какія могли быть эти условія въ Михалишкахъ три четверти столѣтія тому назадъ, и сколько приходилось выстрадать Берелю Михалишкеру прежде, чѣмъ онъ сдѣлался Берелемъ Лебенсономъ! Въ этомъ отношеніи Лебенсонъ раздѣлилъ участь другихъ еврейскихъ писателей и мыслителей, по истинѣ заѣдаемыхъ средою, которые, съ лучшими идеалами въ душѣ, проводятъ вѣкъ въ удушливой атмосферѣ устарѣлаго міровоззрѣнія, въ постоянной борьбѣ съ обстоятельствами, людьми и идеями. Что можетъ охранить душу этихъ страдальцевъ отъ очерствѣнія? Что можетъ ихъ воодушевлять и прельщать въ будущемъ? Надежда на авторскую славу? Но какая эта слава!? Каждый изъ нихъ знаетъ, что со стороны старыхъ евреевъ его ждетъ одна только слава мученичества а со стороны новаго поколѣнія—непониманіе или игнорированіе. Онъ знаетъ, что его читаетъ и имъ восхищается лишь тѣсный кружокъ такихъ-же куколокъ, какъ онъ самъ, которыя, переставъ быть гусеницами, не успѣли еще превратиться въ бабочки и отлетѣть отъ родного ствола. А тамъ, смотри, и изъ среды этого кружка выползетъ какой-нибудь забулдыга и ни съ того, ни съ сего, швырнетъ въ тебя комомъ грязи, чтобы помрачить и эту жалкую эфемерную твою славу!

Нашелся такой комъ грязи и для свѣжей памяти нашего Лебенсона. Въ одномъ изъ отзывовъ, напечатанныхъ въ еврейскихъ газетахъ по поводу его смерти, мы встрѣтили тяжкое противъ него обвиненіе: его упрекаютъ въ *недостаткѣ любви къ своему народу*. Это тяжкое обвиненіе ничѣмъ не мотивировано да и не можетъ быть мотивировано, потому что оно совершенно ложно и неосновательно. Мы знали Лебенсона съ 1848 года, вели съ нимъ частыя бесѣды, состояли съ того времени въ постоянной съ нимъ перепискѣ, мы знакомы со всѣми его сочиненіями, и ни изъ личныхъ бесѣдъ, ни изъ 30-лѣтней переписки, ни изъ его сочиненій не припомнимъ ни одного факта, ни одного мѣста, которые могли-бы сколько-нибудь оправдать этотъ тяжкій и несправедливый укоръ. Наоборотъ, никто, можетъ быть, въ то время такъ основательно не понималъ несчастнаго положенія нашихъ евреевъ и никто такъ глубоко имъ не сочувствовалъ, какъ поэтическая душа Лебенсона. Чтобы оцѣнить дѣйствительныя чувства покойнаго въ этомъ отношеніи, достаточно прочесть его стихотвореніе „*Колъ наакатъ батъ Іегуда*" (Вопль дщери Іуды) (I Ш. С. К. 152 и д.), проникнутое безпредѣльною національною скорбью и ищущее себѣ аналогіи развѣ въ Плачѣ Іереміи. Обличитель Лебенсона, очевидно, смѣшалъ понятіе о піетизмѣ съ понятіемъ о національномъ чувствѣ, такъ какъ Лебенсонъ слылъ въ Вильнѣ первымъ *берлинеромъ*, т. е. человѣкомъ неглижирующимъ обрядною частью раввинскаго ученья, что въ тѣ времена было большою рѣдкостію. Но и съ этой точки зрѣнія не оправдывается камень, брошенный на свѣжую могилу учителя. Хотя Лебенсонъ былъ человѣкъ свободномыслящій, научно и основательно сознавалъ несостоятельность ригористическихъ постановленій еврейскихъ духовныхъ диктаторовъ, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ не далъ выраженія этому сознанію и до самой смерти велъ консервативный образъ жизни: кухня его была безупречно каширная, по субботамъ и праздникамъ онъ не ѣздилъ и не работалъ, пейсы не стригъ, бороду не брилъ, даже старопольскаго костюма не снялъ; во всякомъ случаѣ онъ жилъ вѣрнѣе духу истаго еврейскаго піетизма, чѣмъ даже многіе изъ такихъ, которые изъ извѣстныхъ видовъ выступаютъ непрошенными и голословными защитниками раввинизма. Лебенсонъ настолько щадилъ самолюбіе евреевъ,

что вышеупомянутое сочиненіе свое *Эметъ ве-Эмуна* (Правда и Вѣра) въ которомъ онъ выставляетъ слабыя стороны стараго еврейства, онъ держалъ подъ спудомъ 25 лѣтъ, опасаясь задѣть щекотливость піетистовъ, хотя въ сочиненіи особенно задѣвающаго почти ничего нѣтъ. Голосъ правды такъ тихо въ немъ раздается, что едва-ли онъ въ состояніи разбудить нашихъ сомнабулистовъ.

Таковъ былъ А. Б. Лебенсонъ и таково его значеніе для русскихъ евреевъ, просвѣщенію которыхъ онъ содѣйствовалъ словомъ, перомъ и дѣломъ. Цѣлое поколѣніе внимало его поучительному слову; цѣлыя поколѣнія воспитывались на его сочиненіяхъ. Онъ много содѣйствовалъ къ облагороженію вкуса молодыхъ евреевъ; онъ возбудилъ въ нихъ стремленіе къ изящной литературѣ. Сотни учениковъ его разошлись по всему мѣсту осѣдлости евреевъ въ Россіи и распространяютъ его ученіе въ дальнѣйшихъ кругахъ. Его сочиненія будутъ продолжать это дѣйствіе среди грядущихъ поколѣній.

На глазахъ у Лебенсона духъ еврейскаго народа воспрянулъ изъ своей вѣковой летаргіи. Онъ узрѣлъ еврейскихъ дѣтей сотнями стремящимися въ учебныя заведенія, усвоивающими себѣ общечеловѣческія познанія, подвизающимися на поприщахъ литературы, гражданской и общественной дѣятельности. Видѣлъ Лебенсонъ въ своей молодости, при польско-іезуитскомъ режимѣ, въ Вильнѣ, университетъ, куда допускались евреи, чтобы ихъ колотили (онъ неоднократно разсказывалъ весьма назидательные анекдоты объ этихъ побоищахъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность студентческихъ маіовекъ въ Гребишкахъ) и дожилъ до того, что всѣ университеты дѣйствительно распахнулись предъ евреями, что они стали для нихъ чуть ли не чистилищемъ, чрезъ которое они единственно могутъ попасть въ земной рай. Озираясь назадъ, какую громадную разницу замѣчалъ онъ въ положеніи евреевъ между временемъ его пребыванія въ Михалишкахъ и моментомъ, когда онъ оставилъ свѣтъ!

Лебенсона не могла не радовать эта перемѣна къ лучшему у евреевъ и внутренній голосъ вѣщалъ ему, что онъ не оставался безучастнымъ зрителемъ этой перемѣны. „Благословляю Превѣчнаго, — говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію перваго тома своихъ стихотвореній, — „что Онъ далъ мнѣ дожить до настоящаго времени, когда знаніе и практика евр. языка увеличились среди евреевъ въ нашей странѣ и вмѣстѣ съ нимъ увеличилось среди нихъ и знаніе другихъ языковъ и наукъ, такъ какъ изученіе св. языка всегда служило у насъ первою ступенью къ

наукамъ и познаніямъ. И меня радуетъ мысль, что я, можетъ быть, былъ однимъ изъ тѣхъ, кои способствовали этому".

Эта мысль услаждала послѣдніе годы жизни Лебенсона. Онъ умиралъ съ сознаніемъ, что евреи, съ своей стороны, сдѣлали все, что могли, для того, чтобы стать достойными членами человѣческой семьи и закрылъ глаза съ надеждою, что и другіе члены этой семьи не замедлятъ сдѣлать свое для разрѣшенія великой задачи нашего вѣка.

Л. Гордонъ.

Петербургъ.
Ноябрь, 1879.

НА АКЦІОНЕРНОМЪ ВЕЧЕРѢ.

(Отрывокъ).

.... Столичный банкиръ, коммерціи совѣтникъ Владиміръ Антоновичъ Вальбергеръ хотѣлъ отпраздновать день, въ который утвержденъ былъ уставъ учреждаемаго имъ Строительнаго Общества. И праздникъ этотъ долженъ былъ принять такіе размѣры, роскошь и обстановка его должны были быть такъ блестящи, какъ еще ничего подобнаго въ домѣ Вальбергера не видали. Разосланы были приглашенія всѣмъ друзьямъ и знакомымъ. Что всѣ члены Строительнаго Общества тоже были приглашены—это разумѣется само собою. Но еще гораздо выше полетѣли пригласительныя карточки и нижайшія просьбы Вальбергера. Высокопоставленныя, по своему оффиціальному и общественному положенію, особы, съ которыми Вальбергеръ когда-либо имѣлъ какія-нибудь сношенія или съ которыми онъ когда-либо встрѣчался, были приглашены участвовать въ праздникѣ вмѣстѣ съ членами их семействъ. Графа Фрагштейна и его сына Вальбергеръ почтительнѣйше и нижайше просилъ сдѣлать ему честь и почтить его праздникъ своимъ присутствіемъ. Не забыты были также художники и писатели; словомъ, всѣ слои общества, всѣ сословія были приняты во вниманіе.

Теперь дѣло шло о томъ, чтобы найти подходящую особу женскаго пола, которая-бы могла явиться на этотъ вечеръ, такъ-сказать, представительницей дома. Вальбергеръ розыскивалъ между своими знакомыми такую подходящую представительницу и совѣтовался съ своими друзьями, какая дама его круга лучше другихъ, своей красотою, граціей, мо-

лодостью, могла-бы служить притягательной силой для отборнаго общества, которое онъ имѣлъ въ виду собрать въ своемъ салонѣ. Онъ натыкался на всевозможныя затрудненія. На осторожно сдѣланные запросы послѣдовали уклончивые отвѣты и такимъ образомъ, при ограниченномъ выборѣ, не осталось ничего другого, какъ обратиться къ г-жѣ Блюме и просить ее явить милость и быть патронессой учредительскаго праздника. Пріятель Вальбергера, докторъ Гастингъ, взялся уговорить ее, и она дѣйствительно склонилась на его доводы и содѣйствовала Вальбергеру во всѣхъ предварительныхъ приготовленіяхъ, при разукрашеніи помѣщенія и вообще во всемъ устройствѣ праздника.

И дѣйствительно, празднество, данное Вальбергеромъ по случаю учрежденія Строительнаго Общества, было блестящее. Брилліантовыя надписи на зеркальныхъ окнахъ уже издали возвѣщали объ этомъ торжествѣ. Необыкновенно яркое освѣщеніе всего фасада и многочисленные экипажи, то и дѣло къ нему подъѣзжавшіе, привлекли массу любопытныхъ, окружившихъ домъ такою густою толпою, что потребовалось двое полицейскихъ для охраненія порядка. Одинъ экипажъ слѣдовалъ за другимъ и выходившіе изъ нихъ господа были предметомъ любопытнаго осмотра и различныхъ замѣчаній глазѣвшей публики, изъ которой иные проникали чуть-ли не въ самый подъѣздъ.

Всѣ аппартаменты въ домѣ были празднично убраны и нарочно приготовлены для пріема гостей. Г-жа Блюме и Владиміръ Вальбергеръ въ большой пріемной ожидали прибытія гостей. Г-жа Блюме была въ изысканномъ туалетѣ и при яркомъ газовомъ освѣщенія казалась еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Она была красавицей въ полномъ цвѣтѣ. Богатство природныхъ даровъ невольно распространяло свои чары на приближавшихся гостей. Созерцаніе госпожи Блюме веселило, очаровывало и оживляло. Она производила благорасполагающее впечатлѣніе даже и на тѣхъ, которые привыкли участвовать въ празднествахъ, устраиваемыхъ въ гораздо болѣе высокопоставленныхъ кругахъ. Самъ Вальбергеръ на столько обладалъ тактомъ, что не пытался стать на ходули, не стремился казаться большимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ любезенъ съ знакомыми и почтительно

благодаренъ относительно тѣхъ немногихъ высокопоставленныхъ господъ, которые оказали ему честь принятіемъ его приглашенія. Число послѣднихъ нельзя было назвать особенно значительнымъ, и тѣ, которые явились, превосходили Вальбергера вѣжливостью и внимательностью. Они старались быть до неимовѣрности любезными и этимъ самымъ дать ему ясно почувствовать, какую честь они ему оказываютъ своимъ присутствіемъ. Ихъ вѣжливость была до такой степени вызывающей, какъ-будто они хотѣли добиться у него квитанціи въ оказанномъ ему снисхожденіи, какъ-будто они хотѣли оставить за собою самый свѣтлый образъ въ памяти Вальбергера. Послѣдній, съ своей стороны, какъ человѣкъ умный и разсудительный, умѣлъ понимать и чувствовать, и пожатіемъ руки, тономъ голоса, онъ какъ-будто высказывалъ, что онъ сознаетъ, что онъ не забудетъ, что, при удобномъ случаѣ, вспомнитъ. Его рука точно раздавала промессы.

Приглашенные разсѣлись по многочисленнымъ салонамъ и гостинымъ, по кабинетамъ, устроеннымъ для болтовни, куренія или игры. Аппартаменты, предназначенные для будущаго помѣщенія сына Вальбергера, Артура, въ этотъ вечеръ также были открыты. Въ двухъ комнатахъ, на крайнихъ концахъ цѣлой анфилады салоновъ и кабинетовъ, устроены были великолѣпные буфеты со всякими закусками, яствами и напитками, и кто не расположенъ былъ ждать до ужина, который предназначено было сервировать послѣ полуночи, тотъ находилъ тамъ богатый выборъ для утоленія своего аппетита или для освѣженія. Кромѣ того, множество изящно одѣтыхъ слугъ и лакеевъ на блестящихъ подносахъ разносили по салонамъ всевозможные освѣжительные напитки.

Свѣтъ, распространяемый хрустальными люстрами и жирандолями, былъ на столько силенъ, что сдѣлался не безопаснымъ для туалетныхъ тайнъ нѣкоторыхъ присутствовавшихъ дамъ, почему большинство ихъ искало убѣжища въ удобно устроенныхъ уютныхъ и снабженныхъ прелестными диванами и мягкими креслами будуарахъ.

Общество было уже довольно многочисленное; оно отчасти болтало, отчасти окружало игорные столы. Но Вальбергеръ и госпожа Блюме все еще оставались въ пріемномъ залѣ, все еще привѣтствовали вновь

прибывающихъ гостей. Кругъ Вальбергера собрался въ полномъ составѣ. Центръ его образовало его превосходительство, предсѣдатель Строительнаго Общества, котораго всѣ привѣтствовали, которому говорили всевозможныя любезности, на что его превосходительство отвѣчало менѣе словами, чѣмъ благосклонною улыбкою, или дружелюбнымъ наклоненіемъ головы. Отставной полковникъ откопалъ для этого случая свой мундиръ, которымъ и щеголялъ въ салонѣ. Совѣтникъ коммерческаго суда и модный врачъ занимали собравшихся около нихъ гостей интересными случаями изъ судебной практики и изъ области лѣтнихъ экскурсій на воды. Политико-экономъ въ другомъ кружкѣ разъяснялъ вліяніе народнаго хозяйства на общество и затѣмъ въ остроумныхъ выраженіяхъ рисовалъ то значеніе, которое въ настоящее время имѣютъ дѣти въ области цѣнностей.

Нѣкоторые изъ приглашенныхъ не оказали Вальбергеру чести почтить его празднество и весьма вѣжливо уклонились подъ разными приличными предлогами; нѣкоторые даже вовсе не отвѣтили на приглашеніе. Къ сожалѣнію, между послѣдними были такія лица, присутствіе которыхъ на праздникѣ необыкновенно осчастливило-бы Вальбергера. Однако, онъ и не разсчитывалъ съ полною увѣренностью на эту честь. Онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ обстоятельствами, чтобы не считаться съ ними; онъ привыкъ къ мысли, что не всѣ предпріятія удаются, какъ въ дѣлахъ, такъ равно и въ стремленіи подвигаться выше по ступенямъ общества.

Въ душѣ Вальбергера, во время пріема гостей, происходило нѣчто такое, что можно было-бы назвать составленіемъ, такъ-сказать, общественнаго инвентаря. Онъ въ этотъ вечеръ составлялъ балансъ своего соціальнаго кредита и дебета. Онъ ставилъ принявшихъ приглашеніе въ одну графу, отказавшихся—въ противуположную, а сомнительнымъ указалъ особое мѣсто. Въ общемъ, говорилъ себѣ Вальбергеръ, онъ можетъ быть доволенъ сегодняшнимъ результатомъ. Однако, что его особенно огорчало—такъ это отсутствіе графа Антона Фраґштейна. Вальбергеръ лично отправился къ графу и нижайше просилъ его возвеличить его праздникъ своимъ присутствіемъ. Графъ Фраг-

штейнъ выслушалъ его съ какою-то неуловимо-плутовской улыбкой, и въ необыкновенно любезныхъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительныхъ словахъ отклонилъ приглашеніе. Вѣдь Вальбергеръ знаетъ—сказалъ графъ—что онъ, по своей старости, лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ принимаетъ приглашенія. „При томъ", прибавилъ онъ, „общество, которое у васъ собирается, едва-ли будетъ особенно восхищено бесѣдою со мною. Что будетъ дѣлать такой старикъ, какъ я, въ этомъ живомъ, пестромъ, веселомъ шумѣ праздничнаго дня? Поэтому, ужъ вы меня извините, любезный Вальбергеръ. Будьте увѣрены, что я въ тотъ вечеръ буду вспоминать объ васъ и буду очень радоваться тому счастію, которое освѣтитъ вашъ домъ".

Вальбергеръ, для котораго какъ въ дѣловомъ, такъ и въ общественномъ отношеніи было въ высшей степени важно добиться появленія графа Фрагштейна въ его салонѣ, тѣмъ не менѣе не потерялся при этомъ отказѣ, и просилъ графа позволить покрайней-мѣрѣ его внуку, графу Георгу, почтить праздникъ своимъ присутствіемъ. Старый графъ отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы его внукъ былъ на вечерѣ у Вальбергера. Впрочемъ, Георгъ очень рѣдко спрашиваетъ у дѣда, куда ему идти или не идти, и поэтому уже это дѣло самого Вальбергера отыскать молодца и склонить къ участію въ праздникѣ.

Къ этому шагу, къ приглашенію молодого графа Георга, склонилъ Вальбергера сынъ его Артуръ, который и взялъ на себя заботу принять необходимыя мѣры, чтобы залучить молодаго графа на этотъ вечеръ.

Когда Артуръ лично передалъ приглашеніе графу Георгу, послѣдній, въ первую минуту, какъ бы остолбенѣлъ. Но потомъ онъ, смѣясь, воскликнулъ: „Что-же я то буду дѣлать у васъ, вѣдь я во всемъ этомъ обществѣ рѣшительно никого не знаю!"

Но Артуръ Вальбергеръ не отставалъ отъ графа, пока тотъ, наконецъ, чувствуя себя обязаннымъ сыну банкира, волею-неволею, долженъ былъ покориться неизбѣжному и обѣщалъ пріѣхать на вечеръ. „Но говорю вамъ, если не сдержите слова и не устроите веселой игры, я не останусь у васъ и десяти минутъ. Ну, а на счетъ женщинъ?—Предоставятъ онѣ намъ пріятное препровожденіе времени?"

Артуръ Вальбергеръ отвѣтилъ, что, безъ сомнѣнія, найдутся тамъ нѣкоторыя дамы, которыя заслужатъ вниманія графа.

— Ну хорошо, милѣйшій,—сказалъ графъ. „Вы знаете, что я не очень-то люблю пустую болтовню, въ особенности съ людьми, которыхъ не знаю. Повѣрьте, я бы охотнѣе оказалъ вамъ другое одолженіе! Но такъ-какъ вы непремѣнно настаиваете на этомъ, то—хотя и знаю, что это вамъ будетъ непріятно—пріѣду на четверть, ну на полчаса".

Артуръ просилъ графа назначить часъ, въ который онъ прибудетъ. Но назначить опредѣленный часъ графъ Георгъ никакъ не соглашался. На это его никакъ нельзя было подвинуть, такъ-какъ, по его словамъ, онъ не можетъ знать, что еще съ нимъ въ тотъ вечеръ можетъ случиться.

Но Артуръ Вальбергеръ все-таки, когда было уже довольно поздно, но еще можно было ожидать пріѣзда графа Фрагштейна, присоединился къ отцу и госпожѣ Блюме и оставался въ пріемномъ залѣ, чтобы не проглядѣть этого событія и имѣть возможность привѣтствовать графа и ввести его въ общество. Однако, ожидаемый съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ графъ Георгъ заставилъ себя долго ждать.

И доктора Гастинга и красиваго Вольфа также еще не было. Наконецъ, они появились. Гастингъ былъ въ дурномъ расположеніи духа. Свою хандру онъ всегда скрывалъ за колкими шпильками, которыми онъ язвилъ своихъ собесѣдниковъ. На этотъ разъ эти шпильки приходилось чувствовать Артуру Вальбергеру и его отцу, между тѣмъ, какъ въ разговорѣ съ г-жей Блюме, при видѣ ея красоты, лице его прояснилось и языкъ сверкалъ потокомъ любезностей. Г-жа Блюме стояла предъ нимъ въ полномъ сознаніи и блескѣ своей красоты. Ни тѣни задумчивости не было бы на ея челѣ, но она слегка омрачилась съ появленіемъ въ залѣ красиваго Вольфа. Госпожа Блюме съ того момента, какъ была унижена холоднымъ упорствомъ, на которое она наткнулась въ своемъ стремленіи быть принятой въ аристократическихъ еврейскихъ домахъ, не видалась съ Вольфомъ. Она приписывала свое униженіе его неловкимъ и грубымъ

пріемамъ въ этомъ дѣлѣ, а потому и не хотѣла его больше видѣть и не принимала, когда онъ къ ней являлся съ визитами. Но здѣсь, гдѣ Вольфъ такъ сладко и любезно раскланялся съ ней, ей недоставало храбрости холодно отъ него отвернуться. Она его боялась. Она опасалась, что онъ можетъ повредить ей какою-нибудь сплетней, что онъ въ состояніи пустить про нее въ ходъ какую-нибудь нелѣпую басню и повредитъ ея репутаціи. Она не нашла внутри себя достаточной силы, чтобы открыто стать съ Вольфомъ на враждебную ногу. Поэтому, она съ любезной улыбкой подала ему руку и извинялась своимъ нездоровьемъ, когда Вольфъ сталъ упрекать ее за суровое съ нимъ обращеніе и недопущеніе его къ себѣ. „Не нужно никакихъ извиненій", сказалъ Вольфъ, „если только я могу быть увѣренъ, что я не впалъ у васъ въ немилость. Я уже было опасался, что какая-нибудь клевета или какое-нибудь недоразумѣніе лишили меня вашего благоволенія, и я мучился нетерпѣніемъ поскорѣе разъяснить дѣло, явиться предъ вами въ полномъ сознаніи своей чистоты и высказать вамъ, какъ искренно я вамъ преданъ и днесь и нынѣ, и во вѣки".

Наконецъ, и для Артура насталъ великій ожидаемый имъ моментъ. На порогѣ появился, наконецъ, графъ Георгъ Фрагштейнъ. Онъ сперва фамильярно махнулъ рукой Вальбергеру и его сыну и затѣмъ, при представленіи госпожѣ Блюме, сказалъ ей, что онъ очень радъ съ нею познакомиться и въ то-же время ясно далъ понять ей взглядомъ, что она ему очень нравится, что она заслужила его благоволенія. Онъ охотно завязалъ бы разговоръ съ госпожей Блюме и былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что Артуръ предложилъ ему сопровождать его въ салоны. Однако онъ послѣдовалъ за Артуромъ, который гордо, точно въ тріумфальномъ шествіи, повелъ графа чрезъ всѣ комнаты въ послѣдній кабинетъ, гдѣ около игорнаго стола уже собралось маленькое общество молодыхъ людей.

Въ тотъ моментъ, когда Артуръ хотѣлъ уже усѣсться у игорнаго стола, къ нему быстро подошелъ докторъ Гастингъ и тихо сказалъ на ухо.

— Артуръ, мнѣ нужны тѣ двадцать тысячъ, которыя я одолжилъ вамъ. Позаботьтесь, чтобы я скоро получилъ ихъ.

— Когда вамъ нужны эти деньги? спросилъ Артуръ испуганнымъ тономъ.

— Какъ можно скорѣе; если возможно—завтра.

— Уже завтра? воскликнулъ Артуръ.

— Если не завтра, то, во всякомъ случаѣ, послѣ-завтра, отвѣтилъ Гастингъ.

Между тѣмъ одинъ изъ артельщиковъ, нѣкто Вуншель, подошелъ къ камердинеру Вальбергера и сообщилъ ему, что внизу ждетъ какой-то чужой, непремѣнно желающій видѣть господина Вальбергера. Онъ старался всѣми силами удалить его, но это ему не удалось, и потому онъ передаетъ это дѣло въ руки камердинеру, и пусть ужъ тотъ дѣлаетъ, какъ знаетъ.

Краткій докладъ, сдѣланный артельщикомъ, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовалъ ту сцену, которая за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ разыгралась у подъѣзда Вальбергерскаго дома. Какой-то старикъ, послѣ долгихъ усилій, пробился сквозь густую толпу зѣвакъ, успѣлъ, наконецъ, достигнуть старшаго швейцара, и спросилъ его, дома-ли Вальбергеръ и можно-ли будетъ теперь увидѣть его. Швейцаръ, раздраженный хлопотами праздничнаго вечера, довольно презрительно взглянулъ на невзрачнаго съ виду старика.

— Сегодня у насъ большое общество, и я не думаю, чтобы вамъ сегодня-же удалось говорить съ г. Вальбергеромъ.

— Можетъ быть, вы тоже приглашены сюда на вечеръ? иронически прибавилъ случившійся тутъ уже порядочно подпившій Вуншель.

— Я бы все-таки просилъ васъ—обратился старикъ къ швейцару, не удостоивая артельщика даже и взгляда:—я бы все-таки просилъ васъ спросить чрезъ кого-нибудь г. Вальбергера, не желаетъ-ли онъ поговорить со мною. Мое имя Каганъ.

— Сегодня здѣсь не торгуютъ—съ безстыдствомъ воскликнулъ Вуншель.

Швейцаръ также намѣревался дать уклончивый отвѣтъ. Но от-

части упорный повелительный взглядъ старика, отчасти мелькнувшее предъ нимъ воспоминаніе о только-что услышанномъ имени побудило швейцара послать Вуншеля къ камердинеру Вальбергера.

Вуншель чрезъ нѣкоторое время возвратился съ извѣстіемъ, что камердинеръ отказывается доложить о комъ-бы-то ни было, кто не приглашенъ къ сегодняшнему вечеру. Старикъ пожалъ плечами, вынулъ изъ кармана большую засаленную записную книжку, вырвалъ листокъ и, набросивъ карандашомъ нѣсколько словъ на еврейскомъ языкѣ, передалъ его швейцару со словами:

— Пожалуйста, пошлите еще разъ на верхъ и пусть этотъ листокъ передадутъ самому г. Вальбергеру.

Швейцаръ не осмѣлился отказать старику, и Вуншель снова долженъ былъ отправиться на верхъ и передать записку г. Кагана — порученіе, которое онъ исполнилъ очень неохотно, ворча про себя разныя ироническія замѣчанія.

Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ прибѣжалъ камердинеръ и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ г. Кагана послѣдовать за нимъ въ кабинетъ Вальбергера, гдѣ хозяинъ дома тотчасъ же будетъ къ его услугамъ. Швейцаръ низко снялъ шляпу и вѣжливо поклонился старику. Эта перемѣна въ его обращеніи вызвала громкія насмѣшки мальчишекъ, видѣвшихъ всю эту сцену. Разсердившійся швейцаръ разогналъ толпу отъ подъѣзда и погрозился на непризванныхъ критиковъ.

При входѣ Кагана въ кабинетъ, Вальбергеръ пошелъ ему на встрѣчу до самой двери, подалъ ему руку и почтительно поклонился.

— Извините, любезный дядя,— сказалъ Вальбергеръ, что я не поспѣшилъ къ вамъ на встрѣчу; но мнѣ слишкомъ жарко, и я боялся простудиться; у меня сегодня большое общество. Не хотите-ли, можетъ быть, принять въ немъ участіе, не хотите-ли послѣдовать за мною въ бель-этажъ?

— Извини, что я тебѣ помѣшалъ—отвѣтилъ Коганъ.—Есть-ли у тебя для меня нѣсколько минутъ свободнаго времени? Я долго не задержу тебя; но я не хотѣлъ оставить столицу, не повидавшись съ тобою.

— Садитесь, любезный дядя, и оставайтесь, сколько вашей душѣ угодно. Вы мнѣ нисколько не мѣшаете. Мои гости занимаютъ другъ друга; они обойдутся и безъ меня. Могу-ли я чѣмъ-нибудь служить вамъ? Не хотите-ли чѣмъ-нибудь освѣжиться?

— Пожалуй, стаканъ вина, если ты будешь столь добръ.

Вальбергеръ позвонилъ и приказалъ принести вино и печенье.

— Ну, какъ поживаете, любезный дядя? Что васъ привело въ столицу? Отчего раньше меня не навѣстили?

— Ты знаешь, мое время размѣрено; у меня было всего нѣсколько часовъ свободныхъ и я ихъ долженъ былъ употребить на то, чтобы отыскать кое-что, что мнѣ было нужно.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло шло вѣроятно не о фондовыхъ бумагахъ, любезный дядя, съ улыбкой замѣтилъ Вальбергеръ.

— Все-таки, любезный Владиміръ, это были очень цѣнныя бумаги, цѣнныя для меня. Старыя книги, старыя рукописи, а также и нѣсколько новыхъ книгъ. Вѣдь ты знаешь мою слабость.

— Ну, и нашли вы, что искали, любезный дядя?—Но почему вы не заѣхали ко мнѣ, какъ вы это прежде дѣлали, при посѣщеніяхъ столицы?

— Да, прежде, много лѣтъ назадъ, а не теперь, любезный Владиміръ. Большой промежутокъ времени лежитъ между „тогда“ и „сегодня“, и этотъ промежутокъ сильно разъединилъ насъ съ тобою.

— Ну, кажется, дорогой дядя, я нисколько не измѣнился, я все еще уважаю, почтаю и люблю васъ, какъ я васъ всегда любилъ и почиталъ. Неужели вы въ этомъ сомнѣваетесь?

Нисколько, нисколько, я въ этомъ увѣренъ. Но если ты и не измѣнился, за то значительно измѣнилось все то, что тебя окружаетъ. Кругъ, въ которомъ ты живешь и вращаешься, уже совсѣмъ не тотъ, что прежде, и я не желаю вмѣшиваться въ него, не хочу обращать на себя тѣ взгляды, которые съ любопытствомъ и удивленіемъ будутъ спрашивать: кто это—этотъ низенькій, дряхлый еврейчикъ, пользующійся вниманіемъ и дружбою богатаго банкира Вальбергера. Я не стыжусь за себя, но я боюсь моею личностью повредить тебѣ! Богатый банкиръ въ столицѣ

долженъ обращать вниманіе даже и на форму денежныхъ шкафовъ, въ которыхъ хранятся богатства. Онъ долженъ обставить свою квартиру красивою мебелью, а такой старый комодъ, такой старый сундукъ, какъ я, туда не подходитъ.

— Но вы знаете, дорогой дядя, что я вашу привязанность и ваше вниманіе всегда считалъ величайшею для себя честью.

— Такъ, такъ, любезный Владиміръ, и именно потому, что я знаю, что ты цѣнишь мое хорошее о тебѣ мнѣніе, я хочу сообщить тебѣ нѣкоторыя замѣчанія, которыя уже давно у меня на сердцѣ.

— Говорите, дорогой дядя, говорите.

Старикъ, между тѣмъ, помочилъ свои губы принесеннымъ сладкимъ виномъ и отломилъ кусокъ бисквита. Это былъ маленькій, худощавый старичекъ, съ маленькими, карими, живыми и проницательными глазами. Немногіе бѣлые волосы, оставшіеся лишь на задней части головы, ниспадали тонкими локонами на затылокъ. Лице было ослѣпительной бѣлизны съ нѣжно-розовымъ оттѣнкомъ. Въ особенности на лбу и вискахъ кожа была до того нѣжна и прозрачна, что сквозь нее просвѣчивали синія жилки. Губы вокругъ маленькаго ротика были чрезвычайно изящны. Узкія длинныя руки, часть лба, стягивавшаяся между глазами, морщинистая кожа, точно пучекъ лучей исходившихъ изъ угловъ глазъ—все это вмѣстѣ говорило какимъ-то особеннымъ языкомъ, отмѣчало исторію длинной духовной и умственной жизни.

— Ты не сердись на меня, любезный Владиміръ,—началъ вновь старикъ — что я своимъ появленіемъ внесъ въ твой сегодняшній праздникъ такую фигуру, которая мало къ нему подходитъ. Но, можетъ быть, именно этотъ контрастъ какъ разъ способенъ сдѣлать тебя болѣе внимательнымъ, заставить тебя охотнѣе и серьезнѣе прислушаться къ тому, что я скажу тебѣ.

— Какъ видно, любезный дядя, вы хотите предостеречь меня отъ опасности, которая мнѣ угрожаетъ, или вы явились оторвать меня отъ пропасти, надъ которою я, по вашему мнѣнію, теперь нахожусь.

— Ты знаешь, Владиміръ, я не проповѣдникъ. Я простой еврейскій учитель и совсѣмъ не патетиченъ. Я лишь наблюдаю, составляю себѣ свое мнѣніе и сообщаю его тѣмъ, которые желаютъ имъ воспользоваться. Относительно нѣкоторыхъ лицъ я считаю себя обязаннымъ дѣлать это; ты принадлежишь къ нимъ. Ты мой родственникъ, хотя мы теперь уже не одного вѣроисповѣданія.

— Вы знаете, дорогой дядя...

— Знаю, знаю, Владиміръ, объ этомъ намъ нечего больше говорить. Суть для меня не въ томъ. Я еврей, останусь евреемъ и люблю свой народъ. Но именно потому, что я его люблю, я не закрываю глаза на его недостатки; я не стараюсь превозносить его и представлять въ блестящемъ свѣтѣ, какъ дѣлаютъ льстецы. Въ льстецахъ еврейство не чувствуетъ недостатка, да никогда и не чувствовало. Врагомъ евреевъ меня, къ счастію, назвать нельзя,—вѣдь я самъ еврей; поэтому я могу высказать то, что думаю, и тебѣ, Владиміръ, хотя ты уже не еврей.

Ты знаешь, я немного занимаюсь изученіемъ природы. Я вижу сущность еврейства не столько въ религіи, сколько въ расѣ. Тутъ-то и кроется опасность. Этого евреи не должны, не имѣютъ права забывать. Какъ ни велики несчастія, вызванныя противъ насъ религіозною ненавистью, какъ ни часты были причиненныя намъ ею преслѣдованія, но мы все-же не должны приписывать всѣ наши бѣдствія лишь ей одной. Мы никогда не были свободны отъ недостатковъ нашей расы и не отрѣшились отъ нихъ и до сихъ поръ. Нашему сильному духовному свѣту, къ сожалѣнію, очень часто противустоятъ и густыя тѣни. Нація духовнаго творчества, создавшая религію, установившая нравственные законы и углубившаяся въ самыя тонкія сферы мысли и изслѣдованія; нація, государство которой разрушено, какъ исчезнувшее небесное тѣло, отдѣльныя части которой разсѣяны по всей вселенной, но которая, тѣмъ не менѣе, среди чуждыхъ ей народовъ, подъ гнетомъ и преслѣдованіями, умѣла сохранить не только свои особенности, но и всю силу своего генія; нація, вытѣсненная изъ однѣхъ отраслей производства и дѣятельности, и создающая столь много на всѣхъ остальныхъ поприщахъ—такая нація не можетъ безнаказанно наслаждаться преимуществами своего дарованія и собственнаго творчества. Враги зорко слѣдятъ за ея ошибками и слабостями и не дадутъ ей пощады.

Наши недостатки столь-же древни, какъ и наша раса. Это подтверждается всей исторіей нашей. Наше духовное оружіе обоюдоострое: это одновременно плугъ и мечъ. Богоизбранный народъ, народъ религій, всегда хотѣлъ быть и народомъ господствующимъ. Онъ со всѣми своими сосѣдями жилъ во враждѣ и распрѣ и два раза попалъ въ страшную неволю, угрожавшую совершеннымъ уничтоженіемъ всему племени. Когда-же прекращалась война съ сосѣдями, его разъѣдала внутренняя междоусобица. „Все для меня“ —было всегда нашимъ девизомъ. Всѣми оружіями заостреннаго ума велась эта борьба, даже между членами одной и той же семьи. Для еврейскаго народа „казаться“ всегда имѣло большее значеніе, чѣмъ „быть“. Онъ никогда не довольствовался тѣмъ, что имѣлъ и чего онъ достигъ. Ставить себя выше всегда было однимъ изъ главныхъ его недостатковъ. Все вверхъ, все выше, одинъ надъ плечами другого, пока вся эта человѣческая пирамида не рухнула! И къ тому еще громкое провозглашеніе своихъ достоинствъ, стремленіе блистать своимъ умомъ, наружностью, богатствомъ. Быть богатымъ это насъ не удовлетворяло, но другимъ дать чувствовать наше богатство— вотъ что дѣлало насъ счастливыми. Обладать высокимъ умомъ, быть остроумнымъ—это не наполняло насъ гордымъ самосознаніемъ; но дать другимъ почувствовать остроту нашего ума—вотъ что составляло наше торжество!

Это во всѣ времена навлекало на насъ вражду. Но враги не могли насъ уничтожить, могли только оттѣснить и унизить. Какъ только среди нашихъ враговъ оказалось свободное мѣстечко, мы тотчасъ тамъ очутились. Отступленіе нашихъ враговъ давало намъ новое мужество; ощупью мы подвигались впередъ, возвышались, наступали, соединялись и опять твердо стояли на ногахъ. Разбросанные, разсѣянные по всему свѣту, какъ блуждающіе блоки среди движенія народовъ, мы очутились тамъ, гдѣ теперь водворились. Намъ предоставили лишь маленькіе круги дѣятельности, но эти круги мы уже наполнили цѣликомъ. Мы были муравьями духа и мы усердно совершали свое дѣло! Мы трудились, пріобрѣтали и накопляли. Мы трудились — вотъ тебѣ ключъ къ исторіи нашего народа. Трудъ дѣлалъ возможнымъ наше существованіе, онъ насъ охранялъ, онъ возвышалъ насъ, онъ на многихъ поприщахъ доставилъ намъ господство! Но съ господствомъ возвращается прежняя заносчивость; съ блескомъ — желанье блистать, съ богатствомъ — роскошничанье, съ властью — злоупотребленіе ею. Удивительно-ли послѣ этого, что снова поднимается прежній ропотъ о различіи расъ, что забывають наши хорошія стороны и указываютъ только на дурныя, тормошатъ руками наши открытыя раны и вскрываютъ новыя тамъ, гдѣ ихъ и не было? Обсуди хорошенько эти упреки, и ты увидишь, къ чему они ведутъ. Извѣстное положеніе, на которое мы такъ часто ссылаемся: „еврея только христіанинъ сдѣлалъ такимъ!“ —враги наши съ насмѣшкой отвергаютъ и притомъ восклицаютъ: „Загляните въ исторію, загляните въ Библію! Ваши предки уже обладали этими недостатками, которые привели васъ къ безконечнымъ распрямъ и ссорамъ съ вашими сосѣдями. Не мы сдѣлали васъ такими, вы были уже такими, когда пришли къ намъ!“

Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы работаемъ сильно умомъ, что мы оставили почву, на которую Богъ указалъ всѣмъ созданьямъ, что мы дѣятельны умомъ, но лѣнивы тѣломъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда мы приводимъ въ движеніе свои ноги, чтобы погнаться за барышомъ. Земледѣліе и ремесла, говорятъ они, пренебрегаются нами; ихъ мы предоставляемъ рабамъ, предназначеннымъ для того, чтобъ съ трудомъ извлекать плодъ изъ земли. Мы поселяемся, говорятъ наши враги, среди неразвитыхъ народовъ, которыхъ мы, какъ плющъ, обвиваемъ и высасываемъ. Поэтому евреевъ больше всего въ восточной Европѣ и меньше всего между культурными народами Запада. Насъ позорятъ, называя насъ: „носителями культуры среди народовъ, преданныхъ водкѣ“. Откуда это злостное, это одностороннее откапываніе нашихъ недостатковъ? Откуда эта усиливающаяся вражда въ новѣйшее время? Не лежитъ-ли въ насъ самихъ доля вины? Да, лежитъ! Мы любовались нашими достоинствами, мы заглядывались на отраженіе нашего блеска, и поэтому мы не должны удивляться, когда наши враги преподносятъ намъ черное зеркало нашихъ недостатковъ.

— Дорогой дядя, все, что вы сказали, можетъ быть и вѣрно. Но

лично я чувствую себя достаточно свободнымъ отъ тѣхъ недостатковъ. которые вы выставляете. Во мнѣ есть сознаніе, что я сдѣлалъ все, чтобы избѣгать тщеславія и остаться вѣрнымъ труду.

— Въ извѣстной степени, да, милый Владиміръ. Твое тщеславіе имѣетъ особенный оттѣнокъ. Ты тщеславишься, что ты не тщеславенъ. Ты блистаешь твоей простотой, охраненіемъ стараго, традиціоннаго. Однако, какъ ты ни спартански простъ относительно самого себя, но по отношенію къ другимъ ты далеко не спартанецъ. Это-то и есть тотъ пунктъ, который я имѣю въ виду; это и есть то обстоятельство, которое привело меня сегодня къ тебѣ и на которое я хочу указать тебѣ. Ты, можетъ быть, строгъ къ самому себѣ, но ты слишкомъ снисходителенъ къ другимъ. Прежде всего это относится къ твоему сыну. Ты очень слабый отецъ. Ты не тщеславенъ самъ по себѣ, но ты тщеславенъ относительно твоего сына. Ты умѣешь трудиться и сберегать, но ты не съумѣлъ пріучить къ труду твоего сына. А, между тѣмъ, ты знаешь, что трудъ и дѣятельность составляютъ все въ этомъ свѣтѣ! Состояніе, которое не возрастаетъ, уменьшается. Что не подвигается впередъ, то идетъ назадъ. Если не упражнять своихъ силъ, они перестаютъ дѣйствовать и пропадаютъ въ бездѣйствіи. А какимъ путемъ вы поднялись? Съ какимъ трудомъ вы взбирались съ камня на камень, цѣпляясь руками за каждую трещину, какъ плющъ своими ростками! Сколько вы соображали, передумывали, сколько разсчитывали день и ночь! Какъ спѣшили вы съ мѣста на мѣсто, то сюда, то туда, гдѣ вы только издали видѣли розовый значокъ барыша! Какъ вы голодали и томились, какъ отказывали себѣ во всемъ, лишь-бы доставить семьѣ все необходимое къ субботѣ! Этимъ путемъ вы изъ мелкихъ людей сдѣлались крупными коммерсантами. Какъ вы старались заслужить благосклонность знатныхъ и вліятельныхъ лицъ! Какъ подкрадывались вы къ нимъ, навязывались имъ и уже крѣпко держались ихъ, перенося рѣшительно все: издѣваніе и насмѣшку, брань и презрѣніе! Вы это терпѣли, переносили и легко стряхивали съ себя: потому что все это вы дѣлали для своей семьи. Передъ вашими глазами стояла всегда ваша любящая жена, ожидавшая васъ. Ея черныя очи издали блестѣли вамъ, какъ драгоцѣнные алмазы. Вы видѣли маленькія бѣлыя ручки дѣтей вашихъ, съ душевною тревогою ожидавшихъ вашего возвращенія. И хоть-бы васъ весь міръ топталъ ногами, вы знали, гдѣ найдете сердца, которыя вознаградятъ васъ за всѣ ваши житейскія невзгоды. Такимъ путемъ вы твердо стали на ноги, сбросили съ себя бремя и такимъ путемъ вы и сами достигли высоты.

Это была работа, когда кругомъ боялись труда, это была дѣятельность среди бездѣйствія; это былъ умъ, который, подобно пороху, взрывающему камень, взрывалъ лѣнивую массу и пользовался сю. Вотъ дорога, по которой вы шли, и по которой вы шагнули далеко! И что-же? Большинство изъ васъ, достигнувъ цѣли, выказываетъ готовность сдѣлать то-же, что дѣлали тѣ, паденія которыхъ вы были свидѣтелями. Если вы сами еще держите себя просто и преданы труду, то сыновьямъ вашимъ вы предоставляете полную свободу стремиться къ своей гибели.

Часть аристократіи обѣднѣла, вы-же разбогатѣли.

Что-же дѣлаютъ теперь ваши сыновья?

Они переняли пороки павшихъ; они подражаютъ ихъ глупости. Они разучились работать, но никогда не усвоятъ себѣ аристократическаго благородства! Они уже больше не купцы, но никогда не сдѣлаются аристократами. Они ни въ чемъ не знаютъ мѣры, что дѣлаетъ ихъ крайне смѣшными. Все, что вы пріобрѣли, они расточаютъ; все, что вы сберегли, они бросаютъ на-вѣтеръ. Васъ терпѣли, съ вами мирились, васъ уважали и почитали, но ихъ глупости уже вновь начинаютъ возбуждать нетерпимость. Васъ уже начинали любить, они-же опять вызываютъ ненависть. Они вызываютъ реакцію... Это я хотѣлъ сказать тебѣ, любезный Владиміръ. Воспользуйся этими словами, на сколько ты ими можешь воспользоваться. И если ты ничего не чувствуешь за собою, то скажи это другимъ.

— Дорогой дядя, вы во многомъ совершенно правы. Повѣрьте, я объ этомъ часто думалъ и часто говорилъ въ этомъ духѣ съ моимъ сыномъ. Къ сожалѣнію, я, кажется, не достигъ никакого результата, Мы, старики, къ несчастію, не имѣли времени поучиться воспитать своихъ дѣтей. Мы воспитали лишь самихъ себя. Мы работали и среди работы

мы забыли, что кто самъ своимъ трудомъ не двинется впередъ, того должно воспитаніемъ научить работать и направлять къ труду. Я это вижу, но, къ сожалѣнію, можетъ быть ужъ слишкомъ поздно. Но я вамъ обѣщаю, дядя, я еще сдѣлаю все, что только возможно.

— Ну, а теперь прощай и помни этотъ часъ!

— Не могу-ли я и для васъ что-нибудь сдѣлать, дорогой дядя?

— Нѣтъ; мнѣ ничего не нужно; прощай, будь счастливъ!

Когда Вальбергеръ вернулся къ своимъ гостямъ, онъ засталъ ихъ уже за ужиномъ; они сидѣли за маленькими столами, накрытыми каждый для шести человѣкъ. Молодого графа Фрагштейна уже не было. Онъ ушелъ еще до ужина.—Онъ ѣсть не будетъ, сказалъ онъ, потому что уже раньше ужиналъ.—Артуръ этимъ очень опечалился; но все таки, когда графъ уходилъ, онъ спросилъ его:

— Могу-ли я, графъ, придти къ вамъ завтра? Мнѣ нужно съ вами поговоритть!"

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ приходите, пожалуй, отвѣтилъ графъ Георгъ.

Улъ.

ИЗЪ ІЕЗЕКІИЛЯ.

„Внемлите!" сказалъ Іегова
„Плачевная пѣснь—мое слово!"

„Іудея была виноградной лозою,
Свободно росла у воды.
Питаема свѣтлой влагой живою
Обильно давала плоды".

„Широкія листья красиво спустились,
Стволъ выросъ и строенъ, и прямъ,
Могучія вѣтви ея бы годились
Для скипетровъ сильнымъ царямъ".
— Что-жъ сдѣлалъ ты съ ней, Іегова?
„Плачевная пѣснь—мое слово!"

„Мой гнѣвъ, словно факелъ, дымитъ и пылаетъ!
Исторгъ я во гнѣвѣ лозу,
Исторгъ и повергъ ее въ прахъ, да узнаетъ
Господнюю силу-грозу!"

„Съ востока явился я вихремъ летучимъ
Плоды на лозѣ изсушилъ;
Спалилъ ея вѣтви дыханіемъ жгучимъ,
Побѣги огнемъ истребилъ..."
— Ужасенъ твой гнѣвъ, Іегова!
„Плачевная пѣснь—мое слово!"

„На западъ умчалъ ее вѣтеръ восточный
Въ пустыню, гдѣ мало воды.
Пустила ростки она въ почвѣ песочной
И скудные вышли плоды".

„Изъ отпрыска вспыхнуло пламя въ пустынѣ
Пожрало и вѣтви и плодъ;
То пламя пылаетъ еще и понынѣ,
Лозу виноградную жжетъ“...
„Внимайте!“ сказалъ Іегова,
„Плачевная пѣснь—мое слово!“

М. Абрамовичъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I и КОРЧМАРЬ ГИРША.

(Историческій курьезъ).

Предлагаемый читателямъ разсказъ, характеризующій медленность дѣлопроизводства въ нашихъ канцеляріяхъ прежнихъ временъ, имѣетъ, кромѣ того, и историческій интересъ, въ виду сообщаемаго въ немъ факта изъ жизни императора Александра I. На сколько намъ извѣстно, объ этомъ приключеніи нигдѣ не было напечатано, хотя недавно, по поводу столѣтняго юбилея рожденія императора Александра I, газеты и журналы были переполнены всевозможными подробностями изъ его жизни. Мы не ручаемся за безусловную точность всѣхъ деталей разсказа, которыя мы не имѣли возможности провѣрить. Допускаемъ также, что побочные аксессуары нѣсколько пріукрашены, но основа его не подлежитъ сомнѣнію. Они переданы намъ лицомъ, заслуживающимъ довѣрія и имѣвшимъ возможность познакомиться съ дѣломъ по оффиціальнымъ документамъ.

Дѣло было въ первыхъ числахъ января 1848 г. Въ земскомъ судѣ уѣзднаго города Поневѣжа, Ковенской губ., въ теченіи нѣсколькихъ дней, во все время присутственныхъ часовъ, толпилось множество народу. Призывались на службу безсрочно-отпускные нижные чины, въ виду предстоявшаго тогда похода въ Венгрію, и на обязанности земскихъ судовъ лежали провѣрка документовъ, составленіе списковъ и отправка явившихся солдатъ по командамъ. Эти возвращающіеся въ свои полки воины, въ своихъ изношенныхъ шинеляхъ, съ котомками за плечами, представляли собою довольно пеструю толпу людей, въ которой трудно было предугадать будущія стройныя шеренги дисциплинированнаго войска. Изъ среды этой толпы бросалась въ глаза каждому, проходившему въ тѣ дни мимо зданія суда, древняя еврейская чета, мужъ и жена, день-деньской торчавшая у его подъѣзда. Мужъ—дряхлый старикъ, бѣлый какъ лунь, согбенный,

подслѣповатый, одѣтый въ рубище, съ нищенскою сумою чрезъ плечо, стоялъ опираясь на толстую сучковатую палку; возлѣ него стояла, закутанная въ одѣяло, спутница его, столь-же дряхлая и такая-же жалкая на видъ. Оба они каждый день аккуратно являлись сюда утромъ къ началу присутственнаго времени и уходили съ закрытіемъ присутствія, простоявъ на морозѣ все это время безмолвно, съ стоическимъ безучастіемъ, словно каменныя изображенія Скорби, лишь по временамъ обнаруживая признаки жизни, болѣе или менѣе сильнымъ вздрагиваньемъ, смотря по повышенію или пониженію термометра. Ясно было, что эти выходцы съ того свѣта, имѣя какое-то дѣло въ судѣ, дожидались очереди, которая долго для нихъ не наступала. Суду было не до нихъ. Наконецъ, на 4-й или 5-й день, они были допущены до «pana sekretarza», причемъ оказалось, что они были вызваны самимъ судомъ по слѣдующему поводу.

Въ 1818 году, по возвращеніи изъ Лондона, императоръ Александръ I предпринялъ поѣздку изъ Петербурга въ Варшаву, для свиданія съ союзниками—императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ. Большой трактъ отъ Петербурга въ западныя губерніи лежалъ въ то время на Ригу и Курляндію, чрезъ Шавли, Поневѣжъ и Вилькоміръ. На сей разъ императоръ рѣшилъ сдѣлать отклоненіе отъ этого маршрута, для обозрѣнія по дорогѣ мѣстности, гдѣ предполагалось строить новую крѣпость. Во время французскаго нашествія обнаружилась недостаточность системы укрѣпленій на нашей западной границѣ и было рѣшено пополнить этотъ пробѣлъ возведеніемъ нѣсколькихъ новыхъ крѣпостей въ соотвѣтствующихъ пунктахъ. Полагалось, между прочимъ, укрѣпить мѣстечко Биржи, на границѣ Курляндіи и Поневѣжскаго уѣзда. Мѣстечко Биржи когда-то принадлежало литовскимъ князьямъ—Ягеллонамъ. До сихъ поръ тамъ видны развалины княжескаго замка и остатки крѣпостныхъ верковъ, служившихъ нѣкогда оплотомъ для Литвы противъ докучливыхъ ливонскихъ сосѣдей. Въ этомъ мѣстечкѣ Петръ I имѣлъ свиданіе съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ февралѣ 1701 г. *. Явился проектъ возстановить эту крѣпостцу и, какъ сказано, императоръ хотѣлъ воспользоваться своею поѣздкою, чтобы лично познакомиться съ мѣстностью. Для этого пришлось свернуть съ большой дороги и поѣхать проселочной. Императорская свита была наканунѣ отправлена большою дорогой; самъ-же императоръ долженъ былъ переночевать въ Островѣ, владѣніи графовъ Тышкевичей, въ 3 верстахъ отъ Биржъ, на другой

* См. Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго, стр. 75 и 104.

день, рано утромъ, осмотрѣть мѣстность въ Биржахъ и оттуда поѣхать проселочнымъ путемъ на м. Вобольники, чрезъ Вобольницкій лѣсъ, прямо до Счестливки, первой почтовой станціи на дорогѣ отъ Поневѣжа до Вилькоміра, для того, чтобы къ слѣдующему почлегу поспѣть въ Тобіани, имѣніе графовъ Мориконн, въ 20 верстахъ отъ Вилькоміра, гдѣ Александръ I, слѣдуя часто по этому пути, имѣлъ обыкновеніе всегда останавливаться. Изъ Биржъ императоръ выѣхалъ съ однимъ адъютантомъ и камердинеромъ въ экипажѣ четверней. До Вобольницкаго лѣса они доѣхали благополучно; но при въѣздѣ въ лѣсъ сломалась задняя ось въ экипажѣ. Мѣсто глухое; кругомъ селенія не видать. Изъ чиновъ полиціи, по собственному желанію императора, не предвидѣвшаго такого приключенія, никто не сопровождалъ его. Путники стали озираться за помощію. Къ счастію, недалеко отъ мѣста происшествія, у опушки лѣса, стояла корчма и у дверей корчмы показался чернобородый еврей, среднихъ лѣтъ, который вышелъ поглазѣть на приключеніе съ проѣзжающими. Это былъ Гирша, содержатель такъ-называемой «Лѣсной корчмы», находившейся въ 10 верстахъ отъ м. Вобольники. На вопросъ, нѣтъ ли поблизости селенія или кузнеца, который могъ-бы пособить горю, онъ отвѣчалъ, что кузнеца вблизи нѣтъ, а до ближайшаго селенія верстъ пять, такъ что потребуется достаточно времени, чтобы пройти туда и обратно. Осмотрѣвъ пострадавшій экипажъ, Гирша нашелъ, что ось только надломлена и посовѣтовалъ, вмѣсто того, чтобы тратить время на поиски кузнеца, «подварить» ось домашнимъ образомъ. Способъ «подваривания» состоитъ въ томъ, что подъ поврежденную ось кладется толстый деревяный брусъ, который прикрѣпляется веревками. Гирша взялся это сдѣлать, ручаясь, что съ этой бандажированной осью проѣзжіе смѣло доѣдутъ до ближайшей станціи. Чрезъ какіе-нибудь полчаса путники отправились въ дальнѣйшій путь и дѣйствительно благополучно доѣхали до станціи Счестливки. Адъютантъ императора отмѣтилъ у себя имя корчмаря, выручившаго ихъ изъ затруднительнаго положенія, прибавивъ, что ему пришлютъ вознагражденіе. Гирша, нисколько не подозрѣвая съ кѣмъ имѣлъ дѣло, принялъ путешественниковъ за польскихъ помѣщиковъ, часто разъѣжавшихъ по тѣмъ мѣстамъ, и остался въ душѣ доволенъ, что ему удалось оказать услугу, какъ видно, какому-то «важному пану».

Прошло 30 лѣтъ. Много воды утекло съ того времени. Важнаго пана, которому корчмарь Гирша оказалъ нѣкогда услугу, не стало уже на свѣтѣ. Настали новыя времена и иные порядки. Эти иные порядки дали себя почувствовать многимъ; почувствовали ихъ и единоплеменники корчмаря Гирши и самъ Гирша. Подоспѣлъ законъ 1835 г. объ удаленіи ев-

ревъ изъ корчемъ и о запрещеніи имъ торговать горячими напитками въ деревняхъ. Торговля горячими напитками въ «Лѣсной корчмѣ» перешла изъ рукъ Гирши въ руки какого-нибудь Яна или Казиміра. Разоренный Гирша перешелъ съ семьей въ близлежащую избу, гдѣ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе продажей „холодныхъ закусокъ". Время шло. Гирша старѣлъ и дряхлѣлъ. Съ грѣхомъ пополамъ, ему удалось пристроить въ ближайшихъ городишкахъ своихъ дѣтей, которыя, въ свою очередь, занялись добываніемъ куска хлѣба. За неимѣніемъ средствъ вести торговлю „холодными закусками", Гирша съ женою отказались, наконецъ, и отъ занимаемой ими избы и довольствовались однимъ только угломъ. Въ этомъ углу совсѣмъ одряхлѣвшій и почти ослѣпшій Гирша, лежа за печкой, проводилъ время въ чтеніи Мишнаіотъ и псалмовъ и въ воспоминаніяхъ о счастливомъ прошломъ. Много разъ, чего добраго, мелькало въ его памяти и воспоминанье о важномъ панѣ, который превратился для него въ легенду, въ миѳъ. Жилъ Гирша съ женою выручкою отъ продажи молока, отъ единственной козы, уцѣлѣвшей послѣ разоренія, да скудными пособіями, доставляемыми время отъ времени дѣтьми. И вотъ въ одно пасмурное утро осени 1847 г. Гирша, лежа на печкѣ въ полудремотѣ, слышитъ знакомый голосъ зовущій его по имени. Что бы это значило? Неужто, наконецъ, отъ „важнаго пана?" Зовъ повторяется и Гирша узнаетъ голосъ мѣстнаго пятисотскаго, который приглашаетъ его сойти съ печки и отправиться въ „уѣздъ", куда его требуетъ начальство. Гирша недоумѣваетъ: на кой чертъ онъ нуженъ начальству и для какой надобности ему странствовать въ „уѣздъ", когда много лѣтъ уже онъ никакихъ дѣлъ не ведетъ, ни съ кѣмъ не видится и никакой тяжбы не имѣетъ? Онъ приходитъ къ заключенію, что это только выдумка пятисотскаго съ извѣстною цѣлію и рѣшаетъ «откупиться». Это дѣйствительно удается ему съ помощью значительной части ничтожныхъ его сбереженій; его оставляютъ въ покоѣ, но не надолго. Мѣсяца чрезъ два является пятисотскій снова съ тѣмъ-же требованіемъ, но съ большею настойчивостью: получено новое подтвержденіе отъ станового. На сей разъ «избавленіе» стоитъ Гиршѣ большихъ усилій и большихъ жертвъ. Ему приходится разстаться съ подушкою. Въ 70 лѣтъ, при его бѣдности и разстроенномъ здоровьѣ, ему неудобно въ такое время года предпринимать странствованіе за нѣсколько десятковъ верстъ. Мѣстный представитель власти, задобренный Гиршой, добросовѣстно „отписывается" съ отдаленнымъ начальствомъ. Тѣмъ не менѣе, прибываетъ третье и наистрожайшее предписаніе, въ которомъ, подъ угрозою преданія суду за ослушаніе, требуется, чтобы Гирша непремѣнно явился въ земскій судъ.

Тутъ уже представитель власти струсилъ. Онъ не поддается болѣе ни на какія приманки и прямо заявляетъ несчастному Гиршѣ, что если онъ не поѣдетъ по доброй волѣ, онъ его отправитъ по этапу. Нечего было дѣлать, и вотъ въ морозный день Гирша оставляетъ свое теплое логовище, продаетъ козу на путевыя издержки, надѣваетъ суму, въ которую кладетъ свой „талисъ" и „тфилинъ" и нѣкоторую провизію, и вмѣстѣ съ женою отправляется пѣшкомъ въ Поневѣжъ, въ земскій судъ, куда онъ, какъ мы видѣли, попалъ во время явки побилетныхъ солдатъ и былъ вынужденъ вслѣдствіе этого въ теченіи нѣсколькихъ дней по утрамъ являться въ судъ въ ожиданіи очереди, а днемъ ходить по домамъ собирать милостыню для пропитанія.

Когда Гирша, наконецъ, дождался пріема секретаремъ суда и предъявилъ повѣстку, которою онъ вызывался въ судъ, то узналъ, что онъ вызванъ для объявленія ему Высочайшей благодарности за извѣстную уже намъ услугу, оказанную имъ императору Александру на пути слѣдованія его изъ м. Биржъ въ 1818 году. Гирша росписался въ выслушаніи объявленія, его отпустили, снабдивъ квитанціею о явкѣ въ судъ, а дѣло сдали въ архивъ.

Не вполнѣ понимая смыслъ того, что ему было объявлено, но довольный, что его, наконецъ, освободили, Гирша въ свою избу больше не вернулся. Онъ продолжалъ нѣкоторое время влачить жалкое существованіе, собирая милостыню по домамъ единовѣрцевъ въ Поневѣжѣ, былъ потомъ помѣщенъ въ богадѣльню, гдѣ вскорѣ и умеръ.

По чьей винѣ и гдѣ именно пропадало въ теченіи тридцати лѣтъ такое важное правительственное распоряженіе, какъ сообщеніе высочайшей благодарности—это никому неизвѣстно; да при тогдашнихъ порядкахъ это никого и не удивляло. Обнаружилось-же предъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ, что пакеты съ правительственными распоряженіями лежали десятки лѣтъ не распечатанными въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ того края. Скорѣе удивлялись небывалой энергіи и настойчивости, обнаруженной полиціею подъ конецъ. О причинахъ этого явленія шли разныя догадки. Одни говорили, что, въ виду предстоявшаго тогда преобразованія полицейской части, велѣно было къ извѣстному сроку покончить со старыми дѣлами; другіе были того мнѣнія, что, по случаю войны, ожидался пріѣздъ какого-то ревизора изъ столицы. Можетъ быть, наконецъ, полиція сама спохватилась, догадавшись, что Гирша вѣдь умретъ когда-нибудь и некому будетъ объявлять. Одна только справка въ дѣлахъ архива бывшаго поневѣжскаго земскаго суда можетъ разъяснить причину этого историческаго курьеза.

...Онъ...Онъ.

О ПРАВѢ ЕВРЕЕВЪ

ПРІОБРѢТАТЬ НЕДВИЖИМЫЯ ИМѢНІЯ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ *.

Въ № 15 «Разсвѣта» напечатанъ отчетъ засѣданія кіевскаго юридическаго общества 8-го декабря, въ которомъ обсуждался, внесенный однимъ изъ мѣстныхъ юристовъ-практиковъ, г. Базинеромъ, рефератъ: «о правѣ евреевъ пріобрѣтать въ западномъ краѣ ненаселенное недвижимое имѣніе».

По поводу этого отчета, въ томъ-же № «Разсвѣта» напечатана передовая статья, въ которой, между прочимъ, подвергнуты критической оцѣнкѣ мнѣнія тѣхъ членовъ кіевскаго юридическаго общества, которые въ своихъ сужденіяхъ по возбужденному предмету исходили исключительно изъ политическихъ, а не юридическихъ соображеній.

Раздѣляя воззрѣніе, котораго придерживается и г. Базинеръ, что въ юридическомъ обществѣ при разсмотрѣніи вопроса, возникающаго на основаніи дѣйствующаго законодательства, слѣдуетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ положительнаго закона, и примѣнять къ нему единственно общеустановленныя правила юридической интерпретаціи,—мнѣ кажется, однако, что съ послѣдней именно стороны вышеуказанный вопросъ какъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ, такъ и въ передовой статьѣ „Разсвѣта" остался недостаточно разъясненнымъ.—Въ виду-же практической важности этого вопроса, считаю не лишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, по повторяю, съ одной только юридической стороны,

* Предлагаемую статью мы получили при слѣдующемъ письмѣ:
„М. Г. Покорнѣйше прошу васъ дать мѣсто въ вашей „Библіотекѣ" прилагаемой при семъ замѣткѣ, которая предназначена была для помѣщенія въ „Разсвѣтѣ", но гдѣ помѣстить ее оказалось невозможнымъ. Примите и пр. **М. Шафиръ.**"
Издат.

такъ-какъ политико-экономическая сторона предмета прекрасно разработана покойнымъ И. Г. Оршанскимъ («Евреи въ Россіи». С.П.Б. 1877 г., стр. 283—310).

По ст. 773 т. X, ч. 1. зак. гр., изд. 1857 г., по прод. 1876 г., запрещается совершать акты о пріобрѣтеніи такого имѣнія, коимъ пріобрѣтающія лица, по состоянію своему, владѣть не вправѣ. Изъ этого основного положенія, очевидно, что для разрѣшенія вопроса о томъ, имѣетъ ли какое-либо лицо право пріобрѣтать то или другое имѣніе, слѣдуетъ руководствоваться правилами, содержащимися въ т. IX законовъ о состояніяхъ. Въ этомъ томѣ (по изд. 1876 года), въ отношеніи правъ евреевъ по имуществу, установлено, что «евреи въ чертѣ общей ихъ осѣдлости, равно какъ и вездѣ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, могутъ не только переселяться съ одного мѣста на другое, на общихъ правилахъ, но и пріобрѣтать недвижимую собственность всякаго рода, кромѣ имѣній населенныхъ, владѣніе коими евреямъ воспрещается (стр. 959)». Такимъ образомъ, по смыслу закона, евреи не могутъ пріобрѣтать однихъ только населенныхъ имѣній.

Но, спрашивается, какія-же имѣнія, по терминологіи нашего законодательства, суть населенныя и какія не населенныя. На этотъ вопросъ въ положительномъ законѣ отвѣта не имѣется, такъ-какъ ни въ ст. 385 т. X ч. 1 зак. гражд., установляющей дѣленіе земель на населенныя и не населенныя, ни въ другихъ законоположеніяхъ нѣтъ общаго опредѣленія о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ означенными родами земель. Но изъ многихъ указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ * и на которыхъ основаны какъ указанная выше ст. 385 т. X, ч. 1, такъ и ст. 1,350 того-же тома и части, видно, что подъ населенными имѣніями наше законодательство въ прежнее время разумѣло имѣнія, населенныя лицами крѣпостного состоянія. А такъ-какъ съ 19-го февраля 1861 года крѣпостное право отмѣнено, то ясно, мнѣ кажется, что редакторы Свода законовъ о состояніяхъ, *изданія 1876 г.*, не могли придавать, употребленному ими въ 959 ст. этого Свода, выраженію „населенныя имѣнія" такой смыслъ, какой выраженіе это имѣло при дѣйствіи крѣпостного права.

Гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, по поводу восходившихъ на его разсмотрѣніе дѣлъ, было разъ-

* Напр. въ 1801 г. декабря 12-го № 20,075; 1807 г. апрѣля 20-го № 22,519; того-же года августа 26-го № 22,596 и 1817 г. января 31-го № 26,647.

ясненo *, что, съ отмѣною крѣпостного права, населенными считаются въ настоящее время, по закону, тѣ только имѣнія, гдѣ еще не окончены обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику и гдѣ крестьяне еще временно прикрѣплены къ землѣ. Надо полагать, что такой именно смыслъ придавали термину «населенное имѣніе» и редакторы Свода изд. 1876 г.— Это подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что подъ вышеприведенною 959 ст. IX т. сдѣлана ссылка на Высочайше утвержденное 26 апрѣля 1862 года ** положеніе комитета объ устройствѣ евреевъ,—въ которомъ, между прочимъ, пояснено, что «послѣ обнародованія положеній 19 февраля 1861 г., населенными имѣніями могутъ считаться только тѣ, въ которыхъ сохранились еще обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками»,— а, во-вторыхъ, тѣмъ, что по силѣ, основаннаго на приведенномъ-же Высочайшемъ повелѣніи отъ 26-го апрѣля 1862 г., примѣчанія къ ст. 1,304, т. X, ч. 1 зак. гр., по прод. 1876 г., евреямъ воспрещено пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія, въ коихъ не прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ.

Всѣ эти соображенія, съ перваго взгляда, приводятъ къ тому заключенію, что право евреевъ на пріобрѣтеніе въ западномъ краѣ недвижимыхъ имѣній не подлежитъ оспариванію. Но заключеніе это, по моему крайнему разумѣнію, оказывается неправильнымъ

Прежде всего, по отношенію къ интересующему насъ вопросу, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: въ западныхъ губерніяхъ, еще задолго до обнародованія „Свода законовъ о состояніяхъ, изд. 1876 г.“, прекращены обязательныя отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ, а именно: по губерніямъ Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и по нѣкоторымъ уѣздамъ Витебской — съ 1-го мая 1863 года, по губерніямъ Кіевской, Подольской и Волынской—съ 1-го сентября того-же года, и по губерніи Могилевской и по остальнымъ уѣздамъ Витебской—съ 1-го января 1864 года ***. Отсюда ясно, что въ названныхъ губерніяхъ давно уже не существуетъ населенныхъ имѣній, ни въ смыслѣ вышеупомянутыхъ указовъ 1801, 1807 и 1817 годовъ, ни въ смыслѣ разъясненій гражданскаго кассаціоннаго департамента.

Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что, въ отношеніи только-что названныхъ губерній, помѣщенное въ ст. 959, т. IX, изд. 1876 г.,

* Рѣш. 1869 г. № 138 и 1870 г. № 772.

** Полное Собраніе Зак. № 38,214.

*** Особ. Прилож. къ т. IX о состояніяхъ, изд. 1876 г. Правила о прекр. обяз. отнош. крест. къ помѣщ. въ западн. губерніяхъ.

правило о правѣ евреевъ пріобрѣтать недвижимыя ненаселенныя имѣнія должно быть изъяснено въ нѣсколько иномъ смыслѣ, чѣмъ по отношенію къ другимъ мѣстностямъ, гдѣ дозволено евреямъ постоянное пребываніе. А въ какомъ именно смыслѣ,—на это указываетъ Высочайше утвержденное 10-го іюля 1864 года положеніе Западнаго Комитета *, которое также цитируется подъ разбираемою нами статьею IX тома.

Г. Базинеръ полагаетъ, что, на основаніи этого положенія, евреямъ воспрещено пріобрѣтать въ 9-ти западныхъ губерніяхъ лишь недвижимыя населенныя имѣнія, продаваемыя въ западныхъ губерніяхъ со льготами. Но это невѣрно. Законъ 10 іюля 1864 года, очевидно, не имѣлъ надобности воспрещать евреямъ то, что раньше — пунктомъ 2-мъ Высочайше утв. 5-го марта 1864 г. положенія о льготахъ и проч. по покупкѣ имѣній въ западныхъ губерніяхъ ** — вовсе не было имъ предоставлено.— За симъ, невѣрно также и мнѣніе, что указъ 10 іюля 1864 г. воспретилъ, будто-бы, пріобрѣтеніе евреямъ помѣщичьихъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ только до тѣхъ поръ, пока не будутъ прекращены въ томъ краѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Смѣю думать, что и этой цѣли разсматриваемый законъ имѣть въ виду не могъ, ибо онъ изданъ уже послѣ прекращенія въ западномъ краѣ обязательныхъ отношеній.

Законъ 10 іюля 1864 г., гласящій: „дарованное евреямъ, Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля 1862 г. положеніемъ комитета объ устройствѣ евреевъ, право пріобрѣтать земли и угодья, принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, не распространять на губерніи, въ которыхъ производится обязательный выкупъ“ — нельзя, слѣдовательно, понимать въ томъ смыслѣ, что онъ „не распространяется на ненаселенныя имѣнія, въ которыхъ выкупъ оконченъ“. Такое толкованіе не соотвѣтствовало-бы дѣйствительному содержанію этого закона, ибо въ немъ воспрещается евреямъ пріобрѣтать въ собственность земли въ губерніяхъ, гдѣ дѣйствовалъ законъ объ обязательномъ выкупѣ, безъ всякихъ ограниченій и изъятій. Это вытекаетъ какъ изъ заключительныхъ словъ разбираемаго закона („и, согласно сему, воспретить всѣмъ, безъ исключенія, евреямъ пріобрѣтать отъ помѣщиковъ и крестьянъ земли въ губерніяхъ, подвѣдомыхъ обоимъ Западнымъ Генералъ-Губернаторамъ“), такъ и изъ мотивовъ, послужившихъ поводомъ къ изданію этого закона.

* Полн. Собр. Зак. № 41039.

** Полн. Собр. Зак. № 40656.

Въ этихъ мотивахъ изображено слѣдующее: „Западный Комитетъ, имѣя въ виду удостовѣреніе обоихъ Западныхъ Генералъ-Губернаторовъ о вредѣ, который можетъ произойти отъ дозволенія евреямъ покупать земли въ западномъ краѣ, съ своей стороны, нашелъ, что усиленіе еврейскаго элемента между землевладѣльцами западныхъ губерній не соотвѣтствовало-бы. ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ видамъ Правительства, которымъ въ послѣднее время сознана необходимость какъ усиленія въ западномъ краѣ русскаго элемента между землевладѣльцами, такъ и поставленія въ томъ краѣ въ сколь возможно независимое положеніе крестьянскаго населенія. Для достиженія первой изъ сихъ цѣлей изданы Высочайше утвержденныя правила для производства ссудъ и оказанія разныхъ льготъ лицамъ русскаго происхожденія, покупающимъ недвижимыя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ, а для освобожденія крестьянъ отъ гнета помѣщиковъ Высочайше повелѣно произвести въ западныхъ генералъ-губернаторствахъ обязательный выкупъ крестьянскихъ угодій. Обѣ эти мѣры, отъ которыхъ Правительство ожидаетъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, были-бы, если не вполнѣ, то значительно ограничены въ ихъ примѣненіи, дозволеніемъ евреямъ покупать помѣщичьи и крестьянскія земли въ западномъ краѣ, такъ-какъ евреи, располагая значительными капиталами и состоя въ то-же время заимодавцами большей части мѣстныхъ помѣщиковъ, явятся при продажѣ имѣній опасными соревнователями, съ которыми весьма трудно будетъ соперничать русскимъ, не взирая на предоставленныя имъ отъ Правительства льготы и ссуды, а крестьянское населеніе, едва освободившееся отъ тягостнаго вліянія помѣщиковъ и нуждающееся въ заработкахъ, будетъ поставлено въ зависимость отъ землевладѣльцевъ-евреевъ, располагающихъ большими денежными средствами и неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи" *.

Вотъ мотивы, положенные въ основаніе закона 10-го іюля 1864 года. Конечно, совершенно другой вопросъ — на сколько большая часть изъясненныхъ данныхъ имѣетъ подъ собою,—въ особенности, въ настоящее время,—реальную почву. Но какъ-бы то ни было, законъ, основанный на такихъ соображеніяхъ, безспорно не имѣетъ того смысла и значенія, которое придаетъ ему г. Базинеръ.

Все сказанное приводитъ, кажется, къ несомнѣнному выводу, что предоставленное евреямъ, статьею 959, т. IX о состояніяхъ, право на пріобрѣтеніе недвижимыхъ ненаселенныхъ имѣній сводится по отношенію къ западному краю только къ праву пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ городахъ.

* Сборникъ Правительственныхъ распор. по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна 1870 г. стр. 19—21.

При этомъ нельзя не замѣтить, что въ одинаковомъ положеніи съ евреями, въ отношеніи пріобрѣтенія имѣній въ западномъ краѣ, поставлены лица польскаго происхожденія, которымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10-го декабря 1865 года * также воспрещено пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ томъ краѣ, впредь до окончательнаго устройства его посредствомъ достаточнаго усиленія въ этомъ краѣ числа русскихъ землевладѣльцевъ. На это обстоятельство я обращаю вниманіе собственно потому, что въ практикѣ, какъ и по отношенію къ евреямъ, возникали сомнѣнія о томъ, могутъ-ли лица польскаго происхожденія пріобрѣтать въ 9 западныхъ губерніяхъ земли *ненаселенныя* и *не помѣщичьи имѣнія*, но высшимъ Правительствомъ эти сомнѣнія разрѣшены въ томъ смыслѣ, что если-бы допустить пріобрѣтеніе ненаселенныхъ земель, какъ не помѣщичьихъ имѣній, лицамъ польскаго происхожденія, то это значило-бы устранить практическое примѣненіе Высочайшаго повелѣнія 10-го декабря 1865 года **.

Въ заключеніе, считаю нужнымъ прибавить слѣдующее: хотя дѣйствующій законъ относительно правъ евреевъ на пріобрѣтеніе земель въ западномъ краѣ и не допускаетъ, по моему мнѣнію, никакого сомнѣнія на счетъ отрицательнаго его значенія для евреевъ, тѣмъ не менѣе, нечего опасаться, чтобы въ этомъ встрѣтилось препятствіе для осуществленія стремленій еврейской интеллигенціи къ устройству земледѣльческихъ колоній для евреевъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдлости. Ибо, въ виду несомнѣнной пользы, какую можно ожидать отъ колоній какъ для евреевъ, такъ и для окружающаго ихъ мѣстнаго населенія, я едва-ли ошибусь, если выскажу предположеніе, что высшею администраціею будутъ, вѣроятно, приняты надлежащія мѣры къ устраненію преградъ, которыя упомянутыя стремленія могли-бы встрѣтить въ положительномъ законѣ.

Впрочемъ, въ двухъ губерніяхъ западнаго края (Могилевской и Витебской) пріобрѣтеніе евреями земель съ цѣлью устройства земледѣльческихъ колоній не нуждается, кажется, въ особомъ разрѣшеніи правительства, такъ-какъ, на основаніи ст. 963 т. IX о состояніяхъ (по изд.

* Полн. Собр. Зак. № 42759.

** См. вышецитированный „Сборникъ" стр. 80 и 184—186.

1876 г.), евреямъ *дозволено пріобрѣтать въ указанныхъ двухъ губерніяхъ земли для поселенія и хлѣбопашества*, не иначе какъ въ трехверстномъ разстояніи отъ селеній помѣщичьихъ и казенныхъ.

Во всякомъ случаѣ, не могу не заключить представленныхъ замѣчаній словами: dura lex sed lex.

М. Шафиръ.

С.-Петербургъ,
27-го декабря 1879 г.

Современная Лѣтопись.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Литература по исторіи евреевъ за послѣднее десятилѣтіе.

I.

Поднятіе и возбужденіе религіознаго и національнаго сознанія — это лозунгъ нашей эпохи. Эти стремленія болѣе или менѣе ярко отражаются въ умственныхъ продуктахъ всѣхъ народовъ, но въ особенности замѣтны въ литературныхъ произведеніяхъ евреевъ. Стремленіе къ большему познанію своего историческаго прошлаго у этого стараго религіознаго народа, какъ, не безъ основанія, называютъ евреевъ, идетъ рука объ руку съ углубленіемъ въ религію и религіозную науку. Отъ болѣе глубокаго познанія исторіи народа зависитъ въ то же время и преданность и любовь къ своему древнему культу, равно какъ и вѣрное пониманіе іудейства обусловливается историческимъ его изученіемъ. Поэтому-то въ послѣднее время исторія и литература евреевъ получили такое широкое развитіе; поэтому-то столь многія разнообразныя силы посвятили себя этимъ предметамъ и употребляютъ всевозможныя старанія, чтобъ вызвать на свѣтъ божій обильный еще запасъ сокрытыхъ сокровищъ.

Принявъ на себя трудъ познакомить читателей «Библіотеки» съ литературными произведеніями, появившимися въ послѣднее время—скажемъ въ послѣднее десятилѣтіе — по исторіи евреевъ, я долженъ предпослать ему нѣкоторыя замѣчанія.

Исторія евреевъ — это не зданіе, возведенное изъ громадныхъ плитъ: какъ еврейскій народъ разсѣянъ по всѣмъ странамъ свѣта и живетъ среди всевозможныхъ націй, такъ и различные строительные матеріалы, разсѣянные на его длинномъ вѣковомъ пути, должны быть собраны изъ всѣхъ краевъ земли и тщательно связаны вмѣстѣ. Этому обстоятельству должны быть приписаны тѣ пробѣлы, которые окажутся въ нашемъ обозрѣніи, если отъ нашего вниманія ускользнетъ тотъ или другой литературный продуктъ, появившійся въ

малоизвѣстныхъ или малодоступныхъ изданiяхъ. Сознательно мы ничего не упустили изъ виду. Напротивъ, мы старались дать здѣсь возможно полную литературу историческихъ произведенiй. Поэтому мы приводимъ въ нашемъ обозрѣнiи и тѣ литературныя явленiя, которыя принадлежатъ перу авторовъ-христiанъ, если только они имѣютъ какое-либо отношенiе къ нашему предмету. Наука — космополитична; въ ней все важно, все заслуживаетъ вниманiя; очень часто съ виду незначительный трудъ ведетъ къ дальнѣйшему изслѣдованiю и такимъ образомъ содѣйствуетъ возведенiю великаго зданiя исторической науки.

Очень хорошо сознавая, что однимъ сухимъ исчисленiемъ интересующихъ насъ трудовъ не окажемъ никакой услуги образованной публикѣ — ибо только образованную публику мы имѣемъ въ виду — мы сочли нужнымъ познакомить читателя и съ внутреннимъ значенiемъ впрочемъ библiографически точно — упоминаемыхъ нами произведенiй, дать ему, такъ сказать, связный отрывокъ еврейской исторiи.

Исторiю еврейскаго народа, на сколько она касается Библiи, мы оставляемъ въ сторонѣ. Библейская литература составляетъ предметъ особый, которымъ мы займемся, можетъ быть, въ другой разъ. Настоящее же обозрѣнiе мы начнемъ съ литературныхъ явленiй, касающихся столь мало еще разъясненной эпохи, предшествовавшей времени маккавеевъ.

Отношенiе евреевъ къ Александру Великому обрисовываетъ Гейнрихсенъ *, который усердно старается доказать историческую вѣрность такъ часто подвергавшагося сомнѣнiю похода Александра противъ Iерусалима.

Извѣстный историкъ Грецъ въ своей статьѣ «Сыновья Товiи, эллинисты и сочинитель поговорокъ Сираха» † доказываетъ, по своему, что по смерти Iосифа Прекраснаго образовались партiи: съ одной стороны его сыновья съ первосвященникомъ Симономъ II; съ другой — побочный сынъ Iосифа, Гирканъ, который, въ качествѣ арендатора податей, находился въ милости при египетскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ другiе сыновья его были приверженцами царей сирiйскихъ и послѣ ихъ побѣды образовали собою настоящую эллинскую партiю.

Какъ бы продолженiе этой работы, въ которой много гипотезъ, но ничего твердо и научно не доказано, составляетъ статья: «О происхожденiи двухъ клеветъ противъ iудейства, касательно поклоненiя ослу и о враждебности

* Studien u. Kritiken, 1871, p. 158 ff.

† Grätz, Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums, 1872, p. 49 ff, 97 ff.

къ иновѣрцамъ» *. Iудейство, подвергавшееся, въ теченiи своего тысячелѣтняго существованiя, безчисленнымъ нападкамъ, впервые было оклеветано, самымъ наглымъ образомъ, сирiйскимъ тираномъ Антiохомъ Эпифаномъ. Чтобы придать своимъ жестокимъ преслѣдованiямъ хоть тѣнь справедливости, онъ старался представлять iудейство въ возможно дурномъ свѣтѣ и увѣрялъ, будто оно проповѣдуетъ ненависть противъ всѣхъ людей, не принадлежащихъ къ еврейской нацiональности и не исповѣдующихъ еврейской религiи. Греки и римляне повторяли эти обвиненiя, чѣмъ и вызвали ту ненависть расъ, которая повела къ кровавымъ избiенiямъ въ Александрiи и Антiохiи.

Филадельфiйскiй раввинъ М. Ястровъ старается опредѣлить время, когда Онiй IV, сынъ Онiя III, убѣжалъ въ Египетъ и тамъ основалъ Онiйскiй Храмъ.

А. Левинъ избралъ для своей диссертацiи «Возстанiе Маккавеевъ» (Бреславль 1876)—тему уже изъѣзженную до тошноты и особенно подробно уже разработанную В. Росманомъ.

К. Вернеръ, какъ и Левинъ, воспитанникъ еврейско-богословской семинарiи въ Бреславлѣ, въ первомъ своемъ тщательно обработанномъ литературдомъ трудѣ «Iоаннъ Гирканъ, къ исторiи Iудеи въ XII ст. до Р. Х.» (Вернигероде 1877) старается оправдать упомянутаго первосвященника-царя отъ взведенныхъ на него обвиненiй и, кромѣ того, стремится доказать, что онъ не оставался саддукеемъ до конца его жизни.

Съ особеннымъ усердiемъ занимались въ послѣднее время то презираемымъ, то до небесъ возвышаемымъ еврейскимъ историкомъ Iосифомъ Флавiемъ и его сочиненiями. Iосифъ Флавiй, современникъ роковой катастрофы въ еврейской государственной жизни, этотъ еврейскiй историкъ par excellence, не написалъ почти ни одной строки, въ которой онъ-бы не ссылался на Библiю и традицiю и не указывалъ на важныя тогдашнiя событiя. «Провѣрить подлинность этихъ цитатъ, оцѣнить по ихъ настоящему достоинству эти указанiя, вездѣ представить ясныя доказательства, на сколько сочиненiя Iосифа Флавiя согласуются съ дошедшимъ до насъ текстомъ Библiи и сохранившимися въ Талмудѣ устными преданiями» — это составляетъ главный предметъ труда безвременно умершаго М. Ципсера, изданнаго послѣ его смерти А. Iеллинекомъ, подъ заглавiемъ «Сочиненiе Iосифа Флавiя о древнемъ происхожденiи еврейскаго народа — противъ Апiона» (Вѣна 1877). Весьма жаль, что этотъ трудъ

* Тамъ же, 1872 г. р. 93.

Ципсера остался лишь фрагментомъ, жаль тѣмъ болѣе, что молодыя силы, которыя въ своихъ диссертацiяхъ и первыхъ литературныхъ работахъ также стремятся къ рѣшенiю этой задачи, не обладаютъ необходимыми для того данными. Сочиненiе Тахаухера «Отношенiя Iосифа Флавiя къ Библiи и традицiи» (Эрлангенъ 1871) — работа довольно поверхностная. Большую старательность обнаруживаетъ Плаутъ въ своемъ трудѣ «Iосифъ Флавiй и Библiя» (Берлинъ 1867).—Источники для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главъ въ сочиненiи перваго еврейскаго историка стараются опредѣлить Нусбаумъ * и Л. Мендельсонъ **. Послѣднiй неопровержимо доказываетъ, что рѣшенiе римскаго сената, которое по невѣжеству переписчиковъ попало въ 14-ую книгу «Древностей» въ разсказъ Гиркана II, относится къ 139 году нынѣшняго лѣтосчисленiя.—Съ необыкновенно обильнымъ запасомъ учености Гейнрихъ Блохъ въ своемъ первомъ трудѣ: «Источники Iосифа Флавiя въ его Археологiи» (Лейпцигъ 1879) стремится провѣрять всѣ извѣстiи, переданныя I. Флавiемъ въ его Археологiи и возвести ихъ къ первоначальнымъ источникамъ.—Превосходнымъ, съ большимъ прилежанiемъ и остроумiемъ, написаннымъ трудомъ можно назвать сочиненiе А. Баервальда «I. Флавiй въ Галилеѣ, его отношенiя къ партiямъ, въ особенности къ Юстiю, Тиберiю и Агриппѣ II» (Бреславль 1877). Въ особенности замѣчательна здѣсь характеристика Агриппы. — Приводимые I. Флавiемъ въ разныхъ мѣстахъ его «Древностей» римскiе приказы iудеямъ подверглись тщательной провѣркѣ со стороны Ритшеля, Л. Мендельсона и др. † и подлинность ихъ надо считать доказанною. — Опираясь на эти изслѣдованiя, Розенталь †* разъясняетъ приказы Цезаря и Сенатскiя рѣшенiя, на сколько они касаются евреевъ. Но это скорѣе резюме уже сдѣланнаго другими, чѣмъ самостоятельный трудъ. Римскiй сенатъ равно какъ и великiй Цезарь относились къ евреямъ въ высшей степени благосклонно; декреты ихъ предоставляютъ евреямъ жить по ихъ обычаямъ, свободно отправлять свое богослуженiе — и нелицемѣрна была скорбь евреевъ, когда они узнали объ убiенiи Цезаря; они были ему болѣе преданы, чѣмъ царю Ироду, названному великимъ.

---

* De Josephi in antiq. XIII. 8. Вюрцбургъ 1876.

** De Senatus Consultu Romanorum ab Josepho Antiq. XIV. 8. 5. etc Лейпцигъ 1873.

† Rheinisches Museum 1873. p. 586 ff. 1874. p. 428 ff. Acta Societ. pallot. Lips. V. 89.

†* Grätz, Monatsschrift 1879. p. 176 ff., 300 ff.

Характеристику Ирода далъ Гидеръ (Бернъ 1869), рисующiй его въ связи съ его эпохой — но довольно односторонне.

Ирода и его наслѣдниковъ избралъ предметомъ подробнаго изслѣдованiя М. Браунъ, сперва въ своей диссертацiи *, а потомъ болѣе подробно въ статьѣ „Сыновья Ирода" (Бреславль 1873). Брауну принадлежитъ заслуга разъясненiя того хаоса, который произведенъ былъ самимъ Иродомъ въ порядкѣ престолонаслѣдiя и который I. Флавiйвъ глазахъ исторiи увеличилъ еще своими извѣстiями. Архелай, который не только своимъ тираническимъ правленiемъ, но еще болѣе своей противузаконной женитьбой, возбудилъ противъ себя ненавистъ евреевъ и слабый Иродъ Антипасъ, умершiй подобно Архелаю, въ изгнанiи, обратили на себя особенное вниманiе Брауна. — Весьма цѣнную вещь для спецiальныхъ изслѣдователей составляетъ статья Гретца (въ его „Monatsschrift" 1877. p. 377 ff, 401 ff, 443 ff): „Къ исторiи и хронологiи Агриппы II, прокураторовъ и первосвященниковъ его времени".

Прежде, чѣмъ подойдти къ вызванной Титомъ въ еврейскомъ царствѣ катастрофѣ, мы должны нѣсколько остановиться на „Постномъ свиткѣ" (Мегиллатъ Таанитъ), въ которомъ изложены извѣстiя о радостныхъ дняхъ, предшествовавшихъ событiямъ чрезвычайной важности. Съ развитiемъ изысканiй на поприщѣ еврейской исторiи и этотъ „Свитокъ" получилъ громадное значенiе. Рядомъ съ прежними основательными изслѣдованiями Цунца, Раппопорта, Франкеля, Гретца, Герцфельдъ и др., объ этомъ для познанiя значительнаго перiода въ еврейской народной жизни столь важномъ сборникѣ, слѣдуетъ поставить диссертацiю Iосифа Шмили, изъ Кейданъ (въ Россiи), подъ заглавiемъ: «О происхожденiи и историческомъ значенiи побѣдной хроники «Мегилатъ-Таанитъ» (Лейпцигъ, 1874). Это съ большею тщательностью и знанiемъ обработанное сочиненiе подало М. Брауну поводъ написать статью о «Происхожденiи и достоинствѣ Мегилатъ-Таанитъ» †, въ которой онъ вступается за подвергшiеся со стороны Шмили сомнѣнiю и отвергнутые имъ положенiя и выводы Гретца, и въ которой, не опровергая добытыхъ Шмили результатовъ, авторъ высказываетъ убѣжденiе, что схолiи къ сочиненному Элеазаромъ бенъ-Хананiя «Постному свитку» слѣдуетъ отнести не ранѣе, какъ къ VII вѣку нынѣшняго лѣтосчисленiя, между тѣмъ, какъ Шмили, опираясь на томъ фактѣ, что текстъ и схолiи «Мегилатъ-Таанитъ» уже цитируются въ Талмудѣ, признаетъ за ними болѣе древнее происхожденiе. Для дальнѣйшихъ из-

---

* De Herodes qui diatur Magni, filiis patrem secutis (Кротошинъ 1873).

† Grätz's Monatsschrift, 1876 p. 375 ff, 410 ff, 445 ff.

слѣдованій объ этомъ предметѣ могутъ имѣть значеніе варіанты, сообщенные Іоэлемъ Миллеромъ и извлеченные изъ находящейся у Гальберштама рукописи „Мег. Таанитъ" и сопоставленные имъ съ текстомъ мантуанскаго изданія, часто перепечатываемымъ и въ послѣдній разъ изданнымъ еще недавно (въ 1874 г.) въ Варшавѣ *.

Прежде, чѣмъ переходимъ къ разрушенію еврейскаго государства, мы должны указать еще на важныя для спеціальныхъ изслѣдованій статьи Гретца: „Къ исторіи и хронологіи Агриппы II, прокураторовъ и первосвященниковъ его времени" ** и Брюля „Адіабенская царская семья" †. Для характеристики эпохи господства въ Іерусалимѣ адіабенскихъ царей и благочестивой Елены, Гретцъ написалъ большую статью въ своемъ „Monatsschrift" (1877, стр. 241 и слѣд., 289 и слѣд.), единственный результатъ которой составляетъ доказательство, что Елена прибыла въ Іерусалимъ не въ 44 году, какъ принято было до-сихъ-поръ, а уже въ 43 году.

Въ страшной катастрофѣ, разразившейся послѣ отчаянной борьбы надъ Іерусалимомъ и іудеями, главную роль играетъ личность Тита. Въ послѣдніе годы многіе старались снять съ него тотъ искусственный ореолъ величія и славы, которымъ покрываетъ его легенда. Статья французскаго академика Бейлэ ††, который еще возвеличиваетъ его какъ „утѣху человѣчества", подала Исидору Кону поводъ изобразить Тита „по Талмуду и исторіи" *†, а Л. Филипсону написать статью „Титъ, какимъ онъ былъ" †*. Говоря словами этихъ авторовъ, Титъ, съ одной стороны, является „человѣкомъ, одареннымъ великими качествами и способностями, котораго честолюбіе побуждаетъ стремиться къ величайшимъ почестямъ и неограниченной власти, чего онъ и достигаетъ благопріятнымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, развитіемъ своихъ талантовъ, своею храбростью и энергическою дѣятельностью. Съ другой же стороны, онъ былъ преданъ развратной, безнравственной жизни, былъ мстителенъ и злопамятенъ и нельзя найти ни одного дѣянія, которое свидѣтельствовало-бы о его кротости и человѣколюбіи. Противъ завоеваннаго Іерусалима и побѣжденныхъ іудеевъ

* Тамъ-же, 1875, p. 43 ff, 139 ff.

** Тамъ-же, 1877 p. 337 ff, 401 ff, 443 ff.

† Brüll, Lehrbuch für jüdische Geschichte u Litteratur I. p. 58 ff.

†† Revue des deux Mondes 1869, Decembre.

*† Revue israélite, 1870, № 4 и 11.

†* Zeitung des Iudenthums 1870, № 10.

онъ свирѣпствовалъ съ величайшею жестокостью и неимовѣрнымъ тиранствомъ".

Титъ умеръ въ 81, а его братъ Домиціанъ въ 96 году. При Траянѣ и Адріанѣ противъ римлянъ возстали многочисленные евреи, жившіе при Евфратѣ, въ Египтѣ, въ Киренѣ и на островѣ Кипрѣ, по всей вѣроятности по заранѣе составленному заговору. Подъ заглавіемъ: „Къ исторіи возстанія при Траянѣ и Адріанѣ" * г. Нейбюргеръ написалъ превосходную статью, въ которой главнымъ двигателемъ возстанія онъ выставляетъ знаменитаго р. Акибу. Свое положеніе Нейбюргеръ основываетъ на многочисленныхъ путешествіяхъ, предпринятыхъ этимъ законоучителемъ, которыя дѣйствительно имѣли враждебный римлянамъ революціонный характеръ. Съ Баръ-Кохба или Баръ-Косба, игравшимъ главную роль въ возстаніи при Адріанѣ, Акиба, по мнѣнію Нейбюргера, познакомился только позднѣе.

Но еще гораздо богаче остроумными выводами—монографія умершаго въ 1876 году ученаго Ф. Лебрехта, подъ названіемъ: „Бетаръ.—Неоткрытый еще городъ адріано-іудейскихъ войнъ" **, который уже въ заглавіи является „1700-лѣтнимъ недоразумѣніемъ". Источники о кровавой борьбѣ, которую евреи вели за свою свободу и свою вѣру во время господства Адріана, до того скудны, что даже до-сихъ-поръ не выяснено настоящее имя и характеръ главнаго предводителя возстанія Баръ-Кохбы или Баръ-Косбы, и до сихъ поръ также неизвѣстно еще мѣстоположеніе Бетара, главнаго мѣста дѣйствія возстанія. Лебрехтъ сильно сомнѣвается въ самомъ существованіи города Бетара и полагаетъ, что это мѣсто, которое называется Туръ-Малка, ничто иное, какъ латинское Veter или Vetera Costra, подъ которымъ, по его мнѣнію, подразумѣвается крѣпость вблизи Софриса. Но всѣ, въ пользу этихъ остроумныхъ комбинацій приведенныя, доказательства не имѣютъ, однако, исторической достовѣрности, какъ это видно впрочемъ и изъ весьма вѣскихъ основаній, высказанныхъ противъ гипотезы Лебрехта въ статьѣ І. Деренбурга: „Нѣсколько словъ о войнѣ Баръ-Косбы и его преемниковъ" †.

Исторія евреевъ при римскихъ императорахъ вообще еще очень мало извѣстна. Гретцъ въ своей статьѣ *: „Къ исторіи римскихъ императоровъ

* Monatsschrift f. d. Gesch. и Wissenschaft des Judenthums 1875 p. 385 ff.

** Берлинъ, 1877. Часть этой монаграфіи помѣщена была тоже въ „Magazin für die Wissenschaft des Judenthums" Берлинера, 1876, первая четверть.

† Qeulque mots sur la guerre de Bar Kozeba et ses suites. Paris, 1878. Extrait des mèlauges publiés par l'ecole des hautes études.

†† Monatsschrtft 1879, p. I ff.

по талмудическимъ источникамъ", разбираетъ нѣкоторыя мѣста Талмуда, которыя, по его предположенію, относятся къ римскимъ императорамъ. Для полноты назовемъ также коротенькую статью: „Опредѣленіе времени событій, относящихся къ іудеямъ при императорѣ Калигулѣ" * и другую: „Юридическое и общественное положеніе евреевъ въ приближающейся къ своему паденію римской имперіи" Густ. Кракауэра **.

Прежде, чѣмъ оставить древнюю эпоху, мы съ удовольствіемъ останавливаемся на объемистомъ и цѣнномъ трудѣ: „Исторія еврейской торговли въ древніе вѣка, изслѣдовано и изложено по источникамъ" Л. Герцфельда †. Различные фазисы древнееврейской торговли отъ поселенія въ Палестинѣ и до позднѣйшей талмудической эпохи, произведенія природы и промышленности, таможенныя пошлины, древнееврейское торговое право, торговая дѣятельность внѣпалестинскихъ евреевъ, весьма толково и понятно изложены здѣсь на основаніи тщательнаго изученія источниковъ. Герцфельдъ неопровержимо доказываетъ, что еврейское племя—по первоначальному происхожденію своему исключительно земледѣльческое — до изгнанія и даже многія столѣтія послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна, преимущественно занималось земледѣліемъ, скотоводствомъ и ремеслами. «На совершенно другіе пути вынуждены были вступить евреи въ тѣхъ многочисленныхъ странахъ, по которымъ они разсѣялись. Гдѣ это было возможно, они, правда, все еще обращались къ своему въ извѣстной степени унаслѣдованному занятію земледѣліемъ, какъ напр. въ Персѣ, Вавилонѣ, Сиріи, Египтѣ, отчасти и на островѣ Кипрѣ; но даже и тутъ это имъ удавалось лишь отчасти, а въ другихъ странахъ, гдѣ они были разсѣяны, возможность эта была еще меньшею, или не было даже никакой возможности. Затѣмъ тамъ, гдѣ это было возможно, они упражнялись въ мѣстной промышленности, нетолько, напримѣръ, въ Вавилонѣ и Египтѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. И въ ремесленникахъ для производства предметовъ ежедневнаго употребленія, какъ, напримѣръ, въ булочникахъ, мясникахъ, портныхъ, сапожникахъ и т. д., равно какъ и въ поденщикахъ всякаго рода среди нихъ никогда недостатка не было. Но относительно всѣхъ этихъ ихъ способовъ къ скромному пропитанію, обстоятельства слагались часто весьма неблагопріятно. Торговля, которую они видѣли процвѣтающею во многихъ мѣстахъ ихъ поселенія, естественно должна была болѣе увлекать ихъ живой темпераментъ, въ особенности если принять въ соображеніе,

* Тамъ же, 1877, p. 97 ff.

** Тамъ же, 1874 p. 44 ff.

† Брауншвейгъ, 1879.

что во многихъ случаяхъ этотъ родъ занятій былъ для нихъ доступнѣе всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что уже тогда, — какъ впослѣдствіи еще въ большихъ размѣрахъ въ средніе вѣка—они въ обладаніи капиталомъ должны были видѣть существенное средство защиты противъ притѣснителей и возможность добиться споснаго существованія. Удивительно-ли, что многіе изъ нихъ усердно предались этой отрасли дѣятельности, и что другіе видя ихъ успѣхъ, тоже послѣдовали за ними по этому пути».

II.

Торговая дѣятельность, разроставшаяся все шире и шире, и значительное распространеніе Израиля связывались взаимно. Разсѣянность евреевъ въ ранней эпохѣ, на сколько мы можемъ изслѣдовать и познать ее, распространилась всетаки лишь на тѣ страны, города и острова, гдѣ процвѣтала торговля, и поселеніе ихъ въ маленькомъ королевствѣ Мезенѣ тоже слѣдуетъ преимущественно приписывать торговлѣ. Исторію этого королевства написалъ Гретцъ по монографіямъ двухъ французскихъ писателей и на основаніи разсѣянныхъ въ Талмудѣ и собранныхъ преимущественно І. Іоэлемъ замѣтокъ объ этомъ предметѣ. Онъ озаглавилъ свой трудъ: «Еврейское Царство Мезена и его еврейское населеніе» и помѣстилъ въ «Jahrbericht des jüd. theologishen Seminars in Breslau» (Бреславль 1879). Города Мезены, какъ Форатъ, Апологосъ и др., были важные торговые пункты и побудили многихъ евреевъ селиться тамъ.

Трудная задача — доказать на основаніи тщательно изслѣдованныхъ источниковъ, какимъ образомъ евреи постепенно распространились на западѣ — все еще ждетъ своего разрѣшенія. Изслѣдованіе Морица Розенштока: „Переселеніе народовъ и его послѣдствія для евреевъ въ Европѣ» * слишкомъ афористично. Изъ многочисленныхъ германскихъ племенъ, которыя на развалинахъ Западно-Римской имперіи образовали новое государство, онъ разсматриваетъ только четыре и рисуетъ ихъ отношенія къ евреямъ, именно: остготовъ, лонгобардовъ, вестготовъ и франковъ.

Теперь мы прежде всего обратимъ наши взоры на Испанію, на Пиренейскій полуостровъ, гдѣ евреи, по торговымъ дѣламъ, уже начали появляться очень рано.

* Jahresbericht der Samsonschule zu Wolfenbüttel. Hannover 1878. Отдѣльно издано: Волфенбитель 1879.

Исторія евреевъ въ Испаніи, безспорно самая интересная и самая поучительная часть во всей ихъ исторіи, и въ послѣднее десятилѣтіе часто подвергалась изученію и обработкѣ. Бывшій испанскій министръ и академикъ донъ-Іозе Амандоръ де Лосъ-Ріосъ вновь переработалъ свое, появившееся тридцать лѣтъ тому назадъ въ одномъ томѣ сочиненіе: «Estodios historicos, politicos y literarios sobve los judaios de Espana», расширилъ ее и превратилъ въ «Соціальную, политическую и религіозную исторію испанскихъ и португальскихъ евреевъ» (Мадридъ 1875, 1876, 3 тома). Сочиненіе это расширилось въ объемѣ, растянулось, но мало выиграло въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ. И возникшій изъ лекцій, читанныхъ І. С. Блохомъ въ исторической семинаріи при Мюнхенскомъ университетѣ, трудъ „Евреи въ Испаніи" (Лейпцигъ 1875.), тоже не представляетъ для науки никакого существеннаго пріобрѣтенія. Какъ Блохъ, такъ и Фредерикъ Давыдъ Маколла, авторъ переведеннаго С. Кайзерлингомъ и на нѣмецкій языкъ (Ганноверъ 1878) труда: „Евреи въ Испаніи и Португаліи и инквизиція" (Лондонъ) черпали свои свѣдѣнія не изъ первоначальныхъ источниковъ, а изъ новѣйшихъ сочиненій де Лосъ-Ріоса, Гретца и др.

Нѣкоторый свѣтъ на все еще весьма чувствительные пробѣлы во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ испанскихъ евреевъ, въ особенности въ XV столѣтіи бросаетъ обнародованный М. Кайзерлингомъ „Кастильскій общинный уставъ", заимствованный имъ изъ одной парижской рукописи, и переданный имъ въ видѣ „Опыта изслѣдованія правовыхъ, раввинскихъ и общинныхъ отношеній Испанскихъ евреевъ"*. Вслѣдствіе кровавыхъ преслѣдованій, которымъ подвергались испанскіе евреи, начиная съ 1391 года, и безъ того не особенно обильный родникъ ихъ духовной жизни совершенно изсякъ; о школахъ едва-ли могла быть и рѣчь: родители отчасти не имѣли охоты, отчасти и не были въ состояніи обучать своихъ дѣтей. Масса жила безнравственно и падала все ниже и ниже; изученіе закона прекратилось. Число доносчиковъ и клеветниковъ все увеличивалось. Въ виду этого всеобщаго упадка, тогдашній главный раввинъ Кастиліи, Донъ Абрагамъ Бенвенисте, въ маѣ 1432 года, съ разрѣшенія короля, созвалъ въ тогдашней столицѣ Вальядолидѣ всеобщій синодъ, который составилъ проектъ статута, долженствовавшій регулировать образованіе юношества, богослуженіе, взиманіе налоговъ и т. п., и который долженъ былъ служить нормою для всѣхъ общинъ Кастиліи. Этотъ статутъ, переданный въ упомянутой статьѣ въ буквальномъ переводѣ съ испанскаго, еще и въ настоящее время заслуживаетъ вниманія.

* Zeitung des Judenthums, 1873, p. 126 ff.
** Jahrbuch für die Geschichte der Juden u. des Judenthums IV p. 263—334.

„Еврейское населеніе Испаніи до изгнанія", * которое М. Филипсонъ стремится опредѣлить на основаніи налоговаго списка, составленнаго раввиномъ и королевскимъ лейбъ-медикомъ Іаковомъ Абенъ-Нунецъ, было, какъ извѣстно, весьма многочисленное. Большая часть евреевъ жила въ городахъ старой и новой Кастиліи, въ Бургосѣ, Авилѣ и Сеговіи, въ Толедо, Алкалѣ ди Генарецъ, въ провинціяхъ Леонъ и Эстремодура, между тѣмъ, какъ въ богатой Андалузіи съ ея значительными торговыми городами и въ Мурчіи ихъ было гораздо меньше, а въ сѣверной провинціи Астуріи не было и совсѣмъ.

„Испанская инквизиція", начавшая свое крововое дѣло въ 1481 году и продолжавшая его почти цѣлыхъ 300 лѣтъ, нашла себѣ защитниковъ не только въ Испаніи, но и въ Германіи, именно въ епископѣ Гефеле. Противъ нихъ выступилъ Л. Филипсонъ ** и въ нѣсколькихъ статьяхъ доказываетъ, что испанская инквизиція была церковнымъ учрежденіемъ, состоявшимъ на службѣ правительства и вполнѣ отъ него зависѣвшимъ.

Число жертвъ, павшихъ подъ ударами испанской инквизиціи еще вѣроятно долго останется неизвѣстнымъ, и ихъ даже приблизительно нельзя будетъ опредѣлить до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты горами нагроможденные въ Симаукасѣ инквизиціонные акты. Еще многочисленнѣе умерщвленныхъ евреевъ, была масса тайныхъ евреевъ, такъ называемыхъ новыхъ христіанъ, которые искали себѣ убѣжище въ странахъ болѣе вѣротерпимыхъ.

Вмѣстѣ съ маранами, какъ называли тайныхъ евреевъ, мы вступаемъ на французскую почву.

Исторія еврeвъ во Франціи обогатилась нѣсколькими различнаго достоинства монографіями. Теофиль Мальвезенъ, воспользовавшись нѣсколькими рукописными документами, написалъ свою „Исторію бордоскихъ евреевъ"† изъ которой Гретцъ приводитъ отрывки въ своей „Monatsschrift„ (1875 стр. 500 и слѣд. 556 и слѣд.). Король Генрихъ II, по ходатайству нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, происходившихъ отъ тайныхъ евреевъ, позволилъ нѣкоторымъ убѣжавшимъ изъ Испаніи маранамъ поселиться въ Бордо, гдѣ они были терпимы, не смотря на доносы ихъ противниковъ, даже во время варѳоломеевской ночи и терроризма, потому

* „Zeit. d. Judent." 1873, p. 126 ff.
** Zeit. des Judent. 1873 г. № 51 1874 № 1 и 2.
† Histoire de Juifs à Bordeau. Бордо 1875.

что они своей обширной торговлей приносили городу значительныя выгоды. Кромѣ Бордо, многіе тайные евреи, во время Генриха II, поселились также въ Сенъ-Эспри, около Байонны, въ Сенъ-Жанъ де Лу, вообще во всемъ департаментѣ Байонны. Они долгое время не рисковали публично исповѣдывать свою религію, какъ это видно изъ обнародованнаго въ «Revue de Aquitaine et des Pyrenees» (1868 г. стр. 384 и слѣд.) протокола по обвиненію одного португальца въ оскверненіи гостій.—О еврейской общинѣ въ Байоннѣ, которая въ настоящее время насчитываетъ всего 700 душъ, сообщаетъ нѣкоторыя подробности М. Капланъ изъ Минска въ своемъ введеніи къ „Via de Salvacion" (Байонна 1874 г. стр. XII).

Съ большимъ стараніемъ, но съ утомительною растянутостью Г. Гроссъ обработываетъ свою неоконченную „Исторію евреевъ въ Арлѣ" *, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ, если, разумѣется, трудъ этотъ къ тому времени будетъ законченъ.—Г. Сежъ рисуетъ „Положеніе евреевъ въ тулузскомъ графствѣ въ XIV столѣтія" **, а Семенъ Лисъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности изъ „Исторіи евреевъ въ царствованіе французскаго короля Карла V" †. — Р. Кирхгеймъ сообщаетъ въ „Monatsschrift" Гретца (1875 p. 408 ff.) рукописную реляцію о преслѣдованіи евреевъ въ Страсбургѣ и о страданіяхъ Самуила Шлетштадта. Объ извѣстномъ «религіозномъ диспутѣ» предъ Людовикомъ IX между р. Iехіелемъ и христіаниномъ, реляцію о которомъ, приписывающую этотъ диспутъ не р. Iехіелю, а одному изъ его учениковъ или современниковъ, отчасти сообщаетъ Вагензейль, и недавно вновь издана (Торнъ 1873) С. Гринбаумомъ,—въ послѣднее время очень много писалось и еще больше печаталось.—Левинъ избралъ этотъ „Диспутъ" темой для своей диссертаціи, затѣмъ обработалъ ее для „Monatsschrift" Гретца (1869 стр. 97 и слѣд.) и наконецъ издалъ ее отдѣльно (Бреславль 1870).—Нѣсколько лѣтъ спустя А. Кишъ изъ рукописи, хранящейся въ парижской національной библіотекѣ, еще разъ перепечаталъ относящуюся къ этому предмету оффиціальную переписку и 35 обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ противъ Талмуда папой Григоріемъ IX, въ „Monatsschrift" (1874 г. стр. 10) и затѣмъ, разумѣется, издалъ ее отдѣльно (Лейпцигъ 1874). Но этого все еще недостаточно. Юлій Давидъ прочелъ „Лекцію о религіозномъ диспутѣ," и хотя въ ней нѣтъ ничего новаго, всетаки тоже счелъ нужнымъ издать ее отдѣльной брошюрой (Вѣна 1877).

* Grätz's Monatsschrift, 1878 p. 61 ff.

** Bibliotheque de l'Ecole des chartes 1878 г. т. III и т. д.

† Revue historique, № II. № II.

Прежде чѣмъ покончить съ Франціей, упомянемъ еще о статьѣ: „Положеніе евреевъ въ Лангедокѣ въ XVIII ст.» * и брошюрѣ Абрама Когена: „Историческія замѣтки объ алжирскихъ евреяхъ", трактующей объ алжирскихъ евреяхъ съ той поры, какъ они сдѣлались французскими гражданами.

Переходимъ теперь къ родственной съ Франціей по языку, духу, а также по способу отношеній къ евреямъ сосѣдкѣ ея, Бельгіи.

Кровавая брюссельская катастрофа и исторія съ гостіями, случившаяся въ 1369 г. и 500-лѣтняя годовщина которой, благодаря бельгійскимъ либераламъ, не была ознаменована торжественнымъ праздникомъ, выгнала евреевъ изъ Брабанта и Люксембурга. Фландрія не подражала примѣру нетерпимости и городъ Антверпенъ въ концѣ 15 столѣтія предоставилъ у себя гостепріимное убѣжище изгнаннымъ изъ Испаніи евреямъ—правда не надолго. Король Карлъ V не позволилъ имъ въ качествѣ евреевъ жить въ его коронныхъ земляхъ и равнымъ образомъ не хотѣлъ ихъ терпѣть какъ ново-христіанъ. Шарлъ Раленбекъ, въ своей статьѣ «Евреи въ Антверпенѣ» **, относится къ нимъ весьма благосклонно; но однако онъ не обходится безъ упрековъ евреямъ, которые были впрочемъ рѣшительно опровергнуты возраженіями брюссельскаго главнаго раввина Аструка † и Л. Филипсона ††.

По поводу юбилейнаго торжества двухъсотълѣтняго существованія португальской синагоги, Д. Г. де Кастро обнародовалъ на голландскомъ языкѣ торжественную рѣчь: «1675 — 1875. Синагога Португальской еврейской общины въ Амстердамѣ» *†, которая есть въ тоже время исторія амстердамской еврейской общины со времени перваго поселенія въ Амстердамѣ испанскихъ бѣглецовъ и до постройки въ 1675 г. означенной синагоги, которая была одной изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ синагогъ своего времени.

Обратимся теперь къ Англіи.

Время прибытія евреевъ въ Англію, вслѣдствіе отсутствія по этому предмету всякихъ данныхъ, покрыто мракомъ. Въ своемъ сочиненіи: «Записки объ исторіи англійскихъ евреевъ въ восточной Англіи» К. Марголіесъ относитъ ихъ первое поселеніе къ временамъ Августа; но это весьма риско-

* Chronique de Langueedoc 1878 5 avril.

** Revue de Belgique 1871; впослѣдствіе издана отдѣльной брошюрой. Брюссель 1871, Существенное изъ этой статьи передано также въ Zeitung des Judenthums 1872 p. 15 ff. и 30 ff.

† Revue de Belgique 1871.

†† Zeit. des Judent. 1872 № 2 и слѣд.

*† Амстердамъ, 1875.

ванное предположеніе. Они впервые упоминаются въ канонахъ йоркскаго архіепископа Кубрейта, относящихся къ 740 или 750 году, а первое достовѣрное свѣдѣніе объ ихъ пребываніи на британскомъ островѣ мы находимъ въ эдиктѣ Эдуарда 1040 года. Не безинтересна сообщенная Марголіесомъ еврейская надпись XIV или XV столѣт., найденная 200 лѣтъ тому назадъ близъ Норфолька и подробно разобранная Ад. Нейбауэромъ въ его статьѣ „Евреи въ Англіи" (Revue Israèlite 1870 г. № 15).

Долгое время сочиненіе Товея „Anglia Judaica" было единственнымъ источникомъ для исторіи евреевъ въ Англіи. Тѣмъ большей признательности заслуживаетъ Джемсъ Пиччіото, постаравшійся восполнить этотъ пробѣлъ своимъ, посвященнымъ сэру Моисею Монтефіоре, трудомъ: „Очерки изъ англоеврейской исторіи" (Лондонъ 1873). Но нельзя не пожалѣть, что онъ не указываетъ источниковъ, которыми онъ, какъ видно, добросовѣстно пользовался, и такимъ образомъ устранилъ возможность всякаго контроля. Не можемъ также согласиться съ его положеніемъ, по которому возвращеніе евреевъ въ Англію относится лишь къ эпохѣ реставраціи. Въ нашемъ сочиненіи: „Менассе-бенъ-Израиль. Его жизнь и дѣятельность. Къ исторіи евреевъ въ Англіи", переведенномъ также на англійскій языкъ и изданномъ въ Лондонѣ въ 1877 году, мы доказываемъ, что, вслѣдствіе ходатайства сейчасъ упомянутаго амстердамскаго раввина, подъ правленіемъ протектора Кромвеля евреи вновь стали селиться въ Англіи. Изъ актовъ о первомъ поселеніи евреевъ въ „Англіи", обнародованныхъ М. Филипсономъ въ „Zeitung d. Judenthums" (1868 № 49), несомнѣнно явствуетъ, что уже въ 1660 году, т. е. два года послѣ смерти Кромвеля, число евреевъ въ Лондонѣ было уже настолько значительно, что обратило на себя вниманіе парламента и что они въ 1662 г. владѣли уже вновь построенной синагогой.—Съ похвальнымъ безпристрастіемъ Пиччіото разсматриваетъ также и внутреннюю исторію англійскихъ евреевъ, которыхъ родной языкъ до конца прошлаго вѣка былъ отчасти португальскій, отчасти нѣмецкій.

На новѣйшую исторію евреевъ на британскомъ островѣ, число которыхъ по новѣйшимъ извѣстіямъ доходитъ тамъ до 49,000 душъ, особенное вниманіе обращаетъ Бернардъ Кракрофтъ, котораго прекрасно написанное «Обозрѣніе исторіи евреевъ въ западной Европѣ» появилось впервые въ 1864 году въ журналѣ „Westminsther Review" и затѣмъ переведено было на французскій языкъ М. I. Вертгеймеромъ (Женева

* Vestige on the history of anglo-Hebrews in East Anglio. Лондонъ 1873.

1865). Въ 1873 г. это обозрѣніе вмѣстѣ съ другой статьей, сюда не относящейся, переведено было на нѣмецкій языкъ Лудвигомъ Клаузнеромъ (Лондонъ 1873) и снабжено имъ весьма цѣнными примѣчаніями.

Исторія евреевъ въ Италіи также подвергалась въ послѣднее десятилѣтіе довольной усердной обработкѣ и обогатилась нѣсколькими цѣнными монографіями.

Появившееся въ Венеціи въ 1874 году удостоенное преміи сочиненіе Барт. Чешете: „Венеціанская республика" обращаетъ вниманіе и на исторію евреевъ въ Венеціи.—Марко Осимо въ Падуѣ, въ своемъ посвященномъ покойному падуанскому главному раввину Леоне Осимо сочиненіи: „Narrazione dolla straga compito nel 1547 contro gli Ebrei d'Asolo" (Casale 1875) даетъ отчетъ объ избіеніи, которому въ 1547 году подверглись евреи близъ Тревизо въ мѣстечкѣ Асалѣ. Законы венеціанской республики относительно евреевъ были весьма суровы, что и дало возможность злымъ людямъ сговориться противъ извѣстныхъ своею чрезвычайною честностью евреевъ этого мѣстечка и отчасти умертвить ихъ, отчасти изувѣчить. Съ похвальной энергіей венеціанскія власти взялись за наказаніе злодѣевъ. Многіе были обезглавлены; другіе подверглись изгнанію. Однако изъ переживших эту катастрофу евреевъ очень немногіе остались въ Асалѣ; отличавшееся своими необыкновенными дарованіями семейство Кенъ-Кантарино бѣжало въ Тревизо. Членамъ этой фамиліи, изъ которыхъ многіе функціонировали и выдавались изъ ряду въ качествѣ врачей и раввиновъ, посвящена 2-я часть этой монографіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ весьма цѣнныя данныя и для культурно-историческаго изученія внутренняго состоянія итальянскихъ общинъ.

Исторію евреевъ въ Феррарѣ описываетъ Абрамо Пессаро, родственникъ извѣстнаго итальянскаго государственнаго дѣятеля Песаро Маурогонато, въ своемъ сочиненіи: „Mémoria Storiche sulla comunita israelitica Ferrarense" (Феррара 1878). Исторія феррарскихъ евреевъ распадается на три періода: 1) до прекращенія благоволившей имъ династіи Эсте (1598); 2) время владычества папъ, и 3)—новѣйшую эпоху свободнаго гражданства. А. Песаро, пользовавшійся относящимися къ сему предмету сочиненіями Ис. Асколи и рукописнымъ собраніемъ разныхъ документовъ, знакомитъ насъ также съ нѣкоторыми еврейскими учеными, жившими въ Феррарѣ, каковы, напр., Абрагамъ Фарисель, Азарія ди Росси, Исаакъ Лампронти.—Д. Б. Бельтрани въ своей книгѣ о городѣ Тра-

ни подробно занимается и еврейскими его жителями *. Въ связи съ этой работой находятся интересныя сообщенія о неаполитанскихъ евреяхъ XIV столѣтія ** М. Латеса, который уже неоднократно публиковалъ разные документы, относящіеся къ исторіи евреевъ въ Италіи †. Какъ евреи геройски защищали городъ Неаполь противъ Велисарія и не допустили мирной передачи города грекамъ—это, на основаніи источниковъ, уже разсказалъ намъ М. Филипсонъ въ „Zeit. d. Jud." (1876 г. № 1).

Нѣкоторыя весьма дѣльныя работы по исторіи евреевъ въ Италіи исполнилъ Виторе Рава. Онъ занимался исторіей евреевъ въ Венеціи, Тосканѣ *† и написалъ также исторію евреевъ въ Болоньи, противъ которыхъ такъ жестоко неистовствовала испанская инквизиція въ 1568 г. („Monatsschrift" Гретца 1871. p. 378).

Для исторіи евреевъ въ Сициліи, со времени превосходной работы Цунца, сдѣлано очень мало. О появившейся недавно монографіи о сицилійскихъ евреяхъ Исидора ла-Лумія упоминаетъ Старрабба. сообщившій относящійся къ палермскимъ евреямъ документъ въ «Archivo Storica Siciliano» (IV. p. 89). Прекрасно написанная статья Ф. Либрехта въ «Grenzboten» (1873 № 26): „Изгнаніе евреевъ изъ Сициліи въ 1492 году", заключаетъ въ себѣ однако очень мало новаго. Въ заключеніе упомянемъ еще объ этюдѣ Г. Монтебрюка: „Поселеніе и пребываніе евреевъ въ Ниццѣ" (Ницца, 1873), которая хотя и находится подъ французскимъ владычествомъ, но, по своему географическому положенію, считается итальянскимъ городомъ.

III.

За исключеніемъ Франціи, нигдѣ историческіе матеріалы такъ тщательно и усердно не разработываются, какъ въ Германіи. Не проходитъ мѣсяца, чтобъ не появилось какого-нибудь собранія актовъ и документовъ, не говоря уже о томъ богатомъ матеріалѣ, который нагромождается въ историческихъ журналахъ и ежегодникахъ. Эти изслѣдованія, само собою разумѣется, не остаются безъ пользы и для исторіи евреевъ. Совершенно справедливо одинъ изъ молодыхъ историковъ усматриваетъ несча-

* Gli antichi ordinamenti Maritime della cita di Trani (Barletta 1873), p. 55—58.

** Arch. Veneto VII, p. 370.

† Arch. Veneto IV, p. 149, V, p. 97.

*† Corriere israelitics (Trieste 1872). Educatore Israel. 1871, 1872.

†* Gli Ebrei in Bologna. Vercelli 1872.

стіе еврейской исторіографіи въ томъ, что она сразу обратилась ко всеобщей исторіи евреевъ, прежде чѣмъ спеціальныя изслѣдованія подготовили для того надлежащую почву и проложили надлежащій путь. Только въ самые послѣдніе годы спеціальная исторія евреевъ серьезно и усердно разрабатывается въ Германіи, какъ евреями, такъ и христіанами, и можно надѣяться, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ накопится достаточный матеріалъ для составленія полной исторіи евреевъ въ Германіи.

Прежде чѣмъ обратимся къ перечню относящихся сюда трудовъ, заключающихся въ монографіяхъ и въ болѣе или менѣе объемистыхъ статьяхъ, мы должны упомянуть о тщательно обработанномъ статистическомъ обозрѣніи Г. Бреслау, разсматривающемъ отношенія евреевъ въ Германіи въ эпоху послѣднихъ королей изъ дому Гогенштауфеновъ и наступившаго затѣмъ междуцарствія *. На основаніи актовъ и большихъ историческихъ сочиненій онъ старается доискаться опредѣленныхъ указаній, въ какихъ нѣмецкихъ провинціяхъ и городахъ жили въ эту эпоху евреи, и каково было ихъ правовое положеніе и личное состояніе. Для исторіи евреевъ въ Австріи, Баваріи, Баденѣ, Эльзасѣ, въ рейнскихъ провинціяхъ, Франкфуртѣ, Вестфаліи и сѣверной Германіи его обозрѣніе заключаетъ въ себѣ весьма дѣнный матеріалъ.

Мы начинаемъ наше историческое шествіе съ Баваріи, гдѣ въ Аугсбургѣ, Регенсбургѣ, Нюренбергѣ и другихъ городахъ уже очень рано находимъ значительныя еврейскія общины. С. Таузигъ сдѣлалъ первую попытку изложить «Исторію евреевъ въ Баваріи по печатнымъ и непечатнымъ источникамъ" (Мюнхенъ 1874). Появилась только первая тетрадь, половина которой посвящена исторіи евреевъ въ Мюнхенѣ, и нельзя сказать, чтобъ продолженіе этого труда ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Еще меньшее значеніе имѣетъ исторія евреевъ въ Нюренбергѣ и Фиртѣ, изданная Гуго Барбекомъ (Нюренбергъ 1878). Это не болѣе какъ неудачное извлеченіе изъ сочиненія пастора Вирфеля; „Историческія извѣстія о еврейской общинѣ въ Нюренбергѣ" и его „Историческія извѣстія о еврейской общинѣ въ Фиртѣ"—и составляетъ собою простую книгопродавческую спекуляцію. Заслуживаетъ вниманія статья Сигизмунда Геймана (въ „Zeit. d. Jud." 1878, стр. 266), «Евреи въ Фиртѣ», гдѣ они поселились только въ 1528 г., а въ 1604 г. устроили свое собственное кладбище.

Если не считать статьи Буэра „Евреи въ Мергентгеймѣ" † и краткой

* Steinschneider. Hebr. Bibliographie X, p. 43, 127, 167; XI, 7, 121. XIV. 120.

† Zeitsch. des histor. Vereins für die Würtemberg. Franken. 1869 p. 60.

„Исторiи евреевъ въ Ульмѣ“ профессора Фридриха Пресселя (Ульмъ 1873), то для исторiи евреевъ въ Баденѣ и Вюртембергѣ въ послѣднее десятилѣтiе ничего не сдѣлано. „Исторiя евреевъ на боденскомъ озерѣ и его окрестностяхъ“, изданная въ 1874 г. раввиномъ Л. Левенштейномъ, обнимаетъ собою, кромѣ Констанца и Иберлингена, еще исторiю евреевъ въ Шафгаузенѣ и Дисенгофенѣ, гдѣ впрочемъ евреевъ было очень мало. Авторъ прямо похищалъ свои свѣдѣнiя изъ чужихъ сочиненiй и не счелъ даже нужнымъ указать на источники, которыми онъ пользовался, о чемъ впрочемъ ему уже замѣчено было въ другомъ мѣстѣ.

Для исторiи евреевъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, начало которой слѣдуетъ отнести не ранѣе какъ къ 1240, раскрываетъ богатый источникъ профессоръ и городской архиварiусъ Г. Л. Кригкъ въ своемъ превосходномъ сочиненiи, „Всеобщая исторiя въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ эпизодахъ“ (Франкфуртъ 1871). Половина книги посвящена Фетмильхскому возстанiю, которое преимущественно было направлено противъ евреевъ. Франкфуртскiе евреи находились подъ покровительствомъ Городскаго Совѣта; они считались собственностью императора и епископа Майнцскаго, и какимъ образомъ, въ качествѣ собственности, ихъ перепродавали или перезакладывали—это между прочимъ освѣщаютъ нѣкоторые документы, обнародованные Г. Вольфомъ въ его статьѣ „Къ исторiи евреевъ во Франкфуртѣ на Майнѣ“ *. Между возставшими цѣхами, во главѣ которыхъ стоялъ вышеупомянутый Фетмильхъ, и евреями 22 августа 1613 г. дѣло дошло до кровопролитной схватки, окончившейся разграбленiемъ еврейскаго квартала и изгнанiемъ евреевъ изъ Франкфурта. Однако 28 февраля 1616 г. послѣднiе, на основанiи императорскаго повелѣнiя, снова вернулись въ городъ. Эти претерпѣнныя франкфуртскими евреями событiя дали поводъ къ посту и празднеству: „Постъ- и Пуримъ Викентiя Фетмильхъ“. Фетмильяхъ и его сообщники свою ненависть къ евреявъ искупили висѣлицей.

Одну главу своего сочиненiя Кригкъ посвящаетъ франкфуртскому гетто и происходящей оттуда финансовой великой державѣ—семейству Родшильдовъ **.

Въ нынѣ уже почти совсѣмъ изчезнувшемъ тѣсномъ еврейскомъ переулкѣ увидѣлъ свѣтъ и Берне. Домъ принадлежавшiй семейству Ротшильдовъ сохранился въ томъ самомъ положенiи, въ какомъ онъ находился при жизни старой, умершей въ немъ въ 1849 г. „Гутеле“.

* Brüll, Jahrbuch für Geschichte u Literat III. Изд. также отдѣльно, Франкфуртъ 1877.

** См. также „Zeit. d. Juden'h. 1871 № 49 и слѣд.

Интересные документы для познанiя внутренней исторiи франкфуртской еврейской общины сообщаютъ Б. Рихтеръ и I. Перлесъ. Рихтеръ обнародовалъ въ „Monatsschrift“ Гретца (1879 р. 36) рѣшенiе Франкфуртскаго еврейскаго представительства отъ 1583, по которому всѣ внѣ Франкфурта положенныя на членовъ общины анафемы (Херимъ) считаются не дѣйствительными. Раввинъ I. Перлесъ въ той-же „Monatsschrift“ (1879 р. 286) говоритъ о 67-омъ изъ раввинскихъ заключенiй р. Моисея Алшейха, которое онъ старается отнести къ городу Франкфурту.

О конфискацiи еврейскихъ сочиненiй, послѣдовавшей вслѣдствiе доносовъ выкреста Пфеферкорна (въ царствованiе императора Максимилiана, о которомъ много существеннаго сообщилъ Лудвигъ Гейгеръ *) обнародованы въ „Monatsschrift“ Гретца (1875 р. 289) нѣкоторые во многомъ расъясняющiе положенiе дѣла документы. Что евреи не остались праздными зрителями при этомъ столь важномъ для нихъ дѣлѣ—это понятно само собою. Они отправили къ императору делегатовъ изъ почетнѣйшихъ лицъ, которые честно выполнили возложенную на нихъ миссiю.

Преслѣдованiя, постигшiя на евревъ въ среднiе вѣка во всевозможныхъ ужасныхъ формахъ, все еще представляютъ богатый матерiалъ для фельетонистовъ и обозрѣвателей. «Преслѣдованiя евреевъ въ половинѣ XIV столѣтiя» съ особенными указанiями на Нассву рисуетъ Коломбель въ «Annalen des Vereins für Nassau'ische Alterthumskunde und Geschichtsforschung“ (Т. VIII). Подъ заглавiемъ: „Преслѣдованiе евреевъ въ Шпейерѣ, Вормсѣ и Майнцѣ въ 1096 году во время перваго крестоваго похода“, Моисей Масманъ обнародовалъ по старой еврейской рукописи брошюру (Дармштадъ 1877), которая бросаетъ еще болѣе яркiй свѣтъ на возмутительные картины средневѣковыхъ неистовствъ.

По исторiи евреевъ въ прирейнскихъ провинцiяхъ весьма важныя заслуги оказалъ Л. Эйненъ, трудъ котораго „Къ исторiи евреевъ въ Кельнѣ“ † свидѣтельствуетъ о глубокихъ познанiяхъ и изученiи источниковъ. Полную исторiю евреевъ города Кельна и окрестностей, съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время, для которой весьма цѣнныя предварительныя работы сдѣланы уже Эйненомъ и Вейденомъ, приготовляетъ по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ учитель Карлъ Бришъ. Появившiйся уже пер-

* Frankfurter Archiv für Geschichte u Kunst 1869. 20 S; Geiger's Zeitschrift VII 283.

† Zeitschrift für deutsche Culturgeschichte № F. 1874. 3 Iahrg Heft 11 u. 12.

вый томикъ этого труда (Мильгеймъ на Рейнѣ 1879), въ которомъ авторъ приводитъ новые до сихъ поръ неизвѣстные еврейскіе источники, обнимаетъ періодъ времени отъ владычества Римлянъ и до черной смерти, т. е. до 1350 года.

Тщательно, по отчасти еще неизданнымъ источникамъ обработанная Альбертомъ Гирзе «Исторія евреевъ въ Вестфаліи въ средніе вѣка» (Науэнбургъ 1878) заслуживаетъ всякой признательности. „Исторія евреевъ въ Нордгаузенѣ“ * также нашла себѣ дѣльнаго изслѣдователя въ лицѣ ученаго Фефстемана, издателя „Нордгаузенской Хроники“, а какимъ образомъ въ 1349 г. евреи въ Нордгаузенѣ подвергались смерти—объ этомъ по древней записной книжкѣ, найденной въ библіотекѣ покойнаго Кармоли, сообщаетъ профессоръ Ф. Деличъ въ Jahrbuch für das deutche Reich (1873) **. Обвиненные въ отравленіи колодцевъ, и безъ всякаго разслѣдованія приговоренные къ смерти на кострѣ, евреи просили только о томъ, чтобъ имъ позволили идти на смерть съ музыкой и танцами. Это имъ милостиво разрѣшили. Въ сопровожденіи музыки отправились они 5 мая 1349 года на еврейское кладбище, гдѣ надъ выкопанной громадной могилой устроенъ былъ танцовальный паркетъ. Подъ звуки музыки и съ танцами евреи геройски всходили на костеръ. Эту ужасную исторію обработалъ также Рихардъ Ремгардъ въ своей брошюрѣ. „Пляска смерти“, составленной по актамъ и стремящейся къ обращенію евреевъ въ христіанство (Лейпцигъ 1876).

Какова была „Судьба евреевъ въ великую крестьянскую войну 1525 г.?“ на этотъ вопросъ отвѣчали различнымъ образомъ, смотря по тому, какой точки зрѣнія держался историкъ этихъ событій. Поэтому мы должны быть весьма признательны молодому еврейскому историку Альфреду Штерну, который провѣрилъ источники и обработалъ этотъ эпизодъ совершенно объективно. Что въ эту эпоху страстнаго возбужденія низшихъ массъ евреямъ пришлось много выстрадать, объ этомъ врядъ-ли даже надо и говорить †.

Не смотря на всевозможныя страданія и преслѣдованія, которымъ подвергались евреи и которыя профессоръ Рошеръ въ своей статьѣ: „Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики“ („Евр. Биб.“ т. VI) хочетъ приписать не религіозной ненависти, а торговополитическимъ при-

* Miltbeilungen aus dem Gebiete der Antiquarforschnngen, herausgegeben von thür. sächs. Veretn XI. 223—264,

** См. также Zeit des Judent. 1873. 12.

† Geiger' a Zeitsch. f. Wissanshaft u Leben VIII. 57.

чинамъ *, не смотря на всѣ эти страданія и преслѣдованія, евреи однако не подпали безнадежному унынію А. Берлинеръ взялъ на себя трудъ изслѣдовать такъ сказать веселую сторону въ жизни евреевъ. Въ своемъ, для исторіи нѣмецкой культуры весьма важномъ и тщательно обработанномъ, трудѣ: „Изъ внутренней жизни германскихъ евреевъ въ средніе вѣка“ (Берлинъ 1871) онъ наблюдаетъ игры евреевъ, прислушивается къ ихъ веселію, проникаетъ въ ихъ жилища, въ которыхъ постоянно находили самую изысканную чистоту, рисуетъ ихъ семейныя празднества, разсматриваетъ ихъ кастюмы, ихъ драгоцѣнности и т. д. и т. д.

Въ сѣверной Германіи, т. е. въ провинціяхъ, первоначально принадлежавшихъ славянамъ, евреи стали селиться лишь очень поздно и то въ небольшомъ числѣ.

„Исторія евреевъ въ Мекленбургѣ съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время“ (Лейпцигъ, 1874) съ большимъ стараніемъ и знаніемъ дѣла составилъ по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ Л. Донатъ. Первая часть этого сочиненія, обнимающая періодъ до общаго изгнанія евреевъ изъ Мекленбурга въ 1492 г., представляетъ мало интереснаго. Пребываніе ихъ въ городахъ Висмарѣ, Роштокѣ, Гистровѣ, Штернбергѣ и др. было почти безпрерывной мартирологіей. Вторая часть, начинающаяся съ вторичнаго поселенія евреевъ въ этой странѣ въ концѣ XVII столѣтія разсматриваетъ и внутреннюю исторію еврейскихъ общинъ Мекленбурга. Жаль только, что авторъ вдается въ слишкомъ растянутыя подробности и не всегда безпристрастенъ въ оцѣнкѣ лицъ и отношеній.

Ученый библіотекарь гамбургской городской библіотеки М. Исдеръ, въ своей брошюрѣ: „Къ древнѣйшей исторіи евреевъ въ Гамбургѣ“ (Гамбургъ 1874), доказываетъ, что въ этомъ граничащемъ съ Мекленбургомъ имперскомъ городѣ до конца XVI столѣтія евреевъ вовсе ни было. Въ Гамбургѣ равно какъ и въ лежащей насупротивъ его Алтонѣ вмѣстѣ съ Глюкштадтомъ принадлежавшей Гольштиніи, евреи, именно португальскіе евреи, поселились лишь въ началѣ XVII вѣка. Проповѣдникъ Г. Ксинскій занимается «Исторіей евреевъ въ Герцогствахъ Шлезигъ-Гольштейнъ» (Zeit d. Jud. 1872 № 3). а главнымъ образомъ еврейской общиной въ Рендебургѣ.—„Евреи въ Бременѣ“ (Zeit. d. Jud. 1876 cop. 649) не имѣютъ своей исторіи. Еврейская община организовалась тамъ лишь въ самые послѣдніе годы.—Для полноты упомянемъ еще объ аналектахъ: „Къ исторіи евреевъ въ Гильдесгеймѣ“ М. Ландсберга въ „Monatsschrift“ Гретца (1870 стр. 122),

* Противъ этого взгляда возстала „Zeit. d. Jud. см. 1876 г. стр. 133.

которые уже въ 1383 г. устроили себѣ синагогу, но затѣмъ нѣсколько разъ были изгнаны изъ этого города.

Переходимъ теперь къ Берлину, къ самой значительной, по своей численности и культурному развитію, еврейской общинѣ въ Германіи. Въ сентябрѣ 1871 года они праздновали свой 200-лѣтній юбилей, по случаю котораго еврейское представительство поручило Людвигу Гейгеру написать «Исторію евреевъ въ Берлинѣ» (Берлинъ 1871). Первая часть этого труда содержитъ въ себѣ собственно исторію въ тѣсномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ 2-я, гораздо болѣе значительная часть, заключаетъ въ себѣ весьма цѣнныя примѣчанія, подробности и актовые документы и доказательства. Древнѣйшая исторія лишь очень коротко изложена въ введеніи. Только два событія изъ XVI столѣтія упоминается тамъ въ чрезвычайной сжатости. Это именно старая исторія съ гостіями, разыгравшаяся въ 1509 г. въ Берлинѣ и подробно разсказанная затѣмъ Луи Вейлемъ въ „Zeit. d. Jud." (1872 № 37), и „дѣло придворнаго еврея Липпольда". Человѣкъ рѣдкой интелигенціи Липпольдъ поступилъ на службу курфирста бранденбурскаго Іоахима II къ качествѣ казначея и мюнцъ-мейстера и своей преданностью снискалъ у него большое уваженіе. Его благосостояніе и вліятельное положеніе въ скоромъ времени навлекли однако на него ненависть и зависть согражданъ, даже его собственныхъ единовѣрцевъ, и когда курфирстъ 2 января 1571 г. внезапно умеръ Липпольда обвинили въ томъ, что онъ отравилъ своего государя, бросили его въ темницу, пыткой вынудили у него мнимое признаніе и затѣмъ подвергли колесованію. Евреи опять вынуждены были взяться за скитальческій посохъ и оставить Бранденбургъ. Что Липпольдъ былъ казненъ совершенно безвинно это еще недавно доказалъ нѣкто P. P. въ своей статьѣ: „Спасеніе чести на основаніи архивныхъ документовъ" (Gartenlaube 1878 p. 676). Книга Гейгера есть скорѣе исторія еврейской общины чѣмъ исторія евреевъ въ Берлинѣ и на первомъ планѣ у него выдается умственное развитіе и внутреннее возрожденіе, и мало обращено вниманіе на такъ называемую политическую сторону, т. е, на положеніе евреевъ напр. при Фридригѣ II и при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II.

Фридрихъ II, давшій своему народу государственное сознаніе, а для себя снискавшій имя „Великаго", былъ однако сыномъ своей эпохи, и не смотря на то, что взывалъ къ философіи, какъ къ своей мудрой наставницѣ, не былъ въ состояніи отрѣшиться отъ предразсудковъ противъ евреевъ. Въ своемъ отвращеніи къ нимъ онъ издалъ особыя правила для евреевъ (Judenreglement), исключилъ ихъ изъ всѣхъ цѣховъ и обложилъ неимовѣрно высокими

налогами. Но особенно стѣснительно было обязательство, по которому евреи при всякомъ своемъ новомъ переселеніи, хотя бы имъ и дано было разрѣшеніе пріобрѣсти новое жилище должны были купить извѣстное количество фарфора, именно на 300 талеровъ, и продать ихъ заграницей. Объ этомъ насильственоомъ пріобрѣтеніи фарфора вообще и еврейскимъ обществомъ въ Потсдамѣ въ особенности потстдамскій раввинъ въ мѣстномъ „Литературномъ Обществѣ" произнесъ рѣчь впослѣдствіи напечатанную въ „Zeitsschrift d. liter. Vereins für Potsdam" (1878 p. 31) и Zeit. d. Jud." 1078 p. 124), въ которой онъ на основаніи магистратскихъ документовъ города Потсдама, доказываетъ, что при смерти Фридриха II за купленный ими фарфоръ на евреяхъ лежалъ долгъ приблизительно въ 80,000 талеровъ. Долгъ этотъ впослѣдствіи былъ сокращенъ имъ на половину. Фридрихъ Вильгельмъ II, вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, уничтожилъ это обязательное пріобрѣтеніе евреями фарфора.

Этотъ властитель, который, не смотря на многіе свойственные ему недостатки какъ человѣку и какъ государю, все-таки обладалъ и многими добродѣтелями и особенно отличался своимъ гуманизмомъ, былъ на сторонѣ евреевъ вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, многооклеветаннымъ министромъ Вельнеромъ. Къ его правленію относится достойная и полезная дѣятельность Давида Фридлендера, который вмѣстѣ съ другими единовѣрцами и единомышленниками „съ совершенною почтительностью и довѣріемъ" просили объ уничтоженіи всѣхъ исключительныхъ для евреевъ законовъ, въ особенности относительно уголовнаго права и обложенія налогами и затѣмъ и о полномъ уравненіи евреевъ съ другими подданными. Старанія Фридлендера столкнулись не съ доброю волею короля, а съ предразсудками назначенной для регулированія дѣлъ евреевъ коммисіи, которая очень небрежно относилась къ порученному ей дѣлу, какъ это, на основаніи архивныхъ изслѣдованій, ясно доказываетъ М. Филипсонъ въ своей статьѣ «Прусскій Король Фридрихъ-Вильгельмъ II и евреи» («Zeit. d. Jud.» 1878 p. 203 ff. 218 ff. и 234 ff).

Какъ бы въ противовѣсъ къ книгѣ Гейгера должно было появиться другое юбилейное сочиненіе подъ названіемъ „Исторія евреевъ въ Берлинѣ" Густава Карпелеса, написанное съ ортодоксальной точки зрѣнія. Сочиненіе это, однако, не появилось, и если судить о немъ по образчику, обнародованному въ «Jüdische Presse» (годъ II, № 30), то жалѣть объ этомъ нечего.

VI.

Спустя пять лѣтъ послѣ празднованія берлинскаго юбилея, торжествовали въ Вѣнѣ пятидесятилѣтнее существованіе старой синагоги. И здѣсь также возникло желаніе вспомнить прошлое вѣнской еврейской общины. И вотъ законоучителю Г. Вольфу, который уже въ теченіи многихъ лѣтъ занимался архивными изслѣдованіями и издалъ уже нѣсколько сочиненій, посвященныхъ или исключительно или только отчасти исторіи евреевъ въ Вѣнѣ, этому такъ-сказать австрійско-еврейскому исторіографу вновь выпало на долю написать «Исторію евреевъ въ Вѣнѣ» (Вѣна 1876). Полной исторіи евреевъ въ Вѣнѣ онъ не далъ и на этотъ разъ: онъ обработалъ только относительно незначительный готовый матеріалъ и репродуцировалъ прагматически то, что уже находится въ прежнихъ его сочиненіяхъ. Исторія вѣнской еврейской общины обнимаетъ періодъ времени въ 700 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ много мрачныхъ и трагическихъ страницъ. Въ его сочиненіи встрѣчается много разнообразнаго матерьяла о поселеніи, изгнаніи и новомъ допущеніи евреевъ и т. д. пока вѣнская община не достигла того блестящаго положенія, въ которомъ она теперь находится. Подробно Вольфъ останавливается на исторіи послѣднихъ ста лѣтъ, и въ особенности подробно онъ рисуетъ современное положеніе общины и ея гуманитарныя учрежденія. Характеристично для манеры его писанія то, что онъ не раздѣляетъ значительныхъ періодовъ по эпохамъ или по главамъ, а разсказываетъ все въ одномъ тонѣ, такъ-сказать однимъ духомъ.

Другія статьи, появившіяся по случаю этого торжества, какъ напримѣръ Франца Мейера „Исторія евреевъ въ Вѣнѣ" (Wiener Abendpost 1876 № 65 и слѣд.) и В. Рогге подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Gegenwart" Линдау (1876 № 34), не представляютъ собою ничего новаго. Напротивъ того, особеннаго вниманія заслуживаетъ брошюра Израиля Іейтелеса: «Религіозная община евреевъ въ Вѣнѣ» съ выводами, основанными на статистическомъ народоисчисленіи по 1869 (Вѣна 1873). Брошюра эта содержитъ въ себѣ хорошо написанное обозрѣніе эпохи отъ Іосифа II до 1848 г. и статистическую картину еврейской религіозной общины съ спеціальными таблицами и данными обо всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ вѣнскихъ евреевъ.

Нѣкоторое дополненіе къ книгѣ Вольфа составляетъ статья Теодора Видеманна „Къ исторіи евреевъ въ Вѣнѣ" въ «Monatsschrift» Гретца (1878 p. 257 и 325), въ которой онъ сообщаетъ документы объ изгнаніи евреевъ изъ страны въ правленіе Энновъ и также о заведенныхъ Фердинандомъ II проповѣдяхъ для обращенія евреевъ.

Объ исторіи евреевъ въ Зальцбургѣ, которою занимается тотъ же г. Вольфъ въ своей «Зальцбургской хроникѣ» (Вѣна 1873), почти ничего неизвѣстно, кромѣ развѣ того, что они были изгнаны изъ этого города въ 1498 году. Только въ концѣ XVIII столѣтія евреи снова появляются въ Зальцбургскомъ округѣ, но только въ качествѣ проѣзжихъ, которые, какъ и въ большей части нѣмецкихъ областей, были подвержены особенной подушной подати (Leibzoll), пока гуманный архіепископъ Геронимъ изъ Коллоредо не уничтожили его въ 1791 г. Документъ о «Еврейской школѣ», находившейся въ Зальцбургѣ на еврейской улицѣ въ 1403 году, обнародованный Вольфомъ въ „Monatsschrift" Гретца (1876, p. 342) не имѣетъ особеннаго значенія.

Въ Штиріи евреи жили лишь въ незначительномъ числѣ, какъ сообщаетъ Вольфъ въ своихъ „Историческихъ замѣткахъ" въ „Zeit. d. Jud." (1870, p. 723, 893). Объ изгнаніи ихъ оттуда въ 1496 году говоритъ Фр. Ильвольфъ въ своей статьѣ «Императоръ Максимиліанъ и изгнаніе евреевъ изъ Штиріи» въ «Forschungeu für deutsche Geschichte» (X. p. 34).

„По исторіи евреевъ въ Крайнѣ" Г. Вольфъ въ „Monatsschrift" Гретца (1876, p. 237), передаетъ въ видѣ регестовъ нѣсколько документовъ, относящихся къ 1352—1399 гг. напечатанныхъ прежде въ „Извѣстіяхъ историческаго общества въ Крайнѣ".

Исторія евреевъ въ Прагѣ, гдѣ основалась одна изъ важнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ еврейскихъ общинъ, богата многими печальными и трагическими эпизодами. Неоднократно евреи были изгоняемы изъ этого города; сперва въ 1059, потомъ въ 1180 и 1235 гг. „Послѣднее великое изгнаніе евреевъ изъ Богеміи" въ 1744 и ихъ возвращеніе въ 1748 г. Г. Вольфъ сдѣлалъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія въ „Jahrbuch f. Geschichte der Juden и des Judetnhums" (1869, IV. p. 143—261). Не смотря на патріотическое самопожертвованіе, обнаруженное пражскими евреями въ военное время 1740—1742 гг., какъ это явствуетъ изъ одной вѣнской еврейской рукописи, на которую указываетъ ученый А. Гаркави въ „Hebr. Bibliographie" (XV, p. 45 ff.), не смотря на пользу, которую они приносили городу Прагѣ и всему государству, императрица Марія Терезія предписала въ декабрѣ 1744 г. изгнаніе евреевъ изъ Праги и Богеміи. Всѣ представленія и петиціи ни къ чему не привели, и 31-го марта 1745 г. евреи выселились. Переговоры, происходившіе по этому поводу съ придворною канцеляріей, петиціи евреевъ, представленіе иностранныхъ пословъ, рескрипты императрицы, подробные акты о выселеніи и многое

другое Вольфъ дословно сообщаетъ изъ найденныхъ въ архивахъ документовъ.

Весьма цѣнный матеріалъ по исторіи евреевъ въ Богеміи содержатъ въ въ себѣ „Древности пражской „Josephstadt", изданныя Давидомъ Подѣбродомъ и выпущенныя третьимъ изданіемъ (Прага, 1870) учителемъ Бернардомъ Точесомъ по манускриптамъ, пріобрѣтеннымъ отъ издателя.

Изъ Богеміи мы черезъ Силезію, откуда евреи были изгнаны въ 1082 г. (см. „Jahrbuch f. Ges. der Judeu u d. Judents. IV), перенесемся въ Венгрію.

Исторія евреевъ въ Венгріи, для которой, если не считать статей умершаго въ 1875 году сцегединскаго главнаго раввина Леопольда Лёва, появившихся въ ежегодникахъ („Jahrbücher") Буша и въ издававшемся имъ самимъ журналѣ „Бенъ-Хананія", до сихъ поръ очень мало было сдѣлано, въ послѣднее время стала возбуждать большой интересъ и ею стали заниматься съ нѣкоторымъ усердіемъ.

Профессоръ Августъ Гульмаръ въ Пресбургѣ съ большимъ стараніемъ обработалъ „Исторію евреевъ въ Венгріи въ эпоху Арпадовъ", помѣщенную въ «Программѣ» пресбургской гимназіи (Пресбургъ 1879). Для этого труда Гульмаръ пользовался относящимися сюда постановленіями всеобщаго церковнаго права, но не упускалъ также изъ виду и еврейскихъ источниковъ. Весьма основательно онъ разсматриваетъ также привилегію, дарованную евреямъ Булой IV въ 1251 г. Въ правленіи Арпадовъ евреи не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ и угнетеніямъ.

Правовыя отношенія и юридическое положеніе венгерскихъ евреевъ въ періодъ времени отъ прекращенія династіи Арпадовъ до воцаренія Габсбурговъ (1301—1526) разбираетъ Эмерихъ Гайникъ, нынѣ профессоръ Пештскаго университета, въ помѣщенной имъ въ „Magyar akademiae ertesito" * статьѣ „Евреи въ Венгріи при царяхъ изъ различныхъ династій". Трудъ этотъ, въ которомъ преобладаетъ совершенно объективный, чисто научный тонъ, не непріязненный къ евреямъ, основанъ на тщательномъ изученіи источниковъ, и въ особенности авторъ часто пользовался нѣкоторыми городскими архивами. Особенную цѣнность и въ будущемъ труду этому придаютъ многочисленныя выписки изъ относящихся къ евреямъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже прямо приведены цѣликомъ.

* Т. V. р. 202—249.

Меньшее значеніе имѣютъ „Архивные наброски Стульвейсенбургскаго общества", которые Финфкирхенскій раввинъ Александръ Когутъ помѣстилъ въ издаваемомъ І. Рейхомъ „Виѳлеемъ", ежегодникѣ для развитія земледѣлія, ремеслъ и промышленности среди венгерскихъ евреевъ *, и которые обнимаютъ періодъ времени отъ 1725—1750 г. Эти „наброски" снова доказываютъ, что мадьяры обнаруживали относительно евреевъ гуманность и терпимость и хорошо обращались съ ними въ то время, когда Габсбурги взваливали на нихъ страшно высокіе невыносимые налоги и денежныя повинности. Въ заключеніе Когутъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о вновь воскресшей лишь въ 1840 Стульвейсенбургской еврейской общинѣ, въ которой онъ фигурируетъ въ качествѣ раввина, даетъ свою собственную біографію и выписку всего того, что имъ напечатано и что еще хранится у него въ рукописи.

О новѣйшей исторіи евреевъ въ Венгріи упомянутый выше Леопольдъ Левъ написалъ весьма объемистую книгу, которая сперва появилась подъ заглавіемъ „Еврейскій конгрессъ въ Венгріи съ исторической точки зрѣнія, къ исторіи права, религіи и культуры" (Пештъ 1871), а затѣмъ черезъ три года издана была уже подъ измѣненнымъ названіемъ: „Къ новѣйшей исторіи евреевъ въ Венгріи" (Буда-Пештъ 1873). Собственно говоря — это полемическое сочиненіе противъ извѣстнаго Венгерскаго конгресса, и въ немъ разбирается уже начавшіяся съ 1792 года попытки организаціи венгерскихъ евреевъ, и авторъ слѣдитъ за ними до самаго 1870 года и въ то же время разсматриваетъ печальную исторію эмансипаціи, такъ какъ у него тщательно собраны и подробно освѣщены всѣ петиціи, поданныя евреями венгерскому рейхстагу, Палатину-намѣстнику и т. д., всѣ законопроекты и планы организаціи венгерскихъ евреевъ. Достоинство этой книги, не только вполнѣ исчерпывающей свой предметъ, но представляющей много такого, чего и нельзя ожидать найти въ ней, было бы несравненно выспимъ, если бы авторъ немного воздерживался отъ полемическихъ пріемовъ и сохранялъ бы болѣе объективный тонъ историка.

«Исторію венгерскихъ евреевъ, составленную по лучшимъ источникамъ» издалъ Іосифъ Берглъ, одновременно на венгерскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (Копосвиръ 1879). Г. Берглъ, по профессіи врачъ, изъ историческихъ сочиненій, законодательныхъ сборниковъ и тому подобныхъ изданій, собралъ сырые матеріалы и безъ всякой критики связалъ ихъ между собою, что называется бѣлыми нитками. Культурно-историческая часть вовсе не имѣетъ никакого значенія, и всю умственную продуктивность

* Годъ II, р. 218—243. Пештъ 1873.

венгерскихъ евреевъ, правда до конца прошлаго столѣтія очень незначительную, она обходитъ совершеннымъ молчаніемъ.

Основанную на изученіи источниковъ „Исторію евреевъ въ Венгріи" приготовляетъ пештскій проповѣдникъ Сам. Конъ. Пробныя главы этого труда появились въ «Pester Lloyd» (1879, № 121) подъ заглавіемъ «Офенскіе евреи въ эпоху турокъ». Офенскіе евреи, во время владычества турокъ, пользовались, относительно говоря, свѣтлыми днями. Еврейская община пользовалась полною автономіей; въ соблюденіи ихъ религіи они были совершенно свободны и относительно выбора рода занятій они не подвергались никакимъ ограниченіямъ и исключительнымъ законамъ. Они находились съ турками на дружеской ногѣ, и турецкіе государственные люди нерѣдко посѣщали ихъ дома. Вслѣдствіе этого, само собою разумѣется, что офенскіе евреи въ тогдашнія частыя войны между крестомъ и полумѣсяцемъ всегда стояли на сторонѣ турокъ и защищали городъ, когда онъ подвергался нападенію и осадѣ со стороны христіанскихъ войскъ. Во время осады Офена въ 1684 году евреевъ видѣли на городскомъ валу, гдѣ они рядомъ съ турками сражались такъ храбро, что имъ отчасти приписывается неудача осады, и султанъ Магомедъ IV оцѣнилъ по достоинству ихъ заслуги при спасеніи города, вознаградивъ ихъ нѣкоторыми особыми привилегіями. При вторичной осадѣ Офена въ 1686 году, рядомъ съ янычарами и спаги сражались на стѣнахъ города 1,000 евреевъ и выказывали ожесточенное сопротивленіе. Но они получили за то плохое вознагражденіе. При взятіи города еврейскіе старики, женщины и дѣти были умерщвлены, бѣглецы были безпощадно убиты, вся офенская община была уничтожена, и евреи до самаго послѣдняго времени не могли даже селиться въ Офенѣ.

Ничего особенно новаго не представляетъ „Историко-статистическій очеркъ старой еврейской общины въ Офенѣ" помѣщенной I. Рейхомъ въ упомянутомъ выше ежегодникѣ «Виѳлемъ» (1 р. 158).

Основанную преимущественно на легендѣ извѣстную исторію дочери р. Ейзика Тирнауса С. Конъ снова освѣжилъ въ „Пештскомъ Ллойдѣ" за 1878 г. № 11.

Весьма интересныя статистическія данныя о венгерскихъ евреяхъ, ихъ торговлѣ, культурѣ и т. д. сообщаетъ Гунфольни въ своей книгѣ «Этнографія Венгріи» *. По его вычисленіямъ, евреевъ въ Венгріи въ 1785 году было 75,089, въ 1840 ихъ уже было тамъ 241,632, а въ 1870 году число ихъ доходило уже до 552,133.

* Нѣмецкій переводъ Швикера. Буда-Пештъ 1877.

Натанъ Фишеръ издалъ исторію евреевъ для школъ, при чемъ имѣлъ особенно въ виду и венгерскія отношенія. Книга его появилась въ Пештѣ въ 1877 г. подъ заглавіемъ „A zsidók tövenete biblia ufáne korszakainak röoid vazlata" и въ основаніе ея легла «Исторія евреевъ» Гехта.

Д. Касселя упомянутое выше «Руководство къ преподаванію еврейской исторіи и литературы», переведено на венгерскій языкъ въ 1869 (Пештъ) Морицомъ Клейманомъ, а въ 1877 году его съ сокращеніями и ошибками вновь издалъ офенскій раввинъ Рафаилъ Гольдбергъ.

Столь же важная какъ и трудная задача научнаго изложенія все еще во мракѣ находящейся исторіи евреевъ въ Польшѣ, до сихъ поръ ждетъ своего разрѣшенія. Г. Штернбергъ хотя и сдѣлалъ начало своей „Исторіей евреевъ въ Польшѣ въ правленіе Пястовъ и Ягеллоновъ" (Лейпцигъ, 1878), но онъ довольствуется тѣмъ, что изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ заимствуетъ разсказы о древнѣйшей исторіи евреевъ въ Польшѣ, не обращаясь самъ къ первоначальнымъ, относящимся къ данному времени источникамъ древней польской исторіи.

Важныя разъясненія о положеніи евреевъ въ Польшѣ находимъ въ изданной профессоромъ I. Каро „Формальной книгѣ польской королевской канцеляріи" (Liber Cancellariae Stanislai Ciolek) изъ эпохи историческаго возбужденія, приблизительно изъ періода 1422—1428 гг. *.

Весьма цѣнный вкладъ въ исторію польскихъ евреевъ доставилъ М. Л. Цунцъ своимъ написаннымъ на еврейскомъ языкѣ сочиненіемъ: „Исторія краковскаго раввината отъ начала XVI вѣка по настоящее время" (Львовъ, 1874), которая не смотря на — впрочемъ небезпристрастную — критику Іоэля Дембицера въ „Гашихарѣ" (1875) имѣетъ прочныя достоинства. Назовемъ также статью Мат. Берсона: „Древняя краковская синагога на Казимірѣ" въ „Anzeige für Kunde der deutschen Vorzeit" (1869, p. 145) и появившійся въ „Numismatische Zeitschrift" † очеркъ „Искуственныя монеты и марки польскихъ евреевъ", къ которымъ прибѣгали евреи послѣ послѣдняго раздѣла Польши, за отсутствіемъ мелкой серебряной размѣнной монеты.

Ни въ одной европейской странѣ отношенія евреевъ въ прошломъ и настоящемъ не покрыты такимъ густымъ мракомъ какъ въ Россіи. Весьма цѣнную заслугу имѣетъ въ отношеніи поднятія этой темной завѣсы трудъ В. О. Леванды: „Полный хронологическій сборникъ законовъ о евре-

* Archiv für östreichische Geschichte, Bd. XLV, 2 Hälfte.

† „Zeit d. Jud." 1868 p. 445.

яхъ" (С.-Петербургъ, 1874), обнимающiй перiодъ времени слишкомъ въ 200 лѣтъ. Краткое извлеченiе изъ этого сборника помѣстилъ д-ръ Дрябкинъ въ „Monatsschrift" Гретца (1875 p. 310—320 и 344—351). А. Гаркави обнародовалъ въ „Russische Revue" (Bd. V. p. 143—167) «Переписку между Кордовой и Астраханомъ во время Святослава; около 960 г.", или лучше извѣстную переписку между испанскимъ министромъ Д. Хисдой Ибнъ-Шапрутомъ и Хозарскимъ царемъ *; хотя и названную со стороны автора вкладомъ „Къ исторiи южной Россiи", но она относится также и къ общей исторiи евреевъ. Цѣнною работою должно назвать также составленный тѣмъ же А. Гаркави списокъ сочиненiй писанныхъ евреями и объ евреяхъ въ Россiи, взятый имъ изъ каталога «Russica» императорской Публичной Библiотеки **. Подобныя библiографическiя работы оказываютъ историкамъ громадныя услуги †.

По исторiи евреевъ въ Турцiи слѣдуетъ упомянуть только о нѣскольких документахъ, относящихся къ Д. Iосифу Нази, герцогу Наксоскому. Мат. Берсонъ изъ Варшавы сообщаетъ въ „Monatsschrift" Гретца (1875, p. 422) два письма короля Сигизмунда къ Д. Iосифу Нази, изъ которыхъ съ одной стороны явствуетъ, что этотъ король находился въ частой и интимной перепискѣ съ еврейскимъ государственнымъ дѣятелемъ, и съ другой, что Iосифъ Нази былъ расположенъ поддерживать политическiе планы польскаго короля. Дипломатическое искусство Д. Iосифа Нази, какъ извѣстно, обращало на себя всеобщее вниманiе. Это вытекаетъ также изъ документовъ, относящихся къ миссiи извѣстнаго прелата и дипломата Веранчича и перепечатанныхъ („Monatsschrift", 1879 p. 113) С. Кономъ изъ «Monumenta Hungariae historica».

Новѣйшей исторiей евреевъ въ Турцiи, Сербiи и Румынiи особенно усердно занимается секретарь парижскаго «Всемiрнаго Еврейскаго Союза». Исидоръ Лебъ, въ его объемистомъ трудѣ: «La situation des Israélites en Turquie, en Serbie et en Roumanie» (Парижъ, 1877), который составляетъ дополненное изданiе раньше (Парижъ, 1876), обнародованнаго имъ сочиненiя: «La situation des Jsraélites en Serbie et en Roumanie". За Лёбомъ та заслуга, что онъ собралъ громадный матерiалъ о печальныхъ событiяхъ въ Румынiи.—О евреяхъ въ Румынiи, объ ихъ положенiи, о преслѣдованiяхъ, которымъ они тамъ подвергаются, о переговорахъ, которые велись объ этомъ ихъ печальномъ положенiи и улучшенiи его, появилось множество брошюръ и статей какъ съ дружественныхъ, такъ и враждебныхъ сторонъ, и будущему историку предстоитъ весьма нелегкiй трудъ разобраться въ этой необозримой путаницѣ. Мы назовемъ только нѣкоторыя болѣе выдающiяся вещи, именно: Г. Б. Оппенгейма „Die Judenverfolgungen in Rumenien (Берлинъ. 1872); Бернарда Леви „Die Judenfrage in den Donaufürstenthümern" (Берлинъ 1872); Израэль Давида „The Iews in Roumania, a short statement of their recent history and present situation" (Лондонъ 1872); «Les persecuation contre les Israélites roumaines, par un amie de son pays, de son peuple et de la liberté» (Парижъ 1872). Это послѣднее сочиненiе переведено также на англiйскiй языкъ англiйской писательницей Анной Марiей Гольдшмидтъ. Затѣмъ упомянемъ еще, написанную въ пользу евреевъ, брошюру бывшаго румынскаго депутата и префекта Ч. В. „La question des Israélites devant le congrés et devant la Roumanie" (Бухарестъ 1878): на нѣмецко-еврейскомъ нарѣчiи появилась брошюра I. Псантера „Къ исторiи евреевъ въ Румынiи" (Яссы, 1871 г.), переработанная впослѣдствiи на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ (Яссы, 1874).

По исторiи евревъ въ Моравiи * за занимающiй насъ перiодъ времени почти что ничего не сдѣлано. Соч. М. Г. Фридлендера „Кора Годдоратъ. Къ исторiи евреевъ въ Моравiи". (Брюннъ 1876) занимается почти исключительно только одними раввинами, о которыхъ ожидаемая съ давнихъ поръ монографiя раввина Iос. Вейса вѣроятно сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнiя.—Фридлендера „Картины изъ внутренней жизни моравскихъ евреевъ въ до-мартовскую эпоху" (Брюннъ 1878) описываютъ подробности, нравы и обычаи, которые нисколько не составляютъ достоянiя исключительно однихъ только моравскихъ евреевъ, а встрѣчаются у евреевъ всѣхъ странъ.—Регулирующiя внутреннюю жизнь евреевъ правила, такъ называемыя „Chai-Tekanot", недавно вновь обнародованы въ журналѣ „Neuzeit" за 1878—1879 гг.

Прощаясь съ Европой и обращаясь туда, гдѣ стояла нѣкогда колы-

* См. „Еврейскую Библiотеку", т. VII.

** См. „Евр. Биб." т. VI статью: Iudaica, а также Steinschneider's „Bibliograpgie"; XIV 87, 105; XV, 18, 113.

† Хотя по исторiи евреевъ въ Россiи и Польшѣ дѣйствительно сдѣлано еще очень мало, но все-таки нѣсколько больше, чѣмъ указываетъ авторъ. См. библiографическую статью В. И. Межова въ „Евр. Биб." т. V, стр. 52 и слѣд. и статью С. А. Бершадскаго въ „Евр. Биб:", т. VII, стр. 2 и слѣд. *Издатель.*

* Этотъ абзацъ слѣдуетъ собственно послѣ обозрѣнiя литературы исторiи евреевъ въ Венгрiи. *Издат.*

бель еврейскаго племени, именно въ Палестину, въ Іерусалимъ, мы должны привѣтствовать прекрасное сочиненіе бывшаго главнаго врача ротшильдскаго госпиталя въ Іерусалимѣ, Бернарда Нейманна, «Святой городъ и его жители» (Гамбургъ, 1877), въ которомъ онъ излагаетъ также исторію Іерусалима отъ разрушенія храма Титомъ до настоящаго времени. Жаль только, что авторъ не достаточно критически относился къ своему матеріалу и вслѣдствіе этого повторяетъ уже давно указанныя ошибки.

О евреяхъ въ Курдистанѣ *, Тунисѣ *, Гибралтарѣ * и о черныхъ евреяхъ въ Индіи * къ намъ дошли лишь весьма скудныя свѣдѣнія.

Особенное вниманіе въ послѣднее десятилѣтіе еврейскіе и христіанскіе ученые обращали также на оторвавшіеся отъ іудейства корни, каковы: караимы, самаритяне, франкисты и въ особенности на, оставленное долгое время въ совершенномъ пренебреженіи, родственное племя фалашей или абиссинскихъ евреевъ.

Путешественникъ Іосифъ Галеви, посланный въ 1867 г. Alliance Israêlite Universelle въ Абисинію съ порученіемъ узнать подробности о тамошнихъ евреяхъ, представилъ въ 1869 г. отчетъ о своемъ путешествіи: „Excursion chez les Falascha en Abessynie“ **. Въ томъ-же году миссіонеръ Мартинъ Фладъ, посланный іерусалимскимъ епископомъ Гобатомъ съ цѣлью обращенія фалашей въ христіанство, послѣ двѣнадцатилѣтняго тамъ пребыванія, обнародовалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Краткое описаніе до сихъ поръ почти неизвѣстныхъ абисинскихъ евреевъ“ (Базель, 1869). Какъ Галеви, такъ и Фладъ въ существенномъ вполнѣ сходятся между собою въ своихъ извѣстіяхъ. Особенный интересъ возбуждаютъ изданныя Галеви на эѳіопскомъ языкѣ съ еврейскимъ переводомъ „Молитвы Фалашей“ (Парижъ 1877), составленныя большею частью, по мнѣнію Галеви, жившимъ въ 12-мъ стол. нѣкіимъ отшельникомъ Аба Сикоинъ, и не имѣющія еврейскаго колорита.

Еще ранѣе упомянутыхъ Галеви и Флада фалашами занимался молодой еврейскій ученый Луи Маркусъ изъ Дессау, мѣсто рожденія Моисея Мендельсона. Онъ много лѣтъ трудился надъ большимъ сочиненіемъ о колонизаціи Эѳіопіи, окончить которое помѣшала ему ранняя смерть. Однако, отрывокъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ: „Notice sur l'epoque de l'établissement de Juifs dans l'Abessynie“ появился недавно въ парижскомъ „Nouveau Journal asiatique“ (Т. III, вып. 18 и 19. Парижъ

* „Zeit. des Jud.“ 1878, p. 243, 462, 588; „Ausland“ 1870, p. 159.
** Paris. Extrait du bulletin de la societé de géographie.

1879). По мнѣнію Маркуса, фалаши, которые около 330 г. до Р. Х., поселились въ Абиссиніи, управлялись еврейскими царями до 1800 г. Въ этомъ году угасла царская династія и съ тѣхъ поръ евреи въ Саменѣ или Массуратѣ не имѣютъ другихъ властителей, кромѣ христіанскихъ царей абиссинскихъ. Попытка составить историческій очеркъ этого племени на основаніи разсѣяннаго о немъ матеріала сдѣлана была юристомъ Метцомъ изъ Миндена, который помѣстилъ въ «Monatsschrift» Гретца (1878 г. стр. 385 и 433) статью: „Къ исторіи фалашей“. Но статья эта, однако, не можетъ похвалиться критической разработкой матеріала.

Изслѣдованіемъ исторіи караимовъ уже цѣлые десятки лѣтъ занимались Іостъ, Мункъ, Гейгеръ и подробно Пинскеръ, Хвольсонъ, Готлоберъ, Гурляндъ, Фирковичъ, Нейбауэръ, Левинсонъ, Финъ, Гинцбургъ. Полнѣе другихъ по этому предмету сочиненіе Ю. Фирста. Назовемъ еще книгу В. Гарриса Рѣля: „History of the Karaite Jews“ (Лондонъ 1870), страдающее недостаточно основательнымъ изученіемъ источниковъ.

И по исторіи самаритянъ едва-ли возможно сдѣлать еще что-нибудь новое. Сочиненніе Брюля „Къ исторіи и литературѣ самаритянъ“ (Франкфуртъ на М. 1876), равно какъ и диссертація М. Аппеля: „De rebus samaritanorum sub imperio Romanorum“ (1876) содержатъ въ себѣ большею частью уже извѣстное.

Совершенно другое дѣло съ саббатистами, какъ называютъ приверженцевъ Саббатай-Цви, и франкистами, исторія которыхъ во многихъ отношеніяхъ еще покрыта мракомъ и далеко не разъяснена. Что изслѣдователи еврейской исторіи съ новою энергіей бросились на эти секты—это неоспоримая заслуга Гретца, давшаго этому дѣлу первый толчокъ. Въ своей статьѣ „Къ исторіи саббато-мессіанскихъ бредней въ Амстердамѣ“ («Monatsschrift» 1876, p. 139) онъ доказываетъ, что амстердамскіе евреи обратились къ Саббатай-Цви съ посланіемъ уже спустя долгое время, послѣ его перехода въ магометанство. Что такое саббатійская секта, которая черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ смерти ея основателя въ Салоникахъ послѣдовала за нимъ и подобно ему приняла могометанство, объ этомъ разсказываетъ Карлъ Браунъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Салоникахъ“ и за нимъ Гретцъ («Monatsschrift“ 1877, p. 130) въ своей статьѣ «Остатки саббатійцевъ въ Салоникахъ“. Эти мнимые магометане по сіе время находятся въ Салоникахъ, въ количествѣ 4,000 душъ, и называются Donmâte (отступники).

Таинственно-великолѣпное появленіе въ Офенбахѣ главы другой секты, Франка, котораго почитали какъ „священнаго мужа“ («Gartenlaube»,

1869, № 43), такъ сказать разоблачено Гретцомъ въ его сочиненіи: „Франкъ и франкисты. Исторія одной секты конца прошлаго столѣтія" (Бреславль 1868). Онъ на основаніи дипломатически достовѣрныхъ документовъ стремится доказать, что Франкъ былъ ничто иное какъ плутъ и авантюристъ. Чѣмъ болѣе трудностей встрѣчалось ему при исполненіи его фантастическихъ плановъ, тѣмъ менѣе онъ былъ разборчивъ на средства. Новые документы, касающіеся возникшаго между польскими евреями франкистскаго движенія, и не извѣстные Гретцу, вновь были перепечатаны въ „Monatsschrift" (1872, p. 430, 476, 526, 571; 1873, p. 94, 285) изъ «Nova Acta Histor. ecclesiastica». «Акты по исторіи франкистовъ въ Оффенбахѣ», а именно протоколы раввиновъ въ Фюртѣ и Коллинѣ, относящіеся къ 1800 году (ежегодникъ „Ахава", 1868), вполнѣ согласные съ сообщеніями А. Штейна, обнародованы недавно Сам. Бекомъ («Monatsschrift» 1877, p. 189, 232 и 410).

V.

Кто внимательно слѣдилъ за нашимъ обозрѣніемъ, тотъ навѣрное пришелъ къ убѣжденію, что нужно еще много изслѣдованій и трактатовъ, много монографій и отдѣльныхъ статей прежде, чѣмъ возможно будетъ приступить къ составленію всеобщей исторіи евреевъ. Въ такой мѣрѣ, въ какой Г. Гретцъ, авторъ существующей нынѣ подробнѣйшей исторіи евреевъ, отличается полнотою и критическимъ взглядомъ отъ Іоста, въ такой же мѣрѣ будущій историкъ еврейскаго народа, разумѣется, если задача эта будетъ ему по силамъ, долженъ выгодно отличаться отъ Гретца. Сочиненіе Гретца при его рискованныхъ гипотезахъ, при его погонѣ за пикантностями, при многихъ недостаткахъ въ изложеніи и отношеніи къ фактамъ, имѣетъ и громадныя достоинства, и неудивительно, что нѣкоторые томы этого сочиненія были въ послѣднее десятилѣтіе перепечатаны вторымъ и третьимъ изданіемъ.

III томъ составившагося изъ отдѣльныхъ лекцій сочиненія А. Гейгера: „Іудейство и его исторія" (Бреславль 1871) посвященъ періоду времени отъ 13-го до 16-го стол., т. е. отъ смерти Маймонида до конца среднихъ вѣковъ. Сочиненіе это хотя и не особенно обогатило науку, однако оно все-таки соотвѣтствуетъ своей цѣли, и весьма жаль, что смерть ученаго автора помѣшала ему довести свой трудъ до конца. Нѣкоторую, хотя и слабую, но все-таки пріятную замѣну представляетъ собою изданное его сыномъ изъ оставшихся послѣ его смерти бумагъ «Всеобщее введеніе въ науку іудейства» *, большая часть котораго относится къ исторіи. Это основаніе и конспектъ лекцій, читанныхъ Гейгеромъ въ послѣдніе годы его жизни въ берлинской „Высшей школѣ для науки іудейства". Какъ и его „Краткая еврейская исторія отъ 1830 г. по настоящее время" (по 1850) **, оно богато превосходными и остроумными замѣчаніями и рѣзкими чисто субъективными сужденіями.

Послѣ длинныхъ промежутковъ появились на еврейскомъ языкѣ въ плавномъ изложеніи два тома „Исторіи евреевъ" С. І. Фина (Вильна, 1871, 1877), обнимающіе періодъ времени до Іоанна Гиркана. Продолженіе ожидается.

„Исторія еврейскаго народа и его литературы отъ вавилонскаго плѣненія до настоящаго времени" раввина С. Бека (Лисса, 1878) есть не болѣе какъ, довольно впрочемъ искусное, извлеченіе изъ сочиненія Гретца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже прямо съ него списываетъ, а въ тѣхъ главахъ, гдѣ у него нѣтъ руководителя, въ промахахъ и ошибкахъ нѣтъ недостатка.

Здѣсь кстати упомянемъ о сочиненіи М. Кайзерлинга „Еврейскія женщины въ исторіи, литературѣ и искусствѣ" (Лейпцигъ 1879). Въ первой части этого, написаннаго только для образованной публики и ею дѣйствительно благосклонно встрѣченнаго, сочиненія впервые подробно обрисованы тѣ еврейскія женщины, которыя принадлежатъ исторіи, именно: женщины на тронѣ, прозелитки, героини, мученицы и т. д.

Далеко еще не вездѣ проведенная эманципація евреевъ также уже нашла себѣ своего историка въ лицѣ Исидора Каима, брошюра котораго: „Столѣтіе эманципаціи евреевъ и ея христіанскіе защитники" (Лейпцигъ, 1869; также на русскомъ языкѣ переводъ А. Е. Ландау, С.-Петербургъ, 1870) еще и по настоящее время имѣетъ свою цѣну для нѣкоторыхъ государствъ. Обозрѣнія богатой литературы по эманципаціи евреевъ въ этой брошюрѣ, къ сожалѣнію, не имѣется.

Такъ какъ исторія еврейскаго народа преподается теперь во многихъ школахъ, то и появились многія руководства и учебники по этому предмету, весьма различнаго достоинства. М. Элкана „Руководство при преподаваніи исторіи евреевъ" появилось уже 6-мъ изданіемъ (1870), но въ послѣднее десятилѣтіе оно вытѣсняется сочиненіемъ Дав. Касселя: „Руководство для преподаванія еврейской исторіи и литературы", которое

* Geiger's Nachgelassene Schriften. Берлинъ 1875. II. 61—243.
** Тамъ-же. II, 246—273.

тоже уже появилось въ 5-мъ изданіи (Берлинъ, 1 изд. 1870, 5-ое изд. 1878 г.). Возвѣщенный Касселемъ уже много лѣтъ тому назадъ „Учебникъ еврейской исторіи и литературы" наконецъ явился теперь въ свѣтъ (Лейпцигъ, 1879). Читателямъ, для которыхъ эта книга предназначена, она даетъ слишкомъ мало. Вѣрнаго глубокаго пониманія какъ различныхъ эпохъ, такъ и выдающихся личностей мы тамъ не находимъ.—Въ австрійскихъ школахъ въ большемъ ходу трудъ Г. Вольфа: «Очеркъ исторіи евреевъ до настоящаго времени» (Вѣна, 1869) и Даніила Эрманна: „Исторія евреевъ съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время" (Брюнъ, 1869). И. „Учебникъ еврейской исторіи и литературы" М. Левина (Нюренбергъ, 1877) имѣетъ очень мало значенія. Появившаяся вторымъ изданіемъ «Исторія Израиля» Э. Гехта нынѣ совершенно переработана М. Кайзерлингомъ въ „Руководство по исторіи Израиля отъ заключенія Библіи по настоящее время" и только что выпущена третьимъ изданіемъ (Лейпцигъ, 1880), въ которомъ сдѣлана попытка дать на удобопонятномъ языкѣ и въ сжатой формѣ наглядную картину всей исторіи и литературы евреевъ.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія мы должны упомянуть о двухъ брошюрахъ извѣстнаго профессора и ботаника М. Шлейдена, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе; именно: „Романтизмъ мартирологіи евреевъ въ средніе вѣка" (Лейпцигъ, 1878) и еще болѣе важной: „Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ", появившейся уже 4-мъ изданіемъ (Лейпцигъ, 1880) и переведенной также на итальянскій языкъ Дж. Латтесомъ (Миланъ, 1878) и на французскій языкъ, подъ заглавіемъ „Les Juifs et la science au moyen âge" (Парижъ, 1878). Не новизна сообщаемыхъ Шлейденомъ фактовъ, которой тамъ искать не слѣдуетъ, а та теплота и искренность, съ которыми авторъ относится къ нимъ, главнымъ образомъ, были причиною громаднаго успѣха этихъ двухъ прекрасныхъ брошюръ *.

Исторія евреевъ—это настоящая учительница терпимости и гуманизма, и чѣмъ въ большей мѣрѣ первая сдѣлается общимъ достояніемъ, тѣмъ большія торжества будутъ праздновать послѣдніе.

Буда-Пештъ.
Декабрь, 1879.

М. Кайзерлингъ.

* Мы опускаемъ дальнѣйшія подробности объ этихъ сочиненіяхъ, такъ-какъ читатели наши уже знакомы съ ними. См. „Евр. Биб." Т. VII, статью „Священное присутствіе и его религіозные акты" и „Евр. Библ." Т. VI, переводъ статьи Шлейдена „Значеніе евреевъ" и т. д. и отзывъ о ней въ статьѣ „Христіане въ защиту евреевъ".

Издатель.

ОБОЗРѢНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Самыми крупными произведеніями древне-еврейской литературы за послѣднее время являются безспорно „Грѣхи молодости" или „Исповѣдь еврейскаго писателя" и книга г. Б. Мандельштамма „Хозенъ-ла-Моедъ". Это почти единственныя два сочиненія беллетристической литературы, которыя можно назвать капитальными, которыя не являются уже попыткою писать такъ, какъ пишутъ на другихъ языкахъ, а созданы настоящими еврейскими мыслителями на еврейской-же почвѣ. Впрочемъ, если оставить въ сторонѣ литературныя достоинства названныхъ книгъ, благодаря которымъ онѣ по истинѣ принадлежатъ къ перламъ еврейской литературы, то на ряду съ этими двумя произведеніями можно назвать еще третье, не уступающее имъ въ своемъ соціальномъ, публицистическомъ значеніи. Я говорю о романѣ г. Бройдеса „Га-Датъ ве-га-Хаимъ" (культъ и жизнь), третья часть котораго еще находится въ печати. Эти три сочиненія составляютъ не серію болѣе или менѣе патетическихъ тирадъ на болѣе или менѣе душеспасательныя, болѣе или менѣе избитыя темы, что можно сказать о большинствѣ другихъ еврейскихъ произведеній, а цѣльные продукты впечатлѣній, воспринятыхъ отъ различныхъ конкретныхъ, историческихъ и бытовыхъ, явленій нашей жизни; они продиктованы наблюдательностью, умомъ, способностью понимать историческій смыслъ явленій и — несомнѣннымъ талантомъ. Послѣднее можно вполнѣ утвердительно сказать по крайней мѣрѣ, объ „Исповѣди писателя" и о трудѣ г. Мандельштамма.

I.

Исповѣдь принадлежитъ перу одного изъ наиболѣе даровитыхъ дѣятелей ново-еврейской литературы, котораго уже не разъ приходилось мнѣ назвать въ прошломъ моемъ обозрѣніи. Авторъ скрываетъ свое имя подъ псевдони-

момъ, и это вполнѣ естественно, такъ-какъ его книга представляетъ настоящую исповѣдь, правдивую и сердечную, безъ прикрасъ и отдѣлокъ; другого, впрочемъ, и нельзя было ожидать отъ честной, правдивой натуры автора. Въ этой „Исповѣди“ мы видимъ не только дѣйствія автора, его поступки, мысли и мнѣнія, но видимъ и всю его душу, всѣ движенія его сердца. Предъ нашими глазами совершается внутренній, душевный переворотъ, послѣдовательное превращеніе человѣка глубоко-вѣрующаго, фанатически-набожнаго, необыкновенно преданнаго какъ внутренней, догматической, такъ и внѣшней, обрядовой сторонѣ культа, въ холоднаго, вполнѣ свободнаго мыслителя, въ высшей степени равнодушнаго къ предметамъ своего прежняго увлеченія; переходъ совершается медленно, шагъ за шагомъ, сопровождается душевными потрясеніями, горькими разочарованіями въ воображаемыхъ идеалахъ, чувствомъ тоски и страшной нравственной пустоты послѣ каждаго упраздненнаго кумира, словомъ, всѣми тѣми явленіями, которыя у болѣе сильныхъ натуръ обусловливаютъ всякій нравственный переломъ. Но, въ данномъ случаѣ, мучительный переломъ въ области мысли осложняется еще и другими обстоятельствами. Человѣкъ, отъ лица котораго ведена „Исповѣдь“, волей невѣжественныхъ родителей, женатъ на женщинѣ, которой онъ, конечно, раньше не зналъ; онъ живетъ въ уѣздномъ еврейскомъ городѣ, въ который еще не проникъ ни одинъ лучъ современнаго просвѣщенія; люди живутъ какъ-бы въ стоячемъ болотѣ; полнѣйшій умственный застой составляетъ наслѣдіе вѣковъ, все прозябаетъ по разъ навсегда заведенному обычаю. Пока каждая единица идетъ торной дорогой, составляетъ только частицу общей, сѣрой, безцвѣтной массы, масса считаетъ ее своей и, въ случаѣ нужды, подаетъ ей руку помощи; если-же единица вздумаетъ зажить особенной, индивидуальной жизнью, выработать себѣ собственную физіономію, то масса считаетъ ее отщепенцемъ, врагомъ; отщепенецъ одинокъ; ему не найти себѣ сочувствія; родители отказываютъ ему въ родственномъ чувствѣ; жена дѣлается ему чуждою; онъ стоитъ особнякомъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи. При такихъ обстоятельствахъ, если ему встрѣтится сочувствующая душа, способная понимать и волненія его ума, и страданія его сердца, отщепенецъ обыкновенно льнетъ къ сочувствующей душѣ, замѣняющей ему, въ гораздо болѣе возвышенномъ смыслѣ, все, чего лишила его тупая злоба людей и ихъ умственная неподвижность. Какъ разъ въ такомъ положеніи находится нашъ исповѣдующійся: онъ мыслитъ, онъ выработываетъ себѣ убѣжденія, онъ пишетъ, высказываетъ оригинальныя мысли, ратуетъ за благо своего народа; такія преступленія не легко про-

щаются въ его родномъ городѣ. Оставленный родными и друзьями, предоставленный произволу фанатической толпы, съ бурными мыслями въ головѣ и въ стремительной гоньбѣ за новыми идеалами, онъ встрѣчается съ умной и образованной молодой дѣвушкой, какимъ-то необыкновеннымъ случаемъ попавшей въ его городокъ, дѣвушкой съ пылкимъ умомъ и добрымъ сердцемъ, способной понимать всякаго несчастнаго вообще, а такого несчастнаго въ особенности, и онъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, отецъ семейства, воспитанный на каббалѣ и аскетизмѣ, „глупо“-безнадежно влюбляется и находится въ какомъ-то опьяненіи отъ чарующаго дѣйствія впервые испытаннаго чувства; сотни разъ онъ твердитъ себѣ, что это глупо, что это ничѣмъ не кончится, но онъ не можетъ устоять противъ демонической силы первой любви, мѣтко бросившей свои стрѣлы въ глубину его страстной, пылкой, воспріимчивой, впечатлительной и совершенно еще непочатой натуры. Онъ оставляетъ родное гнѣздо, уѣзжаетъ въ далекій, большой городъ, откуда ему улыбается надежда на лучшую жизнь, надежда учиться и завоевать себѣ счастье, и ему, повидимому, нисколько не жаль разстаться съ женой и родными; онъ спѣшитъ на всѣхъ парахъ, съ горячими высокими стремленіями въ груди и смутной, отдаленной туманной, едва сознаваемой надеждой — порвать связь съ прошедшимъ и зажить новой, свѣтлой, полной жизнью, въ которой, облеченная какой-то сказочной прелестью, любимая дѣвушка займетъ мѣсто другой, далекой, чуждой и стоящей поперегъ дороги женщины. Но надеждамъ этимъ такъ и суждено оставаться надеждами; жизнь готовитъ нашему герою новыя испытанія; большой городъ, бывшій предметомъ его мечтаній, оказывается для него не особенно гостепріимнымъ; покровители, давшіе ему возможность ѣхать туда, не умѣютъ устроить его судьбу; ему приходится продавать свое время и свои силы за насущный кусокъ хлѣба, и такимъ образомъ лишиться возможности усовершенствовать свои знанія и приготовиться къ самостоятельной научной дѣятельности, его давнишней завѣтной мечтѣ. Между тѣмъ, его нравственная переработка идетъ своимъ чередомъ; идеалы рушатся одинъ за другимъ; иллюзіи разбиваются о твердую скалу неумолимой дѣйствительности; одинокій, несчастный, безъ идеаловъ, безъ вѣры въ самого себя, въ свою дѣятельность, въ свою будущность, онъ проклинаетъ свою судьбу, свою обстановку, своихъ родныхъ, доведшихъ его до такого положенія; съ какой-то ядовитой злобой топчетъ онъ въ грязь все, бывшее для него прежде святымъ и возвышеннымъ; онъ плачетъ, рвется, мечется куда-то, но онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. Въ такомъ состояніи желчной раздражительности застаетъ его

жена, пріѣхавшая къ нему, по совѣту родныхъ, не спросясь его мнѣнія. Отсюда новыя страданія. Его честная натура сознаетъ, что жена имѣетъ соціальное право жить съ нимъ, что онъ обязанъ содержать ее; но она ему совершенно чужда; она стоитъ отъ него на неизмѣримомъ разстояніи нравственнаго развитія; она не имѣетъ съ нимъ никакихъ общихъ интересовъ. Къ тому-же, она религіозна, конечно, по своему, по привычкѣ, но, тѣмъ не менѣе, глубоко набожна, и всякое отступленіе мужа отъ предписаній еврейскаго культа доводитъ ее до обморока. Такимъ образомъ, мужу остается одно изъ двухъ: или стѣснить себя на каждомъ шагу, поступать противъ купленныхъ такой дорогой цѣной новыхъ убѣжденій, словомъ, жертвовать своей нравственной свободой для женщины, къ которой онъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ,—или-же не обращать на жену вниманія, мучить, терзать ее, оскорблять ежеминутно ея религіозное чувство; отказываться отъ себя или быть тираномъ—середины нѣтъ. Понятно, какъ страшна такая дилемма для человѣка, обладающаго сильнымъ, неподкупнымъ умомъ, и въ то-же время добрымъ, мягкимъ сердцемъ. Среди этого домашняго ада, онъ иногда переписывается съ любимой дѣвушкой; прозрачными намеками объясняетъ ей въ первый разъ, чѣмъ она была для него; но тутъ-же вполнѣ откровенно высказываетъ ей, что любовь къ ней уже утратила для него прежнее значеніе, что онъ даже плохо вѣритъ въ эту любовь, что его сердце изсохло, испепелилось, что онъ, вѣроятно, продолжаетъ еще любить ее только по привычкѣ, по воспоминаніямъ, не зная даже, сошелся-ли бы онъ съ ней теперь, если-бы судьба опять свела ихъ вмѣстѣ, но что она ему безконечно дорога, какъ предметъ столькихъ слезъ и страданій. Понятно, что этими словами онъ сводитъ счеты съ послѣднимъ своимъ идеаломъ—любовью, и начинается сѣрая, скучная, холодная, не согрѣтая никакимъ возвышеннымъ чувствомъ, убійственно-пустая жизнь.

Такова суть исповѣди; о подробностяхъ, конечно, распространяться не могу. По сжато переданному мною содержанію, читатель видитъ, что жизнь автора и его исторія—жизнь и исторія тысячей еврейскихъ молодыхъ людей, поставленныхъ въ обстановку и положеніе исповѣдующагося. Не каждый изъ нихъ переживаетъ то, что пережилъ и перечувствовалъ нашъ герой, не каждый изъ нихъ можетъ въ такой степени, какъ онъ, вызвать наше сочувствіе, потому-что рѣдкіе обладаютъ его дарованіями, его впечатлительной душой; но каждаго изъ нихъ жизнь ломаетъ и гнетъ въ три погибели; каждый изъ нихъ выбивается изъ колеи, бьется какъ рыба объ ледъ, надѣется и разочаровывается и, большей частью, остается изломаннымъ на всю жизнь.

Впечатлѣніе, которое такая книга производитъ на молодыхъ впечатлительныхъ читателей, должно быть чрезвычайно сильнымъ. Задушевное слово автора, выходящее прямо изъ сердца, подогрѣтое искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, непремѣнно найдетъ себѣ доступъ въ молодое, не зачерствѣлое сердце; его вздохи раздираютъ душу; его настроеніе постоянно сообщается читателю и неотразимо чувствуешь вмѣстѣ съ нимъ и его отчаяніе, и рѣдкія минуты свѣтлыхъ надеждъ, и затѣмъ долгую, долгую тоску и холодное одиночество.—

II.

„Хозенъ ла-Моедъ“ г. Мандельштамма есть собственно путешествіе по многимъ мѣстностямъ Россіи въ эпоху отъ тридцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Прежде, чѣмъ приступить къ разбору этого путешествія, я долженъ замѣтить, что такія произведенія имѣютъ теперь для насъ, русскихъ евреевъ, глубокое культурно-историческое значеніе. Эпоха, картины которой авторъ путешествія часто такъ мастерски рисуетъ намъ въ разбираемой книгѣ, принадлежитъ къ самымъ интереснымъ эпохамъ нашей исторіи за послѣднія столѣтія; она—едва-ли не самая интересная и поучительная страница въ исторіи евреевъ въ Россіи вообще. Для насъ, русскихъ евреевъ, это эпоха возрожденія, пробужденія отъ летаргическаго сна. Наши заграничные соплеменники пробудились гораздо раньше, да врядъ-ли они когда-нибудь спали такимъ глубокимъ сномъ, какъ евреи Россіи и Польши. Евреи Германіи, пожалуй, больше страдали подъ гнетомъ мрачнаго фанатизма, если страданіемъ мы назовемъ только физическія муки и матеріальныя лишенія; но они почти никогда не были такъ недоступны для всего внѣшняго міра; ихъ никогда такъ не старались держать въ черномъ тѣлѣ, какъ евреевъ Польши и Литвы. Поэтому, пробужденіе евреевъ въ Россіи и Польшѣ отъ историческаго сна представляетъ особый интересъ и подробности его особенно любопытны. Къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ еще не было сдѣлано ни одной попытки представить историческій очеркъ этой эпохи съ ея интересными деталями, и только въ самое послѣднее время С. І. Финъ сталъ печатать въ „Га-Кармелѣ“ свою собственную автобіографію подъ названіемъ „Одно поколѣніе и его представители“, обѣщающую доставить чрезвычайно интересный матеріалъ для исторіи занимающей насъ эпохи.

Вслѣдствіе этого, мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовали

книгу г. Мандельштамма, въ которой тамъ и сямъ разбросаны очень интересные эскизы изъ жизни русскихъ евреевъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и весьма любопытныя свѣдѣнія о первоначальныхъ стремленіяхъ ихъ къ пробитію той китайской стѣны, которая стояла между ними и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ и которая въ это время уже переставала быть ихъ охраной, ихъ твердыней и защитой, а стала только заслонять отъ нихъ божій свѣтъ и мѣшать доступу къ нимъ живительной струи свѣжаго воздуха.

Интересно, что даже тогда, когда у евреевъ началась ломка старыхъ кумировъ, когда идеалы прошлаго стали сдавать въ архивъ, духъ, направленіе ихъ міровоззрѣнія во многомъ оставались тѣ-же. Извѣстно, какую роль играла вѣра въ пришествіе Мессіи въ еврейской исторіи среднихъ вѣковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе остатки политической самостоятельности евреевъ были уничтожены неумолимой рукой римскихъ узурпаторовъ, евреи не переставали надѣяться на пришествіе Мессіи, который въ одно прекрасное утро появится и возвратитъ имъ свободу и могущество. Много, много разъ надежды ихъ были обмануты; много разъ приходилось имъ поплатиться за эти розовыя надежды не только самымъ горькимъ разочарованіемъ, но долгими, горючими слезами, нерѣдко даже своей кровью. Но надежда, однако, не умирала; при каждомъ представлявшемся случаѣ она просыпалась съ еще большей силой, озаряя сердце народа новой минутной радостью, для того, чтобы погрузить его затѣмъ въ долгую, глубокую, свинцовую грусть. Послѣдняя вспышка этой обманчивой надежды совпадаетъ съ половиной семнадцатаго столѣтія, когда плоды четырехсотлѣтняго культивированія мистической, мрачно таинственной каббалы, наконецъ, созрѣли въ лицѣ пресловутаго мистика Саббатай-Цеви и вызваннаго имъ волненія и движенія, слѣды котораго, хотя подъ измѣненной до неузнаваемости формой, продолжаютъ еще существовать въ темныхъ закоулкахъ, доживающаго свой вѣкъ мрачнаго хасидизма. Саббатай-Цеви былъ послѣднимъ кумиромъ, въ которомъ болѣе горячіе умы и увлекающіяся натуры видѣли своего Мессію, т. е. человѣка, который возвратитъ имъ потерянный рай и недосягаемое могущество; но вѣра въ силу единичной личности, въ возможность для одного человѣка спасти цѣлый народъ, продолжала еще существовать—и когда евреи въ Россіи, наконецъ, доросли до пониманія того, что единственное ихъ спасеніе заключается въ образованіи, то этого спасенія они опять-таки ожидали отъ какого-нибудь чудотворца-преобразователя, который однимъ взмахомъ богатырской руки сравнитъ съ землей китайскую стѣну, отдѣляющую евреевъ

отъ всего остального человѣчества. Русскіе евреи искали своего Мессію-эманципатора, который, какъ первый ихъ законодатель, освободитъ ихъ отъ мрака невѣжества и нравственнаго порабощенія. Конечно, эти Мессіи просвѣщенія не причинили евреямъ столько зла, сколько причиняли Мессіи политическаго могущества, но что, съ другой стороны, они нисколько не содѣйствовали къ улучшенію по истинѣ ужасающаго положенія, въ которомъ въ то время находились русскіе евреи—это извѣстно всѣмъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ исторіею занимающей насъ эпохи. Объ одномъ изъ такихъ Мессій г. Мандельштаммъ сообщаетъ много весьма любопытнаго и интереснаго, и мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кое-что въ извлеченіи.

„Въ среду прошлой недѣли—читаемъ мы у г. Мандельштамма—прибылъ сюда докторъ Лиліенталь, разъѣзжающій, по порученію министра, по разнымъ мѣстностямъ еврейской осѣдлости, съ цѣлью познакомиться съ положеніемъ евреевъ въ этихъ мѣстностяхъ, съ ихъ учрежденіями, съ воспитательными заведеніями, хедерами и ешиботами, изслѣдовать ихъ недостатки и указать мѣры къ ихъ улучшенію. Представители города встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Изъ сочувствія или изъ страха—не знаю; довольно того, что всѣ представители общины и кагальные тузы поспѣшили представиться ему на его квартирѣ. И даже городской проповѣдникъ, считающійся здѣсь чуть-ли не святымъ, облачился въ свой шелковый балахонъ съ субботной штраймель на головѣ и явился къ доктору, чтобы благословить его прибытіе въ Вильну. Кто-бы повѣрилъ шесть-семь лѣтъ назадъ, что представители здѣшней общины снизойдутъ до того, чтобы явиться къ *нѣмцу* съ первымъ визитомъ, чтобы пожать руку человѣка безъ бороды и пейсовъ. Это просто иронія судьбы! Велика, видна, сила времени—и наши фанатики даже уже смутно чувствуютъ эту силу и начинаютъ покоряться ей.

„Уморительную картину представляла пріемная доктора, когда всѣ эти почтенные мужи наполняли ее. Они рѣшительно недоумѣвали, не зная какъ держаться съ хозяиномъ. Дѣло въ томъ, что докторъ живетъ въ великолѣпномъ отелѣ съ роскошной обстановкой, какой здѣшнимъ представителямъ и во снѣ не грезилось, а этотъ внѣшній блескъ ихъ такъ смутилъ, что они не знаютъ какъ сидѣть, какъ стоять, какъ говорить и какъ кланяться такому человѣку, который обитаетъ среди такого великолѣпія.

„Когда народъ удалился изъ квартиры доктора, послѣдній передалъ мнѣ и другимъ нашимъ единомышленникамъ о его похожденіяхъ въ Ригѣ, о

томъ, что онъ успѣлъ тамъ сдѣлать для воспитанія еврейскихъ дѣтей, о желаніяхъ и намѣреніяхъ министра Уварова для поднятія уровня евреевъ и уравненія ихъ съ остальнымъ населеніемъ, если только они сами не будутъ противиться благимъ мѣрамъ правительства. Много говорилъ докторъ въ этомъ духѣ, и хотя онъ нѣсколько заикается, но это какъ будто еще больше прелести придаетъ его увлекательной рѣчи. Онъ былъ въ моихъ глазахъ вторымъ Моисеемъ, изъ устъ котораго также не лились слова легкимъ потокомъ, но который извлекъ израильтянъ изъ тьмы рабства и невѣжества. Посмотримъ, что Богъ пошлетъ намъ при посредствѣ доктора Лиліенталя"....

„Многіе изъ людей прогрессивнаго образа мысли—пишетъ г. Мандельштамъ въ другомъ письмѣ—недовольны докторомъ Лиліенталемъ за то, что онъ удаляется отъ людей благомыслящихъ и держится болѣе около фанатиковъ, съ которыми то и дѣло совѣщается, и въ угоду которымъ онъ строго придерживается всѣхъ обрядностей. Правда, такому человѣку, какъ онъ, носить маску ужь рѣшительно не приходится. Но я, однако, не ставлю это ему въ вину. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ нашихъ ортодоксовъ и убѣжденъ, что другимъ путемъ нельзя добиться ихъ довѣрія. А для этого стоитъ даже отростить себѣ пейсы—лишь-бы только благая цѣль была достигнута. Вѣдь не пріѣхалъ же онъ сюда для дружескихъ бесѣдъ съ единомышленниками, а для дѣла; если же дѣло требуетъ отъ него такого образа дѣйствія, то онъ долженъ повиноваться этимъ требованіямъ. Словомъ, я еще пока не раздѣляю песимистскаго взгляда моихъ друзей и считаю доктора какъ-разъ тѣмъ человѣкомъ, который именно нуженъ тамъ въ настоящее время.

„....Надежды наши растутъ и увеличиваются — читаемъ мы далѣе у г. Мандельштамма. Мы приближаемся къ завѣтной цѣли. Мы уже настолько успѣли склонить сердца даже представителей кагала къ проектамъ д-ра Лиліенталя, что они уже согласны замѣнить хедеры благоустроенными училищами. Недостаетъ только, чтобы словесное согласіе превратилось въ письменный документъ, а объ этомъ позаботится губернаторъ, чтобы скоро было созвано собраніе для окончательнаго рѣшенія дѣла. А успѣли мы въ этомъ безъ сильной борьбы, безъ шуму, единственно благодаря нашимъ неусыпнымъ стараніямъ и главное—неутомимой дѣятельности самого доктора, который безустанно хлопочетъ о добромъ дѣлѣ; однихъ склоняетъ словами, другихъ своею особенною любезностью и внимательностью, третьихъ угрозами, словомъ успѣваетъ повсюду. Такимъ образомъ самыя завѣтныя мечты наши близки къ осуществленію...."

„....Въ прошлый вторникъ докторъ получилъ письмо изъ Минска, въ

которомъ представители этого города просятъ его пожаловать къ нимъ для совѣщанія. Первое впечатлѣніе, вынесенное нами изъ этого письма, прочитаннаго намъ докторомъ, было въ высшей степени отрадное. Минскъ мы считали такой твердыней фанатизма и мракобѣсія, что безъ долгой осады и упорной борьбы мы никогда не надѣялись завоевать его. Вдругъ онъ самъ сдается намъ, безъ всякаго бою! Но потомъ, когда первое впечатлѣніе улеглось и увлеченіе побѣдой нашего оружія уступило мѣсто спокойному мышленію, въ насъ стала прокрадываться мысль: не кроется-ли тутъ какая нибудь западня; не думаютъ-ли минскіе фанатики отвлечь доктора отъ своихъ дѣлъ въ Вильнѣ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ привести ихъ къ желанному концу, чтобы затѣмъ выбить его изъ колеи? Эти подозрѣнія заставили насъ просить доктора отложить свою поѣздку въ Минскъ, по крайней мѣрѣ до той поры, пока онъ добьется здѣсь какихъ нибудь положительныхъ результатовъ. Но напрасно. Онъ не знаетъ страха, не чуетъ упрека, а жаждетъ борьбы и дѣятельности....

„Невеселыя вѣсти получаются изъ Минска о положеніи доктора Лиліенталя — сообщаетъ г. Мандельштаммъ затѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Минскіе тузы не только не вышли ему на встрѣчу, но даже когда онъ посѣтилъ ихъ на ихъ квартирахъ, онъ также не могъ отъ нихъ ничего добиться. Напрасно онъ тыкалъ имъ въ глаза ихъ же собственнымъ письмомъ, напрасно кричалъ и ссорился съ ними. Его голосъ оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Даже когда онъ, наконецъ, съ большими усиліями добился того, чтобы созвано было засѣданіе, для публичнаго объясненія съ нимъ, то онъ, кромѣ грубостей и дерзостей, ничего не услышалъ. Иные кричали ему: „ты самозванецъ! Министру никогда не приходило въ голову уполномочить тебя!" другіе просто ругали его предателемъ, посягающимъ на религію Израиля; третьи, болѣе разсудительные, спокойнымъ тономъ совѣтовали бросить всю эту затѣю, говоря, что если уже рѣшено правительствомъ устроить у нихъ школы, то они и тутъ найдутъ средство—откупиться охотниками, какъ отъ военной службы. Словомъ, видя что его надежды разбились, докторъ упалъ духомъ, отретировался, и дикій крикъ побѣдившихъ мракобѣсовъ сопровождалъ его. Теперь докторъ убѣдился, что Вильна не Минскъ, что одинъ въ полѣ ничего не сдѣлаетъ и что наша помощь значительно облегчила ему его задачу. Но—поздно. Не только Минскъ былъ для него потерянъ, но мы имѣли весьма вѣскія основанія бояться, какъ бы его неудача въ Минскѣ не повредила ему и въ Вильнѣ, не подкопала бы его авторитета и не нанесла бы не-

поправимаго удара тому обаянію, которымъ онъ прежде пользовался среди здѣшнихъ фанатиковъ.“...

Очень интересны также свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, объ основаніи первой реформированной синагоги въ сѣверо-западномъ краѣ. Но справедливость требуетъ признать, что взглядъ г. Мандельштамма на это дѣло нельзя назвать правильнымъ. Извѣстно, что первое движеніе въ пользу общечеловѣческаго образованія между евреями сѣверо-западнаго края стало ощущаться въ Вильнѣ, бывшей тогда центромъ интелектуальной жизни евреевъ Литвы и Польши. Въ этомъ городѣ раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Литвы и Польши (исключая Варшавы) стали формироваться кружки изъ людей, понявшихъ всю невозможность для народа жить дольше той жизнью, какой онъ жилъ до тѣхъ поръ, и стали требовать реформъ и преобразованій. Но такъ-какъ евреи были тогда народомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ богослововъ, такъ-какъ вся жизнь евреевъ, всѣ ихъ душевныя и умственныя движенія, вся совокупность ихъ нравственной и умственной дѣятельности вращалась по преимуществу въ стѣнахъ Синагоги и Бетъ-га-Мидраша, то, додумавшись до необходимости важныхъ реформъ въ своемъ быту, они начали дѣло реформъ съ преобразованія своихъ синагогальныхъ порядковъ, внѣшней обстановки своего богослуженія. Но такъ-какъ общія синагоги находились тогда подъ управленіемъ людей, которые скорѣе взошли-бы на костеръ, чѣмъ дали-бы измѣнить хоть одну іоту изъ всей установившейся синагогальной рутины, то нашимъ піонерамъ просвѣщенія приходилось образовать свою собственную синагогу, свой собственный духовный центръ. Разумѣется, что до коренныхъ реформъ въ ритуальномъ отношеніи дѣло въ такихъ синагогахъ не могло дойти; при тогдашнихъ условіяхъ жизни русскихъ евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, богослуженіе, устроенное горстью людей въ духѣ не только Гольдгейма или Гейгера, но даже на манеръ синагогъ ортодоксальныхъ общинъ Германіи, вызвало-бы противъ себя такую бурю, что новые храмы въ первый-же день своего возникновенія были-бы разрушены до основанія фанатической толпой, наэлектризованной своими духовными пастырями и коноводами. Люди, стоявшіе тогда во главѣ прогрессивнаго движенія, очень хорошо поняли это; они поняли также, что реформы въ порядкѣ молитвы и ихъ выборѣ тутъ не важны, что русское еврейство въ такихъ реформахъ нисколько не нуждается, что важенъ только актъ выдѣленія ихъ изъ главной, всѣми силами придерживающейся рутины, общины, послѣ того, какъ имъ не удалось примиреніе съ этой общиной и привлеченіе ея на свою сторону. А въ чемъ этотъ актъ могъ-бы тогда торжественно проявиться, какъ не въ устройствѣ отдѣльной синагоги, т. е. того учрежденія, которое тогда замѣняло евреямъ *все* и было для нихъ центромъ всякой общественной дѣятельности? Г. Мандельштаммъ, однако, смотритъ на дѣло иначе. Описывая въ своемъ „Хозенъ-ла-Моедъ“ нѣкоторыя подробности устройства въ Вильнѣ такъ-называемой „берлинской синагоги“, онъ разсказываетъ о своемъ первомъ посѣщеніи этой синагоги. То его смущаетъ бѣдная обстановка новаго храма, то ему страшно подниматься на третій этажъ, гдѣ помѣщалась синагога. Его эстетическій вкусъ оскорбляется вывѣсками разныхъ мастеровыхъ, находившихся на дворѣ синагоги; музыкальный его слухъ шокируетъ недостаточно-стройное пѣніе импровизованнаго кантора, а молитву „акдометъ“ онъ находитъ слишкомъ жесткой по языку и сложенію. Наконецъ, г. Мандельштаммъ возмущается тѣмъ, что представителямъ мѣстной администраціи изъ христіанъ, присутствовавшимъ при богослуженіи, синагога не могла импонировать своимъ великолѣпіемъ, грандіозностью своей обстановки. Какъ будто все дѣло было тутъ въ хоральномъ пѣніи, осьмиугольныхъ шапочкахъ и классификаціи молитвъ! Въ стѣнахъ этой новой синагоги, подъ вліяніемъ рѣчей ея невышколеннаго проповѣдника воспитывались дѣятели, ставшіе потомъ душой новаго направленія, находившіеся въ первыхъ рядахъ всюду, гдѣ шла у насъ борьба между свѣтомъ и мракомъ, не остановившіеся ни предъ отчаянной злобой разныхъ святошъ и ханжей, ни предъ гоненіями, преслѣдованіями и тупой враждой со стороны тѣхъ, чье благо они ставили выше своего личнаго спокойствія, своихъ личныхъ выгодъ, своей жизни; а г. Мандельштаммъ пренебрежительно относится къ этой синагогѣ потому, что не видитъ въ ней тѣхъ побрякушекъ, тѣхъ атрибутовъ благоустроенной синагогальной дисциплины, которыя въ иныхъ мѣстахъ отлично уживаются съ самымъ грубымъ незнаніемъ элементарныхъ правилъ языка, на которомъ происходитъ богослуженіе, съ самымъ безсмысленнымъ *ортодоксальничаньемъ* и съ самымъ ледянымъ, безучастнымъ отношеніемъ ко всему еврейскому!

По своимъ литературнымъ достоинствамъ, книга г. Мандельштамма принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ новѣйшей еврейской литературы. Языкъ оригиналенъ по своимъ красотамъ, по своей силѣ и мѣткости. Картинность языка—отличительная черта слога г. Мандельштамма. И картины его — нужно прибавить, вовсе не тѣ гиперболическіе, частью совершенно безсмысленные образы, которыми многіе еврейскіе писатели такъ любятъ приправлять свой языкъ. У г. Мандельштамма онѣ продиктованы дѣйствительнымъ даромъ наблюдательности и поэтическимъ чутьемъ. Вообще г. Мандельштаммъ часто становится дѣйствительно поэ-

тичнымъ, и многія изъ его описаній можно назвать вполнѣ художественными.

III.

«Га-Датъ ве-га-Хаимъ» есть романъ изъ еврейской жизни и романъ историческій. Самъ авторъ называетъ свою книгу „Original-Roman aus dem jüdischen Leben in Lithauen in den Jahren 1869—1871". Многіе читатели конечно усомнятся въ томъ, чтобы наша жизнь, всего лѣтъ десять тому назадъ, могла служить уже канвой для историческаго романа, главнымъ моментомъ котораго обыкновенно берутся какія нибудь особенно выдающіяся историческія событія, какой нибудь высоко драматическій моментъ человѣческой исторіи, обусловливаемый столкновеніемъ двухъ эпохъ, гдѣ закатъ старой, отживающей эпохи, и заря новой, восходящей, какимъ нибудь роковымъ, неотразимымъ образомъ кладутъ свою печать на жизнь героевъ романа, на условія ихъ дѣятельности и на самое развитіе и развязку всего хода романа. Да оно, съ перваго взгляда, дѣйствительно кажется страннымъ. Евреи, какъ извѣстно, уже давно не вели войнъ; благодаря неотразимой силѣ исторической логики, они также давно не всходили на костры, не были изгоняемы массами изъ мѣстъ своей осѣдлости; словомъ, жизнь ихъ съ виду течетъ самымъ спокойнымъ образомъ и, въ качествѣ матеріала для историческихъ романовъ, ужъ рѣшительно никуда не годится. Но г. Бройдесъ смотритъ на дѣло съ своей собственной, особенной точки зрѣнія. По его мнѣнію, сюжетомъ для историческаго романа можетъ служить не только политическая, расовая или соціальная борьба, но и борьба нравственная, не вызвавшая никакихъ экстраординарныхъ событій въ политической и соціальной жизни даннаго народа, такъ какъ и такая борьба, ареной для которой служитъ кабинетъ мыслителя, школа, синагога и всякое мѣсто, гдѣ проявляется нравственная жизнь народа, можетъ изобиловать драматическими моментами, могущими повліять на положеніе лицъ и направлять ходъ разсказа въ ту или другую сторону. А такую нравственную борьбу мы дѣйствительно пережили въ названный періодъ времени, когда въ мірѣ русскаго еврейства чувствовалось возбужденіе, которое вѣроятно не скоро повторится. Возбужденіе было вызвано пробудившимся въ еврейской провинціальной молодежи сознаніемъ, что прежнія условія нашей нравственной жизни устарѣли до совершенной негодности, что обновленіе этихъ условій необходимо. Вскорѣ, большинство этой мыслящей части нашей молодежи стало утверждать, что корень зла въ чрезвычайномъ и ненормальномъ разростаніи, особенно за послѣднее время, нашей религіозной обрядности, въ непомѣрномъ увеличеніи историческимъ раввинизмомъ числа религіозныхъ запретовъ и ограниченій, не дающихъ бѣдному люду жить и двигаться свободно. Для устраненія этого ненормальнаго явленія, нѣкоторые болѣе даровитые и свѣдующіе въ еврейскомъ богословіи молодые люди предложили генеральный просмотръ узаконеній, имѣющихъ для набожныхъ евреевъ обязательную силу, и собранныхъ въ кодексѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Шулханъ-Арухъ». — Первымъ выступилъ даровитый писатель, глубокій знатокъ еврейскаго богословія, г. Лиліенблюмъ, написавъ въ газетѣ „Гамелицъ" цѣлый рядъ статей о реформахъ въ еврейскомъ культѣ, а за нимъ потянулась цѣлая фаланга другихъ менѣе даровитыхъ и свѣдущихъ писателей, которые, однако, всѣ были согласны въ томъ, что реформы въ принципѣ составляютъ неотложную необходимость. Очень можетъ быть, что не безъ вліянія на направленіе мысли этихъ реформаторовъ въ области іудейства былъ созванный въ Лейпцигѣ въ 1868 г. еврейскій синодъ изъ германскихъ раввиновъ, также задававшійся цѣлью произвести извѣстныя реформы въ сферѣ религіозныхъ отправленій у евреевъ; во всякомъ случаѣ, движеніе, начавшееся тогда въ Россіи, охватило весь сѣверо-западный край и ту часть юго-западнаго и новороссійскаго края, гдѣ хассидизмъ не успѣлъ еще сдѣлать евреевъ или китайски неподвижными и китайски невѣжественными, или же вполнѣ равнодушными къ дѣламъ своего культа и очень мало свѣдущими въ этихъ дѣлахъ. Что борьба эта переходила и за предѣлы синагогъ, ешиботовъ съ одной стороны и столбцовъ газетъ съ другой—это пойметъ всякій, кто знаетъ какую роль играетъ религія въ жизни набожныхъ евреевъ и какъ трудно при такихъ условіяхъ бываетъ въ дѣлахъ религіозныхъ отдѣлять теоретическіе вопросы отъ практической дѣйствительной жизни. Эта борьба часто сѣяла раздоръ между друзьями, между членами одной семьи, даже между мужемъ и женой, между двумя влюбленными. Она вдохновляла, воодушевляла однихъ на дружбу и любовь, другихъ—на месть, злобу и ненависть.

Въ ходѣ разсказа въ «Культъ и Жизнь» борьба эта также играетъ главную роль.

Герой романа, Самуилъ, воспитанный своими бѣдными родителями исключительно на талмудической мудрости и успѣвшій, благодаря своему глубокому уму и блестящимъ дарованіямъ, очень рано сдѣлаться свѣтиломъ этой мудрости, женится въ раннемъ возрастѣ на дѣвушкѣ, которую онъ не только не успѣлъ полюбить, но даже и вовсе не зналъ. „Богатый"

тесть даетъ ему цѣлыхъ три сотни приданнаго и, кромѣ того, содержитъ молодую чету на свой счетъ. Но не долго Самуилъ наслаждается спокойствіемъ въ домѣ тестя: жена его, которая вообще терпѣть не можетъ людей „праздныхъ", не занимающихся ни ремесломъ, ни торговлей, ненавидитъ своего тощенькаго, тщедушнаго, блѣднаго мужа, старается отравить ему жизнь; сначала она, однако, связана любовью ея родителей къ „ученому" зятю; но вотъ Самуилъ сталкивается съ человѣкомъ новаго образа мыслей, который, почуявъ въ Самуилѣ не только сильный умъ, но и скрытую силу характера, задается мыслью развить эту силу и направить эти способности на настоящую дорогу. Столкновеніе это дѣлается для Самуила поворотнымъ пунктомъ въ его нравственной жизни. Мысль его проясняется; онъ видитъ предъ собою новый міръ, міръ свободнаго анализа и развитія пытливаго человѣческаго ума, онъ перерождается, мало по малу сдаетъ въ архивъ свои старые идеалы и кумиры. Самуилъ начинаетъ учиться языкамъ и, естественнымъ образомъ, навлекаетъ на себя гнѣвъ родителей своей жены, которые убѣдившись, что ни ласками, ни угрозами не удастся имъ вернуть его на путь истины, рѣшаются развести его съ женой. Разводъ устраивается. Самуилъ вздохнулъ свободно; оковы спали съ его рукъ, но онъ, по совѣту своего упомянутаго ментора, не готовитъ себя однако для какого нибудь учебнаго заведенія; по мнѣнію этого ментора, Самуилъ не долженъ попасть въ общую колею людей научной практики; его назначеніе быть раввиномъ-реформаторомъ въ области религіознаго культа, въ каковой дѣятельности его бы могли замѣнить очень немногіе.

И вотъ Самуилъ, вмѣсто раввинскаго училища, куда онъ думалъ поступить, отправляется въ какой-то маленькій городокъ, въ которомъ онъ, спустя нѣкоторое время, затѣваетъ споръ съ мѣстнымъ раввиномъ, по слѣдующему поводу. Извѣстно, что почти ни въ какой другой отрасли религіозныхъ узаконеній, воспрещенія и ограниченія не разрослись такъ съ теченіемъ времени, какъ относительно дозволеннаго къ употребленію мяса. Зарѣзанное животное препарируется спеціально-свѣдующими лицами съ раввиномъ во главѣ, и малѣйшей царапинки, найденной во внутренностяхъ его, часто достаточно, чтобъ сдѣлать все мясо животнаго недозволеннымъ къ употребленію, трефнымъ. И вотъ разъ случилось раввину городка, въ которомъ поселился Самуилъ, объявить трефнымъ зарѣзанную корову, которую Самуилъ, однако, по всѣмъ указаніямъ талмуда, находилъ кашерной. Самуилъ вступилъ въ споръ съ раввиномъ, но тотъ заупрямился и ни за что не согласился измѣнить свое рѣшеніе; это повело къ публичному диспуту между раввиномъ и Самуиломъ въ самой синагогѣ.

Самуилъ превосходилъ своего противника, какъ умомъ и знаніемъ, такъ и даромъ слова. Одно мгновеніе казалось, что побѣда на сторонѣ молодаго реформатора, что народъ понялъ его и оцѣнилъ его стремленія по достоинству; но это именно продолжалось только одно мгновеніе: вскорѣ рутина и невѣжество взяли верхъ надъ логикой и здравымъ смысломъ; раввинъ восторжествовалъ и Самуилъ—остался побѣжденнымъ; мало того тотъ самый народъ, за благо котораго онъ ратовалъ, отвернулся отъ него съ презрѣніемъ; его объявили еретикомъ, отщепенцемъ.

Но, кромѣ этой нравственной и умственной борьбы, Самуилъ долженъ былъ вынести еще и не легкую душевную борьбу. Дѣло въ томъ, что Самуилъ до спора былъ частымъ гостемъ раввинскаго дома, въ который не столько влекла его ветхая мудрость главы семейства, сколько миловидное личико его падчерицы—Ханы, настолько успѣвшей плѣнить сердце Самуила, что онъ изъ за нея чуть не отказывается отъ своей реформаторской задачи, отъ роли вождя и руководителя лучшей части юношества, смотрящей на него, какъ на новое свѣтило, призванное внести свѣтъ и смыслъ въ разные закоулки еврейской жизни, въ которыхъ до тѣхъ поръ царствовалъ полнѣйшій египетскій мракъ. Мысль, что его ссора съ раввиномъ должна навсегда разлучить его съ Ханой—для него невыносима; онъ мучится, терзается то любовью, то угрызеніемъ совѣсти, но сознаніе долга наконецъ одолѣваетъ. Къ тому же, появленіе новыхъ лицъ значительно измѣняетъ прежнее положеніе. Самуилъ съ ужасомъ узнаетъ, что его Хана, которая дѣйствительно выказала къ нему столько дружбы и расположенія, давно уже любитъ другаго, учителя еврейскаго училища въ томъ же городкѣ, Эфроса. Она съ нимъ встрѣчалась давно и сильно полюбила его; но прошли годы и она почти забыла объ этой любви, и, за неимѣніемъ вокругъ себя ни одного сколько нибудь привлекательнаго человѣка, отдала было предпочтеніе Самуилу. Но вотъ въ то самое время, когда Самуилъ объявилъ ея отчиму войну, Хана узнаетъ, что любимый ею человѣкъ находится вблизи ея — и прежнее чувство просыпается въ ней со всей силой. Между тѣмъ, около того же времени, къ учителю Эфросу пріѣзжаетъ его сестра, Рахиль, которая, благодаря одному, довольно оригинальному старинному еврейскому обычаю, находится въ исключительномъ положеніи молодой женщины, мужъ которой умеръ и которая тѣмъ не менѣе не имѣетъ права вторично выйти замужъ. А случилось это вотъ какимъ образомъ. Тесть Рахили, р. Тодресъ, неудачникъ еврейскаго покроя, бродившій всю свою жизнь изъ одного города въ другой, въ одномъ изъ этихъ городовъ женился, но не ладилъ съ женой; онъ развелся съ нею и

оставилъ ее въ то время, когда она готовилась стать матерью. Между тѣмъ, старшій его сынъ, отъ другой жены, женившійся прежде на Рахили, умеръ, не оставивъ по себѣ потомства. По библейскому закону, такая женщина должна выйти за брата умершаго или же, если братъ этого не желаетъ, онъ долженъ дать ей *халице* (родъ развода съ особенными церемоніями). Тогда только женьщина считается вполнѣ свободной. Позже бракъ между бездѣтной вдовой и братомъ умершаго мужа вышелъ изъ обычая и халице стала общимъ правиломъ. Въ случаѣ же, если умершій мужъ не оставилъ по себѣ братьевъ, но мать его, въ моментъ его смерти, находится въ положеніи, предвѣщающемъ возможность рожденія ею сына, то жена обязана ждать до рожденія; особеннымъ счастіемъ для себя она можетъ считать, если у бывшей тещи родится дѣвочка; за то, если родится мальчикъ, онъ вступаетъ въ права своего брата относитольно жены его, а такъ какъ мальчикъ, по еврейскимъ законамъ, только съ достиженіемъ 13 лѣтняго возраста дѣлается полноправнымъ человѣкомъ, то вдовѣ приходится ждать 13 лѣтъ, пока новорожденный братъ мужа въ правѣ будетъ дѣлать ей „халице". Много еврейскихъ женщинъ считаютъ этотъ обычай гробомъ своей безвозвратно погибшей молодости, и одной изъ такихъ готовилась быть Рахиль. Но вотъ до нея дошелъ слухъ о Самуилѣ, который, узнавъ о ея религіозно-правовомъ положеніи, обѣщалъ найти способъ освободить ее отъ тягостнаго положенія, и она рѣшается ѣхать къ брату, для личныхъ переговоровъ съ Самуиломъ. Она попадаетъ въ домъ Самуила въ то самое время, когда онъ съ увлеченіемъ излагаетъ свои мысли о необходимости реформы и обновленія въ области религіознаго культа. Онъ говорилъ горячо, логично и убѣдительно, и произвелъ сильное впечатлѣніе на развитую и начитанную Рахиль. Между ними устанавливается тѣсная дружба, которая переходитъ въ любовь, когда случай заставляетъ Самуила разочароваться въ своей Ханѣ и убѣдиться въ томъ, насколько Рахиль стоитъ выше ея по своему уму и нравственному развитію.

Книга г. Бройдеса не окончена; но это для насъ все равно. Романъ этотъ гораздо меньше интересуетъ насъ въ худжественномъ отношеніи, чѣмъ въ соціально-публицистическомъ. Что-бы авторъ ни сдѣлалъ съ своимъ героемъ въ дальнѣйшемъ ходѣ романа, героемъ *удавшагося* движенія въ еврейской жизни онъ его сдѣлать не можетъ. Времена Абеляровъ и Лютеровъ прошли и для насъ. Важны для насъ только нѣкоторыя мысли, вложенныя авторомъ въ уста своего героя. Оригиналенъ, напримѣръ, взглядъ Самуила на талмудъ. По крайней мѣрѣ на еврейскомъ языкѣ никто еще въ такомъ смыслѣ, а главное съ такой ясностью, не высказывался о Талмудѣ.

Все еврейское законоученіе подраздѣляется, какъ извѣстно, на ученіе писанное и устное. Устное ученіе составляетъ не только толкованіе писаннаго, его комментарій, но оно суть его, самое важное условіе его существованія. Всякій законъ, долженствующій примѣняться къ практической жизни, по необходимости бываетъ обставленъ извѣстными подробностями, болѣе или менѣе внѣшними, болѣе или менѣе случайными, но имѣющими органическую связь съ условіями мѣста и времени, при какихъ законъ имѣетъ быть примѣняемъ. Условія эти, естественнымъ образомъ, мѣняютъ свой характеръ, а съ ними вмѣстѣ подлежатъ измѣненію и подробности примѣненія даннаго закона. Если же эти подробности мѣняться не будутъ, то законъ, который ими обставляется, рано или поздно, долженъ будетъ превратиться въ анахронизмъ, потерять всякую почву, всякій смыслъ существованія. Въ виду этой непреложной истины, руководство въ дѣлѣ примѣненія законовъ передано высшей волей въ распоряженіе будущихъ еврейскихъ ученыхъ, и съ самаго перваго дня вступленія моисеева законодательства въ силу, началась также и функція ученыхъ толкователей его. Сами законы моисеевы были принципомъ, основаніемъ: обстановка и условія примѣненія сообщались имъ живымъ словомъ ученыхъ толкователей, въ лицѣ судей, священниковъ и т. д. Дѣятельность этого института толкователей святаго ученія и фунціи его назывались устнымъ ученіемъ; они составляютъ не продолженіе ученія письменнаго, а его форму, цвѣтъ, словомъ то, безъ чего писанное ученіе должно было-бы остаться внѣ всякой почвы и обстановки, быть чѣмъ-то совершенно не совмѣстимымъ съ жизнью человѣка и народа. Таково было первоначальное значеніе ученія людей Великаго Собранія и первыхъ талмудистовъ. Но совершенно другое значеніе оно получило, когда талмудъ былъ собранъ и *написанъ* послѣдними талмудистами. Этимъ актомъ талмудъ совершенно пересталъ быть устнымъ ученіемъ и сдѣлался какъ-бы второй частью ученія письменнаго. Живая традиція превратилась въ законченныя, изложенныя въ извѣстной формѣ мысли; связь съ жизнью была порвана, и „устное ученіе" (оно еще сохранило свое имя и до сихъ поръ) стало также нуждаться въ устномъ руководствѣ, какъ и ученіе писанное. Такимъ ученіемъ должны быть взгляды и мнѣнія раввиновъ и ученыхъ богослововъ, и если послѣдніе, вмѣсто того, что-бы руководить, по своему усмотрѣнію, примѣненіемъ къ практикѣ постановленій талмуда, рабски подчинялись каждому его слову, то они не поняли ни своей роли, ни историческаго значенія талмуда. Они остались рабами тамъ, гдѣ-они *должны* были-бы быть руководителями. И такъ, по мнѣнію автора, написаніе тал-

муда само по себѣ было актомъ, лишеннымъ исторической логики; во вторыхъ, разъ талмудъ написанъ и заключенъ въ тѣсныя рамки буквы — онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ называться „устнымъ ученіемъ“; („Тора ше-баалъ-пе“); въ третьихъ, функція тѣхъ ученыхъ, взглядъ которыхъ въ различной, часто въ противорѣчивой совокупности называется талмудомъ, разъ талмудъ былъ написанъ, перешла къ раввинамъ всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, которые, такимъ образомъ, должны руководить формой, обстановкой примѣненія *всѣхъ* писанныхъ законовъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Если-же раввины относятся небрежно къ этой своей функціи, то результатомъ ихъ узкости и небрежности является то, что одна часть ученія у насъ совершенно отсутствуетъ, а именно— устная.

Что касается литературныхъ достоинствъ романа, то на нихъ не долго придется останавливаться. У автора нельзя отрицать довольно замѣтнаго дарованія; есть наблюдательность; нѣтъ также недостатка въ основательномъ знаніи еврейской жизни. Но въ положеніи лицъ и въ концепціи характеровъ часто встрѣчаются несообразности. Группировку дѣйствующихъ лицъ также нельзя назвать особенно удачной. Языкъ г. Бройдеса довольно чистый, правильный и вполнѣ выработанный, только напрасно вы станете искать въ романѣ г. Бройдеса поэтической искры; авторъ ведетъ разсказъ довольно толково, только разсказъ его не освѣщается никакимъ литературнымъ блескомъ, ни однимъ лучемъ истиннаго, высокаго художества. Отъ описаній природы вѣетъ холодомъ и искуственностью; гдѣ авторъ хочетъ подняться выше обыденной прозы, тамъ онъ становится скучнымъ, потому что тамъ на всемъ лежитъ у него печать дѣланности, неестественности. Увлекательнымъ мы находимъ его только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о богословскомъ спорѣ, о борьбѣ принциповъ. Во всякомъ случаѣ, при бѣдности еврейской литературы, особенно въ послѣднее время, крупными беллетристическими произведеніями—„Культъ и Жизнь“ г. Бройдеса займетъ въ ней довольно видное мѣсто.

IV.

„Ялкутъ Рибалъ“. Сборникъ разныхъ литературныхъ статей И. Б. Левинзона. Варшава 1878.

Въ настоящій „Сборникъ“ посмертныхъ статей извѣстнаго еврейскаго писателя и ученаго предшествовавшей эпохи, вошло только нѣсколько болѣе крупныхъ произведеній И. Б. Левинзона; остальное все мелочи, по

всей вѣроятности вовсе не предназначенныя для печати. Между прочимъ, въ этомъ Сборникѣ помѣщена пародія на трактатъ изъ Талмуда подъ названіемъ „Онъ и его сынъ“, имѣющая своимъ содержаніемъ злую и ѣдкую сатиру на какое-то современное автору лицо, вѣроятно, стяжавшее себѣ извѣстность своимъ ханжествомъ, высокомѣріемъ и невѣжествомъ. Подражаніе проведено съ талантомъ, но предметъ сатиры какимъ-то отчуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на читателя —Еще болѣе странное впечатлѣніе производитъ на читателя сатира И. Б. Левинзона на одного изъ своихъ критиковъ, отозвавшагося въ выходившихъ подъ редакціею покойнаго Іоста „Annalen“ неодобрительно о сочиненіи „Бетъ-Іегуда“. Это какія-то площадности, которыя ужъ рѣшительно не должны были появиться въ печати. Если больной, привязанный въ продолженіи многихъ лѣтъ къ постели, авторъ, можетъ позволять себѣ не достойныя печати вирши, чтобъ хоть этимъ отомстить слишкомъ опрометчивому критику, то издателю, право, незачѣмъ было предавать гласности эти площадности, которыхъ самъ авторъ, при своей жизни, ужъ вѣрно не позволилъ-бы обнародовать.

„Капоротъ ле баалъ-таксы“ (Сатирическая пѣснь о коробочномъ сборѣ) Д-ра Каминера. Вѣна 1878.

Г. Каминеръ создалъ новый родъ еврейской сатиры въ стихахъ. Предметомъ своихъ сатиръ онъ обыкновенно выбираетъ вопросы еврейской жизни, составляющіе „злобу дня“ и имѣющіе для еврейской массы роковое значеніе вопроса о насущномъ хлѣбѣ, о возможности жить и дышать, часто въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Находя коробочный сборъ одной изъ главныхъ причинъ физической хилости евреевъ бѣднаго класса, онъ всей силой своей ѣдкой сатиры громитъ какъ коробочную систему, такъ и кулаковъ-коробочниковъ, часто пользующихся своими концесіями, чтобы выжать изъ бѣднаго люда послѣднюю копѣйку.

Стихи г. Каминера—оригинальны и неподражаемы по своему построенію и чрезвычайно своеобразному слогу. Языкомъ онъ владѣетъ удивительно; онъ положительно неисчерпаемъ въ разныхъ оборотахъ и выраженіяхъ и, какъ сатирическій писатель, занимаетъ почетное мѣсто въ новой еврейской литературѣ.

„Шонимъ Кадмоніатъ“ т. е. прошлые годы. Историческая поэма временъ испанской инквизиціи, Исаака Гольдмана. Варшава 1879.

Сюжетъ взятъ изъ новеллъ Филиппсона; впрочемъ, въ прозѣ онъ уже разъ былъ переведенъ на еврейскій языкъ. Но какая разница! Тамъ было грубое безграматное и аляповатое переложеніе, въ которомъ такъ и тор-

чали нѣмецкіе швы; а тутъ, какой языкъ! Какіе прелестные стихи! У г. Гольдмана нельзя отрицать весьма замѣтнаго поэтическаго таланта. Картины природы у г. Гольдмана по истинѣ прекрасны, а языкъ такой чистый и правильный, какой рѣдко приходится встрѣчать у еврейскихъ стихотворцевъ, число которыхъ, впрочемъ, изъ года въ годъ все уменьшается.

По постройкѣ строфъ, по алмазной крѣпости стиха и по силѣ выраженій и оборотовъ, г. Гольдманъ принадлежитъ къ школѣ А. Б. Лебенсона. Онъ едва-ли не послѣдній представитель этой школы.

Изъ переводной литературы мы можемъ указать на появившіяся недавно на еврейскомъ языкѣ отдѣльныя драмы Шекспира, какъ на самыя замѣчательныя произведенія этого рода. Пока переведены: „Отелло" и „Ромео и Юлія"; но переводъ по истинѣ не оставляетъ желать ничего. Если мы скажемъ, что переводъ не уступаетъ нѣмецкому и русскому, то этимъ всѣ достоинства его не будутъ еще исчерпаны. При замѣчательной вѣрности подлинику, переводъ „Отелло" и „Ромео" сохранилъ всю силу и всѣ особенности еврейскаго языка, что̀ дѣйствительно обязываетъ всѣхъ любителей еврейской литературы сказать переводчику, скрывающему свое имя подъ инициалами E. S., искреннее спасибо.

Бенъ-Іосифъ.

ДѢЛО АЙЗЕНБЕРГА.

И на этотъ разъ мы должны познакомить нашихъ читателей съ судебнымъ процессомъ, имѣющимъ, кромѣ общаго своего значенія, еще особенный интересъ для евреевъ, и довольно рельефно иллюстрирующимъ тѣ отношенія, въ которыя еще въ очень недавнее время были поставлены еврейскія дѣти, попавшія на военную службу, отношенія, которыя, можетъ быть, въ состояніи разъяснить причину, почему евреи и еще по сіе время такъ неохотно идутъ на эту службу и такъ охотно, напротивъ, отъ нея откупаются.

Дѣло, собственно говоря, совершенно низменнаго порядка, не болѣе не менѣе какъ поддѣлка билета на жительство. Тѣмъ не менѣе оно, по тѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ аксесуарамъ, которыми оно сопровождалось, и по мотивамъ, его вызвавшимъ, получило глубокое значеніе. При разбирательствѣ дѣла на судѣ, ожидавшійся разсказъ о поддѣлкѣ вида на жительство неожиданно превратился въ цѣлую эпопею о многочисленныхъ страданіяхъ, о кровавыхъ истязаніяхъ, вызванныхъ господствовавшей цѣлые десятки лѣтъ какою-то особенной, совершенно невообразимой политикою, какою-то неслыханною военно-миссіонерскою системою, слава Богу, нынѣ на вѣки осужденною. Но разскажемъ вкратцѣ въ чемъ дѣло.

17 января сего года во II отдѣленіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ В. Н. Крестьянова, слушалось дѣло отставного рядового Мовшы Шлемова Айзенберга, (онъ же Алексѣй Антоновъ) обвинявшагося въ нарушеніи паспортной системы. Публики собралось много, и среди нея замѣтно было много евреевъ. Обстоятельства дѣла слѣдующія: 2 іюля 1879 года полиціей былъ задержанъ въ Петербургѣ отставной рядовой Мовша Шлемовъ Айзенбергъ, въ виду возникшаго сомнѣнія въ подлинности дубликата объ отставкѣ, полу-

ченнаго будто-бы Айзенбергомъ отъ петербургскаго уѣзднаго воинскаго начальника за № 18,019, по которому Айзенбергъ проживалъ въ Петербургѣ. На предварительномъ слѣдствіи Айзенбергъ (или Антоновъ) показалъ, что онъ происходитъ изъ кантонистовъ-евреевъ и 11-ти лѣтъ отъ роду, безъ всякаго согласія съ своей стороны, былъ крещенъ въ православную вѣру, при чемъ былъ названъ Алексѣемъ Антоновымъ. Подъ этимъ именемъ онъ служилъ въ военной службѣ, и на это-же имя въ 1874 г. получилъ указъ объ оставкѣ отъ петербургскаго воинскаго начальника. Не желая исповѣдывать православную вѣру и желая, кромѣ того, жениться на еврейкѣ, онъ, взамѣнъ подлиннаго указа объ отставкѣ, пріобрѣлъ себѣ дубликатъ, въ которомъ онъ былъ означенъ евреемъ и назвался своимъ еврейскимъ именемъ. Дубликатъ этотъ поддѣлалъ ему неизвѣстный писарь, котораго рекомендовалъ ему товарищъ его Зеликъ, онъ-же и Петръ Гринфельдъ; этотъ Гринфельдъ при слѣдствіи розысканъ не былъ; затѣмъ по справкамъ оказалось, что въ 1874 году за № 790, петербургскимъ воинскимъ начальникомъ былъ выданъ указъ объ отставкѣ рядового Архангелогородскаго губернскаго баталіона Алексѣю Антонову и что рядовому Мовшѣ Шлемову Айзенбергу іудейскаго вѣроисповѣданія дубликата за № 18,019 выдаваемо не было. По осмотру означеннаго дубликата экспертами, литографами Аргнольдомъ и Хорномъ, послѣдніе заявили, что имѣющіяся, на этомъ дубликатѣ подписи отъ имени петербургскаго уѣзднаго воинскаго начальника и дѣлопроизводителя несходны съ дѣйствительными подписями тѣхъ лицъ, отъ имени которыхъ онѣ сдѣланы, и что равнымъ образомъ поддѣланъ и оттискъ печати воинскаго начальника, имѣющійся на томъже дубликатѣ. На основаніи изложеннаго подсудимый обвинялся въ преступленіи предусмотрѣнномъ 975 ст. улож.

На вопросъ предсѣдателя—признаетъ-ли себя Айзенбергъ виновнымъ въ проживательствѣ по подложному виду, подсудимый заявилъ: „я признаю себя виновнымъ, что по своему согласію взялъ дубликатъ, я хотѣлъ самъ судиться, потому что не по своему желанію былъ окрещенъ". Далѣе на вопросы предсѣдателя подсудимый объяснилъ тоже, что и на предварительномъ слѣдствіи, добавивъ къ этому слѣдующее: когда я поступилъ въ кантонисты, то меня безъ моего согласія крестили и назвали Алексѣемъ Антоновымъ Антоновымъ. Крестили насъ невольно, но я сознавалъ, что въ какомъ я званіи родился, въ томъ долженъ и оставаться всю жизнь; я родился евреемъ, всегда былъ имъ въ своемъ сердцѣ и останусь таковымъ до гроба.... Когда я вышелъ въ отставку, я хотѣлъ уѣхать въ свою сторону, то меня не отпустили и я остался здѣсь. Знакомый мой

сказалъ, что можно жить по подлогу и я согласился.... Возвращаясь опять къ своему прошлому, Айзейнбергъ продолжалъ: Насъ пригнали изъ Кронштадта цѣлую партію и, не перекликая по имени и званію, загнали въ тѣсную комнату, начали бить безъ всякой милости, потомъ на другой и на третій день повторяли тоже самое, не было силъ выдержать и мы невольно должны были сдаться. Потомъ насъ загоняли въ жарко натопленную баню, поддавали пару и съ розгами стояли надъ нами, принуждая креститься, такъ что послѣ этого никто не могъ выдержать.

Предсѣдатель прерываетъ подсудимаго и спрашиваетъ къ чему онъ все это говоритъ?

Подсудимый. Насъ принуждали креститься.

Предсѣдатель. Вы говорите это совершенно голословно, провѣрить вашъ разсказъ нѣтъ возможности, теперь вы можете сказать еще что нибудь хуже, но вѣдь вамъ было предоставлено право вызвать свидѣтелей, которыхъ вы желали въ подтвержденіе вашихъ словъ по поводу насильственнаго крещенія, но въ теченіи 7 дней вы этого не сдѣлали и теперь ваши слова не имѣютъ ровно никакого значенія.

Подсуд. Я и сначала это заявлялъ.

Предсѣд. Кто-же имѣлъ интересъ обращать васъ въ православную вѣру?

Подсуд. Начальство необращало на это вниманія.

Предсѣд. Вы говорили, что васъ сажали въ жаркую баню, что вамъ грозили розгами,—кто же это можетъ подтвердить?

Подсуд. Столько время прошло теперь, вѣдь я служилъ 27 лѣтъ, гдѣ-же всѣхъ упомнить, да я не знаю гдѣ они находятся.

Предсѣд. Кто-же были эти люди?

Подсуд. Изъ кантонистовъ, которые раньше насъ поступили.

Предсѣд. Когда вы женились: до или послѣ полученія дубликата?

Подсуд. Я женился по этому дубликату на еврейкѣ.

Предсѣд. Ей было извѣстно, что вы крещенный?

Подсуд. Нѣтъ, я отъ нее это скрывалъ, всякій разъ наказывалъ себѣ никогда не заблуждаться въ жизни отъ еврейской религіи.

Свидѣтелей по этому дѣлу не вызывалось никого и слѣдствіе ограничилось сообщеніемъ суда о томъ, что Айзенбергъ поступилъ въ военную службу въ 1851 году 16 лѣтъ отъ роду, въ штрафахъ и подъ слѣдствіемъ, какъ это видно изъ формуляра, не былъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ по настоящему дѣлу въ теченіи семи мѣсяцевъ.

Товарищъ прокурора окружнаго суда, Матусевичъ, поддерживалъ об-

винение, объясняя, что подобные Айзенберги, перемѣною религіи, преслѣдуютъ свои личныя и служебныя выгоды, а когда это становится не нужнымъ, то готовы вновь поступиться своими убѣжденіями. Защита, въ лицѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Розинга, послѣ подробнаго историческаго очерка борьбы еврейства съ христіанскими исповѣданіями, остановилась на вопросѣ, какія выгоды могъ преслѣдовать подсудимый, стремясь выйти изъ положенія полноправнаго гражданина-православнаго въ положеніе еврея, ограниченнаго во многихъ отношеніяхъ? Такія выгоды могли представиться лишь въ видѣ ограниченій въ правахъ службы, стѣсненія свободы передвиженія, свободы избранія мѣста постояннаго жительства и проч.

Присяжные засѣдатели, послѣ весьма непродолжительнаго совѣщанія, на предложенный имъ вопросъ о виновности Айзенберга въ преступленіи, на него взведенномъ, вынесли отрицательный отвѣтъ. Судъ объявилъ подсудимаго оправданнымъ.

Вслѣдъ за прочтеніемъ старшиною присяжныхъ засѣдателей оправдательнаго вердикта, въ публикѣ раздалися знаки одобренія и громкіе аплодисменты.

Дѣло это обратило на себя вниманіе почти всей періодической печати. Газета «Голосъ», передавая на своихъ столбцахъ сущность этого процесса, между прочимъ замѣтила: «Дѣло это принадлежитъ къ числу такихъ, которымъ суждено разоблачать старые грѣхи, какъ бы въ назиданіе молодому поколѣнію».

«Молва», въ своемъ еженедѣльномъ обозрѣніи высказала по этому поводу слѣдующее»:

Въ то время, когда на столичныхъ театрахъ привлекаетъ общее вниманіе драма „Уріель Акоста", героемъ которой является жертва религіозной нетерпимости, на скамьѣ подсудимыхъ петербургскаго суда появляется неожиданно современный типъ Акосты. Конечно онъ микроскопичнѣе своего предшественника во всѣхъ отношеніяхъ, но вѣдь и не въ средніе же вѣка мы живемъ. Айзенбергъ, будучи еще кантонистомъ, 11 лѣтъ отъ роду, былъ окрещенъ военными ревнителями православія. Онъ отслужилъ свою службу въ войскахъ съ 1851 по 1874 годъ. По объясненію подсудимаго, его тревожило неотвязчивое весьма понятное желаніе умереть въ той религіи, въ которой онъ родился. Невольное обращеніе играло вѣроятно немаловажную роль, къ этому присоединилась еще любовь. Онъ захотѣлъ жениться на *еврейкѣ*, что недозволено православному. Недозволенъ также не только рожденному въ православіи, но и „обращенному" свободный выборъ религіи, переходъ въ иное вѣроисповѣданіе. Исходъ нашелся въ поддѣлкѣ вида, паспорта. За это-то преступленіе онъ и переданъ былъ суду. Хорошо еще, что не за „совращеніе въ іудейство".

Читатели навѣрное любопытствуютъ узнать, что сказало „Новое Время", столь чуткое къ новинкамъ, столь рачительное ко всему „жидовскому". Представьте: оно не нашлось сказать ничего своего по этому поводу и ограничилось лишь воспроизведеніемъ курьезной кваснопатріотической замѣтки „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", сущность которой читатели найдутъ въ слѣдующемъ нашемъ отзывѣ, помѣщенномъ съ незначительными измѣненіями въ той же „Молвѣ".

Еще одинъ оправдательный вердиктъ присяжныхъ при сознаніи подсудимаго и при такомъ преступленіи, какъ подлогъ и поддѣлка билета на жительство. Значитъ еще одинъ оправдательный вертиктъ, ничѣмъ не оправдываемый съ точки зрѣнія строгаго юриста, совершенно противорѣчащій латинскому pereat mundus fiat justitia; но тѣмъ не менѣе этотъ оправдательный вердиктъ еще разъ доказываетъ, что судъ присяжныхъ есть настоящій судъ совѣсти, еще разъ доказываетъ не только благодѣтельное вліяніе этого суда, но и его глубокое цивилизующее значеніе.

Если бы дѣло, которое на техническомъ языкѣ называлось бы: «дѣло о поддѣлкѣ евреемъ Мовшемъ Айзенбергомъ вида на жительство» разбиралось не въ петербургскомъ окружномъ судѣ, а въ какой нибудь старой уголовной палатѣ, то подсудимаго по всей вѣроятности отправили бы въ исправительныя арестантскія роты на такой-то срокъ, разорили бы его семейное гнѣздо, которое ему удалось свить себѣ лишь послѣ двадцатисемилѣтней солдатской жизни — и дѣлу конецъ. Какое кому было бы дѣло до того, что этого Айзенберга, а вмѣстѣ съ нимъ и тысячи ему подобныхъ, когда ему было одиннадцать лѣтъ, разными физическими и нравственными насиліями заставили отказаться отъ вѣры отцевъ, отъ его драгоцѣннѣйшаго нравственнаго достоянія, единственнаго нравственнаго утѣшенія въ несчастной жизни кантониста? Какое кому было бы дѣло, да и кто бы узналъ, что этого несчастнаго 27 лѣтъ къ ряду ежедневно, ежечасно заставляли выдерживать борьбу съ своею религіозною совѣстью, 27 лѣтъ заставляли поклоняться, молиться тому, что онъ ненавидитъ всѣми фибрами своей души, ненавидитъ именно потому, что оно было ему насильно навязано. И все это для того только, чтобы онъ при первой возможности, хотя бы и путемъ преступленія, стряхнулъ съ себя эту гнетущую его нравственную обузду. „Я сознавалъ, говорилъ подсудимый на судѣ: — что въ какомъ я

званіи родился, такъ въ томъ и долженъ оставаться всю жизнь"—и 27 лѣтъ военно-миссіонерской пропаганды тутъ ни къ чему не повело.

Не будь у насъ „гласнаго суда", этотъ урокъ будущему поколѣнію, какъ выражается „Голосъ" по поводу этого процесса, пропалъ бы совершенно даромъ. А теперь всѣ заговорили объ этомъ съ виду столь ничтожномъ дѣлѣ. Урокъ вышелъ бы, можетъ быть, во многихъ отношеніяхъ гораздо поучительнѣе, если бы г. предсѣдатель не такъ часто прерывалъ подсудимаго и далъ бы свободное теченіе его разсказу, или если бы защитникъ захотѣлъ и съумѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы набросать рельефную картину извѣстной системы, отчасти уже отжившей, но послѣдствія которой еще и по настоящее время сильно даютъ себя чувствовать.

А между тѣмъ наши „патріоты sui generis" нашли возможнымъ накинуться на судъ и за то, что онъ позволилъ подсудимому разсказать то немногое, что мы прочли въ стенографическомъ отчетѣ.

„На судѣ—восклицаютъ эти „патріоты":—въ присутствіи массы свидѣтелей, подсудимый увѣрялъ, что его крестили насильственно, что передъ этимъ его истязали и пытали, заставляя принять христіанство и дѣлали это не только съ нимъ, но и со всѣми молодыми евреями, бывшими его сотоварищами. Ни судья, ни прокуроръ не остановили этой лжи и этого лжесвидѣтельства, хотя они ни мало не относились къ фальшивому паспорту, который поддѣлалъ себѣ Айзенбергъ. Во имя чести русскаго государства нельзя оставить этого показанія безъ разслѣдованія. Оно облетитъ Европу и нареканіе на русское имя въ нетерпимости къ свободѣ совѣсти будетъ столько же сильно, сколько несправедливо. Судя по тому, что подсудимый получилъ полную отставку въ 1874 году, онъ былъ въ батальонѣ военныхъ кантонистовъ около 1860 года. Теперь живы еще почти всѣ начальствовавшіе тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, и ихъ дѣло оправдать себя, если они правы. Во всякомъ случаѣ оставить это дѣло безъ горячаго разслѣдованія, значило бы оставить на русскомъ имени пятно нетерпимости, съ которымъ не можетъ жить европейское государство".

Вотъ подумаешь, наивность-то до чего можетъ дойти?! Не будь это напечатано въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ", можно было бы принять всю эту тираду за глубокую иронію. И изъ за чего весь этотъ шумъ, эти горячія тирады? Неужели это для васъ все такъ ново, и вы слышите это въ первый разъ. Да загляните въ „Многострадальныхъ", В. Н. Никитина, прочтите его безъискуственный разсказъ „Вѣкъ пережить—не поле перейти", раскройте разсказъ Іерухима въ „Запискахъ Еврея", Г. И. Богрова, и вы найдете если не живыхъ, то во всякомъ случаѣ вполнѣ достовѣрныхъ и многочисленныхъ свидѣтелей, которые подтвердятъ вамъ не только то, что говорилъ Айзенбергъ, но и многое другое. Но и живыхъ свидѣтелей можно

найти сколько угодно. Стоитъ только распросить любаго отставнаго солдата изъ евреевъ и не евреевъ, начавшихъ свою службу въ 50-хъ годахъ. Подсудимый конечно н догадался сослаться на нихъ, потому конечно, что ему и въ голову не приходило, чтобы кто нибудь усомнился въ его разсказѣ... И къ чему тутъ было еще приплетать Европу! Напротивъ, намъ кажется, что если Европа обратитъ вниманіе на этотъ процессъ, то она можетъ только вывести о насъ выгодное заключеніе въ томъ смыслѣ, что хотя въ этомъ отношеніи система, которая еще очень недавно была въ полномъ ходу, теперь покинута, всѣми порицается и возбуждаетъ негодованіе даже такихъ дѣятелей, какъ публицисты „Петербургскихъ Вѣдомостей". Значитъ, мы хотя въ этомъ отношеніи далеко ушли впередъ.

Но почему, спрашивается, эти довольно извѣстные факты вдругъ произвели на насъ такое сильное впечатлѣніе? Почему всѣ сочли нужнымъ заговорить объ этомъ процессѣ? Дѣло вотъ въ чемъ. Когда мы читаемъ драму въ книгѣ, она на насъ производитъ извѣстное дѣйствіе. Но впечтлѣніе не въ примѣръ глубже и сильнѣе. когда мыэту самую драму смотримъ на сценѣ, на сценѣ театральной, гдѣ лицедѣйствуютъ актеры. Каково же по слѣ этого должно быть впечатлѣніе той драмы, которая разыгрывается на сценѣ не театральной, а дѣйствительной, и когда лицедѣйствуютъ не актеры, а тѣ люди, которые сами дѣйствительно выносятъ борьбу, переживаютъ всѣ перепитіи этой драмы?!.. Вотъ почему двѣ-три отрывочныхъ фразы, сказанныя на судѣ Айзенбергомъ, т. е. самой жертвой жизненной драмы, произвели такое сильное впечатлѣніе и надѣлали больше шуму, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя сочиненія, и вотъ въ этомъ-то и заключается глубокое цивилизующее вліяніе гласнаго суда.

Выдержаніемъ Айзенберга въ предварительномъ заключеніи въ теченіе семи мѣсяцевъ и оправданіемъ его на судѣ не завершился еще послѣдній актъ драмы. Остаются еще открытыми вопросы: Что останется теперь съ Айзенбергомъ, останется ли онъ Айзенбергомъ или Антоновымъ? т. е. будетъ ли онъ *оффиціально* исповѣдывать православную или еврейскую вѣру? Что станется съ его женой? Будетъ ли бракъ считаться законнымъ или онъ будетъ считаться расторгнутымъ? Будутъ ли его дѣти считаться законными или они теперь дѣлаются незаконнорожденными? Все это вопросы довольно сложные и далеко немаловажные, указывающіе на чувствительные пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, на которые не мѣшало бы обратить вниманіе.

АНТИСЕМИТИЧЕСКАЯ ЛИГА.

Антисемитическая лига! Почему не лига анти-романская, анти-славянская, анти-германская, анти-монгольская, анти-буддистская, анти-мусульманская и т. д. до безконечности? Возможно ли, чтобы въ послѣдней четверти 19-го столѣтія въ столицѣ одной изъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ Европы образовался союзъ, направленный специально противъ одного племени, противъ одной религіи? Не слѣдуетъ ли столицамъ другихъ просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ пойти по стопамъ столицы..... читатель подумаетъ, вѣроятно, Румыніи: нѣтъ—Германіи... и завести у себя разныя „анти" лиги?

Всѣ эти вопросы невольно приходятъ на умъ, когда читаешь или слышишь о подвигахъ недавно организованнаго въ Берлинѣ, по иниціативѣ придворнаго проповѣдника Штеккера и профессора исторіи въ лейпцигскомъ университетѣ Трейчке, союза, направленнаго исключительно противъ «семитовъ», противъ евреевъ, имѣющаго цѣлью отстранить ихъ отъ разныхъ отраслей общественной дѣятельности—отъ промышленности, торговли, науки, литературы, публицистики, изъ парламента и изъ театровъ, изъ банкирскихъ конторъ и съ ораторской трибуны, изъ филантропическихъ обществъ и изъ школъ. „Смерть евреямъ", вопила необразованная чернь на улицахъ и площадяхъ разныхъ европейскихъ городовъ въ средніе вѣка, въ варварскую эпоху крестовыхъ походовъ, разумѣя, конечно, смерть физическую и приводя въ исполненіе свои кровожадныя вожделѣнія истязаніемъ и убіеніемъ евреевъ. „Смерть семитамъ", вопятъ въ концѣ 19-го столѣтія просвѣщенные проповѣдники и профессора, весьма великодушно, впрочемъ, разумѣющіе лишь смерть нравственную и не требующіе колесованія и четвертованія всякаго, кто имѣетъ несчастіе быть семитомъ по происхожденію и исповѣдовать Моисееву вѣру.

Первые признаки попытокъ образовать такую лигу, и притомъ не исключительно религіознаго, но отчасти и соціально-экономическаго харак-

тера, сдѣланы были лѣтъ пять тому назадъ. При этомъ, впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ то время консервативная и піетистская партіи въ Германіи, раздраженныя сближеніемъ князя Бисмарка съ національ-либералами, и въ особенности съ самымъ талантливымъ представителемъ этой партіи, евреемъ Ласкеромъ, имѣли въ виду своими выходками противъ евреевъ раздражить канцлера; для этой цѣли они инсинуировали чуть ли не о цѣломъ заговорѣ, заключенномъ будто бы между Бисмаркомъ, Ласкеромъ и Блейхредеромъ. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды. Желѣзный канцлеръ окончательно порвалъ связи съ національ-либералами вообще и съ Ласкеромъ въ частности; онъ опять сблизился съ политическими друзьями своей юности, съ консерваторами и съ юнкерской партіей—а потому въ особенно усилившейся въ нѣкоторыхъ сферахъ съ конца прошлаго года агитаціи противъ евреевъ уже не могло быть прежней цѣли—уколоть и раздразнить канцлера. Чѣмъ же объясняется эта агитація?

Мы упомянули уже выше, что нынѣшнее движеніе въ Германіи противъ евреевъ имѣетъ характеръ не столько религіозный, сколько *соціально-экономическій*. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что именно этимъ характеромъ и объясняется самое происхожденіе движенія. Во многихъ сферахъ германскаго общества, въ особенности въ среднемъ, т. е. торгово-промышленномъ классѣ, и въ такъ называемой интеллигенціи, не могло не возбудить зависти то обстоятельство, что евреи чуть не съ каждымъ годомъ стали занимать все болѣе и болѣе выдающееся положеніе не только въ области торговли, промышленности, ремеслъ, биржи—что бывало и прежде, даже въ средніе вѣка—но и въ болѣе выдающихся областяхъ—въ области политики, журналистики, литературы, наукъ, изящныхъ искусствъ. Отчего произошло это явленіе—въ разрѣшеніе этого существеннаго вопроса завистники считали излишнимъ вдаваться. Для нихъ было безразлично, что такое явленіе происходило, очевидно, отъ большей даровитости еврейскаго племени сравнительно съ германскимъ, отчасти отъ выдержки въ характерѣ евреевъ, отчасти отъ большей солидарности ихъ между собою и т. д. Для нихъ важенъ былъ только фактъ, фактъ несомнѣнный—и inde ivae.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что нѣчто подобное мы видимъ не только въ Германіи, но и у насъ, и притомъ въ еще болѣе грубой и непривлекательной формѣ. И у насъ народились свои Штеккеры и Трейчке, которые считаютъ нужнымъ ежедневно проповѣдывать чуть ли не цѣлые крестовые походы противъ евреевъ. И у насъ явились люди, которые, встревоженные тѣмъ фактомъ, который замѣчается и въ Германіи, т. е. усиленіемъ еврей-

скаго элемента въ интеллектуальныхъ сферахъ общественной дѣятельности, вопятъ о необходимости положить этому во что бы то ни стало конецъ. Еще на дняхъ въ одной распространенной газетѣ появилась безобразная статья, подъ дикимъ и пошлымъ заглавіемъ «Жидъ идетъ», въ которой указывается на пропорціонально значитезьный еврейскій элементъ въ нашихъ школахъ, и отсюда выводится заключеніе, что нужно всячески затруднить для евреевъ доступъ въ учебныя заведенія. Появленіе или усиленіе еврейскаго элемента въ области литературы, художествъ, даже въ тѣхъ печальныхъ фактахъ, свидѣтелями которыхъ Россія была за послѣднее время, тоже подало поводъ русскимъ публицистамъ къ разнымъ дикимъ и пошлымъ выходкамъ противъ евреевъ.

Но возвратимся къ германской антисемитической лигѣ. Истинныя побудительныя причины ея образованія объясняютъ, почему, вопреки увѣренію Трейчке въ извѣстной его брошюрѣ *, въ средѣ простаго народа вовсе не замѣчается того озлобленія и раздраженія противъ евреевъ, которыя вдругъ обуяли часть среднихъ и интеллигентныхъ классовъ Германіи. Столь же неосновательны или по меньшей мѣрѣ сильно преувеличены увѣренія Трейчке, будто внезапно вся печать, прежде любезничавшая и кокетничавшая съ евреями, вдругъ сдѣлала перемѣну фронта противъ нихъ и будто всюду образуются антисемитическіе союзы, еврейскій вопросъ обсуждается въ бурныхъ собраніяхъ и пр., наконецъ, будто въ основѣ антиеврейскаго движенія лежатъ какія то идеальныя побужденія. Въ первомъ своемъ увѣреніи Трейчке впадаетъ въ забавное противорѣчіе, такъ какъ лишь нѣсколькими страницами выше, жалуясь на то, что евреи проникли всюду и заполонили все, онъ увѣрялъ, что *вся печать* попала въ руки къ евреямъ, а тутъ увѣряетъ, будто все та же *вся печать* двинулась въ походъ противъ евреевъ. Насколько невѣрно первое, настолько же преувеличено и второе: гоненій противъ евреевъ дѣйствительно стали вдругъ требовать извѣстные органы реакціонной, клерикальной и піетистской печати;—но вѣдь не изъ однихъ же такихъ органовъ состоитъ вся германская печать, есть же въ ней и болѣе порядочные представители, и притомъ не только руководимые евреями. Что касается втораго увѣренія, то оно, по остроумному замѣчанію Оппенгейма †, столь же основательно, какъ было бы основательно увѣреніе, будто по подмосткамъ театральной сцены

* „Unsere Aussichten“, въ ноябрьскомъ выпускѣ „Preussische Jahrcücher“ за 1879 г.

† „Stöcker und Treitschke“, von H. B. Oppenheim. „Gegenwort“, 1880, №№ 1 и 2.

проходитъ цѣлый большой отрядъ, тогда какъ проходятъ лишь нѣсколько десятковъ статистовъ, вновь собирающихся за кулисами и затѣмъ снова выступающихъ на сцену, какъ продолженіе все того же отряда. Наконецъ, попытка Трейчке придать столь усердно раздуваемому имъ антисемитическому движенію какую то идеальную подкладку падаетъ само собою; при сколько нибудь внимательномъ разсмотрѣніи дѣла для всякаго безпристрастнаго зрителя становится совершенно яснымъ, что идеальныя побужденія играютъ здѣсь такую же роль, какъ напр. въ сожженіи колдуньи новгородскими крестьянами, что главными, даже единственными факторами тутъ являются невѣжество, нетерпимость и, прежде всего, зависть.

Въ одномъ мѣстѣ своей статьи Трейчке старается между прочимъ объяснитъ и оправдать образованіе антисемитической лиги обособленностью евреевъ, тѣмъ, что они не хотятъ сдѣлаться истинными нѣмцами, что они чужды германскаго патріотизма. Между тѣмъ мы видимъ на дѣлѣ, что во всѣхъ проявленіяхъ государственной, общественной, политической, общинной, даже военной жизни Германіи евреи принимаютъ самое дѣятельное участіе—слишкомъ даже дѣятельное, по мнѣнію сторонниковъ лиги, что въ германской литературѣ, искусствахъ, въ дѣлѣ общественной благотворительности они ни въ чемъ не уступаютъ природнымъ нѣмцамъ, и притомъ не съ исключительно еврейской, а съ общечеловѣческой точки зрѣнія, что нигдѣ ассимиляція евреевъ съ другими элементами населенія не производится такъ легко и быстро, какъ именно въ Германіи. Это то дѣятельное и выдающееся участіе евреевъ во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни Германіи и вызвало ту зависть къ нимъ, которая повела къ образованію такого безобразнаго учрежденія, какъ антисемитическая лига.

Трейчке не могъ, понятно, обойтись въ своей статьѣ безъ указанія на то, что на евреевъ въ значительной мѣрѣ падаетъ отвѣтственностъ за усиленіе въ нашъ вѣкъ духа матеріализма, заставляющаго будто бы всѣхъ стремиться лишь къ земнымъ благамъ и забывать обо всемъ идеальномъ, возвышающемъ душу. Это обвиненіе—далеко не новость; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ оно отъ того дѣлалось основательнѣе. Несомнѣнно, конечно, что евреи, благодаря своей предпріимчивости, своему трудолюбію, своимъ способностямъ, благодаря также, быть можетъ, обилію капиталовъ, являющемуся результатомъ большей бережливости и осторожности, принимаютъ весьма значительное участіе въ торговлѣ и промышленности Германіи. Но, во-первыхъ, развѣ это преступленіе, развѣ содѣйствовать развитію торговли и промышленности той страны, въ которой живешь и граж-

данином которой считаешься—дѣло дурное? Вѣдь это не возбранялось евреямъ даже въ варварскіе средніе вѣка. Во-вторыхъ, — и что самое главное—какая же можетъ быть логическая связь между дѣятельнымъ участіемъ въ торговлѣ и промышленности страны и преклоненіемъ передъ однимъ только мамономъ, пренебреженіемъ всякими высшими идеалами? Нѣтъ болѣе промышленнаго и торговаго народа, какъ англичане, нигдѣ не происходитъ такого значительнаго накопленія богатствъ; а между тѣмъ это ни мало не мѣшаетъ англичанамъ стремиться къ высокимъ политическимъ и научнымъ идеаламъ, это не мѣшало и не мѣшаетъ имъ имѣть Питтовъ и Гладстоновъ, Диккенсовъ и Теккерэевъ, Боклей, Миллей и Дарвиновъ. Да, наконецъ, будто евреи вообще, и германскіе въ частности, только и дали міру, что банкировъ, промышленниковъ и торгашей? Будто между ними не было великихъ мыслителей, поэтовъ, музыкантовъ, художниковъ? Будто профессору Трейчке неизвѣстно, что изъ ихъ среды вышли Спинозы, Гейне, Бёрне, Лассали, Мендельсоны, Мейерберы и многіе другіе.

Въ чемъ же собственно заключается программа антисемитической лиги? На этотъ вопросъ въ сущности было бы довольно трудно отвѣтить категорически, такъ какъ эта программа — если только существуетъ опредѣленная программа—до нельзя сумбурна и нелѣпа. Въ общихъ чертахъ ее можно формулировать такъ, что члены лиги поставили себѣ задачей вытѣснять еврейскій элементъ отовсюду, изъ всѣхъ сферъ человѣческой дѣятельности, начиная съ парламентской трибуны, кабинета ученаго и подмостковъ театра, и кончая чуть ли не мастерской сапожника и плитою кухарки. Само собою разумѣется, что сами члены лиги обязаны сами ни подъ какимъ видомъ не пользоваться услугами евреевъ; т. е. другими словами не руководиться политическими взглядами депутатовъ семитическаго происхожденія, не читать ученыхъ трактатовъ и беллетристическихъ произведеній ученыхъ и литераторовъ, принадлежащихъ къ той же расѣ, не выписывать газетъ, въ которыхъ евреи состоятъ редакторами или сотрудниками, не смотрѣть пьесъ и не слушать оперъ, написанныхъ евреями, не восхищаться живописными и скульптурными произведеніями евреевъ, отказываться отъ благотвореній, если таковыя исходятъ изъ еврейскаго источника, не нанимать квартиръ у еврея; не покупать ничего у купца-еврея, не совершать никакихъ денежныхъ операцій у банкира-еврея, не заказывать себѣ платья или сапогъ у портныхъ или сапожниковъ-евреевъ, не нанимать къ себѣ въ домъ еврейской прислуги — а паче всего кормилицы, которая можетъ дать всосать христіанскому ребенку семитическое молоко, —не пользоваться даже услугами стоящаго на углу посыльнаго, если въ наружности его что-либо изобличаетъ семитическое происхожденіе. Это, конечно, ближайшая и самая важная задача членовъ антисемитической лиги. Дальнѣйшая задача ея заключается въ томъ, чтобы, имѣя въ виду присущую роду людскому слабость, которая могла бы вовлечь истыхъ, ортодоксальныхъ протестантовъ къ преступнымъ сношеніямъ съ людьми семитическаго происхожденія и моисеева закона, всячески удерживать ихъ отъ этого пагубнаго шага. Для этого есть довольно простыя средства: слѣдуетъ только снять съ репертуаровъ театра произведенія еврейскихъ авторовъ и композиторовъ и обязать издателей не печатать ни одной строки, вышедшей изъ подъ пера еврея. Этимъ не разумная публика сразу была бы изъята изъ-подъ пагубнаго вліянія такихъ музыкантовъ, какъ Мейерберъ, Мендельсонъ, Галеви; никто не могъ бы восхищаться, къ прискорбію ограниченныхъ піетистовъ, такими высоко-талантливыми произведеніями, какъ „Гугеноты,“ „Пророкъ“, „Сонъ въ лѣтнюю ночь,“ „Жидовка“; тогда такія высоко-художественныя произведенія, какъ „Поэтъ и купецъ“ „Шварцвальдскіе сельскіе разсказы“ и „Дебора“ Мозенталя оставались бы на полкахъ книжныхъ магазиновъ, до тѣхъ поръ, пока взбѣшенный книгопродавецъ не бросилъ бы этотъ ненужный хламъ въ каминъ. Но этого мало: нужно еще лишить добрую христіанскую публику возможности отравляться произведеніями такихъ авторовъ, которые, будучи христіанами, по своему неразумію избирали героями своихъ произведеній евреевъ и выставляли послѣднихъ въ симпатичномъ или по меньшей мѣрѣ не въ безобразномъ видѣ. Поэтому такія про-семитическія произведенія, какъ „Натанъ Мудрый“ онѣмѣчившагося лужичанина Лессинга, „Уріель Акоста“ нѣмца Гуцкова, „Шейлокъ“ — англичанина Шекспира не напоминали бы доброму нѣмецкому филистеру, что среди евреевъ встрѣчаются такія высоко-гуманныя личности, какъ „Натанъ“, такія озлобленныя вѣковымъ гоненіемъ, и потому вопреки себѣ сдѣлавшіяся кровожадными личности, какъ Шейлокъ, такіе пытливые, хотя и не чуждые общечеловѣческихъ слабостей умы, какъ Уріель Акоста, такія безгранично-любящія и безгранично-преданныя женщины, какъ мать и невѣста Акоста.

Затѣмъ, понятно, въ кругъ дѣятельности антисемитической лиги входитъ вліяніе на избирателей въ тѣхъ видахъ, чтобъ они не посылали въ парламентъ депутатовъ-евреевъ; чтобы человѣкъ, которому, приходится совершать какую либо денежную операцію, обращался не къ банкиру-еврею, а къ банкиру-христіанину; чтобы все покупалось, заказывалось не у евреевъ, а у христіанъ; чтобы христіанскій домъ не осквернялся присутствіемъ еврейской прислуги; чтобы...

Но, какъ мы сказали уже выше, программа антисемической лиги до того сумбурна и нелѣпа, что по истинѣ было бы весьма затруднительно перечислить всѣ *„чтобы"*, входящіе въ эту трудно-уловимую, а еще труднѣе понимаемую программу, истинный смыслъ которой непонятенъ вѣроятно даже и для самихъ авторовъ ея, пастора Штеккера, профессора Трейчке и портнаго Кненагеля. Поэтому, ограничиваясь вышеприведеннымъ указаніемъ общихъ началъ этой программы—насколько она доступна для простаго смертнаго, не посвященнаго въ тайны души придворнаго проповѣдника Штеккера, мы перейдемъ къ болѣе интересному факту, къ указанію на тѣ протесты, которые дѣятельность пресловутой лиги вызвали не только со стороны лицъ, противъ которыхъ она была непосредственно направлена, но и со стороны лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ „семитическимъ" племенемъ.

Въ этомъ отношеніи нельзя не поставить на первый планъ письма германскаго наслѣднаго принца къ одному пастору, рѣшившемуся съ церковной каѳедры энергически протестовать противъ недостойной агитаціи г. придворнаго проповѣдника Штеккера. Наслѣдный принцъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодаритъ означеннаго пастора за то, что онъ такъ мужественно, съ такимъ тактомъ, достоинствомъ и съ такой логикой возсталъ противъ возбужденія племенныхъ страстей, противъ натравливанія одной части германскихъ гражданъ на другую, и инаго пллменнаго происхожоднія и иной религіи, и объявляетъ, что для гарманскаго правительства всѣ граждане Германской имперіи, къ какому бы племени они не принадлежали и какую бы релегію они не исповѣдывали, остаются тѣми же гражданами, пока они честно и добросовѣстно исполняютъ свои гражданскія обязанности.

Рядомъ съ этимъ знаменательнымъ заявленіемъ германскаго наслѣднаго принца нельзя не поставить интересную проповѣдь, произнесенную въ Бреславской соборной церкви св. Елисаветы старшимъ пасторомъ этой церкви Штэкомъ —мы, къ сожалѣнію, не можемъ утвердительно сказать, эта ли самая проповѣдь вызвала вышеупомянутое письмо наслѣднаго принца, или другая. Проповѣдь эта была произнесена на евангельскій текстъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и возлюби ближняго, какъ самого собя". (Матѳ., 22 37—39). Этотъ текстъ далъ почтенному проповѣднику поводъ высказаться относительно нынѣшней безобразной агитаціи противъ семитическаго происхожденія. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Къ сожалѣнію мы видимъ, что люди постоянно стремятся къ тому, чтобы разъединить то, что

Господь Богъ въ своей премудрости неразрывно соединилъ. То же самое они дѣлаютъ и съ святымъ ученіемъ о любви къ Господу Богу и къ ближнему. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ эти два, соединенное во-едино, завѣта, не было недостатка въ людяхъ, дерзавшихъ похваляться любовью къ Господу Богу и въ то же время мало или вовсе не заботившихся о благѣ своихъ ближнихъ, не стыдившихся даже ненавидѣть послѣднихъ, оскорблять и преслѣдовать ихъ, и воображавшихъ при этомъ, что они дѣлаютъ тѣмъ угодное Богу. Какой позоръ навлекли на христіанскую церковь такіе неразумные ея послѣдователи! Вспомнимъ о тѣхъ безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, которыя позволяли себѣ, „во славу Божію", правовѣрные испанцы послѣ завоеванія Мексики; вспомнимъ о тѣхъ варварствахъ, которыя совершались въ средніе вѣка на германской почвѣ надъ евреями! Еще недавно, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ приходилось краснѣть, читая о постыдныхъ преслѣдованіяхъ евреевъ на нижнемъ Дунаѣ (въ Румыніи). И что-же?—вдругъ мы видимъ; что подобныя безобразныя явленія готовы повториться на нѣмецкой почвѣ, въ нашемъ городѣ, въ Бреславлѣ. Находятся газеты, которыя неустанно стараются, самымъ гнуснымъ и оскорбительнымъ образомъ, возбуждать общественное презрѣніе къ нашимъ еврейскимъ согражданамъ, разжигать ненависть къ нимъ, и этимъ путемъ стремиться къ лишенію евреевъ гражданской равноправности. Возмутительныя сцены, случившіяся недавно (въ октябрѣ 1879 года) около зданія еврейской синагоги, достагочно показываютъ, каковы плоды этой недостойной агитаціи. Неужели кто-либо можетъ подумать, что такой образъ дѣйствій согласенъ съ духомъ и буквой ученія Іисуса Христа? Нѣтъ, пока въ нашей средѣ встрѣчаются подобныя явленія, мы недостойны его имени. Всякій истый христіанинъ долженъ энергически возстать противъ такихъ безобразій". Эти мужественныя, разумныя слова произвели сильное впечатлѣніе на многочисленную аудиторію.

Берлинской городской думѣ также пришлось заняться этимъ вопросомъ. Окружное представительство тѣхъ берлинскихъ кварталовъ, которые населены преимущественно евреями (№№ 102 — 106) обратилось, „въ виду затѣянной г. придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ систеатической агитаціи протиаъ іудейства", къ берлинской городской думѣ съ просьбой „ходатайствовать въ надлежащемъ мѣстѣ о прекращеніи на будущее время подобныхъ наускиваній". Коммиссія, на разсмотрѣніе которой поредано было это ходатайство, внесла въ собраніе думы слѣдующее предложеніе о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ: „Хотя напечатанный въ № 13 „Листка христіанско-социальной рабочей партіи", подлинный текстъ произнесенной

19 сентября придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ рѣчи, несомнѣнно способенъ возбудить одни классы населенія противъ другихъ; хотя такое возбужденіе вражды между гражданами одного и того же государства, является тѣмъ болѣе опаснымъ и прискорбнымъ, что оно исходитъ отъ духовнаго лица, занимающаго видное положеніе; однако, въ виду того, что разрѣшеніе вопроса о томъ, подходятъ ли дѣйствія Штеккера подъ 130 статью уголовнаго кодекса, подлежитъ разрѣшенію компетентныхъ юридическихъ властей, а не городской думы, а также въ виду того, что достоинство послѣдней не дозволяетъ ей возбуждать судебные процессы по поводу выраженій гг. Штеккера и К°., направленныхъ противъ нея или отдѣльныхъ ея членовъ—коммиссія предлагаетъ думѣ, оставивъ безъ дальнѣйшаго движенія ходатайство округа №№ 102 — 106, перейти къ очереднымъ дѣламъ".

Равнымъ образомъ берлинская еврейская община полагала возбудить противъ пастора Штеккера судебное преслѣдованіе, по обвиненію въ клеветѣ и диффамаціи. Но по зрѣломъ размышленіи представители общины пришли къ тому заключенію, что лучше отказаться отъ возбужденія общиной судебнаго преслѣдованія противъ г. Штеккера, такъ какъ это дѣло прокурорскаго надзора; если послѣдній найдетъ въ рѣчахъ придворнаго проповѣдника Штеккера что-либо подходящее подъ параграфъ уголовнаго кодекса, то онъ долженъ возбудить противъ Штеккера преслѣдованіе по собственной инициативѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе представителей общины рѣшило объяснить въ личной аудіенціи германскому императору, черезъ одного изъ своихъ членовъ, пользующагося почетной извѣстностью и занимающаго видное положеніе въ городскомъ управленіи, истонное положеніе дѣла и испросить высочайшаго содѣйствія къ прекращенію этой нарушающей согласіе между гражданами одного и того же государства агитаціи, особенно неумѣстной со стороны „придворнаго" проповѣдника.

Въ заключеніе приведемъ два весьма интересные протеста противъ шутовской агитаціи пастора Штеккера исходящіе отъ лицъ, принадлежащихъ къ той расѣ, противъ которой направлена эта агитація.

Первый изъ этихъ протестовъ принадлежитъ г-жѣ Линѣ Моргенштернъ, учредительницѣ, руководительницѣ и душѣ берлинскихъ „народныхъ кухонь", принесшихъ такую громадную пользу нуждающемуся берлинскому населенію и пользующихся особымъ покровительствомъ императрицы Августы и германской наслѣдной принцессы. Вотъ что пишетъ г-жа Моргенштернъ въ „Berliner Börsen-Courier": Только что возвратившис. (15-го октября 1879 года) съ гейдельбргскаго женскаго конгресса, я узнала, что

въ вашей газетѣ было сообщено, будто я обратилась съ письмами къ императрицѣ по поводу затѣянной г. Штеккеромъ агитаціи противъ евреевъ и что вслѣдствіе этого меня называютъ „молодою Эсфирью". Прошу васъ возстановить истину: Я уже давно имѣла столько доказательствъ гуманнаго отношенія императорской четы ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, что я, будучи твердо убѣждена въ томъ, что съ этой стороны не можетъ быть мѣста одобренію нетерпимому и фанатическому образу дѣйствій противъ лицъ извѣснаго вѣроисповѣданія, вовсе не считала нужнымъ упоминать объ этомъ ни письменно, ни устно, въ упомянутой мнимой аудіенціи. Только приписанное мнѣ письмо къ императрицѣ побудило меня высказаться въ надлежащемъ мѣстѣ о немыслимомъ въ 19-мъ столѣтіи натравливаніи противъ евреевъ въ интелягентной столицѣ Германской имперіи. Мы, евреи, доказали кажется въ достаточной степени, что мы не только пользуемся благами земными, но и трудимся, и притомъ не только для того, чтобы скоплять капиталъ, но и для того, чтобы творить добро, безъ различія вѣроисповѣданій, чтобы помогать нашимъ согражданамъ и выказывать милосердую любовь. Мы считаемъ себя равноправными гражданами, такъ какъ мы добросовѣстно исполняемъ всѣ наши обязанности, относительно престола и отечества, относительно государства и общества. Все еврейство столь же мало можетъ отвѣчать за ошибки и проступки единичныхъ личностей изъ евреевъ, какъ и все христіанство за ошибки и проступки единичныхъ личностей изъ христіанъ".

Д-ръ Робертъ Давидсонъ въ открытомъ письмѣ къ пастору Штеккеру, напечатанномъ въ томъ же берлинскомъ „Börsen Courieur", пишетъ, между прѣчимъ, слѣдующее: „Вы, Штеккеръ, такъ строго относящійся къ другимъ, позволили себѣ, въ видахъ разнузданія страстей и возбужденія ненависти, исказить истину. Этого обвиненія вы не въ состояніи будете опровергнуть. *Вы солгали*! Отнынѣ при всякой изъ вашихъ дальнѣйшихъ инсинуацій, всякій будетъ помнить, что въ извѣстномъ конкретномъ случаѣ, были изобличены въ самой грубой лжи. Этой вашей очевидной ложью, вы лишились всякой тѣни авторитета даже въ тѣхъ пивныхъ, въ которыхъ ваши проповѣди, благодаря вашему общественному положенію, казались чѣмъ-то серьознымъ. Занимаемая вами должность требуетъ прежде всего чистоты и правды. За вышеприведенныя слова вы можете преслѣдовать меня въ порядкѣ частнаго обвиненія. Но въ этомъ порядкѣ можетъ преслѣдовать меня только Адольфъ Штеккеръ, какъ частное лицо; а за всѣмъ тѣмъ г. придворный соборный проповѣдникъ остается за мною въ долгу своимъ отвѣтомъ".

Г. Адольфъ Штеккеръ, какъ частное лицо, и не подумалъ возбуждать „частнаго“ преслѣдованія противъ г. Давидсона за то, что онъ назвалъ его публично „лжецомъ“. Придворный соборный проповѣдникъ Штеккеръ и до сихъ поръ состоитъ въ неоплатномъ долгу передъ г. Давидсономъ, ибо онъ и не подумалъ отвѣтить ему на его вопросъ, поставленный еще въ октябрѣ прошлаго года.

Такъ то ведетъ свои дѣла анти-семитическая лига ad majorem Stoeceri gloriam.

Э. Ватсонъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ И ЛИТВѢ.*

№ XIX. Долговое обязательство на 200 злот. польскихъ, выданное отъ имени „старшихъ“ Владимірскаго збора рабанскаго (еврейской общины) п. Михаилу Стефановичу Макаринскому, бургграфу Володимерскому. Занимающіе обязуются черезъ годъ уплатить 240 злотыхъ; въ случаѣ же неустойки уплатить штрафъ, равный занятой суммѣ. Отвѣтственность за уплату долга переносится какъ на наслѣдниковъ занимающихъ, такъ и на преемниковъ ихъ на „старшинство“, въ Володимерскомъ „зборѣ“.

Року тысяча шестъ сотъ шестъдесятъ пятого, мца Мая второго дня.

На урядѣ кгродскомъ, въ замку Его Королевской М-ти Володимерскомъ, предо мною Омрыдномъ Кулешою, намесникомъ присеглымъ бургграбства замку Володимерского и книгами нынейшими кгродскими старостинскими, становши персоналитеръ урожоный Его М-ть Панъ Михалъ Стефановичъ Макаринскій на тотъчасъ бурграбя Володимерскій, скриптъ ассекурацiйный одъневерныхъ жидовъ Старшыхъ сбору Володимерскаго, собе, подаючему, на певную сумму зъ подписанемъ рукъ толь яснсвельможного Его М. Пана Каштеляна Браславского, Володимерского Старосты, яко и жыдовъ инъетро, въ томъ же скрыпте, нижъинсерованомъ меновите выроженыхъ, даный и служачый, для внесеня до книгъ нынейшихъ кгродскихъ володимерскихъ перъ облатамъ подалъ, просячи, абы до книгъ принятый и вписаный былъ. Которого скрипта я, для вписаня до книгъ прыймуючи читалъ и такъ ся въ собе писаный маетъ. Му: Wolf Abramowicz, Zowel Leyzerowicz Leyba Szerebowicz, Abram Szlomowicz, Josko Moszkowicz, Leyzer Jckowicz, Szolom Alexandrowicz, Zyskiel Judowicz, Thoderes Jakubowicz, Jrsz Taszkowicz, Vigfor Szlomowicz, Maior Serephowicz, Dawid Chackielewicz, Starsi Zboru Wlodzimierskiego, iawno czyniemy y do wiadomości każdemu komu by o to wiedzić należalo

* См. VII т. Евр. Библ.

podaiemy, żeśmi na naszą spolną potrebą wzeli y pozyczyli w Urodzenego J. M. W. P. Michała Stephanowicza Makarinskiego, na ten czas Burggrabiego Władzimerskiego y rękama naszemi odlecziliśmy, y realne odebrali sumę peniędzij Dwiescie Złotych polskich, którą sumą mamy y powinni będziemy spelna monetą dobrą, którą bez żadnego braku będzie w Panstwie I. K. M., w Woiewodstwie y Powicie tuteyszym Wlodzimerskim szła, na pewny termin, to iest w roku, da Pan Bog, przyszlym tysięcznym szestset szest desiąt szostym, dnia dwudziestego trzeciego Aprilis, w dzien Sw. Woyciecha, Swięta Rzymskiego, przy xięgach grodzkich Włodzimerskich, nyczym tego terminu nie pochybiaiąc. Od ktorey to summy, dwoch set Złotych pols., dobrowolne się obowiązuiemy y obliguiemy Prowisiey I. M. W. P. Makarinskiemu na tenże termin wespoł zoriginalną summą, nie rozdzielaiąc, zlotych polskich Czterdziescią dac y na pomienioną summą przy oddanie żadnych aresztow ni od kogo nie przymaiąc y abo wżywać się dać niemamy. A choway Boże, na Jmsci Pana Michała Makarinskiego smierci, tedy też summą pod temiź conditiamy patemur my wespoł z prowisią, a iesliby tego potrzeba... tedy za roskazaniem J. M. W Pana Michała Makarinskiego przed terminem... gdykolwiek J. M. W. Pana wolá będzie, powinnismy oddac, ato pod zakładem drugiey takowey że summy. Ktorzy zakład skoro do urzędu grodskiego Wladzimerskiego albo do sądu Zamkowiecho, nam należącego, powinni.... będziemy, na tych miast niezażywaiąc żadnych wymowek ani obron prawnych wespol z summą originalną y szkodami zapłacić mamy y powinni będziemy; a po nas potomkwie albo successorowie na starszenstwo zbora naszego zapłacić maią. Na co ten nasz dobrowolny zapis, z podpisami rąk naszych y przyaciol, od nas ustnie uproszonych mianowicie: Jas. Wel. J. Mci. Pana Braslawskiego, Starosty Wlodzimierskiego Pana y dobrodzieia naszego y innych na podpisach mienowanych, Jego Mci Panu Michalowi Makarinskiemu, potomkom y successorom J. Mci dajemy. Dzialo się we Wlodzimerzu, roku tysięc szest set szesć ziesiąt piętego, Kwietnia piętnastego dnia.

У того скриту ассекураційнаго подписы рукъ такъ яко вельможного Е. М. П. Каштеляна Браславского, Володимерского старосты въ тые слова: Daniél na Nieswieżu Stempkowski, Kasztellan Brasławski, Włodzimierski Starosta, яко и жыдовскихъ, въ той же ассекурацiи выжей инсерованной писмомъ жыдовскимъ выражоныхъ.

Который же то скрытъ, за поданемъ и прозъбою вышъ менованаго Его Милости подаючого а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нынѣйшихъ есть вписаный.

Книга гродская Владимірская записовая и поточная, № *1035 годъ 1665, листъ 1215.*

№ XX. Полномочіе отъ имени всей „синагоги воеводства Волынскаго", данное депутатамъ: Ицку Евузаровичу и Арону Зейлику.— Этимъ „патронамъ и пленипотентамъ" предоставлятся на будущемъ еврейскимъ сеймѣ защищать интересы своихъ избирателей и вмѣстѣ съ другими старшими дѣлать постановленія для общей всѣхъ евреевъ пользы. Все, что будетъ принято и условлено на этомъ сеймѣ ихъ уполномоченными, избиратели обязываются принять съ благодарностію.

Року тисеча шестъ сотъ шестьдесятъ шестого, мца Августа двадцать семого дня.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевской Милости Володимерскомъ, передо мною Стефаномъ Вышполскимъ, Бургграбимъ замку Володимерскаго и книгами кгродскими старостинскими, персоналитеръ становъши, неверный Баифъ Абрамовичъ, Іовелъ Лейзеровичъ, Лейба Іосковичъ, Маеръ Іосковичъ, Іоско Мошковичъ, старшіе жиды сбору Володимерскаго, своими и *всее синагоги жидовское воеводства* Волынскаго явне, ясне и доброволне сознали: ижъ оные, *маючи сеймъ*, албо собранне свое *въ Преворску*, албо *тамъ где презъ старшихъ оныхъ постановлено будетъ*, а то для обрады целости целое речи оныхъ посполитое; на который сеймъ *зъ местцъ своихъ* вси одностайне и згодне *за патроновъ и пленипотентовъ своихъ обрали* неверныхъ: Ицка Евузаровича зъ места Его К. М. Кременца, Арона Зейлика зъ места кнежатъ Ихъ М. Заславскихъ, зъ Острога; *которымъ патрономъ и пленипотентомъ* своимъ вси одностайне и зголливе *даютъ моцъ*: на помененомъ сейме оныхъ тамъ, гдѣ се року *тепершнего* одсправовати будетъ, *ставати, оныхъ правнѣ боронити* и то, што колвекъ къ доброму ихъ пожытъкови належитъ, на томъ сейме *зъ другими старшими оныхъ становити*; што все то, што колвекъ презъ менованныхъ патроновъ, презъ нихъ высланыхъ тамъ, на томъ сейме, уряжоно будетъ и постановлено, вдячне прыняти субъмитовались.

Што сознавши, просили сознаваючіе, абы для лепшое веры актами коннотовано было, што отрымали.

Книга гродская Владимірская записовая, № *1036, годъ 1666, листъ 517, на оборотѣ.*

№ XXI. Заявленіе возного, что онъ, по порученіи пани Семашковой, обязалъ володимерскихъ „старшихъ евреевъ" уплатить должную ими ей, Семашковой, сумму 2000 гривенъ польскихъ никому иному, какъ только ей лично, подъ опасеніемъ уплаты другой ровной суммы.

На вряде кгродскомъ, въ замку Его Королевской Милости Володимерскомъ, передо мною Александромъ Францышкомъ Мысловскимъ, Бургграбемъ замку Володимерскаго и книгами нынешними кгродскими старостинскими, становши очевисто, возный, енералъ воеводства Волынскаго, шляхетный Іозефъ Климанскій для записанія до книгъ нынешнихъ, въ моцъ правдивое реляціи свое, явне,

ясне и доброволне сознал: ижъ онъ року теперешънего тысеча шестсотъ шестьдесятъ седмого, дня шостого мца Децембря, маючи при собе шляхетныхъ пановъ: Іана Даморацкаго и Яна Боровского, собе до нижей менованое справы для болшого сведоцтва зъ уряду прыданыхъ и прыспособленыхъ, за реквизицыею урожоное ее М. панее Анны зъ Будрычь Семашковое, судиное кгродское Луцкое, а съ прыданя мого урядового, *былъ на справе тоемъ* Е. Мл. Панее Семашковое тутъ, въ месте Володимеру, *въ школе жыдовской.* Тамъ же заставши всихъ жыдовъ старшихъ сбору рабанскаго, зъ школы тожъ выходячыхъ: то есть Волфа Абрамовича, Зовела Лейзеровича, Лейбы Іаковича, Маера Жосковича, Іоска Мошковича, Лейзора Ицъковича, Шалема Александровича, Зоескеля Тадовича, Давида Хацкевича, Меера Іакубовича, Мошко Шломовича и иныхъ; у тыхъ всихъ суммъ, презъ вышъречоную ЕЕ. Мл. панюю Семашковую тымъ же всимъ жыдамъ на мембраму даную, во двохъ тысечахъ грывенъ арештовалъ и абы никому иному, любобы хто и мембраму онымъ показати мелъ, а особливе презъ его мость пана Александра Курцевича, пры забраню разныхъ речей и пенезей *виолентеръ завзялись,* опрочь самое ее мл. панее Семашковское, яко ей власне належачого, абы не отдавали, прыказалъ.

Который арештъ вси жыды вышьменованые прынявшы оную сумму и провизию, одъ нее приходячую до часу слушного, за одданемъ мембраму имъ презъ ихъ ее. мл. Паней Семашковой данаго, субъмитовалисе и ассекуровали подъзакладомъ вышнаписанымъ двохъ тысечей грывенъ полскихъ. Што онъ возный вышеменованый зъ шляхтою, при немъ будучою, то справивши о томъ, передо мъною урядомъ ставовшы, реляцию свою сознал просячи, абы до книгъ принята и записана была, што и отрымалъ.

Книга гродская Владимірская поточная, № 1038, годъ 1667, листъ 736, на оборотѣ.

№ XXII. Объявленіе членовъ гродскаго Владимірскаго суда, что они—во исполненіе рѣшенія, постановленаго на „Судовыхъ рочкахъ" (съѣздѣ) Владимірскаго воеводства и предоставляющаго пану Израелю Шмойловичу, доктору еврейскому Владимірскому, произвести взысканіе съ супруговъ Абрамовичей, Владимірскихъ евреевъ, которые, взявъ у истца разныхъ серебренныхъ вещей на сумму 1,200 польскихъ, не возвратили ему ни вещей, ни денегъ — ходили вмѣстѣ съ истцомъ, вознымъ и понятыми на Владимірскій рынокъ для того, чтобы обратить взысканіе на лавку, принадлежащую Абрамовичамъ.—По прибытіи членовъ суда на мѣсто, оказалось что хозяевъ на лицо нѣтъ, лавочка отперта и пуста. — Совершивъ вводъ истца во владѣніе и принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ его заявленіе, что стоимость лавки далеко не покрываетъ взятаго у него серебра, судъ

дозволяетъ ему отискивать свою претензію и на остальномъ имуществѣ Абрамовичей.

Mikolay Żabokricky, Podsądek woiewództwa Brasławskiego, Podstarościa, y Thedor Ilecewicz, Pisarz, urziedniky Sądowi Grodscy Włodzimierscі: Oznaymuiemy tym naszym listem, iż my roku teraznieyszego tysięc szesć set siedm dziesiąt pierwszego, miesiąca Kietwnia piątnadsiętego dnia, maiąc przy sobie Woznego, generała Wwa Włodzimierskiego szlachetnego Josepha Klimowskiego y przy nim stroną szlachtą: urodzonich ich M. P. Jana Korwiowskiego y Alexandra Jotkowskiego, ad officiosam requisitionem niewiernego Pana Izraela Szmoyłowycza, doktora zboru Włodzimierskiego, chodzilismy z zamku I. K. M. Włodzimierskiego tu w miasto y rynek Włodzimiesky, do Kleci niewiernych: Ulfa Abramowicza y Ester Ickowiczowey Ulfowey, małżonkow, żydow Włodzimierskich, a to za baniciey na Roczkach Grodskich Włodzimierskich, od dnia dwonastego, msca Februaria w roku tymże teraznieyszym przypadłych y sądownie odprawiaiących się od dnia szesćnastego tegoż miesiąca Februaria pomienionego Izraela, doktora Włodzimierskiego iako powoda na pomienionych Ulfach żydach pozwanych w sprawie o wzięcie przez pomienionych żydow pozwanych do wzgody u powoda srebra roznego dobrego, wagą, w liczbie grzywen trzydziesci, to iest: dwu prętow złotych, ważących grzywen jedynascie y puł; passow dwa złocenych karailney roboty, ważących grzywen pułczwarta, wystaiczaiącego wszystkiego srebra karac summy dwunastu set złotych pols. grzywną rachuiąc iako teraz płacą w pospolitosci iak sądzybroicą (?) tak y proby trzynastey po złotych czterdziestu, a to do czasu pewnego, zapisem onych na to danym warowanego, y na dobrach onych, to iest': domie y kleci, albo kramnicy, w tym że tu miescie Włodzimierzu będących, warowanego; a potem tak na czasie w zapisie oznaczonym, iako y potem tegoż srebra wszystkiego y namnieyszey rzeczy z prowiziey za uwierenem przez pozwanych z miasta, powodowi nie.... wnego y po ucieczie (?) pozwanych na dobrach ich przez powoda w ewincowaniu tak srebra wszystkiego, prowiziey, zakładu y szkod pozwem na pomienionę roczki intentowaney otrzymaną y tamże za niestaniem pozwanych publikowaną, iako o tem sam zapis y process prawny z tą bannicią szerey w sobie maią. Za ktorą banicią gdyś my z pomienionym y chlachtą do pomienioney kleci, w rynku między inszemi klećmi będącey, przyszli y onie nie zamkniętą zastawszy, otworzyć siebie kazawszy, a w niey także nic, alie prawo pusto zostawszy, iurisdictią naszą sądową ufundowaliśmy y bezpieczęstwo wszielakie przez woznego stronam y ludziom, przy tey execuciey przytomnym, przez pomienionego woznego warowaliśmy, tak iż wozny obwołał y nam sądowym o tym swoię dał y uczynił rellatię tam profundowaney iurisdictiey. Gdyś my stron przywołac kazali, tedy y tam przy nas strona pozwana sama y nikt od ney, a ni żaden inny z iakich creditorow nie odzywał się, a ni do tego

akta executiey z interesem swoim nie przypowiadał się. A tak my urząd ad personalem samego tylko P. Izraela, doktora Wolodzimierskiego, requiruiącego intromissią w tę kleć, alias kramnicę, gołą, pustą ze drzwiami na zawiasach będącemi z zaszczepką y okienniną, na zawiosech także będącą, iako po . . . . Ulfach żydach y prawem przekonanych, pomienionemu P. Jzraelowi, doktorowi Wołodzimierskiemu, nemine contradicente ac impugnante, tym naszym listem executorialnym z władzy urzęda naszego, oddaiemy y onego w spokoyney possessiey tey kleci zachowuiemy. A że tenże P. Izrael, doktor, powod mieni sobie być in sufficientiam tey kleci za swoię praetensią, tedy my też sprawę do dalszych pozwanych Ulfow małżonkow dobr y osob, gdzie by ieno mieli y znaidowali się, a mianowicie na dom tutże we Wladzimierzu pro facienda ulteriori executione cum toto effectu gdy strona sama oney po nas requirowae zechce y będzie odo..... Dzialo się w miescie Włodzimierzu in loco fundatyi iurisdictionis roku tisiąc sześć set semdziesiąć pierwszego, miesięca Kwietnia XV dnia.

У того листу екзекуторіальнаго при печатехъ при томъ подписы рукъ ихъ М. П. П. Судовыхъ въ тые слова: Michał Żabokricky, Wojewodstwa Brasławskiego Podsądek, Podstaroscia Władzimierski; Thedor Ilicewicz, Pisarz Grodsky Wlodzimiersky.

Который же то листъ екзекуторіальный, за поданемъ и прозбою вышъреченой стороны подаваючое и сознаваючое деляцыи своее а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нынейшихъ есть вписаный.

Книга гродская Владимірская записовая, поточная и декретовая. № 1042, годъ 1671, листъ 1459.

№ XXIII. *Протестація сборщика податей Владимірскаго повѣта п. Андрея Малишевскаго какъ противъ всего „кагала" Владимірскаго, такъ равнымъ образомъ и противъ „синагогъ" и „старшихъ жидовскихъ зборовъ", находящихся въ городахъ и мѣстечкахъ Владимірскаго повѣта и подчиненныхъ Владимірскому кагалу. Поводъ для протестаціи слѣдующій: На основаніи постановленія сеймика Волынскаго воеводства онъ, сборщикъ, обязалъ „жидовскихъ старшихъ" явиться въ судъ и дать въ немъ присяжное показаніе о суммахъ, разданныхъ евреями на проценты; съ этихъ суммъ евреи обязаны уплатить налогъ въ 10% на содержаніе войска, такъ какъ для этой цѣли подымный сборъ оказывается недостаточнымъ.— Но евреи не обратили никакого вниманія какъ на постановленія сеймика, такъ и на требованіе сборщика, и въ день, назначенный для принесенія присяги, никто изъ старшихъ не явился.*

Року тысяча шестьсотъ семдесятъ первого, м-ца Марта, двадцать семого дня.

На рочки судовые кгродскіе Володимерскіи отъ дня двадцать шостого мѣсяца Марта, року теперь идучыхъ, выше на актѢ мено-

ваныхъ, припалые и судовне одправоватися зачатые, передо мною Стефаномъ Вышпольскимъ, Коморникомъ кграничнымъ Воеводства Кыевскаго, Бурграбіемъ замку Володимерскаго и книгами нынешними кгродскими старостинскими, stanowszy oczewysto urodzony J. M. P. Andrey Malyszewsky, Poborca powiata Wolodzimierskiego, woiewodstwa Wołynskiego, przychilaiąc się ad laudum na seymiku dnia piątego Marty, anno praesenti millesimo sexcentesimo septuagesimo primo, za universałem I. K. M. do Ich M. M. Panow obywatelow w-wa Wołynskiego wydanym, odprawionym, uchwalenego, praecavendo integritatem et indemnitatem suam przeciwko wszystkiemu kahałowi powiata Wołodzimierskiego, synagogom y starszym zborow żydowskich, miast y miasteczek, w powiecie Wołodzimierskom leżączych y do kahału powiatu Wolodzimierskiego należączych, solenniter swiedczył y protestował się w tey niżeyopisanny sposob y o to: iż synagogi żydowskie y wszystka starszyna żydow po miastach y miasteczkach, w powiate Wolodzimierskim będączych, sprzeciwili laudo publico na pomiemionym seymiku uchwalonemu, ktore się sonat: A iż całey R. P. intentia ta iest, aby ot summ fructificuiących na interessach wielkich, prawem koscielnym y koronnym zakazanych, contributia iaka accedere mogła; tedy obliguiemy po wszystkich miastach synagogi żydowskie, aby za niedill dwie w grodzie powiatu swego przysięgę przez starszych swych dwoch wykonali, iak wieli summ, iakich y od kogo maią, od ktorych te lichwy placą, p. p. poborcowi od złotych sta po dziesiąc złotych repetere maią, y to na tegoż żołnierza in casu niewystarczenia podymnego...... obracić się ma. Oczym pomieniony laudum szyrey w sobie obmawia. Ktorzey przysięgi termin dnia wczoraiszego dwudziestego szostego Marca...... przypadł, żaden z żydow starszych w grodzie tuteyszym, coram officio, dla wykonania przysięgi non comparuit, przez co pomienionemu laudo contrarie... winy eo nomine opisaney popadli; on, protestans, iteratis wicibus, będąc tu na zamku dnia wczorayszego ad occasum solis, mną, urzędem, oswiadczywszy się, salva reseruata melioratione tey samey protestatiey, prosił, aby to actis connotatum było, co otrzymał.

Книга гродская Владимірская записовая, поточная и декретовая, № 1042, годъ 1671, листъ 402, на оборотѣ.

№ XXIV. *„Выдеркафовая запись", выданная отъ имени всѣхъ евреевъ Владимірскихъ костелу Селецкому. Этою записью Владимірскіе евреи обязываются уплачивать настоятелю Селецкаго костела и его преемникамъ, въ замѣнъ полученной ими отъ пана Лушковскаго суммы въ 1000 польскихъ злотыхъ, ежегодно по 100 злотыхъ, въ два срока. Исправная уплата этого долга, сдѣланнаго для „общей всѣхъ евреевъ Владимірскихъ пользы", обезпечивается круговою порукою и имуществомъ всѣхъ евреевъ Владимірскаго „збора рабанскаго" какъ частнымъ, такъ и общественнымъ, не исключая даже синагоги и кладбища.*

Року тысеча шестьсотъ семьдесятъ первого, месеца Августа, одинадцатого дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку Его Королевской М-ти Владимирскомъ, передо мною Стефаномъ Вышпольскимъ Коморникомъ кграничнымъ В-ва Кіевскаго, Бурграбимъ замку Володимерскаго и книгами нинешними кгродскими старостинскими, ставовши очевисто неверный Зовелъ Лейзеровичъ, Маеръ Іозефовичъ, Іоско Мошковичъ, Абрамъ Шломовичъ, Иршъ Мошковичъ и Лейзаръ Ицковичъ, жиды старшие Володимерскии именемъ своимъ и всего сбору жидовскаго рабанскаго листъ доброволный, записъ свой выдеркафовый съ подписеми рукъ своихъ, пысмомъ жыдовскимъ подписаныхъ, все одъ себе выражономъ его мти п. Марцинови Лушковскому на сумму выдеркафовую, въ томъ записе ниже инсерованымъ меновито выражоную, даный и служачый, для вписаня до книгъ помененыхъ подавши, прызнали, просячи, абы принятъ и въ книги вписаный былъ; который я ужондъ приймѣючи читалемъ и такъ се въ собе, писмомъ полскимъ писаный, маетъ: Ja Zowel Leyzerowicz, Mayer Jozephowicz, Jośko Moszkowicz, Abram Szlomowicz, Irsz Moszkowicz y Leyzor Ickowicz, żydzi starsi Włodzimirscy swoym y wszystkiego zboru naszego żydowskiego rabanskiego imieniem, swey własney, sobie y dobrom naszym nalezitey..... ostąpiwszy iurisdikciey, prawa powiatu y woiewodstwa a pod ninieyszy list, dobrowolny zapis nasz, samych siebie z żonami, dziecmi, potomkami, successorami, dobrami naszemi dobrowolno poddaiąc y wołaiąc, wszem wobec y koźdemu zosobna komu o tem wiedzie należi . . . . y napotem zawźdy, iawno czyniemy y dobrowolne zeznawaiemy: Iź my summą tysiąc zł. polskich przez urożonego I-mść Pana Marcina Luszkowskiego zapisem, tu w grodzie Wlodzimeskom zeznanym, na kosciol Selecky fundowaną, z ręku tegoz Imsci Pana Luszkowskiego rękoma naszemi odebralismy y odliczyli, ktorą summą ku pospolitemu dobremu wszystkiego zboru naszego zaraz obraczamy y obrocilismy; a za ten stosuiąc zaś do woli y funduszu i. msci pana Luszkowskiego w tey summę tysiąca złotych polskich płat prowisią albo Wyderkaf koscielowi Sieleckiemu y welebnomu w Bogu i msci xiądzu Marcinowi Slenckiemu, plebanowi Sieleckiemu y następcom i. msci... na wszystkich...... dobrach naszych leżących, ruchomych, summach pienięznych teraz maiących y no potem, za łaską Bożą, nabytych, handlach, kupiach, towarach domach, sclepach, folwarkach, na samey nawet szkole naszey, okopiskach. A to po stu złotych polskich na każdy rok też summę nowego liata, swięta rzymskiego, gdzie pięcdziesiąt złotych polskich mamy, iego mci xiądzu Pleban—owi Seleckiemu oddać. A drugiey racie na sw. Iana Krzsciciela sw. rzymskiego wszędy in roku in futurum tak teraznieyszemu Im. Plebanowi, iak y potem następcem iego msci oddawać bez źadney trudności, zwłok y terminu uchibnienia, w czym wszystkim temuź zapisowi naszemu ze wszystkich dobr naszych

leżących, ruchomych y summ pienięznych, handlow, towarow, kupi y innych teraz mayących y napotym nabytych dosić uczynić mamy y sapisuiemy się. A to pod zakładem tysięca złt. pols. y szkodami słowniemi, słownie bez przysięgie oszukowaném; o ktorzy zakład y szkody sami sobie, potomkom y następcom na dobra naszy, nikogo nie recipiuiąć, ale tak aby osoba iedna za wszystkich a wszysci za iednego odpowiedaliśmy przed wszelakim generalem, sądem y urządem Grodskim, Ziemskim, Głównym Tribunalnym na woiewodstwach Kiowskim, Wolynskim, Bracławskim, Czernichowskim y ich conserwatach, a czasu...... Boże bezkrolewia, y władzie Kapturowym, albo iakyby ot Rrzecy P. uchwalony był bez zażywaniu wszystkich y wszelakich rellacy, appelacy ich prosecuti fatali..... suspensy, intromissy i innych obron y dobrodzieystw prawnych z prawa, zwyczaiu do...... wynaidzonych, naznaczywszy, na to daiemy ten nasz list, dobrowolny zapis pieczęcią y s podpisem rąk naszych y Im. m... przytem będących Działo się w zamku Wołodzimierskiemu roku tysiąć szest set siedmdziesiąt pierwszym. m-sca Augusta, jedynastego dnia.

У того запису видеркафового вышменованыхъ жыдовъ старшыхъ збору рабанскаго Володимерскаго подпись рукъ ихъ власныхъ писмомъ жидовскимъ; который же то запись, за поданемъ очевистымъ, доброволнымъ признанемъ а просбою вышпомененыхъ жыдовъ сознаваючыхъ а за моимъ принятемъ урядовымъ, до книгъ нынешнихъ кгродскихъ есть вписанъ.

Книга гродская Владимірская записовая и поточная, № 1042 годъ 1671, листъ 1591, на оборотѣ.

№ XXV. Продажная запись отъ имени Марины Васильевой Квачевой, ея сына Федора и дочери Маріяны— „панамъ кагальнымъ“ Дубенской синагоги на часть, принадлежащей Маринѣ съ дѣтьми, земли, прилегающей къ кагальной „школкѣ.“

Anno 1698, mensis Decembris, 9.

Na urzędzie Mieyskim miasta Dubno, przedo mną Zachariem Michnowiczem, woytem, przy bytności na ten czas Jana Czaretowicza, lentwoyta, Stephana Siedliarza, Iarmoła Fedorowicza, Hregorego Romanowicza, Iana Halatowicza, burmistrow przysięźnych, stanowszy oczewiscie Marina Kwaczewna Wasilowa, sprzytomnoscią na ten czas syna swego Chwedora y imieniem corki Marianny, jawne, jasnie, ustnie y dobrowolnie bez źadnego przymussu ku zapissaniu do xięg naszych mieyskich Gruntowych zeznali w ten niźey opisany sposob: Iź my, zeznawaiące osoby, maiąc grunt nasz własny na przeciwko browary panskiego od stawa, przedalismy czasy wiecznemi kawałek gruntu tego, do szkołki kahałowey przyległego od so.... sąsiada swego chliwka wpoprýk iako antiquitus ten grunt szedł, za summą istotną, prawdziwo złotych polskich siedmdziesiąt s petna a to panom kahałowim synagogi Dubienskiey, a na ten czas za kwartłau Rebe Morduchaia

Wilinskiego, także kahałowego kwartalnego. Ktorę to summą do rąk swoich zoznawaiączy osoby odebrali y zupielnie odleczyli. — Z krorego odebrania my, zeznawaiące osoby, pomienionych panow kahałowych Synagogy Dubienskiey iako y kwartalnego Morduchaia Wilienskiego, na ten czas będączego, kwituiemy a w wieczną possessyą my, zeznawaiąci osoby, y spokoine zażywanie podaiemy, z którego się oraz y zrźekami; wolno tedy pomienionym panom kahałowym iako swoim własnym dirigować, dać, darować, przedać, frimarczyć y iako chcię ku nailepszemu pożytkowi swemu obrocić bez wszelkich przeszkod od nas, zeznawaiących. †††

Te są własne krzyże Maryny Wasilowey Kwaczowey y syna Chwedora, y curki iey Maryny, zeznawaiących.

Книга Дубенскаго Магистрата, № 1337, годъ 1698, листъ 66.

№ XXVI. Продажная запись выданная п. Каменогурскимъ еврею Дубенскому Ребе Нисану Шмойловичу на землю въ городѣ Дубно, прилегающую къ землѣ Нисана Шмойловича.

Anni 1699, d. 24 January.

Na urzędzie Mieyskim miasta Dubno, przedo mną Zachariem Muchnowiczem, woytem, przy bytności na ten czas Jana Czaretowicza, łentwoyta, Jarmola Fedorowicza, Stephana Sedliarza, Hrehorego Romanowicza, Jana Halatowicza, burmistrow przysiężnych, stanowszy urodzony p. Marcin Kamenohórski iawne, iasne, ustnie y dobrowolnie, za wiadomoscią Wielm. p. Pólkownika ordynancy Ostoźskiey a dzierzawcy na ten czas Dubienskiego, ku zapisaniu do xięg miasta Dubno zeznał w ten niżey opisany sposob: Iż ia, zeznawaiący wyszmianowany, maiąc gruntu mego kawałek szyrokoscią y długoscią jako przed tym bywał: od ulicy naprzeciwko spitala polskiego farneho przyległy do gruntu Nysana Szmoyłowicza, ktoreg.... przedalem Rebe Nysanowi Szmóyłowiczowi, źidu Dubienskiemu, żonie y potomkom ich wiecznemy czásy za summą gotowe złt. polskich trzysta spetna, którę to ja summę do rąk odebralem, z ktorego odebrania ja, zeznawaiący wyszmianowany, Nysana Szmoyłowicza za trechset zlotych kwituie a do spokoynego zażywania ten grunt instanti Nysanu Szmoyłowiczowi, źone y potomkom ich podaię y ustupuię, z którego to ja gruntu zrzekam y wysuwam; wolno tedy pomienienomu Nysanowi Szmóyłowiczowi, źone y potomkom ich iako swoim własnym dysponować, dać, darować, przedać, zamieniać, budować y jako chcie ku liepszemu pożytkomi swemu obrocić bez wszelkiey przeszkody ode mnie samego, przedawcy, iako y od synow moich, pod niebłagoslowięstwem oycowskim. Jeżeli by zaś kto miał turbować z blizkich krzewnych moich y dalnich, jako y postronich ludzi, tedy ia, zeznawaiący przedawca, u każdego sądu y prawa pomienienych bronić y zastępować tyle kroć, yle tego potrzeba ukazować będzie, y swoim kosztem zakładać pod sowitoscią drugey takowey summy na skarb pansky.

Poneważ ten grunt antiquitus pod prawem szlacheckim zostawał pamiętny będac Nysan Szmóylowicz prosił nas, urzędu, maiąć prawa ad.... pozwolenia do kupna tego gruntu, ktorego y otrzymał, aby to na potomnie czasy do xięg mieyskich zapisano; co iest zapisano. †

Ten krzyz własną ręką Marcina Komenohórskiego y ymieniem synow....

Книга Дубенскаго Магистрата, № 1337, годъ 1698, листъ 75.

№ XXVII. Подтвержденіе Августомъ II привилегіи, или иначе „сервитората", выданнаго Яномъ III еврею Фишелю Левковичу на „генеральное жидовское писарство". На основаніи этой привилегіи Фишель Левковичъ присоединяется къ числу королевскихъ „сервиторовъ" и ему разрѣшается: проживать какъ при королевскомъ дворѣ, такъ равнымъ образомъ и тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится; торговать всякими товарами, безъ исключенія, и имѣть лавки; право пропинаціи; постройка во Владимірѣ, на „войтовщинѣ", пивоварни, винокурни и солодовни.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Фишель Левковичъ: освобождается отъ всякой отвѣтственности по уплатѣ долговъ какъ Владимірской синагоги, такъ и земскихъ Владимірскихъ; увольняется отъ всякой иной подсудности, кромѣ непосредственнаго суда самаго короля или его маршала; приравнивается въ правахъ къ остальнымъ королевскимъ „сервиторамъ"; дома его освобождаются отъ постоя, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещается кому-либо дѣлать Фишелю Левковичу какія либо отягченія, при его разъѣздахъ какъ по дѣламъ королевскаго Двора, такъ и по своимъ собственнымъ.

Року тисечнего семсотого, М-ца Марца втораго дня.

Na urzędzie grodskim, w zamku I. K. M. Wlodzimerskim, przedomną Tomaszem Olszewskim, Namiesnikem Burgrabstwa zamku Wlodzimerskiego y xięgami nineyszymi grodskimi Starostinskimi, comparens personaliter niewierny Fyschel Lewkowicz, Pisarz Generalny żydow korónnych, przywiley Nayiasnecyszego Króla Iegomsci z pieczęcią, wększiey Kancellariey Korónney zawieszoną y z podpisem ręki Króla I. M. y sekretarskiey sobie, podawaiącemu, w rzesca (?) nizey wyraźoną gratiose conferowany, dla wpisania do xięg ninieyszych per oblatam podał, i tak się w sobie maiący: Awgust Wtory z łaski Boźiey Krół Polski, Wielki Xięże Litewski, Russki, Prusski, Mazowecki, Żomoitski, Kiowski, Wolynski, Podolski, Podliaski, Jnflantski, Smolenski, Siewerski, Czernichowski, dziediczny Xięże Saski y Elektor. Oznaymuiemy ninieyszym listem naszym wsim wobec y koźdemu zosobna, komu o tem wiedzić należy: Iż presentowano Nam przywiley papierowy, alias serwitorat, ręką naiasnieyszego swiętey pamięci Iana Trzeciego, antecessora Naszego, podpisany y pieczęcia wielka koronną stwierdzony, na Pisarstwo Generalne Fiszelowi Lewkowiczowi służący; supplicowano Nam tedy przez pewnych konsiliarzow Naszych imieniem tegoź przerzeczenego Fiszela Lewkowicza,

abyśmy ten przywiley iego powagą Naszą Królewską utwierdzić y umocnić raczyli; ktorego to przywileiu od słowa do słowa tenor iest takowy: Wsim wobec y koźdemu zosobna, komu o tem wiedzić należy do wiadomosci podaiemy: Ponieważ wielka wygoda dworu Naszego Królewskiego na sposobnosci ludzi zawisła, którzy tale przy dworze Naszym reziduiąc, iako też y w miastach do wygod Naszych y dworu Naszego nie omieszkiwaią, obaczyi y o wszem wszelkemi staraią sie sposobami mieć o iak naylepszym baczeniu y dozorze prowentu tak Naszego skarbowego iako y R. P. y pszezto sobie iak naylepiey zarobiać na łaskę Naszą Królewską; tedy My maiąc zalęconą Fiszla Lewkowicza, Pisarza Generalnego, z posrzodka żydów Koronnych obranego, w rzeczach wszelakich, też sposobność y do usługi Naszey ochocę, wzmyslilišmy onego ze wszyskiem domem jego y substantią w protectyą naszą krolewską wziać y w regestr serwitorow polęczyć, iakoż teraznieyszym listem Naszym berzemy y w comput serwitorow Naszych przymuiemy. Któremu to pomienionemu Fiszelu Lewkowiczowi wolno będzie mieszkać tale przy dworze Naszym y gdziekolwek osobą Naszą będziemy, iako tez y na inszych mieyscach, gdzie sie mu podobać będzie y tam vigore praesentis przіwilegy Nostri wszelkie handle cuiuscunque generis et speciei prowadzić, krami swoi mieć et liquores quo suis propinandi; waruiemy mu przytym zupelną moć y wolnosć na swoim gruncie we Wlodzimierzu, na woytowszczyznie zbudować browar, winnicie y słodownie podług prawa, którzym od zastawnika tego woytowstwa, którzę prawo in omnibus punctis et clausulis approbuiemy y aby iemu y potomkom iego aeterne służylo, mieć chcemy. Uwalniamy go przytym, według pism żydow korónnych y samich Wlodzimierskich onemu danych, od creditorow synagogi Wladzimierskiey y Ziemskich Wladzimierskich długow, aby za nich żadnemu kreditorowi nie odpowiadał y aby go żaden creditor za nich nie turbował, rozkazuiemy.

We wszyskich zaś sprawach onego od wszelkiego sądu y urzędu excipuiemy: ale tylko sądowi Naszemu y urzędu Marszałkiewskiemu incorporuiemy, deklaruiąc iź niegdzie indziey, tylko przed Nami y urzędom Mąrszałkewskim sprawować się powinien będzie.

Daiemy przytym onemu moć wszelakich wolnosci, praw serwitorom Naszym służących zażywać y onemi się szczycić; także od stanowisk żolnierskich wolnym go czyniemi y aby po dworach iezdżąć, lubo w sprawe dworu Naszego, lub też w potrzeby swoiey gdziekolwiek w miastech, miasteczkach nie był aggrawowany, mieć checmy.

Na co dla liepszey wiary przy podpisi ręki Naszey pięczeć Naszu koronnu przicisnuć roskazalysmi.—Dan w Warszawie, dnia XVIII, miesięca Kwietnia, roku Panskiego MDCLXXIX, panowania Naszego XVI roku. Jan Król (L. S.)— Cancellarius Magnus regni Woycech Stanisław Chroninski, I. K. Msci Sekretarz, m. p.

My tedy Awgust Król, sklaniaiąć się do tak słuszney Fiszela Lewkowicza prozby wzwysz wyrazoney, przywiley iego approbować y zmocnić umyslilišmy, iakoż nineiszym listem Naszym ze wszystkiemi iego punctami, clausulami y artikulami, stosuiąć się iednak do praw Naszych R. P. approbuiemy, utwierźaiemy y zmocniamy.— Na co się ręką Naszą podpisawszy, pieczęć koronną przycisnąć roskazališmy.—Dan w Warszawie, dnia XI, miesięca Czerwca, roku Panskiego MDCXCIX, panowania Nasrego III roku. — Confirmatio Serwitoratu Fiszelu Lewkowiczowi.—U tego przywileiu confirmaciey pieczęc większa cancelary koronney iest zawieszona, a podpis zęk tymy slowy: Augustus Rex.—Wenceslaus Franciscus Trzeinski, Pincerna Rovensis, S. M. R. Secretarius m. p.

Który to przywiley za podaniem oczewistym y prozbą wyszrzeczonego podawaiącego a za moim urzędowym przięciem do xięg nineyszych iest wpisany.

(Сбоку надпись: Correctum originele recepit

Книга гродская Владимірская записовая. № 1077, годъ 1701, листъ 473.

№ XXVIII. *Договоръ населенія мѣстечка Выжвы съ евреями, по которому: 1) Евреи обязываются уплачивать подать „гиберну" наравнѣ съ мѣщанами. 2) Мѣщане, снимая съ себя всякую отвѣтственность въ исправномъ платежѣ „чоповаго" сбора (съ крѣпкихъ напитковъ), получаютъ однако право безпошлинно варить пиво, въ случаѣ крестинъ, свадьбы и т. д.—3) Евреи обязываются не владѣть землями, съ которыхъ „чиншъ" превышаетъ 10 грошей.— Что же-до давнишнихъ просроченныхъ закладовъ и записей на земли, то они признаются ничтожными.—4) Мѣщане не отвѣчаютъ за поврежденные, не по ихъ винѣ, еврейскіе дома.*

Anno 1711, m-ca Kwietnia 25 dnia.

Pomiarkowanie gromady miasteczka naszego Wyźwy z źydaml, ratione upadku naszego y ich zrzeyscia z domkow swoich; bez których widzęć większą y tym bardziey dalszą dolegkosé naszą dla której zabiegaiąc, żebysmy przy... gromadzie iak kolwiek mogli się salwerać, przypuszczaiąc żydow naszych do spolnosci z sobą to naprzod waruiemy:

1) Ratione teraznieyszey hyberny przesrłrzeczney, która się teraz wyoląca, aby żydzi swoię czesć według paktu zamku Kowielskiego złotych 300, albo, ieżeli iasnie wielmoźnego pana dobrodzieia naszego będzie wola, co im ustompic, aby ieno my nic na tym nie szkodowali zato.

2) Ratione item czopowego, żebysmy, niemaiąć szynkow, za ich nie pokutowali, abo do ich pomocy żadnego grosza nie dawali a co się tknie prazdniku, albo krscia, wiesela—jeżeli kto z nas chrzescian zrobi piwa, tedy żebysmy do czopowego nie byly pociągane.

3) Gruntu zaś żyd żaden nie powinien więcey trzymać nad groszy 10 czynszu iednego...... sami dozwalaiąc, pozwalią.—A co się tknie peragraszow dawnich od mieyszczan naszych maiących, żydzi maią

zasł... inemi swego dochodzić, a co do zastawnych gruntow naszych, ode dnia dziesieyszego przeć maią odstempić na którze nie sluszne cerégraty maią sie cassować—Wal Leybowicz za te nasze sosiedską milosć prawo nasze wzyskaie y tego będa ie ma nam y powinien wrocić bez żadnego datku y peragraszy na złotych kilka dziesiat, u tego będącę, ma nam y sam obiecuię wrocić, nie przetenduiąć żadnego grosza; y drudzy co maią za nabrane mięto albo za insze rzecy, maią się także kasować, na co y samy dobrowolnie uważaiąć y nasze...... wsze pozwalaią. Za czym day Boże zebrać sie do kupy sczęsliwie.

4) Ratione popsowanych budynkow y piecow, nie z naszey przyczyny, nic powinnyśmy pokutować y żydzi sami obliguią się w tym nas nie turbować.—Na co też podpisuemy y żydzi wzaiemnie; co do zwierchnosci panskiey donoszamy.

Dzialo się za urzędu mieyskego naszego Kiryla Iaznínika, Iacka Potapowicza, Stanisława Silczyka—burmistrow; Tomasza Zdaniewicza, Hrehorego Oniszkowicza, ławnikow przysięgłych. Z gromady zaś byli ludzi, mieszczani nasi: Iacko Wierend, Timosz Wierehy, Kiril y Karp Wiereniecky, Freder Bonacki, Iaśko Pawlowicz, Błon Iuchimicz, Olexa Milital. Iwan Juchimicz, Iurasz Kucicz, Olexa Klissycz, Fedor Korniczek, Daniło Sylczyk, Michał Berens, Andrzey Doleszycky.—Z żydowskiey strony, naprzod podpisuięsię: Wol Leybowicz imieniem tak swoim, iako y ot Iska Petemkowicza y Szlomy Iudycza y inszych przy tym będącich iakie się podpisuię.

Книга ратуши мѣстечка Выжвы, № 1294, годъ 1710—1725, между 275 и 276 листами—подлинный документъ, вшитый безъ №.

№ XXIX. Универсалъ Августа II, которымъ предписывается чтобы всѣ „прикагалки и партикулярцы", приписанные съ давнихъ поръ къ Пинскому кагалу какъ въ Коронѣ, такъ и въ Литвѣ, не уклонялись бы отъ послушанія кагалу и правильнаго взноса, слѣдуемыхъ съ нихъ, податей, такъ какъ иначе Пинскій кагалъ ставится въ полную невозможность вносить исправно какъ казенныя подати, такъ равнымъ образомъ погашать долги монастырямъ, частнымъ лицамъ и видеркауфы.

Року тысеча семъсотъ девятого на десятъ, месеца Октября 30 дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку Е. К. Мти Овруцкимъ, передомною Михаломъ Сингаевскимъ, Коморникомъ кграничнымъ Кievскимъ, Наместникомъ кгродскимъ Староства Овруцкаго и книгами нинешними кгродскими Овруцкими, comparens personaliter nieweerny żyd Jakub Mowszowicz imieniem żydow synagogi a kahału Pinskiego ten uniwersał od Naiasnieyszego K. J. Mci Polskiego Augusta Wtorego za pieczęcią koronną przycisnioną y z podpisem ręki J. K. Mci do żydow przykahałkow Pinskich, ratione introcontentorum wydany, per oblatam podał, prosiąć aby przięty y do xięg wpysany był.

Który uniwersał ia urzęd, do xięg przyniawszy, czytalem y tak się w sobie ma: Augustus Wtory z Bozei Łaski Krol Polski. Wielke Xięze Litewski, Russki, Prusski, Żomoytski, Mazowiecki, Podolski, Wołynski, Kiowski, Podliaski, Smolenski, Siewerski, Inflantski, Czernichowski y dzsedieczny xiąże Saski y Elector. Oznaymuemy tym listem wsim wobec y koździemu zosobna, komu o tem wiedzić należy, osobliwie żydom przykahałkow y partykularcom do Synagogi Pinskiey należącym: Supplikowali do Nas przez Wielmożnych Panow Rad y Urzędnikow, przy boku Naszim będących, żydzi Sinagogi miasta Naszego Pinska: Iź maiąc od postanowienia w W. Xiąztwe Litewskim między żydami kahałi y Synagogi, y do nich przykahałki, partikularze dodanę, aby porządkiem podatki do skarbu Naszego według uchwał seymowych y długi: iako klasztoram i inszym kreditorom, wyderkafy wypłacić mogli; do ktorego to kahału, według postanowienia y umiarkowania, za dozwoleniem K. I. M. Antecessorow Naszych mędzy kahałami dodano iako w W. Xięźstwie Litewskim, tak w Koronie, co do Pinska—należeć maią.—Teraz niektóre przykahałki, wynaiduiąc sobie roznych sposobow y protekcyi, podatkow należących do kahałow placić niechcą, z posłuszęstwa należitego się wyłamuię, przez co do wielkiey przychodzić muszą ruiny: powinosci y podatkow płacić wystarczyć nie mogą.—Którę to takową słuszną supplikę łaskawie prziawszy, wszystkim żydam: przykahałkom y partykularzom, do kahału Pinskieho iako w W. Xiąźstwie Litewskim tak w Koronie będące, od lat dawnich należących, nakazuiemy y nunc chcemy: aby wszelkie powinnosci, posłuszenstwa poruby do tego kahału y szkoły Pinskiey pełnili y słuchali, o co Wielmożnych y Urodzenyh u przeymie Nam milych panow ich, pod którzymy przykahałki zostaią, nie tylko bronić takowey słusznosci, ale przykazywać żydom onych, aby.... postanowienie y wolą Naszą terazsiayszą pomnili y do kahału Synagogi Pinskey powinności wnaszali y czynili, uczyniac uprezey.... wasze dla łaski Naszey Krolewskiey.—Dan w Warszawie, dnia XIX, м—ca Stycznia, roku Panskiego MDCCXIX, panowania Naszego XXII roku.

У того универсалу печать коронная есть притиснена, а подпись руки Его Королевское Милости тыми словы: Augustus Rex. Который же то универсалъ, за поданемъ и прозбою вышеменованое особы подаваючое а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нинешнихъ есть вписаный.

Книга гродская Овруцкая записовая и поточная, годъ 1718—1719, листъ 472, на оборотѣ.

№ XXX. Декретъ „старшихъ земскихъ жидовскихъ всей синагоги коронной польской" (синода четырехъ странъ), а именно: Якоба Нашей, равина Львовскаго, Лейбы, равина Краковскаго, Якуба, ра-

вина Познанскаго, Гершеля, равина Дубенскаго и Леибы, равина Замойской ординаціи, данный на еврейскомъ сеймѣ въ г. Ярославлѣ въ 1724 г., Сентября 9, по которому „земскіе старшіе", признавая полную юридическую годность займа на „видеркауфъ" въ пользу всего „земства" еврейскаго, на вѣчныя времена, сдѣланнаго у покойнаго Михеля еврея Кременецкаго, обязываются уплачивать ежегодно процентную сумму въ количествѣ 325 злотыхъ Кременецкому кагалу и 75 злотыхъ наслѣдникамъ умершаго. Декретъ этотъ для Кременецкаго кагала вполнѣ замѣняетъ формальное обязательство, и „старшіе" не должны чинить въ уплатѣ этихъ денегъ ни малѣйшаго затрудненія, подъ страхомъ вѣчнаго проклятія.—Что же касается долга Кременецкому кагалу въ 197 злотыхъ, то старшіе еврейскіе „вѣрники" обязываются уплатить оный въ два срока, подъ опасеніемъ неустойки, равной суммѣ долга.

Roku tysiąc siedmsiet dwudziesć szostego, miesięca Julia dwudziestego dnia.

Przed urzędem y actami nynieyszymi grodskimi Krzemienieckimi y przedo mną Borysiem Sieczyckym Namiesnikiem Burgrabstwa Krzemienieckiego comparens personaliter niewerny Dawid Iankelowicz, żyd, mieszczanin Krzemiènecky inienem całego kahału Krzemienieckiego ten dekret, mędzy tymźe kahalem Krzemienieckym z iedney strony a starszimi Zemskimi całey Synagogi Koronny Polskiey, przez starszych rabinow na seymie w Jarosławiu roku 1724, dnia 9 Semptembris ferowaney, z żydowskiego piśma po polsku przetłumaczony y przepisany, ad acta praesentia stanowszy, per oblatam podał, prosząć mnie, urzędu, o przięce onego y do act wpisania. Którego ia, urzęd, annuendo afectatione ad acticandum prziymuiąc, czytalem y timi iest pisany słowy: Kopia Dekretu po żidowsku pisanego a na polski ięzyk przetłumaczenego między kahalem Krzemienieckim a starszimi ziemskiemi Synagogi całey Koronny Polskiey w Jarosławiu na seymie żydowskim roku tysięc siedmsiet dwudziesć czwartego, dnia dziewiętego Semptembris ferowanego, tenoris sequentis. Strony summy trzech set dwudziestu piącu złotych prowizionalney, co się należy kahałowi Krzemienieckiemu w roku od summy przez nieboszczyka Mykiela daney, co pozyczył na wyderkaf wiecznemi czasy, to iest na ziewstwo nasze całey Synagogi; z tey zaś summy powinnismy płacić summę wyrazoną, to iest zllt. pols. trzysta dwudziesięt piąc kahałowi Krzemienieckiemu, oprocz tey prowisyi 325 złt, powinnismy dać, co nalezy na successorow tego niebosczyka wyszwspomienenego Mykiela, którzy mieszkaią w Krziemiencu, złot pol. siedmdziesiąt dwa, co roku; a ta summa wszystka wynosi na złt. 397.

My zaś starsi zemsci całey Koronny Polskiey powinniśmy in toto wyplacać co rok, co my starsi z seymu Ziemskiego żydowskiego w Jaroslawiu, w roku 1724, die nona Semptembris zważylismy dobrze: Jż ten dlug iest prawdziwy y wieczysty którę approbuiemy, aby ta

summa wyszwyrażona prowizyonalna, to iest zltt. polsk. 397, co roku przięta y wyplacona była kahałowi Krzemeinieckiemu bez żadney starszych żydowskich turbacii y sprzyczki pod kletwą wieczną na wiernych naszysh ziemskich; żeby przyieli y od roku do roku aby oddawali y tę summę wyplacili; a ten dekret, co w kahału Krzemenieckiemu w rękach, takiego waloru ma być iako by kwit od wiernych ziemskich mieli na summę złtt. pol 397, co rok; drugą zas summą, ktorą my zostali winni, starsi naszy ziemsci kahałowi Krzemeniycey w roku 1724, to iest złtt. pol. sto dziewięc dziesiąc siedm powinnyśmi wyplacić w przyszlych rokach na dwie raty t. e. roku 1725 złtt. pols. Sto, reszte złtt 97-w roku 1726, w niewyplacieniu tey summy pod zakladem takowey drugiey. Ktoby zaś miał być przeciwnym y łamać prawo, ten pod kletwą wieczną zostaie; ten zaś kahał Krzemcniecky ma mieć wiarę, y mae odszukać od naszych starszych też summę, co należy co rok, a dla lepszey wiary, wagi y pewnosci rękami własnemi naszemi podpisuiemy się.

Dzialo się w Jaroslawiu dnia 9 Septembris, roku 1724.

U tey kopii dekretu podpisi ręk w te słowa: Jakob Naszey, rabin Lwowski y powiatu tegoż; Leyba, rabin Krakowski, powiatu tegoż; Jakub, rabin Poznanski, powiatu tegoż; Herszel, rab Dubienski Wolynskiego powiatu; Leyba, rabin Zamoiskiey ordynacyi.

A tak ta kopia dekretu, za podaniem wyszrzeczenego afferenta a za moim urzędowym prziętem, de werbo ad werbum, jàk się w sobie maiet, do xięg nineyszych grodskich Krzemieniecki iest ingrossowana.

Correctum et originale recepit (подпись на еврейскомъ языкѣ).

Книга гродская Кременецкая записовая, № 1643, годъ 1726, листъ 615.

№ XXXI. Просьба евреевъ „братчиковъ" портняжнаго цеха, въ которой они объясняютъ во 1), что вслѣдствіе смерти цехмейстера (христіанина) они, евреи, должны были передать свои привиллегіи въ городскую ратушу, а потому были лишены права имѣть сходки и судъ; въ настоящее же время цехмейстеръ выбранъ изъ христіанъ, а по сему они, „братчики" просятъ о возвращеніи отданныхъ ими привиллегій; 2) Считая себя неотвѣтственными за дома, сдѣланные прежними цеховыми мастерами, о которыхъ они, евреи, какъ пришельцы, ничего не знаютъ, „братчики" просятъ увольнять ихъ отъ всякой отвѣтственности по этимъ домамъ.—Магистратъ постановляетъ объ удовлетвореніи просьбы братчиковъ.

Stanowszy starosakonni obywatelé miasta Olyky, mienowice: Jcka Judkowicz, Strya Szmulewicz, Leyba Wilenski, Leyba Szlomowicz, Leyba Sokolik, Zyskiel Jewugu, imieniem swoim y imieniem wszystkich braci konsztu krawieckiego żalili się y uproszali, iź ot nie-

malego czasu, maiąć sobie przywiley nadany od J. O. Xiążat Jch Mc. Panow a Panow miłosciwych y dobrodsiejow, podług którego przez niemaly czas, co ad liat kilkadziesiąt rządząc się, schodzki, swoie odprawowali a teraz, przez odeysze wiary chrzescianskiey mieszczan meystrow konszta krawieckiego, wyzpomieniony przywiley y porządek, nie maiąć kogo obrać za Cechmistrza, zarzucili y prawo do skarbu Ratusza mieyskiego oddali, dla czego żadnego do tych czas między cechem naszym porządku y sądow mieć nie możemy; a naybardziey z racyi, iź od lat kielkadsiesiąt za starych y z tego swiata zeszłych cechmistrow y maystrow konsztu kraweckiego niektóry znauduią się długi, o ktorych my, iako nowoosiadły y przybily maystrowie konsztu krawieckiego ani znamy, ani wiemy; w czym upraszamy, abyśmy z decyzyi szlachetnego Magistratu Panow od płacenya takowych długow, co muszą bydz powspokoiany, wolnemy byli. Oraz iak nauniżeny upraszamy o wydanie przywileiow y dokumentow, cechowi krawieckiemu naleźących, tu w skarbu u ratuszy zlożonych.

A tak sąd communicator inter se consilio, zważywszy słuszną ich pretencyą a zkloniączysię do prozby, decernit:

Przywiley a dokumenta wszystkie, zą obraiém Cechmistrza y starszych wiary chrszescianskiey wedlug zwyczaiu, oddać; z długami zaś ieżeli by się kto odezwał do wspomnienego cechu, iako po zmarlych głowach, bo prawie iuź zaniedbanych ad lat kilku cechu, poniewaź dotąd żadney nie bylo requizitiey, za obraniem Pana Cechmistrzą nowego z starszą bracią, wiecznemy czasy cassantur et annihilantur. Porządek zaś według przywileyow a dawnych zwyczaiow ma suo odprawować się cursu.

Co iest zapisano.

Книга Олыкской городовой ратуши, № 3354, годъ 1739—1750, листъ 289, на оборотѣ.

№ XXXII. *Выборные „старшіе" воеводство Волынскаю: Лейба равинъ Нусахинскій, Іозсфъ изъ Дубно, Банеръ изъ Кременца, Лейба изъ Владиміра, привѣтствуя Чернобыльскій кагалъ, назначаютъ ему день, къ которому онъ долженъ выслать своихъ выборныхъ для того, чтобы вмѣстѣ съ „старшими" всего воеводства сдѣлать раскладку поголовной подати въ парафіи Чернобыльскаго кагала; такъ какъ, согласно съ постановленіемъ Радомскаго трибунала, всѣ города и села въ Овруцкомъ повѣтѣ присоединяются къ Волынской „синагогѣ".*

Roku 1750, msc February, 27 dnia.

Na urządzie grodskim, w zamku J. K. Mci Owruckim, przedomną Kaietanem Kiełbickim, Namiesnikim grodskim Owruckim, y xięgami, nynieyszimy Owruckimi, comparens personaliter starozakonny Szepszel Meierowicz, obywatel czarnobylskyi, ten list od żydow starszych Wolynskich, po hebraisku do kahała Czarnobylskiego pisany, ratione

introcontentorum, previa manifestatione, per oblatam ad acta castrensia capitanei Owrucensis podał, prosiąc mnie urządu, aby do xięg nynieyszych przüąty y wpisany był. A tak ia, urząd, annuendo affectationi comparentis, pomieniony list ad acticandum przymuiąc, czitalem de tenore tali: Kahał cały Czarnobylski pozdrawliamy.

Oznaymuiemy iakoż to iuź zdawna iawno y wiadomo wszystkim, że za dekretem Trybunalnym Radomskym, miasta y wsi, w powiecie owruczskim zostaiące, wcale należec maią do synagog naszych wollynskich, placić podatek pogłownego do skarbu koronnego powinni będą, co y my, obrani z synagog Wolynskich, powinni ziechać do Owrucza dla ułożenia dyspartimentu w powiecie Owruczskim; a teraz zeznani deputaci dokuczaią, żeby iuź temu był koniec y żeby iuź wiedzieli, gdzie maią swoie pieniędze odbierać y przezto, żeby nie wynikała iaka pretensya z szkod pochodzących pomienionym deputatom; a tak teraz, włożywszy sobie dzień wyiazdu do Owrucza, y tam zakonczyć zechcemy we wszyskim tedy, aby sobie lekce nieważyć y międze sobą obranych zesłać do Owrucza na dzień dziewiatnasty, lub dwadziesięty, ani bez wątpienia, bo zapewne za wolą waszą, y zgodą dobrze będzie; gdyż tak wiele miast y wsi, do naszey zwierchności należące, wczíną postanowienie, a tak dobrze swiadczona dla nas w rękompisme swiadczena wam bydz powinna, co my niewątpą, ze z ostatniey rzeczy pierwszą zrozumiecie; a żeby nie przyszlo do wielkich expens y dekretow Tribunalskich; co będą dochodzić deputaci.

Co wyraziwszi, my obrani Synagogi Wolinskiey podpisuiemy się. U tego listu, po hebraisku pysanego, data takowa: Datum w Dubnie, dnia osmego Februaris, 1750 roku. Podpis zaś ręke takowe: L e y b a, Rabin Nusachonski, Juzef z Dubno, Baner z Krzemięca, Leyba z Wlodzimierza.

Który że to list, za podaném y prozbą podawaiączego ą za moim urzędowym przyiętem, wszystek z początku aź do konca slowo w slowo, iak się w sobie ma, do xięg nynieyszych ingrossowany.

Книга гродская Овручская записовая и поточная, № 3245, годъ 1750—51, листъ 47, на оборотѣ.

№ XXXIII. *Заявленіе п. Владислава Маркелевича, управителя имѣній Яна Сапѣги Канцлера В. К. Литовскаго о томъ, что вслѣдствіе присоединенія,—согласно декрету Радомскаго Трибунала,—евреевъ Овручскаго повѣта къ вѣдомству Волынской синагоги, „старшими" евреями Волынской синагоги былъ назначенъ въ Овручѣ съѣздъ депутатовъ отъ Овручскихъ и Волынскихъ кагаловъ, отъ каждаго по 2 или по 3 человѣка, для правильнаго распредѣленія подати. Но когда онъ, Маркелевичъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими Чернобыльскими евреями явился въ назначенный срокъ въ Овручъ, то не только въ этотъ день не нашелъ тамъ никого изъ „старшихъ" евреевъ Волынской синагоги, но прождалъ ихъ*

напрасно еще цѣлыя сутки.—Заявленiе это подтверждается присягою.

Roku tysiąc siedmsiet piącdziesiątego, msc February, 27 dnia.

Na urządzie igrodskim, w zamku J. K. M-sci Owruckim, przed Kaietanem Kiełbckim, Namiesnikiem grodskim Owruckim y xięgami nynieyszemy grodskimi Owruckiemi, comparens personaliter W. Jem. S. Wladysław Marckelewicz, częsnik Nowogrogski, komissarz dobr Wiell. Jmci Pana Jana Frederyka, Hrabia na Kodniu, Czarnobylu y Darohostaiach, Sapiehy, Kanclerza W. W. Xięźstwa Litewskiego, Brzeskiego, Propoyskiego, Gordźowskiego etc., Starosty Hrabstwa Czarnobylskiego, będąc czułim w powerzeniu sobie dyspozycyi około fortuny pryncypała swego, chcąc ią w należytym mieć pieczałowaniu, a źeby na one iakowey na potym nie poniosł krzywdy wszelkim zapobiegaiąć, jeżeliby zkąd wyniknąć z detrimentem y ruiną dobr J. Wiell. Pryncypala comparentis mieli, impetycyem takowy przeciwko starosakonnym starszym Kahału Wołynskiego inhaerendo, listowi onychźe de diligentia sua zanosi manifest . . . . . in eum sensum; iź co dekretem Tribunalnym koronnym Radomskym, odciawszy od Pinska kahały y przykahałki powiatu Owruczskiego, ktory do tąd censum pogłownego do kahału Pinskiego składali y płacili, nakazaną aby, iako do Koronnę należący, źydzi koronnie, nie Litwie, to iest do starszych kahałow Wołynskich, pogłowne importowali a na sam przod, iako tegoż decretu opiewa sentencya, aby ciż starsi źydzi wołynsci, obiesławszy listem kahały powiatu Owruczskiego y naznaczywszy termin, na którymby z każdego kahału po dwoch, albo po trzech y ych także dwoch lub trzech z kahału Wolinskiego wysłanych symplarzow, postanowywszy się, uczynili dyspartament y proporcyonalny na każdy kahał włozyli podatek.

A gdy ciź starszy Wolynsci, przez list swoy naznaczywszy termin pro diebus 19 seu 20 February anni praesentis, kahałowi Czarnobilskiemu do Owrucza stawić się dla rozmierzenia pomienionego podatku nakazali; atali modernus comparens sam z kilku źydami kahału Czarnobilskiego na termyn oznaczany, to iest decima nona Feubruaris, przybywszy, nie zastawszy żadnego od starszych kahałow Wolynskich y źe dzien czekawszy niedoczekawszy się, więc przed urzędem y aktami nynieyszymi grodskimy oswiadczywszy się, obviando aźeby napotym przez Wiel. Jch Mcw. Panow deputatow, za wydanemi assygnacyami w dobrach J. Wiell. Przyncypała manifestantis, nie poniosł krzywdy y niny, ste..... rotą manifestawawszysię vice, prosił hanc manifestationem actis connotari, co y otrzymal. Wladislaw Marckelewicz.

Книга гродская Овручская записовая и поточная, № 3245, годъ 1750—1751. листъ 246.

№ XXXIV. Предписанiе, Владимирскаго старосты Франциска Ледуховскаго, „старшимъ“ Владимирскаго кагала, обязующее ихъ явиться на ближайшiе „судебные рочки“ и дать отвѣтъ на жалобу прiора и братiи Зыминскаго монастыря о томъ, что „ихъ невѣрность“, взявши въ 1650 г. на проценты 3,000 злотыхъ, завѣщанныхъ Зименскому монастырю п. Теофилiею Садовскою, уже съ 1696 г. стали платить всего по 5°/o и то неаккуратно, и несогласно съ даннымъ ими обязательствомъ.

Roku 1755, m-sc January 10.

Franciszek na Leduchowie Leduchowskich, Starosta Wlodzimierski, Pulkownik woysk J. K. M. y Rzeczy Pospoltey.—Wam niewiernym: Hezerowi Leybowiczowi Wiernikowi . . . . . . Geszenowi Zycwelowiczowi, Judie Bojzkowiczowi, starszym kohalnym y całemu kahałowi miasta . . . . . Wladzimierza iako tez pospolstwu pozwanym z osob, handlow, towarow y dobr niewiernosci waszych generaliter wszystkich y sum pieniędznych, gdzie kolwick y u koho kolwiek będących y extenduiących się, powagą J. K. M. a władzą urzędu mego staroscinskego przykazuię, abyscie niewiernosć wasza przed Sądem... samy y urzędem moim Wladzimierskim na roczkach grodskich Wladzimierskich w ten czas, gdy ta sprawa z regestru sobie należytego do sądzienia przypadnie y przywołana będzie, a w niedwysciu (?) tey sędy na inszy Kadencyi blyzko następuiący, samy obłicznie y zawicie staneli na instanti instigatora sądowego y tego . . . . przewielebnego w Bogu, J. Mci Xiędza Jozanskiego, superiora monasteru zimenskiego, tudzież calego zgromadzenia ordinis B. M. Oycow y braci monasteru tegoź, aktoruw, ktorze przychiliącśię do prawa pospolitego tudzież testamentu, od niegdy godney y s. pamięci Wiel. pani Teophily Sadowskiey roku 1651, Februaria dnia 20, na summy 3000 zl. polskich, monasterowi Zimienskiemu danego, zapisanego, ustąpionego y tym źe ostatney woli swoiey legowaney przez niewiernosci waszy wziątey y zo .... noney, od której wyźmianowaney summy prowisyi zupelnie placić nie chcnią (?) y iuż od roku 1696, a die primi July, tylko aktoram od sta pozł. pięc aź do teraznieyszego roku y to nierzetelnie, y nie według obowiązkow waszych, aktorom wyplacaiącie, do pokazaniu..... na termym wyźoznaczony posywaią....

Книга гродская Кременецкая записовая, № 1127, годъ 1755, листъ 11.

№ XXXV. Постановленiе, которымъ кременецкiй равинъ и кагалъ передаютъ,—съ утвержденiя коммиссара „скарба коронного“ и „вѣрника“ всей синагоги воеводства Волынскаго, равина Полонскаго Хаима—право взысканiя поголовной подати съ евреевъ, живущихъ въ перечисленныхъ въ актѣ селахъ,—принадлежавшихъ прежде въ Теофильпольской парафiи,—Теофильпольскому же кагалу. При чемъ ему предоставляется право налагать на непослушныхъ проклятiе, а въ случаѣ упорнаго сопротивленiя передавать непокорныхъ въ суды коронного скарба. Настоящее постановленiе подтверждено какъ коммиссаромъ скарба коронного, такъ и вѣрникомъ синагоги Волын-

ской, во время Генеральскаго еврейскаго конгресса всей синагоги воеводства Волынскаго, бывшаго въ г. Корцъ въ 1758 г., Апрѣля 4.

Roku 1758, m-sc May, drugiego dnia.

Przed urzędem y actami grodskimi y przedo mną Michałem Kuruwulskim, protunc Namiesnikiem burgrabstwa Krzemieneckiego, comparens personaliter niewierny Nazan Szlomowicz, obywatel Teofilpolski, z parafii do Teofilpola zdawna należącą, pismem żydowskim wypisaną a przez W. J. M. Pana Stefana Bentkowskiego, regenta grodu Luckiego, Komissarza skarbu koronnego, approbowaną y zaleconą, podpisem ręki swoey przy pieczęci na łaku czerwonym przycisnionę podpisaną, niemniey z approbatą Wiernika Synagogi wwa Wolynskiego po żidowsku napisaną, dla wpisania do xięg nineyszych grodskich per oblatam podał. Et quidem primo, specifikacya wsi, po żydowsku pisanych, iest takowa: Nowostawce, Krzywulka, Kozowie, Karabinewka, Borszczowka, Wasylowka, Kołki, Karczuwka, Seuruki, Stroki, Oliyniki, Trojanowka, Ledochowka, Zarudie, Wolica Wielka, Wolica Mala, Turowki częsci dwe, Danilowki częsci dwie.

Przyznanie zas W. P. Kommissarza skarbu Koronnego temi iest pisany slowy: Anno millesimo septingentesimo quinquagesimo octawo, die quarta Aprilis, w Korcu pod czas Kongressu generalnego. Ten parafią, się do Feofilpola zdawna należącą y teraz wyznaczoną, y nazawsze przyłączoną miec chcę. Zalecaiąc aby arędarze podatek pogłownego, proporcionalnie włożony, punctualnie wypłacali; gdyż zadosyć tey moiey dyspozycyi nie, zyniącę do skarbu będą podani. U tego przyznaniu podpis W. Kommissarza przy pięczęci, na łaku czerwonym przycisnioney, takowy: Stefan Bentkowski, Regent grodu Luckiego, Kommissarz Skarbu Koronnego (L. S.)

Przyznanie zaś Wiernika Kahalnego, zydowskim pismem pisanego, iest takowe: Oznaymuie, koždemu, którzy czytać będzie te przyznanie wsiow wyszwyrażonych, które rabin y kahał Krzemeniecky kahałowi Teofilpolskiemu podpisali, że powinni wzpłacać podatek poglownego do Teofilpola; ktorę to podpisy tegoz rabina y kahału Krzemenieckiego są takie: Enoch Chaimowicz, El Moszkowicz, Byn Chaimko Joskowicz, Zelik Jampolski: Wedlug tegoż dokumentu co Teofiilpolscy żydzi maią, ktore są wyszwyrażone, powinni placić tenże podatek poglowney do miasta Teofilpola y przykasuię tymze, żeby żadney nie szukali protekcyi y sposoby, ieno bez zawadu oddawali.

Teraz zaś te prawo rabina y kahalu Krzemienieckiego approbuie y moć daie temuż kahalowi Teofilpolskiemu: wyplacone od arędarzow pomienionych wsi podatki odbierać, y wolno temuż klantwe włożyć, który by nie mieli oddawać poglownego; a ieżeliby arędarze tych wsiow niepłacili, tedy temuz kahałowi wolno będzie podać ich do skarbu koronnego, y na to się ręka moią własnę podpisuię.

Dzialo się w Korcu pod czas Kongressu caley Synagogi W-wa Wolynskiego, dnia 25 Marca, roku pięcsotnego osiemnastego. Podpis zas tego wiernika iest takowy: Chaim Rabin Połonski, Wiernik Synagogi Wolynskiey.

A tak ta oblata parafii, za podaniem wyszrzeczonego Nazana Sczlomowicza, offerenta, a za moim urzędowym przyięciem wszystka de verbo ad verbum do xięg nineyszych grodskich Krzemienickich iest ingrossowana.

Книга гродская Кременецкая записовая, № 1705, годъ 1758, листъ 495.

№ XXXVI. Жалоба отъ имени Брусиловскаго кагала на Антонія Васковскаго въ томъ, что онъ, Васковскій, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лѣсу былъ найденъ его сынъ, умершій отъ голода и весь искусанный муравьями, началъ обвинять въ убійствѣ евреевъ Брусиловскаго кагала. Не нашедши сочувствія среди лицъ, видѣвшихъ трупъ ребенка, онъ, опираясь на своихъ пріятелей, началъ дѣло въ судѣ.

Roku tysiąc siedmsiet sześćdziesiączgo osmego, m-ca Juny, dziesiącego dnia.

Na urzędzie grodskim, w miascie J. K. Mosci Żytomierzu, przedomną Josefem Polanowskim, Namiestnikem protunc grodskim General ...... W-wa Kiowskiego y xięgami nimeyszimi grodskimi Kiowskimi, comparens personaliter niewierny Jczko Leybowicz, obywatel miasta Brusiłowa, dobr J. W. Szczasnego Czackiego, Podczaszego Koronnego, dziedzicznych, swym y calego kahału Brusiłowskiego imieniem, z wielkim żalem uskarzaiąć się, przed aktami nineyszemi na zarzut od urodzonego Antoniego Waskowskiego, przez manifest w grodzie Kijówskim roku terazneyszego 1768, dnia 4 Marca przeciwko kahałowi Brusilowskiemu uczyniony, swiadczy, protestuie y remanifestuie się przeciwko ur-Antoniemu Waskowskiemu,—w dobrach wsi Jezerczanach na częsci J. M. Chorzenskich, Sędziow Czernichowskich, gratuito modo, siedzącemu,—w ten sposob y o to: Jź ur-obwiniony, niechcąc znieść cierpieliwie od Boga posłanego na siebie umartwienia ięmu syna, ode, wsi znać, za sobą, obwinionym, w las biegącego y nie dowoławszy się oyca, tamże obląkanego, z tego swiata zebrał: ktory według wszystkich okoliczne ludzi, widzących tegoż zmarlego publiczney wiadamosci y skuteczniego dochodzenia, spłakany y chodząć po lesie, podrapany, częscia strachem przerazony, częscia głodem zmorzony, ile u dniu ośm ledwie wynaleziony, umarł, a po smierci od mrowek skonsany został. A po daniu znać od ludzi przez samiego teraznieyszego obwinionego do domu, wszystek w mrowkach y koszulisme podartey, przywieziony do pochowania ile żadnych znakow iawney smierci, krom przyczyn błakania, placzu, strachu, nog podarcia y głodu, malemu naturalnie smierć przynoszących, niemaiący, przybrany; smial y wazil się ludzi, widzących zaraz z początku przyniesione dziecie y do pochowania obmywaiących,

namawiać, aby nieiuż iak w samey rzeczy, z wyrokow Boga, stało się, ale aby ku zyskowi te stratą syna swiego na żydowstwo ułożona, inwektiwą obrocić możno. A gdy od dobrze wiadomych sprawedliwosci do wykonania tego podstępu pomocy nie zyskal, udal się do osob, cale umysłowi i. mc. obwinionego powolnych; z ktorych podeyscia y z siebie tenże imc. obwiniony, przepomniawszy Boskiego przykazania, które żadney cudzey rzeczy pragnąć nie każe, zniżeny kahał Brusiłowsky prawem wycięczyć usiłuie; albo niem Bogu y ludziom wiadomey niewinnosci prawne okazanie przy czasach korvsty y innych niepomylnisciach, bez kosztu y ztąd pokrzywdzienia kahału Brusiłowskiego obiesć się nie może. A za tym, gdy Boskie prawo imci obwinionego nie powsciagneło od bliźniego krzywdy i że usiłował przez uczyniony manifest niewinne w napasć y ciężar oczyszczenia się wprawić.

Więc tenże niewierny comparens o wyszwyrażony zarzut, czyl napasliwą inwektiwą, przeciwko temuż imc. obwinionemu..... remanifestuiąć się, przy okasaney czasu prawa niewinnosci kahału swego o kary w objekcyi niedowiedzioney, prawne opisane, czynić kahał prawem nie zaniedbać, gdzie będzie przynależało, deklaruie, zostrzezeniem, jeżeliby tego potrzeba wyciągala, poprawienia tego manifesta, ktorego do akt teraz o przyięcie prosił, co yotrzymał. Moisey Tomkiewicz J. W. Czackiego, Podszaszego koronnego plenipotent, niewiernomu Jckowi Leybowiczowi assystentiam plens.

Книга гродская Кіевская записовая и поточная, № 79, годъ 1767. листъ 147.

№ XXXVII. Привилегія, данная п. Михаиломъ Бжостовскимъ евреямъ Думбровицкиго кагала. На основаніи этой привиллегіи; судъ по дѣламъ между евреями вершится еврейскими судьями: споры же евреевъ съ христіанами—передъ Думбровицкимъ урядомъ. Разрѣшается: безплатное пользованіе лѣсомъ какъ для отопленія, такъ и для построекъ, свободный выборъ мѣстъ для построекъ, подъ условіемъ взноса помѣстной платы (płacewogo); *постройка же синагоги, бани, дома для раввина, лавокъ, устройство кладбища—безъ всякой платы: постройка винокуренъ, а равнымъ образомъ и продажа привезенной со стороны, водки съ платою 2 злотыхъ 16 грошей съ каждаго „спуста"; безплатное пользованіе выгономъ; убой скота и безпрепятственная продажа трефнаго мяса христіанамъ, за что евреи обязаны вносить ежегодно по 200 злотыхъ „коробочнаго сбора": вмѣстѣ съ тѣмъ евреи увольняются отъ всякой дворовой службы и подводной повинности.*

Roku 1774, m-ca Februaria 10 dnia.

W roczke sądowe grodskie Owruckie od dnia siedmego, roku y miesiąca wysz na akcie wyrażonych . . . sadzić się zaczęte, przedomną Janem Nepomucenem Steckim, Podstarostem grodzskim Owruckim, comparens personaliter, starozakonny Jawna Herszkowicz y Mordko Berkowicz, Kahalni miasteczka Dąbrowicy, ten przywiley od J. W. Michala hrabi Brzostowskiego, starosty Oranskiego, Kahałowi Dąbrowickiemu z wyszczegolnieniem wszelkich kondycyi dany, ręką własną tegoż J. W. Brzostowskiego, Starosty Oranskiego, podpisany, tudzież przypiskem J. W. Antonego Płatera, sądzi grodskiego zaaprobowany, ratione introcontentorum do akt grodzkich Owruckich per oblatam podali, tenore sequenti: Michał, Hrabia na Dąbrowi Brzostowski, Starosta Oranski, Generał Leytenant infanteryi woisk W. X. Litewskiego y Pulkownik regimenta pieszego Buławy Polney.—Jakowym prawem y wolnoscią zaszczyca się miasto Dąbrowici, pod tymże prawem y żydzi tameczni zostawać maią: zawody zaś prawne międzi onemi ich własnym sądem discernantor; inne zaś sprawy między christianstwem a onemi ad iudicium urzędu tamecznego należeć maią. Pozwalam tymże żydom Dąbrowieckim lias na budowle y opał, bez żadney opłaty. Budować gdzie tylko im upodobaie z opłatą placewogo do scarbu, a mianowicie: z domu rynkowego od każdego prętu szerokosci po groszu srebnym iednym, a od tylnych y innych ulic połowę. Szkoły, łazni, dom dla rabina, mieysce na grzebienia umarłych, tudzież y kramy dla przedaży rożnych towarow y żywnosć dla chrzscian y zydow dozwola się bez żadney opłaty y bez żadney ze strony skarbu przeszkody. Przy tem dozwalam żydom Dąbrowieckim budować gorzełki czyli winicy dla pędzienia gorzałki, lub gdzie na stronie kupować dla wyszynkowania, z opłaceniem do skarbu od kożdego spusta wudki wyszynkowaney po dwa tunfi, czyli pozłotych dwa y groszy szesnascio; wigony dla pasbiśka bez żadney nadgrody dozwalam. Rziąć bydła y przedawać mięsa trefnego moim wloscianom y mieszczanom Dąbrowieckim bez przeszkody skarbowey wspomnionym żydom dozwalam, za ktorą krobkę kahał Dąbrowicki ma placic do skarbu co roku po złotych polskich dwiescie, to iest na nowy rok złotych sto, a na swięty Jan złotych sto; nadto uwalniam od dworowey posługi, od podwod y wszelkiey dworowey roboczyzny. Podpisawszy tedy moy przywiley, pięczeć przyciśniąć rozkazalem. Datum w Dębrowiey, die 17 Augusti, 1753 anno. Podpis na oryginale iest następny: Michał Brzostowski, Starosta Oranski, General Litewskiey Jnfanteryi, (L. S.) tudzież przypisek na tymze przywileiu pomieczony w tych slowach: Prawo Kahałowi Dąbrowickiemu naddane od J. W. Jmci Pana Podskarbiego W, W. X. Litewskiego, tych dobr dziedzicza, za odmianą possessyi, approbuiem. Antoni Plater, Starosta Geldzki m. p. Który to przywiley, in authentico, per obłatam podany, słowo w słowo iak się w sobie pisany ma, do xięg ninieyszych Starostinskich Owruckich zapisany y ingrossowany.

Книга гродская Овруцкая записовая № 3268, годъ 1774, листъ 123.

№ XXXVIII. Постановленіе „старшихъ еврейскихъ", выборныхъ отъ города Дубно, уполномоченныхъ архиравинамъ Дубнскимъ

для ревизіи повѣтовъ и установленія наилучшаго порядка во всемъ, что касается евреевъ. Настоящимъ постановленіемъ кассируется постановленіе равиновъ Каменецкаго и Полонскаго, по которому Овручъ принужденъ былъ нести несоразмѣрно большіе податные платежи, такъ какъ къ нему не было приписано селъ; между тѣмъ другіе города, благодаря приписнымъ селамъ имѣютъ на столько доходовъ, что на уплату податей употребляютъ едва половину того, что получаютъ. Въ виду уравненія податныхъ тяжестей къ Овручу приписываются три деревни.

Roku 1774, m-ca Septembris, 16 dnia.

Na urządzie grodskim, w zamku J. K. Mci Owruckiem, przedomną Franciszkien Żłolkowskim, Namiesnikem przysięgłym grodskim Owrukim, y xięgami nynieszymi grodskimi Owruckiemi, comparendo personaliter starosakonny N y ś M e j e r o w i c z kahalny Owrucky, te postanowienie rabinow Krzemienieckich a Dubienskiego, kahałowi Owruckiemu dane, rękoma tychże rabinow po hebraiski spisane y podpisane, do act grodskich Owruckich dla upisania podał, tenoris sequenti: Bylismy w Owruczu iak iechalismy otrzymać powiąty, z mocy Arcyrabina Dubienskiego, y daną do ręk naszych starszęstwo uczynić porządek na wszystko, iak się nam będzie widziało, żeby tak było; y widzielismy, że kahał Owrucky więcey ucięźenia nad wszystkie miasteczka: expens iest wielki, a przychodu nizkąd niema. Wszytkie miasteczka maią sobie przytoczone wsie do parafiy, dwa razy inszi miasteczka maią przychodu więcy, iak oni daią do skarbu Krolewskiego, Owrucz zas niema nic.—Teraz podzial rabina Krzemienieckiego y Połonskiego kassuiemy y mu nadaiemy trzy wsie do Owruckiey parafu: Kuzmicze, Szołomki y Laski.—Tegoroku swię toczne, co nalezy, żeby płacili, to iest Laski do Norodicz, Szołomki do Narzynska, iak pierwey płacili według opisania, cosmy dali do każdego miasteczka, a po skonczenym roku tym na zawsze a żeby ty wsie Laski, Szolomki y Kuzmicze do Owrucza należeli na wiecznosć, a żeby wyplacali do skarbu Krolewskiego y co tilko od nich z podatkow należęć będzie importowali do kahału Owruckiego; y na to się my podpisuiemy: naylepsze wybrani z miasta Dubna. Dnia dwudziestego trzeciego....... roku pięcset dwudziestiego trzeciego, według kalendarza hebrayskiego.

U tego postanowienia podpisy ręk tymi słowy: Rafael Mowszowicz, Hesel Jckowicz, Szewel Alexandrowicz po hebraisku podpisali się. Ktore to postanowiene, za podanem y prozbą wyszwyrażonego podawaiącego a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xięg nynieyszych grodskich Owruckich iest wpisane.

Книга гродская Овруцкая записовая, № 3268, годъ 1774, листъ 428 на оборотѣ.

№ XXXIX. Постановленіе выбранныхъ „старшихъ" отъ синагоги Волынской: Янкеля Хаймовича и Берка, которымъ подтверждаются изстаринныя права Наржинскаго кагала, предоставленныя ему Великими Равинами Волынскими, а именно: наложеніе херема на неповинующихся, исключительное право совершенія религіозныхъ обрядовъ, какъ напр. обрѣзанія и т. п.; право имѣть микву; заставлять своихъ парафіянъ отправлять празднества въ Наржинскѣ и т. п. Вообще же парафіяне, причисленные къ Наржинскому кагалу обязаны ему такимъ же повиновеніемъ, какъ парафіане въ иныхъ кагалахъ, Всякій еврей, проживающій въ предѣлахъ Наржинскаго кагала обязанъ вносить подати здѣсь, не отговариваясь тѣмъ, что онъ плотитъ ихъ въ другомъ мѣстѣ. „А если парафіяне будутъ послушны, оканчиваетъ актъ, то имъ будетъ хорошо".

Roku 1774, m-ca Septembris 19 dnia.

Na urządzie grodskim, w zamku J. K. Mci Owruckim, przedomną Franciskiem Żiołkowskim, Namiesnikem przysięgłym grodskim Owruckim, y xięgami grodskimi Owruckimi comparentes personaliter starozakonni: Wolko Jckowicz, Momesz Jankielowicz te postanowienie wybranych z Synagogi Wolynskiey, kahałowi Narzynskiemu dane, po hebraisku pisane, do akt grodskich Owruckich per oblatam podałi, tenóris sequentis: Ja widziałem ich moć od Rabinow Wielkich Wolynskich, co im nadano do Narzynska.—Jch moci nadanie dawne parafy Naszynskiey, ktorzy wyszeywyrazony dali moć z cherumem przeciwko swoich parafianow (co do miasta każdego nalezy). Którzy powinni swętować y pierymy odprawiac, y powinni nie chować obrzezania bez ich wiadomośei; mice y wszystko co trzeba do miasta powinni bydz do pomocy, a teraz aż sami ktorzy zwerchwyraźeni parafianie, do Narzynska należące, tale powinni sluchać, iak po innych kahałach, y nie powinni bydz przeciwni . . . . wyraźamy teraz bo są w dawney zapisany. A teraz my daiemy moc na wszystkie wsie, co do nich należą, żeby do nich przychelni byli, żeby swętowali, żeby otrzymali y co potrzeba byc, żeby dopomogali. A iezeli tego nie uczinią, żeby byli skarani, iak wysz opisano y strafem wielkim na kommissyą Warszawska, y to więcey nie trzeba mowić, że oni nie mayą większey mocy, tyłko ma moc kahał nad swe parafią . . . . swoięy z dworzką protekcya. A który parafiane będą posłuszni, to im będzie dobrze. Tak mowi wybrany za starzego, z uniwersalem od J. W. P. Marszałka Seymowego y konfederackiego Paniorskiego, żeby Pan Bog iego wywyszył. Y nie powinien parafianin, wymawiąć się tym, że on daię do inszego miasta, tylko gdzie mieszka w którey parafij, tam powinien oddać, iak mieszczanin daie do wszyskich podatkow. A nie godzi się bydz przeciwionym a ni excusa nie powina pomagać, ale jezeli jeden na drugiego nastanie meisciu ten, który nastanie, powinien dać też pogłowne . . . . dawał pierwszy. Tak mowi starszy wybrany. U tego postanowienia żydowskiego, po hebraisku pisanego, podpisy ręk ta-

kowe: Jankiel Chaimowicz: y ja widzialem te pisanie, które Jankiel Chaimowicz podpisał na te postanowienie, wdano do rąk kahału Narzynsklego, y ja się na to podpisuię. Berko ss. Które to postanowienie, za podaniem y prozba wyszwyrazonych podawaiących a za moim urzędowym przięciem, wszystkie s początka aź do konca słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xięg nineyszych grodskich Owruckich iest wpisane.

Книга гродская Овруцкая записовая, № 3268, годъ 1774, листъ 432.

№ XL. *Протестація отъ имени Петра Заленчевскаго, Михаила Пaмежи и Матвѣя Дедовича Трипольскаго противъ старшихъ евреевъ Волынской синагоги въ томъ, что эти старшіе, не обращая вниманія на грамоты польскихъ королей, освобождающія прикагалки Кіевскаго воеводства отъ взноса поголовнаго, убѣдили обманнымъ способомъ нѣкоторые прикагалки къ уплатѣ этой подати. Затѣмъ, выхлопотавъ отъ Радомскаго скарбоваго трибунала декретъ, получили на основаніи его ассигновки изъ коронного скарба и отправили—для взысканія поголовнаго съ Овручскихъ евреевъ—депутатовъ отъ Острожскаго, Дубенскаго и Владимірскаго кагаловъ, которые и наложили податей вдвое или даже болѣе, чѣмъ было въ старыхъ окладахъ.*

1750 roku, Ianuari 2. Na urządzie grodskim, w zamku Jego Krolewskiey Msci Owruczskim, przedemnie Stanislawem z Wasilkowice Wasilkowskim, namiesnikiem protunc Grodskim Owruckim, y xięgami ninieyszemi grodskimi Owruckimi comparens personaliter Urodz. Jm.-Pan Pictr Franciszek z Zalęcowicka Zalęczowski... et ex speciali comisso Wiell. Jm. Panow Michała na Narodyczach Pamezy, Chorąźego Kijow., Macieya Dedowicza na Laskach y Basalnicy Trypolskiego, Podsędka zem. Kijow, Praw p... wietnemu Woiew. Kiow. co do wyplacenia z przykagałkow pogłownego przy przewilije od Naijasn. xiążat Russkich y innych rehnantow polskich gruntownie nadanych bo yle zac milosć pomien. Monarchy ztwerdzionich y inemi dekretami oswiadczonych, bezpriczenstwa postregaiąc solenną przed starsimi Synagogi Wołynskiéy, przed Urzędem y Aktami ninieyszemi grodskiemi Owruckiemi zaniosl .. ato uten sposob: Jz terazniyeszi obwinieni, to jest starsi Synagogi Wolynskiey, wzruszywzy uwagi przerzecznych priwilijew, wyraznie przykagalkom Wojew. Kijow. importowanie płaty pogłownego Kahałowi Pinskiemu oswiadczaiących, usurpative nayprzod niektore miasta jako to Baracze, Olewsk, Jczomirz y inne, pod pretextem przychelney iako by z nych woli, (w sąmey rzeczy suptelnym podesciem) do upłacenia sobie pogłownego pociąg nuwszy yte z poczatkowey pzyczyny przez uciąźliwe wloźenie importancyy, źadnym sposobem osiadlosc onych nie koresponduiącey, wlok zpustoszywszy, wziawźy akcess z zysluiącego załencenia się y dodalżego wyszucia z prowentow przerzeczenego woiewodstwa innych

miast, przez dawniysze niewracaiące się inkursiye y revolucye, ile w samym pograniczu zostaiących, do pierwszych swych osdob jeszcze nie przyszłych y dosye nikczemnie pozytkuiących, Dekret w przeswietnym-Tribunale skarbowym Radomskim powadze pra... przeczenonych Przywilejow, tylo konstytuciamy moć y stalosć dawneyszych Monarchow Polskich waruiących, jako teź konstitucyi osobney Wwodstwa Kyow. post hosticum od wszelkich podatkow uwolniaiącey, źadney podlegać nie maiących, clandestine, bo nie wydawszy terminow et condicticie, przez zapisanie się w komparycyą kogo innego, w cale do sędzenia się wtey niesprawe naleźącego. Ktory decret, z apoprzedzaiącym przez starszych Kahalnich Wołyni dispartamentu wlozeniem, podatek pogłownego do synagogi Wolinskiey importować nakazał, otrzymali: na pendamencie ktorego, assygnacie w skarbie koronnym wyrobiwszy y źydow Ostrogskiego, Wladzimirskiego y Dubienskego kahałow do exekwowoma onego deputowawszy, na terminie nawet tym Dekretem osnaczenym dla wtoźenia pomerkowania quantitatis do Miasta J. K. M- ci Owrucza w powiat Ovrucki ziechawszy, jawnie lustruiąc, za wyciąguiącym zwyczaiem osiadloscі y prowentow innych miast, uciężliwi,zawyszoni, według dawnych kwitow dwoma sob, czyli więcy, aukcionnuiąc, wkladaią podatki. A zatym idem comparens nunc quo.... supra sistendo exekucyi przerzeczonego dekreta Radomskego gradum admala narrata y nie naleźytem prawa postępkem, bo bez terminow swoich, jako prawo miec chce, nastąpiénego, decurssio omnibus iteratis oswiadczywszysię vicibus, hanc manifestationem, salva ejusdem reservata melioratione, actis conotari prosil, co y otźymal Piotr Francizek Zalęczowski.

Книга гродская Овручская записовая и поточная № 3245, годъ 1750—1751, листъ 193.

№ XLI. *Протестъ раввиновъ: Лейбы Кременецкаго и Шауля Владимірскаго противъ евреевъ Острожскихъ и Луцкихъ.*

1758 roku, Februaris 22.—Slawetny w Jzraelu rabinowie Leyba Krzemeniecki y Szoel rabin Wlodimirski, Wierniky Wojew. Wolhynskieho przyszli do nas y prosili nas, abyśmy byli swiadkami na te punkta, ktore przed nami się manifestowali — y te słowa powiedzieli: będzie swiadkami naszemi, na to co my przed wami powiadać będziemi y dowedziemy, to jest: rzecz publiczna y wiadoma wszystkim ludziom Wojew. naszego jako y wam samym wiadomo, źe miasto Ostrog jest naypiersze y naypryncipalneysźe między miastami publycznemi Wolhynskiemi, iź zawsze międzi nimi znaydnią się ludzi niegodziwe y zawsze z wodką y kutnia znich wychodzie, tale przeciw kahałów pryncipalnych Wolynskych, jako y miast do nich samych powiatow naleźęcych, zawziętoscią y usiłowaniem swoją zwierzchnoscią, nad niemi panuią. Ktorzy to nas usiłowali, abysmy onym zasłonili y umocniali zawziętosci, za ktorychs my musieli obstawać po roznych mieiscach y spraw, ktore mieli w sę-

dach żydowskich y szlachetskich, na ktorych wielkie expensa mielismy, y nie bylo tego roku od czasu odebrania funkcyi naszey, żebyś my nie mieli jakowey klutnię przez te miasto. . . . . . . przez co musieliśmy. . . . zebrać Kongress y Zgromadzienie wszystkych miast y powiatow Wolynskich do miasta Rachmanowa, uprosiwszy, aby nas wysłuchali kalkulacyi. Ktori kalkulacyi czyniliśmy jawnie y publicznie przy oczewistości wszystkich y dowodnie przez samych kredytorow, ktorzy nam pżyznawali publicznie, żeśmy tak wszelky prowisy opłacali, ktory wynosza wszelkie wszelkie tysiące niemierni; ktoremi summami są symmy expensowane na te miasto przez ich zawsiętosci y klutnie ustawic ma dwa rasa tyle, a teraz jeszcze z nami falszywnie żyię y czynię zwieski przeciwko nas y te dwa na nasze zycie y chudobę nasze nie nastęmpuię chcęc, abyśmy, broń Bóze, w kaydanach niewinnie przepadli. Krom tego tut na Kongressie teraznieyszym Rochmanowskim do wielkych kosztow y expens nas przyprowadzili.... nie chcieli nam prziąć w rachunku tylko dwa kroc 38,000 a pourywali nam znaczne tysiący a to, co nam przyieli, to także wypłat nam rozerwali terminami na lat dziesiąc rosložyly y prowisya nam tylko po zlotych dziesiące. . . . . . jeslibyś my się musieli podpisać takowa transakcy, swiadczymysię wam godnemi swiadkami y manisfestuiemysię przed wami, że to nie wolą naszą y że to musiemy czynic...... ale mysl y zdanie nasze, jeźli będzie wola Pana Boga, w czasie przyszlym chcemysię rozsiądzic z niemi, gdzie sami zechcą, czyli na żydowskiém sądzu, czyli na szlachetskim. . . . . uproszamy was, abiscie nam byli swiadkami godnemi na te wszystkie transacye, ktore stanę a lubo będę transakcye pisano za wszelkym obwarowaniem na jich stronę, że to nie dobrowolnie czyniemi y że nawszystko sądzić się będżemo. . . . . y takze przeciwko miasta Lucka. . . zsylaią nas abysmy im tale-ze co im podalo się pzysnali y nieslusznie rzeczą po nas chcią wyciagnac; y od nich co w tem czasie nie możemy sie obronic—ze wszyskie transakcye, ktore po nas zyslac zechcą, żeby nie mieli waloru, y źe swego czasu nam maią odpowiedzić na sądzie lub źidowskim, lub szlacheckim. . , . . U tey oblaty Punktow, czyli manifestu, podpisy ręk temi wyrazone slowy: Wolff Rabin Rachmanowski, Abramkó Morduchowicz Wlodzimierski.

Книга гродская Кременецкая записовая № 1705, годъ 1758, листъ 192.

№ XLII. *Полномочіе отъ „маршалка" евреевъ воеводства Волынскаго и старшихъ евреевъ Острога, Владиміра, Кременца, Дубно и Ковля выданное „вѣрникамъ" воеводства Волынскаго: раввинамъ Лейбѣ Кременецкому и Шаелю Владимірскому, во время конгресса евреевъ въ Рахмановѣ: въ полномочіи этомъ исчисляются доли нѣкоторыхъ кагаловъ и указываются способы къ ихъ погашенію.*

1758 r, Augusti 18..... Ten dokument.... od nas dany slawetnym

Rabinom Wiernikom tojest Leybie, rabinowi Kszemenieckiemu, y Szaelowi,rabinowi Wlodziimerzkiemu, ratione laudum postanowionego, pod czas congressu Rachmanowskiego uczynionego z temyż rabinami, na uplacienie dlugow . . . . . z uczynionego rachunku komu te długi naleczą . . . . tedi umisliliśmy, aby mogli być te długi uspokoieny, żeby podatek wybrany był co roku 10600 symplow . . . okrom dwuch dlugow, ktori maią na tem woiewodzę zostać się, toiest' 8000 na Widerkauffie Xięzy Zamoyskim, ktorym należy placić prowizyą corożna przez kahał Zamoyski po zlt 650, ato nie inkluduiąc zl. 80 kahłowi zamoyskiemu nalezące. Drugi zas dług summy 15000 kapitału W. W. Dominikanam Podkamieneckim . . . . . Inne zaś dlugi dwacroc 38000 kapitalu, okrom jeszcze remanentu pozostałego winnym z Dysparlamenta 1745 na rok 1746 uczynionego. Na ktore to wsżyskie długi uczyniony podatok wyrazony sympli na lat dziesiąc ot 1746 — dispartymentu po rok 1747, az do roku 1757 przez te wszystkie lata ma byc wybrany. Podatek wiszwyrazoney Sympli ulozony tak na uspokoienie podatka publicznego, Poglownego Zydowskiego, jakoz uplacenia dlugow wszystkych y provisyi od nich należących y wszystkie expensa potrzebnie Woiewodzie tuno..... ato co roku wszystko bylo zaplacono..... podpisuiemy: Moszko Mendelowicz, marszalek woiewodstwa Wołynskiego, Szymon Szymonowicz Ostrogski, Eysa Juzefowicz Ostrogski, Jakub Leyserowicz Ostrogski, Gierz Dawidowicz Włodzimirski, Moczko Josiowicz Włodzimirski, Dawidko Jankelewicz Krzemeniecki, El Mosźkowicz Krzem. Leyb Leybowicz Krzemeniecki, Sczmulko Szymonowicz Dubienski. Berko Lermujowicz Dubienski, Jos Izraelowicz Dubienski. Aź y mi starsi Kowelsci wyczely w rachunek wyzwyraczonych rabinow.... nateź wszystkkie postanowienie zezwaliamy, umocniami y podpisuiemi się: Iona Abramowicz Kowelski, Szulim Leyserowicz Kowelski. Aźe na dnie dzisieyszim wyczeliśmi w rachunku rabinow Wiernikow to jeśt: Leybe rab. Krzem. y Sczoela rab. Włodz. jako nam wczystko specyfikacyą wyraznie rachunkow ich od zaczęcya funksyi swoey wyraznie pokazali, iź się stosuiąc do wypisania z tamtey sprawy y to wszystke zważywszy y w sprawedliwosć wziawszy po wybranim podatku przez lata wyz wyrazone Wyderkaff, jako z tamtey strony wyraznie opisany, gdzie w laudum Rachmanowskim więcey, obszerniey y dostateczney opisane. Tedy y my starsy Ostrogsky,z oboch częscey miasta Ostroga, na wszystko zezwalamy y zmacniamy, y na wszystkich punktach dotszymać deklaruiemy, y nato wszystko podpisuiemy się: . . . . . Josef Szmulowicz Ostrogski, Szachno Mordkowicz Ostrogski, Mendel Jankelowicz Ostrogski.

Книга гродская Кременецкая записовая № 1705, годъ 1758. листъ 871.

№ XLIII. *Дозволеніе, данное Епископомъ Кіевскимъ на постройку синагоги въ мѣстечкѣ Городищахъ.*

1758, Octobris 10. Kajetan Jgnacy Soltyk .... Niewierny narod zydowski, niepszyiazny imennowi Chrzescianskemu, gdy Krolewstwo nasze cierpi—zwiecrchnosć duchowna nie vestępuiąć na ich zgube ale, aby żyli y nawrocili się do Boga.... dozwalamy, aby Buźnicę, czyli szkolę, do Nabożęstwa, dawniey na tam tym miescie mianą a przez rosne czasow rewolucye zruynowanę, wystawic mogli; niz-byto, iednak, z wynioslym na formą kosciolow naszych, jak na wieli mieyscach zuchwale y bezbożnie sobie pozwolàią, wierchem y dachem dopiero bez kopuly, wieź na przecionkach, z oknami, jak w domach, zwyczaynemi czworograniastem. Gdy zaś ten niewierny narod czim bardziey w ktore werźznie się mieysce, tym zuchwaley zwykł sobie postępować wzgardą y ponizeniem religii Chrescіankiey. Dla tego przytym ninieyszym pozwoleniem naczym zakazuiemy oraz surowo, pod karami y winami sądowi naszemu, zostawić . . : - aby do Bożnicy processyi publicznych przez miasto z swiatlem nieczynilı; chrzescian cźyli Lacynskich, cźyli Greckich obrządow do ucierania nosow swiecam w dzien sądny nie zaźywali y do strzeźenia kirkuła swego nie zacęgali; kaplanom, gdy uslyszę dzwonek, idącym do choreho, aby powinną cześć oddawali, albo na widoku nie stawali, co sami powinni obserwować y podczas processyi katolickych; aby w niedzialę y uroczystosci naszę gorzałckę nie kurzyli, czeliadzi chrzecianskiey w roznych uslugach aby nie trzymali; pogrzebow umarlych swoych, aby w dzień publicznie nie czynili, ale wedlug zwyczaju potaiemnie w nocy. W adwent y post Wielki, aby wesel swoich z publizcnemi igrzyskami, tancami u zakonnemi ceremoniami czynić się nie ważyli.

Книга гродская Кременецкая записовая № 1705, годъ 1758, листъ 972.

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ *).

(Библіографическій очеркъ **А. Гаркави**).

А. Періодическія изданія и литературные сборники на еврейскомъ языкѣ.

а) Изданія на древне-еврейскомъ языкѣ.

(Продолженіе и поправки).

112. Зимратъ га-арецъ (лучшіе плоды земли)—трехмѣсячное изданіе М. С. Рабенера; также подъ нѣмецкимъ заглавіемъ: Vierteljahrschrift. Hebräisches Organ für Religion und Bildung. Яссы (въ Молдавіи), 1872, 8⁰ (см. Hebräische Bibliographie XIII, 1).

113. Га-Іегуди га-ницхи (вѣчный іудей), также подъ нѣмецкимъ заглавіемъ: Der ewige Iude. Beiträge zur Geschichte des Judenthums—издавался Іосифомъ Когеномъ. Львовъ, 1866, 8⁰ (Hebr. Bibliogr. XIII, 1). Всего вышло четыре тетради, и всѣ онѣ заключаютъ статьи историческаго содержанія.

114. Га-Керемъ I (виноградникъ)—политическій и литературный журналъ, издаваемый Нафталіемъ Леви, Лондонъ, 1878—1879 (см. Евр. Календарь Гурлянда Ш, 91).

115. Га-Керемъ II (виноградникъ) — еженедѣльная газета, издаваемая Юліусомъ Якоби въ Кенигсбергѣ, 1879. Объ этой газетѣ и настоящемъ ея редакторѣ см. Гамелицъ (XV, 790 въ прим.). По той причинѣ, что изданіе это запрещено въ Рос-

---

*) Начало настоящаго очерка было помѣщено въ VII томѣ „Еврейской Библіотеки“.

сіи, я не знаю, сколько нумеровъ этой газеты вышло въ свѣтъ, и выходила-ли она вообще.

116. Га-Меасефъ IV (сборникъ)—ежемѣсячное прибавленіе къ еженедѣльной газетѣ Га-Колъ (см. № 98). Кенигсбергъ, 1879, 8°. Этотъ сборникъ замѣнилъ другое прибавленіе къ той же газетѣ, подъ заглавіемъ Асифатъ хахамимъ (см. № 8). Всего мнѣ случалось видѣть пять выпусковъ за январь—май 1879 года.

117. Махазикей га-датъ (поддерживающіе религію)—названіе собственно одного ортодоксальнаго союза въ Галиціи, старающійся пропагандировать религіозно-консервативныя начала. Союзъ этотъ издаетъ свой органъ, о которомъ идетъ рѣчь въ газетѣ Иврианохи (XVI, № 4, стр. 25), полемизирующей съ органомъ ортодоксовъ. Какое точное заглавіе послѣдняго—нельзя узнать изъ Иврианохи.

118. Минха хадаша (новый подарокъ)—періодическое изданіе, выходившее въ Іерусалимѣ; подробныхъ свѣдѣній объ этомъ изданіи не имѣю (см. Але-гадасъ, № 83, стр. 48).

119. Га-Цофе II (наблюдатель)—названіе журнала, издаваемаго два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціей Абуша Айзнера, Кралевка (въ Галиціи), 1878, 8°. Объ этомъ изданіи мнѣ извѣстно только по объявленію въ еврейско-нѣмецкомъ журналѣ Blumengarten, откуда видно, что означенное изданіе посвящено извѣстіямъ о событіяхъ въ области еврейства, равно какъ и учено-литературнымъ статьямъ.

120. Га-Цофе III (наблюдатель)—періодическое изданіе, выходившее подъ редакціей Гирша Бернштейна, изъ Калваріи, Нью-Іоркъ 1871—1872 (по обязательному сообщенію г-на Х. Л. Маркона изъ Вильны).

121. Га-Циръ (вѣстникъ)—названіе періодическаго изданія въ Галиціи, о которомъ не имѣю обстоятельныхъ свѣдѣній; оно цитируется въ Bibliographisches Lexicon X. Д. Липпе, изъ котораго вышли пока три выпуска.

122. Когелетъ мусаръ (собраніе статей о нравственности)—еженедѣльное изданіе, предпринятое отцомъ новѣйшаго еврейскаго просвѣщенія, философомъ Моисеемъ Мендельсономъ, которое однако прекратилось при самомъ началѣ, ибо всего вышли только два нумера, Берлинъ, 1750, 4° (Bibl. Jud. II, 363).

Лишь черезъ слишкомъ сто лѣтъ стало возможнымъ основать прочное еженедѣльное изданіе на еврейскомъ языкѣ, а именно, газету Гамагидъ (№ 65).

123. Кобецъ ягдилъ тора (сборникъ для распространенія Торы)—изданіе, посвященное раввинамъ и ихъ произведеніямъ по части талмудической литературы и ритуальныхъ подробностей; издается подъ редакціей М. А. Бейленсона въ Одессѣ, 1879, 8°. До сихъ поръ вышли два выпуска, въ которыхъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ раввиновъ, самое дѣятельное участіе принимаетъ Д. Т. Эфратъ изъ Динабурга.

124. Колъ га-торъ (гласъ времени, или гласъ горлицы)—другое названіе журнала Га-торъ (№ 110), и оба названія чередовались попеременно какъ Га-иври и Иври-анохи (Х. Л. Марконъ).

125. Га-шемешъ (солнце)—еженедѣльная газета, издаваемая Г. Л. Готлибомъ, Сигетъ (въ Венгріи), 1878—1879 (см. Евр. Календарь, III, 92).

Поправки.

Къ № 13. Вмѣсто: въ Петербургѣ, чит. въ Пресбургѣ (въ Венгріи).

Къ № 39. Іегуда вирушалаимъ—газета, выходившая подъ редакціей Іоеля Моисея Солимана, Іерусалимъ, 1876 (см. Гамелицъ XV, № 17, ст. 311—312).

Къ № 60. Гамаббитъ—газета эта выходила сначала разъ въ двѣ недѣли, затѣмъ стала выходить еженедѣльно, причемъ, вслѣдствіе австрійскихъ постановленій о печати, №№ газеты назывались поочередно то Гамаббитъ, то Гамаббитъ Леисраель (Х. Л. Марконъ).

Къ № 77. Нога га-яреахъ. По недавнему объявленію въ газетахъ, этотъ журналъ сталъ выходить вновь.

Къ №№ 84 и 99. Га-этъ и Колъ га-этъ составляютъ одно изданіе, выходящее подъ редакціей Шульбаума, и оба названія чередуются поперемѣнно по вышеупомянутой (къ № 60) причинѣ (Х. Л. Марконъ).

Къ №№ 61 и 80. Гамебассеръ и Ганешеръ составляли также одно изданіе какъ и Гамаббитъ и Гамаб-

битъ Леисраель и по той же самой причинѣ (Х. Л. Марконъ).

в) Періодическія изданія, напечатанныя на еврейско-нѣмецкомъ нарѣчіи или на чисто-нѣмецкомъ языкѣ, но еврейскимъ шрифтомъ.

1. Der Blumengarten, zum angenehmen Zeitvertreib (цвѣточный садъ)—двухнедѣльное изданіе, съ иллюстраціями, издаваемое І. Каценеленбогеномъ и Г. Равичемъ, подъ редакціей Стрикса, Львовъ, 1878, 4°. Изъ этого довольно порядочнаго для жаргона изданія вышли всего двѣ тетради по три печатныхъ листа.

2. Dyrhenfurther privilegirte Zeitung (Диренфуртская привилегированная газета)—нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ открыли въ старинномъ переплетѣ второй № газеты подъ означеннымъ названіемъ, и № этотъ датированъ: пятница, 9-го декабря 1771 года по Р. Х. (Hebr. Bibliogr. 16, 64).

3. Der Grosse Schauplatz (великое зрѣлище), lust-und lehrreiche auch traurige und wunderliche Geschichten — беллетристическій журналъ, издававшійся въ пятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія Веніаминомъ Кронебургомъ въ Нейвидѣ (въ Германіи); см. Ben-Chananja IV, 16; H. B. 1. 6. XV, 63.

4. Га-іоэцъ либне Израиль бе-Руманіе (совѣтникъ румынскихъ евреевъ)—издается два раза въ недѣлю, Букарестъ, 1874—1879, f°.

5. Historisches Magazin für Verstand und Herz (историческій магазинъ для ума и сердца) — издавался въ Мецѣ (въ Лотарингіи) въ 1821 году. Въ библіотекѣ Розенталя, въ Амстердамѣ, находятся два выпуска этого изданія, 8° (см. каталогъ Руста, I,77).

6. Königsberger Israelit I (Кенигсбергскій Израильтянинъ) —изданіе, проектированное въ 1879 году Юліусомъ Якоби въ Кенигсбергѣ, взамѣнъ прекратившагося Колъ Лаамъ. Настоящимъ же издателемъ былъ М. Л. Родкинсонъ (см. Гамелицъ XV, 790). Вышло ли что-нибудь изъ этого изданія, кромѣ объявленій, мнѣ неизвѣстно.

7. Londoner Israelit II (Лондонскій Израильтянинъ) — издается Н. Леви, Лондонъ, 1879 (см. Евр. Календарь Гурлянда, III, 92).

8. Wiener Israelit III (Вѣнскій израильтянинъ), Organ für Politik und finanzielle Interessen — издается В. Вейсомъ, Вѣна, 1863—1879, f°. Видѣнный мною № (1-го марта 1876 года) помѣченъ № 26 четырнадцатаго года, и тамъ сказано, что газета эта выходитъ три раза въ недѣлю.

9. Der Israelitische Neuigkeitsbote (Израильтянскій вѣстникъ новостей)—еженедѣльная газета, выходящая въ Пештѣ, 1878—1879 (Евр. Кал. Гурлянда, тамъ-же).

10. Die Israelitische Presse (Израильтянская пресса)—еженедѣльная газета, издаваемая Н. Б. Эттелсономъ и С. А. Маркусомъ, Чикаго, 1877—1879, f°. Въ этой газетѣ находится отдѣлъ на древне-еврейскомъ языкѣ, подъ названіемъ Гехалъ га-ибрія (см. А, № 32).

11. Га-Исреели (Израильтянинъ) — еженедѣльная газета, издаваемая Іехіелемъ Брилемъ, Майнцъ, 1873 (?)—1879, 4°. Газета эта выходитъ вмѣстѣ съ древне-еврейской газетой Галеванонъ (см. А. 53).

12. Jüdische Gazetten (еврейскія газеты)—издается еженедѣльно Катріелемъ Сарасономъ въ Нью-Іоркѣ, 1877—1879 (? Евр. Кал. 92).

13. Jüdische Monatsschrift (еврейскій ежемѣсячникъ) —названіе изданія, выходившаго подъ редакціей цѣлаго общества въ Прагѣ (чеш.) и печатавшагося въ Брюннѣ (Моравіи), 1802, 8°. Описаніе этого изданія находится въ Ben-Chananja (годъ I, 1858, p. 287—288), гдѣ между прочимъ сказано, что статьи въ означенномъ изданіи писались еврейскимъ шрифтомъ, но на чисто-нѣмецкомъ языкѣ. Впрочемъ, въ немъ помѣщены также и стихотворенія на древне-еврейскомъ языкѣ.

14. Die Jüdishe Post (еврейская почта), das ist eine politische und kaufmännische Zeitung—газета, выходившая въ Львовѣ (въ Галиціи) въ 1850 году (см. Orient XI, 124).

15. Der Jüdische Telegraph (еврейскій телеграфъ)—еженедѣльная газета, издаваемая въ Букарестѣ, 1877—78 (? Евр. Кал. 92).

16. Jüdische Volkszeitung (еврейская народная газета) — выходитъ еженедѣльно, подъ редакціей Г. Ландау и М. Тополевскаго, Нью-Іоркъ, 1878—79, f° (см. H. B. 18,73).

17. Jüdische Zeitung (еврейская газета)—еженедѣльное

изданіе, выходившее (и выходящее ?) подъ редакціей С. Л. Кугеля, Львовъ, 1862—1871 (1879 ? см. Н. В. 10,149. 11,2).

18. Keren Tuschija (рогъ или сила ученія), Zeitschrift für die reifere Jugend, zur Beförderung der Sittlichkeit und Moralität — изданіе Геймана Швабахера, Фюртъ, 1817, 8° (Cat. Zedner 688, Cat. Rosenthal 1058, Н. В. 15, 64).

19. Колъ Лаамъ (голосъ [взывающій] къ народу) — еженедѣльная газета, издававшаяся вмѣстѣ съ газетой Га-Колъ (см. А. № 98) М. Л. Родкинсономъ, Кенигсбергъ, 1877—1879, 4°.

20. Колъ Мебасеръ (возвѣщающій гласъ) — еженедѣльная газета, издававшаяся при газетѣ Га-Мелицъ (см. А. № 74) А. Цедербаумомъ и И. Гольденблюмомъ, Одесса, 1863—1871, 4°.

21. Коротъ га-иттимъ (происшествія временъ) — газета, издававшаяся по два раза въ недѣлю Ицикомъ Зингеромъ, Яссы, 1856—1858, f° (см. Н. В. I, 27).

22. Der Kuriöser Antiquarius (курьезный антикварій), das ist allerhand auserlesene geographisch (sic) und historischer Merkwürdigkeiten, so in denen europäischen Ländern (Frankreich, England, Schottland, Niederland, Deutschland) zu finden, aus berühmter Männer Reisen zusammengetragen, aus bewährte Autores von Wort zu Wort auf Iehudit (jüdisch) zum ersten Mal übersetzt. Издалъ Веніаминъ Кронебургъ, Нейвидъ на Рейнѣ, 1752, 8°. Издатель тотъ же самый, который впослѣдствіи издавалъ Der grosse Schauplatz (см. выше № 3), а первую его попытку правильнѣе назвать историко-географическимъ сборникомъ, чѣмъ періодическимъ изданіемъ (Cat. Zedner 796, Cat. Ros. 67, Н. В. 15, 64).

23. Der Leitstern (путеводная звѣзда) — періодическое изданіе, выходившее въ 1865—1866 гг. въ Кашау, въ Венгріи (см. Allgemeine Zeitung des Judenthums, за 1866, № 6, стр. 82).

24. Sabbat-Obst (субботніе плоды) — названіе сатирическаго изданія М. Н. Л. и И. Л. Ц., Яссы, 1878 (? Еврейскій Кал. 92).

25. Schewes Achim (совмѣстное пребываніе братьевъ)— еженедѣльная газета консервативнаго направленія, издаваемая ортодоксальнымъ союзомъ въ Венгріи, подъ редакціей И. Рейха, Рештъ, 1871—1879, f° (см. Н. В. 15,52. 16,75. Иври анохи 16,25).

26. Га-Шофаръ (труба), также подъ англійскимъ заглавіемъ The Trumpet, weekly newspaper—еженедѣльная газета, издававшаяся подъ редакціей Самуила Дистилятора, Лондонъ, 1874, f°. Видѣнный мною № 7 датированъ 13 марта (нов. ст.) 1874, а сколько ихъ вышло—мнѣ неизвѣстно.

27. Wiener jüdischer Kikeriki (Вѣнскій еврейскій Кикерики) - названіе сатирическаго двухнедѣльнаго изданія, подъ редакціей Beke (псевдонимъ), Вѣна, 1876—1879, f.

28. Zeitung I (газета) — названіе еженедѣльнаго изданія, выходившаго подъ редакціей Авраама Спира, Мецъ, 1789—1790. Объ этомъ изданіи мнѣ извѣстно только изъ Revue Orientale Кармоли (III, 284), гдѣ оно названо „un journal politique hebdomadaire en caracterès hebräiques".

29. Zeitung II (газета) — еженедѣльное политическое изданіе, выходившее подъ редакціей А. Мадфиса, Львовъ, 1848, 4°. По свидѣтельству Orient'a (IX, 302), газета эта имѣла демократическое направленіе.

30. Zeitung aus India (газета изъ Индіи), также подъ португальскимъ заглавіемъ Notisias, Амстердамъ, 1667, 8°. Несмотря на свое заглавіе, это изданіе собственно не было періодическимъ, и слово газета очевидно было употреблено въ смыслѣ новостей, извѣстій (см. Cat. Bodl. 1980, но это первое употребленіе слово Zeitung въ еврейскомъ шрифтѣ (см. Н. В. 15,63).

bb) Періодическія изданія, напечатанныя на еврейско-испанскомъ (называется также спаньольскимъ) нарѣчіи, но еврейскимъ шрифтомъ.

1. El Correo di Vienna (Вѣнскій вѣстникъ)—издавался (или издается еще?) подъ редакціей А. Семо, Вѣна, 1877—1878 (см. Jüdisches Literaturblatt, 7,44). Можетъ быть выходитъ понынѣ.

2. El Dragoman (толмачъ)—двухнедѣльное изданіе, выходившее подъ редакціей Іосифа Кальво, Вѣна, 1865, f° (Н. В. 8,105).

3. La Epoca (эпоха)—еженедѣльное изданіе, выходящее подъ редакціей Саади Галеви, Салоники, 1876—1878, 8° (см. Jüd. Lit. тамъ же, Н. В. 16,121). Можетъ быть выходитъ понынѣ.

4. La Esperanza (надежда)—еженедѣльная газета, издаваемая Арономъ Хазаномъ, Смирна, 1875—1879, f° (Н. В. 16,122. J. L. ibid.).

5. La Guerta (Huerta) di Historia (историческій садъ)—ежемѣсячное изданіе А. Семо, Вѣна, 1877 (см. J. L. ibid.). Можетъ быть выходитъ понынѣ.

6. Journal Israelith (израильскій журналъ)—періодическое изданіе, выходившее въ 1865 году; см. Jewish Chronicle за означенный годъ № 572, стр. 5.

7. El National (національный)—названіе газеты, выходящей три раза въ недѣлю, подъ редакціей Давида Фреско, Константинополь, 1877—1878 (? см. Lüd. Jit. ibid.).

8. La Politica (политика)—еженедѣльное изданіе вышеназваннаго А. Семо, Вѣна, 1877—1878 (? J. L. ibid.).

9. El Progresso (прогрессъ)—ежедневная газета, издаваемая подъ редакціей Бехора Молько, Константинополь, 1876, f° (Н. В. 16,122). Можетъ быть выходитъ понынѣ.

10. Risi-bisi (пилюли для смѣха?) — юмористическій еженедѣльникъ, изданный въ 60-хъ годахъ покойнымъ Іосифомъ Кальво, Вѣна (см. № 2; J. L. ibid.).

11. El Tiempo (время)—періодическое изданіе, выходившее по три раза въ недѣлю, подъ редакціей Хаима Кармоны, Константинополь, 1872—1876, 8° (см. Н. В. 16, 122. J. L. ibid.). Можетъ быть выходитъ понынѣ.

B. Періодическія изданія и литературные сборники на русскомъ языкѣ.

1. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ, газета еженедѣльная, издававшаяся съ значительными перерывами А. Цедербаумомъ и д-ромъ И. Гольденблюмомъ, С.-Петербургъ, 1871—1873, 4°, три года, изъ коихъ послѣдній не доконченъ. Въ редакціи этого изданія принимали участіе въ разное время Е. П. Карновичъ, Д. Гирсъ, О. Нотовичъ и др.

2. Гакармель, еженедѣльное прибавленіе къ еврейскому журналу того же имени (см. А. № 52), издаваемому С. І. Финомъ, Вильна, 1860—1869, 4°. Журналъ этотъ, и особенно русское приложеніе его, выходилъ весьма неаккуратно, причемъ въ первые два года русское приложеніе иногда, хотя и рѣдко, замѣнялось нѣмецкимъ. Въ редактированіи русскаго приложенія въ разное время принимали участіе О. Воль, Г. Вербловскій, І. Герштейнъ, Л. Леванда, А. Пумпянскій и др.

3. День, органъ русскихъ евреевъ, еженедѣльная газета, издававшаяся подъ редакціей С. Орнштейна, Одесса, 1869—1871, 4°, три года, изъ коихъ первый и послѣдній неполны. Главными сотрудниками этого изданія были И. Г. Оршанскій М. Г. Моргулисъ, А. Е. Ландау и др.

4. Еврейская Библіотека, историко-литературный сборникъ, издаваемый подъ редакціей А. Е. Ландау, С.-Петербургъ, 1871—1879, 8°. До сихъ поръ вышло семь томовъ, въ коихъ, кромѣ издателя, принимали участіе С. А. Бершадскій, Бенъ-Іосифъ (псевдонимъ), Г. И. Богровъ, Э. К. Ватсонъ, П. И. Вейнбергъ, А. Я. Гаркави, Л. О. Гордонъ, Л. О. Леванда, Л. І. Мандельштамъ, Д. Д. Минаевъ, В. И. Межовъ, М. Г. Моргулисъ, В. Н. Никитинъ, И. Г. Оршанскій, В. В. Стасовъ и мн. др.

5. Еврейскій Календарь на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, составляемый І. И. Гурляндомъ, годъ первый (Житоміръ, 1877?), годъ второй, Варшава, 1878, годъ третій С.-Петербургъ, 1879, 8°. Кромѣ собственно календарныхъ свѣдѣній, прибавлены различныя извѣстія, „касающіяся евреевъ и еврейства, какъ въ Россіи, такъ и за границей".

6. Разсвѣтъ I, органъ русскихъ евреевъ, еженедѣльная газета, издававшаяся сначала подъ редакціей О. А. Рабиновича и І. Тарнополя, а затѣмъ подъ редакціей одного перваго, Одесса, 1860—1861, 4°. Этотъ первый еврейскій органъ на русскомъ языкѣ имѣлъ многихъ сотрудниковъ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи и одного заграничнаго, въ лицѣ извѣстнаго историка І. М. Іоста. Главнѣйшими сотрудниками въ Россіи были А. И. Георгіевскій, Л. О. Леванда, М. Е. Соловейчикъ, И. С. Финкель и др.

7. Разсвѣтъ II, органъ русскихъ евреевъ, еженедѣльное изданіе, выходящее при участіи Г. И. Богрова, М. С. Варшавскаго, Н. М. Виленкина, Г. Б. Ительсона, М. И. Кулишера, П. Я. Левенсона, И. Г. Оршанскаго и Я. Л. Розенфельда, а издателями состоятъ А. О. Цедербаумъ и д-ръ Гольденблюмъ, С.-Петербургъ, 1879, 4°.

8. Русскій Еврей, еженедѣльное изданіе, выходящее подъ редакціей Л. И. Бермана и Г. М. Рабиновича, С.-Петербургъ, 1879, 4°. Главными сотрудниками состоятъ: Ф. Гетцъ, Л. О. Леванда, Г. М. Рабиновичъ, А. Шкляревскій и др.

9. Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ, издаваемый обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, С.-Петербургъ, 1866—1867, 8°; всего вышло два выпуска, заключающіе въ себѣ статьи Е. Б. Левина, М. Г. Моргулиса, И. Г. Оршанскаго, Д. А. Хвольсона и А. Я. Гаркави.

10. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, еженедѣльная газета выходившая сначала подъ редакціей Е. Соловейчика и Бернштейна, а потомъ послѣдняго замѣнилъ Л. С. Пинскеръ, Одесса, 1861—1862, 4°. Этотъ органъ служилъ продолженіемъ Разсвѣта I, и выходилъ при сотрудничествѣ почти тѣхъ же лицъ (вм. А. И. Георгіевскаго вступили А. А. Гатцукъ и Ф. Леонтовичъ) только журналъ получилъ характеръ болѣе научно-историческій, чѣмъ современный.

С. Періодическія изданія на польскомъ языкѣ.

1. Jutrzenka, tygodnik dla Izraelitow polskich (Заря, еженедѣльникъ для польскихъ евреевъ) — газета эта выходила подъ редакціей Даніила Нейфельда, Варшава, 1861—1862, 4°.

2. Izraelita, pismo tygodniowe, poswiecone interessom judaizmu (Израильтянинъ, еженедѣльная газета, посвященная интересамъ іудейства) — изданіе это выходитъ подъ редакціей С. Г. Пельтына, Варшава, 1866—1879, 4°.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ

ПРІОБРѢВШИХЪ

VII томъ „Еврейской Библіотеки".

Аккерманъ.

1. Гринштейнъ, И.

Александрія, (Херс. губ.).

2. Гуревичъ, Г.

Балта.

3. Призантъ, А.

Бахмутъ.

4. Малкинъ, Я. Л.
5. Пеньяковъ, И. А.

Бердичевъ.

6. Пессисъ, Х.

Богуславъ.

7. Лоева, Ольга.
8. Лоевъ, Ов. М.

Варшава.

9. Зильберштейнъ, I. А.

Вильно.

10. Дикъ.
11-30. Сыркинъ, А. Г. книг.

Винница.

31-36. Энгельштейнъ, П. книг.

Волочискъ.

37. Кригсгаберъ, С.

Воронежъ.

38. Майзель, Г. А.
39. Малкинъ, Л. Г.
40. Розенбергъ, С. С.

Гродно.

41. Гурвичъ, О. Я.
42-46. Эльяшовъ. М. М.

Дисна.

47. Іоффе, Д. Б.

Дмитровка, по Л.-Р. ж. д.

48. Рабиновичъ, Б. С.

Екатеринославъ.

Чрезъ С. М. Станиславскаго.

49. Вербовъ, Х. А.
50. Городыскій.
51. Грузенбергъ.

52. Дукельскій.
53. Дубинскій, М. И.
54. Залевскій, Р. М.
55. Копуловъ.
56. Липавскій, Е. А.
57. Липскій, А.
58. Майданскій, М. В.
59. Минцъ, А. Н.
60. Мошкевичъ.
61. Полонскій, Я.
62. Сандомірскій, А. С.
63. Синайскій, С.
64. Уманскій, А. Я.
65-66. Хмѣльницкій, Л. Я.
67-68. Штейнъ, А. Б.
69. Щидровичъ.

Елисаветградъ.

70. Горфинкель, С. М.

Житомiръ.

71. Биншток, Л. М.
72. Виноградъ, Г.
73. Гаммерманъ, С.
74. Гаммерманъ, Ш.
75. Готесманъ, О.
76. Гурляндъ, І. И.
77. Кулишеръ, И.
78. Лурье, И.
79. Розенбергъ, И.
80. Хатавнеръ.
81. Холоденко Мих.
82. Холоденко Моис.
83. Чернобыльскій, И.

Иркутскъ.

84. Каминеръ, Л. Б.

Казань.

85-86. Ратнеръ, А. И.
87. Венеціановъ, С.

Керчь.

88-112. Чрезъ П. Диккера.

Кишиневъ.

113. Бернштейнъ, Б.
114. Бѣлый, Л.
115. Гендельманъ.
116. Гринбергъ, А.
117. Гринфельдъ, Г.
118. Дынинъ, А.
119. Еврейская больница.
120. Іоэльзонъ, А.
121. Калихманъ, Б.
122. Когонъ, Х.
123. Лившичъ, І.
124. Лившичъ, С.
125. Лихтманъ, С.
126. Ліонъ, А.
127. Мошкауцанъ.
128. Перцынъ, В.
129. Рейдель, Л.
130. Слуцкій д-ръ.
131. Френкель.
132. Харикъ.
133. Шапира, М.
134. Эфруси, І.

Кіевъ.

135-152. Чрезъ г. Гольденберга.
153-154. Мендельсонъ, С
155-172. Оглоблинъ кн. маг.

Ковно.

173. Абельманъ, Л.
174. Бахрахъ, Л.
175. Вольфъ, И.
176. Гродзенскій. М.
177. Мееровичъ д-ръ.
178. Пахманъ Б.
179. Рабиновичъ, А.
180. Ритевскій.
181. Соловейчикъ, А.
182. Файнбергъ д-ръ.
183. Франкъ, Л.
184. Фридманъ д-ръ.
185. Фрумкинъ, В.
186. Фрумкинъ, И.
187. Шапиръ, д-ръ.
188. Эдельманъ.

М. Кореличъ. Минск. губ.

189. Слободскій, И.

М. Корецъ, Вол. губ.

190. Вайнштокъ, В.
191. Вайнштокъ, М.
192. Гершенгорнъ, И.

Кременецъ.

193. Прилуцкій Г.

Ландворово, Вил. губ.

194. Фрумкинъ.

Либава.

195. Ландау, Г. В.
196. Ростовскій, Л.

Лодзь.

197. Киссинъ, М.
198. Дирекція училищъ.

Маріуполь.

199-209. Чрезъ Л. С. Дана.

С. Маяки, Херс. губ.

210. Ицковичъ, Д. Л.
211. Ицковичъ, О. Л.

Мелитополь.

212. Бершацкій, А. О.
213. Бершацкій, С. А.
214. Гиммельфарбъ. Ф. В.
215. Кагорлицкій, М. Е.
216. Каменскій, А. В.
217. Кипенъ, А. М.
218. Леви, И. С.
219. Лемпертъ, З. М.
220. Либерманъ, А. Л.
221. Мадіевскіе, Бр.
222. Раммъ, Б. И.
223. Рейзинъ, И. Б.
224. Розенталь, С. А.
225. Скловскій, А. И.
226. Топерверхъ, Б. В.
227. Хохловкинъ, Б. М.
228. Черномордикъ, И. С.
229. Шпиндлеръ, Я. М.
230. Шустерманъ, Я Г.

Меджибужье, Под. губ.

231. Гойхбаргъ, Ж.

Минскъ.

232. Гинцбургъ, М. Л.
233. Эліасбергъ, С. Л.

Миргородъ.

234. Эпельбаумъ, Б.

С. Михайловка, Тавр. губ.

235. Вургафтъ, Л. О.
236. Пятовскій, Л.
237. Ратнеръ, Х.
238. Серебрянниковъ.

Москва.

239. Беркенгеймъ.
240. Гранатъ, І.
241-260. чрезъ Б. А. Каминки.

Муромъ.

261. Пескинъ, М. Я.

Николаевъ.

262. Зеленецкій, М.
263. Идельсонъ, А.

Одесса.

264. Кругликовъ, А. Б.
265-266. Общество прикащиковъ евреевъ.
267. Піотровскій.
268-467. Чрезъ М. Г. Моргулиса.

Оренбургъ.

468. Вейсбергъ.
469. Горинъ, Д.

Орша.

470. Биндлеръ, М.

Острогожскъ.

471 Браунштейнъ, М.

Острогъ, Вол. губ.

472. Зусьманъ, С. М.

С. Павловка Екат. губ.

473. Дворкиндъ, Б. И.

Пенза.

474. Рясенцовъ, А. А.

Переяславль.

475. Рабиновичъ, С. Н.

Петербургъ.

476. Антикъ.
477-478. Архиповъ, книг.
479-480. Вишневецкій.
481. Блохъ. В. В.
482. Дикъ.
483-492. Бортневскій кн. маг
493. Вольфзонъ, К. М.
494. Габриловичъ, Е. О.
495. Габриловичъ, И. А.
496. Габриловичъ, С. О.
497-699. Гинцбургъ, Г. О.
700-701. Голландтъ.
702-711. Глизенапъ Кн. М.
712. Гольденбергъ, М. Д.
713. Гуровичъ, Н. М.
714. Закъ, А. И.
715-718. Кехрибарджи Кн. М.
719. Колесовъ.
720. Коробковъ, И. А.
721. Коробковъ, М. А.
722. Левинсонъ, И.
723. Левинсонъ, С. В.
724. Малисъ, Д. Г.
725-774. Малкіель, И. М.
775. Мышъ, М. И.
776-825. „Новое время“, Кн. Магаз.
826-875. Общество для распространенія просвѣщенія между евреями.
876-975. Поляковъ, С. С.
976. Рейхзелигманъ, С.
977-996. Стасюлевичъ, Кн. М.
997. Тиктинъ, Г. А.
998. Троцкій, С. М.
999-1018. Фридландъ, Л. П.
1019-1048. Фридландъ, М. П.
1049-1050. Библіотека Черкесова.
1051. Штернъ, М.
1052. Штризеверъ.
1053. Мушкатъ, М.

Пинскъ.

1054-1063. Лурье, А. М.

Пропойскъ.

1064. Брамина Софія.

Рига.

1065. Пумлянскій, А.
1066. Шалитъ, Л.

Ростовъ на Дону.

1067. Авербахъ, I. И.
1068-1069. Волкенштейнъ, I.
1170. Гнѣсинъ, Ф. О.
1071. Гордонъ, А. Н.
1072. Гуревичъ, С. Е.
1073. Елыскеръ, М. О.
1074. Зелекманъ, И. Г.
1075. Идельсонъ, Р. Х.
1076. Коганъ, Г. Е.
1077. Лившицъ, Б. М.
1078. Луцкій, А. О.
1079. Рипенбергъ, И. А.
1080. Рейнгердъ, А. Г.
1081. Файнъ, М. Е.

Рубановка.

1082. Литинскій, А.

Рыбинскъ.

1083-1084. Авербахъ, И. О. З.
1085. Файнбергъ, Д. Ф.

Рѣжица Вит. губ.

1086. Захеръ, В. Д.
1087. Левинъ, З.
1088. Рывошъ. Х.

Ряжскъ.

1089. Левъ, А. Л.

Самара.

1090. Айзенштейнъ, В. Г.
1091. Бѣлоцерковскій, Ф. К.
1092. Волкенштейнъ, I.
1093. Гиршфельдъ.
1094. Зелигманъ, Л.
1095. Каневскій, Б. С.
1096. Копеллянскій, Д. М.
1097. Норманъ, Б. С.
1098. Селикъ, А. Г.
1099. Тейтель, Я. Л.
1100. Шефтель, М. Г.

Симферополь.

1101. Сахаровъ, М.

Скопинъ.

1102. Капланъ, И. Ѳ.

Слуцкъ.

1103-1105. Рубиновичъ, Ф.

Староконстантиновъ.

1106. Красносельскій, П. Б.

Таганрогъ.

1107. Рессеръ, С. И.

Таращa.

1108. Борхманъ, Л. К.
1109. Лоевъ. О. М.

Тельши.

1110. Берманъ, Е.
1111. Нафталинъ, Ц.
1112. Ростовскій, Д.
1113. Ростовскій, Л.
1114. Хазановичъ.

Томскъ.

1115. Манасевичъ, Ф. И.
1116. Петровъ, И. А.
1117. Цибульскій, З. М.

Трудовая.

1118. Теплинскій, В. М.

Уфа.

1119. Хволлосъ, М. И.

Шавли.

1120. Карновскій, д-ръ.

Шкловъ.

1121. Пескинъ, Я.

Списокъ подписчикамъ на VIII томъ будетъ помѣщенъ въ IX т.

ПРИ ТИПОГРАФІИ

А. Е. ЛАНДАУ.

Площадь Большаго Театра, д. № 2—32.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

находится главный складъ слѣдующихъ изданій, продающихся также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и др.

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ

Г. И. Богрова.

Содержаніе: Часть I. Отецъ и его покровитель. — Страданіе дѣтства. — Предковъ обвиняли, а дѣти въ отвѣтѣ.—Любовь, отражающаяся на пейсикахъ.—Бѣдный Ерухимъ.—Высшій классъ.—Кто сильнѣе: холера или цадикъ. –Баголесъ (смуты).—Первая Побѣда мысли.—Кабинетъ и университетъ.—Кабачный принцъ и музыка.—Два брака.

Часть II. Новая обстановка.—Первые шипы розы.—Музыкальная теща.—Свой Хлѣбъ.—Единственный.—Изъ огня да въ полымя.—Кто виноватъ.—Отецъ и сынъ.—Медвѣжья услуга судьбы.—Похожденія Іерухима.—Жена или тюрьма.

Цѣна 3 руб.

ЕВРЕЙСКІЙ МАНУСКРИПТЪ

Г. И. Богрова.

Содержаніе: Предисловіе.—I. Историческій квартетъ.—II. Необыкновенный подарокъ.— III. Три Коршуна.—IV. Смѣлый наѣздникъ — V. Панская рассказва.—VI Старая рана.—VII. Бой пауковъ.—VIII. Исторія Мухи.—IX. Услуга за услугу.—X. За ягненкомъ волки.—XI. Катастрофа.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОВѢСТИ

А. Бернштейна.

Содержаніе: I. Мендель Гибборъ.—II. Фейгеле Маггидъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Цѣна 1 руб.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

„РАЗСВѢТЪ"

въ 1880 году.

Успѣхъ и сочувствіе, выпавшіе на долю „Разсвѣта", даютъ право предполагать, что изданіе это удовлетворяетъ потребностямъ и стремленіямъ русскаго еврейства. Въ 1880 году „Разсвѣтъ" издается по прежней программѣ, при прежнемъ составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, неуклонно преслѣдуя цѣли, намѣченныя до сихъ поръ. Редакція „Разсвѣта" имѣетъ полное основаніе надѣяться, что читающая публика отнесется къ нему въ будущемъ съ тѣмъ-же сочувствіемъ, которое положило прочное основаніе изданію, предпринятому единственно съ искреннымъ желаніемъ послужить общему благу.

Вслѣдствіе поступившихъ отъ читателей „Разсвѣта" требованій, Редакція сдѣлала отдѣлъ политическій постояннымъ. Кромѣ того, Редакція нашла нужнымъ открыть въ газетѣ отдѣлъ „за недѣлю", который посвящается разбору текущихъ вопросовъ и событій въ области экономической и общественной жизни евреевъ. Библіографическій отдѣлъ усиленъ.

Адресъ редакціи: Спб., Литейный пр., д. № 11, кв. № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ пересылкою и доставкою въ Россіи	7 р. — к.	За границею	10 р.
„ ½ года „ „ „ „ „ „	4 „ — „	„ „	6 „
„ 3 мѣсяца „ „ „ „ „ „	2 „ 50 „	„ „	4 „

Желающіе получить всѣ вышедшіе въ 1879 г. нумера приплачиваютъ съ пересылкою и доставкою въ Россіи 2 р. 50 к., за границу 4 руб.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: 3 р. при подпискѣ, 2 р. чрезъ 3 мѣсяца послѣ подписки и 2 р. чрезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки.—Учащіе и учащіеся пользуются уступкою 20 проц. лишь въ томъ случаѣ, если подписка произведена непосредственно чрезъ Главную Контору.—Отдѣльные нумера продаются по 15 к.—За перемѣну адреса подписчикъ вноситъ 25 к. — Объявленія оплачиваются по занимаемому ими мѣсту. Цѣна за строку петита 10 к. — Книгопродавцамъ дѣлается уступка 10 проц. съ подписной платы, а также съ платы за объявленія. Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ нумеровъ, Контора покорнѣйше проситъ, при возобновленіи подписки, выслать бандероль или по крайней мѣрѣ, сообщить нумеръ означенный на бандероли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ды.—IX. Вѣкъ пережить — не поле перейти. (Изъ разсказовъ отставнаго солдата). **В. Никитина**.—X. Вольтеръ и евреи. (По Грецу). **И. Бейлина**. — XI. Современная еврейская беллетристика **А. Ковнера**. — XII. Статистика евреевъ въ Австріи. **И. Кауфмана**.—XIII. По неволѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ „Голосъ" **Л. Гордона**.—XIV. Своеобразное положеніе еврейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. **А. Л.**—XV. Библіографія еврейскаго вопроса. **В. Межова**.

СОДЕРЖАНІЕ V-го ТОМА.

I. Отъ издателя.—II. Іуда Маккавей. Драма Лонгфелло. **Петра Вейнберга**.—III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. **В. Стасова**. — IV. Искатель счастья. Разсказъ. **В. Никитина**. — V. Еврейскій вопросъ и интересы Россіи. ***. — IV. Притча. Съ нѣмецкаго. Стихотвореніе. **Петра Вейнберга**.—VII. Русское законодательство о евреяхъ. **И. Оршанскаго**.—VIII. Школобоязнь. Очеркъ прошлаго. **Л. Леванды**. — IX. Планъ реформы польскихъ евреевъ. **Б. Павловича**.—X. Присяга и ея разрѣшеніе. **И. Шершевскаго**.— XI. Національность. Рабство. Положеніе женщинъ. **А. Гейгера**. — XII. Авраамъ Гейгеръ. **Бертольда Ауэрбаха**.—XIII. Къ предъидущей статьѣ. **А. Л.** XIV. По поводу перевода Натана Мудраго. **В. Стасова**. XV. Значеніе Лессинга для евреевъ. **А. Л.** — XVI. Евреи въ Вѣнѣ. **А. Л.**—XVII. Л. И. Линкинъ. Некрологъ. X.—XVIII. Циркуляръ Кіевскаго генералъ-губернатора. **А. Л.** XIX. Библіографія еврейскаго вопроса. **В. Межова**.

СОДЕРЖАНІЕ VI-го ТОМА.

I. Илья Григорьевичъ Оршанскій. Біографическій очеркъ. ***. — II. Къ предъидущей статьѣ. **А. Л.** — III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. **В. В. Стасова**.—IV. Римское Гетто. Изъ воспоминаній Э. Кастелара **Петра Вейнберга**. — V. Исторія выключки. **И. Оршанскаго**.—VI. Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики. **В. Рошера**. — VII. Коробочный сборъ **М. Маргулиса**.—VIII. Мордахей Іерусалеми. **Г. Богрова**. — IX. Взглядъ на юридическое положеніе евреевъ въ Россіи и за границей. **Л. С—кій**. — X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ. **М. Шлейдена**.—XI Безъ надписи. Разсказъ. **К. Францоза**.—XII. Дитя искупленія. Разсказъ. **К. Францоза**.—XIII. Карлъ Эмиль Францозъ **А. Л.**—XIV. Наши домашнія дѣла. Письмо изъ сѣверозападнаго края. **IV**. — VX. Христіане въ защиту евреевъ. **Л. Л.** — XVI. Памятникъ И. Г. Оршанскому. **В. Стасова**.—XVII. Замѣтки: 1) Берлинскій конгрессъ. **А. Л.** 2) Отзывы нашей печати объ иностранныхъ евреяхъ. **А. Л.** 3) Одному изъ нашихъ судей. **А. Л.** — XVIII. Judaica. Библіографическое сообщеніе. **А. Гаркави**.—XIX. Объявленія.

При этомъ томѣ полагается портретъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго.

СОДЕРЖАНІЕ VII-го ТОМА.

I. Отъ издателя. — II. Опытъ новой постановки нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ. **С. А. Бершадскаго**. — III. Подражаніе Исаіи. Стихотвореніе. **Графа А. Голенищева-Кутузова**. — IV. Изъ романа: „Походъ въ Колхиду" **Л. О. Леванды**.—V. Шейлокъ изъ Барнова, въ перев. **А. Н. Плещеева**. — VI. Обзоръ законодательства относительно евреевъ за послѣднее десятилѣтіе. **Я. Л. Резенфельда**.—VII. Хазарскія письма. **А. Я. Гаркави**. — VIII. Изъ средневѣковой жизни евреевъ **Э. К. Ватсона**.—IX. Священное присутствіе и его религіозные акты. **А. Е. Ландау**. — X. Послѣ всемірной выставки **В. В. Стасова**. — XI. Обозрѣніе древне-еврейской журналистики и литературы **Бенъ-Іосифа**.—XII. Кутаисское дѣло. Стенографическій отчетъ.—XIII. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Съ предисловіемъ. **С. А. Бершадскаго**. — XIV. Еврейская періодическая печать и литературные сборники **А. Я. Гаркави**.— XV. Объявленія.

Цѣна каждому тому 2 р. 50 к.